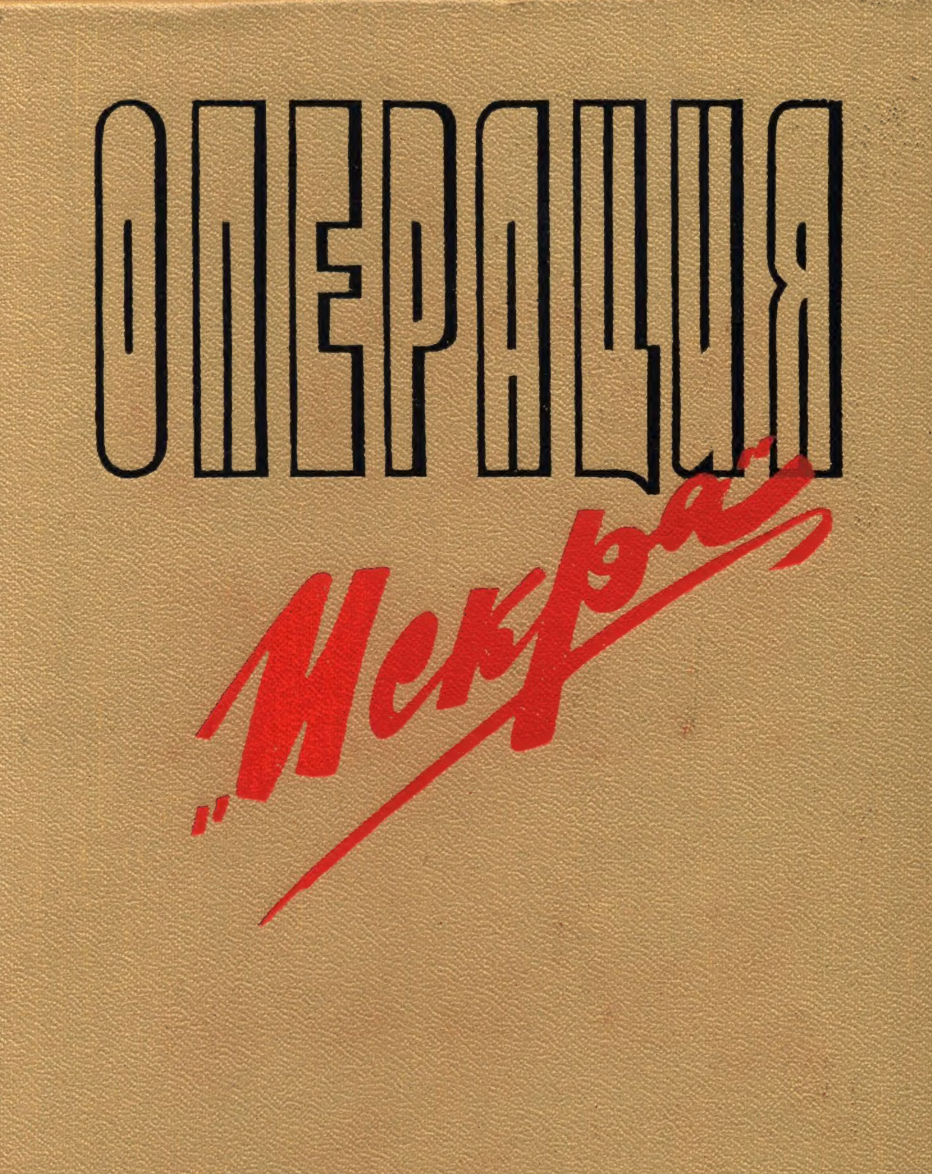

ОПЕРАЦИЯ
„Искра"

ЛЕНИНГРАД
1941 · 1945

Воспоминания, очерки, стихи, отрывки из дневников, документы, посвященные прорыву блокады Ленинграда

ОПЕРАЦИЯ „ИСКРА"

ЛЕНИЗДАТ · 1973

9(С) 272
Б —77

Составители
С. М. Бойцов и С. Н. Борщев

$\frac{1122-136}{М171(03)-73}$ 57—73

Г. К. Жуков

Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, с 11 сентября по 10 октября 1941 года командующий Ленинградским фронтом, в январе 1943 года представитель Ставки Верховного Главнокомандования по координации действий Ленинградского и Волховского фронтов при проведении операции по прорыву блокады

В БОРЬБЕ ЗА ГОРОД ЛЕНИНА

Девятого сентября 1941 года я был вызван к И. В. Сталину из района города Ельни, где наши войска нанесли успешный контрудар по большой группировке противника.

И. В. Сталин принял меня приветливо.

— Ничего получилось, — сказал он. — Вы были правы, когда предлагали ликвидировать опасный для Москвы ельнинский выступ. Хотим вас направить на другой фронт.

— На какой?

— В крайне тяжелом положении Ленинград. Когда вы можете туда выехать?

— Немедленно.

Прощаясь со мной, Верховный сказал:

— Вот записка. Вручите ее Ворошилову. Приказ о вашем назначении получите, когда прибудете в Ленинград.

В записке К. Е. Ворошилову значилось: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

Ленинград — колыбель пролетарской революции, город, с которым неразрывно связано много лет жизни и кипучей деятельности В. И. Ленина, особенно дорог сердцу каждого советского человека. С первых лет Великого Октября Ленинград играл большую роль в экономическом развитии нашей Родины. С ленинградских предприятий во все районы страны шли и сейчас идут в значительных количествах всевозможные станки и машины,

турбины и тракторы, сложные и точнейшие приборы. Ленинград — город науки и культуры, город вузов. Их воспитанники плодотворно трудятся на многочисленных предприятиях и стройках нашей страны.

Ленинград — один из лучших городов мира. Произведения архитектуры, живописи, скульптуры, чудесные памятники, прекрасные сады, парки и музеи являются гордостью нашей Родины.

Захвату этого крупнейшего индустриального центра и морского порта страны гитлеровское командование придавало исключительное значение. Овладение городом на Неве давало фашистской Германии ряд преимуществ в политическом, военном и моральном отношении.

С точки зрения политической захват Ленинграда и соединение с финскими войсками могли укрепить гитлеровскую коалицию, заставить правительства тех стран, которые все еще колебались, вступить в войну против СССР. Это прежде всего относилось к Японии и Турции, ожидавшим падения Ленинграда, соединения германских и финских войск и последующего мощного удара на Москву путем обхода ее с севера.

В военно-стратегическом отношении быстрый захват Ленинграда позволил бы Гитлеру высвободить действующие там германские войска — все танковые и моторизованные соединения, входившие в состав 4-й танковой группы для осуществления операции «Тайфун»[1].

В морально-психологическом плане захват города Ленина нужен был фашистскому руководству для поднятия настроения в своих войсках и войсках сателлитов, а также среди населения Германии и ее союзных государств, чтобы заставить их всех поверить в реальность планов восточной кампании. Ведь обещанный Гитлером «блицкриг» провалился. Это спутало все карты командования немецко-фашистских войск, а большие потери на Восточном фронте вызывали серьезные сомнения в возможности победно и быстро закончить войну с Советским Союзом.

Для нас же потеря Ленинграда во всех отношениях была бы чревата тяжелыми последствиями. В случае его захвата и соединения германских и финских войск нам пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом стратегиче-

---

[1] Кодовое название операции по захвату Москвы.

ские резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы.

После взятия Ленинграда группа армий «Север» и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке и в Карелии, легко могли соединиться с финско-германскими войсками в районе реки Свирь и перерезать наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск.

Все эти факторы, вместе взятые, обусловили крайнюю ожесточенность и напряженность борьбы за Ленинград. Чтобы овладеть Прибалтикой и Ленинградом, немецкое командование бросило в наступление крупную массу своих войск — группу армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба. В ходе июльско-августовских боев 1941 года на Северо-Западном направлении противнику удалось овладеть значительной частью Ленинградской области.

8 сентября 1941 года группа армий «Север», захватив Шлиссельбург, перерезала последнюю сухопутную коммуникацию и блокировала Ленинград. Войска 8-й армии, сражавшиеся ранее на территории Эстонской ССР, с тяжелыми боями отошли и закрепились на линии Петергоф, южнее Усть-Рудицы, побережье Финского залива в районе Керново.

На Карельском перешейке финские войска вышли к нашей старой государственной границе и ждали благоприятного момента, чтобы броситься на город с севера.

Положение Ленинграда в начале сентября было очень опасным. Связь города с Большой землей могла осуществляться только через Ладожское озеро и по воздуху в зоне действий вражеской авиации. Начались варварские бомбежки и артиллерийские обстрелы. Фашистские войска нажимали со всех сторон. Особенно крупная группировка танковых и моторизованных соединений противника концентрировалась на подступах к Урицку, Пулковским высотам и Слуцку. Все говорило о том, что враг готовится к решительному штурму города.

Ленинградцы переживали крайне трудные дни. Обстановка для войск и жителей была очень тяжелой. Но защитники города с честью выдержали неимоверные испытания.

Вспоминая это, мы, оставшиеся в живых, с глубоким уважением склоняем головы перед светлой памятью тех, кто отдал самое драгоценное, что есть у человека, — жизнь за свою Родину, за будущее своих детей.

Я вылетел в блокированный Ленинград вместе с генерал-лейтенантом М. С. Хозиным и генерал-майором И. И. Федюнинским. От Москвы до Ладожского озера летели при «благоприятных» погодных условиях: дождь, низкая облачность. Словом, истребителей противника такая погода не устраивала, и мы могли спокойно обходиться без всякого прикрытия. При подходе к Ладожскому озеру погода улучшилась, и нам пришлось взять прикрытие — звено истребителей. Над озером шли бреющим полетом, преследуемые двумя «мессершмиттами». Через некоторое время мы благополучно приземлились на городском аэродроме. Отправились в Смольный, в штаб Ленинградского фронта.

При въезде в расположение Смольного нас остановила охрана и потребовала пропуск, которого у нас не оказалось. Я назвал себя, но это не помогло. Служба есть служба.

— Придется вам подождать,—ответил офицер охраны.

В общем, нам пришлось простоять около 15 минут, пока комендант штаба дал личное разрешение на въезд в Смольный.

Нас встретил один из порученцев командующего и сообщил, что Военный совет фронта проводит совещание, на котором присутствуют командармы и некоторые начальники родов войск, командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц, а также директора крупных предприятий.

На Военном совете фронта рассматривался вопрос о мерах, которые следует провести в случае крайней опасности для Ленинграда. Эти меры (я не буду их перечислять) предусматривали уничтожение важнейших военных объектов. Сейчас, тридцать лет спустя, такие планы кажутся невероятными. А тогда? Тогда борьба за Ленинград шла не на жизнь, а на смерть, советские войска и население города готовились сражаться за каждый завод, каждую фабрику, каждый дом.

Побеседовав с К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и другими членами Военного совета фронта, мы решили закрыть совещание, сказав его участникам, что необходимо в первую очередь укрепить внешнюю оборону Ленинграда, защищаться до последней возможности на подступах к нему.

В этот момент я как-то особенно остро почувствовал всю ответственность перед партией, народом, ленинград-

цами за успешное выполнение задачи, возложенной на меня Государственным Комитетом Обороны.

Меня воодушевляло то обстоятельство, что многие командиры, партийные и политические работники войск фронта и Балтийского флота мне были знакомы и я знал, кому что следует поручить. Особенно ободряло то, что во главе Ленинградской партийной организации и членом Военного совета фронта был секретарь Центрального Комитета ВКП(б) А. А. Жданов — обаятельный и душевный человек, прекрасный организатор, которого хорошо знали ленинградцы, войска фронта и флот.

К исходу 10 сентября, руководствуясь личной запиской Верховного[1], я фактически вступил в командование Ленинградским фронтом. Генерал-лейтенанту М. С. Хозину было приказано немедленно вступить в должность начальника штаба фронта, приняв ее от полковника Н. В. Городецкого. Генерал И. И. Федюнинский в тот же день на правах заместителя командующего фронтом был направлен изучить оборону войск 42-й армии под Урицком и на Пулковских высотах.

Всю ночь с 10 на 11 сентября мы провели с А. А. Ждановым, К. Е. Ворошиловым, адмиралом И. С. Исаковым, начальником штаба фронта, некоторыми командующими и начальниками родов войск фронта, обсуждая дополнительные меры по мобилизации сил и средств на оборону Ленинграда.

Изучая и оценивая сложившуюся обстановку, прежде всего я стремился определить возможности противника, глубже понять замыслы командования группы армий «Север», оценить сильные и слабые стороны вражеских войск, окружавших город, чтобы знать, какие силы и средства в первую очередь противопоставить противнику, рвущемуся в Ленинград.

Город и его окрестности я хорошо знал еще с тех времен, когда учился на курсах усовершенствования комсостава конницы в 1924—1925 годах. С тех пор многое стало иным. Но люди — ленинградцы — еще больше по-

---

[1] Приказ Ставки о назначении меня командующим войсками Ленинградского фронта был подписан 11 сентября 1941 года, после того как я доложил И. В. Сталину о своем прибытии в Ленинград. В пункте 3 этого приказа сказано следующее:

«Товарищу Ворошилову сдать дела фронта, товарищу Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград товарища Жукова» (Архив МО, ф. 217, оп. 1227, л. 132).

любили свой революционный город и готовы были при любых обстоятельствах мужественно защищать его.

В результате коллективного обсуждения было решено:

немедленно снять с ПВО города часть зенитных орудий и поставить их на самые опасные участки обороны Ленинграда для усиления противотанковой обороны;

огонь всей корабельной артиллерии сосредоточить для поддержки войск 42-й армии на участке Урицк — Пулковские высоты;

срочно приступить к созданию глубоко эшелонированной инженерной обороны на всех уязвимых направлениях, заминировать и частично подготовить под электроток;

перебросить с Карельского перешейка из состава 23-й армии часть сил в 42-ю армию для усиления обороны в районе Урицка;

приступить к формированию 5—6 отдельных стрелковых бригад за счет моряков Краснознаменного Балтийского флота, военно-учебных заведений Ленинграда и войск НКВД со сроком готовности 6—8 дней.

Эти мероприятия начали проводиться с утра следующего дня.

Члены Военного совета А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, секретарь обкома Т. Ф. Штыков, председатель горисполкома П. С. Попков и председатель облисполкома Н. В. Соловьев работали дружно, творчески, энергично, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Этих товарищей сейчас уже нет в живых. Должен сказать, что они сделали все, что можно было сделать, чтобы отстоять город Ленина, над которым нависла смертельная опасность.

Исключительно большую работу по превращению Ленинграда в неприступную крепость провели Ленинградская партийная организация, трудящиеся города. Можно только восхищаться стойкостью и мужеством ленинградцев. Истощенные от голода и холода, они все 900 дней блокады, каждый на своем посту, стояли насмерть, чтобы защитить город. Ленинградцы заботились не о себе, а об обороне Ленинграда, о снабжении сражающихся войск оружием, боеприпасами, военной техникой. Все это изготовлялось ими под ожесточенными артиллерийскими обстрелами и бомбежками врага.

В день моего приезда особенно яростные атаки гитлеровских войск шли на красносельском и слуцком направлениях. Вражеские танки рвались к Урицку, но под воз-

действием огня нашей противотанковой артиллерии повернули обратно.

С утра 11 сентября противник возобновил наступление, к исходу дня овладел Дудергофом. На другой день нашим войскам пришлось оставить Красное Село. Под угрозой окружения оказались войска, оборонявшие Пушкин и Слуцк. Почти неделю наши воины в тяжелейших кровопролитных боях изматывали здесь силы врага. Надо было вести активную оборону, при малейшей возможности контратаковать врага. В боях за Пушкин и Слуцк особенно отличилась 168-я стрелковая дивизия полковника А. Л. Бондарева. Эта кадровая дивизия Красной Армии 45 дней героически сражалась на границе и в лесах Карелии — северо-западнее Ладоги. Выполняя приказ командования, 168-я дивизия в тяжелейших условиях, ведя арьергардные бои, эвакуировалась на остров Валаам, а оттуда была передислоцирована под Ленинград.

Воины дивизии сумели сохранить почти всю боевую технику, в том числе гаубичный и пушечный артиллерийские полки. Пополненная ленинградскими коммунистами — политбойцами, 168-я дивизия сражалась с врагом под Ново-Лисином, Слуцком, Пушкином и Колпином так же стойко, как и на границе. С особым упорством воины 168-й стрелковой дивизии воевали под Колпином, где и остановили врага. Мне довелось беседовать с командиром этого соединения, полковником А. Л. Бондаревым, выяснять положение в полосе обороны дивизии, выслушивать доклад о решениях комдива, направленных на активизацию обороны, и, должен заметить, у меня не было причин быть недовольным его действиями.

Соседом слева у этой дивизии был батальон добровольцев Ижорского завода. Ижорцы достойно, с честью защищали свой завод и город Колпино.

Дальнейшее продвижение гитлеровцев через Пулково на Ленинград встретило упорное сопротивление соединений 42-й армии, в том числе частей 5-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения, усиленной артиллерией и танками.

5-я дивизия, сформированная из добровольцев Калининского и Выборгского районов, была заблаговременно развернута на рубеже Константиновка — Пулковские высоты. Командовал ополченцами опытный генерал, участник гражданской войны П. А. Зайцев. На этом рубеже

советские войска проявили исключительный героизм и доблесть в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Пулковский рубеж оказался таким же неприступным для противника, как и в годы гражданской войны.

Меры по стабилизации положения под Ленинградом нам приходилось осуществлять в очень сложной обстановке. Враг продолжал усиливать свой нажим, особенно в полосе 42-й армии, на пулковском направлении.

Здесь я должен с большой благодарностью отметить умелые и энергичные действия командующего военно-воздушными силами фронта генерал-лейтенанта (ныне Главного маршала авиации) А. А. Новикова, который неустанно помогал боевой авиацией фронта и флота отбивать яростные атаки вражеских войск.

Моим заместителем по военно-морским силам Балтийского флота был адмирал Иван Степанович Исаков. Я глубоко убежден, что он был одним из выдающихся и талантливых военачальников Военно-Морского Флота Советского Союза. Вместе с командующим Балтфлотом он формировал из моряков отдельные бригады морской пехоты для усиления Ленинградского фронта. Адмирал И. С. Исаков и командующий артиллерией фронта генерал В. П. Свиридов в течение рекордно короткого срока организовали взаимодействие артиллерии фронта и флота, особенно хорошо продумав методы ведения огня с контрбатарейной целью.

С утра 13 сентября противник силами двух пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизий начал наступление в общем направлении на Урицк. Прорвав оборону, его части заняли Константиновку, Сосновую Поляну, Финское Койрово и стали продвигаться к Урицку. Это был очень опасный момент. Чтобы ликвидировать эту опасность, было решено ввести в сражение последний резерв фронта — 10-ю стрелковую дивизию. Такое решение таило в себе серьезный риск, но другого выхода тогда у нас не было.

Утром 14 сентября после короткой артподготовки 10-я стрелковая дивизия совместно с частями соседних соединений нанесла удар по врагу. В результате напряженного боя положение было восстановлено. Понеся большие потери, противник оставил Сосновку и Финское Койрово.

Для срыва дальнейшего наступления ударной группировки противника в направлении Урицк — Ленинград командованием фронта был разработан план дополнитель-

ных мероприятий по усилению обороны города. Этот план предусматривал решение следующих задач:

«1. Перемолоть противника артиллерийским, минометным огнем и авиацией, не допустив прорыва нашей обороны.

2. Сформировать к 18 сентября пять стрелковых бригад, две стрелковые дивизии и сосредоточить их для непосредственной обороны Ленинграда, создав четыре линии обороны.

3. 8-й армией наносить удары противнику во фланг и тыл.

4. Свои действия увязывать с действиями 54-й армии, добиваясь освобождения от противника района Мга, Шлиссельбург» [1].

В основу данного плана были положены соображения о необходимости накопить резервы, увеличить глубину обороны путем всесторонней мобилизации ресурсов фронта, Ленинграда и флота, осуществить смелый маневр силами 8-й армии, полнее использовать мощь нашей артиллерии. Особое внимание в этом плане уделялось 42-й армии, находившейся на направлении главного удара врага. Здесь предусматривалось создать такую оборону, о которую разбились бы все попытки противника штурмом овладеть городом. Исключительное значение мы придавали огню кораблей флота и береговой артиллерии, действия которых стали особенно эффективными с приближением линии фронта к морю.

Такое наше решение, как показал дальнейший ход событий, полностью соответствовало обстановке.

Общее представление о сложившейся в те дни ситуации под Ленинградом и применяемых нами мерах по восстановлению положения можно составить из содержания телеграфного разговора, который состоялся между мною и начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым 14 сентября 1941 года.

«У аппарата Шапошников Здравствуйте, Георгий Константинович. Не откажите, пожалуйста, рассказать об обстановке на вашем фронте и какие мероприятия вами принимаются для восстановления положения.

У аппарата Жуков. Здравствуйте, Борис Михайлович, докладываю обстановку. Первое. Обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Гене-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1227, д. 26, л. 271.

ральному штабу. К исходу сегодняшнего дня противник, развивая прорыв тремя-четырьмя пехотными дивизиями и введя в бой до двух танковых дивизий, вышел на фронт Новые Сузи, что южнее Пулкова на 2 километра, Финское Койрово, северная окраина Константиновки, Горелово, Анино, Копорское, Ропша, Глядино и развивает наступление в северном направлении... Красногвардейск и дороги, идущие из Красногвардейска в Пулково, также занимаются противником. Таким образом, на этом участке фронта положение очень сложное. Это положение усугубилось тем, что у командования в районе Ленинграда не было резервов. Сейчас нам приходится сдерживать наступление и развитие прорыва случайными отрядами, отдельными полками и вновь формируемыми рабочими дивизиями. К исходу сегодняшнего дня мною организована на путях движения противника система артиллерийского огня, включительно до привлечения морской, зенитной и прочей артиллерии. Собираю минометы и, думаю, к утру смогу на основных направлениях подготовить плотный заградительный огонь для взаимодействия с пехотой, которую к исходу дня расположили на вышеуказанном рубеже, привлекаю всю авиацию фронта и КБФ и, кроме того, собираем до сотни танков. Непосредственно на южной окраине Ленинграда, на линии Мясокомбинат, Рыбацкое, Морской порт, развертываю дивизию НКВД, которую усиливаю пока 100 орудиями, имея в виду в дальнейшем собрать еще не менее 100 орудий. Вот все по обстановке непосредственно под Ленинградом.

На фронте 8-й армии организую удар с целью выхода на Кингисеппское шоссе, с тем чтобы ударом во фланг и тыл противнику оттянуть часть его группировки из-под Ленинграда и во взаимодействии с 55-й и 42-й армиями в дальнейшем ликвидировать красносельскую группу противника. Переход в наступление 55-й и 42-й армий рассчитываю провести не раньше 17-го числа. Раньше не могу, так как сейчас нет сил. Думаю собрать их за счет выхода группы Астанина[1]. Всего надеюсь собрать до 5 дивизий, если удастся в течение двух ближайших дней вывести Астанина. Если не удастся вывести Аста-

[1] Генерал-майор А. Н. Астанин — командующий Лужской оперативной группой, войска которой в конце августа 1941 года оказались в кольце окружения в районе станций Сиверская, Мшинская и Новинка.

нина к этому времени, буду собирать хотя бы три дивизии. Удар на взаимодействие с Куликом[1] буду готовить, но провести его смогу только после ликвидации красносельской группировки противника. Мною принято в Ленинградском фронте всего 268 самолетов, из них исправных только 163. Очень плохо с бомбардировщиками и штурмовиками. Имеется: 6 самолетов ПЕ-2, 2 самолета ИЛ-2, 2 самолета АР-2, 11 самолетов СБ. Такое количество не обеспечит выполнения задач. Очень прошу товарища Сталина дать хотя бы один полк ПЕ-2, один полк ИЛ-2.

Шапошников. Считаю, что принятое вами решение прежде всего организовать артиллерийскую завесу является единственно правильным. Ленинградский район имеет столько артиллерии, что вполне возможно создать такую завесу.

Жуков. Все ясно. Прошу иметь только в виду, как я уже вам доложил, что район Красногвардейска до реки Ижора и все пути, идущие через Красногвардейск на север, находятся у противника. Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Прошу вас подкрепить Кулика двумя-тремя дивизиями, чтобы он мог нанести мощный удар. Это будет самая лучшая помощь фронту в создавшейся обстановке. С Куликом связь я держу по Бодо.

Шапошников. Считаю, что Красногвардейск запирает дороги на север и, хотя противник обошел его с запада... сейчас, конечно, центр внимания должен быть направлен на ликвидацию красносельского прорыва, а затем на взаимодействие с Куликом... Я думаю, что в тылах фронта и разных вузах можно еще найти и людей и оружие. Ставка просит вас ориентировать еще чаще по проводу и по радио о событиях на фронте. Вашу просьбу об усилении бомбардировочной авиацией незамедлительно доложу тов. Сталину. Всё»[2].

Командованию и штабу фронта много внимания приходилось уделять организации и поддержанию взаимодействия с соседями. Однако не всегда нам удавалось решать эти вопросы так, как этого требовала обстановка. В подтверждение такого положения мне хочется привести

---

[1] Маршал Советского Союза Г. И. Кулик — командующий 54-й армией, подчинявшейся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

[2] Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 174, лл. 58—67.

немного сокращенный телеграфный разговор с маршалом Г. И. Куликом. Этот разговор состоялся в ночь на 15 сентября 1941 года.

«У аппарата маршал Кулик.

У аппарата Жуков.

Жуков. Приветствую вас, Григорий Иванович. Вам известно о моем прибытии на смену Ворошилову. Я бы хотел, чтобы у нас с вами быстро бы закипела работа по очистке территории, на которой мы бы могли пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу вас коротко проинформировать об обстановке. Вас хочу в свою очередь коротко проинформировать, что делается под Ленинградом.

Первое. Противник, захватив Красное Село, ведет бешеные атаки на Пулково и в направлении Лигово. Второй очаг — юго-восточнее Слуцка, район Федоровское. Из этого района противник ведет наступление восемью полками общим направлением на Пушкин, видимо с целью соединения в районе Пушкин — Пулково.

Второе. На остальных участках фронта обстановка прежняя. Южная группа Астанина в составе четырех дивизий принимает меры к выходу из окружения.

Третье. На всех участках фронта я организую активные действия и возлагаю большие надежды на тебя. У меня пока всё. Прошу коротко сообщить свою обстановку.

Кулик. Доброй ночи, Георгий Константинович. Очень рад с вами вместе выполнять почетную задачу в освобождении Ленинграда, также жду с нетерпением встречи. Обстановка у меня следующая.

Первое. В течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий поселок номер один появился 424-й полк 126-й пд [1], ранее не присутствовавшей на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет: или они в Шлиссельбурге, или по Неве фронтом на запад против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

---

[1] Пехотная дивизия.

Второе. В районе Синявино и южнее действует 20-я мд[1], вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

Третье. На фронте Сигалово, Турышкино развернулась 21-я пд. ...Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка, Вороново. В течение последних трех дней идет усиленная переброска из района Любань на Шапки, Турышкино, Сологубовка мотомехчастей и танков. Сегодня в 16.30 замечено выдвижение танков, более 50, из района Сологубовка на Сигалово, а также отмечено большое скопление войск в лесах восточнее Сигалово и северо-восточнее Турышкино. Кроме того, появилась в этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороново. Это была частная операция для предстоящего наступления, но выполнить ее не удалось. Правда, здесь сил было выделено мало. Я не хотел много втягивать сил в эту операцию, так как сейчас идет у меня вливание пополнения в части бывшей 48-й армии. Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка, Рабочий поселок номер восемь, Рабочий поселок номер семь, Поселок Эстонский, Тортолово, Мышкино, Поречье, Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку... Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения его наступления мною приняты, и, если он меня упредит в наступлении, думаю отбить его атаки и немедленно перейду в контрнаступление. За последние 3—4 дня нами уничтожено минимум 70 танков... Был сильный бой 13-го во второй половине в районе Горного Хандрово, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты; но противник все время, в особенности сегодня, начал активничать. Всё.

Жуков. Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать контрподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу.

Кулик. Понятно. Я думаю 16—17-го.

Жуков. 16—17-го — поздно! Противник мобильный, надо его упредить. Я уверен, что если развернешь наступление, то будешь иметь большие трофеи. Если не хочешь

---

[1] Мотодивизия.

завтра наступать, прошу твою авиацию бросить на разгром противника в районе Старая Мыза, Поддолово, Корделево, Черная Речка, Аннолово. Все пункты на реке Ижора юго-восточнее Слуцка — 4—5 километров. Сюда прошу дать удар на протяжении всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника. У меня всё.

Кулик. Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия и не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение.

Сейчас мне только сообщили, что противник в 23 часа переходил в наступление в районе Липка, Синявино, Гонтовая Липка. Наступление отбито. Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то твою просьбу о действиях авиации по пунктам, указанным тобой, выполню.

Жуков. Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку. Каждую разведку или мелкие действия, к сожалению, некоторые принимают за наступление.

Второе. Я понимаю, что у вас большие заботы о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Для меня ясно, что я рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не должен. Буду решать задачу сам. Только меня поражает взаимодействие между фронтом и вашей группировкой. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Я извиняюсь за откровенность, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего» [1].

Несмотря на принятые нами меры, обстановка под Ленинградом продолжала ухудшаться и становилась все более опасной.

Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб из кожи вон лез, чтобы выполнить приказ Гитлера — покончить с твердыней на Неве до начала наступления немецких войск под Москвой.

---

[1] Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 174, лл. 81—96.

Утром 15 сентября противник возобновил наступление в полосе 42-й армии. Его четыре дивизии, усиленные танками и поддержанные массированными ударами с воздуха, упорно продвигались вперед. Ценой больших потерь врагу удалось оттеснить наши 10-ю и 11-ю стрелковые дивизии к южным окраинам поселка Володарский и Урицка. На других участках обороны этой армии атаки гитлеровцев были отражены.

Не имели также успеха четыре вражеские дивизии, наступавшие на войска 55-й армии, которой командовал генерал-майор танковых войск И. Г. Лазарев.

Чтобы предотвратить прорыв противника через Урицк в Ленинград, 16 сентября мы усилили 42-ю армию сформированной в начале войны 21-й стрелковой дивизией НКВД, 6-й Ленинградской стрелковой дивизией народного ополчения и двумя стрелковыми бригадами из моряков и личного состава различных частей ПВО Ленинграда [1]. Этим соединениям было приказано занять оборону на внешнем обводе укрепленного рубежа Ленинграда, проходившего от побережья Финского залива через Лигово, Мясокомбинат, Рыбацкое до реки Невы.

Благодаря этой мере был образован сильный второй эшелон 42-й армии и достигнута оперативная глубина обороны, что серьезно способствовало повышению ее устойчивости и непреодолимости.

Следует отметить, что с выходом противника к поселку Володарский и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался еще более растянутым. Мы решили использовать это выгодное для нас обстоятельство и нанести контрудар по наступающим вражеским войскам силами 8-й армии. Воины этой армии мужественно защищали Ленинград с юго-запада.

Командующему 8-й армией было приказано оставить на участке Керново, Терентьево прикрытие, 5-ю бригаду морской пехоты отвести на заранее подготовленный в инженерном отношении рубеж обороны на реке Воронка — Фабричная слобода, а 191-ю и 281-ю стрелковые дивизии и 2-ю Ленинградскую стрелковую дивизию народного ополчения сосредоточить на своем левом фланге и нанести по противнику контрудар на участке Липицы, поселок Володарский в направлении на Красное Село [2].

---

[1] Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1227, д. 26, л. 250.
[2] Там же, лл. 252—253.

Одновременно 125-я и 268-я стрелковые дивизии 8-й армии выводились в резерв фронта, а в состав армии передавались 10-я и 11-я стрелковые дивизии и остатки 3-й стрелковой гвардейской дивизии народного ополчения.

Такое решение позволило нам создать ударную группировку 8-й армии для нанесения контрудара по врагу и одновременно восстановить резерв фронта для парирования всяких случайностей. Последующий ход событий показал, что это наше решение было своевременным и правильным.

К 17 сентября бои под Ленинградом достигли наивысшего предела. В этот день до шести дивизий противника при поддержке всей авиации группы армий «Север» предприняли попытку прорваться к Ленинграду с юга в полосе наших 42-й и 55-й армий. Защитники города отстаивали буквально каждый метр, непрерывно контратакуя врага. Артиллерия фронта и Краснознаменного Балтийского флота вела интенсивный огонь по наступавшим частям противника, авиация фронта и Балтфлота оказывала всемерную поддержку обороняющимся частям.

Оценив ситуацию как исключительно опасную, Военный совет фронта 17 сентября направил Военным советам 42-й и 55-й армий категорический приказ удерживать во что бы то ни стало занимаемые рубежи. В нем говорилось: рубеж Лигово, Кискино, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, районы Шушары, Московская Славянка и Колпино имеют исключительное значение для обороны Ленинграда[1], а поэтому ни при каких обстоятельствах не могут быть оставлены. «Ни шагу назад» — таково было требование этого приказа.

И нужно отдать должное нашим героическим советским воинам — они выполнили приказ. Непрерывными контратаками войска фронта вынудили гитлеровцев перейти от наступления к обороне. В отражении удара врага через Лигово и Пулково особенно отличились 21-я стрелковая дивизия НКВД под командованием полковника М. Д. Папченко, 6-я бригада морской пехоты полковника Д. А. Синочкина, 5-я дивизия народного ополчения генерала П. А. Зайцева и 7-й истребительный авиационный корпус полковника С. П. Данилова. Исключительную доблесть проявили артиллеристы 42-й армии. Нередко целые дивизионы, а иногда и артиллерийские

---

[1] Архив МО СССР, ф. 249, оп. 1544, д. 112, л. 144.

полки выдвигались на открытые огневые позиции и огнем прямой наводки уничтожали наседавшего врага. Только на участке Лигово — Пулково на прямую наводку пришлось выставить свыше 500 орудий.

Немаловажную роль в срыве планов противника прорваться через Урицк в Ленинград сыграл контрудар 8-й армии. Ее ударная группировка в составе четырех стрелковых дивизий утром 19 сентября перешла в наступление в общем направлении на Красное Село. Хотя это наступление и не привело к восстановлению обороны в Красногвардейском укрепленном районе, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления Урицк—Ленинград на петергофское направление.

Продолжая яростные атаки на Пулковские высоты, противник пытался найти слабые места в нашей обороне на других участках фронта. С утра 17 сентября он нанес удар на стыке 42-й и 55-й армий и, овладев городами Пушкин и Слуцк, стремился обойти Пулковские высоты слева, а Колпино — справа и прорваться к Ленинграду. Однако и здесь гитлеровские войска не смогли сломить сопротивление малочисленных, но закаленных и героически сражавшихся советских войск.

В разгаре боев за Пулково, Слуцк и Пушкин противник нанес один из самых мощных артиллерийских и авиационных ударов по Ленинграду, пытаясь таким образом сломить волю его защитников. 19 сентября город подвергался обстрелу в течение 18 часов — с 1 часа 5 минут до 19 часов. Одновременно с этим немецкая авиация произвела шесть налетов на город. 21—23 сентября, чтобы подавить нашу мощную морскую артиллерию, которая вела уничтожающий огонь по наступавшим войскам группы армий «Север», немецко-фашистское командование осуществило ряд массированных налетов на корабли и Кронштадт. В этих налетах участвовало несколько сотен бомбардировщиков. Но интенсивный огонь зенитной артиллерии и решительные атаки советских истребителей сорвали замысел врага — значительного ущерба флоту причинено не было.

В течение 23—26 сентября противник неоднократно предпринимал попытки наступать на Пулковские высоты в районе Петергофа и на Ораниенбаум. Но каждый раз его атаки отражались артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем, а также ударами авиации.

Одновременно мы наносили по врагу ощутимые контрудары силами стрелковых соединений фронта.

На Карельском перешейке обстановка была более спокойной. Финские войска иногда постреливали. Наши войска 23-й армии отвечали тем же. Это позволило командованию фронта взять из 23-й армии все армейские резервы и даже часть полков некоторых стрелковых дивизий для усиления обороны в районе Урицка и Пулковских высот.

В районе Петергофа в тыл вражеских войск был высажен морской десантный отряд с целью содействия нашим войскам, находящимся на Приморском плацдарме. Моряки действовали не только смело, но и предельно дерзко.

Каким-то образом противник обнаружил подход десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не испугал огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы побежали. К тому времени они уже были хорошо знакомы с тем, что такое «шварце тодт» («черная смерть»), — так они называли нашу морскую пехоту.

Увлекшись первыми успехами, моряки преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря. Большинство из них пало смертью храбрых. Не вернулся и командир героического десанта полковник Андрей Трофимович Ворожилов.

Десантные отряды моряков и пограничников из 20-й дивизии НКВД полковника А. П. Иванова неоднократно засылались в тыл противника. Везде и всюду они проявляли чудеса храбрости. Блестяще действовали в сентябрьских сражениях и стрелковые бригады, сформированные из моряков Балтфлота.

Командующий немецкой группой армий «Север» фон Лееб торопил войска. Он требовал быстрее сломить сопротивление защитников Ленинграда, чтобы соединиться с Карельской группой финских войск. После падения Ленинграда германское главное командование хотело всеми силами ударить на Москву. Но Ленинград стоял крепко и не сдавался врагу, несмотря на всю ярость и мощь вражеских атак.

Гитлер был в бешенстве. Он понимал, что время работает не на Германию, а на Советский Союз, который, преодолевая огромные трудности, мобилизует народные силы и создает новые средства борьбы. Период летних побед фашистских вояк кончился безвозвратно. Прибли-

жалась зима, к которой гитлеровские войска не были подготовлены.

Ленинград и войска, оборонявшие его ближние подступы, дрались удивительно мужественно. Враг истекал кровью, но разгромить ленинградскую группировку войск Красной Армии никак не мог. В результате предельно активной и упорной обороны войск Ленинградского фронта, массового героизма советских воинов план врага прорваться в Ленинград через Красное Село, Урицк, Слуцк, Пушкин потерпел полный провал.

К концу сентября фронт на подступах к Ленинграду с юга стабилизировался и оставался без существенных изменений до января 1943 года. К этому же времени стабилизировалось положение сторон на Карельском перешейке и на реке Свири.

Каковы же основные итоги и особенности сражений за Ленинград осенью 1941 года, в чем кроются причины того, что врагу не удалось овладеть Ленинградом?

Важнейшее военно-политическое значение успешной обороны Ленинграда в 1941 году состоит в том, что она опрокинула широко задуманные планы гитлеровского командования. Войска Ленинградского фронта и КБФ своим упорством и активными действиями обескровили, измотали и крепко приковали к северному направлению крупную группировку немецко-фашистских войск и не позволили гитлеровскому командованию своевременно перебросить под Москву подвижные соединения 4-й танковой группы. 4-я танковая группа не успела к началу операции «Тайфун» восстановить потрепанную материальную часть и в ослабленном состоянии была введена в сражение на московском направлении. Это обстоятельство существенно способствовало успешной обороне Москвы и разгрому вражеских полчищ на подступах к столице нашей Родины.

Сражения под Ленинградом в сентябре 1941 года протекали в весьма сложной и динамической обстановке, в условиях применения противником значительных танковых, моторизованных и авиационных сил, что требовало от Советского командования быстрого и смелого реагирования на изменения ситуаций, совершенствования форм и способов ведения боевых действий.

В ходе сентябрьского сражения, когда бои под Ленинградом носили чрезвычайно напряженный и ожесточенный характер, силы врага истощались, а силы сопротив-

ления советских войск непрерывно возрастали. Об этом говорит снижение темпов наступления противника. Если в июле он продвигался по 5 километров в сутки, то в сентябре — 1,4 километра.

Благодаря мерам, принятым командованием фронта, к концу сентября на северных, южных и юго-восточных подступах к Ленинграду была создана прочная, глубоко эшелонированная и не преодолимая для врага оборона. Достаточно указать на тот факт, что к моменту стабилизации положения под Ленинградом оборона 42-й, 55-й и 23-й армий состояла из двух полос, причем в главной полосе располагалось до 50 процентов всех сил и средств армии, во второй полосе — 20 процентов, а остальные силы и средства находились в резерве. Стрелковые дивизии на главных направлениях, как правило, обороняли по фронту полосу протяженностью не более 10—12 километров.

Непреодолимость обороны под Ленинградом была достигнута глубоким эшелонированием войск, опиравшихся на развитую сеть инженерных сооружений, плотную противотанковую оборону, хорошо управляемую систему артиллерийских огней, в том числе артиллерии флота; исключительным упорством войск и повышенной активностью их обороны. Командование фронта стремилось наносить внезапные контратаки и контрудары. У нас была при этом хорошо отработана система взаимодействия между наземными войсками и авиацией, организована плотная противовоздушная оборона войск фронта и флота.

В оборонительных сражениях на ближних подступах к Ленинграду участвовали все виды вооруженных сил и родов войск, опиравшихся в своей титанической борьбе на героическую помощь населения города. Сотни тысяч ленинградцев работали на строительстве оборонительных сооружений. В отдельные дни на этих работах было занято почти полмиллиона людей — в основном женщин, стариков, подростков. С июля по декабрь 1941 года трудящимися Ленинграда совместно с войсками были вырыты противотанковые рвы общей протяженностью 592 километра, сооружено 459 километров эскарпов и контрэскарпов и 24 километра баррикад, 329 километров проволочных заграждений, 772 километра ходов сообщений, около 4,5 тысячи дотов, дзотов и сотов, более 2 тысяч командных, наблюдательных и медицинских пунк-

тов, большое количество других сооружений и укреплений[1].

Центральный Комитет Коммунистической партии, ежедневно следя за событиями в Ленинграде, мобилизовал на помощь населению города всевозможные силы и средства.

Представители Центрального Комитета нашей партии, Государственного Комитета Обороны Алексей Николаевич Косыгин и Анастас Иванович Микоян проводили большую организующую работу по снабжению Ленинграда и фронта продовольствием, вооружением, эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий в глубь страны и т. д.

Доброе слово заслужил уполномоченный ГКО Д. В. Павлов, занимавшийся вопросами продовольственного снабжения Ленинграда в самые трудные месяцы блокады.

История войн еще не знала такого примера мужества и доблести, которую проявили защитники Ленинграда. В одном строю с воинами сражались трудящиеся Ленинграда. И в этом большая заслуга городской и областной партийных организаций, а также городского и областного Советов депутатов трудящихся. За первые три месяца войны город Ленина сформировал 10 дивизий народного ополчения, 16 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, десятки маршевых подразделений для пополнения народно-ополченских частей, многочисленные отряды местной противовоздушной обороны, госпитали и другие отряды по обеспечению боевых действий наших войск.

Одновременно с созданием народно-ополченских частей и других воинских формирований Ленинградский областной и городской комитеты партии по указанию ЦК ВКП(б) сформировали 227 партизанских отрядов общим количеством более 9 тысяч человек. Эти отряды были посланы в районы Пскова, Гдова, Нарвы, Луги и в другие места. Они, опираясь на поддержку населения оккупированных районов, вели упорную борьбу в тылу вражеских войск.

Городская и областная партийные организации направили в Действующую армию свои лучшие силы. По пар-

[1] См.: И. П. Барбашин, А. И. Кузнецов, В. П. Морозов, А. Д. Харитонов, Б. Н. Яковлев. Битва за Ленинград. М., Воениздат, 1964, стр. 192.

тийной мобилизации только в первые месяцы войны в войска Ленинградского фронта влились, не считая многотысячных добровольческих формирований народного ополчения, более 12 тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. 10 тысяч из них стали политбойцами, которые словом и личным примером вдохновляли воинов на самоотверженное выполнение долга перед Родиной. Многие из них совершили героические подвиги на полях битвы.

По инициативе А. А. Жданова делегации трудящихся Ленинграда выезжали на фронт. Старые питерские рабочие и работницы рассказывали фронтовикам о своем участии в разгроме войск Юденича на тех же рубежах, где теперь стояли гитлеровцы, призывали воинов дать сокрушительный отпор врагу.

В едином патриотическом порыве войска и население города стали несокрушимой стеной на пути немецко-фашистских захватчиков и, опираясь на помощь всей страны, не пропустили врага в колыбель Великого Октября — Ленинград.

...Золотыми буквами вписаны в историю города подвиги ленинградцев, воинов фронта и флота, которые предпочитали смерть в ожесточенной борьбе с вражескими силами, нежели сдачу им Ленинграда.

О стойкости и легендарном мужестве ленинградцев ярко свидетельствуют такие цифры. С начала войны и до конца 1941 года ленинградцы изготовили 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, свыше 3 миллионов снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов и бомб[1]. Выпуск боеприпасов во втором полугодии 1941 года по сравнению с первым значительно увеличился. За этот же период было достроено 84 корабля разных классов и переоборудовано 186. Если учесть, что все это производилось руками людей, работавших с сентября 1941 года под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами, можно себе представить величие духа ленинградцев, слава о которых не померкнет в веках. Примечательно то, что значительная часть изготовленной в Ленинграде важной оборонной продукции в октябре — декабре 1941 года отправлялась

---

[1] Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 25, оп. 13а, ед. хр. 44, стр. 32—33.

самолетами нашим войскам, оборонявшим Москву. Только в последнем квартале 1941 года, то есть в самый разгар битвы за Москву, ленинградцы отправили героям обороны столицы нашей Родины более тысячи полковых пушек и минометов.

Я тогда командовал Западным фронтом, сражавшимся на московском направлении. Помнится, когда мне доложили о той помощи, которую оказывают нам ослабленные голодом, но сильные волей и духом ленинградцы, я был поражен. Чувство огромной благодарности я выразил в своей телеграмме Военному совету Ленинградского фронта: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами».

Легендарной славой овеяна знаменитая «Дорога жизни», связавшая Ленинград с Большой землей. Населению и войскам в осенние месяцы судами и баржами, а в зимние вездеходами, автомашинами, гужевым транспортом — всеми возможными средствами — доставлялись в Ленинград продукты питания, боеприпасы, пополнение. В то же время из осажденного города по «Дороге жизни» были эвакуированы только с января по апрель 1942 года более 500 тысяч женщин, стариков и детей.

Я считаю за честь, что в тот период, когда враг подошел вплотную к городу и над ним нависла смертельная опасность, мне было поручено Государственным Комитетом Обороны командовать войсками Ленинградского фронта.

...Второй раз я побывал в осажденном Ленинграде в январе 1943 года, когда по заданию Государственного Комитета Обороны мне было поручено вместе с К. Е. Ворошиловым координировать действия Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады.

Шел второй год войны. Обстановка на фронтах стала более благоприятной для нашей армии. Благодаря самоотверженному труду советского народа и огромной организаторской работе Коммунистической партии сражавшиеся войска получали все больше первоклассной боевой техники, в тылу страны создавались мощные резервы Ставки. А противник постепенно утрачивал имевшееся у него превосходство в оснащении и численности вооруженных сил.

Существенно изменился и характер вооруженной борьбы. Потерпев поражение в битве на Волге, вооруженные силы фашистской Германии были вынуждены перейти

к стратегической обороне. Красная Армия захватила инициативу действий в свои руки.

Время прорыва блокады было выбрано не случайно. Стремясь максимально использовать успех, достигнутый под Сталинградом, Ставка решила в начале 1943 года провести наступление на важнейших стратегических направлениях.

Главные события зимой 1942/43 года развернулись на южном крыле советско-германского фронта. Здесь успешно развивались наступательные действия советских войск на воронежско-касторненском направлении, на Северном Кавказе и в Донбассе. Немецкое командование оказалось вынужденным бросить сюда основную массу своих стратегических резервов.

Учитывая выгодную обстановку, сложившуюся на ленинградском направлении, Советское Верховное Главнокомандование решило провести здесь наступательную операцию силами Ленинградского и Волховского фронтов с целью прорыва блокады Ленинграда. Условно эта операция называлась «Искра».

Местом прорыва блокады был избран узкий шлиссельбургско-синявинский выступ, разделявший войска этих двух фронтов. Ставка решила двумя встречными ударами срезать этот выступ и восстановить сухопутные коммуникации Ленинграда со страной. Для нанесения ударов привлекались усиленная 67-я армия Ленинградского фронта и 2-я ударная армия Волховского фронта. Для обеспечения боевых действий ударных группировок выделялись основные силы 13-й и 14-й воздушных армий, а также часть артиллерии Краснознаменного Балтийского флота и Ладожской военной флотилии.

Конкретные задачи войск Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда были определены в директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 8 декабря 1942 года.

Мне хочется особо отметить, что операцию «Искра» нашим войскам предстояло осуществить в исключительно сложных условиях. За 16 месяцев блокады Ленинграда гитлеровские войска создали на шлиссельбургско-синявинском выступе глубокую и прочную оборону, превратили свои позиции в мощный укрепленный район с разветвленной системой долговременных сооружений, с огромным количеством противотанковых и противопехотных препятствий.

Особенно выгодный естественный рубеж занимал противник на левом берегу Невы — от железобетонных корпусов 8-й ГЭС до Шлиссельбурга. Замерзшая река, ширина которой доходила до 800 метров, представляла собой сильную преграду. Гитлеровцы простреливали ее фланкирующим пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Высота левого берега Невы достигала местами 12 метров. Как на переднем крае, так и в ближайшей глубине находились дзоты, минные поля. Подходы к берегу со стороны реки прикрывали проволочные заграждения в несколько рядов.

Овладение такими укреплениями являлось сложной боевой задачей, требовало больших усилий, высокого воинского мастерства и боевой отваги всего личного состава войск. Поэтому, несмотря на то что представленные командованием Ленинградского и Волховского фронтов планы действия были своевременно рассмотрены в Генштабе и утверждены Ставкой, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин неоднократно высказывал мне свое беспокойство за исход операции «Искра».

В течение декабря фронты тщательно готовились к предстоящей операции. К назначенному Ставкой сроку — 1 января 1943 года — подготовка была закончена. Но из-за крайне неблагоприятных метеорологических условий зимы 1942/43 года (затянулась оттепель и ледяной покров на Неве оказался недостаточно устойчивым, а болота — труднопроходимыми) командование обоих фронтов 27 декабря обратилось в Ставку с просьбой отложить начало операции до 10—12 января. Эта просьба была удовлетворена.

В первых числах января (точной даты не помню — кажется, 5 января), когда я находился в штабе Воронежского фронта, где готовилась Острогожско-Россошанская наступательная операция, мне позвонил Верховный и сказал:

— В Ленинграде находится представитель Ставки К. Е. Ворошилов, вам все же необходимо поехать на Волховский и Ленинградский фронты. Нужно на месте убедиться, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно. Эта операция имеет исключительно важное политическое и стратегическое значение. У вас еще есть время, сделайте остановку в Москве. Нам надо обсудить один вопрос.

Я уточнил:

— А как быть с подготовкой к операции Воронежского фронта?

— Что вы предлагаете? — в свою очередь спросил Верховный.

Я ответил:

— Василевский в курсе дела, пусть он завершает начатую работу, а в районе Сталинграда может теперь быть представителем Ставки Воронов.

Сталин сказал:

— Согласен. Вылетайте в Москву.

В Ставке, в момент моего прибытия, находились авиационные конструкторы во главе с наркомом авиационной промышленности А. И. Шахуриным. Шел большой разговор о дальнейшем улучшении конструкции некоторых самолетов и наращивании производства бомбардировочной авиации. И. В. Сталин был в хорошем настроении.

— Ну идите, — сказал Сталин всем присутствовавшим, — и принимайтесь за дела, о которых шла здесь речь.

Когда закрылась дверь за последним из конструкторов, Сталин улыбнулся:

— Какие же они молодцы! Каких замечательных людей вырастила партия. Вот что, — продолжал Верховный, — до начала операции «Искра» у вас есть в запасе достаточно времени. Я хотел бы, чтобы вы на пару дней залетели в Третью ударную армию, проверили, как она действует...

В то время 3-я ударная армия вела ожесточенные бои с окруженной вражеской группировкой в районе Великие Луки, Новосокольники, Поречье.

— Хорошо, немедля вылетаю в район Великих Лук, — ответил я.

Обо всем этом я вспоминаю потому, что проводимая 3-й ударной армией операция в районе Великие Луки, Новосокольники и Поречье имела очень важное значение для прорыва блокады Ленинграда, так как армия своими действиями оттягивала значительные силы противника и этим содействовала успеху операции «Искра».

В районе Великих Лук я ознакомился с действиями 8-го Эстонского корпуса, которым тогда командовал верный сын эстонского народа генерал-майор Л. А. Перн, 5-го гвардейского корпуса, которым командовал ныне дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Бе-

лобородов, а также побывал в частях 357-й стрелковой дивизии. Ею командовал мой старый сослуживец А. Л. Кроник. В 1922 году, когда я командовал эскадроном, Александр Львович был старшиной. Меня обрадовала эта встреча, вспомнилось, как он настойчиво, забывая о сне и отдыхе, овладевал военным делом. Я охотно делился с ним боевым опытом, обучал его. И, конечно же, был вдвойне рад, когда детально ознакомился с умелыми действиями и дальнейшими планами моего, в некотором роде, питомца.

Командующий 3-й ударной армией, ныне генерал армии, К. Н. Галицкий, член Военного совета армии генерал-майор А. И. Литвинов произвели на меня очень хорошее впечатление. Обо всем этом я доложил Верховному.

В ночь на 9 января выехал на Волховский фронт. Прибыв туда ранним утром 10 января, узнал, что в вагоне К. Е. Ворошилова собрались командующие и члены Военных советов фронтов. Мне было сказано, что они ждут моего прихода. Я тотчас же отправился в вагон К. Е. Ворошилова. Оказалось, что все они собрались по звонку И. В. Сталина, поэтому мы сразу принялись за обсуждение вопросов предстоящей операции «Искра».

Детально рассмотрели план операции и решили внести некоторые коррективы в действия войск, особенно в организацию артиллерийского наступления. После совещания К. Е. Ворошилов вместе с командованием Ленинградского фронта уехал в 67-ю армию Ленинградского фронта для того, чтобы координировать там действия войск, а я остался для выполнения той же задачи на Волховском фронте, которым командовал К. А. Мерецков. Членом Военного совета был Л. З. Мехлис, начштаба фронта — генерал-лейтенант М. Н. Шарохин и командующим артиллерией — генерал-майор Г. Е. Дегтярев.

10 января я начал свою работу с проверки принятых решений и планирования операции командующими 2-й ударной армией генералом В. З. Романовским и 8-й армией генералом Ф. Н. Стариковым. Затем подробно ознакомился с материально-техническим обеспечением войск и детально разобрал решение на бой с командиром 128-й стрелковой дивизии, действовавшей на правом фланге.

Каждый день пребывания в войсках Волховского и Ленинградского фронтов завершался представлением Верховному Главнокомандующему подробного донесения о ре-

зультатах работы, принятых мерах по устранению выявленных недочетов с предложениями по вопросам, которые необходимо было решать в Генштабе и других центральных управлениях. Приведу один из таких документов, направленных мною И. В. Сталину после первого дня работы.

«Тов. Васильеву[1]

02.00 11.1.43

Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Разобрал также обстановку с командиром 128-й сд и его решение на бой.

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции являются:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков, и по опорному пункту Рабочий поселок № 8 недостаточно сосредоточено огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны, отмененные вашим приказом. Удаление их от первого эшелона на 1—1,5 км могло привести к большим потерям.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву[2] и командирам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно подать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

---

[1] Васильев — псевдоним И. В. Сталина. Подобного рода псевдонимы были установлены в то время в военно-оперативной переписке и телефонно-телеграфных переговорах.

[2] Афанасьев — псевдоним К. А. Мерецкова.

На второй этап операции[1] фронту требуется дополнительно отпустить следующее количество боеприпасов: 122-мм гаубичных — 20 000; 152-мм ПГ — 15 000; 120-мм мин — 60 000; снарядов М-30 — 15 000; М-20 — 3000; М-13 — 3500. Эти боеприпасы необходимо подать в период 18—20.I.43 г.

С утра 11.1 буду в дивизиях.

Ефремов[2] находится у Леонидова[3].

Константинов»[4].

Наконец все мероприятия по подготовке операции были завершены. Наступило утро 12 января. Оно выдалось морозным. Противник, видимо, в этот день не ожидал нашего наступления. С командного пункта командующего 2-й ударной армией я видел, как над позициями врага поднимались многочисленные дымки — гитлеровцы усиленно топили печи.

Не скрою, в то утро мы волновались. Хотя подготовка к операции проводилась очень скрытно, день и час ее начала держались до самого последнего момента в строжайшей тайне, никто не мог поручиться, что сведения об «Искре» не просочились каким-то образом к неприятелю. В последние дни шла перегруппировка значительных масс войск, занимавших исходные районы. Подтягивались к переднему краю танки, артиллерия. Впрочем, даже конфигурация фронта противнику подсказывала, что шлиссельбургско-синявинский выступ очень выгоден для удара советских войск. Поэтому еще с осени 1941 года враг сооружал здесь одно за другим инженерные укрепления, постоянно совершенствовал оборону.

Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным.

Утреннюю тишину разорвал гул артиллерийской канонады. В 9 часов 30 минут почти одновременно заговорили тысячи орудий и минометов. Это началась наша мощная артиллерийская подготовка, длившаяся около двух часов.

Огненный ураган бушевал над всей территорией шлиссельбургско-синявинского выступа. Гул артиллерий-

---

[1] Имелся в виду захват Синявинских высот.

[2] Ефремов — псевдоним К. Е. Ворошилова.

[3] Леонидов — псевдоним Л. А. Говорова.

[4] Константинов — мой псевдоним.

ской канонады обоих фронтов слился воедино, и трудно было разобраться, кто откуда стреляет. На участке прорыва на каждый квадратный метр земли упало по два-три артиллерийских снаряда.

Хорошо подготовленная атака принесла желаемые результаты. Преодолевая упорное сопротивление врага, взламывая его оборону, ударные группировки обоих фронтов, хотя и не без серьезных трудностей, настойчиво пробивались навстречу друг другу.

16 января мне доложили, что между Рабочими поселками № 5 и 6 наши артиллеристы подбили танк, который по своему внешнему виду резко отличался от известных нам типов боевых машин противника, причем гитлеровцы принимали всевозможные попытки для его эвакуации в свой тыл.

Я заинтересовался этим и приказал создать специальную группу в составе стрелкового взвода с четырьмя танками, которой была поставлена задача захватить подбитый вражеский танк, отбуксировать его в расположение наших войск, а затем тщательно обследовать.

В ночь на 17 января группа во главе со старшим лейтенантом Косаревым приступила к выполнению боевого задания. Этот участок местности противник держал под непрерывным обстрелом. Тем не менее вражеская машина была доставлена в наше расположение. В результате изучения танка и формуляра, подобранного на снегу, мы установили, что гитлеровское командование для испытания перебросило на Волховский фронт экспериментальный образец нового тяжелого танка «тигр» под номером один. Танк был отправлен на исследовательский полигон, где опытным путем установили его уязвимые места. Позднее в Курской битве немецко-фашистское командование применило «тигры» в большом количестве. Однако наши воины смело вступали с ними в единоборство, зная их особо уязвимые места.

Во время боев по прорыву блокады противник любой ценой стремился задержать наступление наших войск, бросал в контратаки свои резервы, подразделения и части, снятые с неатакованных участков фронта. Но врагу так и не удалось удержать в своих руках «шляхенсхальс» — как гитлеровцы называли шлиссельбургско-синявинский выступ, несмотря на то что плотность войск здесь была вдвое выше, чем это предусматривалось уставами фашистского вермахта.

После семидневных боев наши войска заняли город Шлиссельбург и ряд других населенных пунктов, превращенных противником в мощные узлы сопротивления. 18 января в районе Рабочих поселков № 1 и 5 наступавшие части фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана.

Находясь в это время в районе Рабочего поселка № 1, я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника из района Синявинских высот, воины — ленинградцы и волховчане по-братски с радостью обнимали друг друга. Это были воистину радостные исторические минуты. Прорыв блокады явился большим военно-политическим событием для всего советского народа.

20 января мы с К. Е. Ворошиловым выехали в Ленинград. Было много теплых, незабываемых встреч с защитниками города, с жителями. Ленинград ликовал. И вместе с тем намечал планы действий в новых условиях. В Смольном все разговоры сводились к тому, как бы скорее организовать доставку в Ленинград материально-технических средств для производства и ремонта боевой техники, необходимой нашим войскам. Сказывалось духовное могущество советского народа, воспитанного партией Ленина, — народа, которого не может победить никакая вражеская сила.

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года имел крупное военно-политическое значение. Восстановление сухопутных коммуникаций Ленинграда со страной значительно улучшило стратегическое положение Ленинградского и Волховского фронтов, а также Краснознаменного Балтийского флота. Эта победа окончательно устранила угрозу соединения немецких и финских войск в районе Ладожского озера.

Прорыв вражеской блокады явился переломным моментом в исторической битве за Ленинград. Были окончательно сорваны планы немецко-фашистского командования задушить защитников города костлявой рукой голода.

Прорыв блокады Ленинграда явился сильным ударом по престижу гитлеровского командования, израсходовавшего огромные силы и средства, чтобы удержаться на своих позициях южнее Ладожского озера.

Одновременно с этим прорыв вражеской блокады продемонстрировал возросшее военное искусство Красной Армии и ее командования. Под Ленинградом впервые в истории современных войн был осуществлен разгром противника, блокировавшего длительное время крупнейший город, ударом извне в сочетании с мощным ударом из осажденного района. Наступление, проведенное по такому плану, было всесторонне подготовлено и успешно завершено.

Победа, одержанная советскими войсками в январе 1943 года под Ленинградом, явилась убедительным свидетельством роста военной экономики нашей страны. В составе ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов при наступлении участвовало свыше 5200 орудий и минометов. За январь — март 1943 года только войска Ленинградского фронта израсходовали боеприпасов около 3 тысяч вагонов.

Тот факт, что войска Ленинградского фронта, находясь свыше одного года в блокаде, смогли в этой операции израсходовать так много боеприпасов, свидетельствует о том, что противнику не удалось ни изолировать Ленинград от страны, ни парализовать работу промышленности города.

Прорыв блокады Ленинграда еще раз продемонстрировал великую силу морально-политического единства советского общества, дружбы народов нашей Родины. У стен Ленинграда сражались представители всех национальностей СССР, которые проявили беспримерную храбрость и массовый героизм. За мужество и отвагу в боях по прорыву блокады около 22 тысяч воинов Ленинградского, Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и Ленинградской армии ПВО были награждены орденами и медалями. Только Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1943 года 26 воинов, наиболее отличившиеся в этих боях, удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Отмечая массовый героизм советских воинов в оборонительных сражениях 1941 года и в операции по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года, я как непосредственный участник событий не могу пройти мимо одного факта.

Дело вот в чем. В 1969 году в Англии вышла из печати объемистая книга Гаррисона Солсбери «Осада Ленинграда».

Книга обладает внешними признаками научности: факты и цифры даны со ссылками на источники, один лишь перечень которых занимает 14 страниц убористого текста. Примечательно, что в числе почти 500 названий использованной литературы указано 230 книг советских авторов (на русском языке) и, кроме того, 192 публикации из нашей периодической печати.

Однако более глубокое знакомство с книгой Солсбери показывает, что этот так называемый «труд», претендующий на научность, на самом деле является образцом необъективности и предвзятости. Антисоветская направленность книги очевидна.

Автор тщательно отбирает и охотно описывает самые мрачные, тяжелые и отрицательные факты и эпизоды, пытаясь создать впечатление бессмысленности и ненужности жертв, принесенных ленинградцами и войсками Ленинградского фронта ради удержания в своих руках Ленинграда. О победе советских войск под Ленинградом, по сути дела, Солсбери ничего не рассказывает. Не показывает он и значение 900-дневной героической обороны города Ленина для всего хода войны.

Общеизвестные факты, заимствованные из опубликованных советских источников, господин Солсбери преподносит западным читателям с видом первооткрывателя. Благодаря этому неосведомленный человек может подумать, например, что в книге впервые обнародуются сведения о страданиях, причиненных блокадой населению Ленинграда, о количестве погибших и так далее.

С исключительной недобросовестностью Солсбери излагает сведения о потерях. Он утверждает, что будто бы «советское руководство преднамеренно преуменьшало данные об умерших от голода».

Вот в чем, оказывается, «открытие» господина Солсбери! Кому и зачем надо скрывать число жертв преступлений немецких фашистов? Рассуждения Солсбери о фальсифицированных и действительных цифрах потерь ленинградского населения не стоят ломаного гроша.

Авторы подобных книг бессильны опровергнуть неопровержимое. Факты истории говорят сами за себя. Величие подвига ленинградцев, которым восхищается весь мир, доказало морально-политическое единство советского народа, его сплоченность вокруг своей партии, превосходство наших идей над мракобесными идеями нацизма, мужество и стойкость советских людей, их преданность

идеалам социализма, превосходство советского военного искусства над военным искусством гитлеровского вермахта. Без признания этих истин невозможно ни понять, ни объяснить ход и исход Великой Отечественной войны Советского Союза в целом и отдельных ее битв, в частности таких, как борьба за Ленинград.

О героической обороне Ленинграда написано много. И все-таки, мне кажется, о Ленинграде в годы войны так же, как и о всех наших городах-героях, следовало бы создать специальную серию книг-эпопей, широко иллюстрированных и прекрасно изданных, построенных прежде всего на фактологическом, документальном материале, написанных искренне и правдиво. Есть всякие города: города-побратимы, города-спутники. Городов-героев не так уж много, и находятся они в нашей Советской стране.

Думаю, что не только у жителей этих городов, но и у каждого советского человека нашлось бы дома место для такой книги, ее бы читали наши дети и внуки, быть может, изучали в школах — пусть молодежь в образах героев узнает своих отцов и матерей, пусть за новыми кварталами, площадями и проспектами мысленно представит себе окропленные в годы войны кровью улицы, разбитые стены, вздыбленную землю, с которой был сметен сильный и жестокий враг.

И если верно, что нужно как можно скорее стирать с лица земли следы разрушений, не омрачать ими жизнь живущих, то также необходимо передавать поколениям облик и дух нашего героического времени.

И. И. Федюнинский

генерал армии, Герой Советского Союза, во время проведения операции по прорыву блокады заместитель командующего Волховским фронтом

СЛАВНАЯ ПОБЕДА

Судьба военного человека полна неожиданностей. В апреле сорок второго года, уезжая с Ленинградского фронта на Западный, я не мог представить, что спустя полгода снова окажусь в местах, хорошо знакомых мне по Волховской и Любанской операциям, что на этот раз нам удастся наконец-то решить задачу большой сложности и значимости.

Осенью пришла телеграмма из Ставки. Мне предлагалось сдать командование 5-й армией генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко и срочно прибыть в Москву.

Пасмурным днем я вылетел в Малоярославец, где тогда находился штаб Западного фронта.

Принял меня командующий генерал И. С. Конев. Первый вопрос, естественно, — зачем вызывают в Москву? Иван Степанович ответил, что меня, по-видимому, направят под Ленинград.

— Впрочем, что гадать. В Генеральном штабе узнаете, — добавил он.

На следующий день все окончательно прояснилось. Я назначался заместителем командующего Волховским фронтом. В Москве встретился с генералом армии К. А. Мерецковым, вместе с которым мне теперь предстояло работать. До этого мы сравнительно мало знали друг друга, хотя во время Тихвинской операции воевали рядом. Кирилл Афанасьевич командовал 4-й армией, а я — 54-й. В декабре сорок первого года он был назначен командующим вновь созданным Волховским фронтом. Наша армия в состав этого фронта не входила, но все время с ним взаимодействовала.

В Москве от Мерецкова я узнал, что Ставка решила в конце года провести операцию по прорыву блокады Ленинграда.

— На вас как моего заместителя возлагается ответственность за успешные действия войск на правом фланге Волховского фронта, — сказал в заключение командующий фронтом. — Работать, Иван Иванович, придется много. И мне и вам. Но думаю, вас это не страшит.

Объем работы, конечно, меня нисколько не пугал. Говоря откровенно, я был рад назначению. В трудные для Ленинграда дни я по-настоящему полюбил этот прекрасный, героический город. Крепко врезались в память сентябрьские бои сорок первого года. Вражеские войска тогда остервенело штурмовали Пулковские высоты, стремились, не считаясь с огромными потерями, прорвать нашу оборону в районе Урицка. Войска фронта остановили тогда гитлеровцев. Однако Ленинград оставался в блокаде. Положение его было очень тяжелым. Наступил новый этап в битве за город — борьба за коммуникации...

С К. А. Мерецковым мы договорились, что я буду большую часть времени находиться не в штабе фронта, а в дивизиях и полках, чтобы иметь возможность контролировать их подготовку к предстоящей операции.

Наш Волховский фронт держал оборону между Ладожским озером и озером Ильмень. Участок фронта от маяка Бугровский до Гайтолова обороняли четыре дивизии 2-й ударной армии. Основные силы этой армии располагались в 15—25 километрах от фронта и занимались боевой подготовкой. Левее 2-й ударной армии, на рубеже Гайтолово, Лодва, Кириши, держали оборону 8-я и 54-я армии, а далее от Киришей до озера Ильмень по реке Волхову — 4-я, 59-я и 52-я армии.

Действовать нам предстояло против 18-й немецкой армии. В своем составе она имела 19 пехотных, 3 авиаполевых, 2 охранные, горнострелковую дивизии и пехотную бригаду СС. Из этих соединений только два были выделены в армейский резерв: 96-я пехотная размещалась в районе Мги и 13-я авиаполевая — в районе Чудово. Все остальные дивизии находились в первой линии. На каждую из них в среднем приходилось примерно 17 километров фронта. Для усиления некоторых направлений фашистское командование использовало отдельные части из состава двух охранных дивизий, прикрывавших тыловые объекты армии.

Наиболее плотными боевые порядки противник имел на шлиссельбургско-синявинском выступе. Оборонявшиеся здесь дивизии занимали участки не более 8—12 километров по фронту с многочисленными опорными пунктами и узлами сопротивления.

Оборона вражеских войск была глубоко эшелонированной, развитой в инженерном отношении, насыщенной большим количеством огневых средств. По переднему краю проходила сплошная траншея. На некоторых участках была отрыта и вторая траншея. Там, где болотистая местность не позволяла углубляться в землю, противник возвел насыпные валы и прочные бревенчатые заборы. Передний край вражеской обороны прикрывали минные поля и проволочные заграждения, рогатки и надолбы.

Мы отчетливо представляли трудности операции по прорыву блокады на шлиссельбургско-синявинском выступе. Но другого выхода не было.

Началось тщательное изучение противника. Всеми видами разведки было установлено, что на линии Липка — Гайтолово — Поречье, где намечалось осуществить прорыв, оборонялись 227-я пехотная дивизия противника (без одного полка), 1-я пехотная дивизия, 374-й полк 207-й охранной дивизии и 425-й пехотный полк 223-й пехотной дивизии.

Всего к северу от линии Вороново — Мга — Пороги противник имел 3 пехотные дивизии и 4 отдельных полка. В районе Мги в резерве кроме 96-й пехотной дивизии был еще 85-й полк 5-й горнострелковой дивизии.

Численный состав немецких дивизий достигал 10—12 тысяч человек. Все части имели большой опыт ведения боевых действий на данном участке фронта. В их составе было до 450 орудий разных калибров, 250 минометов, около 50 танков и штурмовых орудий.

Командующий войсками Волховского фронта для прорыва блокады создал ударную группировку в составе 2-й ударной армии. Обеспечение левого фланга 2-й ударной армии возлагалось на 8-ю армию, которая своими правофланговыми соединениями должна была наступать в направлении Тортолово — поселок Михайловский, сковать этим самым часть вражеских сил.

В состав 2-й ударной армии к началу операции входили 11 стрелковых дивизий, 2 лыжные и 4 танковые бригады, танковый полк, 4 отдельных танковых баталь-

она, 38 артиллерийских и минометных полков, 2 инженерные бригады и 6 отдельных саперных батальонов.

При ширине участка прорыва армии в 13 километров в среднем на каждый километр фронта приходилось 160 орудий и минометов.

В целях обеспечения левого фланга 2-й ударной армии командующий 8-й армией решил осуществить прорыв обороны противника на участке Гайтолово, Мышкино и наступать на поселок Михайловский силами 80-й стрелковой дивизии, 73-й стрелковой бригады, усиленных танковым полком, танковым батальоном и 9 артиллерийскими и минометными полками. Во втором эшелоне 8-й армии наступала 364-я стрелковая дивизия.

Прорыв обороны противника и соединение войск Волховского и Ленинградского фронтов южнее Ладожского озера намечалось осуществить в течение семи дней.

В полосе наступления ударных группировок этот прорыв обеспечивался тщательно согласованным планом огня. Артиллерийская подготовка атаки в 67-й армии была запланирована продолжительностью 2 часа 20 минут, а во 2-й ударной, где плотность артиллерии была выше, — 1 час 45 минут. Сопровождение пехоты на глубину одного километра в обеих армиях обеспечивалось огневым валом, а далее последовательным сосредоточением огня.

Танковые части в 67-й и 2-й ударной армиях предусматривалось использовать в качестве танков непосредственной поддержки стрелковых соединений первого и второго эшелонов армий. Во 2-й ударной армии почти все танковые части, включенные в первый эшелон, должны были действовать с левофланговыми дивизиями, наступавшими на Синявино. Здесь плотность танков достигала 20 единиц на километр, а с вводом в бой второго эшелона она увеличивалась до 30—32 танков на километр фронта.

Для организации взаимодействия между фронтами К. А. Мерецкову и мне необходимо было побывать в Ленинграде. Ехали ночью по ледовой дороге через Ладожское озеро. Обращал на себя внимание исключительный порядок на трассе. Дорога была очищена от снежных заносов. Автомашины шли в осажденный Ленинград без задержки, и на всем пути нам не встретилось ни одной «пробки». По обеим сторонам дороги то здесь, то там виднелись огневые позиции зенитчиков. Чувствовалось, что

подразделения, обслуживающие трассу, приобрели солидный опыт и находились в постоянной боевой готовности.

На состоявшемся в Смольном совещании представителей командования Ленинградского и Волховского фронтов вопросы взаимодействия обсуждались до деталей. В частности, было условлено, что если одна из ударных группировок не успеет своевременно подойти к намеченному рубежу встречи на линии Рабочих поселков № 2 и 6, то другая группировка продолжит наступление. Договорились также о порядке взаимного обмена оперативными и разведывательными сводками.

Ударной группировке Волховского фронта предстояло прорвать оборону врага на участке Липка — Гайтолово, овладеть Рабочими поселками № 1 и 5, Синявино и, соединившись с войсками Ленинградского фронта, наступать на юг. Главная роль в решении этой задачи отводилась 2-й ударной армии, в командование которой в декабре вступил генерал-лейтенант В. З. Романовский.

К операции были привлечены 13-я и 14-я воздушные армии, имевшие в своем распоряжении свыше 800 самолетов.

В материальном отношении ударные группировки фронтов были полностью обеспечены всем необходимым для успешного осуществления операции.

Подготовке 2-й ударной армии к предстоящей операции мы уделяли много внимания. В тылу были оборудованы учебные поля и городки по типу опорных пунктов противника. Здесь подразделения и части учились штурмовать укрепленные позиции, вести наступательный бой в лесу. Помня уроки Любанской операции, я на всех учениях требовал от командиров четкой отработки вопросов взаимодействия и управления в ходе наступления.

Мне хорошо запомнилось одно из учений в 18-й стрелковой дивизии, только что прибывшей к нам из-под Сталинграда. Вместе с генералом В. З. Романовским мы приехали в дивизию. Занятия были в самом разгаре. Комдив — генерал-майор М. Н. Овчинников, человек уже довольно пожилой, — болел, замещал его полковник Н. Г. Лященко.

На поле были возведены из снега, политого водой, ледяные валы двухметровой высоты. С опушки леса мы отчетливо видели, как пехота и танки начали «атаку». Все шло как будто хорошо: стрелки двигались, не отрываясь от танков. Но вот боевые машины приблизились

к ледяному валу, и тут возникло замешательство. Танки не смогли двигаться дальше. Остановилась и пехота, тоже не зная, как преодолеть препятствие. У стрелков не оказалось штурмовых лестниц, «когтей», фашин, удлиненных зарядов. В общем, «атака» сорвалась.

— Занятия следовало бы организовать иначе, — сказал я полковнику Лященко. — Вы построили такие валы, каких у гитлеровцев нет. У них они ниже и у́же. Зачем же пугать бойцов, внушать им неправильное представление о прочности и крепости вражеской обороны? Танки же преодолеют валы только тогда, когда пойдут в атаку на предельной скорости. А пехотинцам надо еще потренироваться в штурме ледяного вала и других препятствий.

Повторная «атака» оказалась более удачной.

Подобные занятия проходили во всех дивизиях 2-й ударной армии. Готовя войска к прорыву, мы учили командиров соединений, частей и подразделений широко использовать маневр в наступлении, не ограничиваться фронтальными ударами по опорным пунктам врага, непрерывно и активно вести разведку.

Ходом боевой подготовки постоянно интересовался представитель Ставки Верховного Главнокомандования, член Политбюро ЦК ВКП(б) Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он часто приезжал в дивизии, присутствовал на учениях и стрельбах, беседовал с командирами и бойцами. И надо было видеть, с какой теплотой и любовью встречали воины легендарного полководца, подлинного народного героя!

Прибывший в январе на Волховский фронт заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков координировал вместе с К. Е. Ворошиловым действия двух фронтов. Талантливый советский полководец, человек высокой требовательности и неиссякаемой энергии, Георгий Константинович многое сделал для успешного проведения операции «Искра».

Предметом нашей особой заботы было обеспечение скрытности подготовки к прорыву. Перегруппировка войск производилась исключительно в ночное время или в нелетную погоду. Для разведки боем и ночных поисков привлекались только те подразделения и части, которые находились в непосредственном соприкосновении с противником. Эти меры сыграли свою роль. Противнику лишь незадолго до начала операции удалось установить,

что наши войска готовятся к наступлению, но и тогда определить время и силу удара гитлеровское командование не смогло.

Наряду с боевой подготовкой в войсках Волховского фронта проводилась большая партийно-политическая работа. Политические органы соединений, не раскрывая конкретных мероприятий по подготовке операции, разъясняли личному составу огромную важность стоявшей перед ними задачи по освобождению Ленинграда от вражеской блокады, пропагандировали победы Красной Армии на юге, указывая при этом, что вся страна ждет от войск Ленинградского и Волховского фронтов таких же подвигов, какие достигнуты советскими воинами под Сталинградом.

Высокий политический подъем в войсках нашел яркое выражение в количественном росте партийных организаций. В ударных группировках фронтов они увеличились в четыре раза. То же можно сказать и о численности комсомольских организаций.

Постоянное внимание также обращалось на укрепление единоначалия, на знание и выполнение требований военной присяги, на воспитание у личного состава ненависти к фашистским захватчикам.

К 10 января 1943 года подготовка к прорыву блокады полностью закончилась. Ударная группировка нашего фронта в полосе прорыва имела более чем пятикратное превосходство над противником в силах и средствах. Войска были хорошо обучены и материально обеспечены.

Ночь на 11 января выдалась темная. Оттепель сменилась небольшим морозцем. В кромешной мгле, двигаясь по густым лесам, соединения первого эшелона 2-й ударной армии скрытно заняли исходные позиции в 300—500 метрах от первой траншеи противника.

В первом эшелоне было 5 стрелковых дивизий, усиленных артиллерийскими полками и саперными частями, тяжелый танковый полк и танковая бригада. Второй эшелон составляли 4 стрелковые дивизии и 3 танковые бригады. Одна стрелковая дивизия и две лыжные бригады были в армейском резерве в районе Путилово.

Весь день 11 января уточнялись вопросы взаимодействия, проверялась широко разветвленная сеть проводной связи. Штабы соединений придвинулись ближе к войскам. Как только стемнело, сводная группа ночных бомбардировщиков совершила массированный налет на

артиллерийские позиции и штабы противника в полосе прорыва.

Ночь, как всегда перед боем, прошла в напряженном ожидании.

На рассвете, накинув на плечи шинель, я вышел из землянки, отрытой рядом с наблюдательным пунктом командующего 2-й ударной армией В. З. Романовского. В лесу стояла настороженная тишина. Отчетливо слышался скрип снега под валенками мерно шагавшего часового. Со стороны переднего края доносились редкие, приглушенные расстоянием пулеметные очереди. Легкий серый туман окутывал заиндевелые стволы деревьев. Но вот блеснули первые лучи солнца. Близилось время артиллерийской подготовки.

Вернувшись в землянку, я снова склонился над изученной до мелочей рабочей картой. Вот он, шлиссельбургско-синявинский выступ. Не более чем на 12—15 километров отстоят друг от друга войска двух фронтов. В мирное время за каких-нибудь три часа можно пройти пешком такое расстояние. Пройдем ли мы его с боями за неделю? Моя карта вся испещрена условными знаками, обозначающими опорные пункты врага, огневые позиции его артиллерии и минометов.

Утром вздрогнула и загудела земля. Раскатистый, басовитый гул покатился по лесу. Началась артиллерийская подготовка атаки. Я взглянул на часы: было 9 часов 30 минут. Орудия еще продолжали греметь, когда в воздухе появились небольшие группы наших самолетов. Они атаковали опорные пункты и огневые позиции артиллерии противника в районах Рабочих поселков № 4, 5 и 7 и в Синявино.

По показаниям пленных гитлеровцев, действенность огня нашей артиллерии была очень высокой. Один из них заявил: «Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню весь этот адский грохот, разрывы снарядов и мин, так снова и снова меня бросает в дрожь».

Другой пленный унтер-офицер сказал: «Я — артиллерист, но никогда еще не видел такого сокрушительного огня».

В 11 часов 15 минут войска первого эшелона 2-й ударной армии при поддержке авиации и артиллерии перешли в наступление. Начали атаки и правофланговые соединений 8-й армии Волховского фронта. Медленно, но упор-

но стрелковые дивизии первого эшелона вгрызались в оборону врага.

К исходу дня удалось продвинуться на два, а местами на три километра, прорвать первую позицию противника севернее и южнее Рабочего поселка № 8 и овладеть почти полностью важным узлом сопротивления врага — рощей с кодированным названием «Круглая».

В ночь на 13 января войска закрепились на достигнутых рубежах, а с утра снова двинулись вперед. Генерал В. З. Романовский ввел в бой две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду из второго эшелона. В свою очередь противник подтянул из Мги части 96-й пехотной дивизии и усилил сопротивление.

Я отправился в 239-ю стрелковую дивизию, которой командовал генерал-майор П. Н. Чернышев, чтобы на месте выяснить обстановку. Со мной были офицер связи и адъютант. Офицер связи уверенно вел нас по заснеженному лесу, ориентируясь по каким-то одному ему известным признакам. Вышли на опушку. Отсюда тропинка тянулась через изрытое снарядами поле. Сначала мы шли по тропинке, а потом свернули с нее и направились напрямик к темневшей впереди большой ели со сломанной вершиной. Неожиданно я увидел торчащий из снега колышек с прибитой к нему дощечкой. Осветив ее карманным фонариком, прочитал: «Осторожно! Мины!» Мне стало не по себе. Но офицер связи, не замедляя шагов, равнодушно бросил:

— Ничего, товарищ генерал. Зимой эти мины не взрываются — вмерзли в землю.

Он оказался прав, — мы благополучно миновали опасное место.

В убежище генерала Чернышева, сооруженном из мелких кусков торфа, жарко топилась печь. Генерал был одет в белый, сильно выпачканный грязью маскировочный халат. На коленях у него лежала развернутая карта. Чернышев что-то деловито измерял по ней. Взглянув на карту, я сразу отметил, что наблюдательный пункт дивизии находился слишком далеко от боевых порядков полков.

— Связь с частями устойчивая? — спрашиваю у комдива.

— Не со всеми, — замявшись, ответил он. — С полком, который вышел на насыпь железной дороги, никак не могу связаться.

— Что собираетесь предпринять?

— Сейчас пошлю туда офицера связи.

— А что делают остальные полки?

— Закрепляются, — ответил Чернышев.

— Дайте мне двух автоматчиков, я пойду в головной полк.

Генерал Чернышев уверял, что связь будет скоро восстановлена, но я не стал ждать.

Вышел из убежища комдива. Вокруг была густая темнота. Мела злая поземка. Колючий снег, подгоняемый ветром, бил в лицо. Попыхивая цигарками, подошли два автоматчика.

— Дорогу к полку за насыпью знаете? — спросил я.

— Известна, товарищ генерал. Тут по лесу надо пройти, потом через насыпь, а там уж до передовой рукой подать.

Однако путь оказался не близким. Мы довольно долго шли вдоль опушки, прежде чем добрались до насыпи. Меня удивило, что на переднем крае совсем не слышалось стрельбы. Поднявшись на насыпь, мы увидели неподалеку несколько неярких костров. Впереди, метрах в пятистах, тоже горели костры. Я направился к ближнему. Возле огня сидело несколько бойцов.

— Кто такие? Что здесь делаете?

— Греемся, товарищ генерал.

— Из какой части?

Бойцы назвали полк, в который я направлялся.

— Кто правее вас?

— Наш третий батальон.

— А слева?

— Вторая рота.

— Чьи же костры впереди?

— Там немцы греются. Небось замерзли еще сильнее нашего. Мы-то привычные.

Красноармейцы негромко засмеялись. Но мне было не до смеха. Значит, с наступлением ночи боевые действия по существу прекратились. Противник получил возможность закрепляться на новых рубежах, спешно перебрасывая к участку прорыва ближайшие оперативные резервы — части 96-й и 61-й пехотных дивизий.

Конечно, за день боя люди устали. Но в конце концов можно было или подменить некоторые части, или действовать в ночное время силами небольших отрядов. Были у нас вторые эшелоны и резервы.

Я поручил одному из бойцов разыскать командира батальона. Комбат доложил, что приказа продолжать наступление ночью не получал. Это подтвердил и командир полка. По моему указанию была проведена некоторая перегруппировка. Из батальона второго эшелона выделили усиленную роту, которую послали в обход гитлеровцев, беспечно греющихся у своих костров.

В ту же ночь я побывал еще в двух стрелковых дивизиях и потребовал от командиров немедленного продолжения активных действий.

13 января бои разгорелись с новой силой. Они носили очень ожесточенный характер и велись в сложных условиях. Пошел густой снег. Авиация фронта, сделавшая за первый день более 500 самолето-вылетов, теперь из-за низкой, сплошной облачности фактически не могла подниматься в воздух.

Действия наших войск 13 января свелись в основном к боям местного значения, улучшению и закреплению занятых накануне рубежей.

Таким образом, за два дня наступления войска 2-й ударной армии, прорвав вражескую оборону на 10-километровом участке от Липки до Гайтолово, продвинулись в центре на 2—4 километра в глубину, завязали бои на подступах к Рабочим поселкам № 4 и 5.

В последующие три дня продолжались напряженные и кровопролитные бои. Все у́же становилась полоска земли, которая разделяла войска Ленинградского и Волховского фронтов.

Поздно вечером 17 января я сидел в землянке генерал-лейтенанта В. З. Романовского. Начальник штаба армии генерал-майор П. И. Кокорев звонил в дивизии, уточнял обстановку и остро отточенным красным карандашом делал аккуратные отметки на оперативной карте. Мы с генералом Романовским тоже не могли оторвать взгляд от карты. Вдоль маленьких речек, скрытых сейчас снегом, по болотам и населенным пунктам, пересекая нитки дорог и высотки, поросшие лесом, проходил рубеж, которого достигли войска армии. И совсем недалеко от этого рубежа находились передовые части 67-й армии Ленинградского фронта, идущие нам навстречу.

— Завтра! — уверенно сказал командарм.

— Да, не позже, чем завтра, — подтвердил я, понимая, что генерал Романовский имеет в виду соединение фронтов.

И вот наступило 18 января, день, когда армии сделали последний, решительный рывок.

В 12 часов на основном направлении подразделения 136-й стрелковой дивизии и 61-й танковой бригады Ленинградского фронта, успешно отразив контратаку, на плечах отходящего врага ворвались в Рабочий поселок № 5 и соединились с частями нашей 18-й стрелковой дивизии.

Прорыв блокады был осуществлен! То, о чем так долго мечтали героические защитники Ленинграда, чего ждали все советские люди, свершилось. Это был знаменательный и очень важный по своим военным и политическим последствиям прорыв.

Вместе с членом Военного совета 2-й ударной армии секретарем Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецовым я приехал в Рабочий поселок № 5. Здесь все перемешалось, возникла небольшая путаница, которой могли воспользоваться гитлеровцы. Требовалось навести должный порядок, помочь командирам частей и соединений правильно распределить силы, предупредить возможный удар противника со стороны левого фланга. Этими неотложными вопросами я занимался до утра 19 января.

А утром на весь мир прозвучало сообщение Советского Информбюро, в котором, в частности, говорилось:

«Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

Победа была большая, но ее следовало закрепить. Гитлеровцы не желали смириться со своим поражением. Они продолжали подбрасывать силы в район Синявина. Угроза нашему левому флангу вырисовывалась все явственнее. Можно было предполагать, что гитлеровцы попытаются восстановить блокаду Ленинграда. Командование Волховского фронта приняло необходимые меры. В ночь на 20 января был произведен сильный огневой налет по войскам противника, сосредоточившимся в районе Си-

нявинских высот. Кроме того, 20 января мы усилили левый фланг тремя дивизиями. С их командирами я выехал в район рощи «Круглая» для уточнения задачи на местности.

Недалеко от опушки рощи противник заметил наши автомашины и сделал по дороге непродолжительный, но довольно сильный огневой налет. За шумом мотора мы не услышали шелеста летящих мин, и они неожиданно для нас стали рваться совсем рядом. Осколки повредили двигатель, автомобиль остановился.

Мы вышли из машины. Шофер Александров поднял капот. От неглубоких свежих воронок пахло гарью. Комья выброшенной взрывами земли чернели на заснеженных торфяниках.

Снова заработали вражеские минометы. Я упал по левую сторону машины, Александров — по правую.

Раздалось несколько взрывов. Что-то сильно ударило меня в правое бедро. Вначале, как это бывает при ранениях, я не почувствовал боли, но, когда попытался подняться, едва не потерял сознание.

— Александров, ты жив? — окликнул я шофера.

— Ранен, товарищ генерал, — отозвался водитель. — Не могу встать.

Так мы и лежали на снегу возле машины, пока не подоспели порученец, адъютант и командиры из оперативного отдела, ехавшие следом за нами. Меня и шофера наспех перевязали и повезли на КП 11-й стрелковой дивизии полковника В. А. Вержбицкого. Это было сделано вовремя, потому что противник опять принялся обстреливать дорогу.

Какой-то пожилой красноармеец, наблюдая, как нас, раненых, неумело пытаются перенести из «виллиса» в землянку, укоризненно проговорил:

— Нешто можно так раненых тормошить?

Он на минуту скрылся в землянке и вернулся с плащпалаткой.

— Кладите на палатку, сподручнее будет нести.

В землянке врач наложил мне новую повязку, и уже на санитарной машине меня повезли в госпиталь, в деревню Горка, где хозяйничал прекрасный хирург профессор А. А. Вишневский.

Мы с ним были хорошо знакомыми, можно сказать, друзьями. Вишневский осмотрел рану, приговаривая ворчливой скороговоркой:

— Так, так... Тут больно? Я так и думал. Здесь тоже? Очень хорошо... Буду оперировать, причем сегодня, сейчас же.

В домик, где я лежал, ожидая операции, пришли командующий фронтом К. А. Мерецков, член Военного совета Л. З. Мехлис.

— Не волнуйтесь, Иван Иванович, — сказал Мерецков. — Все будет в порядке. А нам-то сообщили, что вас ранило в голову.

Поговорить нам не дали, пришли санитары и перенесли меня в операционную.

— Что же, приступим к делу! — ободряюще глядя на меня, бросил Вишневский, которому сестра уже подавала стерильный халат.

— Резать будешь? — спросил я хирурга.

— Буду. А что, страшно?

— Не страшно, только я замерз сильно. Прикажи дать немного коньяку. Не повредит?

— Не повредит, — согласился хирург.

Вишневский, в белой марлевой маске, скрывающей нижнюю половину лица, подошел к столу. Я лежал, полузакрыв глаза, но все же видел, как уверенной рукой с сильными подвижными пальцами он сделал разрез, словно провел легкую черту.

Операция началась. Хирург произвел ее под местной анестезией — против общего наркоза я решительно воспротивился. Несмотря на обезболивающие средства, ощущения были, мягко выражаясь, не из приятных. К тому же операция длилась мучительно долго.

— Уже скоро-скоро кончу, — подбадривал хирург.— Еще немножко придется потерпеть. Сейчас достану осколок, вычищу рану, и все.

Около двух часов оперировал меня Вишневский. Я знал, что Александр Александрович — крупный специалист, прямо-таки художник в своем роде, но, измученный долгой операцией, сказал ему:

— Возишься столько времени, а еще профессор!

Вишневский, понимая мое состояние, не обиделся. Он только проговорил:

— Терпи. Случится с тобой что-нибудь плохое после операции — мне отвечать.

Наконец все было кончено. Хирург дал мне на память осколок — зазубренный кусочек металла размером почти в четыре квадратных сантиметра.

Уже на другой день я почувствовал себя лучше. Несколько раз заходил ко мне Вишневский, осматривал, сам делал перевязку. Я отказался ехать в дальний тыловой госпиталь и остался в Горке.

Потянулись однообразные, скучные дни. Читать мне много не позволяли. В комнате, где я лежал, был только телефон ВЧ, но и тот все время молчал. От нечего делать я подолгу разглядывал бревенчатую стенку, возле которой стояла моя кровать. Изучил все трещинки и сучки на ней.

Утром 24 января вдруг зазвонил телефон. Я недоверчиво покосился на него, подумал, что ослышался. Но звонок повторился. Я взял трубку.

Звонил Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

— Как самочувствие? Где вы находитесь? — спросил он.

Я ответил, что чувствую себя хорошо и что нахожусь в деревне Горка.

Тогда К. Е. Ворошилов сказал:

— Пришлите ко мне адъютанта. Пусть он меня проводит к вам.

Маршал приехал в середине дня. Энергичными шагами он прошел по комнате, поздоровался и сразу принялся меня отчитывать:

— Осторожнее надо! Слишком часто бываете под огнем, иной раз совсем без надобности. Так можно и голову потерять ни за что ни про что.

— Но, товарищ маршал, вы тоже часто находитесь в боевых порядках войск, — возразил я.

— Ну, я — другое дело, — усмехнулся Климент Ефремович. — Побольше вас воюю, и еще ни разу не был сильно ранен. А уж, кажется, в какие только переделки не попадал!

Я слушал Ворошилова, откровенно любовался этим простым, душевным человеком и думал о том, как подходят к нему ставшие поговоркой слова песни: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Принесли чай с лимоном. Мы долго беседовали с К. Е. Ворошиловым. Климент Ефремович рассказал об обстановке на фронте. Он сообщил, что все попытки противника восстановить положение и вновь прорваться к Ладожскому озеру успешно отбиты. Наши войска прочно удерживают занятый рубеж. Строят инженерные сооружения, приспосабливают для обороны населенные

пункты. Началась прокладка железной дороги южнее Ладожского озера, и скоро в Ленинград пойдут первые поезда.

Уехал К. Е. Ворошилов под вечер. Позднее он еще раз позвонил мне, прислал посылку.

В эти же дни у меня была большая радость. Генерал армии К. А. Мерецков от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил мне высокую правительственную награду — орден Кутузова I степени. Генерал пришел в новой, только что введенной и еще непривычной форме с погонами. Я тоже облачился в китель, но встать с постели не мог. Так и принял орден, лежа в постели...

Радовали и вести с других фронтов. Крупные победы одержали войска Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского фронтов. Как хотелось быстрее встать в строй, чтобы участвовать в изгнании фашистских оккупантов с нашей земли!

Операция, сделанная профессором А. А. Вишневским, оказалась удачной, и я, несмотря на то что ранение было тяжелым, за месяц настолько окреп, что во второй половине февраля уже мог немного ходить, опираясь на костыли.

Мне несколько раз звонили из Генерального штаба, справлялись о здоровье. Я не мог понять причину такой заботы, но потом меня прямо спросили, не могу ли я возглавить группу войск, которая должна с севера перерезать так называемый «рамушевский коридор», а затем участвовать в уничтожении противника в демянском «мешке».

Перспектива попасть на Северо-Западный фронт под Демянск, содействовать разгрому 15 пехотных дивизий врага была весьма соблазнительной, но пришлось с горечью ответить:

— Командовать могу, но пока только лежа.

Как я досадовал на ранение, которое обрекло меня на вынужденное безделье в такое горячее время!

А тут еще исчез куда-то мой порученец майор Чуканов. На все вопросы о нем адъютант отвечал уклончиво. Чуканов, мол, заболел, и его эвакуировали в госпиталь, но чем заболел, неизвестно.

Я не на шутку встревожился. Однако вскоре выяснилась настоящая причина его исчезновения. Оказывается, по поручению Военного совета фронта он уехал за моей женой.

Я узнал об этом только в день ее приезда. И, конечно, был благодарен генералу армии К. А. Мерецкову за предоставленную возможность повидаться с женой. Когда Елена Владимировна вошла в комнату, я медленно поднялся ей навстречу, опираясь на костыли.

— Опять в ногу, — тихо сказала жена.

Действительно, трижды я был ранен, и все три раза в правую ногу. Впервые это случилось в 1920 году на Юго-Западном фронте. Второй раз ранило 20 августа 1939 года на Халхин-Голе. И вот теперь — снова.

В начале марта я приступил к исполнению своих служебных обязанностей, хотя ходил еще опираясь на палочку. В эти дни командование Волховского фронта предприняло попытку улучшить наши позиции в районе Синявинских высот.

Представителем Ставки прибыл Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Я находился у командующего 54-й армией генерал-майора С. В. Рогинского, когда позвонил К. А. Мерецков и приказал мне сопровождать маршала Тимошенко в район боевых действий.

С. К. Тимошенко очень детально и тщательно изучил местность перед нашим передним краем. Целую неделю мы с ним провели в полках первого эшелона. Ему хотелось все осмотреть самому, при этом он проявлял исключительное спокойствие и полное презрение к опасности.

Однажды гитлеровцы заметили наши автомашины, остановившиеся у опушки леса, и произвели артиллерийский налет. Я предложил маршалу Тимошенко спуститься в блиндаж, так как снаряды стали рваться довольно близко.

— Чего там по блиндажам лазить, — недовольно сказал он. — Ни черта оттуда не видно. Давайте останемся на опушке.

И он невозмутимо продолжал рассматривать в бинокль передний край обороны противника. Это не было рисовкой, желанием похвалиться храбростью. Нет, просто С. К. Тимошенко считал, что опасность не должна мешать работе.

— Стреляют? Что ж, на то и война, — говорил он, пожимая широкими плечами.

...Обстановка в те мартовские дни на Волховском фронте по-прежнему оставалась исключительно напряженной. На разных участках шли бои, правда местного

значения. Одновременно было решено нанести удар на новгородском направлении, где у нас действовала 52-я армия. Это вызывалось тем, что командование 18-й немецкой армии стянуло в район Синявино много своих сил. Нетрудно было догадаться, для чего так делалось. Противник решил взять реванш, восстановить блокаду, вновь пробиться к Ладожскому озеру.

В середине марта 52-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев, перешла в наступление. Велось оно ограниченными силами, но вызвало большое беспокойство у противника. На новгородское направление начали спешно перебрасываться подкрепления. Войска 52-й армии отвлекли на себя более четырех вражеских дивизий.

Спустя несколько дней наступление начали 55-я армия Ленинградского фронта и 8-я армия Волховского фронта. Перед ними стояла ответственная задача: разгромить мгинско-синявинскую группировку противника. Каждая из армий на своем участке прорвала вражескую оборону, продвинулась на несколько километров вперед, но развивать свои успехи не имела возможностей. Однако эта совместная операция Волховского и Ленинградского фронтов заставила немецко-фашистское командование ввести в бой все свои резервы. Защитники Ленинграда сковали своими активными действиями около 30 вражеских дивизий в тот период, когда на южном фланге советско-германского фронта Красная Армия, преследуя разбитого на Волге и Северном Кавказе врага, успешно вела наступление на запад.

Пришел апрель. Началась распутица. Военные советы Волховского и Ленинградского фронтов поставили перед Ставкой Верховного Главнокомандования вопрос о переходе к обороне. Их соображения были учтены. На северо-западном театре военных действий наступило относительное затишье. Развернулись оборонительные работы большого масштаба, шла подготовка войск к летним наступательным операциям.

Сейчас, спустя 30 лет после тех памятных событий и боев, можно с полной уверенностью сказать, что прорыв блокады явился переломным моментом в битве за Ленинград. Окончательно провалились вражеские планы захвата осажденного города. Противник понес в боях южнее Ладожского озера, в районах Синявино и Красный Бор, громадные потери в живой силе и боевой технике. В ре-

зультате с января сорок третьего года инициатива ведения боевых действий полностью перешла к нашим войскам.

После прорыва блокады и установления железнодорожного сообщения значительно упорядочилось обеспечение ленинградского населения продовольствием, топливом, а промышленности — сырьем. С февраля 1943 года в городе резко увеличилась выработка электроэнергии, на заводах и фабриках в несколько раз возросло промышленное производство.

Иным стало стратегическое положение Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Сухопутные коммуникации позволили непрерывно усиливать их пополнением и боевой техникой. Силы защитников Ленинграда начали быстро возрастать, возможности для окончательного разгрома врага под Ленинградом увеличивались с каждым месяцем. Улучшились условия для тесного взаимодействия войск Ленинградского и Волховского фронтов.

В отличие от других операций, проведенных Красной Армией в период Великой Отечественной войны, операция по прорыву блокады Ленинграда имела ряд характерных особенностей. Во-первых, это был, по существу, первый случай прорыва нашими войсками долговременной, сильно укрепленной обороны противника. Во-вторых, для войск Ленинградского фронта этот прорыв был связан с необходимостью преодоления по льду широкой реки под сильным огнем противника. В-третьих, прорыв обороны противника осуществлялся ударами с двух сторон путем наступления войск двух фронтов навстречу друг другу.

Опыт подготовки и проведения операции по прорыву вражеской блокады Ленинграда был широко использован Красной Армией в последующих боях с врагом.

В битве за Ленинград — город русской славы, колыбель Октября — ярко проявилась высокая морально-политическая стойкость и беспредельная преданность советских людей своей социалистической Родине. Вера в несокрушимую мощь нашей страны, повседневное руководство и помощь со стороны Центрального Комитета нашей партии помогли ленинградцам преодолеть все трудности и обеспечили в январе следующего, сорок четвертого года великую, историческую победу над коварным врагом.

Решительными и согласованными действиями войск Ленинградского и Волховского фронтов, при активном содействии Краснознаменного Балтийского флота и 2-го Прибалтийского фронта были разгромлены главные силы 18-й вражеской армии. Остатки ее дивизий, почти 900 дней осаждавших город Ленина, были отброшены к Нарве и Пскову. Вскоре советские воины, закалившиеся в битве за Ленинград, нанесли новый сокрушительный удар и освободили Эстонию. Поход группы вражеских армий «Север» на Ленинград бесславно завершился «Курляндским котлом». Именно там 8 мая 1945 года была принята безоговорочная капитуляция.

Родина, партия, правительство высоко оценили подвиг защитников города-героя. В декабре сорок второго года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», которой награждались все участники героической обороны Невской твердыни. Город-герой Ленинград был удостоен высшей награды — ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Его беспримерный подвиг будет вечно жить в памяти советского народа.

Н. А. Манаков

в годы Великой Отечественной войны заместитель председателя Ленинградского Совета депутатов трудящихся

ГОРОД — ФРОНТУ

1

Октябрьский праздник 1942 года я встретил в Москве. Приехал в столицу для разрешения вопросов, связанных с утверждением квартального плана и бюджета Ленинграда. Побывал в Наркомате финансов, в Госплане. С кем бы ни встречался, все к нуждам блокированного города относились внимательно, с полным пониманием.

Сердечной была беседа с председателем Госплана СССР Н. А. Вознесенским. Несмотря на огромную занятость, Николай Алексеевич проявил большой интерес к ленинградским делам. Он подробно расспрашивал, как мы живем и работаем, восхищался стойкостью и мужеством защитников города.

Через несколько дней я вернулся в Ленинград. Жизнь здесь текла в постоянном напряжении. Противник стоял у стен города, его артиллерия методически обстреливала предприятия, жилые кварталы.

Городская плановая комиссия, которую я возглавлял, систематически вела учет разрушений и потерь. Их общий итог с каждым днем нарастал. За октябрь враг выпустил по Ленинграду около 3 тысяч снарядов. В начале ноября повысилась и активность вражеской авиации, сбрасывавшей на город фугасные и зажигательные бомбы. В результате были новые человеческие жертвы, пострадало несколько промышленных и жилых зданий.

Противник всячески стремился парализовать жизнь осажденного Ленинграда. Но ему не удавалось осуществить свой замысел. Ленинградцы, преодолевая беспри-

мерные трудности, спасали город от разрушений и огня, выполняли фронтовые заказы, неуклонно увеличивая производство оборонной продукции. Это в большой степени явилось результатом успешного решения поставленной Военным советом фронта задачи: завершить превращение Ленинграда в военный город.

Чем было продиктовано такое постановление Военного совета? Двумя причинами: первая — не исключалась возможность нового штурма Ленинграда, новой попытки сломить его сопротивление и овладеть им; вторая — необходимостью усилить всестороннюю помощь города фронту. Об этом подробно говорил 6 июля на заседании бюро горкома партии председатель Ленгорисполкома П. С. Попков. В осажденном Ленинграде все должно быть подчинено интересам фронта, иметь предельно четкую организацию. Единственная коммуникация через Ладожское озеро не позволяет планомерно снабжать город всем необходимым для его нормальной жизни. Поэтому в Ленинграде нужно оставить столько предприятий и населения, сколько необходимо для работ по обеспечению нужд Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и городского хозяйства.

Сколько же для этого нужно было рабочих, инженерно-технических работников и служащих? Постановление Военного совета от 5 июля 1942 года давало на этот вопрос конкретный ответ.

На заседании бюро горкома выступил член Военного совета фронта А. А. Жданов. Он подчеркнул, что первой частью задачи дальнейшего превращения Ленинграда в военный город является совершенствование его обороны, укрепление гарнизона, усиление полевых и специальных войск. Вторая часть этой же задачи, тесно связанная с первой, — эвакуация населения. Нельзя гарантировать, что противник вновь не обрушит на город шквал огня, не попытается взять его или парализовать движение по Ладожской трассе. В городе должен оставаться минимум людей, способных удовлетворять насущные нужды фронта и флота. Центральный Комитет партии считает, что для этой цели в Ленинграде более 800 тысяч населения иметь нецелесообразно, подчеркнул А. А. Жданов. Если мы эвакуируем 300 тысяч человек, то станет возможно значительно увеличить количество войск, что позволит решать не только оборонительные, но и наступательные задачи.

А. А. Жданов назвал эвакуацию из Ленинграда 300 тысяч населения и отправку 17 тысяч станков важнейшей операцией. И в самом деле, ее успешное проведение имело большое военно-хозяйственное значение не только для Ленинграда, но и для всей страны. Промышленность восточных районов получала значительное подкрепление как людьми, так и оборудованием, которое нельзя было производительно использовать на предприятиях в блокированном Ленинграде.

На эвакуацию в глубь страны 300 тысяч ленинградцев потребовался месяц. Этому содействовала хорошо продуманная организация перевозок через Ладожское озеро и на всем пути следования до места назначения. С теми, кто изъявлял желание работать на предприятиях в тылу страны, представители наркоматов заключали договоры, выплачивали им подъемные, гарантировали предоставление жилой площади. На авиационные заводы было законтрактовано 4300 человек, на судостроительные — 6400, на танковые — до 1000.

К 15 августа намеченный план был завершен. Это явилось серьезным успехом на пути превращения Ленинграда в военный город. Эвакуация облегчила экономическое, особенно продовольственное, положение Ленинграда. Оставшиеся в городе жители в своей подавляющей массе могли трудиться для фронта. В результате доля самодеятельного населения (рабочих и служащих) увеличилась с 51 процента в 1940 году до 79,3 процента к концу 1942 года, то есть из каждых десяти ленинградцев восемь работали.

В своем постановлении от 5 июля Военный совет, признавая необходимым «перестроить работу ленинградской промышленности, отраслей городского хозяйства и учреждений применительно к задачам обороны», решил оставить в городе 174 промышленных предприятия. В первую очередь их надо было обеспечить кадрами, топливом и электроэнергией. Для перераспределения рабочей силы между отраслями хозяйства горком партии образовал комиссию во главе с секретарем горкома, большим знатоком и организатором ленинградской промышленности Я. Ф. Капустиным, в нее вошли П. С. Попков, уполномоченный Госплана СССР Л. М. Володарский и автор этих строк. Комиссии предоставлялось право переводить работников с законсервированных предприятий и ликвидируемых организаций, а также и с действующих,

где имелись излишки рабочей силы, туда, где в ней испытывалась острая потребность.

Комиссии пришлось заново пересмотреть список действующих предприятий и организаций, обслуживающих потребности города, определить численность работников по каждому объекту.

Консервация ненужных городу предприятий, ликвидация лишних учреждений, контор, магазинов — все это позволило наиболее целесообразно использовать заводские мощности и рабочие кадры, привести структуру промышленности и городского хозяйства в строгое соответствие с нуждами и потребностями военного города.

2

Летом и осенью 1942 года ленинградцы многое сделали для развития промышленности, особенно оборонной. Огромную роль в этом сыграл городской комитет партии.

Блокада Ленинграда непомерно осложнила не только снабжение города, но и его связь со столицей. В этих условиях наркоматы не могли, естественно, оперативно руководить подчиненными им ленинградскими заводами и фабриками. Государственный Комитет Обороны возложил их функции на городской комитет ВКП(б). В организации живого и конкретного хозяйственно-технического руководства промышленностью особенно значительна была роль Я. Ф. Капустина, секретаря горкома, М. В. Басова, возглавлявшего отдел оборонной промышленности, П. Т. Талюша, занимавшегося электропромышленностью, П. Г. Лазутина — пищевой промышленностью и других. Они хорошо знали потенциальные возможности ленинградских предприятий, ломали все междуведомственные барьеры, организуя широкое производственное кооперирование предприятий, мобилизовали работников промышленности и ученых на совместное преодоление трудностей.

Трудно переоценить и ту роль, которую играли в организации и налаживании производства военной продукции райкомы партии, партийные организации заводов и фабрик. Секретари райкомов Московского — Г. Ф. Бадаев, Володарского — И. И. Егоренков, Ленинского — А. М. Григорьев, Кировского — В. С. Ефремов, Выборгского — Г. Т. Кедров, Красногвардейского — И. М. Турко

и другие со знанием дела, оперативно направляли деятельность предприятий, сочетая контроль с большой организаторской работой и деловой помощью.

Инициатива сверху встречала, как правило, живую поддержку снизу. Бесчисленны примеры ударного труда ленинградских рабочих, превозмогавших любые трудности для выполнения фронтовых заданий.

«Нужно фронту — сделаем» — этим девизом, родившимся в начале войны, ленинградцы руководствовались постоянно. Даже в самые тяжелые месяцы первой военной зимы в холодных, заиндевелых цехах ремонтировались танки и артиллерийские орудия.

В июне 1942 года на заседании Верховного Совета СССР А. А. Жданов говорил: «Никогда еще ленинградская промышленность, ее кадры не проявляли такой маневроспособности, такого большевистского умения выйти из самых трудных положений и выполнить во что бы то ни стало свою задачу, как это было в самые суровые месяцы прошедшей зимы, в условиях блокады». Эта характеристика сохранила свою силу и на последующий период. Пережив первую, беспримерную по трудностям блокадную зиму, ленинградцы упорно боролись за возрождение промышленности и городского хозяйства. В апреле в городе уже действовало 50 предприятий, занятых выпуском военной продукции, в июне — 75.

Однако дальнейший рост производства сдерживал недостаток электроэнергии. В мае три городские электростанции могли вырабатывать немногим более полумиллиона киловатт-часов. Большую часть этой электроэнергии потребляли торфопредприятия, пищевая промышленность и городское хозяйство. Требовалось, и как можно быстрее, увеличить производство электроэнергии. С этой целью начала возрождаться Волховская ГЭС. Энергию, которую она станет вырабатывать, решили передавать через Ладожское озеро по подводному бронированному кабелю. Изготовить его мог только силовой цех завода «Севкабель», но на предприятии не хватало рабочих, а сам цех сильно повредили вражеские бомбы и снаряды. С огромным трудом здесь привели в порядок станки и оборудование, а затем с невероятным напряжением сил, работая по 12—14 часов, налаживали производство кабеля. Рабочие, главным образом женщины и подростки, не могли управиться с тяжелой работой на уникальных станках. Завод выручили специалисты, прибывшие из

Москвы. Трудовым подвигом — иначе не назовешь изготовление севкабелевцами 120 километров бронированного кабеля.

Летом начались работы и по строительству линии электропередачи от Волховской ГЭС к Ленинграду. Руководил ими автор проекта главный инженер Ленэнерго С. В. Усов. Линия прокладывалась по болотам и лесам, нередко в непосредственной близости к фронту. Энергетики и связисты Ленинградского фронта работали под бомбежками и обстрелами, одновременно прокладывая линию и исправляя повреждения, причиненные врагом. Но особенно трудной и технически сложной была прокладка подводных кабелей через озеро. Работы велись на воде только ночью, чтобы не обнаружил противник. Кабель предварительно монтировался на берегу и затем под покровом темноты с двух барж, плывших навстречу друг другу от обоих берегов озера, опускался на дно. Строительство, начатое 7 августа, было завершено досрочно — 23 сентября. В этот же день Волховская ГЭС дала ток Ленинграду.

Одновременно принимались самые энергичные и решительные меры для увеличения выработки электроэнергии на городских электростанциях. Этого удалось добиться, увеличив добычу торфа и дров на блокированной территории. Рос также завоз угля с Большой земли. И наконец, был проложен нефтепровод, по которому с восточного берега Ладожского озера на западный перекачивалось жидкое топливо.

В ноябре 1942 года среднесуточная выработка электроэнергии в системе Ленэнерго превысила 800 тысяч киловатт-часов. Появилась реальная возможность резко увеличить производство оборонной продукции. Утвержденный 29 октября горкомом партии на ноябрь план выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, боеприпасов значительно превосходил месячные задания, которые давались прежде. Восстанавливалось производство ряда важных видов боевой техники, осваивались новые, более совершенные образцы вооружения и боеприпасов. Город давал теперь фронту боевую технику и вооружение около ста наименований: автоматы, станковые и ручные пулеметы, пушки, минометы, танки, снаряды, мины, войсковые радиостанции и еще многое другое, необходимое как для совершенствования обороны, так и для подготовки к наступательным боям.

В декабре полным ходом развернулась подготовка к боям по прорыву блокады. Велась она энергично, но скрытно. Хотя я тогда был заместителем председателя Ленгорисполкома, работал и жил в Смольном, в близком соседстве со штабом Ленинградского фронта, ничего об операции «Искра» не знал. П. С. Попков, вероятно, был больше информирован, но он, естественно, на этот счет особенно не распространялся. Однако сам ритм жизни Смольного, характер тех заданий, которые получали партийные и советские работники, подсказывал, что в борьбе за Ленинград назревают важные события.

Военный совет фронта и городской комитет партии настойчиво требовали дальнейшего увеличения производства боевой техники, вооружения и боеприпасов. Приводились в действие буквально все резервы, выявлялись новые возможности для выполнения фронтовых заказов.

В ноябре Военный совет фронта обязал завод подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова изготовить десять самоходных артиллерийских установок на шасси танка Т-26. Срок устанавливался жесткий — к 1 января 1943 года. Для заводского коллектива выпуск такой боевой техники был делом совершенно новым. Однако чувство долга, которое в те дни выражалось коротко: «Нужно фронту — сделаем», рождало у каждого, кто занимался этим заказом, неиссякаемую энергию: у директора завода С. И. Муромцева, мастера В. И. Кириллова, слесарей-сборщиков П. И. Князева, И. Н. Кудряшова и многих других. Сутками они не уходили из цеха, но задание выполнили. К началу боев по прорыву блокады самоходные артиллерийские установки поступили на вооружение танковых частей Ленинградского фронта.

Самоотверженно трудился коллектив Кировского завода. В четвертом квартале по сравнению с весной он вдвое увеличил выпуск фронтовой продукции. За год завод дал фронту 617 полковых пушек.

Перебазированный в Ленинград старейший Сестрорецкий завод освоил серийный выпуск автоматов и почти полностью удовлетворял в них потребности частей Ленинградского фронта.

Знаменитый Ижорский завод к осени ввел в строй трубопрокатный стан для производства оборонной продукции. Он делал стальные щиты для морских артилле-

рийских установок, броневые колпаки для огневых точек. Ижорцы выпускали и реактивные мины.

На заводы Металлический, Кировский, Ижорский, «Большевик» с фронта доставлялись поврежденные танки, бронемашины, артиллерийские орудия. Их быстро возвращали в строй. В кузнечном цехе Металлического завода за считанные дни освоили штамповку корпусов снарядов. Кузнец Метелица в творческом содружестве с начальником цеха Юрасовым разработал новую технологию и давал за день по три нормы.

Каждый действующий завод с честью выходил из любых затруднений и в срок выполнял фронтовые задания. «Светлана» с большими трудностями возвращалась в строй действующих предприятий, так как все ее оборудование было эвакуировано; начав с реставрации электро- и радиоламп, нужных городу и войскам, она освоила затем выпуск снарядов, гильз и другой оборонной продукции. Или взять 1-ю кондитерскую фабрику — она во все возрастающем количестве выпускала не только конфеты, но оборудовала небольшой цех по производству боеприпасов.

Мощной движущей силой подъема производства явилось социалистическое соревнование. Оно в Ленинграде, как и во всей стране, приобрело широкий размах, стало действенным средством помощи фронту. Возникли новые формы соревнования, рожденные войной. Заключали между собой социалистические договоры бригады рабочих и фронтовиков, совместно занимавшиеся ремонтом боевой техники. Рабочие брали обязательство быстрее ввести в строй боевые машины, а их экипажи — до тонкости овладеть доверенной им техникой и нещадно истреблять фашистских оккупантов. Комсомольско-молодежные бригады боролись за честь носить имена прославленных героев-фронтовиков. На Выборгской стороне десятки таких бригад стремились заслужить право называться именем Героя Советского Союза знатного снайпера Феодосия Смолячкова. Всего в соревновании участвовало 80 и более процентов рабочих.

Свои обязательства во всесоюзном социалистическом соревновании ленинградцы с честью выполнили. Красноречивое свидетельство этому — завоевание по итогам соревнования 11 ленинградскими предприятиями Знамен Государственного Комитета Обороны, 59 предприятиям были присуждены Знамена ВЦСПС и наркоматов. Всего

же удостоились награждения 247 ленинградских предприятий. В тяжелых блокадных условиях производственные коллективы выполняли и перевыполняли напряженные планы, демонстрируя труд подлинно самоотверженный, творческий.

«Нарком ленинградской промышленности», как называли на предприятиях секретаря горкома партии Я. Ф. Капустина, в январе 1943 года писал: «Ленинградцы освоили в 1942 году производство свыше 50 различных видов оружия и боеприпасов. Смекалку, разворотливость, изобретательность проявили также судостроители, электрики, текстильщики, пищевики и работники других отраслей индустрии».

Одной из характерных особенностей работы ленинградской промышленности в 1942 году, отмечал Я. Ф. Капустин, являлось значительное обновление ее кадров. Центральной фигурой на производстве стала женщина. Ее можно было увидеть всюду: у вагранок, в литейных цехах, и за реверсом паровоза, и у токарных станков, и на сборке танков. На заводе «Большевик» в чугунолитейном цехе женщины овладели всеми профессиями, которые до войны считались исключительно мужскими. Жена рабочего завода «Вулкан» К. И. Степанова впервые пришла на предприятие, чтобы получить зарплату мужа, призванного в армию. Пришла в цех, да там и осталась. Она сначала работала слесарем, потом организовала бригаду выколотчиц в литейном цехе, а позже стала мастером. Д. В. Петрова до войны была домохозяйкой, о токарном деле и представления не имела. Поступив на завод, она быстро овладела профессией. Затем ее, искусного токаря, выдвинули бригадиром. Д. В. Петрова отлично справлялась и со своими новыми обязанностями.

Ушедших на фронт мужей и братьев заменили тысячи женщин и на других предприятиях. Если в довоенном 1940 году в ленинградской промышленности было занято 47 процентов женщин, то к осени 1942 года — уже 77 процентов.

Много влилось в ряды рабочих коллективов и подростков. Так, на заводе имени Карла Маркса, выпускавшем в то время реактивные минометы, успешно работала молодежная бригада. Правофланговым в ней по праву считался четырнадцатилетний Лукин. Был он не по годам серьезен, — зимой потерял отца, работавшего на этом же заводе мастером. Юному слесарю полагалось

трудиться шесть часов, но он часто оставался в цехе до тех пор, пока не выполнит фронтового заказа. На 1-й кондитерской фабрике создали поточную линию для обработки корпусов снарядов. Обслуживали ее также подростки. Среди них выделялись выпускники ФЗУ пятнадцатилетние Володя Наумов, Леонид Парамонов и Леонид Антонов. Каждый из них работал очень добросовестно, выполнял за день по две-три нормы.

Новому пополнению заводских и фабричных коллективов было с кого брать пример. Маяками для всех служили представители старой, закаленной в трудовых битвах за первые пятилетки рабочей гвардии. Они задавали тон на каждом предприятии. Назову хотя бы некоторых из них. Это В. Я. Карасев, токарь Кировского завода, П. С. Арцибасов, слесарь Адмиралтейского завода, токарь-карусельщик Н. И. Першин с «Электросилы», фрезеровщик А. В. Бородулин, работавший на Металлическом заводе, удостоенные позднее звания Героя Социалистического Труда; это награжденные орденами и медалями стахановцы Ф. В. Задворный, Н. С. Сорокин, М. В. Розанов, Г. А. Бугров и многие-многие другие. Они выполняли самые ответственные работы и одновременно обучали новых рабочих, передавая им богатый производственный опыт.

Трудовое наступление трудящихся Ленинграда — а по отношению к блокированному городу, мне думается, такое определение вполне применимо — в четвертом квартале, предшествовавшем боям по прорыву блокады, приобрело особую целенаправленность и большой размах. Патриотическое стремление дать фронту как можно больше продукции выражалось в самоотверженном труде. Цехи и производственные участки для рабочих Ленинграда были и полем боя. И не в переносном, а в прямом смысле этого понятия. В четвертом квартале 1942 года противник выпустил по городу около 8 тысяч артиллерийских снарядов. Много раз объявлялась воздушная тревога. Обстрелы и бомбежки принесли новые разрушения и жертвы, однако они не могли остановить поступательного движения вперед.

Были трудности и другого рода, связанные с тем, что Ленинград имел единственную коммуникацию через Ладожское озеро, связывавшую его со страной. Работала она летом и даже поздней осенью, когда бушевали яростные штормы, с предельной нагрузкой. В Ленинград было

завезено в навигацию 1942 года 700 тысяч тонн разных грузов. Страна в это время ни на минуту не ослабляла, а наращивала помощь городу Ленина. Завозились в наш город главным образом продовольствие и топливо, а также вооружение и боеприпасы. В результате удалось, как и намечалось, создать неснижаемый четырехмесячный запас основных продуктов, несколько улучшить топливный баланс.

А вот невосполняемые запасы сырья и материалов в Ленинграде сокращались с катастрофической быстротой, образовывался все более и более опасный разрыв между растущими потребностями промышленности и фактическим обеспечением.

Нельзя сказать, что прежде в Ленинграде никто не заботился об экономии сырья и материалов. Еще летом 1941 года все ценное было взято на учет, расходовалось бережливо. Однако сбережение сырья и материалов порой достигалось путем устранения довоенных излишеств и очевидных потерь. А в 1942 году, когда на предприятия пришло много неопытных рабочих, когда в силу особых блокадных условий снизилась культура труда, нередко расход сырья повышался из-за примитивных методов производства, отсталой технологии, высокого брака. Об этом мы не раз говорили в Ленплане и приходили к выводу о необходимости вести борьбу за экономию по единому плану, и во всех отраслях, на всех участках производства. Мы начали даже ориентировочно подсчитывать, какой это может принести эффект в промышленности и городском хозяйстве.

Когда у нас все более или менее прояснилось, я пошел к секретарю горкома партии, члену Военного совета фронта А. А. Кузнецову. Характерной чертой Алексея Александровича была постоянная готовность оказать всемерную поддержку каждой полезной инициативе, любому доброму начинанию. И на этот раз мы не ошиблись.

А. А. Кузнецов, внимательно выслушав, сказал:

— Вы правы, товарищ Манаков. Действительно необходимо экономию осуществлять по единому плану. В борьбу за нее должны включиться буквально все организации, предприятия, учреждения. О своих соображениях доложите в ближайшие дни на заседании бюро горкома.

27 августа 1942 года было принято совместное постановление бюро горкома партии и исполкома Ленинград-

ского Совета «О проведении неотложных мер по экономии в народном хозяйстве Ленинграда».

Постановление отмечало решающее значение в условиях блокады экономии металла, химикатов и других материалов, топлива и электроэнергии, а также рационального использования рабочей силы. Оно обязывало директоров предприятий, руководителей хозяйств и организаций разработать конкретные планы по экономии электроэнергии, топлива, горючего, сырья, материалов и повышению производительности труда.

Постановление признавало необходимым организовать социалистическое соревнование по экономии между предприятиями, включать показатели выполнения заданий по экономии в число основных показателей работы. Райкомам партии, исполкомам райсоветов и редакции «Ленинградской правды» предлагалось развернуть разъяснительную работу среди населения.

Постановление явилось важной вехой перехода к планомерной борьбе за сокращение расходования наличных запасов сырья и материалов. Директорам предприятий запрещалось передавать или расходовать какие-либо материалы без разрешения органов регулирования. Горком на каждый месяц утверждал план распределения металлов, химикатов, карбида, кислорода. Одновременно, не без успеха, продолжалась энергичная разведка местных природных ресурсов, что позволило увеличить добычу формовочных песков и огнеупорных глин на карьерах в самом Ленинграде, организовать производство активированного угля для нужд МПВО, производство извести из бутового камня.

Настойчиво велись поиски взрывчатых веществ, так как их производство не было налажено в Ленинграде, а завоз не обеспечивал потребностей. Взрывчатка извлекалась из невзорвавшихся бомб и снарядов, из старых, уже негодных глубинных бомб. На одном из заводов рабочие вспомнили о давно зарытых в землю 300 тоннах пироксилиновых отходов, их использовали для выпуска боеприпасов.

Активная творческая мысль командиров производства и рабочих, все крепнущее содружество ученых и заводских инженерно-технических работников — все было направлено на то, чтобы вновь пробудить скрытую мощь промышленности города и обратить ее на службу фронту.

Исключительно бережливое отношение к расходованию сырья, материалов, топлива и электроэнергии, успешные поиски заменителей остродефицитных металлов способствовали росту производства фронтовой продукции и дальнейшему укреплению оборонной мощи города. Лишь по 14 предприятиям машиностроительной промышленности экономия за 1942 год составила 1450 тонн топлива, более 1200 тонн металла, около 2 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Эффект от выполнения заданий по экономии в городском хозяйстве за полугодие, начиная с октября, исчислялся в 22 миллиона рублей.

Жесткий режим экономии давал возможность накапливать запасы и резервы, дабы оградить экономику военного города от любых неожиданностей и случайностей. Необходимый запас сырья и материалов бронировался для военного производства и аварийных работ в городском хозяйстве. Запасы и резервы находились под строгим контролем и систематически восполнялись.

Возросшая помощь страны, широкая мобилизация местных ресурсов и жесточайшая экономия максимально сузили ножницы между потребностями промышленности и ее материальным обеспечением. Рост ресурсов, накопление резервов и укрепление рычагов централизованного управления повысили устойчивость и гибкость экономики военного города, планомерность ее дальнейшего развития. На этой основе открылась возможность оказывать еще больше помощи фронту.

За девять месяцев 1942 года город дал войскам 1935 минометов, 1975 станковых пулеметов, около 22 тысяч автоматов и много другого вооружения и боеприпасов. Было отремонтировано 187 танков, 360 орудий. Авиационные части получили за это время более 22 тысяч авиабомб, артиллерийские — 1 миллион 700 тысяч снарядов, а стрелковые соединения — 1 миллион 260 тысяч ручных гранат.

Три четверти всей оборонной продукции, изготовленной ленинградской промышленностью в 1942 году, приходится на изделия, освоенные производством уже во время Великой Отечественной войны.

Динамика нарастания помощи Ленинграда фронту иллюстрируется следующими данными. Если принять производство военной продукции в первом квартале 1942 года за 100 процентов, то во втором квартале оно равнялось 310,5 процента, в третьем — 488,1 процента,

а в четвертом — 572,8 процента. Такой рост выпуска военной продукции позволил более полно обеспечивать войска фронта и Балтийского флота боевой техникой, снарядами, минами и военным снаряжением. Вся потребность фронта в конце 1942 года в ручных и станковых пулеметах, в значительной мере потребность в снарядах и минах наиболее ходовых калибров удовлетворялась ленинградской промышленностью.

Фронт получал от города пополнение для воинских частей и кораблей, боевую технику, оружие, боеприпасы, снаряжение, приборы, донорскую кровь. Рабочие отряды возводили оборонительные сооружения, несли патрульную службу. День ото дня крепла нерасторжимая связь армии и народа. Опираясь на великую поддержку нашей многонациональной великой державы, войска Ленинградского и Волховского фронтов двинулись на врага. Они с честью выполнили боевой приказ Родины.

4

Когда свершилось долгожданное — встретились войска двух фронтов, воссоединив тем самым город Ленина со страной, мы в Смольном, как и все ленинградцы, горячо радовались славной победе.

Хорошо помню последовавший за этим разговор с Петром Сергеевичем Попковым. Речь велась о перспективах, которые открывались перед городом в 1943 году.

— Большие дела сейчас предстоят городу, — как бы подытоживая наш разговор, сказал Попков. — Полагаю, что Ленплан освободим от ведения учета потерь и ущерба, наносимого фашистами Ленинграду, — создадим для этого специальную городскую комиссию. А вам, Николай Александрович, надо браться за разработку плана первоочередных работ по восстановлению Ленинграда. Привлеките к этому делу Архитектурно-планировочное управление.

Такую работу мы сразу же начали и вскоре представили план на утверждение.

Город расправлял свои плечи. Железная дорога, проложенная на узком участке земной тверди, отбитом у врага южнее Ладожского озера, хотя просматривалась, насквозь простреливалась вражеским огнем, позволила лучше, чем прежде, снабжать Ленинград. Новый размах

получило развитие промышленности города, которая не только все полнее удовлетворяла нужды фронта, но и включалась в общесоюзный народнохозяйственный план, стала выполнять задания Государственного Комитета Обороны и наркоматов. Уже 6 марта ГКО принял постановление о частичном восстановлении завода «Электросила», обязал во втором полугодии 1943 года изготовить электрические машины общей мощностью в 41,6 тысячи киловатт. Вскоре задания ГКО получили еще 14 ленинградских предприятий и непосредственно от наркоматов — 12 заводов и фабрик.

Всеохватывающая взаимосвязь, непрерывное и глубокое взаимодействие — так характеризовались отношения города Ленина и фронта. Они как бы сливались в единое целое. Военный город помог своим вооруженным защитникам успешно провести операцию «Искра», а разгоревшаяся «Искра», завершившаяся прорывом блокады, открыла пути для возврата Ленинграда в ряды индустриальных центров страны. Город получил возможность еще активнее помочь фронту в подготовке к решающим ударам по врагу.

Л. Г. Винницкий

полковник, во время подготовки и проведения операции по прорыву блокады старший офицер разведотдела штаба Ленфронта

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

После летне-осенних боев 1942 года, в результате которых провалился новый вражеский план овладения Ленинградом, полевое управление фронта возвратилось из района северо-восточнее Коркина в Смольный. В комнатах второго этажа вновь расположились командующий войсками генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров, член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, начальник штаба генерал-лейтенант Д. Н. Гусев. Рядом с ними находились небольшие группы работников оперативного и разведывательного отделов и отдела связи, штабов артиллерии, бронетанковых и инженерных войск.

В нашей оперативной группе разведотдела было 11 человек. Возглавлял ее генерал-майор П. П. Евстигнеев. Отсюда, из Смольного, осуществлялось руководство разведкой фронта и подчиненных войск, планировалось и организовывалось взаимодействие всех видов и средств разведки, включая разведки Краснознаменного Балтийского флота и штаба партизанского движения. Сюда же поступали все разведывательные сведения о противнике. В оперативной группе они тщательно изучались, анализировались, обобщались, затем докладывались начальнику штаба, командующему и членам Военного совета.

Оперативная группа внимательно следила и за обстановкой на других фронтах, за перегруппировками вражеских войск. Эти данные содержались в сводках Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, которые ежедневно передавались из Москвы по телеграфу. Их изучение и являлось одной из обязанностей разведотдела. К исходу каждого дня мы докладывали о

сводках генерал-майору П. П. Евстигнееву, а затем начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Д. Н. Гусеву. Петр Петрович обычно больше всего интересовался группировкой войск врага, особенно его резервами, а Дмитрий Николаевич, как правило, начинал комментировать ход боевых действий. Рассуждения и выводы этих глубоко эрудированных генералов были всегда интересными и поучительными.

Д. Н. Гусева я знал с 1938 года. Он преподавал общую тактику на нашем курсе академии имени М. В. Фрунзе. Дмитрий Николаевич был участником первой мировой и гражданской войн, обладал большим практическим опытом. Он по праву считался одним из лучших методистов и пользовался у слушателей заслуженным авторитетом. Где бы он позже ни встречался со своими воспитанниками, всегда тепло и радушно к ним относился. Любовь к шутке, острому слову, народной поговорке и пословице, обаятельная улыбка — все это располагало к нему людей.

Генерал Гусев в то же время был взыскательным начальником. Он требовал от подчиненных четкости, организованности, высокой культуры в работе, детального знания положения на фронте, состояния своих войск и противника. Не переносил Дмитрий Николаевич медлительности и небрежности, не любил общих рассуждений, которыми порой маскируется поверхностное отношение к делу. Сам Дмитрий Николаевич работал быстро, увлекал окружающих своей кипучей энергией.

Разведывательный отдел ежедневно получал из Центра подробные данные о положении на всем советско-германском фронте, поэтому мы первыми узнали о контрнаступлении наших войск под Сталинградом. Когда я докладывал начальнику штаба об успешных действиях Юго-Западного и Сталинградского фронтов, окруживших 22 вражеские дивизии, Дмитрий Николаевич несколько минут молча рассматривал карту с нанесенной на ней группировкой противника.

— Это крупнейший за всю войну успех наших войск, — задумчиво проговорил Д. Н. Гусев. — Подумать только — в «мешке» оказались более трехсот тысяч вражеских солдат и офицеров.

— Такого еще не знала история войн, — заметил находившийся здесь же в кабинете начальник оперативного отдела генерал-майор А. В. Гвоздков.

— Безусловно, — согласился начальник штаба. — Теперь, думается, и нам станет легче решать свои главные задачи.

Дмитрий Николаевич, как все успели убедиться, очень ценил богатый боевой опыт А. В. Гвоздкова, его глубокие знания природы боя, исключительную работоспособность.

Когда я вернулся в разведотдел, здесь было довольно многолюдно. Узнать, как развивались бои на Волге, пришли генерал-майор артиллерии Г. Ф. Одинцов и генерал-майор инженерных войск Б. В. Бычевский. Они горячо комментировали последнюю сводку. Вскоре к ним присоединился еще один наш частый гость — генерал-майор А. Ф. Смирнов, начальник отдела кадров. Александр Федорович хорошо знал многих военачальников, руководивших боевыми действиями советских войск на южном крыле советско-германского фронта. Некоторые из них служили до войны в Ленинградском военном округе, были и такие, кто в недалеком прошлом активно участвовал в битве за Ленинград. А. Ф. Смирнов называл фамилии представителя Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова, командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, генералов А. А. Новикова, М. М. Попова, М. С. Шумилова, Ф. И. Толбухина, С. А. Красовского, А. Г. Родина, П. К. Кошевого и других. Можно было порадоваться тому, что возглавляемые ими армии, корпуса, дивизии успешно громят врага.

Как и начальник штаба, участники этой импровизированной беседы говорили о последствиях, которые может иметь битва на юге для Ленинградского фронта. И все приходили к выводу, что победа на Волге окажет благотворное влияние на обстановку и под Ленинградом. Первые результаты были уже видны. Из разведсводки Центра стало известно, что гитлеровский генерал-фельдмаршал Манштейн, который осенью готовил захват Ленинграда, переброшен под Сталинград, назначен командующим вновь созданной армейской группой «Дон». Передислоцировался и штаб 11-й немецкой армии сначала на левое крыло группы армий «Центр», а затем непосредственно на сталинградское направление. Ушли из-под Ленинграда и некоторые соединения 11-й армии.

Обстановка на нашем фронте явно изменилась. Это требовалось подкрепить убедительными и совершенно достоверными данными.

Во второй половине ноября генерал-майор П. П. Евстигнеев поручил подполковнику А. Г. Колганову и мне глубоко проанализировать все разведывательные сведения о составе, группировке и намерениях противника на ближайшее время.

— Прошу вас особенно серьезно отнестись к этой работе, — сказал Петр Петрович. — Военному совету необходимы самые точные данные для доклада в Ставку и планирования предстоящих операций.

Мы сразу же приступили к делу, с головой окунулись в изучение сводок, донесений различных разведывательных органов и войсковых частей. Петр Петрович, дав задание, помогал выполнить его хорошо и в срок. Он, правда, как и обычно, не вмешивался в работу, но постоянно интересовался, как она идет, проверял, насколько правилен анализ как отдельных разведывательных данных, так и обстановки в целом. При окончательном оформлении доклада Петр Петрович внес некоторые уточнения и дополнения. Вскоре данные о противнике были готовы и доложены начальнику штаба фронта. Основываясь на них, Военный совет фронта так оценивал обстановку под Ленинградом:

«1. После окончания операций на мгинско-синявинском и невском направлениях группировка противника непосредственно перед фронтом осталась почти без изменения — 9 пехотных дивизий на южном участке фронта и 5 пехотных дивизий на Карельском перешейке. Не вполне ясна в настоящее время группировка оперативных резервов противника в глубине...

Данные о противнике — продолжающаяся переброска войск на другие направления, ослабление его авиационной группировки, развертывание зимних оборонительных работ, отсутствие в показаниях пленных и перебежчиков ссылок на подготовку наступательных операций — дают основание полагать, что противник перед фронтом на ближайшее время наступательных задач крупного масштаба не ставит и ударной группировки для этой цели не имеет. Его боевая активность в настоящее время ограничивается действиями бомбардировочной авиации, в частности ночной, по нашим коммуникациям и гор. Ленинграду, а по наземным войскам безуспешными попытками вернуть утраченные позиции на левом берегу р. Нева у Московской Дубровки и на правом берегу р. Тосно у Ивановского.

Таким образом, обстановка, складывающаяся на фронте, создает благоприятные условия для подготовки и проведения нашей наступательной операции»[1].

Несколько позднее нам стали известны и остальные предложения Военного совета фронта, представленные Ставке 22 ноября 1942 года. В этом документе ставился вопрос о проведении новой наступательной операции с целью прорыва блокады Ленинграда. Оценивая различные направления для нанесения удара, Военный совет писал, что наиболее выгодным является наступление на шлиссельбургском направлении (на участке 1-й Городок — Шлиссельбург) с шириной прорыва фронта противника 10 километров. Для Волховского фронта соответственно на участке Липки — Мишкино. Противник в этом случае лишался возможности наносить фланговые удары по нашим наступающим войскам со стороны Ладоги.

Военный совет считал необходимым изменить характер взаимодействия Волховского и Ленинградского фронтов. В августовско-сентябрьских операциях, отмечал Военный совет, действия Ленфронта, в силу малочисленности его ударной группировки, оказались в полной зависимости от действий Волховского фронта и по выбору направления удара и по срокам проведения. Для успеха операции целесообразно, чтобы встречный удар Ленинградского фронта был достаточно мощным, чтобы удары обоих фронтов были нанесены одновременно, чтобы Ленфронт мог нести равную ответственность с Волховским фронтом за ход и исход операции.

Далее излагались просьбы Военного совета:

1. Утвердить предлагаемую операцию как жизненно необходимую для Ленинграда и фронта.

2. Обязать Волховский фронт подготовить встречный удар вдоль южного берега Ладожского озера на соединение с войсками Ленинградского фронта.

Для проведения операции Военный совет намечал создать ударную группировку в составе семи-восьми стрелковых дивизий, из них четыре — в первом эшелоне, три — во втором и одна — в армейском резерве; две лыжные бригады, две танковые бригады; четырнадцать артполков; четыре артдивизиона КБФ, четыре дивизиона зенитной артиллерии, два полка ПВО, две зенитные железнодорожные батареи; два дивизиона М-13; шесть дивизионов

---

[1] Архив МО, ф. 217, оп. 1221, д. 2169, л. 1.

М-30, один дивизион М-28; одну инженерно-саперную бригаду, четыре понтонно-мостовых батальона; одну маскировочную роту; три дорожных батальона.

Большинство этих сил и средств, указывал Военный совет, могут быть изысканы на месте, требуется только увеличение числа стрелковых соединений. Поэтому Военный совет просил Ставку Верховного Главнокомандования в случае одобрения его соображений о проведении наступательной операции по прорыву блокады усилить фронт тремя-четырьмя стрелковыми дивизиями и, кроме того, доукомплектовать материальной частью недавно созданную 13-ю воздушную армию.

Прошло десять дней. Ставка Верховного Главнокомандования, изучив соображения Военного совета Ленинградского фронта, разрешила проводить операцию по прорыву блокады. Об этом в час ночи 2 декабря 1942 года было по телеграфу сообщено командующим Волховским и Ленинградским фронтами. Ставка приказала создать ударную группировку Волховского фронта в составе 2-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант В. З. Романовский. Ударную группировку Ленинградского фронта представляла 67-я армия генерал-майора М. П. Духанова. Ответственность за ее подготовку к операции возлагалась на командующего фронтом генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова.

Был установлен и срок готовности операции — к 1 января 1943 года.

Ставка приказала при телефонных переговорах и переписке именовать операцию кодовым названием «Искра». Координация действий обоих фронтов поручалась маршалу К. Е. Ворошилову и генералу армии Г. К. Жукову.

Конкретные задачи войск Ленинградского и Волховского фронтов Ставка определила в директиве от 8 декабря.

На усиление Ленинградского фронта поступала одна стрелковая дивизия (224-я), три отдельные стрелковые бригады (102, 123, 138-я), одна морская отдельная бригада (142-я) и одна зенитная артиллерийская дивизия (7-я).

Волховский фронт получал пять стрелковых дивизий, три лыжно-стрелковые бригады и одну инженерно-саперную бригаду.

Наступила горячая пора подготовки к операции «Искра». Командующий фронтом считал, что успех ее в боль-

шой мере зависит от хорошо организованной, активной разведки. Она всегда находилась в центре внимания Военного совета, который в трудных условиях блокады обеспечивал ее всем необходимым и оказывал ей всестороннюю помощь. Вместе с тем командование фронтом предъявляло к разведке высокие требования.

Еще на завершающем этапе летне-осенних боев, 21 сентября 1942 года, был издан приказ войскам фронта о состоянии войсковой разведки и ее задачах. Военный совет отмечал, что разведка не полностью обеспечивает сведениями командование и войска, что на ряде участков фронта не вскрыты группировка противника и его слабые места, не всегда своевременно определяются маневр врага, снятие и переброска на другие направления вражеских частей. В приказе особое внимание обращалось на недостатки организации и ведения разведки в наступательных боях, на неправильное подчас использование командирами дивизий и полков разведывательных подразделений, которые бросаются в бой как обычные стрелковые подразделения.

Приказ требовал от командующих армиями и оперативными группами, командиров дивизий и полков ликвидировать недооценку разведки и устранить недостатки в ее организации и ведении, обеспечить непрерывное поступление данных о противнике, добиться полного укомплектования разведывательных подразделений, хорошо организовать их боевую учебу, подготовку разведывательных операций; резко улучшить систему наблюдения, оборудовать НП оптическими приборами, перископами и обеспечить их проводной и радиосвязью. Приказывалось также повысить качество разведывательной документации, оперативно обрабатывать захваченные у противника документы, производить квалифицированные допросы пленных и перебежчиков.

Приказ охватывал все стороны деятельности войсковой разведки. В нем глубоко вскрывались недостатки, указывались пути их устранения.

Некоторые офицеры из разведотдела, когда готовился проект приказа, говорили, что нет нужды так полно отмечать упущения. Они опасались, что это подорвет авторитет разведки. Генерал П. П. Евстигнеев, обычно больше других переживавший упреки, подчас не совсем справедливые, в адрес разведчиков, придерживался иной точки зрения. Петр Петрович спокойно, логично доказал не-

состоятельность таких опасений. Он хорошо понимал, что критика принесет пользу.

Этот приказ сыграл огромную роль не только при подготовке и осуществлении прорыва блокады Ленинграда, но и в последующих наступательных операциях фронта. Много и плодотворно потрудились над выполнением его офицеры разведотделов фронта, армий, оперативных групп, разведчики дивизий и полков. В войсках, непосредственно в стрелковых дивизиях и полках, почти постоянно находились и напряженно работали войсковики-разведчики нашего фронта подполковники М. Ф. Федоров — в 42-й армии, Б. А. Украинцев — в 67-й армии, И. Н. Машилов — в 23-й армии и майор А. М. Барабанов — в 55-й армии. Они энергично помогали разведотделам штабов армий, командирам соединений успешно решить важную задачу укрепления и комплектования разведывательных подразделений.

В разведку отбирались лучшие бойцы и командиры, проверенные в боях. Кроме штатных разведподразделений при каждой дивизии из добровольцев были созданы группы «охотников» численностью 15—20 человек для ведения разведки в глубине обороны противника. Все они обучались по специальной программе. Одновременно были организованы разведгруппы по 10—15 человек в каждом стрелковом батальоне.

Разведывательные подразделения проходили подготовку на учебных полях, где создавалась обстановка, приближенная к боевой действительности. Особое внимание обращалось на отработку техники действий одиночного бойца и в составе группы. Настойчиво прививались такие качества, как решительность, инициатива и военная смекалка.

В декабре в армиях были проведены трехдневные сборы начальников разведотделений дивизий, помощников начальников штабов полков по разведке, командиров разведывательных рот дивизий. Разведотдел штаба фронта организовал шестидневные сборы офицеров-разведчиков резервных соединений и частей армий и фронта. Занятия проводили опытные офицеры-разведчики. Заместитель начальника разведотдела полковник Н. С. Голосницкий сделал доклад о состоянии и задачах войсковой разведки. Затем полковник В. Е. Алексеев рассказал о порядке подготовки и особенностях действий разведгрупп в тылу противника. Подполковник М. Ф. Федоров прочитал лекцию

по планированию разведки в дивизии и полку. Подполковник Б. А. Украинцев посвятил свое выступление организации силовой разведки взводом, ротой и батальоном, а затем под его руководством была проведена разведка боем непосредственно на местности. Подполковник И. Н. Машилов доложил участникам сбора об организации наблюдения в дивизии, полку и батальоне, а майор А. М. Барабанов поделился опытом действий разведгрупп и разведподразделений в наступательном бою. Военинженер 2-го ранга А. П. Лахтаев ознакомил участников сбора с организацией и вооружением немецких частей и соединений. Автор этих строк выступил с докладом об особенностях боевых действий немецких войск против Ленинградского и Волховского фронтов, а также провел практические занятия по составлению разведывательных сводок, донесений и учету численного и боевого состава сил противника.

5 декабря 1942 года на заключительном занятии выступил генерал-майор П. П. Евстигнеев.

К этому времени разведотдел штаба фронта издал «Краткое пособие по войсковой разведке». Основными его авторами были полковник Н. С. Голосницкий и майор А. М. Барабанов. Пособие получило хорошую оценку Центра и по его указанию было направлено в разведотделы штабов других фронтов.

Операция «Искра» готовилась скрытно. К разработке планирующих документов допускался строго ограниченный круг лиц. Об операции запрещалось вести переписку и говорить по телефону. Необходимые распоряжения отдавались только устно. Перегруппировка и сосредоточение войск производились в ночное время.

Требование о сохранении в тайне подготовки наступательной операции к разведке относилось, пожалуй, в большей степени, чем к кому-нибудь другому. Ведь разведка имела самое близкое соприкосновение с врагом как на линии фронта, так и в глубине его обороны. Малейшая неосторожность в действиях, излишняя активность на невском направлении могли иметь тяжелые последствия.

Вот почему при планировании разведки на подготовительный период особое внимание уделялось обеспечению скрытности. В частности, при решении одной из важнейших задач — уточнении группировки противника в первой линии и установлении состава его резервов, районов их расположения — было решено разведку вести на всем

фронте от Финского залива до Ладожского озера и на Карельском перешейке. Предусматривалось наиболее интенсивно проводить ее с Приморского плацдарма и Пулковских высот, создавая видимость подготовки ударов наших войск по противнику на этих направлениях. Умело и решительно выполняли свои задачи разведчики Приморской оперативной группы и 67-й армии (начальники разведотделов — майор Т. С. Резник и полковник А. П. Костров), 48-й, 56-й, 85-й, 86-й, 125-й стрелковых дивизий, 48-й отдельной морской бригады, где разведку возглавляли соответственно капитан Васильев, майор Федотов, майор Гамильтон, старший лейтенант Статников, майор Иванченко, майор Тищенко.

Подлинное мастерство и боевую смекалку при организации разведки проявили старший лейтенант Ромашкин — помощник начальника штаба 141-го стрелкового полка, старший лейтенант Шкурпелла — из 340-го стрелкового полка; командиры разведывательных рот дивизий: 125-й стрелковой — старший лейтенант Демиденко и 46-й стрелковой — старший лейтенант Байков; командиры разведывательных взводов младший лейтенант Клевин, младший лейтенант Смирнов и многие другие.

За весь период подготовки операции в ноябре—декабре разведчики захватили 50 пленных и много различных документов, а в начале января — еще 55 пленных, в том числе трех офицеров. В условиях длительного стабильного фронта, при хорошо развитой у врага обороне и разветвленной системе заграждений добыть более ста «языков» было нелегкой задачей. Решить ее помогли мастерство, мужество и бесстрашие разведчиков.

Благодаря разносторонней разведке, организованной на Ленинградском и Волховском фронтах, к началу операции «Искра» была вскрыта вся группировка противника до батальона, а на многих участках вражеских оборонительных позиций даже до роты.

18-я немецкая армия, противостоящая двум нашим фронтам, имела 19 пехотных и три авиаполевых дивизии и одну пехотную бригаду СС. В первой линии находились 20 дивизий и одна бригада, а в армейском резерве — две дивизии: 96-я пехотная — в районе Мга и 13-я авиаполевая — в районе Чудово. Кроме того, для усиления некоторых направлений немецко-фашистское командование привлекало отдельные части 207-й и 285-й охранных дивизий.

67-й армии Ленинградского фронта противостояли по левому берегу Невы 328-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии, 170-я пехотная дивизия, 100-й полк 5-й горнострелковой дивизии и 2-й полк полицейской дивизии СС. Против 2-й ударной армии и правого фланга 8-й армии Волховского фронта на линии Липки — Гайтолово — Поречье оборонялись 227-я пехотная дивизия (без одного полка), 1-я пехотная дивизия, 374-й полк 207-й охранной дивизии и 425-й пехотный полк 223-й пехотной дивизии. Все эти дивизии и части противника были достаточно укомплектованы, имели большой опыт ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности.

Поддержку немецких войск на шлиссельбургско-синявинском выступе могла осуществлять кроме штатной артиллерии оборонявшихся соединений дальнобойная артиллерия из района Келколово, обстреливавшая Ленинград.

Устанавливая группировку противника в первой линии и его резервы в ближайшей глубине, разведка должна была вместе с тем осветить обстановку и в оперативной зоне. А положение здесь было весьма сложным. После летне-осенних боев в тылу противника происходили крупные перегруппировки, интенсивные переброски войск и техники от линии фронта в глубину и в обратном направлении, перебазировалась авиация. Радиоразведка отмечала, с одной стороны, прекращение работы ряда станций и даже целых радиосетей, а с другой — появление новых станций.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров потребовал от генерала П. П. Евстигнеева разобраться, что происходит за линией фронта, в тылу противника. Основная тяжесть решения этой задачи легла на полковника В. Е. Алексеева и разведчиков, которых он возглавлял.

Василий Ефимович имел большой опыт разведывательной деятельности в мирное и военное время. Его прозорливости и настойчивости, старанию и работоспособности можно было позавидовать. Эти качества он стремился привить и своим подчиненным. С начала Великой Отечественной войны и в последующие месяцы полковник Алексеев и его опытные помощники офицеры К. Померанцев, М. Ф. Косиванов, М. П. Зверев, Я. Л. Литовский, Ю. М. Филановский, С. Н. Николаев, В. И. Хромых, С. П. Манохин, М. М. Плосков, А. Ф. Лаптев и другие, несмотря на сложные условия, создаваемые абвером и фа-

шистской полевой тайной полицией, сумели внедрить наших разведчиков в немецкие штабы, комендатуры, полицию, военные и гражданские оккупационные органы.

Разведывательные группы и отдельные разведчики, постоянно рискуя жизнью, неутомимо действовали на оккупированной врагом территории. Они контролировали переброски войск и боевой техники по железным и шоссейным дорогам Нарва — Красногвардейск (ныне Гатчина), Псков — Красногвардейск и Красногвардейск — Тосно; вели разведку в районах Кингисепп, Сиверская, Луга, Псков, на территории Эстонии в Раквере и Пярну, на Карельском перешейке — в районах юго-восточнее Выборга и Хитола. Часть разведывательных групп активно действовала на коммуникациях противника.

Вспоминается, к примеру, боевая работа во вражеском тылу группы «Борис», которую подготовили подполковник М. П. Зверев и майор С. Н. Николаев. Возглавлял ее капитан Б. Г. Емченко. До июля 1942 года он работал в управлении военных сообщений Ленфронта, а затем попросил направить его в разведку.

Группа капитана Б. Г. Емченко получила задачу установить в районах Толмачево, Луга, Струги Красные расположение, нумерацию и численность воинских частей противника, интенсивность перевозок по железной дороге и шоссе.

В ночь на 22 сентября разведчиков перебросили на самолете через линию фронта в Лужский район. Они благополучно приземлились здесь на глухом болоте, закопали парашюты, установили радиосвязь с разведотделом штаба фронта и двинулись в опасный рейд по вражеским тылам.

Группа добывала и передавала ценные данные о дислокации и численности гитлеровских частей, о переброcках войск и техники по шоссе и железной дороге, базировании авиации, расположении военных складов, строительстве оборонительных сооружений.

Через месяц в группу «Борис» направили еще семь разведчиков. После этого она значительно активизировала свою деятельность. Группа провела несколько диверсий на вражеских коммуникациях, пустила под откос четыре железнодорожных эшелона с войсками и техникой. На одной из установленных разведчиками мин подорвался комендант Красногорской комендатуры. Захваченные

группой в плен унтер-офицер и солдат сообщили важные сведения о 285-й охранной дивизии.

Группа капитана Б. Г. Емченко действовала в тылу противника три месяца, много тяжелых испытаний выпало на долю отважных разведчиков. Были трудности и с продовольствием, приходилось вести частые схватки с карателями. В конце ноября группа получила приказ возвратиться в Ленинград. Уже при выходе из вражеского тыла в передовой траншее разведчики захватили в плен ефрейтора 10-й авиаполевой дивизии, которая только что прибыла из Германии и заняла оборону на приморском направлении.

Разведчики и их командир капитан Б. Г. Емченко были награждены орденами, некоторые из них — старшие сержанты А. А. Хромов, И. Л. Сазонов, сержант П. В. Паршин и другие — еще не один раз выполняли боевые задачи в тылу противника.

Доблестно и решительно действовали за линией фронта и другие разведывательные группы и отдельные разведчики. Они своей боевой работой помогали командованию раскрывать силы противника и его замыслы.

Данные фронтовой разведки дополняли партизаны и разведчики-чекисты. Ценные сведения поступали из Центра, который пристально следил за действиями противника на ленинградском стратегическом направлении.

Разведотдел фронта скрупулезно изучал, анализировал все разведсводки и донесения, которые поступали из различных источников, и это позволило дать ответ на вопросы командующего фронтом и Военного совета о характере перегруппировок в тылу противника и его намерениях.

В конце октября — начале ноября из-под Ленинграда были переброшены 8-я и 12-я танковые, 20-я моторизованная, 218-я и 291-я пехотные дивизии. Во Францию отправили 269-ю пехотную дивизию. В состав же 18-й армии прибыли 69-я пехотная дивизия из Норвегии, 9-я и 10-я авиаполевые дивизии из Германии. В ноябре — декабре 1942 года происходили также крупные перегруппировки внутри группы армий «Север», между 16-й и 18-й армиями.

Так произошла переброска из-под Ленинграда на другие участки советско-германского фронта главной ударной силы группы армий «Север» — танковых и моторизованных соединений, а также ряда боевых пехотных диви-

зий, замененных авиаполевыми, предназначенными для обороны. О чем это говорило? Мы сделали вывод, что противник отказался от штурма Ленинграда, решив довести до конца свой изуверский план удушения города жестокой блокадой. Это подтверждали также показания пленных и развернувшиеся интенсивные оборонительные работы в тактической и оперативной глубине 18-й немецкой армии.

Генерал-лейтенант Л. А. Говоров приказал начальнику разведотдела вести дальнейшее наблюдение за резервами противника, переброcками его войск и техники в оперативной глубине и потребовал каждые три дня докладывать ему о результатах.

Одновременно перед разведкой ставилась задача уточнить систему огня противника и различных заграждений, характер инженерного оборудования оборонительных позиций и рубежей. Без таких данных нельзя было хорошо планировать, эффективно провести артиллерийскую и авиационную подготовку.

Естественно, что потребовалось дополнить, развить сеть наблюдательных пунктов, главным образом офицерских, на правом берегу Невы. Это дело поручили офицерам разведотдела подполковникам М. Ф. Федорову, Б. А. Украинцеву и майору А. М. Барабанову, начальникам разведки штабов артиллерии полковнику Н. П. Витте, инженерных войск военинженеру 2-го ранга П. Г. Александрову и бронетанковых войск подполковнику А. Е. Коробейникову.

В конце ноября подполковник Б. А. Украинцев и майор А. А. Шевчук, пройдя по правому берегу Невы от Невской Дубровки до поселка имени Морозова, наметили наиболее удобные места для фронтовых и армейских офицерских наблюдательных пунктов. Начальник штаба генерал Д. Н. Гусев, после доклада командующему войсками фронта, утвердил схему НП, каждый из них обеспечивался прямой телефонной связью со своим штабом.

На каждом фронтовом и армейском НП вели наблюдение офицеры разведотделов фронта и 67-й армии, а также разведчики-артиллеристы, танкисты и инженеры.

Л. А. Говоров считал наблюдение одним из важнейших и достоверных способов разведки. Он обращал наше внимание не только на организацию НП, но и на строгий учет выявленных оборонительных сооружений, огневых точек и других целей. Генерал П. П. Евстигнеев вспоми-

нал, что в советско-финскую войну Л. А. Говоров, начальник штаба артиллерии 7-й армии, занимался этим лично.

С разрешения начальника штаба фронта разведотдел проверил, как команды и штабы дивизий изучают оборонительную систему противника, учитывают обнаруженные огневые средства. Выявилось немало серьезных упущений, о которых генерал П. П. Евстигнеев доложил командующему войсками и членам Военного совета.

17 декабря 1942 года командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров, члены Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и генерал-майор Т. Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант Д. Н. Гусев подписали приказ об изучении оборонительной системы и о порядке учета выявленных оборонительных сооружений и огневых средств противника.

Военный совет обязал командиров и командармов, штабы полков, дивизий и армий устранить недочеты в службе наблюдения; до 25 декабря все ранее выявленные инженерные сооружения и огневые точки противника перепроверить, занумеровать и нанести на карту масштаба 1 : 10 000; штабам армий и ПОГ (Приморской оперативной группы) к 30 декабря издать карты оборонительных сооружений, огневой системы и группировки противника; отдельные листы карт довести до роты, батареи первой линии.

В качестве приложения к приказу разведотдел штаба фронта разработал «Инструкцию о порядке учета выявленных оборонительных сооружений и огневых средств противника», в которой определялись обязанности разведотделов (отделений) общевойсковых штабов и родов войск, устанавливались общая нумерация целей, единое наименование опорных пунктов и узлов сопротивления.

В относительно короткий срок удалось добиться эффективных результатов по выполнению требований приказа. К началу планирования артиллерийской и авиационной подготовки мы располагали довольно полными данными об оборонительной и огневой системах противника. Цели имели единую нумерацию. Все это позволило конкретно решать вопросы эффективного ведения огня по их разрушению и уничтожению живой силы врага.

Говоря о разведке обороны противника, нельзя, разумеется, не рассказать хотя бы вкратце о большом вкладе в это дело наших славных летчиков. Ведь аэрофотографирование позволяет наиболее точно и достоверно уста-

новить начертание оборонительных рубежей, позиций, траншейной системы, местоположение инженерных сооружений.

Фотографирование полосы обороны вдоль Невы от Отрадного до Шлиссельбурга и в глубине от Мги до Рабочего поселка № 5 и далее к Ладожскому озеру было возложено на 5-ю дальнеразведывательную авиаэскадрилью.

Первый вылет с этой целью произвел 8 декабря один из лучших экипажей эскадрильи в составе летчика капитана А. К. Ткаченко, штурмана капитана А. М. Разника и стрелка-радиста лейтенанта Н. Г. Рязанова. Несмотря на сильный огонь вражеских зениток, разведчики сфотографировали большой участок вражеской обороны к югу от Ладожского озера. О смертельной опасности, которой подвергались летчики, свидетельствовали многочисленные пробоины в корпусе самолета.

В дальнейшем интенсивность воздушной разведки еще более увеличилась. Ее вели самолеты ПЕ-2, а также истребители-разведчики, которые действовали над вражеским передним краем и в ближайшей тактической глубине. Воздушные разведчики усилили наблюдение и за тыловыми коммуникациями противника, его аэродромами.

Самоотверженно действовали при подготовке операции по прорыву блокады старшие лейтенанты летчик Н. Ф. Гончар и штурман К. Т. Румянцев. Они разведывали аэродромы базирования авиации противника и районы расположения его резервов. Экипаж установил переброску на один из отдаленных аэродромов вражеских бомбардировщиков. И вот однажды, когда самолеты противника ночью совершали посадку с включенными фарами, экипаж присоединился к ним и с низкой высоты начал бомбить аэродром. Несколько бомбардировщиков было уничтожено, возник пожар, а наш самолет-разведчик развернулся и благополучно скрылся в ночной темноте.

В декабре 1942 — январе 1943 года аэрофотографирование обороны противника, районов расположения его резервов, аэродромов и других важных объектов стало основным способом воздушной разведки. Этому способствовало усовершенствование аэрофотоаппаратуры такими энтузиастами своего дела, как инженер-майор М. Исьянов, старшие лейтенанты В. Базунов, В. Гаврилин и другие. Они сконструировали качающуюся установку,

позволявшую за один пролет по прямой сфотографировать в четыре раза большую площадь, чем раньше.

Основную работу по дешифрованию аэрофотоснимков выполнял топоотряд, которым командовал полковник Ф. К. Назаров. Скрупулезно изучая и сравнивая снимки, топографы определяли начертание вражеских оборонительных позиций, траншейной системы, расположение артиллерии и т. д.

Для анализа данных всех видов разведки, составления карты и описания обороны противника на невском направлении была создана специальная группа. Входили в нее помощник начальника штаба инженерных войск по разведке военинженер 2-го ранга П. Г. Александров, офицер разведотдела штаба фронта военинженер 2-го ранга А. П. Лахтаев, старший офицер разведотдела штаба артиллерии Ю. Щигровский и автор этих строк. Мы с помощью топографов составляли карты масштаба 1 : 10 000 и 1 : 25 000, на которых были нанесены оборонительные позиции противника, вся его огневая система, включая артиллерийско-минометную группировку, командные и наблюдательные пункты и другие важные объекты.

20 декабря командующий фронтом и начальник штаба, познакомившись с оригиналами карт, приказали их размножить. Через три дня топографами фронта уже была отпечатана тысяча экземпляров.

Карта, изданная за подписью начальника разведотдела П. П. Евстигнеева, была позднее доведена до соединений, частей и подразделений (роты — батареи).

Она явилась основой для планирования артиллерийской и авиационной подготовки, принятия решений командирами всех звеньев.

Командиры дивизий, кроме того, были обеспечены еще и фотосхемами воздушной разведки противника в полосе наступления, а также панорамными снимками отдельных участков левого берега Невы.

Командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров, одобрив изданные карты, приказал в первую очередь ознакомить с ними командующего, членов Военного совета и начальника штаба 67-й армии. 23 декабря вместе с генералом Евстигнеевым я выехал на командный пункт армии.

Командарм М. П. Духанов был известен на фронте как грамотный, высококультурный и боевой генерал. До войны Михаил Павлович был помощником командующего

Ленинградским военным округом по военно-учебным заведениям. В тяжелые сентябрьские дни 1941 года вступил в командование 10-й стрелковой дивизией, руководил ее боями южнее Стрельны и под Петергофом. Теперь, в декабре 1942 года, он возглавил армию, которой предстояло вместе со 2-й ударной армией Волховского фронта выполнить историческую миссию — прорвать блокаду Ленинграда.

Генерал Духанов встретил нас радушно. Петра Петровича Евстигнеева он знал не первый год, да и жили они в одном доме на улице Красной конницы. Командарм передал нам содержание своего недавнего телефонного разговора с генералом Л. А. Говоровым. Командующий рекомендовал ему воспользоваться пребыванием фронтовых разведчиков в армии и получить от них исчерпывающие сведения о противнике.

Михаил Павлович внимательно ознакомился с изданными картами и описанием группировки и обороны противника на левом берегу Невы, засыпал нас вопросами. Больше всего его интересовала глубина вражеской обороны. Чувствовалось, что передний край и первую позицию он изучил детально и знал здесь группировку до батальона, а на некоторых участках — до роты.

Вместе с нами у командарма находился начальник разведотдела штаба армии подполковник А. П. Костров. Видно было, что генерал М. П. Духанов во всем ему доверяет и относится к Александру Павловичу с большим уважением. А. П. Кострову шел тогда сороковой год. Он имел уже за плечами значительный жизненный и боевой опыт. Свою трудовую биографию начал рабочим, затем по путевке комсомола, в ряды которого вступил в 1921 году, попал в военную школу. Окончив ее, командовал взводом, ротой. С 1927 года — член партии. Учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе, занимал ряд штабных должностей, а накануне войны был начальником штаба дивизии. В первый же месяц войны, когда 41-й стрелковый корпус с тяжелыми боями отходил от Пскова на Лугу, майор Костров возглавил в соединении разведку.

В боях на Лужском рубеже А. П. Костров, организуя разведку, находился на самых опасных участках. Благодаря его смелым действиям, умелому руководству разведкой корпуса, а затем Лужской и Южной оперативных групп, командование постоянно имело ценные данные о противнике.

С осени 1941 года подполковник А. П. Костров руководил разведкой Невской оперативной группы, а в октябре 1942 года возглавил разведотдел штаба 67-й армии. Ему удалось подобрать опытных помощников, сплотить их в дружный коллектив. Разведчики 67-й армии работали много и самоотверженно, добыли немало ценных сведений о вражеской обороне шлиссельбургско-синявинского выступа.

В конце беседы с командармом генерал П. П. Евстигнеев обратил особое внимание на то, что самыми сильными во вражеской обороне являются узлы сопротивления в Шлиссельбурге, в 1-м и 2-м Городках. В глубине созданы сильный узел сопротивления в Синявине и опорные пункты в Рабочих поселках № 1 и № 5. Они соединены между собой двумя линиями траншей. Одна из них обращена фронтом на запад, а другая — на восток.

Дивизия, находящаяся в резерве 18-й немецкой армии, подчеркнул генерал П. П. Евстигнеев, в районе Мга может вступить в бой в конце первого дня нашего наступления или с утра второго.

— Учтем и это, — сказал командарм. — Спасибо за информацию.

Тепло распрощавшись с М. П. Духановым, начальник разведотдела выехал в 136-ю стрелковую дивизию, которая должна была наступать на направлении главного удара. Командовал ею генерал-майор Н. П. Симоняк. В дороге Петр Петрович рассказал, что в течение трех лет, с 1936 по 1938 год, он вместе с Николаем Павловичем учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Симоняк, обладая природным дарованием, отличался завидным упорством в учебе, очень удачно решал тактические задачи. Генерал вспоминал многие интересные факты о своем однокашнике. Чувствовалось, что он питает к Симоняку не просто уважение, а дружескую симпатию.

Приехав на командный пункт дивизии, П. П. Евстигнеев ушел к ее командиру, а меня направил к начальнику разведки. И тут я совершенно неожиданно столкнулся, как говорят, лицом к лицу с капитаном Н. Ф. Захаровым. Около четырех лет мы вместе учились в Киевской военной школе имени С. С. Каменева. Он был старшиной курса, я помощником командира первого взвода. Все годы учебы мы по-настоящему дружили. До военной школы Николай работал в кузнице трамвайного парка, а я на

гвоздильном заводе. Его отец, как и мой, был каменщиком. У нас было много общих интересов. Однако, окончив школу, пришлось расстаться, — служили в разных частях. Затем получилось, что оба одновременно учились в Военной академии. Н. Ф. Захарова война застала на полуострове Ханко, там он проходил стажировку. В рядах 8-й отдельной стрелковой бригады под командованием Н. П. Симоняка он участвовал в героической обороне Красного Гангута. В предстоящей операции Николай Федорович выступал в роли начальника оперативного отделения штаба 136-й стрелковой дивизии.

После нескольких лет разлуки мы вновь встретились. Рассказали друг другу о своей жизни, вспомнили погибших наших однокашников. Но долго беседовать не довелось, — стрелка часов неумолимо двигалась. Нам надо было прощаться. В разведотделение пришел генерал П. П. Евстигнеев, и мы поздно ночью выехали в Смольный.

На второй день позвонил подполковник А. П. Костров. На «Невском пятачке», в районе Московской Дубровки, доложил он, на нашу сторону перешел немецкий унтер-офицер.

На предварительном допросе показал, что был чертежником в оперативном отделении 170-й пехотной дивизии. Свой переход на сторону Красной Армии объяснил ненавистью к гитлеровскому режиму.

Переход незадолго до операции по прорыву блокады унтер-офицера из штаба 170-й пехотной дивизии был приятной неожиданностью. У него, вероятно, можно получить самые свежие сведения о вражеской обороне на левом берегу Невы. Сразу было отдано приказание эвакуировать перебежчика на правый берег только с наступлением темноты, обеспечить полную его сохранность. Мы опасались, что гитлеровцы, обнаружив исчезновение унтер-офицера, попытаются сильным артиллерийско-минометным огнем не допустить его переправы.

В 67-й армии в это время находились генерал-майор Г. Ф. Одинцов и начальник разведотдела штаба артиллерии полковник Н. П. Витте. Вечером они допросили перебежчика и спешно направили Военному совету донесение. В нем говорилось, что, по показаниям перебежчика, 170-я пехотная дивизия в составе 391, 399 и 401-го пехотных полков обороняет левый берег реки Невы от устья реки Мги до Шлиссельбурга. Дивизию поддерживает 240-й артиллерийский полк, который имеет три ди-

визиона 105-мм гаубиц и один дивизион 150-мм тяжелых гаубиц. Далее в донесении указывались районы огневых позиций, места наблюдательных пунктов. Были сделаны следующие выводы:

«1. Показания перебежчика заслуживают доверия и полностью подтверждают правильность анализа нашими органами разведки данных о группировке артиллерии и минометов противника, а также и его наблюдательных пунктов.

2. Данные войсковой и инструментальной разведки, подтвержденные показаниями перебежчика, учтены при планировании нашего артиллерийского огня по батареям, наблюдательным пунктам, штабам и складам боеприпасов противника».

В протоколе допроса перебежчика разведотделом штаба 67-й армии, переданном по Бодо, указывалось, что перебежчик детально знает оборону противника. По его утверждению, 2-й Городок — самое слабое место во всей системе обороны. Наиболее сильно укреплен, хорошо развит в инженерном отношении с очень плотным насыщением огневых средств участок между 2-м Городком и Шлиссельбургом.

Все это полностью противоречило выводу разведки фронта, на основе которого было решено нанести главный удар на Марьино, где оборона считалась слабее, чем во 2-м Городке и Шлиссельбурге.

Генерал П. П. Евстигнеев немедленно доложил о допросе перебежчика начальнику штаба, командующему и членам Военного совета. Генерал Л. А. Говоров приказал срочно доставить унтер-офицера в Ленинград и разведке фронта произвести квалифицированный допрос, а предварительные показания унтер-офицера до войск пока не доводить.

На следующий день перебежчик несколько дополнил свои прежние показания. Он сообщил, что вдоль левого берега Невы проходят три сплошные траншеи полного профиля, удаленные одна от другой на 150—250 метров. Перед передним краем и перед позициями в глубине обороны созданы минные поля, проволочные заборы, рогатки, надолбы и рвы. Высокие и крутые скаты левого берега минированы и местами покрыты льдом. Препятствия находятся под огнем автоматического оружия и минометов. Все эти сведения подтверждали ранее добытые разведкой данные об обороне противника.

Однако перебежчик вновь настойчиво утверждал: слабое место в системе обороны — 2-й Городок, а наиболее сильно укрепленный участок — между 2-м Городком и Шлиссельбургом. Он выразил готовность немедленно включиться в активную борьбу против Гитлера и предложил использовать его как агента.

О результате допроса доложили начальнику разведки фронта генералу П. П. Евстигнееву. Он предложил еще раз встретиться с пленным.

Поскольку я занимался обобщением разведывательных данных, выпуском карт и других материалов об обороне противника, то и мне предложили участвовать в допросе.

Как только мы вошли в комнату, с табуретки не поднялся, а буквально вскочил высокий белокурый немец и четко отрапортовал: «Перебежчик из 170-й пехотной дивизии унтер-офицер...» Он был рослый, подтянутый, с волевым лицом. На черном свитере красовалась красноармейская звездочка, которую пленный, по его словам, выпросил у одного советского солдата.

Разговор с перебежчиком нисколько не походил на допрос. Мы беседовали с унтер-офицером о войне и ее бедствиях. Чертежник сказал, что он готов оказать Красной Армии любую помощь в разгроме гитлеровских войск под Ленинградом. После этого мы дали ему карту и попросили обозначить на ней оборону противника, его огневую систему на левом берегу Невы от 2-го Городка до Шлиссельбурга.

Перебежчик сказал, что лучше сделать это на кальке, — ведь карта относительно мелкого масштаба и на ней трудно показать в крупном масштабе все узлы сопротивления, опорные пункты и главное — огневые точки. На выполнение задания, считал он, потребуется двое суток.

Мы не стали его торопить. Дали ему кальку и распрощались, пожелав успеха.

В точно назначенный срок получили от чертежника аккуратно вычерченную схему. Изучая ее, установили, что примерно половину огневых точек перебежчик показал верно. Это подтверждалось данными нашей разведки. Но бросалось в глаза то, что на схеме немецкая оборона в районе 2-го Городка была показана в масштабе 1 : 2000, а на участке между 2-м Городком и Шлиссельбургом в другом, более мелком — 1 : 5000. Поэтому создавалось впечатление, что во 2-м Городке огневых точек совсем

мало, в то время как левее картина резко менялась. В населенном пункте Марьино, севернее и южнее его, пулеметных и даже орудийных дзотов было гораздо больше, чем мы прежде считали. Находились они на переднем крае или в ближайшей глубине обороны. На нашей карте большинство из них не значилось. Не отразил унтер-офицер противотанковые пушки и крупнокалиберные пулеметы. Естественно возникал вопрос: кто же прав? Этот перебежчик? Или наши разведчики, не раз переправлявшиеся через Неву, и дополнявшие их данные наблюдатели, пристально следившие за вражеским передним краем с правого берега? Это нам и предстояло выяснить на очередном допросе.

Когда мы вошли в комнату, унтер-офицер, как и раньше, вскочил с табуретки, вытянулся по стойке «смирно».

Мы сказали ему, что ознакомились со схемой, но воспользоваться ею не можем, так как она, видимо с умыслом, составлена в разных масштабах. Перебежчик смутился.

Некоторое время он еще пытался играть прежнюю роль, но это у него получалось неуклюже и фальшиво. На вопросы отвечал неуверенно, а вскоре окончательно сник и стал говорить правду. Признался, что он вовсе не унтер-офицер, а лейтенант, что получил специальное задание своего командования перейти на сторону Красной Армии и дезинформировать ее руководство относительно обороны на невском направлении.

После крупного поражения германских войск под Сталинградом командование 18-й немецкой армии опасалось нашего наступления и в районе Ленинграда. Оно не могло теперь рассчитывать на помощь верховного командования вермахта — все резервы отправлялись на южный фланг советско-германского фронта. Поэтому в штабе 18-й армии решили направить наступление, если оно действительно назревает, в выгодном для обороняющихся направлении. Засланный к нам «перебежчик» должен был убедить командование Ленинградского фронта в слабости обороны в районе 2-го Городка, который на деле являлся костяком обороны гитлеровцев на невском участке. Здесь все каменные здания, особенно подвальные помещения, были приспособлены к обороне — в них оборудовали пулеметные и орудийные огневые точки.

После перехода «перебежчика» на нашу сторону намечалось демонстрировать на этом участке редкий огонь

и, наоборот, на участке между 2-м Городком и Шлиссельбургом оборону несколько активизировать. Чтобы «перебежчику» поверили, ему разрешалось раскрыть состав и группировку частей 170-й пехотной дивизии, показать истинные огневые позиции артиллерии и места командных пунктов, которые, кстати, намечалось вскоре сменить. Мнимый унтер-офицер это и сделал при первом же допросе нашими артиллеристами, которые в своем донесении Военному совету справедливо отмечали, что данные разведки совпадают с показаниями «перебежчика».

Лейтенант признался, что должен был всячески стараться через пять дней возвратиться в штаб 18-й армии. Поэтому-то он настойчиво просил нас использовать его в качестве агента. За выполнение задания «перебежчику» были обещаны чин капитана и высокие награды.

Гитлеровский офицер, рассказав обо всем этом, просил поверить в искренность его признаний. Мы предложили ему расписаться в протоколе допроса и направились в Смольный, в штаб фронта.

Выслушав наш доклад, генерал П. П. Евстигнеев немедленно направился к начальнику штаба фронта. Вскоре генерал Д. Н. Гусев вызвал нас и потребовал доложить со всеми подробностями о показаниях «перебежчика». И, слушая нас, по обыкновению, комментировал их.

— Противник, — говорил начальник штаба, — страшится нашего наступления, всячески стремится сорвать его. Хорошо, что разведке удалось раскрыть замысел вражеского командования. Очень уж хотелось врагу, чтобы мы направили главный удар по сильнейшему узлу сопротивления...

Генерал Гусев приказал подготовить письменный доклад командующему войсками, членам Военного совета фронта, а копию направить командующему 67-й армией.

Это задание мы срочно выполнили, и на следующий день, взяв доклад с приложением допроса «перебежчика», генерал П. П. Евстигнеев отправился к генерал-лейтенанту Л. А. Говорову и А. А. Жданову.

Вернувшись в отдел, Петр Петрович поблагодарил за проделанную работу и сообщил, что командование фронта придает разоблачению «перебежчика» особое значение и обязывает впредь перебежчиков допрашивать в разведотделе. Генерал, видимо, не мог передать нам содержание всего разговора, который был весьма продолжительным. Речь велась, как мы потом узнали, об использовании

в операции полученных от «перебежчика» данных. На 2-й Городок, где противник ждал главного удара советских войск, демонстрировали наступление лишь две роты.

В первых числах января 1943 года еще более повысилась интенсивность ведения разведки всеми родами войск. На Неве определялись возможности переправы танков и артиллерии по льду. К разведке помимо войсковых саперов были привлечены все фронтовые и армейские инженерные разведывательные подразделения. Отдельные инженерно-саперные батальоны — 7-й гвардейский и 106-й моторизованный — разведывали заграждения и оборонительные сооружения противника.

Военинженер 2-го ранга П. Г. Александров и подполковник А. Е. Коробейников вместе с разведывательными группами изучали подходы к Неве для танков, возможности их переправы с правого берега на левый и дальнейших действий в глубине вражеской обороны.

Инженеры ежедневно измеряли невский лед, толщиной и структурой которого интересовались начальник штаба и командующий войсками фронта. Более 20 разведгрупп ночью выходили на Неву, вырубали прямоугольные или квадратные куски льда, затем производили все необходимые измерения и исследования.

Инженерная разведка успешно решала не только свои специфические задачи, но и значительно дополняла данные общевойсковой разведки. В этом немалая заслуга военинженера 2-го ранга П. Г. Александрова, который непосредственно на передовых позициях участвовал в организации и ведении разведки. В один из ясных морозных дней накануне прорыва блокады П. Г. Александров и старший лейтенант Смирнов, помощник начальника штаба инженерных войск по разведке 67-й армии, шли по первой траншее. Когда они оказались напротив 8-й ГЭС, вражеский снайпер выследил их и разрывной пулей ранил Александрова.

В начале января состоялось партийное собрание оперативной группы разведотдела. С докладом о задачах коммунистов в предстоящей операции выступил П. П. Евстигнеев. Затем последовал оживленный обмен мнениями.

Коммунисты по-деловому, с большой озабоченностью за судьбу предстоящей операции, вносили предложения по дальнейшему совершенствованию разведки.

Заместитель начальника разведотдела по политической части подполковник А. В. Завалишин говорил о не-

обходимости усилить помощь подчиненным, добиваясь высокой эффективности каждого выезда офицеров отдела в соединения и части.

Организации глубокого изучения противника в его оперативной зоне посвятил свое выступление подполковник А. Г. Колганов, а подполковник М. Ф. Федоров — непрерывности ведения разведки, изучению и распространению передового опыта.

Секретарь партбюро нашей парторганизации военинженер 2-го ранга А. П. Лахтаев вновь напомнил: там, где бьет ключом партийная жизнь, всегда достигаются большие успехи в работе. Он призвал усилить партийную работу, сделать ее еще более целеустремленной, а партийному бюро, в состав которого входили П. П. Евстигнеев, М. Ф. Федоров, А. П. Лахтаев, Л. Г. Винницкий и А. Г. Колганов, индивидуально подходить к каждому коммунисту, помогать его росту.

Партийное собрание мобилизовало членов и кандидатов партии на боевое решение разведывательных задач.

За несколько дней до начала операции по прорыву блокады разведотдел, на основе материалов Центра и данных разведки фронта, составил для Военного совета справку-доклад об обстановке и группировке противника на всем советско-германском фронте и под Ленинградом.

К январю 1943 года окруженная группировка фашистских войск в районе Сталинграда уже находилась в катастрофическом положении, все ее резервы были израсходованы. Советские войска приступили к ликвидации окруженной вражеской группировки.

В первых числах января 1-я танковая армия противника, опасаясь окружения, под ударами наших войск поспешно отходила с Северного Кавказа. В это время немецкая группа армий «Дон», не сдержав натиска войск Юго-Западного и Южного фронтов, с тяжелыми боями отступала на Северный Донец и реку Маныч.

Наступление советских войск на юге приковало к себе большие силы и резервы противника. Здесь к этому времени вели боевые действия свыше 100 дивизий из общего количества 263 дивизий и 15 бригад, которые находились на советско-германском фронте, включая соединения сателлитов.

На северо-западном направлении, на фронте от Финского залива до Алексеевской (45 километров северо-западнее Великих Лук), общим протяжением 800 километ-

ров, действовали группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал Кюхлер) в составе 18-й армии (командующий генерал-полковник Линдеман), 16-й армии (командующий генерал-полковник Буш) и 1-й воздушный флот. Группа армий «Север» насчитывала до 45 дивизий, из них в 18-й армии до 26 дивизий.

В докладе разведки фронта указывалось, что, по показаниям пленных, немецко-фашистские войска под Ленинградом получили задачу во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции, продолжать осаду города, усилив его обстрел артиллерией. В подтверждение приводились показания пленных. Следует ожидать, отмечалось далее, что командование группы армий «Север» использует против наших наступающих войск все свои резервы и, очевидно, применит, как и в прошлых операциях, широкий маневр силами и средствами, перебрасываемыми с пассивных участков на угрожаемое направление.

В заключительной части подчеркивалось, что тяжелое, катастрофическое положение фашистской армии под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе и продолжающееся развитие наступления советских войск не позволят командованию вермахта при прорыве блокады перебросить значительные силы из резерва и других фронтов под Ленинград.

...Наступила ночь перед штурмом вражеской обороны. Командующий 67-й армией генерал-майор М. П. Духанов приказал командиру 46-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на правом берегу Невы, произвести разведку льда на участке Бумажный комбинат, Выборгская Дубровка, а 11-й отдельной стрелковой бригаде — на участке северная окраина Выборгской Дубровки, Преображенская гора (юго-западная окраина Шлиссельбурга). Такую же задачу имели и разведывательные подразделения. Им поручалось также установить наличие новых минных полей, заграждений и подводных фугасов, захватить контрольных пленных.

Разведчики действовали умело и отважно. Они добыли последние данные о состоянии льда на Неве, наличии минных полей и заграждений, а также захватили «языка» и документы в полосе обороны 170-й пехотной дивизии. В ту же ночь летчики произвели разведку основных дорог и районов сосредоточения резервов противника, а ночные бомбардировщики нанесли удар по аэродромам и железнодорожным узлам в тылу 18-й немецкой армии.

Утром 12 января началась артиллерийская подготовка атаки.

Когда стрелки часов приближались к 11 часам 50 минутам и огонь артиллерии достиг наивысшего напряжения, доблестные воины четырех стрелковых дивизий первого эшелона — 45-й гвардейской, 268, 136 и 86-й — 67-й армии на фронте от Московской Дубровки до Шлиссельбурга бросились по льду на штурм вражеских укреплений.

Первые часы боя показали, что вражеское командование, по-видимому, уповало на успех миссии своего «подкидыша», считало, что ему удалось ввести в заблуждение советских военачальников и разведчиков. Поэтому противник особенно тщательно подготовился к отражению удара на нашем правом фланге. И, естественно, просчитался.

Главный удар 67-я армия наносила севернее 2-го Городка. И здесь нашим войскам сопутствовал успех. В ходе боев на левом берегу Невы были взяты пленные из всех полков 170-й дивизии и 328-го пехотного полка 227-й пехотной дивизии. Кроме того, разведка захватила важные документы, которые быстро и грамотно обрабатывал старший лейтенант Л. Р. Зиндер, в прошлом доцент Ленинградского университета, кандидат филологических наук.

С утра 12 января в наступление перешла и 2-я ударная армия Волховского фронта, прорвала оборонительную позицию противника севернее и южнее Рабочего поселка № 8, овладела рощей «Круглая» и продвинулась на 2—3 километра. В этот же день нанесли удар по врагу соединения 8-й армии.

Мощный артиллерийский удар и стремительный натиск наших частей ошеломили гитлеровцев. Эфир заполнили их истошные крики. Радисты М. М. Фетисов, Бушуева, Пузиков, И. Афанасьев, Сидоров, В. А. Малютин из части, которой командовал подполковник Л. С. Сазыкин, перехватили несколько радиограмм. Передавались они открытым текстом — было, очевидно, не до кодирования: «Русские атакуют. Прорвались вражеские танки», «Просим новых подкреплений», «Первый батальон понес большие потери...» Эти и другие радиограммы позволяли получить известное представление о том, что происходит во вражеских войсках, об их моральном состоянии.

К исходу первого дня наступления командующий 18-й армией генерал-полковник Линдеман начал переброску к участку прорыва своих резервов.

С утра 13 января ударные группировки фронтов продолжали наступление. Войска 67-й армии двигались на Рабочий поселок № 5 и одновременно стремились окружить противника в районе 1-го и 2-го Городков, расширить фронт прорыва в южном направлении.

Не считаясь с потерями, противник пытался не допустить дальнейшего развития наступления и, опираясь на основные узлы обороны — 2-й Городок и Преображенскую гору, контратаками восстановить положение в районе Марьино.

Во второй половине дня 268-я стрелковая дивизия, не выдержав сильного флангового удара танков и пехоты противника, отошла на восточную опушку леса севернее 2-го Городка. Создалась угроза выхода контратакующих вражеских частей к Неве. Когда об этом стало известно на командном пункте фронта, сразу же возник вопрос: какие же части противника контратакуют и какими силами? Разведка, к сожалению, не могла на него дать ответ. Командующий фронтом был недоволен. Тягостное напряжение еще более усилилось во время обстрела командных пунктов фронта и 67-й армии — они находились рядом. Осколками одного из снарядов были ранены генерал М. П. Духанов и начальник оперативного отдела штаба фронта генерал А. В. Гвоздков. Оба отказались госпитализироваться и до окончания операции остались в строю.

Начальник разведки в такой сложной обстановке сохранял исключительную выдержку. Тихим и спокойным голосом он отдавал распоряжения. Его переживания и внутреннее волнение выдавала лишь давняя привычка в тяжелые минуты поглаживать рукой голову.

Не успел еще генерал П. П. Евстигнеев дать нужные задания на дополнительную разведку, как в отдел позвонил А. М. Барабанов. Он находился в 268-й дивизии и доложил, что ее полки при поддержке артиллерии отражают вражеские атаки танков и пехоты. Разведчики захватили нескольких пленных из 283-го пехотного полка 96-й пехотной дивизии. Этот полк в ночь на 13 января был спешно переброшен из Мги в район 2-го Городка, получил задачу совместно с 170-й дивизией при поддержке танков отбросить прорвавшиеся советские части к Неве. Начальник разведки фронта поблагодарил Андрея Михайловича за важные сведения, приказал еще более активизировать действия разведгрупп, и особенно команды «охотников».

По указанию генерала П. П. Евстигнеева повысилась активность воздушной разведки. В ней непосредственно участвовали кроме летчиков и офицеры разведотделов.

Успешно вел наблюдение за полем боя и коммуникациями противника штурман старший лейтенант В. Ф. Шалимов. Вместе с летчиком Моисеенко он десятки раз вылетал на разведку, следил за продвижением наших частей, подходом к полю боя резервов противника и отходом его частей.

В последующие дни, 14—17 января, сражение приняло еще более ожесточенный характер. Войска 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й ударной армии Волховского фронта, наращивая силу ударов, продолжали наступление, стремясь завершить прорыв и соединиться в районе Рабочих поселков № 1 и 5.

Противник, яростно сопротивляясь на флангах нашего прорыва, прилагал все усилия к тому, чтобы не допустить соединения советских войск, идущих навстречу друг другу. Вражеские части и соединения несли большие потери. Многочисленные пленные показывали, что 170-я, 227-я и 96-я пехотные дивизии и 85-й горнострелковый полк истощили свои силы. Командование 18-й армии вынуждено было бросить в бой основные силы 1-й и 223-й пехотных дивизий и даже 374-й полк 207-й охранной дивизии.

Воздушные разведчики и разведывательные группы в тылу противника своевременно устанавливали подход новых соединений и частей к полю боя, а радиоразведка фиксировала перемещение их штабов. Разведывательные подразделения дивизий и полков, действуя впереди и на флангах наступающих войск, захватывали пленных, документы, устанавливали появление новых соединений и частей противника на линии фронта и в ближайшей глубине.

Не удалось врагу скрыть и переброску 14—15 января из-под Киришей в район Синявино 61-й пехотной дивизии и 159-го полка 69-й пехотной дивизии.

Разведчики действовали смело, решительно и оперативно, обеспечивая командование необходимыми данными.

Вечером 17 января генерал П. П. Евстигнеев ознакомил командующего фронтом с показаниями командира одного из пехотных батальонов 227-й пехотной дивизии, взятого в плен в районе Шлиссельбурга. Л. А. Гово-

ров решил лично с ним побеседовать. Он задал командиру батальона несколько вопросов о состоянии войск противника и его намерениях. Пленный сообщил, что вражеские части имели строгий приказ во что бы то ни стало удержать оборонительный рубеж по левому берегу Невы и не допустить прорыва блокады. Но выполнить его оказалось невозможным. В батальоне, которым командовал пленный, и в других подразделениях полка осталось очень мало личного состава. Далее пленный сказал, что сегодня, то есть 17 января, в 15 часов войска, окруженные южнее Ладожского озера, получили приказ с утра 18 января прорваться через Рабочий поселок № 1 и Рабочий поселок № 2 в южном направлении на соединение с войсками, которые должны нанести встречный удар со стороны Синявина.

После допроса командующий приказал генералам П. П. Евстигнееву и А. В. Гвоздкову предупредить войска о намерениях противника и потребовать от них как следует подготовиться к его возможным ударам.

Показания пленного подтвердились. С утра 18 января противник силами 61-й пехотной дивизии, частью сил 96-й пехотной и полицейской дивизии СС из района Синявино нанес удар по 136-й стрелковой дивизии, стремясь отбросить ее от Рабочего поселка № 5 на запад и облегчить прорыв своих войск из района южнее Ладожского озера.

136-я стрелковая дивизия и 61-я танковая бригада полковника В. В. Хрустицкого отразили вражескую контратаку, уничтожив при этом до 600 и взяв в плен около 500 гитлеровцев. Наши подразделения ворвались в Рабочий поселок № 5, где в 12 часов дня соединились с 18-й стрелковой дивизией 2-й ударной армии. Несколько раньше, в 10 часов 45 минут, 123-я отдельная стрелковая бригада 67-й армии встретилась с 372-й стрелковой дивизией 2-й ударной армии в районе Рабочего поселка № 1. 86-я стрелковая дивизия и 34-я лыжная бригада к 14 часам полностью очистили от противника Шлиссельбург.

Противник в этих боях понес большие потери. В своем отчете командующий 18-й немецкой армией писал: «В результате массированного огня артиллерии, массовых атак танков наши войска были так истощены, что они с трудом сдерживали дальнейшее наступление противника, а окружение части сил в районе Шлиссельбурга не могло быть предотвращено».

Далее генерал-полковник Линдеман перечислял потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести и назвал их весьма значительными. Велики были потери и материальные — в боевой технике.

Прорыв блокады знаменовал собой начало нового этапа в битве за Ленинград. Это была историческая победа, которую с большой радостью воспринял весь советский народ.

Все мы радовались тому, что в эту славную победу вписали свою страницу и мужественные разведчики, которые проявили высокую морально-политическую стойкость и беспредельную преданность социалистической Отчизне, родной Коммунистической партии.

В. П. Беляков

контр-адмирал, в период подготовки к прорыву блокады командовал отрядом транспортов Ладожской военной флотилии

З. Г. Русаков

инженер-капитан 3-го ранга, в период подготовки к прорыву блокады флагманский механик отряда транспортов Ладожской военной флотилии

СКВОЗЬ ЛАДОЖСКИЕ ЛЬДЫ

Гитлеровская ставка, как и командующий группой армий «Север» генерал-полковник Кюхлер, считала, что с наступлением весны Ладожская коммуникация не обеспечит потребностей блокированного города. В директиве командующему 1-м воздушным флотом генерал-полковнику Келлеру фюрер предписывал сорвать перевозки через озеро всеми средствами, и особенно воздушными налетами на Ладожский район судоходства.

Келлер старательно выполнял приказ Гитлера. За навигацию 1942 года на корабли и суда Ладожской флотилии и Северо-Западного речного пароходства было совершено 122 дневных и 15 ночных налетов, сброшено 6,5 тысячи бомб.

И все же, несмотря на противодействие противника, темп перевозок с каждым днем возрастал.

Весной, летом и осенью наши суда доставили в Ленинград по Ладоге 780 тысяч тонн различных грузов, в том числе 88 тысяч тонн боеприпасов и вооружения, 631 орудие и 202 танка. Через озеро шло пополнение войск Ленфронта, было перевезено 310 тысяч бойцов и командиров.

Ладожская коммуникация имела важное, и можно сказать с полным основанием, стратегическое значение. Военные советы Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота, обком и горком партии делали все, чтобы коммуникация действовала четко и безотказно. Еще зимой, задолго до закрытия автомобильной ледовой дороги, были проведены большие подготовительные работы ко второй военной навигации. На восточном и за-

падном берегах озера войсками и ленинградцами были сооружены порты, подведена разветвленная сеть железных дорог, построены новые самоходные суда и баржи.

22 мая 1942 года, когда буксирный пароход «Гидротехник» первым пересек Ладогу, капитан Ф. М. Вялков получил телеграмму: «Поздравляем вас и личный состав парохода «Гидротехник» с первым успешным рейсом. Желаем дальнейших успехов в вашей работе. Жданов, Говоров, Соловьев».

Началось регулярное движение судов по двум трассам. Первая — Осиновец — Кобона протяженностью 30 километров, названная малой трассой, и вторая — Осиновец — Новая Ладога протяженностью 115 километров.

Во время перехода из Морье в Кобону вражеские самолеты атаковали тральщик ТЩ-126, погибли командир капитан-лейтенант В. Орешко и его помощник капитан-лейтенант Б. В. Петровский, много моряков. Только семь человек остались в строю. Под командой военкома Усаева они привели корабль на базу.

Самоотверженно действовала команда тральщика ТЩ-175, которую возглавлял старший лейтенант Ф. Л. Ходов. За навигацию тральщик прошел, буксируя баржи, 6 тысяч миль, совершил 278 рейсов, отбил 40 атак бомбардировщиков.

Неувядаемой славой покрыли себя команды тендеров Ладожской флотилии, совершавших днем и ночью «челночные» переходы по малой трассе. На тендерах, изготовленных искусными ленинградскими корабелами, с восточного берега на западный в основном доставлялись взрывчатка и боеприпасы. Обратными рейсами перевозились на Большую землю эвакуированные ленинградцы.

Однажды в очередном рейсе тендер старшины Миронова подвергся нападению двух «мессершмиттов». Стоя во весь рост, ничем не защищенный Миронов не оставлял руля. Миронов и его три товарища были ранены, но они нашли в себе силы заделать пробоины, исправить повреждения и довести судно с грузом до порта.

На военный транспорт нашего отряда «Ханси» напали пять самолетов противника. От разорвавшихся бомб на судне возник пожар, вышло из строя рулевое управление. Командир корабля лейтенант Глеб Коркин, его помощник старший лейтенант Павел Спорышев погибли, военком старший политрук Богданов был тяжело ранен. Корабль, объятый пламенем, с поврежденным рулевым управлени-

ем, довел к ближайшему порту матрос-рулевой старшина 1-й статьи Андрей Седов.

Противник, убедившись в том, что ударами с воздуха нельзя сорвать перевозки, решил в октябре высадить десант на небольшом насыпном острове Сухо, взять под свой контроль Ладожскую коммуникацию.

Десант противника был вовремя обнаружен. Завязался неравный, жестокий бой. Подоспевшие на помощь корабли Ладожской флотилии, авиация флота и фронта помогли гарнизону освободить остров. Вражеский десант противника был наголову разгромлен.

Бесперебойное действие Ладожской водной фронтовой коммуникации продолжалось. Ленинградский фронт и Краснознаменный Балтийский флот накапливали силы, готовясь к новым боям за город Ленина.

В конце ноября лед сковал Волховскую губу, но он был еще недостаточно надежным для движения автомашин.

В это время командующий Ладожской военной флотилией капитан 1-го ранга В. С. Чероков получил директиву Военного совета фронта, которая обязывала моряков продолжать перевозки до последней возможности. «...Именно сейчас, — говорилось в директиве, — от вас требуется особая настойчивость, оперативность и распорядительность».

Моряки-ладожцы с честью выполняли требование командования. Однако к началу декабря Ладога замерзла, и перевозки прекратились. Личный состав кораблей должен был приступить к ремонту судов.

С большим трудом корабли нашего отряда транспортов, форсируя тяжелый береговой ледовый припай, заняли свое место по диспозиции в бухте Морье. Наконец-то, считал каждый, можно начинать ремонт износившихся механизмов, — ведь в летнюю навигацию кораблям отряда транспортов пришлось много и напряженно работать. Основная масса перевозок людей осуществлялась кораблями нашего отряда — наиболее приспособленными для таких целей. В довоенное время корабли эти были пассажирскими или грузо-пассажирскими судами Прибалтийских морских и Северо-Западного речного пароходств.

О напряженной работе судов свидетельствует такой факт: только один транспорт «Вилсанди» в навигацию

1942 года совершил 238 рейсов и перевез 107 тысяч человек и 6400 тонн грузов.

Как только корабли стали на зимовку, пары, как говорят моряки, в котлах были прекращены, механизмы разобраны.

Не прошло и десяти дней, как в ночь на 13 декабря был получен приказ — прекратить ремонт, срочно собрать машины, в котлах поднять пары и быть готовыми продолжать выполнять задание командования по перевозке войск и боевой техники для Ленинградского фронта.

Чтобы выполнить поставленную задачу, был сформирован отряд кораблей, в который вошли пять канонерских лодок: «Нора», «Селемджа», «Бира», «Бурея» и «Шексна». Командирами их были опытные моряки — капитан 3-го ранга П. И. Турыгин, капитан-лейтенант М. А. Гладких, капитан 3-го ранга А. М. Лаховин, капитан 3-го ранга А. Ф. Тулумбасов и капитан-лейтенант И. Т. Евдокимов.

Кроме того, в отряд входили два транспорта: «Вилсанди» (командир капитан 2-го ранга М. О. Котельников), «Чапаев» (командир старший лейтенант И. В. Дудников); буксирные пароходы «Гидротехник» (капитан Ф. М. Вялков), «Ижорец № 8» (капитан Н. Д. Бобошин).

Возглавлял отряд кораблей командир дивизиона канонерских лодок капитан 1-го ранга Н. Ю. Озаровский, известный на флоте мужественный и опытный моряк. Николай Юрьевич служил мичманом еще в дореволюционном флоте, участвовал в первой мировой и гражданской войнах, командовал миноносцем во время легендарного ледового похода в 1918 году, когда Балтийский флот совершил переход из Гельсингфорса в Кронштадт.

В ноябре—декабре 1941 года Н. Ю. Озаровский, командуя отрядом кораблей Ладожской флотилии, успешно провел в тяжелейших ледовых условиях корабли с восточного на западный берег озера. Этот опыт Н. Ю. Озаровского как нельзя лучше пригодился нам в декабре сорок второго года.

Вспоминается, как рано утром 13 декабря тишину застывших на рейде бухты Морье скованных льдами кораблей нарушил сигнал колоколов громкого боя. Раздались команды: «По местам стоять, с якоря сниматься!»

Канонерские лодки «Нора», «Бира» и буксирный пароход «Гидротехник» вышли в поход в сторону порта

Кобона, который находился на восточном берегу озера, по так называемой малой, тридцатикилометровой трассе. Зимой 1941/42 года здесь ходили по льду автомашины, а летом 1942 года — корабли. В декабре чистой воды на всем пути не было. Уже при выходе на рейд в бухте Морье приходилось форсировать льды непрерывным маневрированием машинами — с полного хода назад на полный ход с разгона вперед.

Когда корабли застревали, моряки пешнями и ломами обкалывали зажатые льдами борта или же пускали в ход взрывчатку.

Этот трудный переход продолжался 38 часов 15 минут вместо обычных 2 часов, которые затрачивали наши корабли при нормальных условиях.

Первым рейсом на западный берег было доставлено для Ленинграда 1058 бойцов. Затем начали перевозки и остальные суда отряда.

— Вам надо перебросить немало войск на западный берег, — говорил Н. Ю. Озаровскому член Военного совета Ленинградского фронта Н. В. Соловьев, прибывший 16 декабря на борт флагманского корабля.

— У нас есть все, — ответил командир отряда. — Моряки с честью выполнят свой долг.

В тот же день Военный совет Краснознаменного Балтийского флота обратился к морякам отряда с призывом мобилизовать все силы и средства для преодоления трудностей плавания во льдах.

На долю экипажей кораблей выпали суровые испытания. Неистово бушевал штормовой ветер. День ото дня крепчал торосистый лед. Густой туман ограничивал видимость. Работа в кочегарках у котлов с угольным отоплением, у машин, на палубах, на льду, погрузка, разгрузка требовали сверхчеловеческого напряжения.

Первое время трудно было даже представить, что такие рейсы могут совершать наши корабли, мало или совершенно не приспособленные к плаванию во льдах. «Нора», «Селемджа», «Бира» и «Бурея» — канонерские лодки, составлявшие основное ядро отряда, не обладали необходимой прочностью корпуса, достаточной мощностью машин. Строились эти суда для других целей — перевозки грунта при дноуглубительных работах. Война заставила и их приспособить для боевых действий. Суда несколько переоборудовали, вооружили, и грунтоотвозочные шаланды превратились в боевые корабли. Канонер-

ская лодка «Шексна» в прошлом была ледокольным буксиром. Когда на ней установили орудие, осадка изменилась. Корабль уже не мог наползать на лед своим форштевнем, прокладывать себе и другим судам путь через замерзшее озеро.

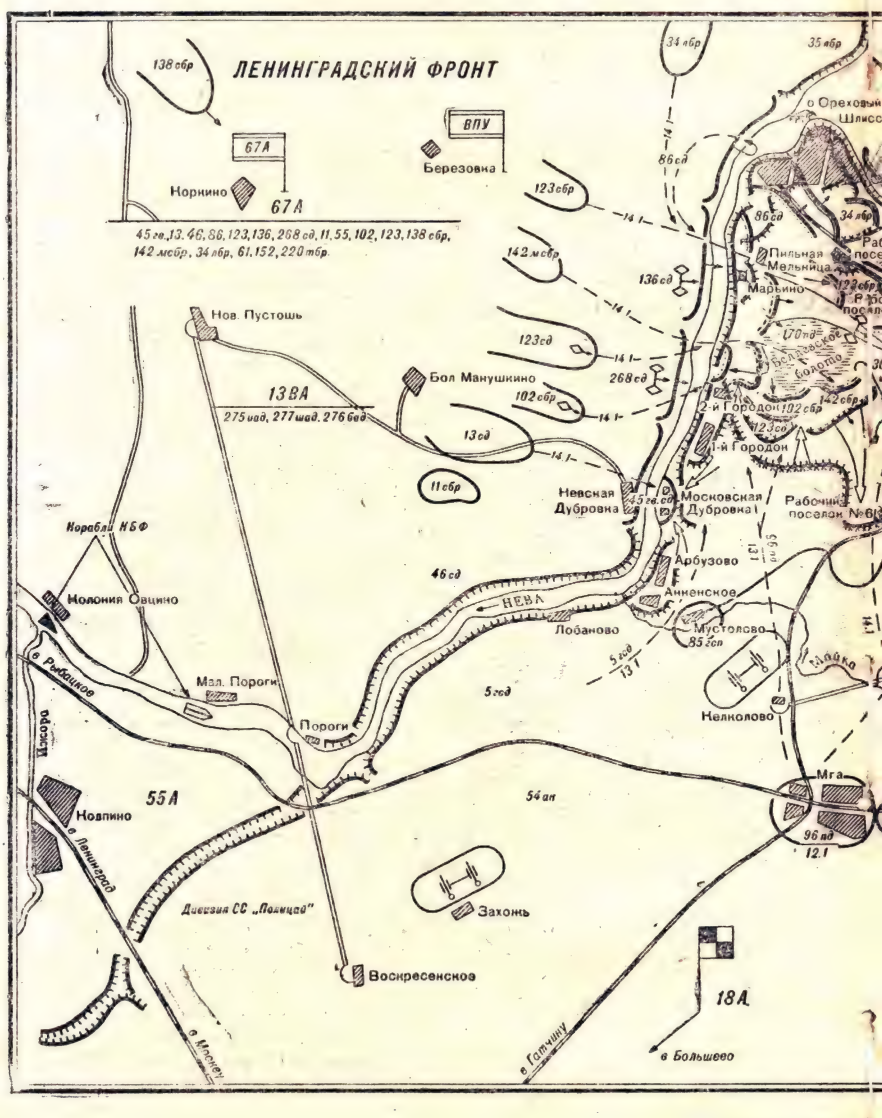
А что можно сказать о транспортах «Вилсанди» и «Чапаев»? Их ленинградцы знали как прогулочные пароходы. «Чапаев» курсировал на очень популярной линии Ленинград — Петергоф. Теперь пароход выполнял боевые задачи. Командовал им Иван Васильевич Дудников, до войны гражданский водник. Надо сказать, что действовал он не хуже кадровых офицеров Военно-Морского Флота. Транспорт совершил сотни рейсов через Ладогу в летние и осенние месяцы. Как ни трудно складывалась обстановка, И. В. Дудников всегда доставлял грузы по назначению.

И на других боевых кораблях и транспортах командирами были решительные и искусные командиры, получившие хорошую закалку за время летней и осенней навигаций. Отлично зарекомендовали себя также штурманы В. И. Филиппов и И. А. Ярош, механики К. П. Алексеев, И. Ф. Белоногов, Т. И. Лобуко и многие другие офицеры и матросы. Люди высоких моральных качеств, они отлично знали свое дело, мужественно преодолевали трудности ледовых рейсов.

Когда отряд кораблей на переходе в Кобону попал в полосу густого тумана и никаких видимых ориентиров для определения места судна не оказывалось, штурман, лейтенант И. А. Ярош, категорически отказался воспользоваться разрешением стать на якорь или уменьшить ход. Он точно по счислению провел корабли через узкое место между банкой Железница и затонувшим судном. В назначенное время корабли прибыли к месту погрузки войск.

Перевозки войск и техники продолжались непрерывно ночью и днем. Чтобы не терять времени на форсирование льда при подходах к причалам в порту Кобона, было решено принимать войска со льда на расстоянии 1—2 километра от берега.

Между тем толщина льда увеличивалась. 20 декабря через озеро переправилось 160 подвод, каждая из которых имела 300 килограммов груза. Первые 300 машин-полуторатонок вышли на лед 27 декабря, а трехтонные машины включились в работу 8 января. Ледовая

Прорыв блока

ды Ленинграда

автомобильная дорога начала работать с полной нагрузкой с 12 января 1942 года.

Всего в декабре и январе караваны кораблей 25 раз отправлялись с восточного на западный берег и перевезли 38 тысяч воинов для пополнения войск Ленфронта. Специальных военных грузов, в том числе таких тяжелых, как танки, орудия большого калибра, перевезли за это время 1343 тонны.

Тяжелая боевая техника переправлялась на четырех металлических баржах — «блокадках», построенных ленинградскими рабочими.

Последний караван с грузом военной техники пришел на западный берег 13 января 1943 года, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов уже второй день вели наступление.

Незадолго до этого канонерская лодка «Нора» доставила в бухту Морье представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова.

Его встречали и сопровождали командующий Краснознаменным Балтфлотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц и командующий Ладожской военной флотилией капитан 1-го ранга В. С. Чероков.

Климент Ефремович во время перехода был на мостике, беседовал с моряками, шутил. Он высоко оценил самоотверженный труд моряков-ладожцев, с честью выполнивших задание по перевозке войск и боевой техники Ленинградскому фронту.

Утром 12 января, когда корабли Ладожской флотилии еще пробивались во льдах, до нас донесся гул артиллерийской канонады неслыханной силы. Операция по прорыву блокады началась.

Мы знали, что в ней участвуют и наши артиллеристы 302-го артдивизиона Ладожской флотилии под командой майора Г. В. Коптева. Они стреляли с огневых позиций на правом берегу Невы у поселков Морозовка, Коткино, Ганибаловка, Каменка.

Моряки Ладожской военной флотилии, как и тысячи тружеников ледовой дороги, внесли достойный вклад в героическую оборону Ленинграда и в прорыв блокады.

Г. С. Солодовников

участник обороны Ленинграда, во время прорыва блокады главный инженер управления аварийно-восстановительных работ Ленэнерго

НАПЕРЕКОР ВСЕМ ТРУДНОСТЯМ

Когда гитлеровские войска в сентябре 1941 года блокировали Ленинград, система Ленэнерго оказалась в исключительно трудном положении. Мы лишились большинства электростанций, снабжавших энергией город. В самом же Ленинграде катастрофически быстро сокращались запасы топлива, завоз которого полностью прекратился.

Несмотря на принятые Военным советом Ленинградского фронта и городским комитетом партии меры по переводу городских электростанций на сжигание дров и фрезерного торфа, положение оставалось критическим.

В самый тяжелый для энергосистемы день 25 января 1942 года работал только один турбогенератор 1-й ГЭС, причем топлива на электростанции оставалось всего на несколько часов!

Подвоз топлива автомашинами по «Дороге жизни» не мог обеспечить возрастающих потребностей в электроэнергии города-фронта. Необходимо было во что бы то ни стало восстановить электроснабжение Ленинграда. Именно тогда возникла идея сооружения Ладожской линии электропередачи, которая могла бы снабжать Ленинград энергией Волховской ГЭС.

Автору этих строк довелось участвовать в ее создании, и я хочу поделиться своими воспоминаниями об этом незабываемом строительстве, которое проходило не только в необычных условиях, но и в чрезвычайно сжатые сроки. При сооружении этой передачи требовалось найти совершенно новые технические решения и осуществить их в рамках разумного производственного риска.

В первую очередь встал вопрос о напряжении, которое следовало использовать для передачи электроэнергии. До войны Волховская электростанция была связана с Ленинградом линиями, имевшими напряжение 110 киловольт. Казалось бы, проще всего было применить такое напряжение. Но в блокадном городе не было ни нужного кабеля, ни высоковольтных трансформаторов, ни ряда других материалов и оборудования.

Другое стандартное напряжение в системе Ленэнерго — 35 киловольт — использовалось для обеспечения электроэнергией загородных потребителей. Его применение для Ладожской линии сильно ограничило бы пропускную способность и увеличило бы потери электроэнергии. Поэтому решили применить нестандартное напряжение — 60 киловольт и передать электроэнергию по уцелевшим и частично вновь сооружаемым линиям 110 и 35 киловольт. Через Ладогу же было решено проложить десятикиловольтный кабель.

Работы по сооружению электропередачи производились одновременно на всех трех участках трассы. На восточном берегу озера прокладкой высоковольтных линий и постройкой подстанций руководил заместитель главного инженера высоковольтной сети Ленэнерго Н. В. Севастьянов. На западном берегу аналогичные работы выполнялись коллективом аварийно-восстановительных работ под руководством главного инженера А. А. Петухова и автора этих строк. Работы на озере возглавлял главный инженер кабельной сети И. И. Ежов. Общее руководство строительством было возложено на главного инженера Ленэнерго С. В. Усова.

Объем работ, выполненных в тех тяжелых условиях, при острой нехватке квалифицированных кадров, был очень велик. Военный совет фронта направил на строительство линии энергопередач три линейно-строительных батальона. Много работало на участках ленинградцев, в основном женщин. В исключительно сжатые сроки были восстановлены и вновь сооружены около 200 километров высоковольтных линий, построены три новые подстанции и реконструирован ряд имевшихся подстанций.

Нам приходилось преодолевать большие трудности, чтобы доставить материалы и оборудование к местам, находившимся в непосредственной близости от линии фронта. Ослабевшие от голода люди трудились самоотверженно, не считаясь с временем и опасностью.

Отличные образцы работы показали бригады строителей М. М. Безгрешного, А. С. Васильева и В. Н. Ефимова на восточном берегу, Т. И. Орлова и С. А. Саликова — на западном.

Наибольшие затруднения представляла прокладка кабеля через Ладожское озеро. Для пяти кабельных линий протяженностью по 22,5 километра каждая требовалось более 100 километров десятикиловольтного кабеля, а его не было ни у Ленэнерго, ни на заводе «Севкабель». Изготовить кабель в условиях осажденного Ленинграда, когда завод находился под беспрерывными бомбежками и обстрелом, казалось совершенно невозможным. И все же рабочие и инженеры завода «Севкабель» сумели это сделать, совершив поистине трудовой подвиг!

Организация изготовления кабеля была возложена на главного инженера завода Д. В. Быкова. Пуском силового цеха руководил С. И. Арензон — ведущий инженер-конструктор по силовым кабелям и арматуре. Вместе с ним трудились механик С. Я. Яковлев и несколько инженеров и техников, оставшихся на заводе. У ослабевших от голода людей нашлись силы, чтобы в короткое время привести в порядок станки и оборудование цеха. Началась работа по изготовлению кабеля. Ее выполняли главным образом женщины и подростки. Они трудились по 12—14 часов в сутки. Но некоторые виды работ они не могли выполнить. Для работы на тяжелых станках пришлось самолетом из Москвы привезти несколько специалистов.

Вскоре гитлеровцы заметили оживление на «Севкабеле» и усилили его обстрел и бомбежки. Но люди не сдавались. Они продолжали начатую работу. И произошло чудо!

Завод в этих невероятных условиях изготовил 120 километров десятикиловольтного кабеля — 270 барабанов весом 11 тонн каждый.

Теперь появилась реальная возможность приступить к сооружению линии передачи. 7 августа 1942 года Военный совет Ленинградского фронта принял решение проложить через Ладожское озеро первые четыре кабельные линии. На производство работ отводилось всего 56 дней.

Выполнить все эти работы в столь сжатые сроки обычными способами было невозможно: не было достаточного количества плавучих средств, кроме того,

фашистская авиация часто наносила удары по кораблям, прибрежным строениям и другим объектам.

Поэтому был разработан совершенно новый способ прокладки, при котором к минимуму были сведены количество плавучих средств и зависимость производства работ от разного рода случайностей.

На специально приспособленной железной барже укладывалась вся длина (21,5 километра) подводного кабеля и заранее монтировались соединительные муфты. Затем ночью буксиром баржа выводилась в озеро, и в один прием производилась прокладка кабеля от одного до другого берега. От всех участников прокладки требовались исключительная внимательность и слаженность в работе. Самоотверженные образцы труда показали руководитель работ Н. С. Туманов, монтеры Т. Г. Федоров, Купчинкин, Воробьев, Белевич и многие другие.

Первые четыре кабельные линии были успешно проложены в ночное время. Прокладку последней, пятой линии из-за сильного шторма, бушевавшего всю ночь, начали проводить утром. Но неожиданно появились «юнкерсы» и стали бомбить. Осколками был поврежден кабель. Пришлось приостановить работу и закончить ее ночью.

В 18 часов 30 минут 23 сентября 1942 года Ладожская линия электропередачи была включена в эксплуатацию, и осажденный Ленинград получил долгожданную электроэнергию.

За десять дней до начала боев по прорыву блокады Ленинграда работники Ленэнерго по заданию Военного совета Ленинградского фронта начали строить южнее Осиновецкого маяка еще одну высоковольтную линию электропередачи.

Впервые от Волховской ГЭС блокированный Ленинград получил энергию осенью 1942 года. Тогда был проложен по дну Ладоги десятикиловольтный кабель. Новый шестидесятикиловольтный кабель должен был в несколько раз увеличить электроснабжение города и фронта. Кроме того, вражеская авиация часто повреждала подводный кабель. Естественно, что восстанавливать его было трудно. Старые подстанции и подводные кабели, требовавшие ремонта, следовало на зимнее время отключить, а все электроснабжение Волховской ГЭС Ленинграду пустить по новой «Ледовой линии».

Сооружение этой единственной в своем роде высоковольтной линии электропередачи производилось совершенно необычным способом. В пробитые во льду лунки сначала вмораживались короткие столбы — «пасынки», на которые затем поднимались похожие на букву «П» легкие опоры с изоляторами. Такие же опоры, но укрепленные на тросовых оттяжках, применялись в качестве анкерных и угловых; на них затем подвешивались провода. Таким образом, вся линия протяженностью около 30 километров стояла опираясь только на лед. Она тянулась от переключательного пункта в Кобоне, находящейся на восточном берегу Ладожского озера, до подстанции в поселке Кокарево, расположенном на западном берегу.

Строительство новой линии было начато 3 января 1943 года и завершено 13 января — на второй день наступления наших войск.

«Ледовая линия» просуществовала до весны 1943 года и затем с наступлением тепла была демонтирована. По ней за 68 дней Ленинград получил более 30 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Д. П. Носырев
генерал-лейтенант
Б. Д. Лебин
кандидат юридических наук

В ПОЕДИНКЕ С АБВЕРОМ

Пятнадцатого декабря 1942 года, вскоре после утверждения Ставкой Верховного Главнокомандования плана операции «Искра», член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов собрал в Смольном руководящий состав особых отделов.

Встреча с А. А. Ждановым, видным партийным и государственным деятелем, одним из руководителей обороны Ленинграда, оставила глубокое впечатление у армейских чекистов. Они, как и все воины Ленинградского фронта, испытывали особый подъем в связи с предстоящими боями. Этого часа все давно ждали, и он приближался...

Проводя в жизнь указания Военного совета, особые отделы глубоко продумали меры по обеспечению государственной безопасности в период подготовки и проведения операции. Дивизии, которым предстояло в ней участвовать, были усилены опытными оперативными работниками. В тылах войск действовали отряды заграждения. Перед ними была поставлена задача не допускать проникновения в расположение частей посторонних лиц, среди которых могли оказаться вражеские лазутчики.

Чекисты к тому времени накопили уже немалый опыт борьбы с агентурой абвера — вражеской разведки. От оборонительной тактики советские контрразведчики перешли к наступательной, самоотверженно действовали и за линией фронта. Было обезврежено много фашистских шпионов и диверсантов. Но это еще не давало полной гарантии, что все каналы для утечки военных тайн перекрыты. Боевая действительность постоянно напоминала

о том, что надо быть всегда начеку и ни на минуту не ослаблять бдительности.

За несколько недель до начала боев начальник особого отдела 67-й армии полковник А. А. Исаков, один из опытнейших чекистов Ленинградского фронта, заехал в армейский артиллерийский полк. Контрразведчик капитан И. В. Васильев доложил ему о подозрительном поведении рядового Буравкина.

Солдат в своей батарее держался особняком, а завязывал знакомства с бойцами других частей, прибывших в исходный район.

— С чужими он что-то очень боек и речист, — рассказывал И. В. Васильев. — Выспрашивает, откуда прибыли, кто командир, какую задачу собираются выполнять. А на днях стал просить, чтобы его перевели в стрелковый полк, объясняя это так: «Хочу в ближнем бою мстить фашистским извергам».

— А за что мстить? Вы интересовались? — спросил начальник особого отдела.

— За издевательства, которые перенес на оккупированной территории.

Полковник А. А. Исаков никогда не принимал поспешных решений. Это был человек, умудренный большим житейским опытом, член партии с 1919 года. Он стремился глубоко разобраться в судьбе каждого человека, на которого падало какое-нибудь подозрение. Как настоящий чекист, А. А. Исаков считал, что контрразведчику, как и саперу, нельзя ошибаться.

У Васильева полковник спросил, как же в полку отнеслись к просьбе рядового Буравкина. Капитан доложил, что командир считает нецелесообразным переводить в стрелковую часть артиллериста, прошедшего специальную подготовку.

Васильев с ним согласился не только по этому, но и по другим соображениям.

Из документов явствовало, что Буравкин призван в армию одним из военкоматов Калининской области.

— Мы пошлем туда запрос, — сказал начальник особого отдела. — А вы здесь присматривайте за Буравкиным. Предпринимать что-нибудь другое мы не можем. Для этого у нас нет веских оснований. Может быть, и в самом деле он пережил такое, что побуждает его настоятельно проситься в войска первой линии.

В тот же день в Калинин был отправлен запрос. А в полку события развивались так. Незадолго до наступления Буравкин исчез. Это, естественно, вызвало у всех большое беспокойство. До Невы от огневых позиций было недалеко. Проберется туда Буравкин, и до противника уже рукой подать — надо только переправиться через реку. Правда, за ней постоянно, днем и ночью, велось наблюдение, но всякое могло быть, особенно ночью. Никто не поручился бы, что беглецу, если он собирался пробраться к противнику, не удастся незаметно миновать боевое охранение.

В особом отделе армии допускали и другую причину исчезновения Буравкина: погиб во время артобстрела или тяжело ранен и подобран санитарами другой части. Пограничному отряду приказали осмотреть местность в ближайшем к полку районе. Трупа не нашли. Связались с госпиталями. И там солдата не оказалось.

В последние ночи перед наступлением боевое охранение на льду реки усилили постами пограничников из батальона охраны особого отдела фронта. Один из этих секретов и задержал вскоре Буравкина, через сутки после его пропажи.

Сначала Буравкин утверждал, что заблудился, направляясь в соседний дивизион к знакомому бойцу. Но когда ему прочитали текст телеграммы из Калинина, где говорилось, что почтой высланы материалы о его сотрудничестве с фашистами во время оккупации, он сник, перестал запираться.

Оказалось, что Буравкин — сын сельского торговца-кулака, ненавидевшего Советскую власть. Фашистам не составило большого труда завербовать Буравкина.

Собрав ценные, с его точки зрения, данные о наших частях, Буравкин решил перейти линию фронта и предупредить вражеское командование о готовящемся наступлении наших войск.

Так был обезврежен еще один вражеский агент. Сам факт его разоблачения убедительно говорил о том, насколько зоркими необходимо быть нашим контрразведчикам.

В 1942 году советские чекисты в основном преодолели трудности первого периода войны, обрели опыт работы во фронтовых условиях. Возросла эффективность работы советских органов государственной безопасности. Это заставило и гитлеровскую разведку усилить внимание к ка-

честву подготовки своей агентуры, резко увеличить ее количество. Разведывательная доктрина главы абвера — немецкой военной разведки и контрразведки — адмирала Канариса сводилась к созданию массовой сети агентуры, к использованию системы глобального шпионажа и доносов, которыми была охвачена фашистская Германия. Канарис надеялся, что эта система сработает и на оккупированных территориях СССР.

В 1942 году увеличилось количество разведывательных органов и специальных школ абвера, которые усилили работу по подготовке и заброске шпионов и диверсантов на нашу территорию. Абвер забрасывал их на направлениях главных ударов немецко-фашистских армий.

Специфические условия Ленинградского фронта, который вел активную оборону на сравнительно небольшой блокированной территории и бдительно охранял воздушное пространство, не давали возможности фашистской разведке забрасывать агентуру самолетами. Она пыталась переправлять шпионов либо через линию фронта, что было крайне нелегко при жесткой позиционной обороне наших войск, либо через Ладожское озеро, Неву, Финский залив, что также не давало сколько-нибудь значительного успеха.

Переброска фашистской агентуры по воздуху осуществлялась главным образом в ближние и дальние тылы Волховского фронта, в районы Тихвина, Волхова, Череповца, Вологды, для действий на основных коммуникациях. Волховского и Ленинградского фронтов и проникновения в блокированный Ленинград через Ладожскую трассу.

Однако органы государственной безопасности с помощью армии и гражданского населения задерживали агентов-парашютистов в районах приземления, если они сами не приходили с повинной. Лишь некоторым из них удавалось пробраться в Ленинград.

В основном же абвер стремился внедрять агентуру в наши войска при отступлении немецко-фашистских частей. Он вербовал шпионов из уголовников, авантюристов, антисоветского отребья, при этом фашисты часто задерживали у себя в качестве заложников их родственников. Иные из агентов выдавали себя за лиц, бежавших из плена, или военнослужащих, отставших от своих частей.

Чекистам стали известны факты, когда гитлеровцы, зная об особой заботе о раненых советских воинах, наносили своим агентам легкие огнестрельные ранения. Такие шпионы после лечения попадали в ряды нашей армии.

Вражеский лазутчик всегда опасен, ибо он один, действуя скрытно, может свести на нет созидательную деятельность сотен и тысяч людей. Но вдвойне опасен агент противника перед наступлением. Тщательно, до мелочей, продуманная операция может провалиться, если вражеский шпион узнает о ее замысле и сумеет предупредить своих хозяев.

В ходе подготовки к прорыву блокады войска Ленинградского и Волховского фронтов обучались приемам ведения наступательных боев в условиях лесисто-болотистой местности, готовились к штурмовым действиям по прорыву укреплений противника. Для Ленинградского фронта, его 67-й армии, важно было подготовить войска к форсированию Невы и взятию крутого, обледенелого берега. Эти и многие другие задачи отрабатывались на специальных учениях. Естественно, что все это должно было быть сохранено в тайне. Враг не должен был узнать и о подходящих пополнениях, сосредоточении войск и боевой техники на направлении главного удара.

А вражеское командование группы армий «Север» проявляло особый интерес к разведыванию обстановки на участке обороны 67-й армии и на оборонительных рубежах соединений Волховского фронта. Во-первых, это объяснялось тем, что гитлеровцы не отказались от попыток наступать на этом участке фронта, стремясь полностью замкнуть кольцо блокады соединившись с финскими войсками. Во-вторых, противник был заинтересован в сборе разведданных на коммуникациях фронтов и особенно на главной из них — единственной артерии, снабжающей блокированный Ленинград. В-третьих, враг предполагал, что советские войска будут пытаться прорвать блокаду прежде всего где-то на этом наиболее узком между двумя фронтами участке.

Осенью 1941 и зимой 1942 года особые отделы частей и соединений Волховского фронта разоблачили немало немецких агентов, которых противник различными путями пытался внедрить в части фронта или расположить на фронтовых коммуникациях. Как свидетельствуют архивные материалы особого отдела Волховского фронта, который в тот период возглавлял генерал

Д. И. Мельников, только за период с августа по ноябрь 1942 года было схвачено 74 агента противника.

В начале сентября 1942 года начальник особого отдела 8-й армии полковник И. С. Качалов сообщал, что чекистами задержаны два немецких агента, переброшенных самолетом с аэродрома Сиверская. Они окончили разведшколу абвера в местечке Сулеювек под Варшавой. Агенты имели задание разведать передвижение частей в районе населенных пунктов Оломна и Шум. Через несколько дней еще два шпиона, окончившие ту же школу, были задержаны особым отделом 54-й армии. Снабженные рацией, фиктивными документами, оружием и деньгами, переодетые в форму советских военнослужащих, они имели задание: разведать резервы армии, расположение частей, дальнобойной артиллерии, танковых соединений, вести наблюдение за передвижением частей в районе Погостье.

В конце сентября в штаб 2-го военно-дорожного отряда на Волховском фронте явилась группа военнослужащих с просьбой доставить их в особый отдел. Дежурный по части сообщал в рапорте, что, по их заявлению, они спустились на парашютах с немецкого транспортного самолета, являются агентами врага, но не намерены выполнять его задание. Сдав оружие, рацию, деньги, фиктивные документы, четверо из них просили особо охранять пятого — Мучницкого, который, как они сказали, верой и правдой служил фашистам. Старший группы назвал себя бывшим лейтенантом советской морской погранохраны Плакутиным.

К этому времени гитлеровцы уже поняли, что тот контингент потенциальной агентуры, на который они рассчитывали в начале войны (белогвардейцы, молодежь из белоэмигрантов, коллаборационисты из захваченных Германией славянских стран), плохо знает советскую действительность и требует длительной подготовки. Наряду с использованием антисоветского отребья, фашисты пытались вербовать агентов из числа военнопленных. Гитлеровцы создавали нетерпимые условия жизни в лагерях и предоставляли им выбор: или умирать от голода и пыток, или идти к ним на службу. И некоторые соглашались поступить в разведшколы противника, но для того, чтобы вырваться таким путем из плена. После переброски их на нашу сторону они не выполняли заданий немецкой разведки, являлись к Советскому командованию

и помогали чекистам в поимке других фашистских агентов.

Такой (и не единственной!) была группа Плакутина. Он тяжелораненым попал в плен, выжил и, когда гитлеровцы предложили ему пойти в разведшколу, дал согласие, решив, что таким образом попадет обратно к своим. В разведывательно-диверсионной школе Вихула, созданной в Эстонии, он сблизился с другими военнопленными, которые подобно ему стремились вырваться из плена или обманом были вовлечены в разведшколу. Плакутин получил задание создать шпионско-диверсионную группу и сформировал ее из своих друзей. Однако в последний момент перед переброской на нашу сторону в группу был включен Мучницкий — кулацкий сынок, служивший карателем у гитлеровцев. Это осложняло дело. И тем не менее сразу после того, как группа приземлилась и сошлась на обусловленном месте, ее участники по команде Плакутина обезоружили Мучницкого и сдались.

Плакутин и его товарищи рассказали чекистам все, что знали, о диверсионной школе и о задании, которое получили. А сводилось оно к наблюдению за передвижением советских войск по железной и шоссейным дорогам в тылах Волховского фронта и к осуществлению диверсионных актов. Назвали они еще несколько групп агентов, которые противник собирался забросить с аналогичными заданиями в районы Вологды, Котласа и в другие пункты. Органы государственной безопасности организовали им соответствующую встречу, в результате которой фашистские шпионы и диверсанты были обезврежены.

Материалы, собранные при ликвидации шпионских групп, позволили установить некоторые закономерности в деятельности абвера, сделать выводы для дальнейшей борьбы чекистов с вражеской агентурой. Были выявлены формы и методы работы противника, установлены (правда, не полностью) состав готовящихся агентов, их приметы, приемы экипировки и способы изготовления фальшивых документов, наиболее вероятные места выброски агентуры.

Работники органов безопасности день ото дня расширяли и углубляли свою деятельность, наглухо закрывая все каналы, по которым к врагу могла поступать нужная ему информация.

В поселке Будогощь чекисты 4-й армии обратили внимание на то, что молодая женщина Александра Круг, оставшаяся здесь после отступления немецко-фашистских войск, вместе с двумя подругами часто организует у себя в доме пьянки, в гости они приглашают молодых командиров из расположенных вблизи частей. Это, естественно, вызвало подозрение. Началась проверка. Выяснилось, что муж Александры Круг ушел с отступавшими фашистами, а ее подруг никто из местных жителей не знает. Вскоре чекисты установили, что хозяйка «гостеприимного» дома и ее подруги — немецкие агенты. За шпионским материалом должен был приходить муж Круг, который хорошо знал те места, где пролегала линия фронта.

Неоднократно и чем ближе к началу операции, тем все чаще противник пытался перебрасывать агентуру на Волховский фронт. Шпионов задерживали на участках 2-й ударной, 8, 52 и 4-й армий. Видно было, что фашисты нервничали и стремились прощупать, где идет сосредоточение войск, где советские армии собираются нанести удар.

Как правило, абвер направлял не агентов-одиночек, а пары. Но вот 9 декабря 1942 года на участке обороны 8-й армии со стороны противника перешла группа из 15 человек под видом взвода Красной Армии во главе с лейтенантом Туробоевым. Это были агенты-диверсанты, подготовленные в той же абверовской школе Вихула, где готовился и Плакутин со своей группой. Среди них были явные предатели, но большинство насильно завербованных агентов не хотело выполнять задания фашистов и принудило всех остальных сдаться Советскому командованию. Как выяснилось на следствии, группа должна была разведать оборонительные сооружения на участке перехода, захватить «языка» и, совершив несколько диверсий, возвратиться обратно. Ничего не вышло и из этой затеи фашистов.

По документальным данным абверкоманды № 104, действовавшей против Ленинградского и Волховского фронтов, за период с октября 1942 года по сентябрь 1943 года ею было заброшено в тыл наших войск 150 тщательно подготовленных шпионских групп численностью от 3 до 10 человек, а вернулось обратно только 2 группы со сведениями, не представлявшими ценности. Остальные были задержаны чекистскими органами или явились с повинной к Советскому командованию. Из числа агентов,

действовавших в ближнем тылу и в расположении переднего края наших войск, также обратно возвращались единицы, которые имели данные лишь визуального наблюдения. Вступать в контакты с нашими людьми они боялись, ибо это, как правило, грозило провалом. Высока была политическая бдительность советских граждан, беззаветно преданных своей социалистической Родине.

В части Ленинградского фронта фашистская агентура пыталась проникать главным образом с пополнением, приходившим с Большой земли. Поэтому особое значение имела работа особистов и политорганов по изучению личного состава запасных и распределительных частей, куда прежде всего поступало пополнение. Ряд агентов разоблачили чекисты именно в ходе такой вдумчивой и кропотливой работы, в которой им огромную помощь оказывали советские воины.

Так, например, в приемно-распределительном батальоне Ленинградского фронта заметили, что прибывший в ноябре 1942 года Рыбников проявляет особый интерес к расположению частей на различных участках фронта, расспрашивает об этом возвращающихся из госпиталей бойцов. Бросилось в глаза и то, что, уединившись, Рыбников ведет какие-то записи. Чекисты, получив такие сигналы, заинтересовались «любознательным» солдатом. Выяснилось, что он начал службу в батальоне аэродромного обслуживания близ Любани. Часто нарушал дисциплину, пьянствовал, подружился с местным жителем Корфманом. При отступлении наших частей Рыбников дезертировал, дождался у Корфмана, оказавшегося вражеским агентом, прихода гитлеровцев. Фашисты в течение двух недель обучали его шпионскому ремеслу, а затем перебросили на нашу сторону под видом бежавшего из плена. Рыбников снова был призван в армию и с пополнением попал на Ленинградский фронт. Здесь пытался шпионить, но был разоблачен благодаря бдительности советских людей.

И все же отдельным немецким агентам удавалось внедриться в боевые воинские части. В декабре 1942 года группу изменников Родины, состоявшую из пяти человек, бывших членов организации украинских националистов (ОУН), разоблачил особый отдел 86-й стрелковой дивизии. Главари ОУН были на содержании у фашистской разведки, работали на нее, привлекали к сотрудничеству с ней многих рядовых членов этой националистической

организации. И в данном случае изменническую группу оуновцев возглавлял матерый агент, работавший на фашистов еще в панской Польше. Он давал задания своим единомышленникам собирать шпионские сведения и разработал план перехода на сторону врага, как только станет известно о какой-либо серьезной операции наших войск. Изменники еще не знали об операции «Искра», но их намерения бежать к врагу могли совпасть с началом боев, и тогда они нанесли бы нашим войскам большой вред.

Один фашистский агент затаился в 11-й стрелковой бригаде, державшей оборону на правом берегу Невы. Этого отщепенца гитлеровцы завербовали еще в 1941 году, когда он попал в плен под Смоленском. Через несколько дней его отпустили, и он вернулся в ряды нашей армии. В 1942 году попал на Ленинградский фронт и ждал удобного момента перебраться к гитлеровцам с собранными сведениями. Особисты помешали ему осуществить подлый замысел.

За период с сентября до начала боев по прорыву блокады особым отделом 67-й армии было разоблачено 12 агентов немецко-фашистской разведки.

На участке 128-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта своевременно были задержаны скрытно пробиравшиеся из Шлиссельбурга по льду Ладожского озера три вооруженных человека в белых маскхалатах с портативной рацией. Это были немецкие агенты из абверовской разведшколы в городе Валга в Эстонии.

Задержанные показали, что они получили задание наблюдать за проходящими эшелонами и сообщать по радио о характере перевозимых грузов и передвижении советских войск, действуя в районе Жихарево—Шум. На допросе в особом отделе 2-й ударной армии они заверяли, что хотели сами сдаться властям, но их-де опередили, задержав. Так ли это было — предстояло установить следствию. Важно другое: они показали, что вслед за ними противник перебрасывал в расположение наших войск еще три группы агентов. Это оказалось правдой, и чекистами эти шпионские группы были задержаны.

Захватываемые советскими органами государственной безопасности фашистские агенты, имевшие рации, нередко использовались для дезинформации противника. Создавая видимость, что выполняют задания абвера, они

под контролем чекистов сообщали гитлеровцам ложные сведения о советских частях. В декабре 1942 года противник дезинформировался через «его» агентов из Тихвина, Бологого, Вологды, Ярославля, Калинина и других населенных пунктов.

Противник, как известно, пытался вести работу и по разложению наших войск, распускать провокационные слухи. Нередко на наши передовые позиции сбрасывались с самолетов или с помощью специальных снарядов листовки, в которых фашисты с присущим им вероломством расписывали прелести «нового порядка» и зазывали наших бойцов в плен. На Ленинградском фронте в своей агитации они использовали трудности блокады города. Но, несмотря на голод и лишения, ленинградцы и бойцы фронта верили в нашу победу, не поддавались на вражеские провокации. Тем не менее чекистам приходилось вести контрборьбу с фашистской пропагандой. Эта работа, как и вся деятельность особых отделов, проходила под руководством партийных организаций, в тесном контакте с командирами и политработниками частей и соединений.

Одновременно чекисты вели большую работу в тылу врага. Многие разведчики особого отдела фронта и ленинградских территориальных органов государственной безопасности проникали в разведывательно-диверсионные органы и школы гитлеровцев, добывали важные данные о замыслах разведки противника, готовившихся там к переброске к нам агентах. Эти сведения, поступавшие в Ленинград, обобщались и использовались для контрразведывательной работы, для своевременной поимки вражеских шпионов и диверсантов.

Чекисты, работавшие за линией фронта, выполняли и задания разведывательного характера, собирая сведения о дислокации штабов и воинских частей, их численности и вооружении, расположении аэродромов, складов, узлов связи, передвижении войск. Эти данные немедленно передавались командованию. Особые отделы всегда работали в тесном контакте с разведывательными органами нашей армии.

Накануне боев во всех особых отделах соединений, которые готовились к участию в прорыве, были проведены совещания по уточнению задач особистов в ходе предстоящей операции. Чекистов ознакомили с указаниями Военного совета и командующего войсками фронта.

— Вы вряд ли можете утверждать, что в наших частях нет ни одного вражеского лазутчика, — заметил в одной из бесед с начальником особого отдела Ленинградского фронта дивизионным комиссаром А. С. Быстровым командующий Л. А. Говоров. — Следовательно, ваша задача состоит в том, чтобы такие лазутчики, если они есть, не узнали о дате наступления заблаговременно, а тем более, чтобы они не смогли об этом сообщить противнику.

Перед чекистами была поставлена задача предотвратить разглашение данных о ходе подготовки и начале операции «Искра», как только это станет известно более широкому кругу лиц, бдительно следить за сохранением военной тайны, вместе с политаппаратом вести разъяснительную работу в войсках, воспитывать у бойцов чувство высокой политической бдительности. Об этом и шла речь на совещаниях.

Чекисты вместе с командованием еще более усилили заботу о сохранении военной тайны. О недостатках, связанных с демаскированием подготовительных мер и передислокации войск, немедленно информировался Военный совет фронта. Работникам особых отделов по поручению командования приходилось интересоваться и вопросами материального обеспечения войск. Сообщения о недостатках в деятельности отдельных служб также входили в обязанности особистов.

Особому отделу 67-й армии была придана оперативная группа особого отдела Ленинградского фронта, которой поручались захват важных объектов противника после освобождения Шлиссельбурга и проведение там ряда оперативных мероприятий.

Благодаря принятым Советским командованием мерам маскировки, военному мастерству командного состава, высокой политической бдительности офицеров и солдат, активной деятельности советской военной контрразведки скрытность подготовки операции «Искра» была обеспечена. Военнопленные, захваченные в боях при прорыве блокады, заявляли, что наступление частей Ленинградского и Волховского фронтов было для них неожиданным.

Операция по прорыву блокады продолжалась всего семь дней, но это было тяжелейшее сражение. Сотрудники особых отделов частей и соединений в критических случаях заменяли выбывавших из строя командиров и политработников.

Немало особистов погибло в этих боях. Храбрыми воинами проявили себя Д. Д. Терешин, награжденный за доблесть и мужество орденом Ленина, чекисты Н. И. Дианов, А. И. Комшилов, Ф. А. Бурмистров, Т. А. Наливайченко, Н. П. Никонов, М. Н. Соболев и другие. Сотрудник особого отдела 67-й армии П. К. Антипов, находясь в одной из частей, когда был ранен командир батальона, принял на себя командование подразделением и успешно вел бой с врагом. Уполномоченный особого отдела 86-й стрелковой дивизии Н. Ф. Суханов ворвался вместе с бойцами в траншею противника на левом берегу Невы, захватил в плен командира фашистского батальона. Храбрый чекист был награжден орденом Красного Знамени. Командир 45-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор А. А. Краснов наградил орденом Красной Звезды уполномоченного особого отдела Давиденко, который, несмотря на ранение, поднял бойцов в атаку и оставался в строю до тех пор, пока не обессилел и не потерял сознания.

В боях принимали участие и пограничники батальона охраны особого отдела Ленинградского фронта под командованием подполковника А. Т. Корячкина. В ночь перед наступлением они находились в секретах боевого охранения на льду Невы и без отдыха вступили в бой с началом штурма. Многие из них были награждены орденами и медалями за свои храбрые действия. Ордена Красного Знамени удостоился командир отделения старший сержант П. Я. Курников, который вступил в единоборство с тяжелым танком противника, подорвал его и взял в плен экипаж.

Шлиссельбург был одной из важных целей, привлекавших внимание работников особого отдела фронта. По имевшимся сведениям, там располагались некоторые учреждения оккупантов, представлявшие интерес для чекистов.

Ожесточенные бои под Шлиссельбургом продолжались вплоть до 18 января.

Вместе с передовыми частями в город ворвалась и оперативная группа особого отдела Ленинградского фронта. Возглавлял ее подполковник П. А. Соснихин. (В составе группы был и один из авторов этого очерка, в то время капитан, Б. Д. Лебин. — *Ред.*)

В Шлиссельбурге не осталось ни одного целого здания. Проживало здесь 360 человек, зарегистрированных

бургомистром. Остальные либо умерли от голода зимой 1941/42 года, либо были выселены фашистами. Помимо бургомистрата в городе было еще одно гражданское «учреждение» — организованная оккупантами молельня. На Пролетарской улице, в доме № 33, размещалась военная комендатура, в доме № 30 — отделение тайной полевой полиции — ГФП (гехаймфельдполицай), которую сами гитлеровцы называли фронтовым гестапо.

Опергруппе удалось захватить в Шлиссельбурге немало ценных документов, а также некоторых лиц, причастных к фашистской разведке, и их пособников.

В Шлиссельбурге было задержано несколько человек, в прошлом советских военнослужащих. Они носили немецкую форму без знаков различия, но с белыми нашивками на рукавах, на которых четко выделялся номер фашистской воинской части. Эти предатели из пленных, «полуфрицы», как их называли местные жители, служили противнику и использовались гитлеровским командованием в качестве тягловой силы для доставки на передовые боеприпасов и продовольствия. Плененный нами командир батальона 170-й немецкой пехотной дивизии рассказал, что такая практика распространена в фашистской армии и что нескольких таких «полуфрицев» они привезли с собой с юга. «Зачем рисковать без нужды своими солдатами, когда мы имеем пленных?» — цинично заявил он. Фашисты пренебрегали международным соглашением, запрещавшим использовать пленных на фронте. Впрочем, о каких международных нормах можно было говорить применительно к фашизму, попиравшему все нормы, не только правовые, но и нравственные!

Среди документов, захваченных в то время, сохранилась в архиве, например, инструкция отдела 1-Ц (разведотдела) 170-й пехотной дивизии по вербовке крымских татар и созданию из них антипартизанских отрядов. Из этого документа видно, что предатели, согласившиеся вступить в такие отряды, охотно пользовались мелкими подачками гитлеровцев, однако не проявляли рвения класть за них свои головы в боях, занимались воровством и мародерством, утаивая награбленное от своих хозяев — грабителей. Авторы инструкции давали указание применять к своим ленивым и вороватым приспешникам строгие репрессивные меры.

Приведем здесь еще один документ — указание командующего 18-й германской армией от 24 августа 1942 года:

«7 августа произошел случай, когда 2 конвоира, сопровождавшие пешком 3 русских пленных, были ими обезоружены и убиты. Пленные сбежали... Недопустимо, чтобы кровь немецких солдат из-за беспечности напрасно проливалась... Русские пленные (солдаты и гражданские) должны быть крепко связаны, если им заранее скажут, что их расстреляют или они сами могут догадаться о казни. Надежность связывания обязываю проверять офицеров...»

Гордый и свободолюбивый советский человек и в плену, будучи безоружным, находил в себе силы для сопротивления, для борьбы с врагом и побеждал его.

Блокада была прорвана, но бои на этом участке фронта продолжались. Шла и тайная схватка органов государственной безопасности с фашистской разведкой. Противник продолжал направлять свою агентуру для выяснения планов дальнейших действий Советского командования, перегруппировки наших войск. Чекисты продолжали вылавливать лазутчиков.

Так, например, еще в ночь на 15 января 1943 года на станции Жихарево, в тылах 8-й армии, были задержаны три немецких агента, экипированные в форму воентехника 2-го ранга, техника-интенданта 2-го ранга и старшины. На руках у них оказались соответствующие документы. Фашисты переправили их в наш тыл под видом командированных. Агенты обосновались в интересовавшем их районе и уже установили связь с радиоцентром абверкоманды-104, но их деятельность прервали чекисты.

19 января через линию фронта на участке 142-й стрелковой бригады проникли три немецких шпиона, окончивших валговскую разведшколу абвера. Два из них сразу же сдались Советскому командованию, а третий скрылся. Поиски его показали, что он вернулся обратно в расположение противника.

Борьба с вражеской разведкой продолжалась. Работники особых отделов накапливали все больший опыт. Они с честью выдержали испытание в контрразведывательной работе во время боев по прорыву блокады Ленинграда. Этот опыт был очень важен. Впереди еще предстояли большие бои.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на всяческие ухищрения, гитлеровские разведчики не сумели получить информации о замыслах Советского командования при про-

ведении операции по прорыву блокады. И в этом немалая заслуга работников особых отделов Ленинградского и Волховского фронтов.

И в дальнейшем почти вся забрасываемая фашистами агентура своевременно обезвреживалась чекистами. На Ленинградском фронте противник до конца войны не сумел добыть ни одного плана наступательных операций, не смог осуществить ни одной серьезной диверсии, не удалось ему внедрить своих агентов ни в один из штабов воинских частей и соединений. Превосходство советской военной разведки и контрразведки признавало и фашистское командование.

Самоотверженная деятельность чекистов в период подготовки и проведения операции по прорыву блокады — яркий пример беззаветного служения советскому народу.

А. Е. Хмель

генерал-лейтенант, во время подготовки и проведения операции по прорыву блокады был членом Военного совета 67-й армии

СЕМЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЕЙ

В ночь на 26 сентября сорок второго года войска Невской оперативной группы, в которой я был военным комиссаром, начали форсирование Невы. После артиллерийской подготовки первые эшелоны двух стрелковых дивизий — 70-й и 86-й, 11-й стрелковой бригады переправились на левый берег, захватили небольшие плацдармы в районах поселков Арбузово и Московская Дубровка.

Противник имел здесь сильную оборону, яростно сопротивлялся. Контратаки следовали одна за другой. Наши бойцы героически сражались за каждый метр отвоеванной земли. Однако развить первоначальный успех, прорвать оборону противника на всю глубину и соединиться с войсками Волховского фронта не удалось. Для этого Невская оперативная группа не имела достаточных резервов. К тому же войска Волховского фронта, встречая все увеличивающееся сопротивление противника, оказались в трудном положении. Противник грозил отрезать ударную группировку 2-й ударной армии, наступавшей на синявинском направлении. Вражеским наступлением руководил генерал-фельдмаршал Манштейн, командующий 11-й немецкой армией. Под Ленинград прибыли четыре ее дивизии из Крыма и предназначались для штурма и захвата нашего города.

Манштейн ввел в бой свои главные силы, стремясь любой ценой предотвратить прорыв блокады, окружить и уничтожить ударную группировку Волховского фронта. Бои продолжались более трех недель. Противник понес большие потери. Как признавался впоследствии Ман-

штейн, «о наступлении на Ленинград теперь не могло быть и речи».

К тому времени и Волховский фронт утратил наступательные возможности. Чтобы не допустить окружения ударной группировки, решено было отвести ее на исходные позиции. Прикрываясь арьергардами, войска 2-й ударной армии отошли на восток.

На нашем участке фронта ожесточенные бои продолжались до 6 октября. Противник бросал сюда новые и новые силы. Но все его контратаки ни к чему не привели, — плацдарм остался в наших руках.

К 10 октября с левого берега на правый мы организованно, без потерь эвакуировали большую часть войск. Для защиты «Невского пятачка» оставили только одну усиленную роту. Она образцово справилась со своей нелегкой задачей. Военный совет фронта наградил почти всех командиров и бойцов этого подразделения орденами и медалями.

В середине октября меня вызвал член Военного совета фронта А. А. Жданов. Он внимательно выслушал доклад об эвакуации с плацдарма войск и боевой техники, а затем поинтересовался, как мы обобщаем опыт партийно-политической работы в этой операции.

— Нам такой опыт в будущем очень пригодится, — заметил Андрей Александрович. — Наступает время решительных перемен в битве за Ленинград.

Тогда же от А. А. Жданова я узнал, что назначен членом Военного совета 67-й армии, которая формировалась на базе Невской оперативной группы.

— Имейте в виду, — сказал Андрей Александрович, — что армия создается не только для того, чтобы обороняться. Поэтому особое внимание следует обратить на те войска, которые составляют резерв армии. Их мы обязаны хорошо подготовить к наступательным боям. Учтите это при проведении боевой учебы и партийно-политической работы.

Спустя некоторое время такие же указания дал и командующий фронтом генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров. Беседуя с командармом генерал-майором М. П. Духановым, он приказал обратить самое серьезное внимание на разведку.

— По нашим данным, — сказал командующий, — противник сейчас производит перегруппировку своих сил и средств. Нам надо постоянно быть в курсе того, что про-

исходит по ту сторону линии фронта. От этого во многом зависит характер наших собственных действий.

В ноябре к занятиям по боевой подготовке приступили все дивизии армии, не занятые на переднем крае. Программа была напряженной, каждый день на учебу уделялось не менее десяти часов. Проводились занятия на лесистой и холмистой местности, изобилующей озерами и болотами. Упор делался на наступательные виды боя, условия полевой учебы максимально приближались к боевым.

Большим событием в жизни нашей армии явилось присвоение одной из наших дивизий — 70-й стрелковой — гвардейского звания. Это было одно из прославленных соединений Ленинградского фронта. Дивизия отличилась еще в финскую кампанию при прорыве линии Маннергейма. Славные боевые традиции она умножила на полях сражений Отечественной войны. Участвовала в широко известном контрударе наших войск под Сольцами летом сорок первого года. После этого отважно сражалась на ближних подступах к Ленинграду. Успешнее других соединений действовала она и в последней операции на Неве.

Гвардейское знамя бывшей 70-й, а ныне 45-й гвардейской стрелковой дивизии вручал А. А. Жданов. Он зачитал приказ наркома обороны, сердечно поздравил бойцов, командиров и политработников дивизии с вступлением в ряды доблестной советской гвардии.

— Советская гвардия, — говорил А. А. Жданов, — это цвет нашей армии, ее отборная передовая часть... Гвардеец — храбрый советский воин, достигший высокого военного мастерства и не перестающий его умножать. Его характерные черты — беззаветная храбрость, стойкость, упорство. Его любовь к Родине безгранична. Воля его к победе неукротима, ненависть к врагу беспредельна, боевой дух неиссякаем...

От имени Военного совета фронта А. А. Жданов выразил уверенность в том, что славные воины 45-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии будут и впредь еще выше поднимать боевое мастерство, достойно выполнять свой долг перед Ленинградом, социалистической Родиной.

В этот день перед развернутым знаменем гвардейцы дали торжественную клятву оправдать оказанное им доверие, искусно и беспощадно громить врага.

Несколько часов провел А. А. Жданов в дивизии. Он беседовал с командирами и бойцами, отвечал на их вопросы, рассказывал, как живут и борются героические ленинградцы, с какой любовью относятся к своей родной Красной Армии.

— Им очень трудно, — говорил А. А. Жданов. — Город часто обстреливают из артиллерийских орудий, бомбят с воздуха. И связь с Большой землей не всегда устойчива. Ладога капризна и непостоянна, поэтому для нас сейчас самая главная задача — прорвать блокаду, соединить по суше город со страной.

Перед отъездом, прощаясь с командармом М. П. Духановым и мной, А. А. Жданов напомнил о том, как важно использовать богатый боевой опыт гвардейцев в других частях.

— Надеюсь, что вы его изучите и передадите во все соединения армии, — заключил Андрей Александрович.

Его указания были в дальнейшем выполнены. Все наиболее ценное из опыта гвардейцев стало достоянием воинов нашей армии.

В конце ноября на армейский командный пункт приехал Л. А. Говоров. М. П. Духанов подробно доложил ему, как решаются многообразные организационные вопросы, идет боевая подготовка в резервных дивизиях. Л. А. Говоров, хорошо знавший положение дел в войсках, отметил наши недоделки. По его мнению, следовало еще более приблизить обстановку на занятиях в поле к реальной боевой действительности, усилить физическую нагрузку при форсировании водных преград, обратить самое серьезное внимание на управление боем в глубине вражеской обороны.

Затем Л. А. Говоров спросил у меня, что делает Военный совет армии для усиления партийно-политической работы в войсках. Командующий, насколько я успел убедиться, по достоинству ценил роль моральной подготовки войск в бою. Он не ограничивался интересом только к чисто военным вопросам, а всегда глубоко вникал в деятельность политорганов и партийных организаций.

Я доложил командующему, как у нас организована партийно-политическая работа. Она подчинена, прежде всего, повышению качества боевой подготовки войск, воспитанию высокого наступательного порыва. Мы позаботились о правильной расстановке партийных и комсомольских сил, чтобы в каждой роте и каждом взводе

обеспечить необходимое политическое воспитание беспартийных бойцов.

— Да, это очень важно, — заметил Л. А. Говоров. — Там, где партийное влияние не ослабевает ни на минуту, там дела всегда идут хорошо.

В середине декабря началась непосредственная подготовка к наступлению. К этому времени был выработан и отшлифован замысел операции.

Прорыв обороны противника и соединение 67-й армии с войсками 2-й ударной армии намечалось осуществить за семь дней.

Огромную работу в этот период провел штаб армии во главе с полковником Е. Г. Савченко. Была продумана и тщательно спланирована работа всех отделов и служб, четко организовано взаимодействие между ними.

Особое внимание уделялось изучению противника, системы его огня, характера обороны. В этом нам большую помощь оказали фронтовые работники, в частности начальник разведотдела генерал-майор П. П. Евстигнеев.

Вопросы артиллерийского обеспечения операции совместно решали командующие артиллерией фронта и армии генерал-майор Г. Ф. Одинцов и полковник И. М. Пядусов. Для наиболее надежного подавления обороны противника артподготовка планировалась продолжительностью 2 часа 20 минут. Чтобы не повредить лед на Неве, которую войскам предстояло форсировать, намечалось широко применить стрельбу прямой наводкой по огневым точкам и укреплениям на вражеском переднем крае.

Инженерные войска также решали важные задачи. Они должны были обеспечить безопасный проход войск через наши и вражеские минные поля, переправу на левый берег артиллерии и танков. Следовало также подумать и о том, как в ходе боя надежно закреплять в инженерном отношении отвоеванные у противника рубежи.

Полковник С. И. Лисовский, возглавлявший в армии инженерные войска, почти ежедневно докладывал Военному совету, как оборудуется исходный район для наступления, улучшаются дороги, прокладываются новые подъездные пути к Неве. В это время в войсках армии часто бывал начальник инженерных войск фронта генерал-майор Б. В. Бычевский. Он помогал оперативно решать возникавшие вопросы.

Много внимания уделял Военный совет армии материально-техническому обеспечению предстоящей операции,

созданию необходимых для ее проведения запасов. В этом нам постоянно оказывал содействие член Военного совета фронта генерал-майор Н. В. Соловьев. В результате, несмотря на блокадные трудности, командиры, политорганы и работники тыла успешно справились со своей задачей. Наша армия к началу наступления имела боеприпасов, горючего и продфуража столько, сколько было запланировано. Госпитальная база армии с учетом мест, отведенных нам в госпиталях фронта, обеспечивала нормальное лечение раненых.

Готовясь к наступлению, важно было не упустить из поля зрения Военного совета армии, ее штаба и служб ни одного вопроса, предусмотреть буквально все. В связи с этим вспоминается такой эпизод. В декабре у нас в армии часто бывал представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал К. Е. Ворошилов. Большую часть времени он проводил в дивизиях и частях, пристально следил, как идет боевая учеба, налажен быт воинов. Близко к сердцу принимал маршал все наши хлопоты и заботы.

Однажды, возвратившись из одного соединения, где проводилось полковое учение, Климент Ефремович поделился своими впечатлениями:

— Командиры и бойцы даром времени не теряют. Подразделения неплохо подготовлены для броска через Неву, каждый раз стараются делать это быстрее и лучше. А вот тылы, как мне показалось, стоят в стороне. Это может плохо обернуться. Наступать придется в зимних условиях, по глубокому снегу, может быть, в сильный мороз. Подумали вы об этом? Как собираетесь предупреждать обмораживания и простудные заболевания?

Я доложил, что́ у нас сделано и делается в этом направлении. К. Е. Ворошилов, одобрив намечаемые меры, сказал, что забота о бойце — первейший долг командиров и политработников. Надо проверить, все ли воины получили теплое белье и зимнее обмундирование, во всех ли подразделениях готовы и при наступлении обеспечить бойцов первой линии горячей пищей. Нужно больше обращать внимания на работу тылов в полках и батальонах.

Указания маршала мы выполнили, что, естественно, благотворно сказалось уже в ходе боев на левом берегу Невы.

Широкий размах приобрела во время подготовки к операции партийно-политическая работа. Особенно кон-

кретной и целеустремленной она стала после получения нами директивы Военного совета фронта. В директиве указывалось, что решительное улучшение положения Ленинграда, фронта и флота может быть достигнуто лишь в результате прорыва блокады и установления сообщения со страной на суше. Поэтому Военный совет требовал всю партийно-политическую работу в войсках направить на подготовку личного состава к наступательным боям.

Директива обязывала нас неуклонно разъяснять воинам священную задачу освобождения Ленинграда от вражеской блокады, разжигать у них наступательный дух, укреплять веру в свои силы и в силу нашего оружия, прививать стойкость и упорство в бою, памятуя, что борьба будет жестокой и что победа не придет самотеком, а потребует напряжения всех сил.

На основе этой директивы планировалась и проводилась вся партийно-политическая работа. Возглавлял ее политотдел армии, которым руководил полковник Г. Д. Спирин. Политотдел укрепил опытными кадрами политорганы соединений, политаппарат частей, позаботился об усилении ротных и батарейных организаций. К началу наступления почти каждая из них стала полнокровной, насчитывала в своем составе от 10 до 35 человек. Этому способствовал непрерывный приток в партийные ряды отличившихся в боях командиров и бойцов. В частях армии перед наступлением было подано около 3 тысяч заявлений о приеме в партию. Каждый воин считал высочайшей честью пойти в бой коммунистом. Партийные организации шли навстречу этому благородному стремлению, принимали в свои ряды достойное пополнение.

В декабре политотдел армии провел совещание с начальниками политорганов дивизий и заместителями командиров полков по политчасти. Речь шла о содержании и формах партийно-политической работы в наступлении. Осенние бои на Неве показали, что в некоторых частях политработники действовали безынициативно, слабо руководили партийными и комсомольскими организациями, не заботились о своевременной замене выбывших из строя парторгов и комсоргов.

С такими упущениями, конечно, нельзя было мириться. В наступательном бою партийно-политическая работа должна вестись без пауз, на всех этапах. Об этом по-

дробно говорилось на совещании, давались конкретные советы, как лучше организовать дело.

В моральной подготовке воинов к наступлению важную роль сыграла разносторонняя агитационно-пропагандистская работа. Перед бойцами выступали не только агитаторы дивизий и полков. Яркие и волнующие беседы с воинами проводили маршал К. Е. Ворошилов, член Военного совета фронта генерал-майор Т. Ф. Штыков, начальник Политуправления фронта генерал-майор К. П. Кулик, член Военного совета армии П. А. Тюркин, командиры соединений и частей, начальники политорганов. Побывали у воинов десятки делегаций ленинградцев, и это еще более укрепило связь населения города с бойцами и командирами.

В частях армии было немало воинов нерусской национальности. Агитаторы вели с ними работу на родном языке. Во время бесед широко использовались письма, которые приходили на фронт из Казахстана, Туркмении, Грузии и других союзных и автономных республик. Доходчивое слово агитаторов сплачивало воинов разных национальностей в дружную, единую семью.

С 27 октября в армии начала выходить своя газета тиражом 8 тысяч экземпляров. Редактировал ее подполковник В. Б. Соловьев. Газета сразу завоевала популярность в частях, мобилизовала воинов на образцовое выполнение ими своего патриотического долга.

Как в устной, так и в печатной пропаганде и агитации основной упор делался на воспитание высокого наступательного духа. Воинов знакомили с успехами наших войск под Сталинградом, на Дону и Северном Кавказе, популяризировались примеры героизма и боевой стойкости. Читались лекции и проводились беседы на темы «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор побед советского народа», «Героическая оборона Ленинграда», «Подвиг защитников Сталинграда», «Отомстим фашистам за муки и лишения ленинградцев» и другие.

Волнующий митинг состоялся в 268-й стрелковой дивизии. К воинам этого соединения в ноябре приехала делегация ленинградцев. В нее входили старые питерские рабочие, оборонявшие Петроград от Юденича, А. П. Иванов и М. М. Столяров, работница Кировского завода А. Н. Корпуснова. Делегаты привезли с собой революционное знамя, врученное питерским пролетариям VII Всероссийским съездом Советов. К алому полотнищу был

прикреплен орден Красного Знамени — высокая награда городу трех революций за героическую борьбу против Юденича.

После краткого выступления главы делегации председателя исполкома Ленинградского Совета П. С. Попкова слово взял М. М. Столяров, работавший мастером на Балтийском заводе. Он рассказал, как рабочие Красного Петрограда отстаивали родной город от белогвардейцев и как сейчас, в годы Великой Отечественной войны, умножают трудовые и боевые традиции. Показывая на знамя, М. М. Столяров сказал:

— Ваш долг, товарищи бойцы, отстоять это знамя, покрыть его новой славой. Мы, старые питерские рабочие, требуем этого от вас! Этого требует от вас Родина!

Воины дивизии поклялись не уронить чести города Ленина, еще яростнее и сокрушительнее громить гитлеровцев...

Между тем начало операции приближалось. 25 декабря после командно-штабного учения состоялось памятное для нас заседание Военного совета фронта. В его работе принял участие и представитель Ставки маршал К. Е. Ворошилов. На заседание пригласили членов Военного совета 67-й армии, командиров соединений, входивших в ее состав. Командиры доложили свои решения, а также информировали командование фронта о готовности к наступлению.

На заседании выступили К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов и Л. А. Говоров. Они потребовали от нас без промедления устранить выявленные в соединениях недостатки, уделить больше внимания организации взаимодействия войск и связи, а также работе тыловых органов.

К концу декабря подготовка войск к наступлению в основном была завершена. Нельзя сказать, что мы не испытывали беспокойства за исход операции, однако твердо верили в ее успех. Войска Ленинградского фронта прошли суровую школу боев, закалились, намного повысились их боевые возможности. И этот процесс не был стихийным, а являлся составной частью процесса укрепления под руководством Коммунистической партии могущества Красной Армии.

11 января мы получили приказ войскам Ленинградского фронта. Перед нашей армией ставилась задача — перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соедине-

ние с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу, чтобы прорвать блокаду города Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен, говорилось в приказе, что войска 67-й армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной.

«Дерзайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!»

Днем 11 января приказ был получен в частях и к исходу суток доведен до личного состава.

Митинги в частях, на которых выступали и представители трудящихся Ленинграда, показали огромный энтузиазм бойцов и командиров. Приказ был встречен с большим подъемом. В выступлениях чувствовалась непоколебимая уверенность в победе.

Вот несколько выступлений, записанных мной на митингах в 45-й гвардейской стрелковой дивизии.

Красноармеец Митрофанов: «Я готов вступить в бой за великий город Ленина. Я очень рад, что боевой приказ о наступлении дан. Мои товарищи думают так же. Мы снимем блокаду Ленинграда».

Лейтенант Овсянников, обращаясь к бойцам своего подразделения, говорил: «Я и вы с великой радостью встретили этот приказ. Я уверен, что каждый из нас не пощадит себя для завоевания победы. В бой, в победный бой призываю я вас, товарищи! Пусть не дрогнет ваша рука!»

Красноармеец Григорьев: «Буду сражаться за родной Ленинград, не щадя своей крови и жизни. Этого приказа жду давно. Насколько я знаю бойцов, у нас все горят желанием ринуться в бой».

В ночь на 12 января стрелковые дивизии первого эшелона армии — 45-я гвардейская, 268, 136 и 86-я заняли исходное положение и изготовились для атаки.

Среди бойцов можно было увидеть политработников всех рангов и положений. Они беседовали с командирами и рядовыми воинами, проверяли, достаточен ли запас патронов и гранат, не забыты ли штурмовые лестницы, «кошки», необходимые для штурма крутого левого берега Невы...

Медленно тянулась эта январская ночь, мглистая, морозная. Тихо было у нас на переднем крае. Молчал и противник, только время от времени освещал ракетами скованную льдом реку. Когда наступило утро, можно было заметить, как над вражескими землянками поднимался вверх дымок. Фашисты грелись, они и не предполагали, что произойдет через час-другой...

Ровно в 9 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. На левом берегу взметнулись столбы разрывов. Взлетали в воздух глыбы промерзлой земли, обломки бревен, колья проволочных заграждений. Огонь вели орудия всех калибров — и «дивизионки», и пушки большой мощности: по вражеским дзотам, артиллерийским и минометным батареям, по командным пунктам и узлам связи, по резервам. Включились пулеметы. Гул, стоявший повсеместно на участке прорыва, еще больше усилился от подрыва подвесных зарядов и минных полей противника.

В 11 часов 45 минут бойцы штурмовых групп и групп разграждения выскочили из траншей и окопов на невский лед, устремились к противоположному берегу, а через 5 минут, вслед за залпом гвардейских минометов, бросились в атаку главные силы стрелковых дивизий.

Первыми во вражеское расположение ворвались батальоны 268-й и 136-й стрелковых дивизий. В каждой из них были свои герои, на которых командиры и политработники призывали равняться весь личный состав.

Автоматчик 947-го полка 268-й стрелковой дивизии А. П. Красноперов, подбегая к левому берегу, увидел, что из строя выбыли командир роты и его заместитель, а бойцы залегли на льду. Атака могла захлебнуться. Красноперов не растерялся. Он крикнул: «Слушай мою команду! Вперед! За мной!» Красноперов первым преодолел крутизну берега. Следуя его примеру, поднялись и другие бойцы, ворвались на вражеские позиции, атаковали гитлеровцев.

Отличился в этот день и старшина одного из подразделений 342-го полка 136-й стрелковой дивизии И. А.

Лапшов. С отделением бойцов он за считанные минуты форсировал Неву. Бой в первой траншее был коротким. Наши воины меткими очередями автоматов и гранатами уничтожили уцелевших во время артподготовки гитлеровцев. Не задерживаясь, они двинулись дальше, атаковали штаб вражеского батальона. В молниеносной схватке три фашистских офицера были убиты, а семь солдат, поднявших руки, взяты в плен.

Таких примеров можно привести бесконечное множество. Командиры и бойцы 67-й армии проявили массовый героизм. Воины равнялись на коммунистов, которые показывали образцы умелых действий и бесстрашия. Заместители командиров рот по политчасти, как и парторги, двигались в боевых порядках атакующих и, если требовала обстановка, вступали в боевые схватки с врагом.

Заместитель командира роты автоматчиков 270-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии старший лейтенант А. С. Чернецкий всегда находился там, где роте угрожала наибольшая опасность. Когда был ранен командир, замполит принял командование на себя и тринадцать раз лично водил роту в атаку.

В этом же прославленном полку, одном из старейших в Красной Армии, носившем гордое имя Ленинградского, самоотверженно действовали сотни других коммунистов, цементировавших ряды бойцов, увлекавших их на подвиги. Заместитель командира полка майор М. В. Чудинов был постоянно среди солдат, оперативно руководил работой замполитов рот и батальонов. За сутки он и на минуту не сомкнул глаз, быстро решал возникавшие вопросы, заменял выбывших из строя парторгов, агитаторов.

Высокий боевой подъем царил в полку с первых же минут наступления. Этому во многом способствовало одно памятное воинам событие. Незадолго до боя в полку побывала делегация рабочих Кировского завода. Коллектив предприятия считал 270-й полк своим детищем, при первом его формировании костяк полка составили путиловцы и обуховцы, верные борцы за победу Советской власти.

Делегация кировцев вручила воинам полка Красное знамя и обратилась с призывом с честью нести его по полям сражений. Принимая знамя, командиры и бойцы дали торжественное обещание выполнить этот наказ.

12 января, когда началась переправа через Неву, знамя путиловцев-кировцев взметнулось над боевыми цепями. Его нес отважный воин Михаил Семенов. Метрах

в ста от противоположного берега он был тяжело ранен, но не выпустил знамя из своих слабеющих рук, передал его командиру. На протяжении всего боя оно воодушевляло воинов на доблестную борьбу во имя Родины и Ленинграда. В этом полку совершил бессмертный подвиг Д. С. Молодцов, закрывший грудью амбразуру вражеского дзота. Здесь героически действовал младший сержант Т. Е. Пирогов, скосивший меткими очередями не один десяток гитлеровцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР этим воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наступая на правом, открытом фланге 136-й дивизии, Ленинградский полк решительно двигался вперед, с честью выполнял наказ рабочих-кировцев.

Доброе слово заслужили политработники и двух других стрелковых полков 136-й стрелковой дивизии: замполит 269-го полка майор Н. И. Хламкин и 342-го — майор М. А. Бондаренко, парторги полков капитаны Сумин, Ф. Е. Любимов и многие, многие другие. Они, как и заместитель комдива по политчасти полковник И. Е. Говгаленко, умело руководили партийно-политической работой на всех этапах боя, шли туда, где было наиболее трудно, ободряли воинов, вдохновляли их личным примером стойкости и бесстрашия.

Поздно вечером 12 января на заседании Военного совета армии были подведены итоги первого дня операции. Наши войска добились значительных успехов — форсировали на большом протяжении Неву, прорвали на переднем крае оборону противника, создали плацдарм внушительных размеров.

— Однако у нас не должно быть никакой самоуспокоенности, — сказал командарм генерал-майор М. П. Духанов. — Самое трудное еще впереди. На это и надо ориентировать войска.

На заседании Военного совета были определены задачи на следующий день. Подтягивались ближе к Неве соединения второго эшелона. Быстро строились переправы для средних танков и тяжелой артиллерии.

Из политорганов поступали обнадеживающие донесения. Политико-моральное состояние войск было очень высоким. Командиры и бойцы горели желанием умножить и развить успехи первого дня наступления, многие подавали заявления о приеме в партию и комсомол. Так, в 136-й стрелковой дивизии было за первый день подано

326 заявлений, в 268-й — 220, в 45-й гвардейской — около 250 и в 86-й — более 200. Все это были воины, отличившиеся в бою, делом доказавшие, что интересы партии, народа, Родины для них превыше всего.

Опыт прошлых боев убедил нас, что для поддержания высокого наступательного духа войск большое значение имеет пропаганда боевых подвигов. И сейчас этому было уделено самое серьезное внимание. Политотдел армии обязал все политорганы своевременно популяризировать героев, их отважные действия.

Агитаторы полков подготовили материалы о наиболее отличившихся воинах, размножили и передали в подразделения. Большую помощь оказывали политорганам дивизионные и армейская газеты.

Под неослабным контролем политорганов была работа медицинской службы. Уже к концу первого дня наступления стало ясно, что наши медицинские пункты, медсанбаты и госпитали в основном успешно справляются со своими обязанностями. Это явилось результатом большой подготовительной работы медиков армии, которых возглавлял подполковник медицинской службы А. А. Асатурян.

В ночь на 13 января наши части закрепляли отбитые у врага рубежи, вели разведку, подтягивали артиллерию, эвакуировали раненых, доставляли горячую пищу бойцам. Много дел было в эти часы у политработников. Проводились накоротке беседы, выпускались «Боевые листки», проверялась готовность к завтрашним боям. В некоторых подразделениях потребовалось произвести перестановку партийных сил, чтобы обеспечить всюду непрерывную политическую работу.

Политотделу армии стало известно о трагическом событии, происшедшем в деревне Пильная Мельница незадолго до ее освобождения. Случилось это в семье Кондрашовых. Девчушка четырех лет подошла к столу, за которым пировали гитлеровцы, взяла кусок хлеба, передала его голодной, больной матери. Расплата последовала немедленно. Фашисты повесили мать, старшую сестренку и брата, а девчушку, избив, выбросили из дома.

Политотдел позаботился о том, чтоб об этом факте узнали командиры и бойцы. Он убедительно говорил о зверином облике тех, против кого мы вели бой. Священная ненависть к таким и им подобным выродкам — благородное чувство.

Утром 13 января наступление возобновилось. Противник, ошеломленный накануне внезапным ударом наших войск, несколько опомнился, подтянул резервы и стал оказывать более организованное сопротивление. Решительно обороняясь на левом фланге армии, в районе Шлиссельбурга, гитлеровцы переходили в контратаки на правом фланге. Бой здесь принял исключительно тяжелый и кровопролитный характер.

В центре прорыва успешно действовали 136-я дивизия и 61-я отдельная танковая бригада. Пехота, поддержанная танками, теснила врага, постепенно сокращая расстояние, отделявшее нашу 67-ю армию от 2-й ударной.

Чтобы развить первоначальный успех, не позволить противнику перехватить инициативу, настала необходимость ввести в бой второй эшелон армии. Об этом шла речь на заседании Военного совета. Наличие плацдарма и построенных к тому времени переправ через Неву позволяли сделать это 14 января. Командарм принял такое решение. Оно было одобрено и генералом Л. А. Говоровым.

Одновременно на заседании Военного совета армии отмечалось, что не все наступающие части заботятся о закреплении занимаемых рубежей. Военный совет обратил на это внимание командиров соединений, командующего артиллерией, начальника инженерных войск. Политотдел армии, в свою очередь, потребовал от политорганов постоянно вести в подразделениях, выделенных для закрепления рубежей, целенаправленную политическую работу.

С утра 14 января предстоял ввод в бой сил второго эшелона. В эти соединения была направлена группа работников политического отдела и штаба армии для оказания конкретной помощи командирам и партийным организациям.

Наиболее тяжелые бои велись в последующие дни. Ломая упорное сопротивление противника, отбивая его сильные контратаки, армия введя свой второй эшелон, медленно продвигалась вперед для соединения с войсками Волховского фронта.

Основные бои в эти дни развернулись в районе 8-й ГЭС.

Стремясь не допустить окружения нашими войсками шлиссельбургской группировки, противник пытался любой ценой сохранить за собой коридор между 2-й удар-

ной и 67-й армиями. В район Синявино враг спешно перебрасывал части, снятые с других, более спокойных, участков фронта.

Наступление армии в эти дни возглавляла 136-я стрелковая дивизия совместно с 61-й танковой бригадой. Отбивая многочисленные контратаки врага, дивизия продвинулась вперед на 2—2,5 километра и 17 января, преследуя отходившего противника, подошла к Рабочему поселку № 5.

Как и прежде, каждый бой был насыщен героическими делами воинов. Широкую известность получил подвиг командира роты 549-го танкового батальона 61-й танковой бригады лейтенанта Д. И. Осатюка и механика-водителя танка старшины Ивана Макаренкова. За шесть дней наступления экипаж уничтожил 11 орудий и 15 пулеметов противника, сжег 20 автомашин.

На подступах к Рабочему поселку № 5 легкий танк Осатюка вступил в бой с тремя танками противника. Меткими выстрелами танкисты подбили один танк, но два других продолжали наседать. Лейтенант Осатюк и старшина Макаренков были ранены, но не отказались от неравной борьбы и не вышли из боя. Маневрируя, Осатюк завлек вражеский танк под огонь нашей противотанковой батареи. Вскоре загорелся второй танк противника, а третий покинул поле боя.

За мужество и высокое воинское мастерство Дмитрий Осатюк и Иван Макаренков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В направлении Рабочих поселков № 1, 2 и 3 наступала 123-я стрелковая бригада. Разгромив противника в Рабочем поселке № 3, подразделения бригады 17 января завязали бои за Рабочий поселок № 1.

На правом фланге армии, подтянув свежие силы, противник по-прежнему не только оказывал сильное огневое сопротивление, но часто переходил в контратаки. Введенным из второго эшелона армии 13-й стрелковой дивизии, 102-й и 142-й стрелковым бригадам не удалось преодолеть вражескую оборону на подступах к 8-й ГЭС. За четыре дня жестоких боев наши части сумели здесь лишь немного продвинуться вперед.

На левом фланге ожесточенные бои шли за Шлиссельбург. Части 86-й стрелковой дивизии, умело осуществив обходный маневр, 15 января штурмом овладели Преображенской горой и ворвались на окраину Шлиссельбурга.

Начались уличные бои, которые продолжались до 18 января.

Советские войска в течение последних четырех дней операции наращивали силу своих ударов. Однако к исходу 17 января противник все еще удерживал за собой узкий коридор, по которому надеялся отвести в район Синявино свою шлиссельбургскую группировку.

В ночь на 18 января была произведена перегруппировка войск армии. Они усиленно готовились к решительному бою, чтобы соединиться с войсками Волховского фронта, уничтожить шлиссельбургскую группировку противника, блокировать 1-й и 2-й Городки и подготовиться к наступлению в южном направлении.

Военный совет армии сосредоточил свое главное внимание на оказании помощи командирам и политработникам 136-й стрелковой дивизии, 123-й стрелковой и 61-й танковой бригад, призванным выполнить 18 января главную задачу дня.

Наступил этот исторический день. Утром войска армии после артиллерийской подготовки возобновили наступление. В 9 часов 30 минут утра в районе Рабочего поселка № 1 уже соединились воины 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Но правее, в центре армии, бои еще продолжались. Отразив ожесточенную контратаку из района Синявино двух пехотных полков противника, части 136-й стрелковой дивизии и 61-й танковой бригады, продолжая наступать, отрезали пути отхода противнику из Рабочего поселка № 1 на юг и на плечах отходившего противника ворвались в Рабочий поселок № 5. В решительной, ожесточенной схватке враг был разгромлен. В полдень в районе Рабочего поселка № 5 части 136-й стрелковой дивизии и 2-й ударной армии Волховского фронта также образовали общий фронт наступления.

В завершающих боях вновь прославил себя старшина И. А. Лапшов из 342-го стрелкового полка. К этому времени он уже командовал взводом, заменив погибшего в бою офицера. У Рабочего поселка № 5 подразделение Лапшова было контратаковано превосходящими силами противника. Бойцы под его командованием стойко выдержали удар врага, а затем вместе с другими подразделениями выбили противника из населенного пункта. При этом подразделение Лапшова уничтожило не менее

150 гитлеровцев, захватило 8 складов с разным имуществом, 400 лошадей, 28 автомашин и другие трофеи.

За умелое командование, личное мужество и героизм, проявленные в боях по прорыву блокады Ленинграда, Ивану Антоновичу Лапшову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Днем 18 января части 86-й стрелковой дивизии штурмом овладели Шлиссельбургом, вышли к Ладожскому озеру. До конца дня части дивизии уничтожали мелкие группы противника в лесах севернее Рабочего поселка № 2.

В итоге боев с 12 по 18 января войска 67-й армии совместно со 2-й ударной армией выполнили главную задачу первого этапа наступления — прорвали на всю глубину оборону противника на шлиссельбургско-синявинском выступе, разгромили противостоящего врага и нанесли ему крупный урон в живой силе и технике. Только в полосе наступления войск 67-й армии было обнаружено до 6000 трупов вражеских солдат и офицеров, а 1249 гитлеровцев захвачено в плен.

Сообщение о прорыве блокады Ленинграда быстро облетело части фронта, предприятия, учреждения города.

Почти во всех частях и подразделениях состоялись короткие митинги.

Наш командующий Михаил Павлович Духанов, встретив меня, рассказал, что нас поздравили товарищи А. А. Жданов и Л. А. Говоров и в то же время напомнили, что нельзя обольщаться достигнутым успехом. Главное сейчас — закрепить занятые войсками рубежи, энергичнее наступать в южном направлении.

Прорыв блокады показал возросшую силу войск Ленинградского фронта и падение боеспособности немецкой армии. Этот закономерный процесс роста сил защитников Ленинграда происходил в невероятно трудных условиях, но с тем большей очевидностью он говорил о неиссякаемых творческих силах нашего народа, о величии его морального духа.

Победа наших войск продемонстрировала беспредельную преданность советских воинов Коммунистической партии, Советскому правительству, социалистической Родине.

За героизм и мужество, проявленные при прорыве блокады, около 8 тысяч воинов армии награждено орде-

нами и медалями, а восемь из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Характерно также и то, что героизм проявляли не только отдельные бойцы, командиры, политработники, но и целые подразделения, части и соединения. В гвардейские были преобразованы: 136-я стрелковая дивизия — в 63-ю гвардейскую стрелковую дивизию и 61-я отдельная танковая бригада — в 30-ю гвардейскую танковую бригаду.

270-й стрелковый полк 136-й стрелковой дивизии был награжден орденом Красного Знамени.

Достигнутые успехи в боях по прорыву блокады в значительной степени обусловливались умелым руководством и самоотверженностью командиров. И в том, что войска нашей армии одержали победу над сильным врагом, большая заслуга таких комдивов, как генерал Н. П. Симоняк (136-я стрелковая дивизия), Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев (86-я стрелковая дивизия), Герой Советского Союза генерал А. А. Краснов (45-я гвардейская стрелковая дивизия), полковник С. Н. Борщев (268-я стрелковая дивизия), полковник В. П. Якутович (13-я стрелковая дивизия), полковник А. П. Иванов (123-я стрелковая дивизия), командир 61-й танковой бригады полковник В. В. Хрустицкий, командир 123-й стрелковой бригады полковник Ф. Ф. Шишов, командир 34-й отдельной лыжной бригады полковник Я. Ф. Потехин.

Особенно выделялся в этих боях своей твердостью, хладнокровием, настойчивостью, храбростью генерал Николай Павлович Симоняк. За успешные действия в боях по прорыву блокады Ленинграда ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Прорыв вражеской блокады Ленинграда, боевые успехи, достигнутые советскими войсками, имели огромное политическое и военное значение и означали окончательное крушение планов Гитлера захватить Ленинград.

Л. П. Грачев

генерал-майор интендантской службы, во время прорыва блокады начальник тыла Волховского фронта

ЭТО БЫЛА ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА...

Война застала меня на посту первого заместителя наркома целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Заниматься приходилось делами большой важности. Но мне, как и всем советским людям, хотелось быть непосредственно на фронте, участвовать в боях с лютым врагом.

Во второй половине декабря 1941 года я был направлен в 4-ю армию, входившую в только что созданный Волховский фронт. На аэродроме собралась группа военных, следовавших на Волхов и в Ленинград. Глубокой ночью транспортный самолет поднялся над затемненной Москвой и взял курс на северо-запад.

Радовало не только то, что я получил назначение на фронт, но и то, что меня направили именно на Волхов, в места, где я родился и вырос.

Транспортный самолет сделал посадку на полевом аэродроме близ Хвойной — небольшой станции на железной дороге, ведущей к Будогощи. Здесь я пересел на У-2, который доставил меня в Неболчи, где в то время располагалась часть служб Волховского фронта. Отсюда мой маршрут лежал в штаб 4-й армии, размещавшийся в деревнях к востоку от реки Волхова.

В пути я впервые увидел страшные следы войны — сгоревшие деревни, обугленные леса, покинутые дома. То и дело попадались подбитые танки, автомашины, орудия, повозки. Моим спутником был хороший гид, капитан-артиллерист, участник боев за Тихвин. Сам он, ленинградец, с удовлетворением говорил о том, что, разгромив

тихвинскую группировку врага, наши войска отвели от Ленинграда угрозу полной блокады.

Поздно вечером, совершенно окоченев от холода, добрался я до цели — деревни Покровская. Здесь познакомился с командармом, начальником штаба армии. Долго беседовал со мной дивизионный комиссар, член Военного совета армии И. В. Зуев. Объясняя задачи Волховского фронта, Иван Васильевич говорил:

— Прорыв блокады не просто наша главная военная задача, но сейчас смысл нашей жизни. Вся страна переживает беду Ленинграда, а мы вдвое, втрое...

Вместе с Зуевым поехали по дивизиям. Я, конечно, интересовался главным образом работой тыловых учреждений, руководство которыми отныне было моей обязанностью. А Зуев проверял боевую и политическую подготовку. Он с удовлетворением отмечал, что настроение в полках «подъемное». Не раз солдаты спрашивали нас:

— Когда же пойдем на Ленинград? Ведь тут уже недалече...

Зуеву нравилось такое, как говорил, «боевое нетерпение». Вместе с ним я впервые побывал и на передовой — на «пятачке», который занимали на западном, недавно отбитом от врага, берегу Волхова бойцы 65-й стрелковой дивизии. Наша поездка была вызвана необходимостью вручить бойцам правительственные награды.

Выехали ночью. С нами был порученец Зуева Бобков и представитель Верховного Совета Кондратьев. Не доехав до реки, покинули машину и дальше двинулись на санях. Потом и лошадь оставили, замаскировав ее в кустах. Дошли до Волхова, спустились на лед и поднялись на западный берег. Немцы обстреливали переправу, передний край, и встретивший нас полковник П. К. Кошевой (ныне Маршал Советского Союза) торопил укрыться в землянке. Здесь и происходило вручение наград. Бойцы и командиры получали из рук дивизионного комиссара Зуева ордена. Коротко благодарили, обещали, не жалея своей жизни, сражаться за Ленинград. Клятва воинов, лежавших под огнем в сотнях метров от врага, звучала с большой силой. Тут же в землянке получил орден Ленина и командир отличившейся в боях за Тихвин 65-й дивизии П. К. Кошевой.

Уже под утро мы вернулись на восточный берег Волхова и направились к себе. В пути Зуев с восхищением говорил о бойцах:

— Молодцы! Как ни трудно и опасно — ни одной жалобы: сила, уверенность... И все думы о Ленинграде...

Комиссар Зуев — стройный, красивый, с отличной военной выправкой — был и остался для меня образцом большевистского комиссара. Всю свою жизнь он без остатка отдал народу, защите его великих завоеваний от посягательств любых врагов.

Очень уважительно о комиссаре Зуеве — одном из истинных героев борьбы за деблокаду Ленинграда — говорил мне позднее генерал армии К. А. Мерецков, командующий Волховским фронтом:

— С Иваном Васильевичем Зуевым я познакомился еще в Испании, где мы вместе участвовали в боях с фашизмом. В сражениях под Мадридом и других боях он показал себя исключительно храбрым солдатом, мужественным, стойким в борьбе с врагом, настоящим коммунистом-интернационалистом... Судьба нас снова свела вместе, и я встречался с ним не раз в суровые для страны дни сорок первого и сорок второго годов. В то время я командовал Волховским фронтом и могу сказать, что назначение во Вторую ударную армию Зуев получил тогда, когда армия находилась в очень трудном положении. На своем посту он сделал все, что мог, для выхода войск из окружения, лично руководил прорывом вражеского кольца в районе Мясного Бора. Вместе с представителем Ставки Василевским я был в том районе, много слышал теплых слов о Зуеве, его боевой организаторской работе. Из окружения вышли тогда тысячи бойцов и офицеров. Самому Ивану Васильевичу не удалось пересечь линию фронта. Окруженный гитлеровцами, Зуев бился до конца и предпочел смерть плену. Последнюю пулю он оставил для себя.

Войска 2-й ударной армии прорвать блокаду тогда, зимой 1942 года, не смогли. Однако эта задача по-прежнему для Волховского фронта оставалась самой главной и первостепенной.

Как-то меня вызвал генерал армии К. А. Мерецков. Самолетом я добрался до Малой Вишеры, где находилось командование фронта. Кирилл Афанасьевич сразу принял меня в своем скромно обставленном кабинете, поднялся из-за стола, подал руку.

— Хочу с вами посоветоваться по очень важному делу, товарищ Грачев... Очень важному, — сказал Мерецков, пристально глядя на меня. — Наш фронт лесной, бо-

лотный... Чтобы пробиться к Ленинграду, необходимо сделать эти места проходимыми. — После короткой паузы Кирилл Афанасьевич продолжал:

— Нам нужны дороги, товарищ Грачев. Крайне нужны!

— Но я, товарищ командующий, не специалист по дорогам... У меня другой профиль: целлюлоза, бумага...

— Где бумага, там и лес, а где лес, там и дороги — настилы, гати и прочее... Нам нужна помощь, и немедленная. Кто ее может оказать?..

Я связался по ВЧ с наркомом лесной промышленности М. И. Салтыковым, рассказал ему, в каких неимоверно трудных условиях приходится действовать войскам Волховского фронта.

Михаил Иванович отнесся внимательно к нашим нуждам:

— Как ни тяжело со специалистами, попробуем что-нибудь придумать.

Буквально спустя неделю из Москвы на Волхов прибыла группа опытных инженеров во главе с крупным специалистом-дорожником Сергеем Алексеевичем Брюховым. Они привезли проекты и чертежи разных типов настилов и мостков, прокладываемых в заболоченных лесах.

Вскоре в Приволховье развернулась большая стройка. Валили лес, превращали его в сваи, доски, настилы. Работали инженерные батальоны, дорожные части, помогало им местное население. Особенно трудно приходилось при форсировании глубоких болот — здесь пришлось возводить настоящие эстакады. При этом дороги должны были быть настолько устойчивыми и прочными, чтобы по ним могли двигаться не только грузовики, но и танки. Люди работали почти без отдыха, энергично и споро. Догадывались, что мостят дороги для наступления...

Протяженность дорог, созданных за считанные месяцы в заболоченном краю, исчислялась сотнями километров. Сотнями! Появилась возможность обеспечивать войска всем необходимым, перебрасывать резервы, совершать, пусть ограниченный, маневр.

Фронт вздохнул свободнее.

* * *

Вспоминается еще одно задание, которое Мерецков сформулировал так:

— Поезжайте в Москву, явитесь к Клименту Ефремовичу Ворошилову. По его указанию займетесь снабжением фронта всем, что предусмотрено постановлением Государственного Комитета Обороны. Вам придется иметь дело с разными ведомствами. Нужно не только получить то, что нам полагается, но и обеспечить доставку грузов на фронт. Надо быть энергичным и оперативным...

И как обычно:

— Я на вас надеюсь.

В тот же день я вылетел в Москву, наутро был в Кремле у маршала Ворошилова. Вид у него был усталый, но, как только он узнал, что я с Волховского фронта, оживился и стал подробно объяснять, к кому мне следует обращаться:

— Советую быть настойчивым. Но думаю, что вам и так будут помогать, достаточно сказать, что это нужно для Ленинграда. Каждое утро приходите ко мне для доклада.

Я начал действовать. На каждом шагу убеждался, как неимоверно трудно было в то время дать лишнюю сотню снарядов, цистерну горючего, тонну продовольствия или фуража. Однако огромное желание помочь Ленинграду делало чудеса: изыскивались дополнительные ресурсы, перераспределялись наличные запасы, на зов наркоматов охотно откликались уральские и сибирские заводы. Я воочию видел, что о судьбе Ленинграда заботится вся страна, весь народ — от наркомов до рабочих, стоящих у станков.

К Клименту Ефремовичу я приходил аккуратно каждое утро, а то и дважды в день.

Ворошилов расспрашивал меня обо всем, досконально и придирчиво.

— Сколько же снарядов получил фронт?

Я давал справку.

— А сколько эшелонов в пути?

— С транспортом, товарищ маршал, не все ладно. Иногда составы задерживаются.

Ворошилов тут же по телефону звонил в управление военных сообщений и требовал немедленного продвижения грузов на Волховский фронт. При мне Климент Ефремович несколько раз связывался с членом ГКО А. И. Микояном, просил его содействия в снабжении Волховского фронта некоторыми материалами и в ускорении доставки их по месту назначения. Анастас Иванович

очень внимательно относился к этим просьбам и оперативно выполнял их.

На Волховский фронт шли десятки эшелонов с самыми разнообразными грузами. Большую помощь оказали мне начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев, а также командующий артиллерией Н. Н. Воронов, начальник главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник продовольственного снабжения Д. В. Павлов.

Доукомплектованием войск фронта занимался в Генштабе И. В. Смородинов.

Выполнив задание, я вернулся в Малую Вишеру и вскоре был назначен заместителем командующего фронтом по тылу.

Не буду здесь описывать, каким огромным и сложным хозяйством является тыл фронта. Двадцать семь служб входило в его состав — железнодорожные и автомобильные перевозки, снабжение войск боеприпасами, продовольствием, горючим, обмундированием, фуражом. Сюда входила и медицинская служба с ее полевыми госпиталями, а также ветеринарная, тоже очень важная, если учесть, что в войсках было много лошадей. Несмотря на создание сети деревянных дорог, осталось немало участков, куда в распутицу каждый снаряд приходилось доставлять на руках. Чтобы выйти из положения, мы применяли сани, волокуши, даже собачьи упряжки, а в половодье — лодки, плоты.

Все, что делалось на Волховском фронте, было подчинено одной цели — подготовке наших войск к прорыву блокады Ленинграда. Для работников тыла, кроме того, всегда задачей номер один была забота о скорейшем продвижении ленинградских грузов к базам на Ладожском озере. Пути их подвоза проходили через тылы Волховского фронта, и мы отвечали перед Ставкой за их быструю и своевременную доставку. Как бы ни складывалась обстановка на железных дорогах, ведущих к Тихвину, Волхову, Хвойной, Киришам, мы в первую очередь давали «зеленую улицу» ленинградским составам. Законом для всех было: ни одного лишнего часа не задерживать эти эшелоны.

Волховские зенитчики и летчики вели непрерывную и очень острую борьбу с «юнкерсами» и «мессершмиттами». После бомбежек наши железнодорожные войска, часто не дожидаясь окончания налета, восстанавливали

поврежденные пути и не уходили, пока поезда не отправлялись к станциям назначения.

Особенно упорно стремились вражеские летчики разрушить большой металлический мост через Волхов. Они сотни раз пикировали на него, израсходовали тысячи бомб, но им до прорыва блокады так и не удалось его разбомбить. Правда, позднее, летом 1943 года, была разрушена одна ферма. Я тут же связался с Москвой. К нам немедленно прибыла специальная воинская часть, которая за две недели восстановила мост. Пока она вела работу, действовала понтонная переправа, и все грузы перевозились автомобильным транспортом.

Я не раз бывал у восстановителей моста. Зная, что он лежит на ленинградской трассе, что это единственный железнодорожный переход через реку Волхов, командиры и бойцы работали с предельным напряжением и значительно раньше, чем было намечено, ввели мост в строй.

Немалое значение для быстрейшего продвижения эшелонов на Ленинград имела постройка силами бойцов Волховского фронта и населения более чем стокилометровой железнодорожной линии, соединившей станцию Окуловка Октябрьской железной дороги со станцией Неболчи. Эта рокадная линия дала возможность более гибко маневрировать на железных дорогах, увеличить переброску грузов.

* * *

Волховский фронт, все рода войск, все службы готовились к мощному и решительному удару, призванному протаранить наконец блокаду. Подготовка состояла из двух фаз: первая относилась к тому периоду, когда о предстоящей операции были осведомлены только командующий фронтом и несколько его помощников; вторая начиналась с того момента, когда более широкий круг работников штаба узнал о плане намеченного наступления.

Впервые генерал Мерецков намекнул мне о будущей операции в ноябре 1942 года.

— Как там у вас с боеприпасами? — спросил он как бы невзначай. — Неплохо бы вам подумать о запасах, да и не только боеприпасов, но и горючего, продовольствия...

Было ясно, что наш фронт пойдет в наступление. Но где? Кирилл Афанасьевич хранил это в тайне до самого последнего момента.

В дивизиях шла интенсивная учеба. В тыловых частях тоже готовились напряженно. Дорожники, автомобилисты, медики, интенданты всех специальностей учились действовать в зоне огня.

На всех нас большое впечатление произвело постановление Государственного Комитета Обороны за подписью И. В. Сталина о недостаточном внимании на одном из фронтов к быту и питанию бойцов. Называя имена командиров, мало интересовавшихся питанием солдат, постановление напоминало, что такие крупные полководцы, как Суворов и Кутузов, у которых учились полководцы всей Европы и у которых должны учиться командиры Красной Армии, сами проявляли отеческую заботу о быте и питании солдат и строго того же требовали от своих подчиненных.

Военный совет фронта, сам командующий проверяли в частях, как поставлено питание красноармейцев. «Никаких ссылок на трудности, боец должен быть обеспечен всем необходимым», — говорил мне генерал армии К. А. Мерецков. Мы даже наладили изготовление национальных блюд для подразделений узбеков и казахов, воевавших на нашем фронте.

Вот еще любопытный пример внимания Военного совета к быту и нуждам бойцов. На наш фронт как-то прислали вместо полагающейся махорки табак. Казалось бы, не беда, «мелочь». Однако для меня это обернулось не очень приятным разговором с командующим.

— Боец любит махорку, — сказал К. А. Мерецков. — Он к ней привык, для него затянуться махоркой — удовольствие. Кто же позволил интендантам лишать его, особенно перед боем, такой «вкусной затяжки»? Раз положена солдату махорка — отдай, что полагается.

Я обратился в Москву, и через несколько дней была получена махорка. Помню: солдаты были ей очень рады.

Вообще-то круг дел у начальника тыла фронта довольно широк. Снаряды и обмундирование, гранаты и картофель, мины и хирургические инструменты, рельсы и термосы, патроны и походные аптечки, сигнальные ракеты и бензин, автоматы и машинки для стрижки, автомобили и почтовая бумага — все это, вероятно, лишь сотая часть того, о чем надо было думать и заботиться. Добавлю, что наш фронт имел и свою специфику, которая усложняла и умножала заботы. У меня сохрани-

лись листочки рабочего блокнота. Вот один из планов на день, в какой-то мере показывающий эту «специфику».

Среди других дел, которые были на этот день намечены, записано:

«1. Болотные сапоги.

2. Проверка эшелонов на станции Неболчи.

3. Выезд в Кобону.

4. Обмундирование для девушек-снайперов.

5. Валенки-сапоги.

6. Тресковая печень (1000 банок), рыбий жир, концентрат витамина А (500 кг), порошок шиповника (1 тонна).

7. Получение подков из Ленинграда.

8. Ремонт дороги на Гряды».

Болотные сапоги нам были необходимы для разведчиков. Проверка эшелонов на станции Неболчи потребовалась для того, чтобы в первую очередь пропустить продовольственные эшелоны, следовавшие к Ладожскому озеру. Выезд в Кобону был связан с необходимостью отправить через это озеро некоторые материалы, о которых просил начальник тыла Ленинградского фронта. Что касается обмундирования для девушек-снайперов, то речь шла о срочном заказе для них в московских мастерских удобной и теплой одежды. Запись о валенках вызывалась следующим обстоятельством. Бойцам Волховского фронта по нашему ходатайству выдавались одновременно и валенки и сапоги. Этого мы добились, доказав начальнику тыла Красной Армии, что в условиях здешнего климата в один и тот же день может быть днем распутица, а ночью мороз и пурга. А раз так, то бойцу необходимо иметь и валенки и сапоги. Этой обувью нам нужно было в день, когда сделана запись, обеспечить прибывшие с других фронтов дивизии.

Тресковая печень, рыбий жир, шиповник требовались как лекарство. Одни были необходимы для лечения куриной слепоты, другие — для лечения цинги. Помню, когда я попросил у начальника продовольственного снабжения Красной Армии генерала Д. В. Павлова тресковую печень, он удивился:

— Тресковая печень? Разве теперь до таких деликатесов?

Но когда я пояснил, для чего это нужно, он отнесся к нам с полным пониманием.

Вспоминаю историю с подковами. Дело было незадолго до прорыва блокады Ленинграда. Приближалась зима, надо было подковывать лошадей. А где взять подковы? Я обратился в Военный совет.

— Это дело очень серьезное, — сказал К. А. Мерецков. — Поговорю со Ждановым, нельзя ли сделать подковы в Ленинграде. А сколько вам надо?

Я назвал цифру.

— Мало, — сказал командующий. — Надо раза в два, а то и в три больше.

По указанию А. А. Жданова в блокированном Ленинграде в срок выполнили наш заказ. Во время боев, завершившихся прорывом блокады, все наши лошади были «на ходу».

И наконец, о «дороге на Гряды». Речь шла о ее ремонте после сильной бомбардировки. Эта поездка мне памятна еще и потому, что я как бы попал в свое детство. Неподалеку от этих мест находится Волховская фарфоро-фаянсовая фабрика, принадлежавшая до революции миллионеру Кузнецову. На ней работал мой отец, в одном из ее цехов начинал свой трудовой путь и я. Потом грянул тысяча девятьсот семнадцатый, революция, отряды ЧОН, комсомольская работа...

Больно видеть хоть пядь советской земли под сапогом иноземного захватчика. Еще острее чувствуешь эту боль, когда видишь под пятой оккупанта землю своего детства, своей юности. В Грядах женщины рассказали мне, как они покидали родные места, как лютуют в Чудове фашисты...

* * *

Сменялись первые дни сорок третьего года. Близились боевые события. Так же, как и перед другими операциями, генерал К. А. Мерецков делал все, чтобы сбить с толку, перехитрить противника, отвлечь его внимание от зоны намеченного удара. Командующий был весьма изобретателен. Он искусно имитировал сосредоточение войск на южном фланге фронта, перебрасывал туда по железным и автомобильным дорогам войска, госпитали, склады. Под прикрытием «отвлекающих» перевозок, которые гитлеровцы немедленно засекли, шло скрытое сосредоточение сил на севере, у рубежей близящейся атаки. Для нас, работников тыла, перевозки на юг были

конечно, большой дополнительной работой. Но, как потом выяснилось, они достигли цели. Один наш разведчик, помню, приехал встревоженный из-под Новгорода к командующему фронтом и доложил, что, по его точным сведениям, «противник заметил наши переброски в направлении южного фланга и тоже стал двигать под Новгород подкрепления». Кирилл Афанасьевич в душе был этим доволен, но вида, конечно, не показал и сказал разведчику, что будут приняты меры для усиления маскировки эшелонов.

В период, предшествовавший операции «Искра», я на месте проверял, насколько тыловое хозяйство подготовлено к сражению. Вместе с начальником штаба тыла Волховского фронта полковником Федором Мефодьевичем Малыхиным (позднее генерал-полковник Малыхин стал заместителем начальника тыла Советской Армии) прибыли в железнодорожный батальон в район станции Назия. Там шли работы, о назначении которых мы не распространялись. Дело в том, что ГКО намечал после прорыва блокады построить железнодорожную линию в Ленинград. Чтобы осуществить строительство в кратчайший срок, мы еще до начала операции «Искра» у себя, а ленинградцы — на той стороне подвозили материалы — шпалы, рельсы, балласт.

— Хорошо потрудились, — сказал я железнодорожникам, проверив ход работ. — Батальон достоин награды.

Тут подошел ко мне солдат, был он, помню, высокий, плечистый, с веселыми, озорными глазами.

— Знаете, товарищ полковник, какой бы мне хотелось награды?

— Какой?

— На первом поезде туда...

Хотелось обнять солдата, сказать, что у каждого из нас в душе такая же мечта — в Ленинград на первом поезде!

Много забот перед операцией «Искра» доставляла нам транспортировка на фронт и непосредственно на склады большого количества боеприпасов. Предстояло прорвать долговременную, глубоко эшелонированную оборону врага. Решающую роль должна была сыграть артиллерия, поддержанная авиацией и танками. Учитывая это, Ставка отпустила нам более 80 эшелонов боеприпасов! В этой весьма внушительной для того времени цифре также сказалась забота страны о деблокаде Ленинграда.

Перевозки боеприпасов были для нас первостепенной задачей. Решение ее осложнялось активностью вражеской разведывательной авиации. Скрыть от противника движение 80 эшелонов совсем не просто, хотя мы производили перевозки как по железным, так и по грунтовым дорогам только в ночное время. Пользовались тем, что темнота в декабре — январе наступает рано, а рассвет — поздно.

Вместе с начальником управления артиллерийского вооружения фронта инженер-подполковником Семеном Федоровичем Василенко мы ночь за ночью проверяли как подход эшелонов на станции, так и маскировку складов в лесах. Мой спутник не упускал возможности напомнить лишний раз, что артиллерия — «бог войны», но я сетовал на то, что этот «бог» не только всесилен, но и очень прожорлив.

Мы побывали во многих автобатальонах, занимавшихся перевозкой снарядов и боеприпасов, и всё думали, как же организовать бесперебойную их подачу в ходе наступления. В качестве эксперимента создали что-то вроде склада на колесах — груженные боеприпасами автомашины стояли наготове и двигались вместе с наступающими войсками. Забегая несколько вперед, скажу, что во время операции «Искра» такой метод вполне себя оправдал. Бойцы автобатальонов работали поистине не зная устали. В морозы и бураны долгими зимними ночами грузили они тяжелые снаряды и радовались, как их много и что теперь уж они «наверняка пробьют блокаду». Нам удалось наладить более чем стокилометровый автомобильный конвейер, по которому снаряды и мины доставлялись на поле боя.

— Ну, теперь-то хватит? — спросил я Семена Федоровича.

— Полностью хватать никогда не будет. Чем больше снарядов, тем лучше для всех родов войск. Но, между нами говоря, неплохо. Во всяком случае, ни в одной нашей операции еще не было такого запаса снарядов.

Во время моих инспекционных поездок перед наступлением я побывал и в полевых госпиталях. Они были в полной боевой готовности, имели все необходимое для приема и эвакуации раненых. В одной из дивизий 2-й ударной армии я встретил все наше фронтовое медицинское начальство. Тут был и возглавлявший медицинскую службу Александр Евсеевич Песис — до войны руково-

дивший Ленинградским горздравом, и два крупнейших специалиста — профессор Александр Александрович Вишневский, главный хирург нашего фронта, и профессор Николай Семенович Молчанов, главный терапевт. В боевых условиях Вишневский и Молчанов не только успешно выполняли свои трудные обязанности, но и вели серьезную научную работу. Достаточно сказать, что перед прорывом блокады вышел из печати «Сборник трудов хирургов Волховского фронта». Отпечатан он был в блокадном Ленинграде.

Надо признать, что с медиками нам повезло. Вишневский, несмотря на то что ему было тогда лишь 36 лет, уже прошел большой боевой путь — он воевал на Халхин-Голе, участвовал в финской кампании, с первых дней Великой Отечественной войны был на фронте. Александр Александрович сделал множество сложнейших операций и спас сотни жизней. Ныне у него очень много званий и титулов: академик Академии медицинских наук, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, директор Института хирургии Академии медицинских наук имени А. В. Вишневского, председатель Всероссийского общества хирургов, заслуженный деятель науки РСФСР. Сейчас генерал-полковник медицинской службы А. А. Вишневский является главным хирургом Советской Армии.

После войны генерал-лейтенант медицинской службы Н. С. Молчанов был главным терапевтом Советской Армии.

Наши фронтовые медики хорошо подготовили перед наступлением все свои звенья — от медсанбатов до фронтовых госпиталей.

* * *

В своих мемуарах полководцы часто рассказывают, как тревожно им было накануне каждого крупного сражения. И это понятно: бой, который грянет через несколько часов, — итог огромной подготовки, суровейший экзамен. Хочу сказать, что такую же тревогу испытывают и те, кто отвечает за тыловое обеспечение операции. Чувство величайшего волнения не покидало меня ни на минуту перед операцией «Искра». Все ли сделано, не случилось ли чего на дорогах, на складах, на переправах?

Незадолго до наступления меня вызвал генерал армии К. А. Мерецков. В его кабинете уже были командующий артиллерией Г. Е. Дегтярев, начальник инженерных войск А. Ф. Хренов, командующий 14-й воздушной армией И. П. Журавлев. Все ждали. И вот раздался звонок.

— Здравствуйте, Андрей Александрович!

Кирилл Афанасьевич переговорил по ВЧ с А. А. Ждановым о предстоящей операции, потом обратился к нам:

— Товарищ Жданов хочет сказать кое-что каждому из вас.

Трубку взял Дегтярев. Он доложил о готовности артиллеристов. Потом Жданов говорил с начальником инженерных войск Героем Советского Союза Хреновым. Затем трубка перешла ко мне.

— Я знаю вас, товарищ Грачев, — донесся голос Жданова, — и надеюсь, что тыловая служба будет на высоте.

Я поблагодарил Андрея Александровича, заверил, что сделаем все для успеха операции.

После меня говорил с товарищем Ждановым наш авиатор Журавлев. Мы поняли: Андрей Александрович хотел перед сражением сказать слова напутствия не только командующему фронтом, но и нам, возглавлявшим основные управления и службы.

Вскоре на Волховский фронт приехал член Военного совета Ленинградского фронта генерал-майор А. А. Кузнецов. Кузнецов был назначен членом Военного совета 2-й ударной армии.

Мы дружески обнялись, как давние товарищи. Когда нам было по 17—18 лет, мы оба были на комсомольской работе, я в Новгородском, а он в Мало-Вишерском уезде. После взаимных приветствий Алексей Александрович сказал:

— Хотя мы, Леонид Павлович, и друзья, но, как говорится, служба службой.

Он строго проверил подготовку армейского тыла к операции «Искра», высказал ряд претензий. Общими усилиями мы быстро устранили все недостатки.

Спустя несколько дней грянул бой.

Я не буду подробно описывать бои по прорыву блокады. Об этом расскажут воины и командиры, которые вели их. Скажу только, что семь суток, в течение которых войска двух фронтов неудержимо, сокрушая вражеские укрепления, рвались навстречу друг другу, навсегда

остались в памяти и в сердце каждого из нас. Были и трудные ситуации, но главное то, что мы от начала до конца держали в своих руках боевую инициативу, что мы наступали, теснили врага, громили его отборные части, парировали все попытки Линдемана и Кюхлера отбросить наши войска. Достаточно сказать, что только части Волховского фронта выпустили по врагу около 630 тысяч снарядов и мин!

Сухопутная связь Ленинграда с Большой землей была восстановлена.

Каждый из нас, участников сражения, какой бы пост он ни занимал, был бесконечно счастлив. Я видел слезы радости на лицах и молодых солдат и седеющих генералов.

Мы, работники тыла, были счастливы еще и потому, что выдержали трудный экзамен. Все, что требовалось для большого сражения, у наших войск было в достатке. Если кто и жаловался, например, на нашу артиллерию, то разве только пленные гитлеровцы, заявлявшие в один голос, что «такого убийственного потока русских снарядов мы еще не видели».

Мне было очень радостно, когда представитель Ставки маршал Г. К. Жуков в присутствии командующего фронтом генерала армии К. А. Мерецкова и его заместителя генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского после боев сказал:

— К службе тыла никаких претензий нет.

Внимание мое сразу же после прорыва блокады приковала железная дорога, которую нужно было проложить в Ленинград. Пробитый коридор был, правда, неширокий (в среднем километров десять), но этого было достаточно, чтобы развернуть строительство. Железнодорожные батальоны шли буквально по пятам наступающих войск. Им охотно помогали местные жители. Дорога начиналась между пунктами Назия и Хандрово, шла к Рабочим поселкам № 4, 1, 2 и 3, поворачивала к Шлиссельбургу, пересекала Неву по временному мосту. Только 18 дней понадобилось фронтовикам-железнодорожникам, чтобы построить эту «Дорогу победы». В начале февраля установилось регулярное сообщение с Ленинградом.

В. И. Смоловин

в 1941—1943 годах секретарь парткома Металлического завода

В ОДНОМ СТРОЮ...

Старые мои записи говорят о том, что это был обычный будничный день конца ноября 1942 года. Прошел он до отказа загруженный повседневными делами. С утра, как всегда, я обошел немногие работавшие цехи, потом просмотрел списки отправляемых на лечение в заводской стационар. Выступал на собрании в паротурбинном цехе. Проводил беседу о положении на фронте и наших задачах с молодыми токарями, фрезеровщиками и сверловщиками. Хорошо помог мне замечательный фрезеровщик Александр Васильевич Бородулин — ныне Герой Социалистического Труда. В тех тяжелых условиях он каждый день выполнял не менее двух норм. На собрании в цехе Бородулин рассказал молодежи, как добивается этого.

После работы в партком пришли секретари цеховых парторганизаций Петр Павлович Белозеров и Василий Васильевич Васильев — просили помочь в производственных нуждах.

Вечером долго пробыл у директора В. В. Кожаринова. Его назначили к нам недавно, он сменил Г. И. Седова, избранного в Свердловском, тоже сугубо промышленном районе секретарем райкома партии.

В жизнь нашего завода В. В. Кожаринов вошел легко и быстро, так как и раньше подробно был знаком с его производством — работал инструктором в отделе оборонной промышленности горкома партии.

Кроме директора в кабинете находился и главный инженер А. И. Захарьин — старый работник завода. Втроем мы, по установившемуся с первых месяцев войны правилу, обсудили сводку работы цехов и участков за

минувший день, ход выполнения оборонных заказов в первую очередь. Слабым местом опять оказалась сварка корпусов для снарядов. Опытных сварщиков в цехах почти не осталось, работали молодые ребята да бывшие домохозяйки, которых наспех обучили необходимым приемам. Новоиспеченные сварщики нередко давали брак.

— Придется на денек-другой перебросить туда Аловаева. Пожалуй, и Сидорова еще, — предложил я.

Главный инженер меня поддержал:

— На многих деталях брак вполне исправим. Есть только небольшие дефекты, я был на участке, выяснял. Аловаев и Сидоров покажут, что и как надо делать. Сварщики они отличные, и своя программа у них не пострадает, — добавил главный инженер, предупреждая вопрос директора.

Обсуждение продолжалось.

...Было уже за полночь, когда я лег на свою походную кровать, тут же в парткоме, в комнатке рядом с кабинетом. С первых дней войны работники парткома, завкома, комитета ВЛКСМ, дирекция и командиры производства перешли на казарменное положение, спали на заводе у своих рабочих мест.

Только начал дремать — телефонный звонок. По звуку слышу — смольнинская «вертушка». Взял трубку. Секретарь нашего Красногвардейского (ныне Калининского) райкома партии Вячеслав Павлович Щербаков коротко спросил:

— Кто у телефона? Смоловик? Вы и Кожаринов должны срочно прибыть в райком. Директору звонить не будем, передайте сами. И не задерживайтесь, пожалуйста.

Владимир Васильевич Кожаринов тоже еще не спал. Быстро собрались, вышли на темную набережную Невы. На беду гитлеровцы начали обстрел города. Привычным ухом по звуку разрывов определяем — снаряды калибра 100—150-мм падают примерно у перекрестка улиц Комсомола, Арсенальной и Кондратьевского проспекта, то есть как раз на нашем пути. Однако нам медлить нельзя. Постояли немножко и двинулись дальше.

Встретившийся патруль проверил документы на право хождения по городу в ночное время. Козырнув, милиционер вернул пропуска, спросил: куда мы идем? Когда мы ответили, сказал: «Раз в такой поздний час вызывают в райком, следовательно, дела неотложные».

Добрались до райкома уже в третьем часу ночи. Здесь было людно, весь аппарат в сборе. Нас с директором без промедления пригласили в кабинет первого секретаря.

Знакомая большая комната непривычно ярко освещена. Особенно отчетливо видны следы осколков на стенах — с прошлого моего прихода сюда их заметно прибавилось. Снаряды падают со стороны Невы, не раз все стекла вылетали...

Народу в комнате собралось порядком: директора предприятий, секретари партийных организаций, руководители Финляндского отделения Ленинградского железнодорожного узла. У стола сидело несколько военных. Я узнал двоих — представители Ленфронта, нередко приезжавшие к нам на завод.

Мы успели обменяться приветствиями, попытались узнать, по какому поводу нас вызывают. Никто толком ничего не знал, общее настроение было приподнятое и настороженное. Все чего-то ждали, с неясной надеждой на какие-то перемены, значительные события.

Совещание открыл первый секретарь райкома Иосиф Михайлович Турко. Коренастый, плотный, пышная черная шевелюра, зачесанная назад, странно контрастирует со светлыми глазами. Человек дела, он любил краткость, точность, и без лишних предисловий начал с самого главного:

— Прошу внимания, товарищи! Обстановка требует неотложных и энергичных действий. Поэтому пришлось собрать вас по-военному, не считаясь с ночным временем. Извините, знаю, что устали.

И. М. Турко коротко сообщил последние известия с фронтов. Во многом они радовали, хотя, как напомнил секретарь, положение нашего города остается напряженным и предаваться благодушию недопустимо.

— Полная боевая готовность всех коллективов предприятий является основным законом нашей жизни. — Турко сделал внушительную паузу, давая время нам проникнуться серьезностью его слов. — Надо продолжать военное обучение, проверять боевую готовность рабочих батальонов и подразделений МПВО по планам, намеченным и согласованным с райкомом.

Вторая важнейшая задача — использовать все наши возможности для снабжения Красной Армии оружием, боеприпасами, снаряжением — всем необходимым для активных боевых действий.

Иосиф Михайлович не торопясь обвел глазами присутствовавших и медленно, с некоторой торжественностью, сообщил:

— Военный совет фронта и Ленинградский горком считают необходимым поставить перед предприятиями нашего района вопрос о значительном увеличении выпуска военной продукции. Здесь мы обсудим общие вопросы. Конкретные задания руководители предприятий получат в промышленном отделе райкома у товарищей Щербакова и Ершина.

Эти многозначительные слова первого секретаря мы выслушали, что называется, открыв рот. Каждый из нас понимал, чем может быть вызвана срочная необходимость такого увеличения выпуска продукции для фронта. Неужели начнется и у нас?! Столь долгожданное наступление? Мы боялись поверить, но в то же время и надеялись.

Переждав легкий шумок, И. М. Турко продолжал развивать свою мысль:

— Да, налеты вражеской авиации продолжаются. Несмотря на так называемый тыловой характер нашего района, снаряды и бомбы рвутся в цехах буквально всех заводов, которые вы здесь представляете. В этом отношении трудности работы сохранились. И все же условия много лучше, чем год или даже полгода назад.

Мы знали, что И. М. Турко окончил Инженерно-экономический институт. Много лет работал директором изоляторного завода «Пролетарий» в нашем районе, был награжден орденом Ленина. Среди актива района пользовался высоким авторитетом и большим уважением. Он всегда умел трезво оценить обстановку, найти правильное решение в сложных обстоятельствах, ярко и доходчиво передать свои мысли аудитории.

Точно и ясно первый секретарь рассказал, как будет обстоять дело с материальным снабжением. Прежде всего, мы располагаем куда большим количеством электроэнергии. По ходатайству ленинградских организаций, ГКО дал указание вернуть с Урала оборудование Волховской ГЭС, эвакуированное туда в 1941 году. Большими, как подчеркнул И. М. Турко, просто невероятными по своему напряжению, усилиями бригад рабочих и инженеров Металлического завода, «Электросилы» и Ленэнерго три гидрогенератора уже смонтированы. Завод «Севкабель» изготовил уникальный по своим характеристикам

кабель. Прокладка его по дну Ладожского озера закончена, протянута воздушная линия электропередачи, взамен той, что оказалась на территории, занятой врагом. Значит, в самое ближайшее время предприятия получат новый, увеличенный лимит на электроэнергию.

«Дорога жизни», благодаря мужеству людей, продолжавших героические перевозки и зимой и летом, обеспечила запас продовольствия, мазута, угля...

— Ну и работать будет поспокойнее. Ленинградские артиллеристы-контрбатарейщики накопили немалый опыт подавления и уничтожения вражеских орудий, ведущих обстрел города. Конечно, полной гарантии от налетов и обстрелов пока еще нет, но, безусловно, потери от варварских действий врага будут снижены, — заключил И. М. Турко. — А теперь у кого будут вопросы?

Они были наготове почти у всех. Директора Охтинского химического комбината Н. А. Николаева волновало то же, что и всех нас, — невозможно увеличить выпуск продукции без добавочной рабочей силы. Где взять людей?

— Плановая комиссия Ленгорисполкома по поручению горкома партии обследовала многие малочисленные производства и предложила закрыть те из них, без продукции которых город может обойтись. Рабочие и служащие оттуда будут направлены на предприятия, выполняющие фронтовые заказы, — сказал Турко.

— Какую помощь может оказать райздравотдел больным и слабым, число которых на заводе стало возрастать? — спросил с тревогой директор завода «Арсенал» С. В. Куприянов. Он пояснил, что, несмотря на улучшившееся продовольственное снабжение, те, кто был сильно истощен в прошлую зиму, сейчас, с наступлением холодов, стали снова заболевать, хотя по внешнему виду как будто пришли в норму. Уже имеется несколько смертных случаев.

На этот вопрос отвечал второй секретарь райкома Степан Дмитриевич Стеклов. Очень похудевший за последние недели (это особенно бросалось в глаза, так как он и раньше не отличался полнотой), Стеклов говорил медленно, немного глуховатым голосом, взвешивая, по своему обыкновению, каждое слово.

— Районному отделу здравоохранения будут даны соответствующие указания, — сказал он. — Однако и предприятия должны энергично взяться за решение бы-

товых вопросов. Больным и слабым надо помочь усиленным питанием, проверить, как они живут, особенно те, кто одинок — семьи в эвакуации или погибли в прошлую голодную зиму. Тепло ли у них дома? Есть ли дрова? Как работают заводские столовые? Все ли продукты попадают в котел общественного питания?

С. Д. Стеклов сообщил, что вопросы питания, лучшего бытового обслуживания тех, кто выполняет заказы фронта, были предметом специального обсуждения на бюро горкома партии.

— Делайте, товарищи, отсюда правильные выводы, — сказал Стеклов. — И хочу вам напомнить о самом главном и важном условии успешного выполнения новых заданий: яркой, доходчивой, отнюдь не формальной, агитационно-массовой работе. Поднимите настроение каждого труженика, зажгите нашим общим энтузиазмом, рассказывайте о событиях на фронте, о том, как нужны для победы оружие, боевая техника, которую изготовляют предприятия!

Оживленно обсуждая услышанное, отправились мы в кабинет секретаря по промышленности Вячеслава Павловича Щербакова. Живой и общительный, он, казалось, так и излучал энергию, которой заражал всех окружающих.

Вспоминается его ладная, по-спортивному подтянутая фигура, острый взгляд быстрых черных глаз. До райкома В. П. Щербаков был парторгом ЦК партии на одном из заводов. Незадолго до войны его избрали секретарем райкома партии. Предприятия района Щербаков знал хорошо.

Разговор в кабинете Вячеслава Павловича был короткий и чисто практический: что и в каком количестве нужно производить, где и в какие сроки получить топливо, материалы, на какое количество добавочной рабочей силы можно рассчитывать. Промышленный отдел райкома уже подработал задания, имел все нужные сведения.

Наш завод должен был ускорить темпы ремонта танков, кроме того, получив двигатели с Большой земли, используя переданные нам с других предприятий заделы, организовать выпуск тяжелых танков КВ. Значительно возросло задание по изготовлению зенитных снарядов калибра 85-мм, корпусов мин для минометов: счет шел на десятки тысяч.

Совершенно новой для нас продукцией были реактивные снаряды. Кроме того, требовалось отремонтировать башенно-артиллерийскую технику на нескольких кораблях, в том числе на крейсерах «Максим Горький» и «Киров», и на бронепоездах, которые мы изготовили в начале войны.

Директор завода имени Свердлова И. И. Чуйков прямо-таки с воодушевлением воспринял задание на отливку корпусов для мин и снарядов. Близкий наш сосед, этот завод особенно сильно пострадал в первую же военную осень. Сложно и трудно наладить производство в разбитых, полуразрушенных цехах — это хорошо понимали все и, понятно, в первую очередь сам директор. И все же он был полон уверенности, что поредевший и помолодевший коллектив справится с выпуском нужной фронту продукции. Брат директора, генерал Василий Иванович Чуйков, в те дни командовал армией, которая участвовала в знаменитой Сталинградской битве. Мы, понятно, не могли тогда в полной мере оценить ее огромное значение для всего хода войны. Но радостные вести поднимали настроение.

— И у нас здесь теперь начнутся дела, попомните мое слово, — уверял Иван Иванович Чуйков, радостно оглядывая нас, готовый тут же ринуться в спор.

Но кто же стал бы оспаривать бодрящую всех мысль: начнется и у нас! Мы верили этому, и готовы были работать столько, сколько хватало сил. И даже гораздо больше!

Как член райкома партии, я хорошо знал, какие задания получили другие предприятия. Красногвардейский район всегда был крупным промышленным центром. А в то время к нам еще перебазировали производства из районов, более близких к фронту: Колпинского, Московского, Кировского. И мы должны были дать фронту артиллерийское вооружение, усовершенствованные полковые пушки калибра 76-мм, новые реактивные снаряды, значительно расширить выпуск автоматического стрелкового оружия — пистолетов-пулеметов типа ППШ и ППС.

На наши предприятия был возложен также ремонт оптических систем, изготовление прицелов для снайперского оружия, минных взрывателей, выпуск армейских радиостанций, не говоря уже о различных типах гранат.

Из райкома на завод мы пришли радостно возбужденные. Занимался зимний рассвет. Было тихо. Вражеская артиллерия молчала. Хмурилось ленинградское небо, а на душе словно отогрелось что-то. Хотелось только одного — поскорее взяться за те большие и нужные дела, которые нам поручили.

В кабинет директора сразу же вызвали главного инженера Алексея Ивановича Захарьина, начальников производств Михаила Ивановича Бойченко и Игнатия Иосифовича Смальчевского, начальника планового отдела Никиту Сергеевича Кужелева, главного технолога Георгия Анисимовича Дробилко и моего заместителя Виктора Михайловича Ремезова.

Надо было срочно найти в наших цехах, сильно пострадавших от пожаров, обстрелов и бомбежек, подходящие площадки, где можно было бы развернуть новые производственные «цепочки». Без промедления разработать технологию, наиболее эффективную и в то же время простую, доступную нашему малоквалифицированному пополнению. И наконец, «выкроить» с других участков людей, чтобы усилить бригады главного механика. Ведь им предстояло в рекордные сроки подготовить площадки для новых производств, установить там оборудование.

Несколько часов мы обсуждали различные схемы и варианты. Наконец сообща нашли наиболее возможные в тех условиях, оптимальные решения, и включили в работу начальников цехов, секретарей парторганизаций.

Опыт оперативного выполнения фронтовых заказов у нас накопился немалый. Мы совершенствовали и умножали его с первого дня войны. Для контроля и немедленной помощи на самых важных участках создавали специальные комиссии партийного комитета — по пять-семь человек в каждой. Члены одной из таких комиссий кроме своей основной производственной работы, в порядке партийного поручения, ежедневно следили за выполнением срочных военных заказов. Другая комиссия отвечала за противовоздушную оборону завода и домов, где жили наши рабочие, третья — за создание и экипировку партизанских отрядов, четвертая — возглавляла военную подготовку рабочих и так далее.

Специальные «тройки» парткома особо следили за охраной котельных, электрической и телефонной станций завода, радиоузла. Каждое утро члены парткома, секретари цеховых парторганизаций, руководители комис-

сий накоротке собирались в парткоме. Очень сжато докладывали, как обстоят дела на порученных их заботам участках, получали необходимую помощь, совет, указания и расходились по своим рабочим местам для проведения в жизнь принятых решений. Ни длительных обсуждений, ни пространных резолюций. Оперативно, деловито, четко. Чувствовалась общая подтянутость и требовательность, стремление действовать, а не говорить. По-военному немногословны и конкретны были решения, по-военному четкой была организация их исполнения...

Обстановка на заводе была сложной и трудной. Чтобы выполнить заказы фронта, работали в две смены, по 12 часов каждая. Поголовно все проходили программу военного обучения. Каждый цех имел свое военное подразделение.

С особой остротой все время нас мучил вопрос: где взять кадры? Вспоминаются такие случаи. В августе 1941 года фронт быстро приближался к Ижорскому заводу, а там изготовлялась крайне нужная фронтовая продукция. Военный совет фронта решил перебросить танковое производство, точнее, изготовление корпусов и башен тяжелых танков КВ на предприятия Ленинграда, в частности на Металлический завод.

Дорог был каждый день, требовалось быстро перебазировать и немедленно организовать производство на новом месте. Большинство квалифицированных специалистов танкового производства были эвакуированы в Нижний Тагил и Челябинск. Металлический завод должен был собирать и сваривать корпуса и башни танков главным образом своими силами.

Собрали сварщиков со всех цехов. Оказалось, что, трудясь даже больше чем по 12 часов в смену, они все равно смогут сделать лишь половину нужного объема работ. На призыв парткома откликнулись инженеры и техники конструкторских бюро, служащие заводоуправления. Быстро организовали их обучение. Затем пошли по квартирам соседних домов, душевно поговорили с женами, дочерьми, сестрами бойцов, ушедших с завода на фронт.

Встретили нас с полным пониманием.

«Пусть работа и тяжелая (мы не скрывали этого от женщин), но это то главное, чем мы можем помочь дорогим нашим людям, воюющим ради нас же» — так отвечали везде, куда мы приходили.

...Каждые сутки сваренные корпуса и башни подавались на сборку без опоздания. Прекратили работу, только когда кончились электроэнергия, топливо, материалы. Коллектив организованного на заводе участка был переброшен на Урал и в Танкограде отлично включился в изготовление танков.

Прошло несколько месяцев. В первых числах февраля нас — меня и тогдашнего директора Г. И. Седова — вызвали в Смольный. Григорий Иванович Седов — выпускник завода-втуза, затем парторг ЦК партии на нашем заводе. После финской кампании его избрали первым секретарем Выборгского горкома партии, депутатом Верховного Совета СССР. В конце 1941 года Г. И. Седова назначили к нам директором.

Приезжаем в Смольный. Нас проводят в кабинет секретаря горкома А. А. Кузнецова. Там же находились секретарь горкома Я. Ф. Капустин и представитель бронетанкового управления Ленинградского фронта Н. Н. Шестаков.

Приняли очень тепло. Начались вопросы. Нас попросили рассказать, как живет и работает коллектив, очень ли трудно приходится, что за меры мы принимаем, чтобы улучшить питание, условия труда и быта людей.

Мы не жаловались, но и не скрывали истинного положения вещей. На заводской электростанции работает только одна турбина мощностью 2000 киловатт. Топливо для станции собираем по крохам во всем районе: нашли под снегом старый, снятый с дорог при ремонте асфальт, раздобыли пек с толевого завода — все жжем в топках котлов, чтобы получить хоть минимум электроэнергии. Хватает ее только на самые необходимые операции, да еще горячей водой из котлов заправляем паровозы Финляндского депо. Впрочем, работа в цехах почти полностью остановлена, — много больных, слабых, умирающих.

Секретари горкома партии молча, не перебивая, выслушали наш невеселый рассказ. Первым заговорил Я. Ф. Капустин:

— Да, трудная, невыносимо трудная зима, кажется, выше человеческих сил все, что перенесли и переносят ленинградцы. И все же к вам мы обращаемся с ответственным заданием: для Ленинградского фронта нужно отремонтировать танки, подбитые в боях. Есть решение Военного совета фронта. Как ни тяжело, надо организовать ремонт.

Мы ответили так, как отвечали всегда в подобных случаях: если фронту нужно — сделаем.

— Хорошо! — мне показалось, с облегчением сказал А. А. Кузнецов. — Мы и не сомневались в вашем ответе. Сейчас есть возможность помочь заводу топливом. Подкинем продовольствия.

На следующий день к нам приехали командующий автобронетанковыми войсками Ленфронта генерал В. И. Баранов, уже знакомый нам Н. Н. Шестаков, заведующий отделом оборонной промышленности М. В. Басов. Они осмотрели цехи, блок-станцию, в которой еле теплилась жизнь, записали самые неотложные наши нужды.

Приказ Военного совета фронта обязывал нас уже в феврале отремонтировать семь подбитых танков КВ. Заводу выделили 250 тонн угля, 50 тонн мазута, необходимые материалы. Для рабочих, которые должны были выполнять ответственный заказ, выделили 250 фронтовых пайков.

Первыми получили задание инструментальщики: начальник цеха А. А. Аракчеев, замечательный виртуоз своего дела, работавший на точном, прямо-таки ювелирном станке, Ионкин. Технолог Додзин, слесари Красноголовый, Лемехов готовили инструмент и приспособления.

На казарменном положении у нас находилась большая группа рабочих, состоявших в командах МПВО. Их мы могли привлечь к работе немедленно. А затем партийный комитет поручил комсомольцам обойти квартиры рабочих, по слабости, да и из-за отсутствия настоящей работы последние месяцы редко приходивших на завод. Бригадой комсомольцев руководила заведующая научно-технической библиотекой З. М. Серебренникова, отличная наша активистка, в дни блокады вступившая в партию. Бодрящее известие о начале важной, срочной работы быстро распространилось среди жителей наших домов, и рабочие сами потянулись в цехи.

Ремонт танков начался. Очистили заводскую железнодорожную ветку и в гидротурбинный цех подали состав — несколько платформ, груженных танками, прибывшими с фронта. Начальник цеха А. Ф. Соколов, секретарь партбюро Н. Хорьков и ответственный от парткома А. Хищенко возглавили работу. Отопить цех в тех условиях не было никакой возможности, а холод был

хуже, чем на улице, — каменные стены настыли за зиму, казалось, весь мороз впитали в себя, к железу страшно прикоснуться. Выход все же нашли — установили жаровни с углем. Время от времени, когда совсем становилось невмоготу, рабочие подходили к этим жаровням, отогревали руки.

Эти трудные дни остались позади. Но опыт оперативного решения важных производственных задач пригодился для нового разворота работ и летом, и теперь вот, в ноябре.

Не дожидаясь, пока нам пришлют обещанное пополнение с законсервированных предприятий, партийный комитет по примеру прошлых месяцев послал агитаторов по квартирам соседних домов. И вскоре в партком одна за другой начали приходить девушки и пожилые женщины.

...Вот открыла дверь домохозяйка Федосеева, жившая рядом с заводом. Она решительно сказала:

— Я готова работать сколько угодно, разве можно сидеть сложа руки, пока там наши на фронте бьются...

— Но вы, кажется, уже работаете? Мне говорили — ухаживаете за ранеными в госпитале? — спросил я.

— Ничего, — ответила Федосеева. — Днем буду в госпитале, а вечером на заводе. Коли надо, так и силы найдутся. Время такое сейчас, некогда об усталости думать.

И действительно, Федосеева очень быстро освоила нелегкую работу по формовке корпусов мин в литейном цехе.

Коммунисты — работники управленческого аппарата тоже пошли в цехи. Одну смену инженеры, техники, служащие работали на своих местах, а потом, после небольшого отдыха, на производственных участках. Примеру коммунистов, которые цементировали новое пополнение, последовали комсомольцы и беспартийные.

В паротурбинном цехе организовать выполнение нового задания фронта было несколько легче. Сразу после начала войны и перевода завода на выпуск оборонной продукции в цехе были созданы две технологические линии — одна для изготовления артиллерийских снарядов, другая — зенитных.

Начальник цеха Николай Николаевич Васильев сообщил, что станки исправны, их вполне можно подготовить и для новой работы. Некоторые изменения технологического процесса, вызванные тем, что теперь мы

должны были изготовлять снаряды другого типа и куда в большем количестве, требовали, правда, установки дополнительного оборудования. Мы его получили: токарные и фрезерные станки с Ижорского и Кировского заводов, да и сосед — завод имени Свердлова — кое-чем смог поделиться с нами. Благодаря этому на «узких» местах — операциях, лимитирующих всю «цепочку», мы смогли установить дублирующие станки.

С каким рвением взялись за дело рабочие! Вспоминается Иван Шилов — токарь, совсем молоденький паренек, едва семнадцать ему минуло, еще в армию не призывали. Токарем он стал у нас на заводе, раньше никакой специальности не имел, — пришел прямо из школы. Но способным и старательным был таким, что скоро стал работать на станке самостоятельно. На новом заказе Ване Шилову поручили обрабатывать сопла для реактивных снарядов. И эту операцию он освоил быстро, страшно радовался, когда стал перевыполнять норму. «Вот и еще одна штуковинка на голову гитлеровцев», — с удовлетворением приговаривал он, снимая готовую деталь со станка. Токарь Шилов дал слово выполнять по две нормы. Справился. В конце года он вырабатывал уже около трех норм.

Не отставал от него Иван Григорьев, тоже молодой токарь. Отлично работал молодой сварщик Алексей Коршунов.

Сложнее обстояло дело с организацией третьей технологической линейки — для выпуска зенитных снарядов. Здесь все надо было начинать с нуля. Наиболее подходящим местом оказалась «галерка» механического цеха. Проявив недюжинную энергию и хозяйственную сметку, начальник цеха Николай Николаевич Юнак сумел быстро отеплить помещение. Поставили печи. Заделали выбитые окна: где вставили рамы и остеклили, где просто забили досками и фанерой. Главный механик Г. А. Кулагин руководил установкой оборудования.

С полным правом можно сказать, что здесь душой всего дела и правой рукой начальника цеха был секретарь цеховой парторганизации Василий Васильевич Васильев, член парткома. Прекрасный слесарь сам, мастер на все руки, он воодушевлял людей и словом, и своим примером. По инициативе Васильева на новом участке создали партгруппу, и коммунисты всегда оказывались там, где труднее и сложней. По ним равнялись и все

остальные. Старые слесари В. Коноплев, А. Смирнов, И. Манухин, С. Лопатин не выходили из цеха. Иван Лукич Цветков, токарь высокой квалификации, работал и за плотника, и за бетонщика. Даже окна приспособился стеклить, лишь бы быстрее заработала новая технологическая линия.

А в гидротурбинном цехе по-прежнему шла сборка танков, которой руководил Антон Федорович Соколов. Направленный к нам осенью 1941 года с Кировского завода бригадир-сборщик Федор Васильевич Задворный обучил наших рабочих. По моим записям видно, что в марте 1942 года в гидротурбинном цехе собрали первый тяжелый танк КВ.

Летом пришлось ограничиться только ремонтом машин, приходивших с фронта, — для новых не хватало двигателей. Осенью, с большим трудом, нам их выделили с Челябинского завода, куда дирекция и партком, с согласия Военного совета фронта, командировали диспетчера А. С. Ободана. Он привез и двигатели и некоторые комплектующие детали. И уже не одна, а две бригады стали собирать танки. Вторую возглавил кадровый слесарь-сборщик А. А. Дьяковский.

Высокое качество сборки и ремонта обеспечивали слесари П. Федоров, М. Солодилин, М. Михайловский, И. Шаталин, М. Казаринов. Много в танковых бригадах было молодежи, подростков, досрочно выпущенных из ФЗУ, — Юрий Харитонов, Гоша Силаев, Женя Русаков, Леня Задворный — сын Федора Васильевича.

Начинался обстрел завода — бригады забирались внутрь ремонтируемых танков, сидели там, как в убежище. На этом тоже выигрывали время: пока дойдешь до заводского убежища, потом обратно... А тут прямо на рабочем месте пережидали тревогу.

Вскоре у нас организовалась необычная бригада — женская ремонтная Ирины Булыгиной. Жена офицера, Булыгина была у нас единственной женщиной-контролером ОТК на приемке танков. Сама умела хорошо водить танк. Сначала бригада Булыгиной выполняла подсобные работы — уборку, мойку, окраску ремонтируемых машин. Отработав 12 часов, женщины не уходили из цеха, а учились у слесарей всем необходимым операциям. И наконец Булыгина упросила начальника цеха Антона Федоровича Соколова доверить ее бригаде ремонт поврежденной в бою машины. Новая бригада справилась с заданием

образцово, и все работы выполнены были с типично женской аккуратностью и тщательностью. Танк с надписью на броне «Танкистам Ленинградского фронта от женщин Ленинграда» участвовал во многих боевых операциях.

Ремонтировали танки и прямо на передовой, если повреждения были сравнительно мелкими и не требовали специального оборудования. Осенью 1942 года бригады слесарей Ивана Бабашева и Михаила Васильева выехали на фронт, захватив инструменты и некоторые запасные части. Ремонтировали тяжелые боевые машины под Жихаревом, в перерывах между боями. В ноябре начальник цеха А. Ф. Соколов с двумя бригадами слесарей ремонтировал танки под Колпином и Красным Бором.

Весной 1942 года завод смонтировал три бронепоезда с мощным артиллерийским вооружением. На одном стояли корабельные пушки, на других танковые. Один из бронепоездов, помнится, назывался «Народный мститель». Они частенько возвращались к нам после упорных, тяжелых боев, и наши рабочие, проявляя чудеса упорства, — откуда только брались силы! — быстро, да что там быстро — прямо-таки в рекордные сроки — устраняли все повреждения у наших грозных детищ.

Были у завода и еще подопечные — родившиеся в наших цехах четыре бронеплощадки, вооруженные пушками и пулеметами. Орудия нам передал завод «Большевик», бронированные корпуса башен сварили наши рабочие. Эти артиллерийские установки располагались на берегу Ладожского озера. Участок боевой, опасный, и не раз их, как израненных воинов, привозили на завод, а мы снова возвращали бронеплощадки в строй.

В конце 1942 года, после памятного совещания в райкоме, главный механик завода Г. А. Кулагин вместе с бригадой рабочих выехал на Ладогу. Наши товарищи пробыли там более месяца и отремонтировали все четыре артустановки. Впоследствии, уже перед самым прорывом блокады, одну из установок потребовалось переправить на другой участок, где действия ее орудий были бы более эффективны.

Завод снова направил на Ладогу слесарей под руководством опытного, кадрового рабочего, секретаря цехового партбюро Петра Павловича Белозерова. Слесари демонтировали установку, погрузили на тракторные сани. Чтобы не привлекать внимания гитлеровцев шумом дви-

жущегося трактора, Белозеров попросил наших артиллеристов «дать огонька». Под открытую ими стрельбу слесари благополучно перевезли и смонтировали установку на новом месте. Командование объявило бригаде П. П. Белозерова благодарность.

В быстрейшем выполнении заказов фронта огромную роль играло социалистическое соревнование. Партийный комитет ежедневно получал сводку о выполнении суточных заданий каждым цехом и участком. В обеденный перерыв в теплых красных уголках (мы строго следили за тем, чтобы оставшееся от обеда время рабочие могли отдохнуть в тепле) агитаторы читали сообщения Совинформбюро, а затем переходили к заводским новостям, рассказывали, кто как работает. Такая широкая гласность приносила отличные плоды, помогала преодолевать отставание на отдельных операциях, расшить узкие места. Никому не хотелось быть отстающим, выполняя фронтовые заказы.

Во время войны родилось наше содружество с фронтовиками. Началось оно так: долгое время работники завода поддерживали тесные дружеские контакты с летчиками авиационных частей, защищавших ленинградское небо. Рабочие часто бывали в подразделениях этих частей, рассказывали о заводском житье-бытье, о том энтузиазме, чувстве высокой ответственности, с которыми выполняют задания фронта, несмотря на тяжелейшие условия. Труженики города-фронта делом доказали свою готовность работать не щадя сил и самой жизни, лишь бы дать воинам все необходимое для борьбы с врагом.

Потрясенные простыми, правдивыми рассказами рабочих, летчики в свою очередь давали слово беспощадно громить врага, мастерски использовать боевую технику.

Мне особенно запомнились летчики Илья Шишкань и Сергей Литаврин. Они часто бывали на заводе и подружились с передовыми производственниками электросварщиком А. Коршуновым, токарями И. Григорьевым, В. Матвеевой, которые на ответственных заданиях выполняли по 7—8 и даже 10 норм. Летчики имели на своем счету много сбитых вражеских самолетов. В боях за Ленинград оба были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Нередко вместе с подбитыми танками в Ленинград приезжали и их экипажи и работали вместе с заводской бригадой. Такое содружество фронтовиков и рабочих да-

вало отличные результаты. Воины и производственники вскоре стали соревноваться, заключали социалистические договоры. Вот содержание одного из них:

«Бригада слесарей по ремонту машины № 5278 в составе: бригадира Потапова, слесарей Васильева, Степанова, Комарова, Киселева, Силаева, Федорова, Кирьянова — и экипаж той же боевой машины, в целях быстрейшего разгрома и уничтожения ненавистного врага, заключили настоящий социалистический договор.

Бригада слесарей обязуется:

1. Закончить все ремонтные работы по боевой машине № 5278 на сутки раньше срока по графику...

2. Всю работу по ремонту произвести при высоком качестве, внимательно и аккуратно.

3. Передать свой опыт по лучшей эксплуатации машины, обращая внимание экипажа и предупреждая его о всех узких местах, требующих особого внимания и ухода, обеспечивающих безаварийную работу на фронте.

Экипаж боевой машины обязуется:

1. Во время ремонта машины участвовать с бригадой в ремонте, использовать время ремонта для изучения и детального ознакомления с машиной.

2. Уходя на фронт, получив исправную машину, во всех условиях боя, презирая угрозу смерти, обрушивать на врага всю силу и мощь боевой машины и ее вооружения.

3. Пока бьется сердце, не покидать машины, если понадобится — принимать все меры к ее спасению и возвращению в строй.

Всё для фронта! Все силы на разгром и уничтожение врага!»

Такие договоры заключались со многими экипажами в конце 1942 года. С фронта мы не раз получали письма, в которых экипажи танков рассказывали о своих боевых успехах.

Ездили на фронт и наши делегации. Завод командировал заместителя секретаря парткома В. М. Ремезова и секретаря цеховой парторганизации В. В. Васильева с отремонтированными и новыми машинами в 152-ю танковую бригаду, которой командовал полковник П. И. Пинчук.

В. В. Васильев взволнованно и горячо выступил перед танкистами, призывая их доблестно сражаться за освобождение родной земли, города-фронта. Лучшему тан-

ковому экипажу Васильев от имени нашего коллектива вручил заводское знамя.

И на других предприятиях Красногвардейского района шла напряженная работа по выполнению фронтовых заказов. Немало способствовал этому оперативный партийный контроль. На бюро райкома систематически заслушивали отчеты руководителей предприятий о том, как выдерживаются сроки заданий. Кроме того, каждую декаду в райком вызывали директоров и секретарей парторганизаций, выясняли, все ли благополучно с графиком, у кого и почему получается задержка. Без лишних проволочек решали, как помочь делу. Помнится, на одном таком оперативном совещании нам поручили помочь Финляндскому железнодорожному узлу, где затягивался ремонт паровозов. Их пригнали к нам на завод, мы сделали все, что нужно, и даже наполнили котлы горячей водой, которая в то время по-прежнему была дефицитом.

Итог общих усилий радовал, коллективы успешно освоили выпуск новых оборонных изделий и полностью, в срок справлялись с заданиями Военного совета Ленинградского фронта.

«Фронту нужно — сделаем!» — таков был закон, по которому жили и трудились работники нашего завода. Да разве только нашего! Всех предприятий района, всех ленинградцев.

Наступил новый, 1943 год. Делегации ленинградских заводов поехали в части Ленинградского фронта. Они повезли с собой письма коллективов Металлического завода, «Большевика», Балтийского. Поздравляя воинов с наступившим Новым годом, рабочие, все трудящиеся Ленинграда желали им славных боевых успехов.

«Пусть мысль о великом значении нашего города, пусть дума о славных его людях воодушевляют вас в бою! Пусть ненависть к тем, кто терзал великий город Ленина бомбами, снарядами, голодом, ожесточит ваши сердца. Вперед, воины-освободители!» — так писали ленинградцы.

...Раннее утро 12 января было морозным. На заводе, как всегда, шла напряженная работа. Вдруг раздался оглушающий грохот разрывов снарядов. Звенели стекла, сотрясался самый воздух. Впервые мы слушали, как рвутся снаряды, без страха, с радостью и надеждой, — по позициям фашистов била наша артиллерия. Скоро

к сплошному гулу, доносившемуся в Ленинград с северо-востока, присоединились могучие голоса пушек кораблей Балтийского флота. Туда, на северо-восток, полетели наши самолеты.

«Успеха вам, советские воины!» — говорили в цехах, прислушиваясь к звукам канонады, и продолжали работу с еще большим рвением.

...Дней через десять мы встречали нашу бригаду ремонтников И. И. Скуратовского.

Она действовала вместе с танкистами Волховского фронта, сопровождая их в течение всех дней, пока шли бои за прорыв блокады. В походных условиях ремонтировали машины, снова возвращали их в бой.

И вот состоялась памятная встреча воинов Волховского и Ленинградского фронтов. Блокада прорвана! С этой радостной вестью вернулась на завод и наша фронтовая бригада.

М. П. Духанов

генерал-лейтенант, во время подготовки и проведения операции по прорыву блокады командующий 67-й армией

ИЗ ЗАПИСОК КОМАНДАРМА-67

В начале декабря 1942 года я был вызван Л. А. Говоровым в Смольный. Он поздоровался со мной, но не сел, а заговорил стоя:

— Ленинградскому фронту совместно с Волховским приказано подготовить и провести операцию по прорыву блокады Ленинграда. Выполнять эту задачу со стороны Ленинграда будет вверенная вам армия. Со стороны Волховского фронта — Вторая ударная армия под командованием генерала Романовского.

Говоров говорил ровно, спокойно, как обычно, но казался чуточку суровее, нежели всегда.

Я понял, что стойкой «смирно» и повышенной суровостью он подчеркивал исключительную значимость предстоящей операции.

Понял и взволновался...

Л. А. Говоров остро взглянул на меня, сел за стол с картой, сказал:

— Садитесь.

И Леонид Александрович стал давать указания по подготовке прорыва блокады Ленинграда.

Так началась работа командующего 67-й армией и потом штаба по всесторонней подготовке наступления. Операция прорыва блокады Ленинграда была не обычной армейской операцией, так как 67-я армия, взаимодействуя со 2-й ударной армией Волховского фронта, решала фронтовую задачу. Поэтому штаб фронта, командующие родами войск и их штабы также развернули большую работу по перегруппировке войск и боевой техники на участке 67-й армии. Нам оказывалась помощь

в устройстве тыла, подготовке исходного плацдарма для наступления, организации взаимодействия разных родов войск.

Операция предстояла сложная. Это понимал каждый. Войскам армии надо было, до соприкосновения с противником, преодолеть широкую водную преграду, какой являлась Нева, затем прорвать сильную вражескую позиционную оборону, которая создавалась и совершенствовалась около 16 месяцев. Кроме того, нам предстояло наносить лобовой удар, так как по условиям обстановки маневр исключался.

Учитывая все эти обстоятельства, при подготовке операции мы много внимания уделяли обучению войск умело и быстро форсировать широкую водную преграду в зимних условиях и прорывать сильную оборону противника.

В конце декабря командующий фронтом утвердил мое решение на операцию по прорыву блокады. Общий замысел был сформулирован так:

«Обороняя правый берег Невы и ледовую трассу оз. Ладожское частями 46-й стрелковой дивизии, 55-й стрелковой и 35-й лыжной бригад и 16-го укрепленного района, силами армейской ударной группировки, преодолев реку Неву по льду, прорвать вражескую оборону на фронте Московская Дубровка, Шлиссельбург и, нанося главный удар в общем направлении на Синявино, уничтожить синявинско-шлиссельбургскую группировку противника и овладеть опорными пунктами Арбузово, отм. 22,4, Рабоч. поселок № 6, Синявино, Рабоч. поселок № 1 и Шлиссельбург. В дальнейшем установить общий фронт со встречной ударной группировкой Волховского фронта и развить удар на юго-восток».

Для осуществления такой задачи необходимо было иметь в армии два оперативных эшелона и общевойсковой резерв. В первый эшелон были выделены четыре стрелковые дивизии: 45-я гвардейская генерала А. А. Краснова, 268-я полковника С. Н. Борщева, 136-я генерала Н. П. Симоняка и 86-я полковника В. А. Трубачева.

Второй эшелон составляли 13-я дивизия полковника В. П. Якутовича, 123-я дивизия полковника А. П. Иванова и три стрелковые бригады. В общевойсковом резерве оставались две стрелковые и лыжная бригады. 46-я стрелковая дивизия генерала Е. В. Козика занимала оборону на правом берегу Невы.

Войска армии обеспечивались огнем 22 артиллерийских и минометных полков, 3 полков и 12 дивизионов гвардейских минометов, а также артиллерией, выделенной Краснознаменным Балтийским флотом, — 88 дальнобойными орудиями калибра 130—365 мм и крупнее. На артиллерию возлагалась задача — вместе с авиацией подавить мощные и многочисленные вражеские опорные пункты и узлы сопротивления, провести артиллерийскую подготовку перед атакой пехоты и танков, обеспечить быстрый прорыв обороны противника и успешное ведение боя в глубине.

Учитывая обстановку и характер обороны противника, танки решено было использовать для непосредственной поддержки пехоты. В первый день операции предполагались действия только 61-й легкотанковой бригады подполковника В. В. Хрустицкого. Недостаточная толщина льда не позволяла перебросить через Неву средние и тяжелые боевые машины. Танковые бригады — 152-ю полковника П. И. Пинчука и 220-ю полковника И. Б. Шпиллера — планировалось вводить в бой после того, как будут построены надежные переправы.

По нашим расчетам, мы имели достаточно сил и средств для успешного проведения операции. Важно было только их правильно использовать, четко организовать взаимодействие на поле боя, поэтому в обучении войск главным был принцип: только вперед и только во взаимодействии.

Со стороны казалось, что на участке 67-й армии жизнь течет в ленивом ритме позиционной войны. Не меняло положения и то, что с некоторых пор наша артиллерия методически, ежедневно разрушала тот или другой дзот гитлеровцев — то же происходило и на других участках фронта; не меняло положения и то, что одиночные наши самолеты проносились над Шлиссельбургом, Марьином, Синявинскими болотами — так было и в других местах фронта... А то, что по ночам заснеженными дорогами рассредоточенно двигаются с Карельского перешейка, из Автова, Колпина артиллерийские и минометные батареи, дивизионы, полки и размещаются на правом берегу Невы от Морозовки до Невской Дубровки, — все это скрывалось темнотой, хвойными лесами, хмурыми и взъерошенными. Почти невозможно было обнаружить постройку новых дорог. Они строились исподволь, укрывались маскировочными сетями.

Постепенно увеличилась сеть наблюдательных пунктов. Их заполняли сотни разведчиков с оптикой, изучающих и днем и ночью оборону противника. Не нарушало внешне ритма позиционной жизни и появление военных фотографов на передовой, фотографирующих передний край противника, и художника, зарисовывающего панораму левого берега Невы, занятого противником...

Конечно, то, что ускользало от внимания противника, было известно нашим офицерам и солдатам. Однако они вели себя так, будто не знали, что на участке армии происходят изменения.

Как-то, уже почти перед самым началом операции, обходя передний край на одном участке, я спросил пожилого солдата:

— Как дела, товарищ?

— Да все так же, товарищ командующий. Мы постреливаем, и фрицы постреливают. Мы по радио агитацию: «Бьют ваших, сдавайтесь в плен, пока не поздно». Они по радио отвечают: «Иваны, помрете голодной смертью, идите к нам — дадим хлеба». Мы им стихи злые про Гитлера. Они по нам — из пулеметов.

— А новенькое что-нибудь есть? — спросил я.

Солдат внимательно посмотрел на меня.

— Как сказать... Улучшаем позиции: две траншеи сзади построили, к переднему краю от них и между ними провели ходы сообщения и разные НП, КП, землянки. Ну и... — Солдат замялся и сделался серьезным: — Да вам сказать можно. Слушок пошел — сменят нас... Хорошо бы!

— С чего бы это такой слушок появился? — поинтересовался я.

— Будто и не знаете? — рассмеялся солдат.

— Не знаю, — ответил я.

— Признаки есть. Появляются в окопах военные посторонних частей. О себе помалкивают, да и мы их вопросами не донимаем. — Солдат кашлянул. — Одни окопы осматривают, подходы к ним, другие минирование проверяют, а которые связь куда-то тянут... Так. На кромку нашего берега реки, где леса побольше, много орудий подтаскивают — говорят, для прямой наводки. Думаю, сменят нас скоро артиллерийско-пулеметные батальоны.

— А противник не замечает все это?

Огонь ведут «катюши».

Все для фронта, все для победы!

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

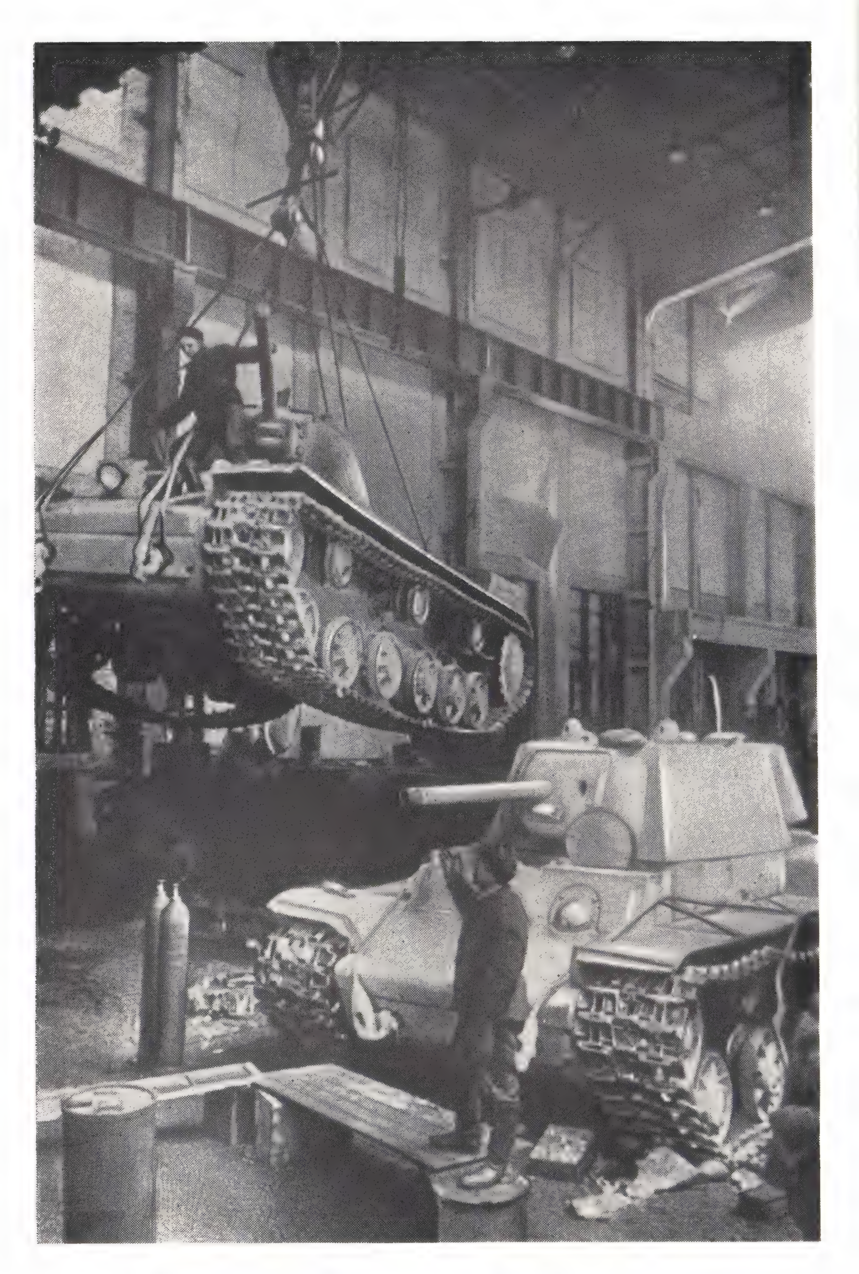
Командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л. А. Говоров.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования, заместитель наркома обороны генерал армии Г. К. Жуков.

Командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков.

Ремонт танков на одном из ленинградских заводов.

Военный совет 67-й армии (слева направо): полковник А. Е. Хмель, командующий армией генерал-майор М. П. Духанов, начальник штаба полковник Е. Г. Савченко, генерал-майор П. А. Тюркин.

Военный совет 2-й ударной армии (слева направо): генерал-майор К. Г. Рябчий, генерал-майор В. Т. Писклюков, командующий армией генерал-лейтенант В. З. Романовский, начальник штаба генерал-майор П. И. Кокорев.

Ленинград в блокаде. Дом № 10 на улице Пестеля, разрушенный фашистской авиацией.

Эти штабеля вражеских снарядов захвачены бойцами 269-го полка 136-й стрелковой дивизии.

Вражеское осадное орудие.

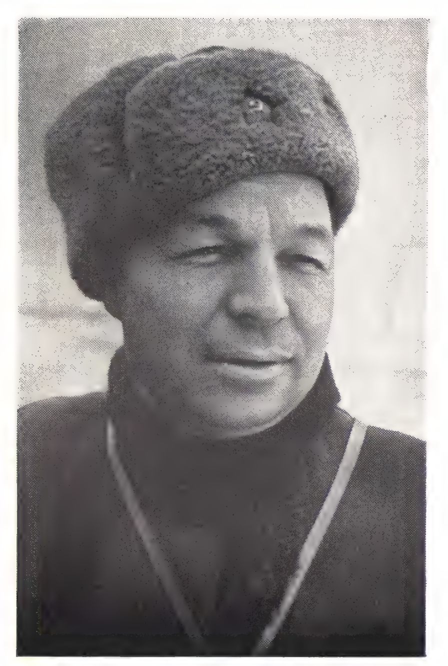
На передовом наблюдательном пункте.

Члены Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов и А. А. Кузнецов. Снимок 1943 г.

Заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.

Герой Советского Союза командир 136-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. П. Симоняк.

Герой Советского Союза командир эскадрильи 29-го гвардейского истребительного авиационного полка майор П. А. Покрышев.

Командир 269-го полка 136-й стрелковой дивизии подполковник А. И. Шерстнев.

Командир 952-го полка 268-й стрелковой дивизии подполковник А. И. Клюканов.

Командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант В. З. Романовский (в центре) с минометчиками братьями Шумовыми. Стоит справа командир батареи лейтенант Цивликов.

Командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. А. Поляков (слева) и начальник политотдела полковник Д. М. Кисляков.

Артиллеристы переправляются на левый берег Невы.

Отважно громили врага летчики 15-го гвардейского штурмового полка капитан Ф. М. Павлюченко (справа) и младший лейтенант В. П. Осадчий.

Летчик старший лейтенант И. М. Шишкань (в центре) с группой работников Металлического завода.

Юные бойцы трудового фронта.

И такой вид транспорта был на Волховском фронте.

Командир 61-й легкотанковой бригады полковник В. В. Хрустицкий уточняет боевую задачу перед наступлением.

Дальнобойные орудия

Штурм горы Преображенской бойцами 86-й стрелковой дивизии.

бьют по вражеским позициям.

Вражеский танк, подбитый в районе Рабочего поселка № 5.

Так был укреплен передний край вражеских войск.

— Ни-ни... Маскировка у нас похвальная.

— Не очень. Слушок-то прошел... — возразил я.

Так было в войсках на переднем крае.

За время блокады немецко-фашистские войска превратили свои позиции на левом берегу Невы в сильно укрепленный район с разветвленной системой долговременных сооружений. По берегу шли две-три линии траншей полного профиля с дзотами, дотами, землянками. Крутой берег прикрывался проволочными заграждениями, минными полями. Каждый метр замерзшей Невы был тщательно пристрелян. На километр обороны у гитлеровцев имелось до батальона пехоты, 12 станковых пулеметов, 20—22 ручных пулемета, 75 автоматов и 10—12 орудий. В глубине гитлеровцы имели опорные пункты с круговой обороной, отсечные позиции. Особенно сильно были укреплены корпуса 8-й ГЭС, 1-й и 2-й Городки, Шлиссельбург. Второй оборонительный рубеж противника проходил по линии Рабочих поселков № 1—5, Синявино — Рабочий поселок № 6. Этот рубеж был подготовлен для обороны в западном и восточном направлениях.

Начиная со второго дня боя противник мог ввести против 67-й армии дополнительно из ближайших резервов до четырех пехотных дивизий, поддержанных танками и мощной артиллерией. Перед тем как достичь переднего края, бойцам нашей армии нужно было форсировать Неву по льду, имевшему полыньи.

В январе 1943 года Советская Армия, громя крупную группировку немецко-фашистских войск фельдмаршала Паулюса на берегах Волги, перешла в наступление на широком фронте. Это был наиболее благоприятный момент для проведения операции прорыва блокады Ленинграда. К рассвету 12 января дивизии первого эшелона 67-й армии изготовились к атаке.

Второй эшелон и резерв армии находились в готовности развивать успех. В 9 часов 30 минут правый берег Невы вздрогнул от залпа наших орудий и минометов.

Над позициями противника ввысь взлетели глыбы земли, снежная пыль, разбитые бревна дзотов.

И так час... Второй... Еще двадцать минут...

На командном пункте царит какая-то особенная тишина. Лица штабных офицеров спокойны, бесстрастны. Они стараются уберечь друг друга и меня от волне-

ния, не поколебать уверенность в успехе. Смотрю я на них и проникаюсь к ним нежностью. У меня, вероятно, тоже холодное, спокойное лицо, но мысли и чувства — как будто натянутая струна.

Звуки орудийных выстрелов, полета снарядов, разрывов слились в сплошной гул. Идут последние минуты артиллерийской подготовки. Выкуриваю папироску за папироской. Часто смотрю на часы: 11 часов 19 минут. Залпы гвардейских минометов. 11 часов 40 минут.

Хлынули на лед передовые штурмовые группы дивизий. А через пять минут двинулись цепи главных сил.

С лиц командиров штаба исчезло выражение каменного спокойствия, вызванного напряженным ожиданием перехода в атаку. У меня, как говорится, тоже отлегло от сердца. Стали поступать сведения о ходе боя.

Было ясно — началу прорыва сопутствует успех.

К исходу первого дня прорыва начальник штаба армии полковник Е. Г. Савченко дал мне на подпись оперативную сводку. Из нее явствовало, что первый эшелон 67-й армии форсировал Неву и захватил плацдарм: 5 километров по фронту и 3 километра в глубину.

Противник удерживает на левом фланге армии город Шлиссельбург, а также сильно укрепленный узел — 8-ю ГЭС и 2-й Городок. Таким был итог дня.

На фронте прорыва не прекращалась артиллерийская стрельба — наша и противника. Далеко в расположении противника небо вспыхивало багрянцем пожаров и сполохов. Это был результат стрельбы артиллеристов-моряков, поражавших в глубине обороны гитлеровцев штабы, склады с боеприпасами, скопления войск, подходящие резервы.

Наши войска частью сил продолжали наступление в условиях темноты. Конечно, трудно было рассчитывать на успешное продвижение в лесисто-болотистой, сильно укрепленной местности ночью, но такие действия мешали перегруппировке противника, держали его, так сказать, в поводу.

Войска первого эшелона получили задачи на следующий день боя. Шло частичное подтягивание частей второго эшелона армии. Понтонные батальоны строили четыре переправы. Шел опрос пленных. Оперативная группа штаба армии изготовилась для переправы на левый берег Невы — новый командный пункт. Короче говоря, шла разнообразная кипучая военная деятельность,

направленная на обеспечение решающего акта на войне — боя.

Со второго дня операции (13 января) противник стал яростно атаковать наступающие дивизии первого эшелона 67-й армии. Завязались круглосуточные ожесточенные бои. Я попытаюсь передать их характер по кратким записям, сделанным в те дни.

13 января 1943 года с 10-ти утра до исхода дня немцы контратаковали гвардейскую стрелковую дивизию (правое крыло армии) четыре раза, вводя в бой от двух до трех пехотных батальонов. Контратаки отбиты. Однако гвардейская дивизия не продвинулась и осталась в прежнем положении.

Одновременно с контратаками боевых порядков гвардейской стрелковой дивизии гитлеровцы настойчиво атаковали правый фланг стрелковой дивизии полковника Борщева, успешно прорывавшейся в глубь обороны противника. В 16 часов 15 минут противник, при поддержке артиллерии и танков, нанес особенно сильный контрудар по правому флангу этой дивизии. Полки мужественно отражали яростные атаки врага, стремившегося прорваться к Неве. Создалась сложная обстановка.

В это время рации противника истошно кричали о том, что части 67-й армии отрезаются от переправ на Неве, и призывали свой гарнизон в Шлиссельбурге держаться. Немцы вещали о подходе крупных своих резервов, которые «разгромят наступающих русских».

Однако все это было плодом разгоряченного воображения немецкого командования, контрударами, так сказать, психологического порядка.

Для меня и штаба армии замысел противника на правом фланге был ясен. Но там ли померяться силами с врагом во всю мочь? Нет. На правом фланге нужно только выстоять, выдержать, в меру быть сильными; решающее — в центре, на острие нашего главного удара по немцам, там, где стрелковая дивизия ханковцев перегрызает хребет врага, устремляясь навстречу войскам Волховского фронта. Эта стрелковая дивизия вырвалась вперед — ее фланги обнажены. Противник может взять ее в клещи.

Быстро развивавшиеся события боя требовали быстрых решений. Для остановки танков, прорывающихся со стороны Синявина, была выдвинута противотанковая артиллерия.

Вероятность возобновления наступления противника с утра 14 января против стрелковой дивизии полковника Борщева, необходимость быстрейшего обеспечения флангов ханковцев, сведения о выдвижении немецким командованием в район прорыва 61-й пехотной дивизии — все это диктовало ввод в бой второго эшелона армии.

Я сообщил свои соображения командующему фронтом. Говоров одобрил принятое решение. Дивизии второго эшелона пришли в движение.

В ночь на 14 января генерал Н. П. Симоняк доложил мне, что «порох в пороховницах ханковцев не отсырел; солдаты, сержанты, офицеры ведут себя в бою героически». Это было не голословное заявление. Солдаты, сержанты, офицеры всех родов войск совершили 13 января много подвигов.

14 января в бой вступила часть сил второго эшелона армии.

Накануне были выдвинуты на усиление стрелковой дивизии Трубачева отдельная лыжная бригада (полковника Я. Ф. Потехина) и на обеспечение левого фланга ханковцев — 123-я отдельная стрелковая бригада. Противник усилил свою группировку 96-й и 61-й пехотными дивизиями и начал подтягивать к прорыву части 5-й горной дивизии и ряд других частей и соединений с пассивных участков своего фронта. Обстановка резко осложнилась.

Бой принял более ожесточенный и упорный характер, нежели 13 января. К исходу дня правофланговая гвардейская дивизия совместно с 296-м стрелковым полком отбили семь контратак противника, 123-я стрелковая бригада, дивизия Борщева продвижения не имели. 123-я стрелковая дивизия с 152-й танковой бригадой продвинулись на 1 километр. Ханковцы вели наступательный бой против частей 96-й пехотной дивизии гитлеровцев. Отбивая многочисленные контратаки, они сохранили за собой инициативу, но продвинулись на незначительное расстояние. Дивизия Трубачева вела бои по окружению Шлиссельбурга.

Один батальон 55-й лыжной бригады, наступая с направления Ладожского озера в тыл Шлиссельбурга, вышел в район Старо-Ладожского канала, но принужден был противником к отходу. Войска 2-й ударной армии Волховского фронта незначительно продвинулись вперед.

Расстояние между передовыми частями 67-й армии и 2-й ударной армией составляло 4 километра. В последующие дни, введя весь второй эшелон в бой, ломая упорное сопротивление противника, отбивая его яростные контратаки, 67-я армия продвигалась вперед, на соединение с Волховским фронтом. 18 января 1943 года в районе Рабочих поселков № 1 и № 5 части нашей 67-й армии соединились с частями 2-й ударной армии Волховского фронта.

В этот же день был взят Шлиссельбург.

При прорыве блокады Ленинграда наиболее успешно действовала 136-я стрелковая дивизия. Она была все время ведущей. Тараня оборону гитлеровцев, дивизия отбивала сильные, многочисленные контратаки, нанося большой урон противнику. Особое мужество, стойкость, умение вести бой проявили солдаты и офицеры этой дивизии 18 января 1943 года.

Операция прорыва подходила к концу. Немецкое командование, исчерпав свои возможности для удержания шлиссельбургско-синявинского выступа, решило вывести оттуда войска. У немцев оставался узкий коридор, разделявший к 18 января 67-ю армию и 2-ю ударную армию Волховского фронта.

С утра в этот коридор на путь отхода гитлеровцев пробивалась наступающая 136-я стрелковая дивизия. Действовавшие на ее левом фланге стрелковая бригада и на правом фланге стрелковая дивизия отстали. Немцы, оставив в районе Шлиссельбурга батальон, основными силами атаковали левый фланг 136-й дивизии, пытаясь прорваться в район Синявино.

Почти одновременно с этим со стороны Синявина на помощь прорывающимся кинулись два полка гитлеровцев. Поддержанные танками, они ударили по правому флангу дивизии.

136-я дивизия, ведшая наступательный бой в течение семи суток, не только выстояла, — отлично взаимодействуя с поддерживающими ее танками и артиллерией, дивизия уничтожила прорывавшихся со стороны Шлиссельбурга немцев, отразила контратаку на правом своем фланге и завершила прорыв, соединившись с войсками Волховского фронта. Противник в этом бою потерял до 1000 человек убитыми и 500 пленными.

Боевой дух этой дивизии был исключительным. Накануне прорыва блокады 1200 ханковцев подали заявления о приеме в партию и комсомол.

7131 солдат и офицер 67-й армии за героизм и мужество, проявленные при прорыве блокады, были награждены орденами и медалями.

В канун завершения прорыва я поехал в район боя одной из дивизий. То тут, то там стояли брошенные противником крупнокалиберные орудия с высоко задранными ввысь стволами. Рядом высились горки снарядов. В самых гиблых местах болот виднелись передки орудий, повозки, павшие в упряжке лошади, автомобили. Отходившие гитлеровские артиллеристы, угодив в чуть промерзлую трясину и глубокий снег, завязли, погибли.

Всюду на дорогах, тропинках и вне их — трупы немецко-фашистских солдат и офицеров, брошенное оружие и какой-то хлам, побеленный изморозью. Неожиданно автомобиль подпрыгнул, его затрясло, зашатало из стороны в сторону... Оказалось, мы выехали на дорогу, устланную заснеженными мертвыми телами гитлеровцев. По ним прошли до нас танки. По обочинам, а кое-где и на дороге зияли воронки. Вероятно, здесь гитлеровцы были атакованы авиацией.

Водитель чертыхнулся. Я поглядел на него. Он с трудом ворочал баранку, выравнивал ход машины. Лицо его было сурово, на скулах вздулись желваки.

— Довоевались «хайль Гитлер»! Ему бы здесь падалью валяться, — проговорил водитель и сплюнул.

Помолчал...

— Вот улеглись бревнами фрицы, а их матери, жены, дети будут ждать.

Я не поддержал разговора, и водитель продолжал свои размышления:

— Сколько людей наших погубили — звери! Обидно за человека! — Замолчал и сильно навалился на баранку.

Через некоторое время нам встретились медленно бредущие пленные. Я приказал водителю остановить машину у края дороги.

Гитлеровцев конвоировали два наших автоматчика, разрумяненные морозом, одетые в теплые полушубки, валенки, с лихо сбитыми на затылок ушанками. Конвоиры шли быстро, покрикивая на пленных: «Топай! Топай живей!»

Пленные вызывали чувство брезгливости. Они были неряшливы, грязны. У некоторых под носом, на усах, намерзли зеленоватые выделения. Многие из них, оберегаясь от холода, обмотали головы, руки, ноги разным тряпьем, вплоть до байковых женских панталон. Шли они понуро, осторожно, косят глазами в сторону конвоиров.

Сопровождавший меня автоматчик, молчаливый, флегматичный человек, рассматривая пленных, оживился и сказал мне:

— Давванули фашистов крепко. Не форсят! Сникли!

— Как бы вшу тифозную не занесли в Ленинград, — сердито сказал водитель.

Пленные ушли в сторону Невы. Мы поехали в сторону боя. Все, что я увидел, утвердило меня в мысли: «Противник понес большие потери в людях и военной технике, но самое главное — необратимые потери в моральном состоянии войск».

С. Н. Борщев

генерал-лейтенант, во время подготовки и проведения операции по прорыву блокады командир 268-й стрелковой дивизии

БРОСОК ЧЕРЕЗ НЕВУ

В начале ноября 1942 года меня вызвали в штаб фронта. Скупой текст телеграммы не объяснял, кому и зачем я потребовался. Теряясь в догадках, отправился на полевой аэродром и хмурым осенним утром вылетел с Приморского плацдарма в Ленинград.

Начальник штаба генерал-лейтенант Д. Н. Гусев, задав мне несколько вопросов о положении па плацдарме, позвонил по телефону командующему фронтом.

— Полковник Борщев прибыл, — доложил он. — Когда вы можете его принять? Сейчас? Слушаюсь.

И вот я в просторном и тихом кабинете генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова. Командующий расспрашивает о боевой обстановке в полосе обороны 5-й отдельной бригады морской пехоты, которой я командовал, о поведении противника. Заканчивается разговор неожиданной для меня новостью.

— Военный совет фронта решил назначить вас командиром двести шестьдесят восьмой стрелковой дивизии, — говорит командующий. — В предстоящих боях ей отводится немаловажная роль. Особое внимание поэтому надо обратить на подготовку командиров и бойцов к решительным наступательным действиям.

Через полчаса я уже ехал в машине, поторапливая шофера. Нужно было во что бы то ни стало попасть засветло в дивизию. Но случилась непредвиденная задержка — начался вражеский артиллерийский обстрел. Пришлось свернуть под арку какого-то дома. Снаряды рвались совсем рядом. Я даже не успел заметить, откуда появились девушки с носилками и санитарными сумками,

Не обращая внимания на разрывы снарядов, они быстро переносили раненых в укрытия, оказывали им первую помощь. «Вот тебе и гражданские, притом еще ослабевшие за первую блокадную зиму, — подумал я с восхищением. — Действуют девушки хладнокровно и четко, по-военному».

Да, за год вражеской блокады жители города многое пережили, многому научились. Секретарь ЦК партии член Военного совета фронта А. А. Жданов имел все основания заявить на заседании Верховного Совета СССР, что в Ленинграде нет грани между фронтом и тылом, что каждый ленинградец, мужчина и женщина, нашел свое место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота.

Беспримерная стойкость ленинградцев служила воодушевляющим примером для вооруженных защитников города. Как ни тяжелы были условия борьбы, войска Ленинградского фронта за последний год не только не уступили врагу ни одного метра родной земли, но на ряде участков улучшили свои позиции.

А второе военное лето было неспокойным, тревожным. Ленинграду вновь грозила страшная опасность. Гитлер, как мы узнали позднее, в июле 1942 года подписал директиву № 45, которая предписывала группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Группе передавались основные силы 11-й немецкой армии, действовавшей до этого в Крыму, а также другие части резерва главного командования вермахта. Руководство операцией по захвату Ленинграда поручалось генерал-фельдмаршалу Манштейну.

Гитлер возлагал на своего любимца большие надежды. Но Манштейн их не оправдал. Времена изменились. Вместо того чтобы наступать, дивизиям противника пришлось вести оборонительное сражение против войск Волховского фронта, начавших Синявинскую операцию, а также отражать сильные атаки со стороны Ленинграда. Вражеские силы таяли. В начале октября стало ясно: ударная группировка 11-й немецкой армии обескровлена, неспособна осуществить план захвата Ленинграда. Манштейн, докладывая об этом в генеральный штаб сухопутных войск, просил направить в его распоряжение 18 пехотных батальонов и 10 тысяч солдат нового пополнения. Если это будет сделано, он обещал 1 ноября начать штурм Ленинграда. Но усиления его армия не получила и не могла

получить, — у командования вермахта было много других забот.

После войны бывший гитлеровский генерал Бутлер, вспоминая эти дни, писал: «11-я армия не была использована ни на направлении главного удара (то есть под Сталинградом. — *Ред.)*, где она, несомненно, увеличила бы шансы немцев на успех, ни для овладения Ленинградом».

Нельзя читать без улыбки «не была использована...». Писать так — значит фальсифицировать историю. 11-я немецкая армия буквально истекла кровью, стремясь в сентябре восстановить положение в районе Синявино и не допустить развития успеха на Неве, где наши войска форсировали реку и захватили опасный для противника плацдарм.

Активные действия Ленинградского и Волховского фронтов и на этот раз сорвали планы врага по овладению Ленинградом. Но город по-прежнему оставался в блокаде. В октябре противник вновь усилил варварские обстрелы, используя прибывшую из Крыма осадную артиллерию.

Один из таких обстрелов и задержал нас по пути в дивизию. Водитель мрачно сказал:

— Ну и жизнь! Кончится это когда-нибудь, товарищ полковник?

— Обязательно кончится. Не может не кончиться.

268-я стрелковая дивизия находилась в резерве фронта и занималась боевой учебой по темам, рекомендованным штабом фронта. Сразу можно было определить, что дивизию готовят к какой-то серьезной наступательной операции, что придется не только прорывать вражескую оборону, но и вести маневренный бой в глубине обороны противника.

Успех каждой операции во многом предопределяется задолго до ее начала. Наступлению всегда предшествуют «невидимые битвы», разыгрывающиеся в штабах. Накапливаются и анализируются различного рода факты и данные разведки. Напряженно работает мысль военачальников, ищущих наиболее верные решения, полностью отвечающие реальной обстановке. Войска обучаются тому, что им потребуется в этой операции, на собственных учебных полях знакомятся с особенностями вражеской обороны, тактикой противника. Именно такая целенаправленная учеба обеспечивает успех в бою.

Находясь в резерве фронта, мы старались не терять ни одной минуты даром, учить командиров и бойцов без послаблений и условностей, требовали действовать на полях учений, как в бою, с полным напряжением сил.

8 декабря 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования издала директиву, обязывающую Волховский и Ленинградский фронты совместными усилиями прорвать блокаду Ленинграда. Но до середины декабря о директиве знали немногие. Командиров дивизий, входивших в ударную группировку Ленинградского фронта, с ней познакомили позднее. И одновременно информировали о характере вражеской обороны под Ленинградом.

Наиболее сильную группировку противник имел на шлиссельбургско-синявинском выступе — одном из важнейших участков вражеской блокады. Противник создал здесь мощные укрепленные рубежи. Замерзшая, покрытая торосами Нева, ширина которой достигала 500—800 метров, представляла собой серьезную естественную преграду. Левый берег, обрывистый, крутой, обледенелый, сплошь заминированный и опутанный колючей проволокой, находился в руках врага и господствовал над правым. В пяти метрах от кромки реки находилась первая траншея, метрах в 300—400 от нее — вторая, далее — третья... Перед каждой — минные поля и проволочные заграждения. Подступы к переднему краю и пространство вдоль реки простреливались плотным пулеметным огнем. На флангах, в полосе предстоящего наступления, господствовали 8-я ГЭС и город Шлиссельбург, превращенные в сильные узлы обороны.

8-я ГЭС (Дубровская) — одна из больших торфяных электростанций, построенных в годы первых пятилеток. Ленинградцы гордились ею и с любовью называли ее «Дубровка». Кто мог подумать, что ее железобетонные корпуса встанут на нашем пути вражескими дотами?!

Еще задолго до боев за прорыв блокады напротив 8-й ГЭС разместилось несколько наблюдательных пунктов артиллерийских разведчиков и командиров полков нашей дивизии. Я часто бывал там, рассматривал в бинокль Дубровку. Фашисты укрепились в ней, чувствуя себя неуязвимыми.

В декабре комдивы, начальники штабов и командующие артиллерией дивизий были вызваны в Смольный. В течение недели мы под руководством командующего и начальника штаба фронта вырабатывали конкретные ре-

шения и планировали наступательные бои. Заключительным этапом нашей подготовки была командно-штабная игра на картах. Вводную мне давал мой «противник» — начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор А. В. Гвоздков. Командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров сидел рядом. На протяжении нескольких часов он не проронил ни слова. Казалось, командующий фронтом думает о чем-то другом. Но вскоре стало ясно, что слушает он нас очень внимательно. Когда один из артиллерийских офицеров принял неправильное решение, Говоров спросил у него:

— Вы куда «стреляете»?

— По Второму поселку! — ответил тот.

— Но там ведь находятся уже наши войска! — сказал Говоров и, заглянув в его карту, еще суровее добавил: — Какой же артиллерист стреляет по «сотке»?

Провинившийся хотел быстро исправить свою ошибку, взять карту другого масштаба, но было уже поздно. Командующий фронтом тут же приказал отстранить его от занимаемой должности.

После этого случая мы поняли, что Говоров перед боями всех нас еще и еще раз проверяет.

Подготовка к операции велась настолько скрытно, что нас в течение этой недели не выпускали из здания Смольного. А затем, когда мы отправлялись в свои дивизии, нам было приказано не покидать их местонахождения без особого на то вызова командующего фронтом или армией.

Минуло несколько дней. И вот однажды в двенадцатом часу ночи мне позвонил начальник оперативного отдела фронта генерал-майор А. В. Гвоздков.

— Завтра утром, — сообщил он, — в девять часов, к вам приедут Ворошилов и Говоров.

Назавтра, точно в назначенное время, я встретил товарищей К. Е. Ворошилова и Л. А. Говорова у перекрестка дорог, восточнее Колтушей. Утро было морозным, ветреным, а маршал одет был не по погоде: в шинели и легких хромовых сапогах. Климент Ефремович внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Где же мы с вами встречались?

— Помните, товарищ маршал, штаб сто шестьдесят восьмой дивизии, город Слуцк, август прошлого года? — задал я встречный вопрос.

Ворошилов немного помедлил.

— Да, да, помню. Тяжелое было время. — Климент Ефремович задумался и добавил: — Как не помнить! Когда мы от вас уехали, по дороге на нас налетели немецкие самолеты.

Мы направились на батальонное тактическое учение в 952-й стрелковый полк. На наблюдательном пункте батальона руководитель учения командир полка подполковник А. И. Клюканов доложил маршалу тему и план занятий. Учения начались.

После короткой огневой подготовки пехота стремительно и дружно атаковала оборонявшегося «противника», заняла три его траншеи. В глубине обороны батальон должен был овладеть крупным населенным пунктом — «сильным узлом сопротивления». Целью этих занятий было обучить личный состав умению вести бой в населенном пункте. Роты с ходу атаковали населенный пункт и... пробежали через него. Боя не получилось. Я приказал вернуть батальон, повторить атаку и провести «уличные бои» в населенном пункте.

Следуя за боевыми порядками, Ворошилов и Говоров несколько отстали от батальона. Когда они подошли к населенному пункту, роты успели вернуться и занять исходное положение для повторной атаки.

Маршал спросил у бойца, лежавшего у ручного пулемета:

— По какой цели будете вести огонь?

Пулеметчик ответил, что пока задачи не имеет.

Климент Ефремович приказал командиру отделения, сержанту по званию, поставить задачу пулеметчику.

Я уже приготовился к тому, что маршал будет ругать нас за плохую организацию учений, неумелые действия пулеметных расчетов. Чего греха таить, иные «разносят» подчиненных, не разобравшись в сути дела. В данном случае, казалось, маршал имел все основания сделать нам выговор. Однако Климент Ефремович решил сначала выяснить, в чем дело. Он спокойно спросил у руководителя учений:

— Почему личный состав не знает задачи?

Командир полка подполковник Клюканов ответил, что батальон неправильно действовал в населенном пункте и командир дивизии приказал вернуть его на исходные позиции, повторить «бой», поэтому командиры отделений не успели еще поставить новые задачи своим подчиненным.

— Ну тогда, пожалуйста, выполняйте приказание командира дивизии, — сказал маршал.

Повторная «атака» и «бой» в населенном пункте прошли хорошо. К. Е. Ворошилов и Л. А. Говоров на сей раз остались довольны. Затем они побывали на учениях в 942-м стрелковом полку, которым командовал полковник В. В. Козино. Здесь батальон отрабатывал ведение боя в лесисто-болотистой местности. Все роты, взводы, отделения наступали грамотно и инициативно. Маршал спросил комбата старшего лейтенанта Зуйкова:

— А как будете воевать в настоящем бою?

Комбат ответил:

— Еще лучше, товарищ маршал!

Климент Ефремович одобрительно сказал ему:

— Мы вам верим. Тот, кто серьезно относится к учениям, не подкачает и в бою.

Комбат чем-то понравился Ворошилову. Климент Ефремович обнял его за плечи:

— Смотри, родной, не подведи, — и в шутку добавил: — Черт ты мой рыжий...

Операция по прорыву блокады требовала величайшей организованности, слаженности в работе всех штабов, четкого взаимодействия всех родов войск. Короче говоря, одного энтузиазма было мало. Следовало подготовиться к штурму вражеской обороны так, чтобы никакие случайности не могли сорвать его.

На одном из совещаний командиров дивизий первого эшелона командующий фронтом снова обязал нас обратить особое внимание на скрытность, секретность подготовки к наступлению. Нельзя было допускать, чтобы враг обнаружил хотя бы малейшие признаки оживления на правом берегу.

Всем, кто был занят подготовкой нашего наступления, на переднем крае я запретил выходить днем из землянок, приказал топить печи только ночью, соблюдая максимальную осторожность. Чтобы дым из печей шел не вверх, а вдоль траншеи, мы снабдили наблюдательные пункты жестяными трубами. Боеприпасы и пища подвозились не на автомашинах, а на лошадях, причем повозки останавливались в лесу, в километре от наблюдательных пунктов. Дальше бойцы везли боеприпасы на волокушах, а термосы с пищей несли на себе.

Мы обучали наших людей стремительному, за 5—6 минут, преодолению водных преград шириной 500—

600 метров, разминированию минных полей и проволочных заграждений, умению штурмовать дзоты, вести бои в населенных пунктах, наступать вслед за огневым валом артиллерии.

Командиры всех степеней проводили рекогносцировку, вели непрерывную разведку противника, тщательно изучали местность в полосе наступления дивизии.

Инженерные войска под общим руководством полковника С. И. Лисовского готовили исходные позиции в районе Невская Дубровка — поселок имени Морозова. Оборудовались траншеи и ходы сообщения, командно-наблюдательные пункты, огневые позиции для артиллерии и укрытия войск в местах сосредоточения. Строились дороги и подъездные пути к местам переправ.

Вместе с замполитом полковником П. С. Игнатовым и командующим артиллерией полковником А. А. Ходаковским мы накануне наступления часто бывали в полках. Я успел хорошо узнать командиров. Бойцы любили их, и это говорило о многом.

Командир 942-го стрелкового полка полковник В. В. Козино был волевым, спокойным, целеустремленным человеком и обладал удивительной способностью сплачивать людей. Прежде чем отдавать приказания, он основательно, до мельчайших деталей продумывал план боя, взвешивал все «за» и «против». Я считал, что командирам наших частей и подразделений следовало учиться у него умению глубоко анализировать обстановку, разгадывать замыслы противника и поэтому упреждать его действия.

Боевые дела 952-го стрелкового полка, которым командовал подполковник А. И. Клюканов, были широко известны на Ленинградском фронте. В августе 1942 года этот полк форсировал Тосну и на ее правом берегу штурмом овладел селом Ивановское. Но затем противник значительными силами перешел в контратаку. Полк был рассечен на части. В развалинах кирпичного здания отбивалась от наседавшего врага горстка храбрецов. Радист сержант Рувим Спринцон вызвал огонь на себя. Другая группа бойцов во главе с А. И. Клюкановым отражала контратаки врага у железнодорожной насыпи. Несколько раз немцы окружали КП полка. Но полк не дрогнул. Ивановский «пятачок» остался в наших руках.

Командир 947-го стрелкового полка майор А. И. Важенин тоже был человеком большого мужества. На него,

как и на полковника В. В. Козино и подполковника А. И. Клюканова, можно было положиться.

Почти месяц мы не сводили глаз с левого берега. По ночам слышно было, как немцы долбят мерзлую землю, гремят ведрами. Следовательно, рассуждал я, заняты обычным делом: методически углубляют разрушенные артиллерийским обстрелом траншеи, ходы сообщения, поливают водой крутой берег. Из всего этого я заключил, что противник хотя и ждет нашего наступления, но ничего не знает о его сроках и месте. И видимо, даже не подозревает, что не сегодня-завтра мы начнем штурм.

Как-то под утро на мой наблюдательный пункт прибыли командующий артиллерией дивизии полковник А. А. Ходаковский и начальник артиллерийской разведки майор С. Н. Аносов. Они привезли присланные из штаба фронта аэрофотоснимки переднего края противника. Однако на планшетах наших артиллерийских разведчиков было зафиксировано гораздо больше вражеских огневых точек. Оно и понятно, — аэрофотосъемка не могла «схватить» с высоты врытые в левый берег огневые точки. Это сделали наши топографы с помощью простого карандаша. Старший лейтенант П. И. Костров — до войны он был художником в Эрмитаже — подготовил отличную панораму переднего края неприятеля.

В первых числах января, как показала проверка, все наши полки были готовы к штурму. В ночь с 10 на 11 января дивизия совершила тридцатикилометровый марш и к утру сосредоточилась в лесах северо-западнее Невской Дубровки. Артиллерия заняла боевые порядки за двое суток до наступления.

11 января в 16 часов на командный пункт дивизии приехал Л. А. Говоров. Командующий фронтом спросил меня, как спланирована динамика боя дивизии в глубине обороны противника, при этом дал понять, что не сомневается в успешном захвате первой позиции. Доложенные мною по карте план и метод ведения наступления удовлетворили его.

— Ежели так будете действовать, — сказал он, — уверен, что у вас все получится. — Помолчав, добавил: — Никогда не следует считать противника слабее себя. Кстати, сто семидесятая немецкая дивизия, которая противостоит вам, не раз проявляла свою стойкость в обороне.

Командующий фронтом имел богатый опыт прорыва сильно укрепленных узлов вражеской обороны и ведения

боя в ее глубине. Он не раз повторял, что взятие первых позиций еще не решает успех операции.

Говоров уже распрощался со мной, когда оперативный дежурный доложил, что к нам едет маршал К. Е. Ворошилов.

Климент Ефремович был в хорошем настроении:

— Ну как, не надоел я вам?

— Вы, товарищ маршал, не так уж часто у нас бываете.

— А кабы чаще, то надоел бы? — Он улыбнулся. — Ну, ладно, я ведь не в гости к вам, а по делу.

Маршал побывал в 942-м стрелковом полку, побеседовал с полковником В. В. Козино о готовности полка к наступлению. Затем мы направились в батальон старшего лейтенанта Зуйкова, который как раз должен был наступать в первом эшелоне. Климент Ефремович узнал комбата:

— Я, сынок, твое слово помню.

— А мы, товарищ маршал, помним ваш наказ. Вам за нас краснеть не придется.

— Верю! — Климент Ефремович, как и во время тактических учений, обнял Зуйкова. — С такими орлами не победить врага было бы стыдно. Я за вас поручился перед Верховным Главнокомандованием. Если подведете меня, придется за всех вас отвечать.

— Не подведем, товарищ маршал! — поддержали своего командира бойцы.

Командно-наблюдательный пункт дивизии, оборудованный в первой траншее переднего края, на возвышенности, был выбран удачно: вся полоса заснеженной Невы и большая часть левого берега были видны как на ладони не только в стереотрубу, но и невооруженным глазом.

Наступило утро 12 января. В течение последних суток погода непрестанно менялась. То валил мокрый снег, то вдруг землю сковывало морозом, то моросил промозглый дождь. Сейчас туман плотной завесой закрыл Неву и ее берега. Об использовании авиации нечего было и думать, а мы на нее возлагали большие надежды!..

Шло время. Вместе со мной на командно-наблюдательном пункте находились полковники Игнатов, Ходаковский, начальники оперативного и разведывательного отделений, бойцы-связисты. Все мы смотрели на Неву. Широкая, покрытая торосистым льдом заснеженная река

в тумане еле-еле угадывалась. Левый берег молчал. Наконец в 9 часов 30 минут грянула наша артиллерия. На душе сразу стало легче: ожидание боя всегда томительнее самого боя.

Такой мощной артподготовки я еще не видел. Казалось, левый берег Невы вздыбился. Все там грохотало и клокотало. Мы у себя на НП могли объясняться лишь жестами.

В 11 часов 42 минуты в небо взвились зеленые ракеты. По левому берегу ударили гвардейские минометы. И вдруг мы замерли: штурмовые отряды, не дождавшись конца огневого налета, бросились на лед. Великий порыв сделал то, чего не мог предусмотреть ни один приказ. «Прижаться» к огневому валу «катюш» было чрезвычайно опасно. Но риск оправдал себя. Вот уже наши перемахнули Неву, вот уже они, цепляясь баграми, «кошками», подставляя штурмовые лестницы, карабкаются на отвесный, словно ледяная скала, берег.

Трудно передать чувства, которые охватили меня, когда вслед за штурмовыми отрядами ринулись на лед наши полки. В цепях атакующей пехоты шли артиллеристы. Они тащили за лямки поставленные на лыжи легкие пушки.

Из превращенных врагом в доты железобетонных корпусов бывшей 8-й ГЭС ударили орудия и пулеметы. Лед на Неве начал взламываться, появились довольно широкие полыньи.

Наши артиллеристы, наступавшие вместе с пехотой, старались быстрей дотащить свои пушки до левого берега. Подталкивая их сзади — кто руками, а кто плечом, налегая на лямки, они метр за метром преодолевали торосистый лед. И без того адская эта работа осложнялась тем, что им приходилось обходить полыньи, в других местах — перетаскивать орудия через разводья буквально на руках. Падали убитые, раненые. Те, кто уже не мог стоять на ногах, ползком помогали товарищам толкать пушки.

Казалось, вся боль Ленинграда клокочет в сердцах этих людей.

Противник перенес свой пулеметный, а затем и минометный огонь на нашу пехоту. Вторая цепь наступающих заколебалась, остановилась. Я приказал полковнику Ходаковскому немедленно ослепить район 8-й ГЭС дымовыми снарядами. Как только Неву и ее левый берег заволокло дымом, огонь стал не так опасен: враг стрелял

теперь вслепую, наугад. Когда дым рассеялся, мы увидели, что вторая цепь наступающих взбирается на левый берег. Все новые и новые группы бойцов подбегали к подножию крутого берега и по лестницам, канатам, а то и просто по шестам, поданным сверху товарищами, с ловкостью альпинистов взбирались наверх. Невольно думалось: «Вот они, наши Сиваш и Перекоп!»

Ходаковский доложил, что выявленные в полосе нашего наступления 72 огневые точки подавлены, а вновь оживающие сразу уничтожаются орудиями прямой наводки. Я попросил передать благодарность героям-артиллеристам.

Командир дивизии видит со своего НП общую картину боя. Оценивая обстановку и принимая решения, он обязан быстро отдать тот единственно верный приказ, который должен предопределить успешный исход боя. Естественно, что в такие часы отдельные эпизоды от него ускользают. Однако я никогда не забуду, как наши штурмовые отряды, не дождавшись сигнала атаки, бросились на лед. Позднее, встретив командира первого батальона 942-го полка капитана Б. С. Гусева, тяжело раненного во время штурма левого берега, я спросил:

— Почему пехота, не дождавшись сигнала к атаке, с первыми залпами «катюш» бросилась на лед?

— Это получилось внезапно, в один миг, — ответил Б. С. Гусев, — и не было никакой возможности остановить людей, приказать им ждать условленного сигнала атаки. Я на фронте с первых дней войны, но такого порыва, такого массового героизма еще не видел. Признаться, я тоже опасался, что мы угодим под огонь наших «катюш», но они умолкли, как только мы очутились у левого берега. Так мы выиграли минут семь-восемь, что позволило стрелковым ротам быстрее преодолеть Неву. От огня пулемета, строчившего с правого фланга, со стороны восьмой ГЭС, потеряли всего несколько человек. Раненые не хотели покидать поле боя. Я попросил винтовку у раненного в живот пехотинца, чтобы снять немецкого снайпера, но тот наотрез отказался отдать, — нужна самому, он не собирается уходить в тыл. Убеждать было некогда, я схватил винтовку убитого рядом сержанта, а когда через несколько минут оглянулся, солдат был уже мертв...

Да, героизм наших бойцов, офицеров был всеобщим. Пехота с помощью штурмовых групп и артиллерии

сопровождения, взламывая оборону врага, продвигалась вперед. Хотя на левом берегу был отвоеван пока еще небольшой плацдарм, он значил для нас много. Автоматный и пулеметный огонь немцев стал слабее, мы могли вводить в бой свежие силы.

Передо мной лежала карта — участок в два с половиной километра от 8-й ГЭС до поселка Марьино — вражеские позиции. Хотелось скорее отметить первые отвоеванные нами позиции, тем более что из штаба армии и штаба фронта непрерывно звонили и требовали доложить обстановку. Мне было понятно это нетерпение, но я докладывал только то, что видел своими глазами, и то, что сообщали мне по рации командиры частей и подразделений. А сообщения эти были еще не совсем ясными: пехота вела бой в траншеях, артиллерия подавляла оживающие огневые точки врага. Наконец полковник Козино, а вслед за ним и подполковник Клюканов сообщили, что они овладели первой, второй и третьей траншеями. Я сразу же доложил об этом в штаб 67-й армии. Не прошло и минуты, как позвонил командующий армией генерал-майор М. П. Духанов и поинтересовался, где же находится еще один наш полк. Я ответил, что полк майора Важенина тоже форсировал Неву, но встретил сильный заградительный огонь со стороны 8-й ГЭС и продолжает вести бой за поселок севернее электростанции.

Левее нас наступала 136-я дивизия генерала Н. П. Симоняка. Переправившись на левый берег Невы, симоняковцы вели бои уже в глубине обороны противника. У меня созрело решение перенести на левый берег, на отвоеванный плацдарм, свой НП. Для рекогносцировки и организации связи туда была послана группа офицеров во главе с одним из офицеров штаба дивизии капитаном А. И. Казанцевым.

В 5 часов утра 13 января я перенес свой НП на левый берег. Отсюда хорошо просматривалось поле боя, в бывшей вражеской землянке можно было обогреться и отдохнуть не хуже, чем в обжитом доме. Однако особенно греться не приходилось: бо́льшую часть дня я проводил у стереотрубы, наблюдая за поведением противника, действиями наших частей и подразделений.

В 8 часов 30 минут позвонил Л. А. Говоров и потребовал доложить результаты ночных действий. За ночь дивизия овладела развилкой железных дорог, песчаными

карьерами и юго-западной частью рощи «Мак». Окружить противника в 8-й ГЭС не удалось.

— Ваше решение? — спросил командующий.

Я ответил, что в 9 часов перехожу в наступление.

— Хорошо, выполняйте! — коротко приказал Говоров.

Почувствовав, что на этом разговор может оборваться, я поспешил добавить, что противник усилил сопротивление и в течение ночи сосредоточивал свои резервы в районе лесов юго-западнее Синявинских болот. По-видимому, он готовился нанести удар по правому флангу дивизии.

Командующий приказал форсировать наступление для соединения с частями Волховского фронта.

— А за фланги должен беспокоиться старший начальник, — заключил Говоров и повесил трубку.

Признаться, я очень огорчился тогда. Кто-кто, а уж Л. А. Говоров великолепно понимает, что, не имея в резерве ни одного батальона, командир наступающей дивизии рискует очень многим...

Только после завершения боев на левобережье Невы, спокойно анализируя ход наступления, я понял, что у командующего фронтом, опытного полководца, был свой план действий, в котором нашей дивизии отводилась роль не только тарана, но и щита, прикрывавшего главные силы 67-й армии. Очевидно, по замыслу Говорова, мы должны были обеспечить продвижение наших соседей и принять на себя удар неприятеля, если тот вздумал бы перейти в контратаку.

Но в ту минуту, когда командующий оборвал наш телефонный разговор, я чертовски ругал себя, что не сумел убедить его в том, что мне до зарезу нужны резервы. Иные из нас склонны были принимать сдержанность командующего, его немногословие за сухость и даже излишнюю суровость. Откровенно говоря, я и сам подчас судил о нем так, но потом понял, что он, много лет своей жизни отдавший изучению военного дела, видимо, долго вырабатывал в своем характере эти качества. И сама угрюмость Говорова свидетельствовала о том, сколь нелегко бывало у него на душе, когда приходилось идти на значительные жертвы, чтобы вырвать у врага победу.

Утром 13 января после сильной артподготовки противник бросил на нас свою 96-ю пехотную дивизию. Удар пришелся по правому флангу. Со стороны Синявина вражеское командование вводило в бой все новые и новые подразделения, в том числе танки и артиллерию сопро-

вождения. Мы же совсем не имели танков, а из артиллерии на плацдарм были переправлены только полковые орудия.

В 11 часов утра я подробно доложил обстановку генералу М. П. Духанову. Командарм приказал ни в коем случае не допустить, чтобы фашисты снова вышли к Неве, принять все меры, чтобы наши главные силы могли продолжать наступление.

Шесть часов отражали мы не прекращавшиеся ни на минуту контратаки немецких танков и пехоты. Я уже ввел в бой все вторые эшелоны полков. И хотя Козино, Клюканов и Важенин свои доклады по рации неизменно кончали просьбами о подкреплениях, помочь им было нечем.

В полдень 13 января мне доложили о гибели старшего лейтенанта Сергея Георгиевича Зуйкова, того самого комбата, который так хорошо действовал на учениях и полюбился маршалу К. Е. Ворошилову. Батальон Зуйкова, прокладывая путь 942-му стрелковому полку, ни разу не дрогнул, ни разу не отступил. По рации старший лейтенант то и дело сообщал число уничтоженных дзотов, взятых в плен гитлеровцев.

Узнав о гибели комбата, я приказал похоронить его с воинскими почестями. Зуйкова долго искали, нашли только под вечер в одной из траншей. Вокруг лежало четырнадцать вражеских трупов, среди них три офицера. Останки героя опознали с трудом: лицо и тело его были изрешечены пулями, глаза выколоты, руки выломаны...

Боевую задачу батальон Зуйкова выполнил с честью. Мы не знаем во всех деталях, как протекал неравный поединок советского офицера с окружившей его группой гитлеровцев, но, судя по всему, жизнь комбата дорого обошлась врагу.

В полку Клюканова, занимавшем развилку железной дороги вблизи 8-й ГЭС, в батальонах осталось не больше трети бойцов. Командир батальона капитан Синяков бился до последнего патрона. Командир другого батальона старший лейтенант Кукареко шесть раз водил своих бойцов в контратаки, лично поджег один немецкий танк. Тяжело раненный, он успел подняться, дать последнюю команду: «Гранаты к бою» — и упал, насмерть срезанный автоматной очередью.

Командование батальоном принял на себя старший политрук Сальников. Три танка были подбиты перед по-

зициями батальона. Передняя траншея по нескольку раз переходила из рук в руки. Старший политрук Сальников был смертельно ранен. Но он еще нашел в себе силы схватить за горло бросившегося на него фашиста. Таким, с плотно сжатыми пальцами на посиневшем горле врага, его и нашли на поле боя.

Когда пошел уже седьмой час непрерывных контратак противника, капитан Казанцев и мой адъютант Н. И. Руденко доложили, что видят танки.

Вместе с полковниками Игнатовым и Ходаковским мы старались угадать, чьи же это танки. Но рассмотреть ничего не могли, хотя ясно видели сидящую на броне пехоту в белых маскировочных халатах. Вдруг чуть левее нас со свистом пролетел снаряд и разорвался недалеко от землянки. Мы пригнулись в траншее. Теперь уже гадать было нечего: танки немецкие...

Я приказал полковнику Ходаковскому немедленно открыть артиллерийский огонь. Метрах в ста от нас занимал позиции противотанковый дивизион капитана Н. И. Родионова. Ему я приказал бить по танкам прямой наводкой.

Все, кто был на НП, вооружились гранатами. Танки, их было не менее тридцати, находились от нас уже в 400 метрах.

Не буду описывать всех подробностей этого боя. Скажу лишь, что один танк провалился прямо в нашу траншею и взорвался, подбитый артиллеристами, метрах в 30 от огневых позиций батареи старшего лейтенанта Чернышева, а вражеские автоматчики не дошли до НП каких-нибудь 100 метров. Три с половиной часа дивизион Н. И. Родионова и сильно поредевшие батальоны клюкановского полка отражали немецкие атаки. Артиллеристы капитана Родионова в упор расстреливали фашистские танки. Многие выбыли из строя, но пушки продолжали уничтожать танки и автоматчиков. Раненые не покидали орудий.

В 20 часов мне удалось наладить связь по рации с Клюкановым. Он доложил, что батальон, которым командовали старший лейтенант Кукареко и старший политрук Сальников, почти весь погиб. Пехотинцы подбили 24 танка. Те тридцать, которые прорвались к НП, уже некому было остановить.

Поздно вечером мы осмотрели огневые позиции противотанкового истребительного дивизиона капитана Н. И.

Родионова. Десять бойцов, командир батареи Чернышев и командир дивизиона Родионов были убиты. Одни лежали на разбитых лафетах, другие — недалеко от орудий. Метрах в двухстах догорали 11 подбитых ими танков, двенадцатый чадил возле огневых позиций наших артиллеристов.

В 21.00 я доложил командарму, что, хотя в ходе боя полки дивизии были вынуждены отойти на полтора-два километра, все контратаки противника отбиты.

К вечеру 14 января мы узнали, что войска Ленинградского и Волховского фронтов разделяют всего два километра. Не скрою, нам очень хотелось быть среди тех, кому вскоре предстояло соединиться с волховчанами, и я по-хорошему завидовал генералу Симоняку, утешая себя тем, что мы надежно прикрыли его правый фланг, обеспечив продвижение 136-й дивизии.

Да, оставалась узкая полоса земли, коридор шириной в два километра. Но яростные бои за эти два километра продолжались несколько суток подряд. Гитлеровские генералы предпринимали отчаянные попытки выйти во фланг наступающей группировке нашей армии. Зная, что полки нашей 268-й дивизии по числу уцелевших штыков можно было считать батальонами и даже ротами, противник стремился прорваться именно на нашем участке, сбросить нас в Неву. Шесть дней бойцы Козино, Клюканова и Важенина не выходили из пекла, находясь под непрерывным обстрелом артиллерии врага. Введенные в бой командармом Духановым свежие силы окончательно решили исход жестокой борьбы. 18 января 67-я армия Ленинградского фронта и 2-я ударная армия Волховского фронта сделали последние броски навстречу друг другу. Гитлеровцы отступали, бросая оружие. На левобережном плацдарме Невы, южнее Ладожского озера, смолкла канонада.

Наступила непривычная тишина.

Один из офицеров нашего штаба — не помню, кто именно, — вернулся с передовой с радостным возгласом:

— Симоняк целуется с волховчанами!..

Значит, блокада прорвана, войска двух фронтов соединились, бойцы и командиры передовых частей и подразделений сейчас обнимают друг друга. Я представил себе эту картину, и на душе стало легко.

П. Я. Егоров

генерал-майор, во время прорыва блокады помощник начальника оперативного отдела штаба Волховского фронта

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Впервые я увидел К. А. Мерецкова в марте сорок второго года во время проведения Любанской операции. Наш 1100-й полк 327-й стрелковой дивизии только что в районе Красной Горки отбил очередную контратаку противника, и на какое-то неопределенное время установилась относительная тишина. Дело было под вечер. Шел снег.

Около командного пункта полка появились два генерала. Они начали беседовать с комдивом полковником И. М. Антюфеевым. Одного я хорошо знал. Это был командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Н. К. Клыков. Вторым оказался комфронта генерал армии К. А. Мерецков.

Я внимательно прислушивался к беседе. Мерецков расспрашивал о многом: как организовано питание бойцов и командиров, обеспечены ли они теплой одеждой, давно ли были в бане, почему замедлилось продвижение подразделений? Услышав, что не хватает снарядов и поэтому нельзя вести эффективной борьбы с огневыми средствами противника, комфронта строго посмотрел на генерала Н. К. Клыкова.

— Товарищ командующий, — сразу же заговорил командарм, — я вам уже не раз докладывал о недостатке транспорта...

— А у меня, товарищ Клыков, пока я ехал сюда, сложилось другое мнение. Дело не в том, что машин маловато. На дорогах колоссальные «пробки», люди из дорожных частей и частей обслуживания часами болтаются без дела. Поверьте мне, увеличение транспортного парка при

такой неразберихе не улучшит положения. Еще больше появится «пробок». Надо немедленно навести порядок на дорогах, организовать бесперебойную доставку на передовые позиции всего необходимого.

...Прошло около полугода после этой встречи. Меня перевели из полка в штаб фронта на должность помощника начальника оперативного отдела. Теперь мне нередко приходилось видеть Кирилла Афанасьевича, слышать рассказы о нем, выезжать с ним в войска. Месяц от месяца все больше накапливалось впечатлений, позволяющих понять и самобытный характер и яркий талант этого советского полководца.

В конце сорок второго года штаб фронта приступил к подготовке операции по прорыву блокады Ленинграда. Передовой командный пункт фронта переместился в район предполагаемого направления главного удара и находился недалеко от населенного пункта Горки (западнее Войбокало). Для офицеров штаба и всех больших и малых начальников управления фронта наступили горячие дни. Особенно был занят командующий. Правда, в помощь ему Ставка назначила генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского, хорошо знавшего здешний театр военных действий. Но дел хватало обоим. К. А. Мерецков много времени находился в войсках. Возвращаясь на командный пункт, тоже ни минуты не сидел сложа руки. Создание ударной группировки, подготовка исходного плацдарма для наступления, организация взаимодействия с войсками Ленинградского фронта, боевая учеба войск и обеспечение их оружием, техникой — все это было очень важно для исхода предстоящей операции и потому кровно интересовало командующего фронтом. Он не собирался ни на кого перекладывать ответственность за подготовку операции — ни на своего заместителя, ни на командарма.

С наступлением холодов К. А. Мерецков поручил начальнику оперативного отдела фронта генералу В. Я. Семенову и начальнику инженерных войск генералу А. Ф. Хренову организовать опытные учения, проверить на них, насколько проходимы торфяные болота в зимнее время, можно ли использовать здесь при наступлении танки и тяжелую артиллерию. Командующий лично выезжал в район учений, беседовал с командирами, политработниками и бойцами, уточнял отдельные детали. Мы догадывались, что это было связано с окончательным

принятием решения. И не ошиблись. Главный удар во время операции по прорыву блокады наши войска наносили через болотистый район Синявинских торфоразработок.

Результаты учений подтвердили возможность этого. По снежной целине, при морозе 15—20 градусов, болота становятся проходимыми для пехоты с легкими средствами усиления, а по дорогам, усиленным подручными материалами, может двигаться и тяжелая техника, в том числе артиллерия и танки.

Впоследствии, выступая на военно-научной конференции, К. А. Мерецков говорил:

— Военный совет фронта в полной мере сознавал, что избранное нами направление главного удара являлось чрезвычайно тяжелым с точки зрения проходимости местности и маневрирования войсками. К тому же оно было сильно укреплено и плотно заполнено живой силой и огневыми средствами противника. Все же мы остановили свой выбор именно на этом направлении, так как здесь в известной мере достигалась внезапность, создавались реальные условия для тесного взаимодействия двух фронтов — Волховского и Ленинградского. И наконец, это направление позволяло решить задачу прорыва одним коротким ударом, не опасаясь длительных затяжных боев.

Замысел операции, сформулированный командующим фронтом, был исключительно прост и предельно ясен: ударной группировкой взломать вражескую оборону на участке Липки — Гайтолово, уничтожить противника в восточной части шлиссельбургско-синявинского выступа.

— С запада, насколько мне известно, будет наступать Шестьдесят седьмая армия Ленинградского фронта, — говорил К. А. Мерецков. — Нашу ударную группировку составит Вторая ударная армия. Совместными усилиями мы, безусловно, прорвем вражескую блокаду.

— Вторая ударная в сентябре наступала на Синявино, и безуспешно, — напомнил член Военного совета фронта Л. З. Мехлис. — Это не отразится на ее моральнобоевых качествах?

— Не думаю. Скорее наоборот. Обладая опытом наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности и имея такую благородную и возвышенную цель, какой является прорыв блокады Ленинграда, войска будут драться мужественно и с большим подъемом. Впрочем, это во многом будет зависеть от нас с вами,

в частности и от постановки партийно-политической работы в армии. Но к этому вопросу мы еще вернемся. Что касается состава войск ударной группировки, то в нее войдут не только наши старые дивизии, что, безусловно, очень важно, но также и соединения, которые поступят из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

Внимательно выслушав предложения начальника штаба, командующих и начальников родов войск, Мерецков пришел к выводу, что наибольшее количество войск и техники во 2-й ударной армии надо иметь на левом фланге, откуда и нанести мощный удар по важнейшему узлу сопротивления противника в районе Синявино. Кроме того, планировался и вспомогательный удар, чтобы прикрыть наступающую группировку с юга. Эта задача возлагалась на 8-ю армию.

— Следующий вопрос, — продолжал Мерецков, — организация сосредоточения и перегруппировки войск. В Синявинской операции мы справились с этим делом довольно успешно. До последних дней противник так и не знал, что против него готовится наступление. Надо использовать прошлый опыт. В плане маскировки необходимо предусмотреть ложное сосредоточение войск фронта на новгородском направлении.

Исключительно важное значение Мерецков придавал практической подготовке войск к наступательным действиям. В соединениях проводили занятия, учения, на которых отрабатывались методы и приемы боя в условиях лесисто-болотистой местности. Для командного состава были организованы специальные учебные центры.

В тылу, на позициях, созданных наподобие вражеских, стрелковые роты и батальоны учились штурмовать их, не отставать от огневого вала, закреплять захваченные позиции, отражать контратаки противника.

Одновременно на учебных центрах фронта и армий шли одни сборы за другими. Учились командиры рот, батальонов, начальники родов войск и начальники штабов, совершенствовали свое искусство вождения войск командиры дивизий.

К. А. Мерецков часто выступал на разборах учений, наставлял командно-начальствующий состав во время сборов. Мне неоднократно приходилось слушать К. А. Мерецкова, вести запись его выступлений. Он старался, чтобы командиры всех родов войск усвоили все то новое, что давал опыт войны.

— Очень важно, товарищи, чтобы ценные достижения одних частей или соединений как можно быстрее становились достоянием других, — неоднократно повторял командующий.

Говорил Кирилл Афанасьевич энергично, образно, доходчиво. Его речь изобиловала яркими примерами и сопоставлениями, понятными в равной степени и командиру дивизии и рядовому бойцу.

Так, выступая на сборах командиров стрелковых рот, Мерецков подчеркнул:

— У нас до сих пор считается проявлением храбрости, когда командир, выбежав вперед с криком: «За мной!» — увлекает бойцов. Слов нет, это мужественный поступок. Но прибегать к нему надо в исключительных случаях, когда нет другого выхода. Такое руководство боем нередко приводит лишь к напрасным потерям. Командир роты должен быть там, где ему удобно управлять своим подразделением, приданными средствами усиления. Помогать командиру роты в управлении боем должны толковые связные, хорошо понимающие задачу подразделения. А мы в ячейку управления часто подбираем неподготовленных бойцов. Это большая ошибка.

В другой раз, выступая на разборе дивизионных учений, Кирилл Афанасьевич говорил:

— Все мы не любим авиацию противника. И часто можно слышать обиды: немцы бомбят, а наших истребителей не видно. Почему это порой происходит? По вашей же вине. В горячке боя вы, товарищи. командиры, часто плохо обозначаете свой передний край, фланги рот и батальонов, а то и вовсе забываете об этом. Как же летчики могут определить, где свои, а где чужие? Какой напрашивается вывод? Надо выделять специальных бойцов, которые бы и днем и ночью обозначали расположение наших войск на местности полотнищами или другими сигналами.

До сих пор, — продолжал Мерецков, — мы не научились ориентироваться в лесу. На уточнение положения тратятся часы, а порою и сутки. За это время противник успевает укрепиться, подтянуть резервы. Сейчас мы имеем мощные средства подавления и уничтожения врага, но часто не можем применить их, так как бывает трудно разобраться, куда давать огонь. Попробуйте отыскать пулемет, находящийся «на перекрещивании горизонтали с пунктирной дорогой, что у развилки трех просек». К со-

жалению, некоторые командиры стрелковых подразделений, обращаясь к артиллеристам за поддержкой, именно так и дают целеуказание.

Требования К. А. Мерецкова всегда были предельно ясны, лаконичны и хорошо воспринимались теми, кто его слушал.

Следует заметить, Кирилл Афанасьевич был искусным тактиком, опытным организатором боевой подготовки войск. Пришел он к этому мастерству через длительную работу в штабах. Перечень штабных должностей в его послужном списке занимает довольно большое место в общем сроке военной службы. Около двадцати лет он отдал этому трудному, но благородному делу, пройдя все ступени служебной лестницы от начальника штаба небольшого красногвардейского отряда до начальника Генерального штаба Красной Армии.

Командиры и начальники всех родов, служившие под началом Мерецкова, внимательно прислушивались к его советам и при первой возможности благодарили за науку, писали трогательные письма.

Приведем здесь отрывки из письма командира 24-й гвардейской дивизии генерал-майора П. К. Кошевого (ныне Маршала Советского Союза). Он написал его перед отъездом с Волховского на другой фронт.

«Уезжая, — писал Кошевой, — считаю своим долгом высказать Вам, товарищ генерал армии, как своему первому командиру, так и командующему фронтом, в составе которого я воевал 11 месяцев, свои мысли и чувства.

...Я ехал на фронт под впечатлением рассказов об отходах, окружениях, проигранных боях. Но никто не говорил мне, как бить немцев...

Ваш разговор со мной в Больших Дворах о том, что делается на участке армии, а главное — о том, как нужно воевать, как бить немцев, для меня был школой. То, что я искал, нашел. Вы мне не говорили об отступлении и окружении. Наоборот, вы говорили, как заставить противника двинуться вспять.

...Тихвин, Крапивино, Грузино, Западный берег р. Волхов, ст. Тигода, Мясной Бор, оз. Синявинское — вот мой путь боевых дел на Волховском фронте.

...Уезжая, пишу откровенно и правду. Вы меня научили воевать и бить немцев. Спасибо Вам за это...» [1]

---

[1] Архив МО СССР, ф. 204, оп. 1431, д. 147, л. 53.

Это письмо я обнаружил в архиве Министерства обороны. И когда напомнил о нем Мерецкову, Кирилл Афанасьевич, помедлив, произнес:

— Боевой был командир. Шестьдесят пятая стрелковая дивизия, которой он командовал, сыграла решающую роль в разгроме вражеской группировки под Тихвином. Воевал и потом хорошо.

— Почему же вы его отпустили?

— По указанию Ставки Верховного Главнокомандования от нас ушли под Сталинград четвертый и шестой гвардейские стрелковые корпуса, принимавшие участие в Синявинской операции. Так что уезжал он не один, а вместе со своей двадцать четвертой гвардейской дивизией.

Кирилл Афанасьевич встал, прошелся по кабинету и, уже садясь за стол, заметил:

— Кстати, уход этих корпусов на другой фронт здорово ввел противника в заблуждение. Вражеское командование решило, что русские надолго отказались от проведения активных действий в районе шлиссельбургско-синявинского выступа. Мы старались не нарушать возникшего у противника спокойствия и в то же время широким фронтом вели подготовку к прорыву блокады. Новые дивизии и дополнительные средства усиления, прибывавшие вместо ушедших корпусов, оставались в глубоком тылу до самого начала операции.

Обычно все начальники со временем привыкают к своим помощникам и подчиненным, и когда приходится расставаться, то делают это с сожалением. Мерецков не был исключением. Он быстро сходился с людьми, а затем, если они оказывались достойными, старался удержать их около себя как можно дольше. Так, например, принимавшие участие в прорыве блокады командующий артиллерией фронта генерал Г. Е. Дегтярев, начальник инженерных войск генерал А. Ф. Хренов, командующий бронетанковыми войсками генерал И. В. Кононов, начальник оперативного отдела генерал В. Я. Семенов, начальник войск связи генерал Д. М. Добыкин и многие другие генералы и офицеры прошли с ним до конца войны, а некоторые работали и в послевоенный период.

К моменту планирования и подготовки операции по прорыву блокады Ленинграда сменился начальник штаба фронта. Вместо генерал-майора Г. Д. Стельмаха, отозванного в Москву, прибыл генерал-лейтенант М. Н. Шарохин.

— Встретил меня командующий, — вспоминает Шарохин, — очень тепло. Познакомил с положением дел на фронте, коротко рассказал о недавно закончившейся Синявинской операции и о предстоящих планах. Рекомендовал съездить в Восьмую и в Пятьдесят четвертую армии и на месте познакомиться с войсками, а затем уже приниматься за работу.

В свою очередь Мерецков также хорошо отзывался о Шарохине.

— С ним я встречался в Генеральном штабе, — рассказывал Кирилл Афанасьевич. — В свое время мы там оба работали. Это был знающий штабную службу генерал, с несколько суховатыми, но приятными чертами лица. Он быстро вошел в курс дела и взял в свои руки планирование и подготовку операции по прорыву блокады. Большую помощь оказывал мне и в ходе наступления. И когда, через девять месяцев, Шарохин получил новое назначение, мне было тяжело с ним расставаться, точно так же, как и с его предшественником — генералом Стельмахом.

За несколько недель до начала прорыва произошли изменения и в руководстве 2-й ударной армии. На должность командующего армией вместо генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова, который часто и подолгу болел, прибыл генерал-лейтенант В. З. Романовский.

Владимира Захаровича Мерецков встречал перед войной в Белоруссии. И хотя эти встречи были непродолжительными, у него сложилось о нем самое положительное представление.

— Генерал Романовский был достаточно энергичен, имел твердый характер и обладал солидным опытом вождения войск. Поэтому никаких возражений против назначения его на должность командарма Второй ударной у меня не было.

Делясь впечатлениями о своем назначении командармом, В. З. Романовский рассказывал:

— Встретились мы с Кириллом Афанасьевичем в Ставке рано утром 2 декабря 1942 года, когда я был вызван для получения назначения, а он приезжал с планом операции.

«Откуда прибыли, где воевали?» — спросил меня Мерецков.

«На Северо-Западном фронте, командовал Первой ударной армией».

«На Северо-Западном, — машинально повторил Кирилл Афанасьевич, — это хорошо. Значит, знакомы и с лесами и с болотами. Там, где вам придется действовать, местность во многом напоминает Северо-Западный фронт. Те же леса, болота, то же бездорожье. Есть, конечно, и особенности. Впрочем, когда приедете, сами увидите».

Когда Мерецков и Романовский прибыли из Москвы на Волховский фронт, Кирилл Афанасьевич долго беседовал с командармом. Он дал развернутую характеристику частям и соединениям, входящим в состав 2-й ударной армии, указал на некоторые достоинства и слабые стороны их командиров, а также подсказал, какие дивизии поставить в первом эшелоне, какие во втором.

Затем Кирилл Афанасьевич посоветовал зайти к начальнику штаба генералу Шарохину и познакомиться с планом боевой подготовки войск.

— Да вот еще что, — уже прощаясь, произнес командующий, — обязательно повидайтесь с начальником инженерных войск Аркадием Федоровичем Хреновым. По его предложению созданы прекрасные учебные поля. Кроме того, он принимал активное участие в разработке «Инструкции по организации наступления и прорыва обороны противника». Одним словом, вам будет очень полезно поговорить с ним.

Накануне перехода войск 2-й ударной армии в наступление членом Военного совета был назначен генерал-майор А. А. Кузнецов. Кирилл Афанасьевич знал Кузнецова как секретаря Ленинградского горкома партии и приветствовал это назначение.

Приближался новый, 1943 год. С юга приходили радостные вести. Советские войска добивали вражеские армии, окруженные под Сталинградом.

— Недалек и наш час, — сказал Мерецков начальнику штаба, который докладывал ему о ходе подготовки операции.

Вошел офицер для особых поручений С. А. Панов и положил на стол небольшой пакет, присланный из Сибири. В приложенном к нему письме жители Ипподромского района Новосибирска, поздравляя Кирилла Афанасьевича с Новым годом, писали:

«Только сыны нашей Отчизны, верные своему народу, идущие в бой с презрением к смерти, только такие, как вы, выросшие на прекрасной советской ниве, под солнцем

социализма, способны одержать окончательную победу над коварным и ненавистным врагом.

Нет слов, которыми мы могли бы выразить полностью свои чувства, вызванные мужеством и геройством, проявленным вами при защите первого в мире социалистического государства» [1].

Развернув пакет, Кирилл Афанасьевич был приятно удивлен. На подушечке из темно-синего бархата лежали золотые часы.

— Какой я герой, — сказал Мерецков. — Герои — это солдаты и офицеры наших славных дивизий, вставших грудью на защиту Ленинграда.

Кирилл Афанасьевич сразу же написал ответ, сердечно поблагодарил сибиряков за письмо и подарок.

Наступил январь. Подготовка операции завершалась. Проводились смотровые учения, свертывались занятия на сборах, и командиры разъезжались по своим соединениям и частям. В ротах, батальонах и батареях проходили партийные и комсомольские собрания. Лучшие воины, отличившиеся в предыдущих боях и показавшие хорошие успехи в учебе, вступали в партию.

10 января на командный пункт фронта прибыли представители Ставки — генерал армии Георгий Константинович Жуков и маршал Климент Ефремович Ворошилов. К. А. Мерецков доложил им о ходе подготовки наступления, а затем ознакомил с окончательно отработанным планом операции.

Мы, офицеры штаба, не знали точного времени начала наступления, но по всему ходу событий чувствовали, что оно не за горами. Когда же стрелковые войска вышли из районов сосредоточения и заняли исходные позиции, необходимость строить догадки отпала сама по себе. До начала операции оставались считанные часы.

Находясь в канун наступления в 256-й стрелковой дивизии полковника Ф. К. Фетисова, я увидел командующего фронтом недалеко от передовой. Кирилл Афанасьевич шел вместе с командиром дивизии и что-то ему объяснял.

Затем они свернули в расположение 3-го стрелкового батальона 930-го полка, которым командовал еще совсем молодой капитан Д. П. Колышкин. Батальон готовился к наступлению. Командиры стрелковых рот совместно

---

[1] Архив МО СССР, ф. 214, оп. 1431, д. 147, лл. 67—68.

с командирами артиллерийских и танковых подразделений изучали фотопанорамы оборонительных позиций противника. Бойцы проверяли оружие, писали письма. В другом месте перед одним из подразделений батальона выступал заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант Н. И. Дунаев. Он зачитывал бойцам письмо к трудящимся Ленинграда.

Мерецков невольно остановился. А старший лейтенант Дунаев взволнованно продолжал:

«...Мы будем идти вперед и только вперед. Среди нас не будет трусов и малодушных. Мы будем равняться по вашей доблести и мужеству, дорогие ленинградцы. Другого пути у нас нет. Смерть или победа! Мы клянемся тебе, Ленинград: только победа!»

К. А. Мерецков, пожелав ратных успехов воинам батальона, направился в штаб 2-й ударной армии.

Генерал Романовский доложил о готовности армии к наступлению и угостил командующего фронтом горячим чаем, который был как нельзя более кстати: сидя в машине, Кирилл Афанасьевич изрядно продрог.

За стаканом чая они вновь «прошлись» по карте шлиссельбургско-синявинского выступа. Она была густо испещрена синими условными знаками, обозначающими опорные пункты врага, огневые позиции его артиллерии и минометов.

— Сильно укрепился противник, — заметил Романовский...

— Да, сломить его будет нелегко, — согласился Мерецков.

В «карьере», куда Кирилл Афанасьевич вернулся поздно вечером, его ждали заместитель командующего фронтом генерал И. И. Федюнинский, начальник штаба генерал Шарохин. Они доложили о положении дел на фронте, ознакомили командующего с информацией, полученной из Ленинграда. Там также все было подготовлено к началу операции.

Мерецков еще долго не отпускал Шарохина. Несмотря на усталость, ему спать не хотелось. Настроение было приподнятое, радостное и в то же время довольно тревожное.

Наступило утро 12 января 1943 года. Едва первые лучи солнца, прорезав морозную пелену белесоватого тумана, осветили верхушки еловой поросли перед вагоном командующего, как зазвонил телефон.

— Артиллерия к открытию огня готова, — доложил генерал Дегтярев.

Мерецков взглянул на часы. Стрелка приближалась к 9.30.

— Начинайте, Георгий Ермолаевич, — сказал он и повесил трубку.

Медленно тянулись последние минуты. Но вот раздался далекий грохот, похожий на бесконечный раскатистый гром. Он все нарастал и нарастал.

Еще продолжалась артиллерийская подготовка, когда К. А. Мерецков появился на наблюдательном пункте генерала В. З. Романовского.

— Последний огневой налет, — доложил Романовский.

— Каковы результаты?

— По сообщениям командиров дивизий, все укрепления, находящиеся в поле зрения наземных наблюдателей, разрушены, огневая система подавлена.

Но вот канонада оборвалась, через миг возобновилась снова, но звуки разрывов стали дальше, глуше. Над головами пронеслись наши штурмовики, и тут же долетел частый стук пулеметов и орудий прямой наводки.

Наступление началось организованно, но беспокойство не прошло. Командующего фронтом особенно волновал вопрос: удастся ли нашим войскам быстро овладеть рощей «Круглая» — важным опорным узлом обороны противника. Наступала на эту рощу 327-я стрелковая дивизия, одна из самых боевых дивизий 2-й ударной армии. Она прибыла на Волховский фронт в конце декабря 1941 года, участвовала в Любанской, а затем и Синявинской операциях. Во всех боях проявляла стойкость и упорство в достижении победы. Конечно, ее состав далеко не тот, с которым она прибыла на фронт. На место раненных и погибших в боях солдат и командиров пришли новые, новым был и командир дивизии полковник Н. А. Поляков. Но все они, и солдаты, и командиры, в своем большинстве хорошо подготовились к наступательным боям. На направлении действий дивизии сосредоточено огромное количество артиллерии — около 350 орудий.

К. А. Мерецков внимательно следил за развитием наступления. Он то и дело связывался с командующим артиллерией фронта генералом Г. Е. Дегтяревым, командующим 14-й воздушной армией генералом И. П. Журавлевым, звонил командирам дивизий. Первые сведения

говорили об успешном продвижении наших войск почти на всем участке наступления.

Вечером командир 327-й дивизии полковник Н. А. Поляков доложил, что вражеский опорный пункт в роще «Круглая» перешел в руки наших войск, а обороняющий его 366-й полк 227-й пехотной дивизии полностью разгромлен.

Кирилл Афанасьевич встал, прошелся по блиндажу и, остановившись у стола, произнес:

— Захват рощи «Круглая» — большой успех. В ходе Синявинской операции нам ее так и не удалось взять. И это явилось одной из причин неуспеха. Именно роща «Круглая» была тем пунктом, откуда противник нанес контрудар и вынудил нас отвести войска на исходные позиции. Теперь она в наших руках.

Он тут же посоветовал генералу В. З. Романовскому поблагодарить личный состав 327-й стрелковой дивизии за мужественные и отважные действия, а саму дивизию представить к преобразованию в гвардейскую.

Через некоторое время 327-й стрелковой дивизии было присвоено наименование 64-й гвардейской. Это почетное и заслуженное наименование она с честью носила до конца войны, проявляя и в последующих боях стойкость и решительность.

Анализируя итоги первого дня операции, Мерецков пришел к выводу, что захват рощи «Круглая» и прорыв на отдельных участках первой позиции обороны противника при одновременном блокировании Рабочего поселка № 8 облегчают дальнейшее развертывание операции.

— Надо полагать, что противник не смирится с потерей рощи «Круглая», — продолжал развивать мысль Мерецков, — и уже ночью бросит в бой имеющиеся под руками резервы и попытается вернуть этот опорный пункт. Мы же должны в свою очередь не только удержать рощу «Круглая», но в соответствии с планом операции нанести отсюда удар по Синявинскому узлу сопротивления. В связи с этим уже с утра тринадцатого января необходимо приступить к наращиванию сил на участках наибольшего продвижения войск первого эшелона и ввести в бой одну дивизию в направлении Рабочего поселка номер пять и одну — южнее рощи «Круглая».

— Я полагаю, что настала необходимость ввести в бой также и двенадцатую лыжную бригаду через Ладожское озеро, в обход деревни Липки и Рабочего поселка номер

один, — внес предложение Романовский. — Противник в этих пунктах настолько прочно укрепился, что сломить его сопротивление только наступлением с фронта не представляется возможным.

— Не возражаю, — согласился Мерецков. — Кстати, потребуйте от командиров дивизий смелее осуществлять маневр силами и средствами на поле боя. Из донесений видно, что некоторые командиры дивизий вместо того, чтобы обходить укрепленные населенные пункты, растрачивают свои вторые эшелоны на атаку в лоб.

Ломая оборону врага, войска 2-й ударной армии шли навстречу ленинградцам. К исходу 14 января 18-я стрелковая дивизия приблизилась к Рабочему поселку № 5, к которому с запада подходила 136-я дивизия Ленинградского фронта.

Вечером Кирилл Афанасьевич, усталый, вернулся на передовой командный пункт фронта. Поздоровавшись с командующими родами войск и офицерами штаба, он сказал:

— Надо обсудить создавшееся положение и прикинуть, что будем делать дальше.

Заслушав доклады начальников оперативного отдела, разведки, командующих родами войск, Кирилл Афанасьевич взглянул на карту. Красные линии, показывающие продвижение частей Волховского и Ленинградского фронтов за минувший день, значительно сблизились.

— Предстоит еще упорная борьба, — подытожил разговор комфронта. — Противник пытается добиться равновесия в силах. Надо помешать ему в этом и вместе с тем продолжать наращивать удар. Считаю целесообразным передать Романовскому из резерва фронта двести тридцать девятую стрелковую дивизию. Одновременно потребовать от командарма Второй ударной увеличить огневое давление на вражеские позиции в районе Рабочего поселка номер пять и активизировать действия левофланговых соединений в направлении Синявина.

Начиная с 15 января напряжение боев еще больше возросло. Противник, не считаясь с потерями, лихорадочно контратаковал, маневрировал резервами, вводил в бой новые части и соединения. Особую настойчивость гитлеровцы проявляли в направлении рощи «Круглая». Мерецков решил побывать в 327-й стрелковой дивизии, которая отбивала контратаки противника. Когда в конце дня он приехал на командный пункт дивизии, на фронте

стояла относительная тишина. Отброшенные на исходные позиции контратакующие части противника, видимо, приводили себя в порядок. Готовилась к ночным боям и дивизия.

— Несмотря на то что мы все контратаки гитлеровцев отражаем с большими для них потерями, — докладывал полковник Н. А. Поляков, — фашисты все лезут и лезут. Три контратаки за день. Есть основание предполагать, что противник будет их продолжать и завтра. Подтвердилась переброска на этот участок сорок третьего пехотного полка первой пехотной дивизии. Сегодня полк в полном составе принимал участие в контратаках. У нас потери незначительные. Дивизия уверенно ведет бой и прочно стоит на достигнутых рубежах.

Пожелав успеха, Кирилл Афанасьевич со спокойной душой направился на передовой командный пункт фронта...

— Восемнадцатого января, как и всегда, — рассказывал мне впоследствии Кирилл Афанасьевич, — я встал очень рано. Наскоро позавтракал и выехал во Вторую ударную армию. Еще в пути до меня долетел мощный гул артиллерийской канонады. Это началась наша артиллерийская подготовка. В штабе армии мне доложили, что на рассвете северная часть шлиссельбургско-синявинской группировки противника пыталась пробиться по коридору к основным силам. В это же время немцы контратаковали со стороны Синявина, стремясь расширить удерживаемый ими коридор и помочь выйти из окружения своим частям, отрезанным в лесах южнее Ладожского озера. Обе атаки были отбиты войсками Ленинградского и Волховского фронтов. Гитлеровцы не продвинулись ни на шаг. Оставив на поле боя около сотни трупов, они вынуждены были отойти на исходные позиции. В девять тридцать пришло первое радостное сообщение. Командир триста семьдесят второй стрелковой дивизии полковник П. И. Радыгин доложил, что первый батальон тысяча двести сорокового полка встретился с подразделениями сто двадцать третьей стрелковой бригады ленинградцев в Рабочем поселке номер один. На место встречи немедленно выехал Романовский, — продолжал свой рассказ Кирилл Афанасьевич. — Я решил поехать в восемнадцатую дивизию, которая вот-вот должна была встретиться с ленинградцами в районе Рабочего поселка номер пять. Дорога в дивизию лежала через Рабочий поселок номер восемь.

Собственно говоря, никакого поселка там не было, существовало лишь название. Всюду развалины немногочисленных каменных построек. Чудом уцелело несколько печных труб. Все было сметено артиллерийским огнем, земля изрыта траншеями, всевозможными укрытиями, блиндажами и ходами сообщения. Триста семьдесят вторая дивизия, которая брала поселок, продвинулась вперед. Здесь же хозяйничали части сто сорок седьмой стрелковой дивизии, недавно прибывшей на Волховский фронт. Командир дивизии генерал-майор Н. А. Москвин доложил о состоянии дивизии, о ее боевом пути. Разговор затянулся... Когда я приехал в Рабочий поселок номер пять, генерал М. Н. Овчинников встретил меня радостным сообщением, что в полдень произошло соединение войск обоих фронтов.

Вспоминая события памятного дня, маршал улыбнулся:

— Победа всегда действует возбуждающе на войска. Но такого проявления чувств я никогда не видел. Люди обнимались, жали руки, поздравляли друг друга, кричали «ура». Их лица светились какой-то особой, волнующей радостью. Не скрою, Егоров, в тот момент мне тоже хотелось закричать «ура». Но я просто поздравил присутствующих командиров с победой и поблагодарил их за умелые и решительные действия.

...Через Рабочий поселок № 5 двигались в сторону Синявина войска. Наступление продолжалось. Воины Волховского фронта, познавшие радость большой и славной победы, теснили врага. Вел их в бой умудренный богатым опытом, до конца преданный партии полководец К. А. Мерецков, всю свою жизнь без остатка посвятивший службе народу.

В. З. Романовский

генерал-лейтенант, во время подготовки и проведения операции по прорыву блокады командующий 2-й ударной армией

ДЕЙСТВУЕТ 2-Я УДАРНАЯ...

В начале декабря сорок второго года я был назначен командующим 2-й ударной армией. В Москве я встретился с генералом армии К. А. Мерецковым. Он приезжал в Ставку, где получил указания о проведении совместно с Ленинградским фронтом операции по прорыву блокады Ленинграда.

Положение Ленинграда было трудным. Приближалась вторая блокадная зима, а с ней и новые тяготы. Чтобы облегчить положение города и защищавших его войск, предпринималась совместная операция двух соседних фронтов.

...В вагоне генерала Мерецкова я прибыл на Волховский фронт. Хотя Кирилл Афанасьевич знал меня раньше, но все же учинил настоящий «экзамен». Командующий фронтом отвел мне землянку, предложил разработать наступательную операцию армии и сказал:

— Сиди здесь и думай... Если тебе потребуется добавочно какой-нибудь справочный материал о местности, по которой армия будет наступать, об обороне противника, о своих войсках, звони мне. Приду и дам нужные справки. По артиллерии звони генералу Дегтяреву. Больше ни к кому не обращайся.

Трое суток я сидел в землянке и разрабатывал операцию. Закончив ее вчерне, главным образом на карте, я по телефону сообщил командующему фронтом:

— Готов к докладу!

Мерецков пришел, выслушал меня, рассмотрел карту с нанесенным на нее решением, затем задал несколько вопросов и в заключение спросил:

— Все улеглось в голове?

— Да, все твердо.

— Вот и хорошо! — И с этими словами Кирилл Афанасьевич взял мое творение, чиркнул спичку и тут же в землянке сжег его, дабы никто не проведал, какая операция готовится.

— Теперь поезжай в армию, — сказал командующий, глядя на пепел от сожженных листов, — составь план занятий с войсками и проведи в каждой дивизии первого эшелона учения. В организации учебных полей тебе поможет фронтовой инженер генерал Хренов. Он знаком с системой и характером обороны противника.

5 декабря сорок второго года я прибыл во 2-ю ударную армию, принял командование ею и занялся подготовкой войск к будущей операции. Для каждой дивизии в тылу была подобрана местность, схожая с той, где предстояло прорывать оборону. Потом эту местность оборудовали такими же инженерными сооружениями, как у противника.

Одним словом, сделали на учебных полях все, с чем дивизии предстояло встретиться в наступлении.

Началось обучение войск на учебных полях. На дневных и ночных занятиях по нескольку раз отрабатывались все детали предстоящих боев. В заключение прошли учения с боевыми стрельбами.

Войска нашей армии должны были, взаимодействуя с ударной группировкой Ленинградского фронта, срезать упиравшийся в Ладогу шлиссельбургско-синявинский выступ немецко-фашистской группировки.

Командование и политотдел армии разъясняли солдатам и офицерам важность стоящих перед войсками общих задач. И люди воспринимали это умом и сердцем, учились преодолевать препятствия, наступать за огневым валом, я бы сказал, с азартом.

Легче было обучать войска, которым уже доводилось воевать в здешних местах. Прибывшей с Карельского фронта 71-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. З. Замировского, не имевшей опыта наступления в таких условиях, пришлось уделять больше внимания. Еще сложнее было готовить войска, которые Ставка перебросила к нам с южных фронтов, как, например, 18-ю дивизию генерал-майора М. Н. Овчинникова. Эти соединения вели в прошлом и оборонительные, и наступательные бои главным образом на равнинной, степной местности. Теперь нужно

было обучить их действиям в совершенно иной обстановке — в лесах, на болотах.

Управление армии, готовя войска, одновременно разрабатывало детальный план операции. К этому был привлечен ограниченный круг лиц. Основная тяжесть работы легла на командующего фронтом, на командарма и членов Военного совета армии А. А. Кузнецова и В. Т. Писклюкова, на начальника штаба П. И. Кокорева, начальника оперативного отдела штаба В. М. Бурмистрова и командующего артиллерией Б. Б. Чарнявского.

На переднем крае стояли войска 8-й армии. Мы бывали в ее частях, но чаще всего там, где не собирались наступать. Только с 25 декабря стали более детально знакомиться с передним краем и местностью в полосе прорыва. В войсках мы представлялись как новые работники штаба фронта. Для чего это делалось, понятно каждому. Чтобы скрыть от противника подготовку к прорыву, были также активизированы разведывательные действия на всем фронте вплоть до Новгорода.

Помню, в двадцатых числах декабря у меня в избе сидели члены Военного совета армии А. А. Кузнецов, В. Т. Писклюков и начальник штаба П. И. Кокорев. Мы обменивались мнениями о виденном в частях и обсуждали задачи на ближайшие дни. Время было позднее. Все вопросы как будто разобрали, наметили план дальнейших действий. Только собрались сесть за стол ужинать, как в избу вошел заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Он глубоко вникал во все детали подготовки к наступлению, дневал и ночевал в частях. Ночное «заседание» пришлось продолжить...

И. И. Федюнинский, обращаясь к А. А. Кузнецову, спросил:

— Строите железную дорогу через Ладогу?

— Работы идут полным ходом.

— Думаю, что их не придется заканчивать. На этот раз мы блокаду обязательно прорвем!

А. А. Кузнецов — член Военного совета Ленинградского фронта и секретарь горкома партии — прибыл в армию недавно. Он должен был помочь нам морально подготовить войска к предстоящему сражению. Алексей Александрович являлся как бы связующим звеном между командованием двух фронтов. С присущей ему кипучей

энергией и настойчивостью он устранял возникавшие порой шероховатости и неувязки.

— Романовский тоже об этом говорит, — ответил Кузнецов. — Да ленинградцы народ осторожный. Верят не словам, а делам...

Замечание Кузнецова вновь напомнило о той огромной ответственности, которая лежала на 2-й ударной армии. Нельзя допустить, чтобы новую операцию постигла судьба предыдущих. Мы можем и должны прорвать блокаду. Боевые успехи советских войск в районе Сталинграда, о которых каждый день сообщало радио, говорили о том, что противник теперь уже не тот, каким был в начале войны. А мы, советские воины, месяц от месяца становимся опытнее, сильнее, воюем по-иному.

Ставка Верховного Главнокомандования придавала операции большое значение и уделяла ей много внимания. 2-я ударная и взаимодействующая с ней 67-я армия Ленинградского фронта получили значительные силы. Главное заключалось теперь в том, чтобы разумно их использовать.

А задача перед нами стояла непростая. Путь войскам преграждали мощные дзоты и торфяные болота, изрезанные глубокими рвами и покрытые дерево-земляными валами. В сентябре сорок второго года в этом районе шли кровопролитные бои. Часть наших танков, вклинившихся в оборону противника, была подбита и сожжена. Гитлеровцы их тоже использовали, превратив в неподвижные огневые точки. От начальника инженерного управления фронта генерала А. Ф. Хренова и разведчиков мы получили подробные данные о расположении этих танков. Они окаймляли Синявинские высоты — подходы, подошву и западные склоны, а также рощу «Круглая». В полосе прорыва армии насчитывалось до 40 таких малоуязвимых даже для артиллерии огневых точек.

Мы не рассчитывали на высокие темпы наступления, а готовились настойчиво и последовательно прогрызать глубоко эшелонированную вражескую оборону. В каждой роте создали штурмовые группы для блокирования и уничтожения бронированных огневых точек. Эти группы взаимодействовали с танками и артиллерией.

Наша армия должна была доложить о готовности к наступлению 1 января сорок третьего года. Мы завершили к этому дню все. Оборудовали исходный плацдарм, подтянули артиллерию.

Пристрелка велась ранее находившимися здесь орудиями, а к ним привязывались подошедшие на усиление новые артиллерийские части.

С командующим 67-й армией Ленинградского фронта генералом М. П. Духановым, войскам которого предстояло наступать нам навстречу, мы договорились о взаимных опознавательных знаках и сигналах, о порядке постоянной связи по радио.

Партийные организации в январские дни могли уже, что называется, в открытую сказать воинам о предстоящей операции по прорыву блокады. Каждый солдат воспринял эту весть с большим воодушевлением. Сотни воинов вступали в Коммунистическую партию. Те, кто не успел подать заявление, готовясь к атаке, говорили: «Я иду в бой за родной город Ленина, поэтому прошу считать меня коммунистом».

Перед наступлением в частях прочитали обращение ленинградских рабочих к воинам Волховского фронта. Это обращение сыграло большую мобилизующую роль. Наши воины давали слово, что избавят ленинградцев от страданий.

* * *

Накануне наступления — 10 января — в армию прибыли представители Ставки К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков, а также командующий фронтом К. А. Мерецков. Уже не помню в который раз я доложил план операции со всеми деталями. Генерал армии Г. К. Жуков заслушал затем доклад одного из комдивов — командира 128-й дивизии генерал-майора Ф. Н. Пархоменко.

2-я ударная армия имела оперативное построение для наступления в три эшелона. В первом эшелоне должны были действовать пять стрелковых дивизий: 128, 372, 256, 327 и 376-я. Им предстояло осуществить наиболее трудную часть операции — взломать вражескую оборону.

Настала последняя ночь перед наступлением. Войска заняли исходные позиции. Меня очень беспокоила высокая плотность наших войск на переднем крае, особенно на левом фланге, где в полосу обороняющейся 314-й дивизии полковника И. М. Алиева выдвинулись еще две дивизии — 327-я и 376-я. В траншеях было полно людей, и если бы противник проведал об этом и организовал

артиллерийскую контрподготовку ночью или на рассвете, он мог бы сорвать наше наступление. Однако ночь прошла относительно спокойно.

Утром началась артиллерийская подготовка. На каждый километр фронта наступления у нас приходилось 137 стволов артиллерии и минометов. Все вокруг гудело. Позиции противника окутал дым.

Пленные вражеские офицеры и солдаты позже признавались: «Мы прошли всю Европу, но такого удара не было нигде. Артиллерия нас оглушила. Мы не в состоянии были вести бой. Даже в дзотах дрожали стены, осыпалась земля. На открытых площадках, в траншеях невозможно было находиться...»

В 11 часов 15 минут 12 января наши войска дружно двинулись в атаку. Разгорелся напряженный бой, на многих участках переходивший в рукопашные схватки.

В первые часы боя части 327-й стрелковой дивизии полковника Н. А. Полякова завязали бой за сильный узел вражеского сопротивления — рощу «Круглая», как ее кодировали на карте. Враг был выбит из первой траншеи, но продолжал упорно сопротивляться в других оборонительных сооружениях. За день дивизия уничтожила оборонявшийся тут 366-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии противника, захватила 16 орудий, 15 пулеметов, 4 радиостанции, больше 1000 снарядов и много других трофеев, разбила 70 долговременных сооружений и уничтожила 2 танка из числа принимавших участие в контратаках.

В роще «Круглая» осталось еще немало прочных дзотов, вооруженных одним-двумя орудиями и двумя-тремя станковыми пулеметами. Они мешали нам продвигаться вперед. Приходилось подтягивать орудия, ставить их на открытую позицию и вести по дзотам огонь прямой наводкой.

Особенно отличился в боях 1100-й стрелковый полк 327-й дивизии, которым командовал майор П. И. Сладких. В первый же день он прорвал главную оборонительную полосу противника и уничтожил 35 дзотов и блиндажей. Эти свои убежища гитлеровцы называли бункерами.

Поздно вечером комдив Поляков доложил: «Части дивизии овладели рощей «Круглая», вышли на ее юго-западную опушку и развивают наступление в западном направлении. В некоторых местах противник сохранил в на-

шем тылу бронированные огневые точки и дзоты, которые ведут непрерывный огонь по наступающим войскам. Специально выделенные отряды в составе тяжелых танков КВ, артиллерии прямой наводки, саперов и автоматчиков ведут блокирование и уничтожение этих огневых точек...»

Я поздравил Полякова с первым значительным успехом и передал благодарность Военного совета армии офицерам и солдатам дивизии. Действовали они доблестно и умело.

До сих пор хорошо помню бойца Егора Константиновича Петрова из 1100-го стрелкового полка. На всю дивизию он славился своей снайперской стрельбой. Недели за две до наступления Петров «переквалифицировался» в пулеметчика. Спрашиваю: почему он, отличный стрелок, истребивший более 100 фашистов, сменил снайперскую винтовку на пулемет? Петров ответил:

— Я — якут-охотник, люблю винтовку. И она меня никогда не подводила ни в тайге, ни на войне. Но винтовка есть винтовка. Один выстрел — убит один фашист. Я хочу делать не один выстрел, а много выстрелов сразу...

Петров с помощью товарищей быстро изучил пулемет и действительно мастерски владел им. На второй день наступления, отражая вражескую контратаку, он скосил своими очередями до 100 гитлеровцев.

— Я ведь говорил: много пуль — много мертвых фашистов! — не без гордости пояснял солдат-якут.

Егор Константинович, человек крупного телосложения, шел в первой цепи атакующих, прокладывая путь стрелкам своим метким огнем. В январских боях его в третий раз ранило, но он не ушел с поля боя, а, превозмогая боль, продолжал отбивать яростную контратаку противника. Фашисты потеснили наше подразделение, и Петров оказался в расположении врага. И здесь он не растерялся — прикинулся мертвым. Когда наши подразделения вновь заставили гитлеровцев отходить, Петров, собрав последние силы, подполз к пулемету и ударил по фашистам...

Так мужественно сражались люди дивизии. За два дня боев они уничтожили более 2 тысяч фашистов и захватили 120 дзотов и бункеров.

О 327-й дивизии, получившей по окончании операции звание гвардейской, Александр Прокофьев написал стихи:

Настал наш час, и в мужестве суровом
Идем, сметая тысячи преград.
Бойцами командира Полякова
Уже гордится славный Ленинград.

Святая месть ведет нас в бой кровавый,
Так победим, товарищи, в бою.
За Ленинград, за город русской славы,
И за Россию — Родину свою!

Правее 327-й наступала 256-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Ф. К. Фетисов. Направление ее главного удара проходило между двумя наиболее мощными узлами сопротивления — рощей «Круглая» и Рабочим поселком № 8 — по равнинной торфяно-болотистой местности. Гитлеровцы соорудили здесь насыпные дерево-торфо-земляные валы. Облитые водой, эти валы на морозе стали ледяными. Было их три. За валами и укрывались вражеские солдаты.

Наша артиллерия разбила эти препятствия, и полки успешно продвигались вперед. Однако уязвимыми оказались открытые фланги дивизии. Полковник Фетисов вынужден был повернуть часть своих сил фронтом к укрепленным пунктам — роще «Круглая» и Рабочему поселку № 8, и темп наступления дивизии замедлился. Отстали танки — торфяник не выдерживал их тяжести. И тут на выручку пришли артиллеристы. Орудия прямой наводкой гасили огневые точки на флангах. Наша авиация по заявкам пехоты бомбила противника в глубине его обороны.

Дерзко и умело сражался в этой дивизии 3-й батальон 930-го стрелкового полка. Еще шла артиллерийская подготовка, а комбат Д. П. Колышкин поднял роты. Как только артиллеристы перенесли огонь вглубь, батальон стремительно ворвался в первую вражескую траншею, а затем и во вторую... Специально выделенный комбатом отряд очищал бункеры от фашистов. Смелый бросок батальона позволил полку быстро выполнить поставленную боевую задачу и облегчил действия соседей. Столь же решительно батальон прорывал потом вторую позицию врага. На своем пути бойцы блокировали, а затем подорвали пять бункеров. Враг пытался контратаками сбить батальон с захваченного им рубежа. Колышкин отразил три контратаки. Он был ранен, но остался в строю. За день батальон истребил более 300 фашистов,

Непосредственно на Рабочий поселок № 8 наступала 372-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. И. Радыгин. Используя выгодное положение поселка, противник превратил его в сильно укрепленный узел сопротивления. Очагами упорной обороны стали здесь каменные дома, насосная станция, построенные фашистами железобетонные и дерево-земляные сооружения.

Полки 372-й дружно атаковали врага, захватили три траншеи, приблизились к центру этого узла, но полностью овладеть им не могли. Противник имел здесь численное превосходство. Оборонявшие поселок части 227-й немецкой пехотной дивизии насчитывали 16 500 солдат, наша же дивизия — лишь 7500 человек. Наступление на этом участке затормозилось.

На второй день — 13 января — противник начал подтягивать к полосе прорыва оперативные резервы. На станцию Мга прибыли четыре эшелона — три с пехотой и один с артиллерией — из района Тосна. В дальнейшем усиление противостоящей нам вражеской группировки продолжалось.

Готовясь к операции, мы предусматривали, что противник может подбросить к участку прорыва до 11 свежих полков пехоты, до 15 артиллерийских дивизионов и 50 танков. Однако мы несколько ошиблись в расчетах. Уже на третий день наступления к старым 327, 170, 227, 1-й пехотным и 5-й горнострелковой дивизиям присоединились введенные в бой новые — 61-я и 69-я, а в последующем еще 212-я и 227-я пехотные дивизии и ряд других частей. Появилось и много новых артиллерийских батарей. Это усиление войск противника не позволило нам развить тактический успех в оперативный. Однако противник понес огромные потери.

Командир 227-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Скотти в одном из приказов писал: «Солдаты, наша дивизия обескровлена, но мы до конца должны выполнить свой долг. Ни шагу назад. Восстановим утраченное положение. Через могилы — вперед!» [1]

Так, «через могилы», шли немецкие полки к новым могилам, к своей гибели. Наше наступление продолжалось.

16 января войска 2-й ударной армии отделял от дивизий Ленинградского фронта, двигавшихся нам на-

---

[1] Архив МО СССР, оп. 4073, д. 292, л. 14.

встречу, узкий коридор — километра полтора-два. Оставалось сделать последний рывок и соединиться. Ленинградцы действовали успешно: прорвали мощную полосу обороны, расположенную на левом берегу Невы. Пока еще упорно сопротивлялись вражеские войска в Шлиссельбурге и на берегу Ладожского озера. Но им угрожало окружение.

Днем мне сообщили, что по коридору движется не совсем обычный вражеский танк. По нему ударили наши легкие пушки. Но даже прямые попадания не остановили тяжелой, очевидно защищенной прочной броней, машины.

Фашистский танк держал направление на Шлиссельбург. К дороге в это время подходила наша 18-я стрелковая дивизия. Танк попал под сильный огонь орудий прямой наводки. Снаряды не вывели его из строя, но водитель танка, вероятно струсив, свернул с дороги, намереваясь уйти на Синявинскую высоту. Разворачиваясь, фашистский танк попал в торфяник и завяз. Фашисты стали вылезать из машины. Всех их перестреляли. Осмотрели трупы. В танке, оказывается, ехал какой-то гитлеровский генерал, но документов при нем не было.

А вот фашистская машина нам досталась «живой». Наши танкисты во главе с полковником Г. А. Мироновичем 18 января прибуксировали танк к командному пункту армии. К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков и К. А. Мерецков распорядились немедленно отправить его в Москву.

Как впоследствии выяснилось, захваченный танк оказался пресловутым «тигром», на который гитлеровцы возлагали большие надежды. В то время мы еще не знали его тактико-технических данных. В Москве «тигр» испытали на полигоне, и в мае сорок третьего года все части Красной Армии получили полное представление о нем, в том числе о его уязвимых местах. Когда фашисты применили «тигры» в массовом количестве на Курской дуге, то их появление не поставило наши войска в тупик, — они уже знали, как с такими машинами бороться. «Тигры» не принесли гитлеровцам успеха.

Итак, оставшийся неизвестным нам фашистский генерал не доехал до войск, оборонявших Шлиссельбург и побережье Ладожского озера. Находившиеся там вражеские гарнизоны совместными усилиями войск 2-й ударной и 67-й армий вскоре были разгромлены.

18 января в 9 часов 30 минут произошла историческая встреча частей Ленинградского и Волховского фрон-

тов, означавшая, что прорыв блокады Ленинграда совершился. Среди первых волховчан, встретившихся с ленинградцами, были заместитель командира 18-й дивизии полковник Н. Г. Лященко (ныне генерал армии), командир 414-го стрелкового полка подполковник В. И. Шкель, солдаты Василий Дзюба и Петр Левашов, сержант Владимир Васильев и лейтенант Горов. Вскоре произошло соединение и на других участках фронта. К 14 часам все наши дивизии соединились с ленинградскими и повернули фронт наступления на 90 градусов — на запад, на Синявинские и Келколовские высоты.

Часов в двенадцать на наблюдательный пункт армии прибыли К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков и К. А. Мерецков. Они поздравили с победой, ознакомились с ходом боев, дали некоторые советы и указания.

Вдруг Жуков обратился ко мне с необычным вопросом:

— Товарищ командарм, ты когда смотрел на себя в зеркало?

Я ответил, что не помню, кажется, 11 января.

Георгий Константинович вынул из кармана маленькое зеркальце, подал мне и сказал смеясь:

— Возьми... Посмотри только, на кого ты похож. Себя, пожалуй, не узнаешь.

Я взял зеркальце, посмотрел и удивился. На меня глядел посиневший дочерна человек, усталый, словно перенесший тяжелую болезнь. Возвращая зеркальце хозяину, я шутливо заметил:

— Благодарю за доставленное удовольствие.

— Удовольствие-то удовольствием, — сказал Георгий Константинович, — но почему так выглядишь? Заболел?

— За шесть суток прошли восемь километров — есть от чего заболеть... Противник с фронта жмет, а начальство — с тыла. Несладко приходилось. Я пять суток не спал.

— Тогда ложись, отдохни, — сказал Георгий Константинович. — Мы больше жать не будем, переедем к Ленинграду. Да только распорядись напоить нас чаем...

* * *

Войска 2-й ударной и 67-й армий соединились, однако напряжение боя все возрастало. Противник подбрасывал к Синявинским и Келколовским высотам новые и новые

дивизии. Мы также вводили в бой свои вторые эшелоны и резервы, но заметного перевеса в силах создать не могли.

Левый фланг и центр оперативного построения нашей армии повернули свои соединения на юго-запад — на Синявинские высоты, а части правого фланга армии совместно с войсками 67-й армии Ленинградского фронта продолжали добивать гитлеровцев в Рабочих поселках и на побережье Ладожского озера.

Фашисты сопротивлялись яростно. 18-я дивизия взяла в плен всего лишь 12 солдат, 372-я — 28 человек, а уничтожили они более 2 тысяч гитлеровцев. Объясняется это двумя причинами: первая — вражеские солдаты не сдавались, так как им непрестанно вдалбливали в головы, что большевики уничтожают пленных; вторая — гитлеровцы еще не потеряли веры в победу на Восточном фронте.

Они не представляли себе масштабов катастрофы, постигшей гитлеровские войска в районе Сталинграда, а вражеское командование старательно скрывало от них правду.

На Синявинских высотах противник занимал выгодные позиции, с которых видел не только наши головные части, но и тылы. На высотах было три яруса траншей с прочными дерево-земляными сооружениями.

Первую линию траншей наши войска взяли с ходу, а чтобы взобраться дальше, приходилось штурмовать каждый дзот в отдельности.

Силы наши и противника уравновесились, особенно в артиллерии и других огневых средствах. Активнее стала действовать и вражеская авиация. В одном из воздушных боев наши истребители сбили 18 бомбардировщиков противника. Дважды Герой Советского Союза Г. П. Кравченко лично сбил 4 вражеских самолета. Но, увлекшись боем, и сам был подбит. Когда загорелся его самолет, он выпрыгнул, но парашют не раскрылся, и Григорий Пантелеевич, храбрейший наш летчик, погиб.

Для штурма синявинского узла сопротивления армией был составлен специальный план, утвержденный командующим фронтом. Но вместо запрошенных нами на основе расчетов 507 тысяч снарядов различных калибров мы получили лишь 320 тысяч.

Мы, конечно, понимали, что фронт не дал нам необходимого количества снарядов не по чьей-либо злой воле.

Промышленность к этому времени еще не в силах была обеспечить нас всем, что требовалось.

В первой линии полосы наступления 2-й ударной действовало пять стрелковых дивизий. Мы вводили в бой свежие части, но противник, не желая терять выгодные позиции, тоже подбрасывал новые дивизии.

Сосед справа — 67-я армия Ленинградского фронта — наступал примерно на таком же 11—12-километровом фронте, пытаясь овладеть келколовским рубежом. Даже сегодня, после долгих послевоенных лет, зримо ощущаю, с каким упорством шла борьба...

На направлении наших действий не было условий для маневра и внезапных ударов. Приходилось прорывать очень мощную оборону противника на большую глубину лобовыми атаками. Ясно, что без артиллерии крупного калибра, достаточно снабженной боеприпасами, невозможно было сбросить противника с Синявинских и Келколовских высот.

Иногда наших артиллеристов ругали за стрельбу по площадям, то есть за огонь не по цели, а лишь по району, где находилась эта цель. Но ведь не только артиллерия, а даже наступавшая пехота и танки не всегда видели огневые точки противника, которые хорошо вписывались в окружающую местность, были искусно замаскированы и открывали огонь только тогда, когда к ним близко подходили наши стрелковые цепи.

Единственно, за что я как командарм винил командира 2-й артиллерийской дивизии полковника К. А. Седаша, — это за невысокое качество инструментальной разведки вражеских батарей, особенно шестиствольных минометов. С последними борьба велась явно слабо.

Несмотря на жесткую оборону противника, 364-я дивизия ворвалась на гребень высоты 43,3. 80-я дивизия атаковала северо-восточную часть Синявина и двигалась на высоту с отметкой 50,1. Она пробилась до третьей линии траншеи, но на высоту 50,1 не вышла.

В ожесточенных схватках за высоту 43,3 беспредельную храбрость проявили командир батальона 1216-го полка 364-й дивизии А. А. Ефимов и его бойцы. Комбат Ефимов и лейтенант И. В. Клименко со своими солдатами Ф. Безгазовым, И. Уширхановым, Д. Денисовым и другими в яростной рукопашной схватке истребили десятки фашистов. Артиллерист сержант И. Назаров шел в пехотной цепи и мастерски корректировал огонь артилле-

рии, уничтожавшей огневые точки врага. Действия батальона Ефимова, поддержанные 1216-м полком и другими частями 364-й дивизии, и привели к захвату важного опорного пункта — высоты 43,3.

Как сейчас помню утро следующего дня — 3 февраля. Запаса снарядов мы не имели и пользовались ими, что называется, с «колес». По плану должны были подвезти 70 тысяч снарядов. Этого количества мы не получили. Все же, посоветовавшись, решили атаку, назначенную на полдень, не отменять, а начать ее после 30-минутной артиллерийской подготовки. Сделать более продолжительную артподготовку мы не могли. С небольшой группой штабных офицеров я находился на наблюдательном пункте на высоте 43,3. Командиры дивизий, полков и батальонов вели визуальную разведку. Наша авиация бомбила вражеские позиции и прикрывала войска от ударов фашистских самолетов.

А на переднем крае все было тихо, спокойно. В 11 часов 30 минут загремели наши пушки, усилила удары авиация. Минут через десять видим, как нестройные цепи противника выскакивают из траншей и перебежками движутся к нашим позициям. Пехота открыла по ним огонь и заставила залечь.

Вскоре и фашисты повели сильный артиллерийский огонь по нашим позициям. Появились вражеские бомбардировщики. Наши истребители отогнали их, и они сбросили груз где попало. В 11 часов 55 минут противник перешел в атаку. Наши стрелки, пулеметчики, минометчики и артиллерия, особенно орудия прямой наводки, расстреливали наступавшую вражескую пехоту и поддерживавшие ее танки. Напряженный бой продолжался три часа. В 15 часов противник, так и не достигнув наших траншей, стал отходить. Части 364-й дивизии поднялись и перешли в контратаку.

Захваченные в этом бою пленные показали, что 11-я и 215-я пехотные дивизии немцев пришли в Синявино накануне вечером. Перед ними поставили задачу нанести удар по советским войскам, вернуть высоту 43,3 и сбросить нас с Синявинских высот в болота. Атаку фашисты назначили на 12 часов. Но тут случилось непредвиденное. Советская артиллерия упредила вражескую атаку и спутала карты гитлеровцев...

И в последующие дни непрерывные атаки и контратаки ни одной стороне успеха не принесли. Нам не удалось

отогнать врага дальше на запад, чтобы освободить железную дорогу и расширить прорыв. Противник также не сумел достигнуть своей цели — восстановить блокаду Ленинграда.

В ожесточенной борьбе за Синявинские высоты мастерство и героизм проявил расчет 120-мм миномета братьев Шумовых. Командовал им старший сержант Александр Шумов. В расчет входили его братья — Иван, Василий, Авксентий и Лука. Они, говорил мне командир батареи старший лейтенант Федор Цивликов, — бесстрашные люди, показывают пример не только батарейцам, но часто и пехоту воодушевляют в бою. На высоту 43,3 Шумовы двигались в первой цепи, уничтожив 24 пулеметные точки противника и 9 дзотов. Умело отражая контратаки врага, в боях по прорыву блокады они истребили более 300 гитлеровцев. Стреляют мастерски, цель поражают первой же миной...

В армию Шумовы вступили добровольцами. В первые же дни войны их привел в военкомат дед, заявив: «Хоть наше село находится и далеко от фронта, но мои внуки хотят защищать Родину. Пожалуйста, примите их всех». Провожая на фронт, дед им дал напутствие: «Каждый из вас должен истребить по сто врагов. Меньше нельзя. Больше можно. У вас силы и сноровки на это хватит».

Внуки честно, на совесть выполняли наказ деда. На высоте 43,3 Василий попросил разрешения стрелять из пулемета, сказав, что четверо его братьев справятся с минометом. Командир полка разрешил. Противник двинулся в контратаку. Василий открыл огонь и скосил более 100 фашистов. Когда командир батареи подошел к нему, он лежал окровавленный — вражеская пуля пробила щеку. «Наказ деда, — доложил богатырь, — выполнил за один час. Вот они лежат рядками, как обмолоченные снопы». Василий в госпиталь не пошел. Весь день он дежурил у пулемета и только вечером сдал его новому расчету, а сам вернулся к братьям...

Во время этих боев братья Шумовы подали заявления о приеме их в партию. «Наша задача, — писали они, — тесно связана с жизнью Коммунистической партии с ранних наших лет».

В боях по прорыву блокады Ленинграда героически сражались воины всех национальностей. Бурят Зайнелг Абиб Касенов подорвал 4 дзота и истребил более 100 гитлеровцев. Командир роты старший лейтенант казах Аиб

Абильев со своими взводами ворвался в Рабочий поселок № 6, разрушил пять дзотов, блокировал три бункера, в которых находилось 120 фашистов, и продержал их «под арестом», как он говорил, пока не подошла помощь батальона. Из одного блокированного убежища вытащили 30 пленных, а два бункера Абильев подорвал, так как фашисты не складывали оружия.

Для удержания Синявинских высот враг ввел только на последнем этапе сражения две свежие дивизии. 11-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Томашки сгорела за два дня боев, потеряв 12 тысяч убитыми и ранеными. Такая же участь постигла 212-ю пехотную дивизию генерал-майора Рихмана. Переброшенная под Синявино из-под Тосны, она также продержалась лишь несколько суток и потеряла 12 500 солдат и офицеров.

390-й пехотный полк 215-й пехотной дивизии, 162-й и 176-й пехотные полки 61-й пехотной дивизии, побывавшие на Синявинских высотах, также недосчитались добрых двух третей всего состава. Таким образом, на четырехкилометровом участке, где действовали три вражеские дивизии, гитлеровцы потеряли 36 тысяч своих солдат и офицеров, то есть по 9 тысяч на один километр фронта.

Наши потери были тоже велики, но они не идут ни в какое сравнение с теми, которые понес на Синявинских высотах враг. А ведь мы наступали! Это говорит о большом мастерстве наших воинов.

Прорыв блокады Ленинграда, штурм синявинских позиций вошел в историю Великой Отечественной войны, в историю славной битвы за город на Неве как ярчайший пример мужества, отваги и непреклонной воли наших войск к победе.

И. М. Шляпин

полковник, во время прорыва блокады заместитель начальника политотдела 2-й ударной армии

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Поздно вечером раздался телефонный звонок. Начальник политотдела армии полковник Ф. А. Шаманин срочно вызывал к себе. Это, откровенно говоря, меня несколько удивило. Расстались мы с полчаса назад, вернувшись из 256-й стрелковой дивизии, которая должна была наступать в первом эшелоне.

Федор Афанасьевич, как я все более и более убеждался, обладал драгоценной способностью быстро завоевывать сердца людей. Военный комиссар еще времен гражданской войны, он зажигательно выступал на митингах и собраниях, умел о сложных вопросах сказать просто и доходчиво. Был он к тому же непоседливым человеком, увлекал всех своей кипучей энергией, страстностью.

И в 256-й дивизии полковник Шаманин ни минуты не провел без дела. Мы побывали на дневных и ночных учениях, знакомились, как действуют в сложной обстановке, которая очень походила на боевую, политработники, партийные и комсомольские организации. Федор Афанасьевич, глубоко разбираясь во всех тонкостях партийно-политической работы в войсках, каждому мог подсказать, что еще нужно сделать, чтобы лучше подготовиться к бою.

Перед отъездом из дивизии Ф. А. Шаманин приказал мне собрать заместителей командиров полков, батальонов и рот. Это непродолжительное служебное совещание превратилось в своеобразный семинар, практический инструктаж политработников. Начальник политотдела армии в своем выступлении подчеркнул, что нет никаких

оснований надеяться на легкость прорыва вражеской обороны. Противник любой ценой будет цепляться за свои опорные пункты. В предстоящем бою, как никогда прежде, планируется высокая плотность нашей артиллерии и танков на каждый километр фронта, что, естественно, облегчит действия пехоты. Но не надо забывать, что решающая роль в бою принадлежит человеку. Вот почему очень важно самое серьезное внимание обратить на моральную подготовку и командиров и рядовых бойцов. Это хорошо поняли в третьем батальоне 930-го полка. Комбат капитан Д. П. Колышкин и его заместитель по политчасти старший лейтенант И. Н. Дунаев работают дружно и согласованно. Они позаботились о правильной расстановке партийно-комсомольских сил, укреплении ротных партийных организаций. Во взводах подобраны опытные агитаторы.

— С кем бы мы в батальоне ни говорили, — отметил полковник Шаманин, — все настроены по-боевому, уверены в успехе.

Обращаясь к заместителю командира дивизии по политчасти полковнику П. Г. Никишкину, Федор Афанасьевич предложил познакомить с опытом передового батальона всех политработников.

...Из дивизии мы выехали в сумерки. Думали часа через полтора добраться до политотдела. Но в пути задержались. На дороге образовалась пробка. Шофер отправился выяснять, в чем дело. Вернулся с невеселыми вестями.

— Мост, говорят, фашисты разбомбили, — мрачно сказал он. — Придется тут зимовать...

Федор Афанасьевич, не говоря ни слова, выскочил из машины. Не в его характере было сидеть сложа руки, подчиняться неудачно сложившимся обстоятельствам. Вскоре он уже оказался в голове застрявшей колонны, состоявшей из машин, повозок. Когда я его нагнал, полковник Шаманин возбужденно разговаривал с несколькими командирами.

— Мост, конечно, быстро не починить, — соглашался он, — а объезд сделать можно.

— Речка-то еще как следует не замерзла, — возразил кто-то из командиров.

— Речка? Да ведь это просто ручеек. Его переплюнуть можно. Перебросим несколько бревен, и настил готов. Давайте команду людям.

У бывалых, предусмотрительных водителей нашлись пилы, топоры. Минут через десять у разрушенного моста закипела работа. Федор Афанасьевич энергично трудился вместе со всеми.

Пробка отняла у нас не меньше часа, но движение на дороге возобновилось. Это было очень важно, — ведь в то время к переднему краю подвозились снаряды, мины, инженерное имущество и еще многое другое, необходимое для большого наступления.

Благополучно переправились по настилу через речушку и мы. Полковник Шаманин, обращаясь к шоферу, весело проговорил:

— А ты, дружище, хотел зимовать... Это нам ни к чему. Все можно сделать, если миром взяться. А под лежачий камень и вода не течет... Понял?

— Уразумел, товарищ полковник.

Остаток пути прошел без каких-либо происшествий. Было уже около 22 часов, когда наконец-то добрались до политотдела. Полковник Шаманин, пожелав спокойной ночи, отправился к себе в домик, стоявший на околице небольшой деревушки.

Федор Афанасьевич не собирался в этот вечер больше тревожить. И вдруг его звонок. Теряясь в догадках, я, накинув полушубок, торопливо направился к начальнику политотдела.

Полковник Шаманин был не один. У него находился, также спешно вызванный, и другой заместитель начальника политотдела полковник И. М. Волков, до войны профессор Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

— Пойдемте представляться новому первому члену Военного совета армии, — сказал полковник Шаманин. И, вероятно. увидев на моем лице недоумение, добавил: — Алексею Александровичу Кузнецову. Он направлен сюда Центральным Комитетом партии для организации более тесной связи между Ленинградским и Волховским фронтами.

А. А. Кузнецов в Ленинграде пользовался большой популярностью, заслуженным авторитетом. Избранный секретарем горкома партии, он, несмотря на молодость, показал себя зрелым, сформировавшимся партийным руководителем. Работал много, себя не щадя, и того же требовал от других, считая, что долг коммуниста — все без остатка отдавать общему делу.

С первых дней войны А. А. Кузнецов, оставаясь секретарем горкома партии, одновременно был назначен еще и членом Военного совета фронта. Весь жар своего беспокойного сердца он вкладывал в порученное партией дело, был одним из организаторов героической обороны Ленинграда.

К А. А. Кузнецову мы пришли около полуночи. Застали у него и генерала В. Т. Писклюкова — тоже члена Военного совета армии. На небольшом столике лежала карта, и, наклонившись над ней, Кузнецов и Писклюков о чем-то оживленно беседовали.

Алексей Александрович крепко пожал каждому руку и со свойственной ему деловитостью сказал:

— Времени до начала операции осталось немного. И нам надо, учитывая это, сосредоточить свое внимание на главных, всеопределяющих задачах. Утонем в мелочах — и не выкарабкаемся. Хочу услышать вашу информацию о том, что сделано, делается и что еще надо обязательно сделать.

Первым докладывал полковник Ф. А. Шаманин. Он остановился главным образом на том, как политотдел армии выполняет указания Военного совета Волховского фронта и Политуправления о перестройке партийно-политической работы в связи с введением полного единоначалия.

— Все ли командиры поняли, что от них теперь требуется? — спросил А. А. Кузнецов.

— Если не все, то абсолютное большинство. И командующий фронтом генерал армии Мерецков, и командарм Романовский постоянно напоминают командирам соединений и частей, что предоставленная им полнота власти повышает их ответтственность за все стороны боевой и политической жизни войск.

Полковник Ф. А. Шаманин привел несколько примеров, показывающих, как командиры соединений активно участвуют в партийно-политической работе, определяют ее характер и направление. Он назвал комдивов полковников Н. А. Полякова (327-я стрелковая дивизия), Ф. К. Фетисова (256-я стрелковая дивизия), П. И. Радыгина (272-я стрелковая дивизия). Они не только требовательные командиры-единоначальники, но и опытные воспитатели подчиненных.

— С Петром Ивановичем Радыгиным я хорошо знаком, — заметил Кузнецов. — С лета сорок первого года.

Он командовал тогда под Ленинградом дивизией ополченцев. Храбрый, глубоко партийный человек.

— И у нас в армии о нем сложилось самое благоприятное мнение, — сказал Ф. А. Шаманин.

Полковник И. М. Волков доложил членам Военного совета, как обстоит дело с кадрами. В этом отношении работа проделана немалая. После Синявинской операции на должности выбывших из строя политработников подобраны, как правило, подготовленные заместители. Во всех дивизиях усилился приток в партию отличившихся в боях командиров и бойцов. За декабрь 1942 года в армии количество членов и кандидатов ВКП(б) увеличилось более чем на 2 тысячи человек. Это позволило создать в ротах и батареях активно действующие полнокровные партийные организации.

Мне, как начальнику отдела пропаганды и агитации, естественно, пришлось докладывать о положении на этом участке политической работы. Агитация и пропаганда у нас в армии приобрели широкий размах, подчинялись главной задаче: поднять у воинов наступательный дух, укрепить веру в успех предстоящей операции. Пропагандисты и агитаторы не умалчивали о трудностях, с которыми придется столкнуться воинам. Вместе с тем на примере бывалых фронтовиков они показывали, что умелому, хорошо подготовленному, храброму бойцу под силу эти трудности преодолеть.

У нас в армии было много бойцов нерусских национальностей. Политорганы и партийные организации учитывали это, работу с ними вели на их родных языках. В 71-й стрелковой дивизии было подобрано 33 таких агитатора, в 191-й — около 40, в 11-й — 27. В конце декабря к нам прибыли делегации из среднеазиатских и закавказских республик. Их встречи с командирами и бойцами свидетельствовали о нерушимом единстве Красной Армии и советского многонационального народа. В своих выступлениях и беседах делегаты призывали воинов самоотверженно выполнить долг перед родиной, разгромить ненавистных фашистских захватчиков.

Внимательно выслушав наши доклады, А. А. Кузнецов снова напомнил, что до начала боев остаются буквально считанные дни.

— В боевой обстановке условия для политработы очень ограничены. Там главное — биться с врагами, уничтожать их, — говорил А. А. Кузнецов. — Поэтому людей

надо как следует подготовить заранее, поднять у каждого чувство ответственности за исход боя.

Спустя два дня мы снова собрались у А. А. Кузнецова. На совещании присутствовали начальники всех отделений политотдела. Член Военного совета побывал уже в нескольких дивизиях. Знакомство с организацией партийно-политической работы в частях наглядно показало А. А. Кузнецову, на что необходимо обратить особое внимание. Он дал работникам политотдела совершенно конкретные указания, что еще сделать по подготовке к наступлению.

— В операции будут участвовать и пехота, и танки, и артиллерия, и инженерные войска, — говорил А. А. Кузнецов. — Командирам и политработникам следует позаботиться о четком и постоянном взаимодействии между ними.

Подробно остановился Алексей Александрович на вопросах, связанных с воспитанием ненависти к гитлеровцам, подробно рассказал о варварских обстрелах и бомбежках Ленинграда. Противник, видимо, догадывается о предстоящем наступлении наших войск, судя по показаниям пленных, нервничает, стремится всеми средствами выявить направление главного удара. Проискам вражеской разведки следует противопоставить высокую бдительность, тщательную маскировку при выдвижении в исходные районы.

А. А. Кузнецов предложил всем работникам политотдела выехать в дивизии, на месте оказать помощь командирам и политорганам в подготовке к боям, особенно в таком звене, как взвод, рота, батарея.

Совещание продолжалось недолго. В тот же день большинство работников политотдела отправились в стрелковые дивизии, танковые и артиллерийские части. Напутствуя их, полковник Ф. А. Шаманин требовал от каждого живой, эффективной работы. Представитель политотдела, подчеркивал он, не равнодушный контролер, собирающий факты для очередного донесения. Работник политотдела — это, прежде всего, организатор: увидел какое-нибудь упущение — добейся, чтобы его сразу исправили, окажи помощь, если она требуется.

В связи с этим не могу не сказать доброе слово о лекторах и агитаторах политотдела армии И. П. Андрееве, В. И. Гиренкове, В. П. Сумпокове, П. А. Эдельштейне. Выехав в дивизии, они не ограничивались чтением лек-

ций, что являлось их основной обязанностью. Они делились своим богатым опытом пропагандистской работы с агитаторами полков, шли в роты, беседовали со взводными агитаторами. Когда началось наступление и о лекциях уже, конечно, не могло идти речи, работники отделения пропаганды и агитации находились в частях, помогали командирам, замполитам, парторгам политически обеспечивать бой.

...Дня за три до наступления в ротах и батареях проходили партийные и комсомольские собрания. Обсуждался один вопрос: задачи коммунистов и комсомольцев в бою. Одновременно были проведены совещания воинов-орденоносцев. Бывалые фронтовики делились опытом, рассказывали, как им удавалось добиться успеха на поле боя. Из Ленинграда прибыло несколько делегаций от заводов и фабрик. Представители героического города беседовали с командирами и бойцами, призывали их самоотверженно действовать в бою.

Рано утром 12 января в дивизиях первого эшелона зачитывался текст обращения ленинградцев к воинам Волховского фронта. Оно было опубликовано в армейской газете «Отважный воин». Коллективы прославленных заводов — имени Карла Маркса, «Большевика», Металлического, Балтийского и других писали о том, с каким великим нетерпением и неослабевающей верой ленинградцы ждали прорыва блокады.

Утро того памятного дня я провел в 327-й стрелковой дивизии. Вместе с заместителем командира по политчасти полковником Е. Ф. Дурновым побывали в нескольких батальонах. Евгений Федорович, чувствовалось, хорошо знал людей. И не только командиров и политработников. Со многими рядовыми бойцами он встречался как со своими добрыми знакомыми.

Несколько задержались в первом батальоне 1098-го полка, где заместителем командира по политчасти был капитан В. Д. Ерофеев. Выглядел он усталым, так как всю ночь провел на ногах, но держался бодро.

— Получили обращение Военного совета фронта? — спросил у замполита Е. Ф. Дурнов.

— Получили. И зачитать успели.

— Что говорят бойцы?

— Задачу выполним, дорогу к Ленинграду пробьем. Гитлеровцы, конечно, укрепились сильно. Обороняться умеют. Но умеют и бегать, если их бьют крепко по зубам,

так, как под Сталинградом. Одним словом, настроение у всех самое боевое.

— Это хорошо, — сказал Евгений Федорович. — Надеюсь, что слово у вас с делом не разойдется.

— Будем стараться...

Капитан Ерофеев выполнил свое обещание. Как стало известно позднее, он, когда развернулся бой, появлялся там, где создавалась наиболее трудная обстановка. Во время атаки рощи «Круглая» залегла третья рота. Ерофеев немедля бросился туда и вместе с замполитом подразделения поднял бойцов, повел их на штурм. Видя рядом капитана Ерофеева, которого в батальоне уважали за душевную простоту и личную отвагу, красноармейцы действовали смелее и решительнее.

И в дальнейшем капитан В. Д. Ерофеев, опираясь на коммунистов и комсомольцев, боевой актив, непрерывно влиял на ход боя, помогая тем самым командиру батальона выполнить задачу дня.

В этот день все полки 327-й стрелковой дивизии наступали успешно. Прорвала вражескую оборону и наступавшая правее 256-я стрелковая дивизия. Отлично действовали батальоны коммуниста капитана А. А. Нифонтова и комсомольца капитана Д. П. Колышкина. Замполитами у этих боевых командиров были старшие лейтенанты В. Н. Захаров и Н. И. Дунаев. Оба политработника большую часть дня провели в наступающих ротах, сумели добиться того, что все коммунисты и комсомольцы сражались отважно, и этим, в первую очередь, вдохновляли товарищей по оружию.

Около полудня позвонил полковник Ф. А. Шаманин. Выслушав мой доклад, сказал, что надо ехать на командный пункт армии.

— Здесь тоже накопилось много неотложных дел, — объяснил он. — Одна дивизия не определяет успех операции. Надо думать и о других...

Когда я добрался до КП, начальника политотдела армии на месте не оказалось. Его вызвал А. А. Кузнецов. Вскоре Федор Афанасьевич вернулся, рассказал, что Военный совет армии особенно беспокоит положение на правом фланге, где наступали 128-я и 372-я стрелковые дивизии. Нашим подразделениям не удалось сломить сопротивление противника ни в деревне Липки, ни в Рабочем поселке № 8, полки втянулись в затяжные фронтальные бои.

— Решено отправить в дивизии представителей штаба и политотдела, — говорил полковник Шаманин. — Нужно разобраться, почему замедлилось наступление, не выполняется боевая задача. Вместе с тем командарм вводит в бой часть сил второго эшелона.

Я ожидал, что мне придется отправиться в какую-нибудь из дивизий. Но полковник Ф. А. Шаманин рассудил по-иному. Он поручил мне организовать выпуск листовок об отличившихся воинах.

К этому времени в политотдел поступило уже много донесений о героях боев. Воины армии, пробиваясь навстречу войскам Ленинградского фронта, проявили исключительную доблесть, высокое мужество. Так, например, командир роты старший лейтенант Яков Иванович Богдан в критический момент боя, когда цепь стрелков залегла под огнем врага, грудью своей закрыл амбразуру вражеского дзота. Бойцы рванулись вперед. Когда тело мужественного воина Я. И. Богдана товарищи вынесли с поля боя, они вынули у него из кармана гимнастерки комсомольский билет, пробитый девятью пулями. Подвигу героя-комсомольца мы и посвятили первую листовку. Она была напечатана в типографии армейской газеты и разослана в подразделения.

О славных делах и умелых действиях многих воинов рассказывали другие листовки. Они призывали равняться на героев, учиться у них громить врага.

Семь дней и ночей шли упорные и ожесточенные бои. Политработники, агитаторы частей и подразделений, очень хорошо зная обстановку на своих участках фронта, были там, где требовалось их ободряющее слово, вели активную агитационно-пропагандистскую работу. Такие ее формы, как митинги, политические информации, групповые беседы в том виде, как они проводились в период подготовки к наступлению, были теперь неприемлемы. Условия наступательного боя требовали иных форм, большей гибкости и оперативности. Беседы проводились накоротке, да и то если позволяла обстановка. Лаконичные листки-молнии агитаторы писали от руки, пропагандируя лучшие подразделения, отличившихся бойцов и командиров.

18 января 1943 года войска двух фронтов встретились. Трудно описать всеобщее ликование. Автору этих строк довелось видеть торжество победивших в Рабочем по-

селке № 5. Не было конца радости, объятиям, поцелуям. Победа, славная победа пришла на ленинградскую землю!

А рано утром 19 января в дивизии и полки поступил свежий номер армейской газеты «Отважный воин», которую редактировал подполковник А. И. Прохватилов. В ней рассказывалось о героях боев, отличившихся при прорыве блокады. Газета призывала равняться на них, идти вперед.

Родина высоко оценила боевые успехи командиров и бойцов 2-й ударной армии, наградив многих орденами и медалями Советского Союза. Но самой высшей наградой для всех нас было то, что с 18 января 1943 года осажденный врагом Ленинград и по суше соединился с Большой землей, что по отбитой у врага территории пошли поезда с продовольствием и другими грузами.

М. П. Стрешинский

подполковник, во время прорыва блокады корреспондент фронтовой газеты «На страже Родины»

И. М. Франтишев

майор, во время прорыва блокады корреспондент фронтовой газеты «На страже Родины»

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

1

На командный пункт 46-й дивизии командующий Л. А. Говоров и начальник штаба фронта генерал Д. Н. Гусев приехали без предупреждения. Комдив Козик, на ходу застегивая шинель, побежал их встречать. Следом за ним и мы покинули землянку.

Командующий, высокий, плечистый, стоя у машины, внимательно слушал доклад генерала Козика. О чем комдив говорил, можно было только догадываться. Скорее всего, предположили мы, о вчерашнем тяжелом бое на «Невском пятачке». Гитлеровцы бросили против батальона капитана Д. В. Лукина целый полк. Бой шел уже в последней траншее, когда с правого берега на левый переправилось подкрепление. Майор П. Ф. Кузнецов, заместитель командира 340-го стрелкового полка, повел две роты автоматчиков в контратаку. Положение было восстановлено. Противник понес большие потери. Защитники «пятачка» захватили несколько пленных, среди которых оказался и немецкий офицер.

Со многими участниками этого боя мы уже встретились, добросовестно записали их рассказы. Чтоб полнее представить себе общую картину боя и всего, что ему предшествовало и что за ним последовало, оставалось поговорить с командиром дивизии Емельяном Васильевичем Козиком. После этого можно было со спокойной душой возвращаться в редакцию, но приезд командующего задержал нас в дивизии.

Освободился комдив нескоро. Командующий фронтом и начальник штаба побывали в 340-м полку и еще на не-

скольких участках. Особенно долго пробыли они на левом фланге. Л. А. Говоров интересовался тем, как ведет себя здесь противник, какие у него укрепления на переднем крае и в ближайшей глубине. Выслушав ответы командира дивизии, он приказал усилить разведку, но делать это не назойливо, не авралом, а строго придерживаясь установившегося привычного режима.

Уже смеркалось, когда генерал Козик позвонил в политотдел и сказал, что готов продолжить беседу с корреспондентами.

Поздно вечером мы вернулись в редакцию. Ввалились в кабинет к редактору М. И. Гордону, начали рассказывать о последнем бое на «Невском пятачке». Предложили дать о нем целую полосу в очередной номер.

— Пока только короткую информацию, — сказал редактор. — А завтра вам придется поехать в двести шестьдесят восьмую дивизию. Там проводятся двусторонние учения. Будем давать разворот.

Признаться откровенно, нас смутило задание. Максим Ильич всегда требовал от корреспондентов прежде всего материалов о жизни переднего края.

Редактор, словно угадав наши мысли, твердо сказал:

— Имейте в виду — это задание командующего. Боевая подготовка войск к наступательным действиям, считает он, сейчас самое важное.

2

Во второй половине дня 24 ноября мы добрались до Колтушей, где находился штаб 268-й стрелковой дивизии. Вовсю разыгралась метель. С трудом отыскали на окраине поселка небольшой домик комдива полковника С. Н. Борщева.

— Зачем пожаловали? — без обиняков спросил Борщев, отодвигая в сторону какую-то карту. — Мы-то не воюем. А вам ведь обязательно подавай какой-нибудь сногсшибательный боевой эпизод.

Мы рассказали о задании, которое, по словам редактора, исходило от командующего фронтом.

— Был он у нас на учениях, — задумчиво промолвил Семен Николаевич. — Знаете его характер? Условностей не терпит. Всем пришлось попотеть. И командирам и солдатам.

Мы попросили полковника вспомнить, на что особенно обращал внимание Л. А. Говоров, какие замечания делал.

— Больше всего интересовала его, насколько я понял, динамика боя в глубине обороны противника. Атаковать мы как будто научились, а вот дальнейшие действия по-настоящему еще не отработаны.

Это нам уже доводилось слышать. Говоров требовал от всех не только совершенствовать постоянно оборону Ленинграда, но и избавляться от окопной неподвижности, учиться и учиться наступать на большую глубину.

В конце августа в одной из директив Военного совета фронта анализировался опыт летних наступательных боев 42-й и 55-й армий. Чему он учил? Войскам вполне удаются короткие удары — разгром и захват отдельных сильно укрепленных опорных пунктов, расположенных невдалеке от переднего края. Но тем же войскам оказывалось не под силу решение более серьезных наступательных задач, где требовалось в ходе боя организовать последовательные атаки нескольких объектов, маневр огнем. Директива нацеливала командиров на овладение сложными формами наступательного боя, рассчитанного на большую глубину.

Опыт таких действий в то время только накапливался в боях местного значения и оплачивался по суровому счету войны — кровью и жизнью людей. Командующий, чувствовалось, глубоко переживал исход каждой, порой и небольшой стычки с противником.

— Основная причина неудач, — указывал он командарму 42-й генерал-лейтенанту И. Ф. Николаеву, — неумение организовать маневр, то есть сочетание огня и движения. До тех пор, пока не научите пехоту немедленно использовать результат артогня и дополнять при атаке огонь артиллерии своим огнем, — успеха не будет.

В приказе войскам фронта об итогах Усть-тосненской операции тоже четко были определены причины невыполнения 55-й армией боевой задачи. Это — слабая разведка, нечеткое руководство огнем артиллерии и действиями танков, отсутствие непрерывного управления в бою...

Командующий постоянно подчеркивал, как важно и нужно постоянно учиться науке побеждать. Ему понравились умело организованные двусторонние учения в 268-й дивизии. О творческом подходе командиров к такому, казалось, будничному делу, как боевая подготовка,

должны были, по мнению Л. А. Говорова, узнать и в других дивизиях фронта.

Мы распрощались с полковником С. Н. Борщевым около полуночи, договорившись, кто будет авторами статей об учениях.

3

16 декабря командующий фронтом принял делегацию завода имени Воскова.

Минут за десять до назначенного срока мы вместе с восковцами были уже в его приемной. С инструментальщиками пришел и секретарь Смольнинского райкома партии П. В. Кузьменко.

— Командующий ждет вас, — сказал порученец Говорова капитан Романов, обращаясь к делегации.

Вошли в большой просторный кабинет, окна которого выходили в сад. Из-за стола поднялся генерал с тремя звездами на каждой петлице. Приятное русское лицо. Серьезное, даже чуть суровое.

— Проходите, товарищи. Располагайтесь поближе, поудобнее, — нажимая на «о», пригласил вошедших командующий.

П. В. Кузьменко представил делегатов: директора завода П. И. Тихомирова, секретаря партийного бюро А. М. Фрумберга, заведующего производством А. В. Александрова, начальника цеха А. А. Чернышева, ветеранов завода И. И. Шавыкина, Ф. Я. Коновалова, М. В. Цареву. Себя Павел Васильевич мог не называть, — Говоров его хорошо знал.

8 августа П. В. Кузьменко вручил командующему партийный билет за № 4608576. Оргбюро Центрального Комитета партии по ходатайству Военного совета Ленинградского фронта приняло 13 июля 1942 года Л. А. Говорова в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Много лет спустя жена Л. А. Говорова, Лидия Ивановна, любезно предоставила нам возможность прочесть дорогие ей письма. «Ты знаешь, какое значение я придавал званию члена партии, — написал Леонид Александрович 16 августа. — Сейчас я завоевал право на это звание, лично удовлетворен, и ты понимаешь, как это помогает моей работе... Настроение у меня боевое, впереди большие сражения, нужно много сил, но мы все-таки

победим. На мне ответственность за Ленинград, и я не отдам его врагу, ибо побежденным бывает только тот, кто сам признает себя побежденным...»

В этих словах — живой Говоров, его душа, его характер. Жизнь не баловала Леонида Александровича. Но как бы ни складывались обстоятельства, он не падал духом, верно служил партии и народу на фронтах гражданской войны, в годы мирного строительства, в Отечественную войну. В Центральном Комитете партии, в Государственном Комитете Обороны, Ставке знали: если что-то поручить Говорову — выполнит.

В начале мая сорок второго года Л. А. Говоров прилетел в Ленинград. Прошло полгода. Все успели проникнуться уважением к новому командующему фронтом. И не только в армейских кругах. Свидетельством этому была и делегация с завода имени Воскова.

Об этой встрече в газете опубликовали скупую информацию.

Возможности журналистов в ту пору ограничивались не только размерами газетной страницы. Принимались в расчет и соображения, связанные с военной обстановкой. В информации не был даже назван старейший русский завод. В Ленинград он эвакуировался из Сестрорецка осенью сорок первого года, когда фронт приблизился к стенам предприятия. Сестрорецкий рабочий отряд вместе с красноармейцами вел бои у Ржавой канавки, грудью закрывая путь врагу. Когда положение стабилизировалось, заводские ветераны вернулись к станкам. А те, кто был помоложе, так и остались в армии. В Смольнинском районе завод, как и многие другие заводы города, перешел на выпуск военной продукции.

С одним из первых образцов этой продукции делегация и ознакомила командующего. А. В. Александров преподнес ему новенький автомат ППС с дарственной надписью. Говоров, обычно сдержанный в выражениях своих чувств, на этот раз не скрывал радости, более того — восхищения.

— Отличнейший автомат, — сказал он, внимательно рассматривая ППС. Повернувшись к находившемуся рядом члену Военного совета Т. Ф. Штыкову, добавил: — Кто бы мог поверить, что он сделан в блокированном Ленинграде? Спасибо, товарищи, за подарок. Он мне очень дорог.

Этот автомат Леонид Александрович бережно хранил до конца своей жизни. Как и клинок из златоустовской стали, врученный ему позднее уральскими рабочими.

— Еще раз спасибо. Надеюсь, что и бойцов наших не обидите, дадите им оружия столько, сколько нужно.

Делегаты попросили командующего поделиться впечатлениями о Московской битве, годовщина которой в это время отмечалась по всей стране. Л. А. Говоров охотно выполнил их просьбу.

— Прошу вас представить список ваших передовых рабочих и командиров производства, — сказал он, прощаясь. — Они, как и лучшие наши бойцы, заслуживают награждения орденами и медалями.

4

Вспоминая о боях под Москвой, бывший член Военного совета 5-й армии генерал П. Ф. Иванов рассказывал нам о своем командарме: «Я прожил большую армейскую жизнь, служил вместе со многими военачальниками, но то, как блистательно Говоров читал карту, разгадывал, пользуясь ею, замыслы противника, мне никогда более не приходилось видеть. Перед его взором карта словно бы оживала со всеми своими реками, долинами и взгорьями, селами, городами и вражескими полками... Поколдует над картой и скажет: «Знаешь, где завтра гитлеровцы полезут? Вот отсюда...» Он редко ошибался в своих прогнозах...»

Поразмыслить, «поколдовать» над картой стало неотъемлемой потребностью Говорова. Он любил в поздние вечерние часы, сбросив дневные заботы, в тиши своего просторного смольнинского кабинета склониться над картой военных действий. Никто не тревожит, лишь порученец Романов время от времени тихо зайдет в кабинет и поставит на стол новый стакан круто заваренного чая.

Подолгу засиживался командующий над картой, когда зародилась идея операции «Искра». Он разглядывал неширокую полосу, разделявшую Ленинградский и Волховский фронты, и словно видел ее в натуре — с незамерзающими торфяными болотами, лесами, траншеями вдоль всего левого берега реки, опорными пунктами, насыщенными дзотами. И все это контролировали, будь они трижды неладны, Синявинские высоты. Они также находились

в руках противника. Где же прорывать блокаду? Где наносить главный удар? Опять на Синявино или на Мгу? А может, южнее? Теория учит прорывать оборону в наиболее слабом месте. Им, конечно, не было «бутылочное горло» — фляшенхальс, как немцы называли свой синявинско-мгинский выступ. Здесь у них больше и войск, и огневых средств, и инженерных сооружений. Удастся ли, если даже прорыв осуществится, оставшимися силами сокрушить на всю глубину оборону, которую противник строил долгих 16 месяцев? Нельзя рисковать. Нельзя допустить, чтобы операция «Искра» стала лишь очередной попыткой прорвать блокаду Ленинграда. Надо действовать наверняка. Удар следует наносить на участке самом трудном, пробивать «бутылочное горло», сокрушить его...

Своими мыслями Л. А. Говоров поделился с членом Военного совета А. А. Ждановым. За последние месяцы они очень сблизились. А. А. Жданов, секретарь Центрального Комитета партии, в отношениях с новым командующим никогда не подчеркивал своего высокого положения, не ограничивал его инициативу. Он успел по достоинству оценить глубину знаний, творчески ищущий ум, целеустремленность, твердость характера Л. А. Говорова.

— Лучшего командующего для Ленинградского фронта не найти, — как-то заметил А. А. Жданов.

Внимательно выслушав соображения Л. А. Говорова о направлении главного удара в предстоящей операции, он сказал:

— Я — за. Думаю, что вас поддержат и другие члены Военного совета.

Так оно и произошло. Когда же определилась главная идея операции, стали уточняться и другие важные ее составные элементы. Очень беспокоил «прыжок» через Неву. Конечно, зимой форсировать реку проще, чем летом. Однако сразу возникал такой вопрос: уцелеет ли к началу атаки лед? Если гитлеровцы до броска войск через Неву или во время самого броска взорвут прибрежную ледяную полосу, атака может захлебнуться, не начавшись...

Ниточку за ниточкой разматывал командующий клубок вопросов, сомнений, загадок, а результат раздумий в виде строгих расчетов — какой должна быть ударная группировка, сколько артиллерийских стволов следует привлечь для удара по вражеской обороне и сколько вы-

двинуть на берег для стрельбы прямой наводкой, какой избрать состав штурмовых групп — вносил в простую общую тетрадь, лежавшую на столе рядом с картой.

Прояснив для себя главное в будущей операции, командующий привлек к ее детальной разработке своих помощников — начальника штаба фронта генерала Д. Н. Гусева, его заместителя А. В. Гвоздкова, командующего артиллерией генерала Г. Ф. Одинцова, начальника разведки генерала П. П. Евстигнеева, начальника инженерных войск генерала Б. В. Бычевского...

5

Готовясь к прорыву блокады, участники будущих боев обогащали и шлифовали свои навыки.

В 270-м стрелковом полку 136-й дивизии проводилось учение на тему «Наступление стрелкового полка на сильно укрепленную позицию противника с преодолением широкой речной преграды в зимних условиях». Исполнителям еще не было известно, через какую именно реку или озеро придется «перемахнуть». Но от этого дело не менялось. Надо преодолеть открытую ледяную равнину — метров 500—600, противоположный ее берег крутой, сильно укреплён.

Высказывалось несколько мнений. Кто предлагал передвигаться по льду во время артподготовки перебежками, накопиться на рубеже атаки в 150—200 метрах от берега и в момент окончания артподготовки устремиться на штурм. Другие же, наоборот, считали, что бросок через водную преграду должен быть без остановок.

— Духу не хватит, — возражали им. — Пробежать полкилометра, да еще с оружием, затем карабкаться на крутизну, вступать в бой...

— А мы возьмем да и проверим, — спокойно предложил командир дивизии генерал Н. П. Симоняк.

Проверили на одной роте. Всем бойцам пробежать 600 метров в высоком темпе действительно духу не хватило. Но все же большинство «высказалось» за бросок.

— Вот и ясно теперь, кто прав, — подвел итог генерал Симоняк. — Будем действовать так: на одном берегу вдох, на противоположном — выдох.

С того дня и начались трудные тренировки. Ротами, батальонами, полками. Они вошли в расписание, как ут-

ренние физзарядки. Сначала мчались через замерзшую реку налегке, а затем и с тяжелым оружием. На одном из таких бросков присутствовал Говоров. Все, казалось, уже отработано. Но командующий судил строже. Он отметил недостаточную физическую натренированность солдат. Боевые порядки при броске растянулись. Отстали тяжелые огневые средства.

Л. А. Говоров приказал к концу года не только в полку, но во всех резервных дивизиях и бригадах добиться организованного броска пехоты на 400—500 метров. Огневые средства пехоты — станковые пулеметы, 82 и 120-мм минометы, полковые и противотанковые орудия, — чтобы они не отстали, поставить на лыжи или сани...

Леонид Александрович обращал внимание командиров на четкую организацию боя и управление им в лесисто-болотистой местности с помощью радиосвязи, световых сигналов, посыльных — конных и пеших. При действиях в лесу командующий считал необходимым иметь в батальонах большую глубину построения боевого порядка. Развивая удар, нужно маневрировать и блокировать опорные пункты противника. Командующий ориентировал войска на стремительность действий и при форсировании водной преграды, и при прорыве переднего края вражеской обороны, и при бое в глубине... Не беда, если в тылу или на флангах останутся отдельные опорные пункты, — с ними расправятся вторые эшелоны, введенные в бой резервные части.

В 136-й дивизии готовились к большому «сабантую», как тут называли дивизионное учение — генеральную репетицию перед боем. Руководил учением заместитель комдива по строевой полковник С. М. Путилов. Мы знали полковника по недавним боям под Усть-Тосно, когда он командовал 270-м полком. На крохотном «Ивановском пятачке», за рекой Тосной, Путилов несколько дней с небольшой группой бойцов отбивал яростные атаки врага. Он, один из героев обороны Красного Гангута, выдержал и это суровейшее испытание. Гитлеровцы не пробились к переправам — железобетонному мосту, его называли «горбатым», и скрытому под водой наплавному штурмовому мостику.

После того боя мы не раз встречались с Савелием Михайловичем Путиловым. Кадровый военный, получивший первое боевое крещение в советско-финляндскую войну, затем начальник штаба одного из полков на Хан-

ко, он был ходячей энциклопедией боевого опыта. Рассказывал о пережитом живо и образно.

Путилов и сказал нам о предстоящих дивизионных учениях.

Всю ночь перед «сабантуем» в дивизии никто не спал. К 6 часам полки заняли исходные позиции на берегу Невы. Около семи приехали маршал К. Е. Ворошилов, Л. А. Говоров и командарм 67-й генерал-майор М. П. Духанов. Их встретили комдив Н. П. Симоняк и замполит И. Е. Говгаленко.

— Все готово? — спросил командующий.

— Так точно.

Обращаясь уже к маршалу, Говоров спросил:

— Разрешите начинать?

— Пожалуйста.

Комдив остался вместе с командующим, а Путилов помчался на НП, с которого должен был руководить учением.

— Сколько ему бежать? — спросил комфронта у Симоняка.

— Около километра, пожалуй.

— Пошлите машину, пусть его подбросят до НП...

Ровно в 7.00 начался «огневой» налет. Оглушительно рвались заряды взрывчатки. Но вот взметнулись сигнальные ракеты. Первыми на лед скатились штурмовые группы и устремились вперед. Едва артиллерийский огонь перенесли по сигналу в глубь обороны «противника», во весь дух помчались через Неву цепи стрелков первых эшелонов. А за передовыми цепями бегом двинулись бойцы с пулеметами на волокушах и с легкими орудиями на санях. Прошли считанные минуты, и вот они уже взбираются на противоположный берег. Там разгорелся жаркий «бой». Солдаты врывались в траншеи «противника», штурмовали и блокировали огневые точки.

Маршал К. Е. Ворошилов остался доволен подготовкой 136-й дивизии и объявил всему ее личному составу благодарность.

— Если полки будут действовать так же и в бою, враг не устоит, — убежденно сказал он, обращаясь к Говорову.

Командующий фронтом промолчал. Не хотелось ему пока делать столь оптимистические выводы. Он думал не столько о сделанном, сколько о недоделанном: все ли учтено и взвешено, не подстерегают ли войска какие-то неожиданности...

Распрощавшись после разбора с ханковцами, маршал и командующий выехали в другую дивизию, которая также проводила генеральную репетицию.

6

Чем меньше оставалось дней до начала операции, тем озабоченнее и строже становился командующий.

— Говоров не знал отдыха, — вспоминал позже командующий артиллерией фронта генерал Г. Ф. Одинцов. — Несмотря на внешнюю невозмутимость, он явно волновался. Накануне наступления лично проверял командиров орудий прямой наводки, спрашивал о целях, по которым будут вести огонь, расстояние до них... «Артиллерия должна проложить дорогу пехоте, — говорил он мне. — Если вы обеспечите возможность первому эшелону зацепиться за тот берег, считайте, что девяносто процентов задач артиллерия выполнила».

Начало операции приближалось с каждым днем. Уже были уточнены все вопросы взаимодействия с Волховским фронтом. В Ленинград приезжали генерал армии К. А. Мерецков и генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Были окончательно определены рубежи встречи, условные сигналы, пароль и отзыв, порядок бесперебойной связи и взаимной информации в ходе боев.

Л. А. Говоров, когда К. А. Мерецков и И. И. Федюнинский уехали, отправился на Неву. Долго ходил по правому берегу, проверял, как оборудуется исходный район, не упущено ли что-нибудь...

Огромная ответственность лежала на плечах этого сурового на вид, неулыбчивого человека. Ответственность за судьбу Ленинграда, за многие тысячи человеческих жизней. Если операцию постигнет неудача, то это усугубит и без того тяжелое положение осажденного города. Война есть война, потери, конечно, будут немалые, фронт лишится резервов, которые командующий накапливал с огромным трудом.

Была и еще одна причина тревожиться командующему. Военному совету Ленинградского фронта принадлежала идея принципиально изменить характер взаимодействия Ленинградского и Волховского фронтов. Противник уже привык к тому, что при наступлении с целью прорвать блокаду основные усилия предпринимаются с внеш-

ней стороны. Удары же изнутри носят отвлекающий, сковывающий и, по существу, безопасный характер. Так было в Любанской и Синявинской операциях.

На этот раз Военный совет просил Ставку повысить в плане операции роль войск Ленинградского фронта. Оба фронта должны одновременно нанести мощные удары, что, несомненно, поставит противника в трудное положение, нарушит маневр резервами. Для нанесения такого удара изнутри Военный совет считал необходимым усилить Ленинградский фронт тремя-четырьмя стрелковыми дивизиями. Остальные силы, включая мощную артиллерийскую группировку, намечалось найти на месте за счет собственных ресурсов.

Ставка одобрила соображения Военного совета Ленинградского фронта, с пониманием отнеслась и к его запросам, однако в полной мере выполнить их не смогла. В то время решающее сражение развернулось в районе Сталинграда, туда бросались главные силы. Фронт получил одну стрелковую дивизию, четыре стрелковые бригады, одну зенитную артиллерийскую дивизию. К началу операции численность личного состава фронта увеличилась на 10 процентов.

Во второй половине декабря была проведена очень важная военная игра.

Говоров, экзаменуя других, в то же время проверял самого себя, свои расчеты и выкладки.

В четырех кабинетах на втором этаже Смольного разместились «большие тройки» — в каждой командир дивизии, начальник штаба и начальник артиллерии. Их дивизии наступали в первом эшелоне. «Тройки» после сделанных расчетов выдвигали войска, проводили артиллерийскую подготовку, бросок частей через реку, отражали вражеские контратаки, вводили в бой резервы. По телефону участники игры узнавали друг у друга «обстановку», словно находились не в соседних комнатах, а на поле боя. Писали донесения «наверх», связывались с командармом и его штабом, получали от них указания о дальнейших действиях.

Командующий фронтом оценивал каждое решение, давал новые вводные. Особый упор он делал на правильное использование артиллерии. В операции ей следовало стать действительно «богом» каждого боя. На противника необходимо обрушить такую силу огневого удара, какого еще никому не приходилось испытывать. В полосе наступле-

ния 67-й армии сосредоточивалось около 2 тысяч орудий и минометов. Средняя плотность артиллерии на километр фронта составляла 144 ствола. Кроме того, к участку прорыва подтягивались 3 полка и 12 отдельных дивизионов гвардейских минометов.

Генерал-майора Н. П. Симоняка, командира 136-й стрелковой дивизии, после доклада об обстановке и решении на наступление Говоров, нахмурившись, спросил:

— И это все?

— Всего ведь не доложить, товарищ командующий, — хотел отшутиться комдив.

Но Говоров шутки не принял.

— Передний край противника, — заметил он Симоняку, — вы изучили хорошо, а дальше не заглянули и не подумали о том, что противник может нанести удар по вашему левому флангу. Да и правый, если соседи отстанут, окажется в большой опасности.

— Думал об этом, товарищ командующий.

— Видно, мало, иначе доложили бы о направлениях возможных вражеских контратак.

Этап за этапом проигрывался ход операции на всю ее глубину, до места встречи с войсками Волховского фронта. И каждый из четырех командиров дивизий — генералы А. А. Краснов и Н. П. Симоняк, полковники С. Н. Борщев и В. А. Трубачев — позднее не раз в душе благодарили командующего за большую науку. Беспокойство за успех операции передалось от него всем участникам военной игры. Вместе с тем появилось еще больше уверенности, что задача будет решена, ибо каждое указание Л. А. Говорова основывалось на точных расчетах. Его мышление отличалось математической направленностью и глубиной анализа обстановки. Он, как никто другой, понимал природу боя и учил воевать действительно по-суворовски — не числом, а умением, противопоставляя сильному и коварному противнику находчивость и дерзость, высокое боевое мастерство.

7

В первых числах января наш редакционный фотограф Хандогин вернулся из 268-й стрелковой дивизии. Прикрыв на всякий случай дверь комнаты, стал рассказывать. Был в полку А. И. Клюканова. Здесь, видимо, уже боевой

приказ получили. Белье солдатам чистое выдали, в баню ходили...

А дня через три в исходный район двинулась и 136-я стрелковая дивизия. Мы слышали, как замполит третьего батальона 269-го стрелкового полка майор П. Ф. Шелепа накануне давал последнее напутствие бойцам штурмовой группы:

— В атаку вы пойдете первыми. Еще наша артиллерия будет вести огонь, а вы уже по Неве полетите. Пошли в атаку — и ничто уже для вас не существует. Только вперед смотреть. Дзот попался—блокировать, взорвать, ослепить. Помните, все зависит от вас, вы открываете путь батальону. Трудно все это? Очень трудно. Опасно? Конечно, опасно. Вы в атаке первые. Кто в себе не уверен — признавайтесь честно. Лучше сейчас скажите, чтоб не подвести в бою.

И тут на какое-то мгновение все замерли, а затем хором:

— Все пойдем.

8 января с разных сторон в район исходного положения для наступления двинулись войска. Выписали командировочные предписания и корреспондентам фронтовой газеты. Утром 12 января мы выехали в дивизии. Авторам этих воспоминаний довелось побывать в 45-й гвардейской. Она действовала на правом фланге, с «Невского пятачка». 46-я стрелковая, передав ей плацдарм, одним батальоном прикрывала гвардейцев от контратак справа.

Неподалеку от Невы отыскали землянку подполковника В. Д. Возжина, замкомдива по политчасти. По его мрачному виду можно было безошибочно определить, что дела в дивизии идут не совсем ладно. Наступали гвардейцы на участке, где не только каждый метр, а каждый сантиметр был пристрелян. За несколько часов боя им удалось преодолеть лишь две вражеские траншеи. Передовые цепи обтекали слева железобетонные корпуса 8-й ГЭС. Огонь противника не утихал, потери гвардейцы несли большие.

— Так и воюем, — невесело заключил Василий Дмитриевич.

— А где комдив?

— На КП. Лучше вам, пожалуй, сейчас туда не ходить, не отвлекать его. Командующий фронтом с полчаса назад звонил. Сами понимаете, разговор был не из приятных. Принимаем меры.

Землянка задрожала от близких разрывов. С потолка посыпался песок.

— Уж пятый раз сегодня обстреливают командный пункт, — сказал подполковник Возжин. — И на Неве во многих местах лед разбит.

Мы покидали гвардейцев в неважнецком настроении. Неужто и на этот раз операция затухнет, не распространившись в глубину вражеской обороны? Неужто и на других участках наступление идет неуспешно?

На обратном пути нам повстречался замполит артиллерийского полка 268-й дивизии майор Мироненко. Мы, естественно, атаковали его вопросами. Мироненко порадовал нас, сообщив, что дивизия Неву форсировала удачно. Сейчас обходит ГЭС справа.

— За точность данных не ручаюсь, — признался он.— Все еще пока в движении.

Нам хотелось бы немедленно отправиться на КП 268-й дивизии, но все же чувство здравого смысла взяло верх: надо прежде всего побывать в штабе армии, получить последние сведения об обстановке в районе боев, а там уже решать, куда двигаться.

67-й армией командовал генерал-майор М. П. Духанов, добрый друг нашей газеты. До назначения на эту должность он довольно долго был помощником командующего фронтом по боевой подготовке запасных частей и формирований. Встречаться и беседовать с ним всегда было интересно. Михаил Павлович хорошо знал историю войн и военного искусства, жизнь войск. Увлекался литературой, пристально следил за последними новинками. Была у него, как он говорил, и еще одна «слабость» — страсть к рисованию. Однажды Михаил Павлович показал нам несколько карандашных набросков. Они привлекали своей свежестью и выразительностью.

Направляясь в штаб армии, мы не рассчитывали попасть к командарму. Понимали, что в первый день наступления ему не до корреспондентов. Но как это нередко бывает в жизни, помог случай. Пробиваясь в сумерках по лесной тропке, ведущей к Коркинскому озеру, где находился армейский КП, мы неожиданно лицом к лицу столкнулись с Михаилом Павловичем. Он, оказывается, вышел из блиндажа подышать свежим воздухом...

Командарм рассказал, что успех достигнут в центре, где наступают 268-я и 136-я стрелковые дивизии. За считанные минуты полки преодолели Неву. Сломив сопро-

тивление врага, ханковцы пробились на 3 километра. Неблагоприятно развивается наступление на правом фланге. Гвардейская дивизия натолкнулась на сильное сопротивление, продвинулась всего на 400—600 метров и завязла в огневом бою.

— Очень трудный участок выпал на долю гвардейцев, — заметил командарм, — но дело свое они делают — сковывают немалые силы врага.

Произошла осечка и на левом фланге, где наступала 86-я стрелковая дивизия.

Командарм не смог окончить свой рассказ нам о первом дне боев. Прибежавший дежурный офицер сказал, что Духанова вызывает к телефону комфронта.

Прощаясь с нами, Михаил Павлович посоветовал:

— Идите в оперативный отдел. Вам там кое-что добавят...

Мы так и поступили.

8

За сутки боев глубже всех вклинилась во вражескую оборону 136-я стрелковая дивизия. Туда мы и направились на следующий день.

Гитлеровцы методически обстреливали Неву. Их авиация, хотя и не имела теперь былого превосходства в воздухе, нередко прорывалась к реке, по которой непрерывным потоком двигались войска, переправлялась артиллерия.

Мы не знали, где находится командный пункт генерала Н. П. Симоняка. «Где-то в районе Марьина», — объяснили нам артиллеристы. Такой адрес не отличался точностью. В поисках КП мы блуждали по редкому лесу, который в разных направлениях пересекали тропки, линии связи. Наткнулись на батарею тяжелых осадных орудий. Гитлеровцы не успели ее увезти с огневых позиций в тыл.

На командный пункт дивизии мы так и не попали. По счастливой случайности вышли к НП командира 269-го стрелкового полка, которым командовал подполковник А. И. Шерстнев. Здесь находился и замполит дивизии полковник И. Е. Говгаленко.

Не без гордости поведал Иван Ерофеевич о разговоре Симоняка с командующим фронтом. Скупой на похвалу

Говоров одобрительно отозвался о действиях дивизии. Он приказал обратить особое внимание на правый фланг, усилить 270-й стрелковый полк артиллерией. Именно оттуда следует ждать вражеских контратак. Это его указание перекликалось с тем замечанием, которое командующий сделал генералу Симоняку во время игры: постоянно думать о возможных направлениях вражеских контратак и контрударов, иметь в резерве необходимые на этот случай силы и средства.

Л. А. Говоров добавил, что забота о флангах не должна отразиться на дальнейшем продвижении дивизии, которой надо пробиваться к Рабочему поселку № 5.

— Вот мы и давим на противника, — заключил Говгаленко. — Силенки еще сохранились. Под Усть-Тосно потери были больше, а результатами похвастать не могли. По-другому теперь воюем.

— Что значит — по-другому?

— Об этом, хлопцы, побалакаем после. А сейчас у нас, как говорится, время «пик».

Поговорили мы и с Александром Ивановичем Шерстневым о знакомых нам его комбатах и ротных.

Покинули НП с провожатым, который повел нас в третий батальон, которым командовал капитан Ф. И. Собакин. Батальон этот находился на самом острие клина. И тут нам повезло: побеседовали с комбатом, замполитом П. Ф. Шелепой, командирами рот. Настроение у всех боевое, уверенность в успехе полная.

Вечером наконец попали к Н. П. Симоняку. Обосновался он в просторном бункере, отбитом у гитлеровцев. Кажется, здесь у них помещался командный пункт 401-го пехотного полка. По показаниям пленных, его командир оберст Клейменц был ранен еще во время артподготовки и отправлен в тыл.

Чувствовалось, комдив сильно устал; его черные глаза глубоко запали. Он беседовал с начальником артиллерии подполковником И. О. Морозовым и командиром 61-й танковой бригады подполковником В. В. Хрустицким. Речь шла о сильной вражеской контратаке по соседней, правофланговой дивизии. Как и предполагал командующий фронтом, противник предпринял попытку восстановить положение. Но свой удар направил не по вершине вбитого клина, не по обнаженным флангам дивизии Симоняка. Контратака преследовала более серьезную цель:

смять танками и артиллерией боевые порядки 268-й дивизии, прорваться к Неве, отрезать всю ударную группировку 67-й армии...

Во второй половине дня создалось критическое положение. Фашистские танки и автоматчики прорвались даже к наблюдательному пункту полковника С. Н. Борщева. Бой разгорелся яростный и жестокий. Только к 21 часу контратаки удалось отбить.

Симоняк, сидя за столом, был, как и всегда, внешне невозмутим. Слушая соображения степенного Морозова и запальчивого Хрустицкого, он покручивал свисавший у виска клок волос.

— Товарищ генерал, вас вызывает командующий, — сказал телефонист.

Симоняк взял трубку. Глуховатым, простуженным голосом он отвечал на вопросы Говорова. Да, обстановка сложная. Разведку усилили. Правый фланг прикрыт пулеметным батальоном, туда выдвигается артиллерия.

— Силы еще есть. Можем наступать и будем наступать, — уверенно сказал командир дивизии.

Симоняк передал трубку телефонисту и, обращаясь уже к Морозову и Хрустицкому, спросил:

— Слышали? Понятно вам?

Нам Николай Павлович смог уделить минут двадцать. Рассказал об итогах двух дней боев, высоко оценил действия всех трех полков. Командовали ими опытные командиры П. С. Федоров, А. И. Шерстнев, Я. И. Кожевников.

Надвигалась ночь. Продолжала громыхать артиллерийская канонада. В разных местах вспыхивали осветительные ракеты. Низкое небо вспарывали очереди трассирующих снарядов и пуль.

В поисках ночлега мы забрались в роту автоматчиков-ханковцев. Едва успели познакомиться с командиром Сергеем Переваловым, как пришлось расставаться. Автоматчикам приказали двигаться вперед. Так неожиданно мы оказались хозяевами просторного блиндажа. Правда, кроме нас здесь оставались еще два связиста, дежурившие у контрольного телефонного пункта.

Около полуночи дверь внезапно распахнулась. В блиндаж вошел высокий, худощавый генерал Б. В. Бычевский, начальник инженерных войск фронта. Вместе с ним были два незнакомых нам офицера в заиндевелых полушубках.

— Вот где благодать, — заулыбался Борис Владимирович. — Не блиндаж, а райский уголок. Чей же он? Ваш, редакционный?

— Ничейный, — признались мы.

— Надо его иметь в виду...

Бычевский присел к топившейся печке. Разговорились. Он недавно был во Вспомогательном полевом управлении фронта, хорошо знал обстановку на самые последние часы. Наступление армии развивается успешно. В центре продвинулись еще на 3 километра. Вражеские атаки отбиты и 45-й гвардейской и 268-й стрелковыми дивизиями. Вечером командарм ввел в бой 123-ю стрелковую бригаду, она прикроет левый фланг ханковцев. Однако командующий фронтом выразил недовольство. «Можно было обойтись и одним батальоном, — сказал он генералу Духанову. — Резервы нам надо беречь. Операция только начинается. Противник еще не раз попробует восстановить положение...»

Л. А. Говоров, говорил Бычевский, чутко улавливает пульс боя, быстро реагирует на каждое изменение обстановки. Он не ограничивается информацией командарма, сам связывается с дивизиями, отправляется порой на наблюдательные пункты комдивов.

— Все фронтовые управления и службы работают сейчас на Шестьдесят седьмую армию, — заметил Бычевский, — авиаторы, артиллеристы, саперы, связисты. С нас больший спрос, чем с армейских работников. Если, скажем, к утру не будет готова переправа для тяжелых танков, лучше мне не показываться на глаза командующему.

Как в ходе подготовки операции, так и теперь, Л. А. Говоров требовал от своих помощников, от командиров соединений и частей четких, продуманных и решительных действий. Он одобрил, как мы позднее узнали, соображения командарма Духанова о введении в бой 14 января части сил вторых эшелонов. Это вызывалось тем, что и противник подтянул к району прорыва 61-ю и 96-ю пехотные дивизии. Где он их намеревался использовать — против Ленинградского или Волховского фронта, — трудно было предугадать. Но не учитывать наращивание противником своих сил, выжидать было опасно, — он мог бы тогда перехватить инициативу.

Командующий пристально следил и за продвижением войск Волховского фронта. За два дня боев волховчане

пробились в центре на 2—4 километра, завязали бои на подступах к Рабочим поселкам № 4 и 5.

Ввод вторых эшелонов усиливал давление на фашистов со стороны Невы, приближал тем самым решение главной задачи операции.

...Генерал Бычевский и его спутники вскоре покинули блиндаж. Недолгим был их отдых. Ушли на Неву, где бойцы 41-го понтонного батальона капитана Е. П. Гуляницкого наводили переправу для тяжелых танков и артиллерии крупного калибра.

9

Прошло еще двое суток напряженных боев. Их ожесточение нарастало буквально с каждым часом. Командующий 18-й немецкой армией генерал-полковник Линдеман перебрасывал в район прорыва свежие силы, любой ценой стремился удержать шлиссельбургско-синявинский выступ.

Утром 16 января в Рабочий поселок № 5 ворвался третий батальон 269-го стрелкового полка. Сюда, уже в ходе операции, «передвинули» место встречи пробивающихся с запада и востока войск Волховского и Ленинградского фронтов. Вначале условная линия встречи фронтов намечалась значительно западнее Рабочих поселков № 1 и 5. А командующий ударной группировкой войск Волховского фронта генерал В. З. Романовский, считая, очевидно, что осажденные ленинградские войска не смогут успешно пробить вражескую оборону, в принятом решении предусматривал: «...выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта на реке Нева...»

...Генерал-майор Н. П. Симоняк обрадовался, когда узнал об успехе третьего батальона. Только собрался звонить и доложить об этом командарму, как по рации соединился Шерстнев. «Противник, — сообщил он, — восстановил положение, потеснил Собакина».

Огорчился Шерстнев, досадовал и Симоняк. Ведь к поселку № 5 с востока подходила 18-я стрелковая дивизия Волховского фронта. Продержись батальон несколько часов, — может быть, уже состоялось бы соединение...

В этот момент на наблюдательном пункте Симоняка появились представитель Ставки маршал К. Е. Ворошилов и командующий фронтом Л. А. Говоров.

— Рассказывай, Симоняк, как воюешь, — приказал Ворошилов и наклонился над испещренной разными пометками картой. — Где у тебя сейчас полки?

Симоняк доложил: два полка 270-й и 269-й наступают в районе поселка № 5, перед 342-м полком поставлена задача — прикрывать левый фланг. Здесь следует ожидать удара вражеских войск, если начнут отходить из Шлиссельбурга.

Ворошилов и Говоров согласились с Симоняком. Но командующий фронтом добавил:

— Не исключено, товарищ Симоняк, что противник нанесет удар и с юга. Как у вас связь с правым соседом?

— Постоянно поддерживаю контакт с полковником Ивановым.

А. П. Иванов командовал 123-й стрелковой дивизией; во второй половине дня 14 января она вступила в бой в стыке между 268-й и 136-й дивизиями. За первый день она продвинулась лишь на один километр, хотя взаимодействовала со 152-й танковой бригадой. Вражеское сопротивление было настолько сильным, что приходилось буквально метр за метром «прогрызать» его оборону. 15 января продвижение пехоты и танков также было незначительным.

— Что вам сейчас требуется, чтоб окончательно смять противника и соединиться со Второй ударной армией? — спросил Говоров.

Симоняк пожал плечами и после некоторого раздумья ответил:

— Все для этого есть.

— «Все есть», — рассмеялся Ворошилов. — Другой бы начал клянчить — и то давай, и это...

— И артиллерии хватает? И снарядов? — уточнял командующий.

— Хватает. Наши артиллеристы из трофейных орудий создали несколько батарей. Снарядов у них вдосталь. Вот бы чуть пехоты подбросить — не отказался бы.

— Хорошо, — пообещал командующий.

Продолжая разговор, Ворошилов поинтересовался, как в дивизии организовано управление боем. Ведь трудностей в этом деле обычно выше головы — полки и батальоны действуют в лесу.

— Радио нас выручает, товарищ маршал.

— А не боитесь, что немцы засекут вашу радиостанцию?

— Могут. Но пока, как говорится, бог миловал. Рация позволила мне непрерывно держать связь с полками.

— Это очень хорошо, — похвалил маршал, а Говоров добавил:

— В ближнем бою запеленговать рацию средней мощности непросто.

Командующий фронтом еще на учениях обращал внимание командиров на вопросы управления, требуя решительно преодолевать «радиобоязнь», которой еще многие страдали. Он пристально следил за развитием средств связи и боевой техники. Мы встречали его на полигонах, где она испытывалась, на аэродромах, куда поступали новые самолеты. Чувство нового было его органической чертой как человека и полководца.

— Вы хорошо воевали до сих пор, — сказал Симоняку маршал. — Надеемся, что и завершите бой отлично.

— Будем стараться, товарищ маршал.

К. Е. Ворошилов и Л. А. Говоров распрощались с Симоняком. Маршал отправился к Шлиссельбургу, штурм которого начала 86-я дивизия, а командующий фронтом — к полковнику А. П. Иванову в 123-ю стрелковую дивизию. Там, считал он, назревает наиболее грозная опасность.

Данное Симоняку слово он сдержал. На следующий день дивизия была усилена одним батальоном 138-й стрелковой бригады. Вместе с приданной ей 61-й танковой бригадой (без одного бронебатальона), четырьмя артиллерийскими и минометными полками дивизия начала готовиться к решительному штурму поселка № 5.

10

В ночь на 18 января командарм М. П. Духанов и на час не сомкнул глаз. Да и накануне было не до отдыха. Из дивизий поступали донесения, что гитлеровцы почти беспрерывно атакуют позиции наших войск — то на одном, то на другом участке. Особенно тяжелые бои шли весь день 17 января на правом фланге. Юго-восточнее станции Подгорная противник сосредоточил крупные силы пехоты, танков и артиллерии. Он явно собирался контратаковать 136-ю дивизию, расширить узкий двухкилометровый коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов.

Разведка 123-й дивизии своевременно раскрыла вражеский замысел. Полковник Иванов доложил об этом командарму.

— Что собираетесь предпринять?

— Упредить врага.

— Одобряю. Надо продержаться еще денек...

123-я дивизия справилась с этой задачей. Но и после этого противник не отказался от своих планов. Под утро 18 января 136-й дивизии пришлось вести бой и на левом и на правом флангах. Большое количество гитлеровцев пыталось пробиться к своим со стороны Шлиссельбурга. Оказывая им поддержку, с юга дивизию атаковали два вражеских полка. Часа два кипел жаркий ночной бой. Наши бойцы, сражаясь каждый за двоих, за троих, а то и за десятерых, устояли. Более того, на рассвете, как и намечалось, дивизионная разведка и головной батальон 269-го стрелкового полка двинулись навстречу волховчанам.

По всему чувствовалось, вот-вот произойдет наконец долгожданное — соединятся, встретятся ленинградцы и волховчане. Утром 18-го мы вместе с заместителем редактора нашей газеты майором В. Б. Карпом отправились в 136-ю дивизию.

Вот и поселок № 5. Только-только отсюда выбили гитлеровцев. Дымятся развалины. Торчат черные трубы сгоревших домов. Но везде царит оживление. У колодца и землянок, на снегу, почерневшем от пороховой гари, сидят бойцы. Закуривают. Оживленно беседуют...

Находим комбата Собакина. Он высок ростом, жилист, немного угловат в движениях. Полушубок распахнут. Жарко ему было этой ночью и утром. Сутки провел на ногах. Показывает овражек у железнодорожной насыпи, где произошло соединение, где обнимался с комбатом дивизии Волховского фронта капитаном Демидовым. Вспоминает подробности боя.

Все было просто. И все было впечатляюще. На рассвете группа разведчиков, которую возглавлял сержант Алексей Бровкин, отправилась на восток. Обогнули по перелеску поселок № 5, пересекли «железку», углубились в лес. На шоссейной дороге наткнулись на гитлеровцев. Очередями из автоматов уничтожили десятка четыре фашистов, остальные разбежались.

Тронулись дальше. Метрах в двухстах от дороги и встретили разведчиков Волховского фронта.

— Пароль? — раздался молодой голос бойца-волховчанина.

— Победа. Отзыв?

— Смерть фашизму.

Собакин, узнав от разведчиков о долгожданной встрече, двинул роты вслед за ними. А с востока уже приблизился к поселку передовой батальон 18-й стрелковой дивизии. Ленинград отныне был снова связан по суше с Большой землей.

Сколько дней мы мечтали об этом благословенном часе! Начиная с тяжелых и кровопролитных боев на «Невском пятачке» осенью сорок первого года. Все ленинградцы тогда считали десятки метров, пройденные нашими бойцами с этого плацдарма к востоку. Год спустя бои на левом берегу Невы возобновились и шли с величайшим ожесточением. Тогда гитлеровцам удалось ценой огромных потерь удержать свои позиции. А на этот раз их оборона рухнула, похоронив под своими обломками надежды сломить сопротивление Ленинграда жестокой блокадой.

Уже смеркалось, когда мы возвращались из поселка № 5. Торопились в редакцию. Надо было сдавать в номер материалы о прорыве блокады. На переправе у Марьина увидели командующего фронтом. Куда он ехал? Быть может, своими глазами хотел посмотреть место исторической встречи. А может, опять на правый фланг армии, которая после прорыва блокады поворачивалась фронтом на юг и должна была во взаимодействии со 2-й ударной наступать в направлении на Мустолово...

Южнее Ладожского озера с неослабевающей силой грохотала артиллерийская канонада. Теперь она звучала, как победный салют. Войска фронта взяли, осилили трудный перевал. Отличились тысячи защитников Ленинграда, многие соединения. И во всем этом была огромная заслуга командующего фронтом генерал-полковника Л. А. Говорова (это звание ему было присвоено в разгар боев — 15 января). За умелое и мужественное руководство боевыми действиями войск Родина наградила его орденом Суворова I степени.

Глубоко проанализировав итоги знаменательных для Ленинграда боев, Говоров поделился своими мыслями в статье, опубликованной 23 февраля 1943 года во фронтовой газете. Войска Ленинградского фронта, считал командующий, выдержали серьезнейший экзамен. Прорыв

долговременной вражеской обороны показал их высокий боевой дух и возросшее мастерство командиров. Тщательная и детальная разведка противника позволила нашей артиллерии мощным ударом дезорганизовать и подавить огневую систему врага, открыв тем самым пехоте путь через такой трудный рубеж, как широкая, полностью просматриваемая и простреливаемая многослойным огнем река. Систематическая и упорная тренировка частей помогла им освободиться от окопной неподвижности и обогатила навыками, необходимыми для операции, проводимой в столь сложных и своеобразных условиях.

Проведенная операция, делал вывод Л. А. Говоров, наглядно показала, что «задача полного освобождения города Ленина от немецкой осады, задача окончательного разгрома врага у стен родного города нашим войскам по плечу. В последовательном, твердом и неуклонном выполнении этой задачи и заключается ныне святой долг войск Ленинградского фронта».

С. Д. Рыбальченко

генерал-полковник авиации, во время прорыва блокады командующий 13-й воздушной армией

КРЫЛАТЫЕ ПОМОЩНИКИ ПЕХОТЫ

Тринадцатая воздушная армия была сформирована 25 ноября 1942 года на базе ВВС Ленинградского фронта. В нее входило 178 боевых самолетов. К началу операции их количество увеличилось на 40 машин. Кроме того, мне как командующему 13-й воздушной армией были оперативно подчинены 7-й истребительный авиакорпус Ленинградской армии ПВО, части авиации Краснознаменного Балтийского флота и четыре смешанных авиаполка общевойсковых армий. В результате на направлении главного удара мы могли сосредоточить 414 самолетов, в то время как противник имел под Ленинградом до 250 машин.

Бои за прорыв блокады начались для авиаторов по существу еще до того, как был отдан приказ о начале наступления. Изо дня в день, даже в самую неблагоприятную погоду, летчики наносили удары по врагу. Вот несколько слов из последней записи, которую сделал в своем дневнике убитый под Ленинградом командир вражеской роты капитан Гофман: «Адский концерт от действий русской авиации продолжается...»

Наряду с повседневной боевой работой шла усиленная подготовка к полетам в сложных метеорологических условиях, причем особое внимание обращалось на индивидуальную подготовку. Необходимо было добиться того, чтобы в любую погоду, даже в условиях плохой видимости, каждый летчик сумел самостоятельно отыскать цель и уничтожить ее.

29 ноября 1942 года командующий фронтом генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров сообщил начальни-

кам родов войск о замысле операции по прорыву блокады. Он строго предупредил о необходимости вести подготовку к ней скрытно и вместе с тем энергично.

Воздушную разведку теперь вели не только специальное подразделение, вооруженное превосходными по тому времени самолетами ПЕ-2, но и штурмовики и истребители. Занимались ею даже легкие У-2[1]. Аэросъемка позволила снабдить наземные и авиационные части фотопланшетами, по которым они могли детальнейшим образом изучить вражескую оборону, расположение наиболее важных целей. Систематически разведывались места сосредоточения резервов противника, интенсивность вражеских перевозок по железным, шоссейным и даже грунтовым дорогам.

Нагрузка на воздушных разведчиков легла огромная. Мало того, что они сфотографировали местность, где должны были развернуться бои, — пришлось фотографировать и другие участки фронта: слишком большой интерес к одному направлению мог насторожить врага.

Однако не только полетами на разведку авиаторы способствовали успеху предстоящей операции. Ежедневно боевые машины уходили за линию фронта. Наши летчики начали применять своеобразную, но весьма эффективную в тех условиях форму боя. Называлась она «свободной охотой» и проводилась не группой штурмовиков, а двумя самолетами — парой, как принято говорить в авиации. Штурмовик ИЛ-2 был вооружен пушками и пулеметами, имел реактивные снаряды, обладавшие большой поражающей силой, а также солидный запас бомб — до 600 килограммов.

Вот, например, что сделали за пять боевых вылетов в конце ноября зачинатели «свободной охоты» летчики Павлюченко и его напарник старший лейтенант Казаков. Во время первого вылета штурмовики появились над тыловой железнодорожной станцией. Здесь разгружался только что прибывший эшелон. Павлюченко и Казаков разбили несколько вагонов, подожгли четыре автомашины и напоследок атаковали еще и конный обоз. Следующий вылет оказался не менее эффективным. Были подавлены две вражеские артиллерийские батареи, рассеяна колонна гитлеровцев на одной из фронтовых дорог.

---

[1] Впоследствии, по имени конструктора Н. Н. Поликарпова, этот самолет был переименован в ПО-2.

Еще только занимался рассвет, когда Павлюченко и Казаков в третий раз отправились на «свободную охоту». В первую очередь проверили, как чувствуют себя после вчерашней штурмовки вражеские артиллеристы, и увидели, что досталось им солидно: могли вести огонь только два орудия. Павлюченко и Казаков заставили и их замолчать.

Четвертый вылет проходил в исключительно сложных условиях. Летчикам пришлось пробиваться сквозь сплошную облачность. Однако искусные авиаторы на низкой высоте точно вышли к цели — вражеской зенитной батарее. Штурмовка была внезапной и точной. Это происходило утром, а под вечер Павлюченко и его ведомый снова полетели за линию фронта. Несмотря на облачность и туманную дымку, они нанесли удар по окопам и блиндажам врага. Кроме того, атаковали воинский эшелон и подожгли пять вагонов.

Подобные же полеты совершали и другие летчики-штурмовики: Григорий Мыльников, Александр Еремин, Петр Голодняк, Николай Дормидонтов, Владимир Шиманский, Иван Пантелеев и многие другие.

Летчики-истребители, когда в небе не было вражеских самолетов, находили цели на земле и тоже штурмовали их. Даже легкие У-2, сделанные главным образом из фанеры и перкаля, порядком изматывали противника. Едва наступала темнота, они поодиночке уходили в ночной поиск. Пехотинцы шутили: «Старшина полетел на вечернюю поверку». И эта «поверка» длилась целыми ночами. Одни самолеты, отбомбившись, совершали посадку, другие поднимались в воздух...

В ту пору мы особенно ценили боевую работу самолетов У-2. И не только потому, что бомбардировщиков у нас было мало. У-2 обладал очень ценным качеством — мог заходить на цель бесшумно, с выключенным мотором, что обеспечивало внезапность удара. Не зря так боялись гитлеровцы наших «рус фанер».

Активные действия авиации во время подготовки к прорыву блокады сыграли определенную роль в успехе последующих боев. Взорванные склады, разбитые и сожженные вагоны с военными грузами, штурмовка автоколонн, удары по переднему краю и резервам врага, уничтожение его артиллерийских и минометных батарей — все это не могло не сказаться потом, в ходе сражения. То, что делали авиаторы в ноябре и декабре сорок вто-

рого, было своеобразной увертюрой к январю сорок третьего.

Ленинградские летчики постоянно искали и находили возможности нанести урон врагу. Мы по праву гордились боевым опытом и крепкой закалкой своих частей. Наши авиаторы вступали в сорок третий год, имея в своих рядах семь гвардейских полков. Другие наши полки тоже проявили в боях отвагу, стойкость, высокую организованность и героизм.

Приближался долгожданный день. На основе указаний Военного совета фронта штаб воздушной армии, который возглавлял полковник А. Н. Алексеев, разработал план использования авиации. Учитывая то, что нам предстояло взаимодействовать с авиацией Волховского фронта, целесообразно было лично договориться обо всем с командующим 14-й воздушной армией генерал-майором И. П. Журавлевым.

Ивана Петровича я знал не один год, до войны мы служили с ним в Ленинградском военном округе. Это был отличный летчик и энергичный организатор. Осенью сорок первого года он командовал оперативной группой авиации Ленинградского фронта, которая базировалась в восточных районах. Когда был образован Волховский фронт, И. П. Журавлев возглавил его военно-воздушные силы, а затем, после создания 14-й воздушной армии, стал ее командующим. Сражаясь на соседних фронтах, решающих общую задачу, мы постоянно поддерживали самые тесные и деловые контакты, обменивались опытом борьбы с вражеской авиацией. В операции по прорыву блокады следовало еще более упрочить наши связи. Когда я сказал об этом члену Военного совета А. А. Жданову, он горячо поддержал мое предложение о поездке на Волховский фронт.

Сумеречным январским утром машина быстро мчалась по расчищенной от снега ледяной трассе.

Здесь, на Ладоге, в первый день 1942 года, защищая нашу автоколонну от фашистских самолетов, погиб в неравном бою превосходный летчик Герой Советского Союза Владимир Матвеев.

Сопровождая 9 транспортных самолетов, вывозивших из Ленинграда около 300 женщин и детей, наш ас Петр Пилютов один вступил над Ладожским озером в бой с 6 немецкими истребителями «хейнкель-113». Два он сбил, но и сам попал под пулеметный огонь. 21 рану на-

считали потом врачи на теле Пилютова. Зато, приняв удар на себя, он дал возможность транспортным самолетам уйти за Ладогу, избежать атак фашистских истребителей.

Сражаясь с «мессершмиттами», прилетевшими штурмовать «Дорогу жизни», летчик Евгений Воронцов пошел на таран...

Вражеская авиация часто появлялась над озером. Поэтому мы с адъютантом то и дело поглядывали на небо, чтобы вовремя предупредить шофера, когда нужно тормозить или, наоборот, гнать во весь опор.

Все, однако, обошлось благополучно. И вот мы сидим и разговариваем с И. П. Журавлевым. Иван Петрович расспрашивает о Ленинграде. Меня интересует, что делается на Большой земле. Приятно было узнать, что 14-я воздушная армия располагает бо́льшими возможностями, чем наша 13-я. Ставка Верховного Главнокомандования усилила ее истребительным корпусом и штурмовой дивизией. Последнему можно было особенно позавидовать. Мы имели только 40 штурмовиков ИЛ-2, а в распоряжении Ивана Петровича Журавлева их оказалось 174. Но зависть эта не рождала обиды, щедрость Ставки по отношению к 14-й воздушной армии объяснялась тем, что мы располагали слишком ограниченным числом аэродромов, нашу авиацию было сложнее снабжать горючим, боеприпасами.

При координации плана боевого использования авиации главное внимание было обращено на то, чтобы обеспечить надежное прикрытие ударных группировок обоих фронтов. Учитывая относительную малочисленность бомбардировщиков (в 14-й армии их тоже было слишком мало — всего 35), мы пришли к выводу, что в период подготовки атаки целесообразно, объединив усилия, нанести бомбовые удары только по отдельным опорным пунктам на переднем крае противника и его наиболее важным артиллерийским позициям. Одним из объектов атак авиации в этот период должны были стать также командные пункты противника и узлы связи.

В ходе самого наступления планировалось использовать бомбардировочную и штурмовую авиацию прежде всего для подавления резервов противника и его артиллерии. Непосредственная поддержка войск по вызову самолетов предусматривалась лишь в наиболее ответственные моменты сражения.

Когда план использования авиации обоих фронтов был согласован, я позвонил по телефону Клименту Ефремовичу Ворошилову. Меня заранее предупредили, что спрашивать я должен не Ворошилова, а Ефремова. Но когда я спросил Ефремова, из трубки донеслось:

— Ворошилов слушает.

Забыл ли Климент Ефремович о псевдониме, присвоенном ему в целях скрытности телефонных переговоров, или верил, что здесь нас подслушать враг не может, но когда я замешкался, не зная, как мне все-таки называть его, он повторил:

— Ворошилов слушает...

Я доложил, кто я, и попросил разрешения зайти. По поручению Андрея Александровича мне надо было узнать, когда Климент Ефремович будет в Ленинграде. Задавать такой вопрос по телефону я не мог. Поездка Ворошилова с одного фронта на другой, да еще через Ладожское озеро, должна была храниться в строжайшей тайне. Сам маршал не стал во время нашего телефонного разговора расспрашивать, что у меня за поручение. Попросил лишь поторопиться.

— Я как раз собираюсь обедать, — сказал Климент Ефремович, — вот мы и пообедаем вместе, а заодно потолкуем о делах.

К обеду я, однако, опоздал. Вагон маршала был так замаскирован, что я проехал мимо, потом долго искал его. Узнав причину моей задержки, Климент Ефремович улыбнулся:

— Выходит, авиация хорошо ориентируется только в воздухе.

И хотя сам он уже пообедал, распорядился снова накрыть на стол. Как я ни отказывался, пришлось садиться. Мне даже стало неловко, что ради одного вопроса отнимаю у столь занятого человека так много времени.

Назвав дату своего приезда в Ленинград, он спросил, какие дела привели меня на Волховский фронт. Очень одобрил нашу встречу с командующим 14-й воздушной армией, подчеркнув, что личный разговор всегда лучше всякой переписки.

Поинтересовался состоянием авиации Ленинграда и тем, как мы намерены использовать ее в предстоящем наступлении.

Распрощались мы уже за полночь. Климент Ефремович сказал:

— Привет ленинградцам. Святые они люди. Но ничего, ждать им теперь осталось недолго.

* * *

Ночь с 11 на 12 января 1943 года была для гитлеровцев, окопавшихся на левом берегу Невы, беспокойной. То и дело над их передним краем, артиллерийскими позициями, штабами и коммуникациями появлялись наши ночные бомбардировщики.

Рано утром началась артиллерийская подготовка. Казалось, ей не будет конца. Должна была вступить в действие и авиация. А небо все больше и больше затягивалось густыми, тяжелыми облаками. В довершение к этому повалил густой снег.

«Наставление по производству полетов» исключало действия авиации в таких условиях. Но летчики рвались в бой, особенно штурмовики, самолеты которых обладали поистине могучей силой, способной оказать существенную помощь нашим наземным войскам. Учитывая, что, готовясь к этим боям, летный состав настойчиво учился действовать в сложных метеорологических условиях, можно было решиться нарушить «Наставление». В конце концов нет правил без исключений, тем более если эти правила введены еще в мирное время.

Единственное, от чего пришлось отказаться, — это от массированного использования авиации. Посылать большие группы было крайне рискованно. Зато их малочисленность компенсировалась более длительным пребыванием самолетов над целью.

Одним из первых с задачей разведать погоду (есть в авиации и такой вид разведки) вылетел капитан Павлюченко. Выполнив основное задание, он и его ведомый младший лейтенант Осадчий атаковали четырехорудийную батарею, которая обстреливала наши войска. Заставив ее замолчать, штурмовики легли на обратный курс.

Ничего утешительного о погоде в районе предполагавшегося штурмового удара Павлюченко доложить не мог. Однако теперь все же стало ясно, как выгоднее лететь туда. Обойдя мощный снеговой фронт, группа, ведомая капитаном Манохиным, пробила облака только перед выходом на цель. Самолеты были встречены сильным зенитным огнем, но с боевого курса не свернули, более того, заходили на цель несколько раз.

В результате удара, нанесенного штурмовиками в районах Лобаново, Келколово и Анненское, враг понес значительные потери в живой силе. Было подавлено несколько артиллерийских батарей.

Разумеется, что и само пребывание штурмовиков над войсками противника имело немалое значение. Зная, что враги боятся наших ИЛ-2, летчики старались находиться над целью как можно дольше. При штурмовке немецких позиций на левом берегу Невы группа старшего лейтенанта Голодняка не вышла из боя даже оставшись без боеприпасов. Чтобы поддержать наших пехотинцев, рванувшихся вперед по льду Невы, летчики продолжали пикировать, хотя стрелять им уже было нечем. Но то, что грозные штурмовики со страшным ревом проносились над головами гитлеровцев, заставляло их прижиматься к земле.

Поддержку наземным войскам оказывали не только штурмовики. Истребители, которых у нас было впятеро больше, чем у противника, свели на нет его преимущество в бомбардировщиках, и наши войска могли не опасаться массированных ударов с воздуха. Трудно сказать, что больше страшило «юнкерсов» — истребительные заслоны или плохая погода. Скорее всего, и то и другое. Так или иначе, но отсутствие воздушного противника давало возможность нашим истребителям наносить удары по вражеским наземным войскам.

В первый день боев ленинградские авиаторы сделали 159 самолето-вылетов. Это, конечно, не очень много. Зато в каждом полете достигалось максимально возможное. Время и силы, потраченные на индивидуальную подготовку летного состава, окупались теперь с лихвой. Как высока была эффективность каждого вылета, можно проследить на примере того же Федора Павлюченко. 12 января при повторном полете на разведку погоды он заодно проконтролировал несколько дорог и на одной из них рассеял направлявшуюся к линии фронта колонну вражеских солдат.

Во второй день боев погода оказалась еще более неблагоприятной. На этот раз и нашим волховским товарищам не повезло: над районом их действий тоже нависла сплошная низкая облачность.

Для основной нашей ударной силы — 277-й штурмовой дивизии, которой командовал полковник Ф. С. Хатминский, второй день начался с разведки погоды. Несмотря

на снегопад, капитан Павлюченко вместе со своим ведомым Владимиром Осадчим проник во вражеский тыл. Погода здесь оказалась более сносной, чем на маршруте. Во всяком случае, летчикам удалось разглядеть, что в низине вспыхивают огоньки орудийных выстрелов, а по дороге едут грузовики с солдатами. Приказав своему ведомому штурмовать автомашины, сам Павлюченко ударил по артиллерийской батарее. Лишь после нескольких атак, в результате которых умолкли орудия, а на дороге, завалившись в кювет, загорелись машины, летчики повернули обратно, чтобы доложить о состоянии погоды за линией фронта. Рапорт был неутешительным: метель, местами сильное обледенение. Но закончил Павлюченко довольно оптимистически:

— Действовать все-таки можно. За линией фронта погода чуть получше.

Штурмовики взлетали парами, четверками. Одни получали задание наносить удары по артиллерийским батареям, мешавшим нашим пехотинцам продвигаться вперед, другие били по резервам, которые противник спешно подбрасывал к линии фронта.

На шоссейной дороге вблизи деревни Сологубовка удалось обнаружить большую автоколонну, направлявшуюся в сторону Мги. Старший лейтенант Мыльников и его ведомые Еремин, Павлов и Аксенов уничтожили не менее 10 автомашин. Затем уже на другой дороге группа Мыльникова, перехватив еще одну колонну в 15 машин, атаковала и ее. При возвращении на аэродром внимание Григория Мыльникова привлекло необычное оживление, царившее в прифронтовой деревушке. Она была буквально забита немецкими автомобилями. Остаток боеприпасов ушел на штурмовку гитлеровцев, видимо сделавших здесь остановку на пути к линии фронта.

Именно в таких систематических ударах, которые наносились врагу за линией фронта, и проявилось своеобразие действий нашей авиации в период прорыва блокады. Небольшие группы самолетов делали очень важное и большое дело.

Штурмовики и сами разыскивали цели, и узнавали о них от воздушных разведчиков, которые и в ходе боев не прекращали своих действий. Благодаря этому мы все время получали свежие данные о том, что происходит за линией фронта. Так, например, они сообщили, что на одной станции разгружается большой железнодорожный

эшелон. Тут же в воздух была поднята группа 943-го авиаполка.

Надо сказать, что к этому полку мы поначалу относились с некоторым предубеждением. Он сравнительно недавно прибыл на Ленинградский фронт и, в отличие от нашего коренного, 15-го гвардейского штурмового полка, почти не имел боевого опыта. Сформированный в сорок втором, полк пробыл на Западном фронте всего две недели и затем получил приказ перебазироваться под Ленинград. Со сложной метеорологической обстановкой летчики полка столкнулись впервые. Однако предшествовавшая прорыву блокады настойчивая учеба принесла свои результаты. В первом же боевом вылете летчики 943-го штурмового полка показали, что они достойные ученики гвардейцев, у которых старательно перенимали опыт.

Группу, вылетевшую штурмовать разгружавшийся железнодорожный эшелон, возглавил замполит полка майор Бекаревич. Как правило, все политработники авиационных частей стремились сочетать в воспитательной работе живое, доходчивое слово и личный пример. Бекаревич, в частности, был одним из таких политических руководителей.

В отдельных случаях мы даже разрешали политработникам, не имевшим специальной летной подготовки, овладевать полетами непосредственно в частях, под руководством опытных авиаторов. К слову говоря, мой заместитель по политчасти генерал-майор Андрей Андреевич Иванов тоже стал летчиком, так сказать, экстерном. Естественно, что от этого авторитет его еще больше возрос.

Пробившись сквозь густой снегопад, группа Бекаревича очутилась перед новым, еще более грозным препятствием — сильным зенитным огнем. Лавируя между разрывами снарядов, Бекаревич, а за ним и его ведомые атаковали железнодорожный эшелон. Несколько раз проносились над ним штурмовики, бомбя и обстреливая вагоны и тех, кто их разгружал.

Второй день боев был уже на исходе. Казалось, что при такой погоде, да еще под вечер, вылетов больше не будет. Но вдруг стало известно, что в оврагах близ деревни Мустолово накапливается противник. Чтобы обезопасить нашу пехоту от неожиданностей, надо было лететь невзирая ни на что. Выбор опять пал на гвардии

капитана Павлюченко. Все считали, что лучше его никто не выполнит такое сложное задание. И не ошиблись, — Павлюченко и его ведомый Осадчий действительно блестяще справились с боевой задачей.

Уже совсем стемнело, когда Павлюченко и Осадчий вернулись и с помощью прожектора благополучно сели на аэродром.

Осадчий был награжден командиром дивизии медалью «За отвагу». Федор Павлюченко был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

На третий день боев авиаторам наконец повезло: выдалась отличная погода. Впрочем, еще ночью гитлеровцы почувствовали, что удары авиации усиливаются. Как только небо очистилось от тяжелых снеговых облаков, в воздух начали подниматься ночные бомбардировщики. Кстати, они довершили разгром гитлеровцев, атакованных с вечера штурмовиками в оврагах близ Мустолова. Бомбежке подверглись и другие цели. Всю ночь гитлеровцы не имели покоя.

Утром активность авиации возросла еще более. Летчики громили разгружавшиеся железнодорожные эшелоны, перехватывали в пути автоколонны.

Пользуясь тем, что мой наблюдательный пункт находился неподалеку от наблюдательного пункта командующего 67-й армией, я при случае заходил туда, чтобы уточнить положение наступавших войск. Обрадованный тем, что 14 января установилась хорошая погода, спросил у командующего армией генерала М. П. Духанова, не нужна ли дополнительная помощь.

— Кто станет от нее отказываться? — улыбнулся Михаил Павлович. — Если вы настолько разбогатели самолетами, что можете взять на себя часть наших земных забот, то попрошу нанести удары по следующим целям. — Генерал Духанов показал их на карте, а затем добавил: — Летчикам мы должны сказать спасибо за то, что они успешно громят резервы врага.

Признаться, мне было очень приятно это слышать. Далеко не все общевойсковые командиры понимали задачи и возможности авиации.

Михаил Павлович Духанов хорошо разбирался в боевых возможностях авиации. Главное же — он безгранично верил в летчиков. Верил, что они ни перед чем не остановятся ради того, чтобы помочь пехотинцам прорвать блокаду.

Так оно и было. Летчики совершили в эти незабываемые дни много подвигов. Раненые, на подбитых самолетах, они продолжали атаковать врага. Так, в частности, поступили лейтенант Мороченко, старший сержант Вакуленко, сержант Решетников. Невзирая на губительный зенитный огонь, летчики прорывались к цели и уничтожали ее. Лейтенант Шиманский, например, штурмуя 14 января у Рабочего поселка № 6 железнодорожные эшелоны с боеприпасами, шесть раз водил свою группу в атаку.

Подвигов было много. Но то, что совершили 14 января летчик-штурмовик И. С. Пантелеев и его воздушный стрелок П. С. Сологубов, можно назвать вершиной мужества. Группа ИЛов, возглавляемая майором Васильевым, обнаружила в районе Синявино несколько железнодорожных составов. Рядом, на шоссейной дороге, вытянулась большая автоколонна. Удар штурмовиков был очень удачным, и вслед за взрывами бомб начались еще более сильные взрывы — взлетали на воздух боеприпасы. И вдруг произошло такое, о чем лучше всего рассказать словами очевидца — ведущего группы майора Васильева:

«На развороте, при выходе из атаки, я заметил, как от прямого попадания зенитного снаряда загорелся самолет, пилотируемый старшим лейтенантом Пантелеевым. Пламя быстро подбиралось к кабине. В это время я увидел, что горящий штурмовик разворачивается так, словно ничего с ним не случилось. Прицелившись в колонну автомашин, Пантелеев сбросил на нее остаток бомб, выпустил снаряды. В это время не переставал мигать глазок пулемета стрелка. Трудно сказать, разговаривали ли между собой в тот момент Пантелеев и Сологубов, но действовали они одинаково: стреляли, хотя пламя уже охватило весь самолет. Затем я увидел, что штурмовик нацелился на немецкую колонну и врезался в самую ее гущу.

Когда немного рассеялся дым, поднятый сильным взрывом, мы увидели, что большой кусок дороги был опустошен».

Весть о подвиге старшего лейтенанта И. С. Пантелеева и старшего сержанта П. С. Сологубова разнеслась по всему фронту с такою же быстротой, как и весть о подвиге солдата Дмитрия Молодцова, грудью своей закрывшего амбразуру вражеского дзота.

Накал боев нарастал и на земле, и в воздухе. Враг любой ценой стремился удержаться на своих позициях. Но войска двух фронтов, словно огромные тиски, неотвратимо сжимали отчаянно сопротивлявшихся фашистов. Уже не было никакого сомнения в том, что вот-вот волховчане и ленинградцы соединятся. Однако в условиях двустороннего наступления требовалось исключительно четкое взаимодействие. В таких сложных условиях, когда положение наступающих навстречу друг другу войск непрерывно менялось, чего доброго, и свои могли столкнуться друг с другом. Чтобы такого не произошло, пришлось периодически уточнять положение сторон с воздуха.

Уже 14 января работник штаба воздушной армии подполковник Аксенов вылетел на воздушную рекогносцировку. Установить, где проходят передовые позиции Ленинградского и Волховского фронтов, было не так уж сложно. Огонь, который почти непрерывно вели наземные войска, давал возможность определить их положение.

Несколько необычная для штабного работника миссия едва не закончилась печально: самолет, в котором он находился, атаковали четыре «фокке-вульфа». А так как машина была учебной, предназначенной для тренировок и потому не имела никакого вооружения, то летчику оставалось только увертываться от атак неожиданными маневрами. Три наших летчика-истребителя, прикрывавшие этот самолет, самоотверженно защищали его. Им удалось отбить атаки «фокке-вульфов» и сбить две вражеские машины.

На таком же двухместном самолете ежедневно летал над полем боя известный воздушный разведчик — штурман майор В. Е. Шалимов. Результаты своих наблюдений он передавал по радио. Всем летчикам-истребителям, прикрывавшим поле боя, было также приказано следить за положением войск и немедленно докладывать обо всех изменениях.

Противник делал все, чтобы помешать действиям нашей авиации, однако в этом он не очень преуспел. С 12 по 18 января 1943 года наши истребители провели 100 воздушных боев, в ходе которых сбили 47 самолетов противника.

Активность и успехи нашей авиации настолько обеспокоили гитлеровцев, что они начали спешно перебрасывать самолеты сюда с Западного фронта. Поэтому после того, как соединились войска Ленинградского и Волхов-

ского фронтов, наши летчики не только не получили передышки, а, наоборот, должны были сражаться с еще большим напряжением.

С 20 января действия немецкой авиации заметно активизировались. Начали появляться большие группы бомбардировщиков. Но хорошо организованная служба наблюдения и оповещения, которая имела уже в своем распоряжении радиолокационные станции, сводила на нет попытки врага произвести массированные налеты на позиции наших наземных войск. Так, только за один день 23 января истребители, прикрывавшие поле боя, сбили 14 немецких самолетов — 8 бомбардировщиков и 6 сопровождавших их истребителей.

Боевые подвиги летчиков были высоко оценены Советским правительством. Из двадцати шести воинов-ленинградцев, которым после прорыва блокады было присвоено звание Героя Советского Союза, — семнадцать — летчики. В тот же период двумя другими Указами Золотых Звезд были удостоены еще шесть летчиков-ленинградцев.

Победно завершившаяся операция «Искра» была значительным шагом в дальнейшей борьбе за полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады. В этом смысле кодовое название операции звучало символически — из искры действительно возгорелось пламя.

И. М. Пядусов

генерал-майор, во время прорыва блокады командующий артиллерией 67-й армии

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ УДАР

Подготовка к прорыву блокады началась осенью сорок второго года. Сооружались специальные городки, оборудовались учебные поля, где подразделения обучались штурму долговременной обороны противника.

В конце ноября 1942 года под руководством начальника инженерных войск фронта генерал-майора Б. В. Бычевского на одном из полигонов была оборудована учебная полоса обороны. Строилась она по образцу обороны противника на участке, намеченном для прорыва. В начале декабря здесь было проведено показательное артиллерийское учение. На нем присутствовали командование фронта, командиры частей и соединений, а также отдельных специальных подразделений.

За несколько дней до начала операции командующий армией генерал-майор М. П. Духанов, член Военного совета армии генерал-майор П. А. Тюркин, начальник оперативного отдела полковник Мордвинов и я выехали во 2-ю ударную армию Волховского фронта. Цель этой поездки заключалась в том, чтобы окончательно уточнить огневое воздействие по целям, расположенным на линии встречи, и подавление артиллерии противника в разграничительных линиях армий.

Перед отъездом на Волховский фронт мы беседовали с членом Военного совета фронта А. А. Ждановым. В заключение он сказал:

— Волховчане, считая нас обессиленными в осаде, могут предложить отнести линию встречи двух армий ближе к Неве. Ни в коем случае не соглашайтесь на это! Скажите им, что свою задачу мы выполним.

Разговоры при встрече с волховчанами именно с этого и начались. Член Военного совета Волховского фронта генерал Л. З. Мехлис предложил перенести линию встречи наших армий ближе к Неве. Мы с ним, однако, не согласились, заявили, что Ленинградский фронт имеет достаточно сил и средств, чтобы полностью выполнить свою боевую задачу. На совещании были уточнены вопросы взаимодействия двух армий.

С наступлением темноты отправились домой. Опять «Дорога жизни». Не успели мы проехать от берега и пяти километров, как впереди идущая грузовая машина пошла под лед. К счастью, шофер и боец, сопровождавший груз, успели выскочить из машины.

Много в ту пору приходилось переносить шоферам, перевозившим грузы с Большой земли в осажденный Ленинград. Это стоило им чрезмерного напряжения физических и моральных сил. Опасность заключалась не только в том, что машина могла ежеминутно провалиться под лед, но и в том, что за ними постоянно охотились бомбардировщики и истребители врага, часто трассу обстреливала артиллерия.

За три дня до начала операции представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов в присутствии членов Военного совета фронта заслушал доклады начальников родов войск. Когда я докладывал, К. Е. Ворошилов особенно интересовался задачами орудий прямой наводки. В 67-й армии было около 300 таких орудий. На некоторых участках количество их доходило до 45 на один километр фронта. Маршалу Ворошилову была показана артиллерийская панорама с нанесенными на ней целями, которые предстояло разрушить или уничтожить орудиями прямой наводки, указаны места расположения орудий, даже названы фамилии командиров орудийных расчетов.

— А у волховчан я не видел такой панорамы, — сказал Ворошилов. — Я «одолжу» ее у вас и покажу им.

В полосе наступления нашей армии, вместе с артиллерией Краснознаменного Балтийского флота, насчитывалось 1873 орудия и миномета, или 144 орудия и миномета на один километр фронта.

У немцев на шлиссельбургско-синявинском выступе было сосредоточено около 700 орудий и минометов.

К назначенному сроку вся подготовительная работа была закончена.

В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года одновременно с двух сторон на противника обрушился небывалый шквал огня. Мощные раскаты артиллерийской канонады на приневской земле возвестили о начале прорыва вражеской блокады Ленинграда.

После первого огневого налета начался 50-минутный период разрушения. Уничтожались наблюдательные пункты, огневые точки, блиндажи, землянки, траншеи, ходы сообщения; проделывались проходы в минных полях и проволочных заграждениях. На протяжении всей артиллерийской подготовки велась борьба с артиллерией противника.

С первым залпом артиллерийского удара войска армии начали форсировать Неву. Как только воины дивизии Симоняка вышли на лед, духовой оркестр заиграл «Интернационал». Это были поистине незабываемые минуты!

Силу нашей артиллерии по-настоящему мог оценить только тот, кто испытал ее на себе. Вот показания некоторых гитлеровцев. «Я побывал на всех театрах военных действий в Западной Европе, но такого кошмарного огня мне нигде не довелось видеть», — говорил один. «Я — артиллерист, офицер 227-го артиллерийского полка, но никогда еще не видел до этого наступления такого сокрушительного удара». А солдат 401-го полка 170-й пехотной дивизии сказал: «Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню весь этот адский грохот, разрывы снарядов и мин, так снова и снова меня бросает в дрожь».

Огневой смерч катился в глубину вражеской обороны. Разрушив вторую траншею противника и искорежив все, что в ней было, он начал крошить третью траншею гитлеровцев. Огонь наших орудий был ошеломляющим. Но и он не мог полностью сокрушить все сооружения противника, — настолько была сильна его оборона.

И в первый и в последующие дни операции враг упорно сопротивлялся. Из уцелевших огневых точек сильным пулеметным огнем он пытался преградить путь нашей пехоте.

Но уже ничто не могло остановить защитников Ленинграда. Доблестным пехотинцам и танкистам приходили на помощь артиллеристы. Они выискивали огневые позиции артиллерии и минометов врага, накрывали их метким, сокрушительным огнем. Орудия сопровождения, дви-

гавшиеся со стрелковыми цепями, уничтожали пулеметные гнезда, дзоты противника.

Многие артиллеристы отличились в этих боях. Так, батарея капитана Д. Криштеля одной из первых переправилась на левый берег Невы. В боевых порядках пехоты она двигалась вперед, уничтожая огневые точки врага, его живую силу и технику. На второй день боев пехота вышла к узлу дорог в районе севернее песчаного карьера. Здесь она встретила отчаянное сопротивление гитлеровцев. Артиллеристы своим огнем подавили 9 пулеметов, разрушили 2 дзота, несколько землянок, уничтожили более 100 фашистов. Восемь дней батарея неустанно двигалась с пехотой, помогая ей отражать вражеские контратаки и пробиваться вперед.

Отважно и умело сражались с врагом огневые расчеты батареи, которой командовал старший лейтенант В. Е. Зубаков. Артиллеристы получили задачу подавить вражескую оборону на участке наступления 169-го стрелкового полка 86-й дивизии. Выкатив орудия на открытую позицию, расчеты прямой наводкой уничтожили девять пулеметов вместе с прислугой, одно 75-миллиметровое орудие и два миномета врага.

Отлично действовал расчет сержанта Черняева, одного из героев тех памятных боев. Он наступал вместе со стрелковой ротой. Когда ей преградил путь пулеметный дзот, расчет выкатил орудие на пригорок и шестью выстрелами уничтожил вражескую огневую точку. Когда по пехоте открыли огонь вражеские минометчики, наши артиллеристы быстро обнаружили их и накрыли метко посланными снарядами.

18 января 1943 года был завершен прорыв блокады. Но бои на этом участке не прекращались. Особенно нам досаждала 8-я ГЭС, где все еще оборонялся немецкий гарнизон. Этот мощный опорный пункт по существу был у нас в тылу. Несмотря на отличную работу артиллеристов Балтики и почти полное разрушение корпусов электростанции, фашисты продолжали вести огонь по нашим наступающим войскам. Надо было ликвидировать это осиное гнездо. Наш артиллерийский удар здесь имел большое значение.

Армейские радисты перехватили радиограмму, предназначавшуюся гарнизону 8-й ГЭС. Она была очень короткой и после расшифровки выглядела так: «Держ. выс. полк». Долго мы колдовали над ней с полковником

Б. И. Казновым. Смущало нас второе слово — «выс». Что оно обозначало? «Выслан полк» или «высылаю полк»? Если бы дело происходило днем, наземным и воздушным наблюдением мы могли бы установить движение противника. Правда, дорога, идущая от противника к электростанции, очень плохо просматривалась, но полк — это не иголка. А ночью никакое наблюдение не поможет.

Однако как бы там ни было, а решение принимать надо. Смысл его только один: не допустить этот полк во вражеский гарнизон. Для этого мы произвели три мощных огневых налета по дороге к ГЭС: один — на переднем крае обороны противника, другой — на середине пути и третий — на подходе к электростанции. Выделенные шесть орудий на прямую наводку ночью заняли огневые позиции в непосредственной близости от ГЭС, а с рассветом открыли огонь.

Когда наши бойцы в феврале ворвались на территорию 8-й ГЭС, они нашли там трех тяжелораненых гитлеровцев, остальные были уничтожены.

А как же с подкреплением? На подходе к станции мы обнаружили сотни фашистских трупов. Это все, что осталось от полка, брошенного на выручку гарнизону ГЭС.

В заключение хочется сказать, что прорыв блокады — это хорошо подготовленная и проведенная операция, проходившая в сложных условиях, продемонстрировавшая высокую боевую выучку войск и умелое руководство ими на поле боя.

А. К. Анатов

генерал-майор, во время прорыва блокады командир 2-й отдельной моторизованной инженерной бригады

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

В декабре 1942 года меня вызвали в штаб инженерных войск фронта. Я в то время командовал 2-й отдельной моторизованной инженерной бригадой специального назначения РВГК (резерва Верховного Главнокомандования). Начальник оперативного отдела полковник С. Д. Юдин, старый мой друг и сослуживец, сказал:

— Ну вот мы и дождались своего часа, Алексей Константинович. Ставка приняла решение о проведении операции по прорыву блокады. Будет и на нашей улице большой праздник.

Вместе мы пошли к начальнику инженерных войск генералу Б. В. Бычевскому. Борис Владимирович с присущей ему деловитостью определил главные направления в деятельности бригады по подготовке операции. На ближайшее время, считал он, основным для нас является организация разносторонней инженерной разведки. И не только в районе предстоящих действий, а по всему фронту — от Финского залива до Ладожского озера, чтобы противник не мог разгадать направление главного удара.

— Свяжитесь с подполковником Александровым, — приказал генерал Бычевский. — С ним согласуйте конкретный план действий.

Помощник начальника штаба по разведке подполковник П. Г. Александров представил бригаде все данные о противнике, которыми он располагал, и сам активно включился в подготовку поисковых групп, постоянно оказывая нашему штабу и батальонам деловую помощь. Тесный контакт мы поддерживали с общевойсковой разведкой, увязывали с ней буквально каждый свой шаг.

Поисковые группы бригады действовали в полосах обороны 42, 55 и 67-й армий. Нередко наибольшую активность они демонстрировали на тех участках, где наступательных действий проводить не предполагалось.

Разведка, как правило, проводилась ночью в ненастную погоду. Оставаясь незамеченными для секретов и боевого охранения противника, поисковые группы настойчиво и планомерно изучали систему инженерных сооружений в районе предстоящих действий как на переднем крае, так и в ближайшей глубине.

В этой важной и опасной работе отличились десятки наших командиров и бойцов. Среди них особенно выделялась поисковая группа лейтенанта В. Н. Соколова, бесстрашного человека, опытного командира.

Добытые нашими разведчиками данные позволили довольно полно установить схему, средства вражеских инженерных сооружений, способы минирования, наметить участки для проделывания проходов.

Во время подготовки к боям мы провели специальное инженерное учение в 67-й армии. Командиры и бойцы стрелковых соединений познакомились с конструкцией и тактико-техническими данными вражеских средств минирования, со способами установки мин, демаскирующими признаками.

На учениях присутствовал командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Он указал, что, исходя из боевых задач, решаемых инженерными войсками в наступлении, необходимо обеспечить переправу по льду реки наших артиллерийских и танковых частей, а также дальнейшее их продвижение в глубине.

Перед наступлением требовалось в первую очередь снять огромное количество мин на своем переднем крае, обеспечить безопасные проходы во вражеских минных полях, прикрывавших левый берег Невы. Все это предстояло сделать быстро, буквально за считанные минуты. Снимать же мины вручную и долго и опасно. Поэтому приняли решение — еще во время артиллерийской подготовки подорвать наши минные поля подвесными зарядами.

Однако опыта их применения в таких крупных масштабах в то время мы еще не имели. По указанию начальника инженерных войск 67-й армии полковника С. И. Лисовского в нашем седьмом инженерно-саперном батальоне приступили к испытаниям. Руководил ими комбат майор П. К. Евстифеев. Было проведено немало опы-

тов, позволивших точно определить вес заряда, высоту его подвески над поверхностью земли, радиус действия взрывной волны, которая приводит к детонации. В результате кропотливых исследований удалось точно установить безотказные способы подрыва минных полей.

Когда наша артиллерия открыла огонь по врагу, было почти мгновенно, словно по мановению волшебной палочки, произведено разминирование своих заграждений. Успешно справились инженерные войска и с проделыванием проходов во вражеских минных полях. Действуя в составе штурмовых групп и групп заграждения, саперы быстро обезвреживали мины, подрывали или растаскивали проволочные заборы и рогатки.

Очень сложной оказалась подготовка ледяных переправ для тяжелых танков и крупных артиллерийских систем. Лед на Неве имел неодинаковую толщину и требовал усиления. Осуществить это было непросто. Первые попытки ни к чему не привели. Но пытливая мысль военных инженеров нашла выход. Штаб инженерных войск фронта разработал оригинальную конструкцию бревенчатого настила. Расчеты были сделаны специалистами отдельной инженерно-саперной бригады полковника А. П. Шубина. Как поперечины, так и концы настила крепились ко льду сквозными штырями или трубчатыми нагелями. Отверстия для них проделывались электросверлами, приводимыми в движение от походных электростанций.

В бригаде все было заблаговременно подготовлено. Сборка всей конструкции, сверление дыр во льду производились на широком фронте всех четырех переправ в первые же часы боя. С этой задачей успешно справился личный состав 41-го понтонно-мостового батальона капитана Е. П. Гуляницкого.

После захвата пехотой первой траншеи противника саперы быстро сделали въезды на крутой левый берег для наших танков.

Мужественно и отважно трудился и сражался личный состав 191-го и 193-го батальонов инженерных заграждений майора Н. Н. Сухарева и капитана Н. Н. Мальцева. Они не только наступали вместе со стрелковыми подразделениями, но и помогали им отражать контратаки. На правом фланге 67-й армии саперы в короткий срок собрали из конструкций до пятидесяти дзотов, установили более двух десятков бронированных колпаков.

После прорыва блокады Ленинграда наше командование принимало меры по обеспечению устойчивой обороны отбитого у врага коридора. Создание такой обороны в инженерном отношении было возложено на 191-й и 193-й батальоны инженерных заграждений. Саперы под артиллерийским обстрелом и бомбежкой ставили мины натяжного и управляемого действия. Быстро были созданы минные поля. Кроме того, 13-й электротехнический батальон нашей бригады поставил на восьмикилометровом фронте — 8-я ГЭС — 2-й Городок — электризованные заграждения. Электрики сконструировали автоматический переключатель, включавший поражающий ток поочередно в расчетные участки сети за 1—2 секунды. Противник пытался вклиниться в нашу оборону, но, понеся потери, отступил и больше здесь не наступал.

Небезынтересно отметить, что в 191-м и 193-м батальонах инженерных заграждений майора Н. Н. Сухарева и капитана Н. Н. Мальцева вместо управляемых мин применили 152-миллиметровые артиллерийские снаряды. Они приводились в действие электротоком по проводам.

В 190-м батальоне капитана В. С. Яковлева для управления взрывом мин использовали приборы ФТД (фугасы тактического действия). Команды на взрыв давались по радио с батальонной радиостанции. Не раз силу этого грозного оружия испытали на себе гитлеровцы.

Одновременно с обеспечением боевых действий стрелковых и танковых войск саперы очищали от мин противника маршруты дорог и колонных путей, освобожденные Рабочие поселки. Работа по разминированию — одна из самых опасных для саперов. Если перед прорывом вражеской обороны разминирование переднего края противника производилось взрывным способом с помощью подвесных зарядов, то при разминировании населенных пунктов и территорий этот способ не годился, — мины были в грунте. Приходилось обезвреживать каждую с большой осторожностью и умением. При этом пострадал даже такой опытный военный инженер, как командир батальона Н. Н. Сухарев, — он потерял два пальца на левой руке.

Мужественно и умело действовали в те дни инженерные войска, способствуя успеху операции «Искра».

А. Ф. Хренов

генерал-полковник, Герой Советского Союза, во время прорыва блокады заместитель командующего Волховским фронтом, начальник инженерных войск

ВКЛАД ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

В октябре редко выдавался погожий день. Лили дожди, затяжные, осенние. Дороги превращались в вязкое месиво, по ним нельзя было ни пройти, ни проехать. Бойцы порой выстраивались цепочкой и, как по конвейеру из рук в руки передавали друг другу снаряды, мины, патроны, продукты.

С нетерпением ждали мы холодов, когда морозы покроют ледяным панцирем разбухшую почву, наведут естественные мосты через болота и топи. Но, к нашему величайшему огорчению, зима запаздывала.

В один из хмурых октябрьских дней меня вызвал командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков. В небольшой комнате, служившей Кириллу Афанасьевичу кабинетом, кроме него находился еще и генерал-лейтенант М. Н. Шарохин, недели две назад назначенный начальником штаба фронта.

— Садитесь, Аркадий Федорович, — сказал генерал Мерецков. — Надо посоветоваться. Сейчас подойдут и другие.

На этом узком совещании у командующего присутствовали генералы Г. Е. Дегтярев — наш фронтовой «артиллерийский бог», командующий бронетанковыми войсками Н. А. Болотников, полковники начальники отделов оперативного — В. Я. Семенов и разведывательного — В. И. Василенко. Речь шла о подготовке к новой наступательной операции по прорыву блокады.

Командующий предложил всем присутствовавшим письменно изложить в своих рабочих тетрадях соображения относительно проведения этой операции. Когда мы

закончили, К. А. Мерецков собрал тетради и положил их в сейф.

— О чем мы здесь советовались, пока никому ни слова, — сказал командующий. — С вашими соображениями познакомимся в самое ближайшее время. Все ценное используем...

И действительно, как мы в дальнейшем убедились, наши рабочие тетради не были забыты. Их внимательно прочитали командующий, начальники штаба и оперативного отдела, приступая к отработке замысла операции.

К. А. Мерецков, перед тем как отпустить участников совещания, каждому дал конкретные указания о том, чем в первую очередь заняться.

— Инженерные войска, — сказал он, — должны обратить особое внимание на совершенствование обороны как на переднем крае, так и в глубине.

К. А. Мерецков подчеркнул, что укрепление позиций наших войск — не самоцель.

— Так мы сделали перед Синявинской операцией, — напомнил командующий. — И это себя тогда оправдало. Надеюсь, что и теперь удастся отвести без всякого ущерба для обороны с передовой линии в резерв фронта пять-шесть дивизий, хорошо подготовить их к наступательным боям...

Указания командующего инженерные войска выполнили. Несмотря на осеннее ненастье, в октябре и ноябре проделали значительную работу по совершенствованию оборонительных позиций.

В начале декабря была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования о проведении операции «Искра». И сразу подготовка к наступательным боям приобрела большой размах. Активнее стала действовать разведка: общевойсковая, артиллерийская, воздушная, инженерная. В штабах разрабатывались конкретные планы прорыва вражеской обороны как на переднем крае, так и в глубине, взаимодействия разных родов войск.

В соответствии с замыслом операции и решением командующего фронтом начал отработку вопросов инженерного обеспечения и штаб инженерных войск. Возглавлял штаб опытный и энергичный инженер-полковник М. И. Марьин. Деятельными помощниками у него были майоры начальники оперативного отделения И. Н. Забелин и отдела заграждений С. П. Назаров, а также майоры

Д. К. Жеребов, С. Н. Кукушкин, Ф. Ф. Колосов. Они составили конкретный план инженерных мероприятий по этапам операции. Была также сделана принципиальная схема эшелонирования боевых порядков наших войск с учетом многообразных задач, которые возникают в ходе наступления.

К операции привлекались значительные силы. Не буду перечислять общевойсковые и танковые соединения. Скажу лишь об инженерных соединениях и частях. В составе 2-й ударной армии были две инженерные бригады — 39-я и 53-я, три саперных батальона. В общей сложности в армии насчитывалось более 5 тысяч саперов. Наступавшие войска поддерживали также две инженерные бригады фронтового подчинения. Их намечалось использовать главным образом для оборудования исходных районов и закрепления отбитых у противника рубежей.

В подготовительный период силами инженерных частей были оборудованы учебные участки обороны, схожие с вражеской. На них стрелки или самостоятельно, или во взаимодействии с артиллерией, саперами отрабатывали детали наступательного боя в лесисто-болотистой местности. Это была, как показали бои, хорошая школа воинского мастерства.

Участвовали инженерные войска также и в оперативной маскировке. Ее суть сводилась к имитации подготовки наступления на нашем левом фланге, севернее Новгорода, с плацдарма на западном берегу Волхова. В этом районе, чтобы ввести противника в заблуждение, всеми средствами демонстрировалось сосредоточение войск. Саперы уничтожали по ночам вражеские проволочные заграждения и минные поля, создавая у гитлеровцев впечатление, что именно здесь будет наноситься удар.

Противника нам удалось перехитрить. Он, как отмечал позднее командующий фронтом, «клюнул на эту удочку», усилил к северу от Новгорода свою оборону, подтянул резервы.

На правом же фланге наши войска, тщательно соблюдая маскировку, готовились к решительному наступлению. Была расширена и дооборудована система оборонительных сооружений, построено 20 километров колонных путей, ведущих из тыла к переднему краю, отремонтированы и усилены мосты.

В декабре мы провели сборы командиров инженерных частей и дивизионных инженеров, разъяснили саперам,

какие именно задачи им придется решать в предстоящей операции. На легкую победу, говорилось на сборах, надеяться нельзя. В подтверждение этого приводились данные нашей разведки, к тому времени многократно проверенные и уточненные.

Вражеская оборона, которую гитлеровцы создавали более 16 месяцев, представляла собой серьезную преграду, нужно было преодолеть три сильно укрепленные позиции. Каждая из них состояла из батальонных узлов сопротивления, а последние — из опорных пунктов, которыми противник прочно прикрыл узлы дорог, дефиле между болотами, подступы к населенным пунктам. Все три оборонительные позиции были связаны между собой отсечными фронтовыми позициями. Их занимали подвижные группы автоматчиков, пулеметчики и расчеты противотанковых ружей.

Основную массу инженерных сооружений и заграждений противник сосредоточил в тактической полосе обороны. Каждый узел сопротивления и опорный пункт были приспособлены для круговой обороны, усилены противотанковыми и противопехотными заграждениями: рвами, надолбами, завалами, дерево-земляными валами и заборами, минными полями. Оборонительные сооружения тщательно маскировались, бесперебойно действовала звуковая и световая сигнализация.

Характер обороны противника определял тактику действий наших войск. Главной ударной силой являлась артиллерия. Она должна была проложить путь пехоте и танкам. Но это не значило, что после мощного огневого удара на долю других родов войск ничего не останется, что при их движении вперед не будет оказано сопротивления. Прошлые бои показали, что так не бывает. Следовательно, инженерным войскам предстояло быть готовыми своими средствами оказать помощь пехоте.

Об этом и шла речь на сборах. Мы потребовали от командиров инженерных частей и дивизионных инженеров обратить самое серьезное внимание на комплектование штурмовых групп и групп разграждения, призванных сыграть важную роль в прорыве вражеской обороны. Когда бои развернутся в глубине обороны противника, инженерные войска должны принять меры по закреплению отвоеванных позиций.

К 1 января 1943 года подготовка к операции у нас была в основном завершена. Об этом докладывали началь-

ники инженерных войск 2-й ударной армии Мельников и 8-й армии Германович, командиры бригад Булахов, Солдатенков, Рабинович, комбат Баранов. Однако очень мягкая погода заставила на две недели отложить начало операции. Синявинские торфяные болота еще не успели как следует промерзнуть, не выдерживали танков и артиллерийских орудий, сковывая, таким образом, маневр на поле боя.

11 января 1943 года представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Г. К. Жуков заслушал мой доклад об инженерном решении по обеспечению операции «Искра». Затем, внимательно рассматривая рабочую карту, предложил дать подробную характеристику местности на фронте прорыва, системы укреплений противника, тактику оборонительных действий.

Докладывая представителю Ставки, я развернул другую карту: с поднятым рельефом местности и выразительно обозначенными на ней тремя вражескими оборонительными позициями, протянувшимися от южного берега Ладожского озера до Синявинских высот.

Георгий Константинович слушал молча, не перебивая. Когда я закончил доклад, задал несколько вопросов, касающихся оперативного построения боевых порядков, численности других родов войск. Ему, видимо, хотелось удостовериться, как мы продумали организацию взаимодействия на поле боя.

— Будем заслушивать других товарищей? — спросил у представителя Ставки командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков после моего доклада.

— А они могут добавить что-нибудь существенное?

— Пожалуй, нет. О главном доложено...

— Тогда не будем. Времени у нас в обрез.

Да, уже только считанные часы остались до начала операции. Действуя строго по плану, выдвигались в исходные районы войска. Командиры соединений и частей обосновывались на своих командно-наблюдательных пунктах. Пользуясь сгустившейся темнотой, группы разграждения со всеми мерами предосторожности убирали проволочные заборы, снимали мины. Затем, глубокой ночью, саперы переберутся на нейтральную полосу, приблизятся почти вплотную к вражеским позициям: надо и здесь проделать и обозначить безопасные проходы наступающим подразделениям. Работа эта адовая, — но, несмотря на подстерегавшие на каждом шагу саперов опасности,

она делалась с пониманием каждым командиром и бойцом своей личной ответственности за успешное ведение предстоящего боя.

Под утро я зашел в штаб инженерных войск. Полковник М. И. Марьин сидел склонившись над какой-то схемой. На столе перед ним стоял недопитый стакан крепко заваренного чая. Вид у Марьина был усталый, глаза покраснели, глубоко запали.

Что говорить, напряженной была работа начальника штаба за период подготовки к операции. Мысленно он от начала и до конца уже провел ее. В разработанных штабом документах отразилась динамика боевых действий саперов и при прорыве вражеской обороны, и на последующих этапах операции.

Трудно, конечно, все предусмотреть и все спланировать. В бою принимают участие две стороны, и каждая стремится добиться успеха. Побеждает же, как правило, тот, кто лучше подготовлен к бою и искусно управляет им, мыслит не шаблонно, а творчески.

М. И. Марьин хорошо справлялся с нелегкими и хлопотливыми обязанностями начальника штаба. Когда позднее встал вопрос о его назначении начальником инженерных войск армии, признаюсь, мне искренне было жаль с ним расставаться. Уходил хороший помощник, вдумчивый советчик, многое сделавший для всесторонней подготовки нашего рода войск к операции «Искра».

В ночь на 12 января мы оба еще не знали, что придется расстаться. Говорили о том, что тревожило обоих,— удастся ли сломить вражеское сопротивление на направлении главного удара, что следует предпринять, если, паче чаяния, произойдет какая-нибудь заминка.

Наступило утро. Как и планировалось, в 9 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. Никогда прежде на этом участке фронта на врага не обрушивался такой огневой удар. На командном пункте, где я находился, трудно было расслышать человеческий голос. Можно представить, что творилось на вражеских позициях, где каждую минуту рвались тысячи снарядов...

За 40 минут до окончания артподготовки вперед выдвинулись группы разграждения. Саперы резали и растаскивали колючую проволоку, подрывали минные поля, разбирали завалы.

Самоотверженно действовали в районе поселка № 8 саперы 1238-го полка 372-й стрелковой дивизии. Боевой работой созданных в этой части групп разграждения руководил полковой инженер старший лейтенант Г. Н. Павлов, показывал всем бойцам пример бесстрашия, верности воинскому долгу. Он сделал 15 проходов во вражеских минных полях и проволочных заграждениях. На командира-коммуниста равнялись и другие саперы. Не обращая внимания на вражеский пулеметный и автоматный огонь, они открывали путь для атаки стрелковым подразделениям. А когда роты устремились на врага, саперы присоединились к ним. Группы разграждения уничтожили три дзота противника.

И в других полках, наступавших в первом эшелоне, саперы хорошо справились со своими обязанностями. Они не допустили срыва атаки, нередко жертвуя собой обеспечивали продвижение пехоты и танков.

Заместитель наркома обороны начальник инженерных войск Красной Армии генерал М. П. Воробьев, приехавший в район боев, дал положительную оценку действиям групп разграждения и штурмовых групп, предложил нам обобщить их опыт.

За первый день наступления войска 2-й ударной армии прорвали на ряде участков первую позицию вражеской обороны, продвинулись на отдельных направлениях до 3 километров. 13 января командарм ввел в бой часть сил второго эшелона. Вражеское командование в свою очередь принимало меры, направленные на срыв нашего наступления.

Особенно обострилась обстановка в районе рощи «Круглая». Командующий фронтом приказал мне оказать помощь 327-й стрелковой дивизии. Против нее вражеские войска предприняли несколько сильных контратак. 327-й дивизии была придана 39-я инженерная бригада. За проявленную личным составом доблесть, стойкость и высокую дисциплину эта бригада после прорыва блокады была преобразована в гвардейскую. Кроме нее, для создания в роще «Круглая» надежной обороны, туда направлялись части военно-полевого строительства. Возглавлял его ветеран инженерных войск полковник А. С. Цигуров. За боевые подвиги на фронтах гражданской войны он был награжден двумя орденами Красного Знамени. Несмотря на преклонный возраст, А. С. Ци-

гуров работал много и плодотворно. Не пожалел он энергии и для того, чтобы безупречно выполнить приказ о совершенствовании обороны в роще «Круглая»: на передовую линию были поданы железобетонные колпаки, оборудованы долговременные огневые точки.

Операция по прорыву блокады была короткой. Но она имела очень важное значение для Ленинградского и Волховского фронтов, создала благоприятные возможности для победоносного завершения в дальнейшем героической битвы за Ленинград. Вместе с тем бои южнее Ладожского озера обогатили войска фронта опытом организации и проведения операций крупного масштаба с участием танков, артиллерии, авиации в тяжелых и неблагоприятных условиях лесисто-болотистой местности.

М. П. Журавлев

генерал-лейтенант авиации, во время прорыва блокады командующий 14-й воздушной армией

ВЗАИМОДЕЙСТВУЯ С НАЗЕМНЫМИ ВОЙСКАМИ

Во время прорыва блокады Ленинграда мне довелось командовать 14-й воздушной армией Волховского фронта. Должен заметить, что у большинства летного состава к тому времени не было еще достаточного боевого опыта непосредственного сопровождения наступающих наземных войск, хотя летную подготовку все имели хорошую. Поэтому командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков большое внимание обращал на отработку вопросов взаимодействия воздушных сил с наступающими войсками. Особенно это относилось к авиачастям и соединениям, предназначенным для непосредственного сопровождения пехоты и танков.

В целях наиболее эффективного использования авиации, сопровождающей наступающие войска, за каждой стрелковой дивизией и танковой частью мы закрепили небольшие оперативные группы со средствами радиосвязи. Эти группы предназначались для управления авиационными подразделениями и даже отдельными самолетами над полем боя. Через представителей авиации общевойсковые командиры в процессе боя, особенно при быстро меняющейся обстановке, могли своевременно перенацеливать поддерживающие авиачасти и подразделения на поражение наиболее важных в данный момент объектов противника.

Я как командующий воздушной армией в зависимости от сложившейся обстановки должен был находиться с командующим фронтом или командармом 2-й ударной. По их требованию я мог наращивать усилия авиации на том или ином участке фронта, используя для этого средства радиосвязи и небольшую оперативную группу.

Наземным войскам и авиации двух фронтов предстояло действовать на весьма ограниченных территориях. В таких стесненных для авиации условиях возможны случаи ударов по своим войскам, а также атаки истребителями своих самолетов. Чтобы исключить такие неприятные возможности, при составлении плана взаимодействия 13-й и 14-й воздушных армий были установлены сигналы обозначения передовых частей своих войск, опознавания самолетов, а также направления действий и выходов на бой штурмовиков.

Несмотря на неблагоприятные условия погоды, у нас не было ни одного случая, чтобы авиация нанесла удар по своим войскам или истребители обстреляли свои самолеты. Достигли этого благодаря тщательно разработанному взаимодействию между авиацией и наземными войсками, а также между авиацией двух фронтов.

Боевую работу наша воздушная армия начала еще в период подготовки к операции. Велась она, правда, ограниченными силами. В чем же заключалась эта работа? В решении трех основных задач: проведение визуальной и фоторазведки глубины обороны противника и особо тщательное фотографирование переднего края его обороны; прикрытие сосредоточения своих войск от возможных ударов противника с воздуха; обычные для обороны боевые вылеты с целью нанесения ударов по отдельным объектам, главным образом по скоплениям и передвижениям вражеских войск в районе станции Мга и Синявинских высот.

Первая из этих задач была наиболее сложной и трудной, однако наши летчики справились с ней блестяще. К началу операции был сфотографирован весь передний край обороны немцев от опорного пункта в деревне Липки до реки Волхова. При этом на участке предполагавшегося прорыва обороны врага проведено перспективное фотографирование с высоты 50—100 метров на самолетах ИЛ-2. А экипажами-разведчиками на самолетах ПЕ-2 была сфотографирована оборона противника в границах предстоящего наступления на всю глубину. При фотографировании с небольших высот особенно проявил себя молодой летчик-штурмовик лейтенант Никитенко, награжденный за это орденом Красного Знамени.

Прикрытие сосредоточения войск 2-й ударной армии и их перегруппировок осуществлялось патрулированием истребителей. Однако в целях маскировки и сохранения

сил летчиков-истребителей для предстоящих активных боевых действий, в воздух они поднимались только в случае особой необходимости.

Когда вся подготовительная работа была закончена, план боевого использования 14-й воздушной армии, утвержденный командующим фронтом, мы довели до командиров частей и соединений. Начинался он с предварительной авиационной подготовки. Эту задачу выполняла авиация дальнего действия генерала А. Е. Голованова. В ночь накануне наступления было проведено 450 самолето-вылетов в течение 1 часа 10 минут. Свой бомбардировочный удар наша авиация нанесла по скоплениям войск и артиллерии противника в районе юго-восточнее станции Мга, а частью сил — по самой станции. В коридоре пролета дальней авиации передний край наших войск обозначался подсветом автомобильных фар.

С началом операции в дело вступила бомбардировочная авиация фронта, она провела очень эффективную авиационную подготовку. В ходе развернувшихся боев наша воздушная армия выполняла такие задачи, как прикрытие своих войск от возможных ударов авиации противника. С этой целью над полем боя непрерывно патрулировали наши истребители. Надежными спутниками наступающих войск были штурмовики. Им часто приходилось обрушивать свои удары на вражескую артиллерию и танки, уничтожать и рассеивать по лесам подходящие резервы противника.

На участке прорыва у врага имелись мощные опорные пункты, задерживавшие продвижение пехоты и танков. И тут на помощь им приходила наша авиация: бомбовыми и штурмовыми ударами она разрушала вражеские укрепления, частично уничтожала его боевую технику и живую силу. Не забывали мы и о ведении непрерывной разведки в оперативном тылу противника, чтобы своевременно выявить возможные мероприятия крупных масштабов, направленные на срыв операции.

Прошедшее тридцатилетие стерло из памяти многие отдельные детали боевой работы нашей воздушной армии. Одно лишь можно сказать: несмотря на сложность метеорологических условий в дни прорыва блокады, авиация действовала с полным напряжением своих сил и возможностей. Особенно это относится к штурмовым и истребительным частям, летный состав которых делал по нескольку боевых вылетов в день, преодолевая противодей-

ствие вражеской авиации и успешно решая поставленные перед ним задачи.

Эскадрилья капитана С. С. Однодворченко, несмотря на сильный заградительный зенитный огонь врага, почти полностью парализовала управление войсками фашистов в районах Синявино и Рабочий поселок № 7. Неоднократными бомбо-штурмовыми ударами четверка наших самолетов метко поражала артиллерию и живую силу.

Искусно отражая атаки вражеских истребителей, командир эскадрильи показывал всем летчикам пример боевой отваги и высокого мастерства. Экипаж С. С. Однодворченко сбил два вражеских самолета. Много раз техники удивлялись, как его ИЛ-2 долетал до своего аэродрома, — на машине подчас живого места не было от пробоин. Но, несмотря ни на что, к следующему летному дню самолет Однодворченко был всегда готов к вылету. Отважному летчику, отличившемуся и в последующих боях, позднее было присвоено звание Героя Советского Союза.

В этой операции нашим летчикам пришлось впервые вести воздушные бои с новым, более мощным, чем МЕ-109, истребителем противника «фокке-вульф-190». В связи с тем что воздушная обстановка под Ленинградом оказалась для немцев неблагоприятной, они вынуждены были перебросить истребители этого типа с другого фронта. Однако и это не помогло фашистам. Наши летчики очень быстро, можно сказать — на ходу, изучили положительные и отрицательные стороны нового истребителя, его повадки, смело вступали с ним в бой и не уступали своего превосходства в воздухе.

В заключение хочется сказать об одном на первый взгляд незначительном факте. Все воины — и ленинградцы, и волховчане — с большим нетерпением ждали сообщения о соединении двух фронтов. Волховчанам такую радостную весть первыми сообщили по радио летчики-штурмовики, находившиеся в то время над районом исторической встречи передовых подразделений Ленинградского и Волховского фронтов. Этот факт свидетельствует о том, что авиация постоянно была с наступающими войсками.

Н. А. Поляков

генерал-майор, во время прорыва блокады командир 327-й стрелковой дивизии

Д. М. Кисляков

полковник, во время прорыва блокады начальник политотдела 327-й стрелковой дивизии

★

ШТУРМ РОЩИ „КРУГЛАЯ"

Наша 327-я стрелковая дивизия должна была наступать на левом фланге 2-й ударной армии. Главный удар полки наносили по роще «Круглая». Такое кодированное название получил мощный вражеский узел сопротивления, расположенный северо-западнее поселка Гонтовая Липка, причинивший много неприятностей войскам Волховского фронта еще во время Синявинской операции.

Командарм генерал-лейтенант В. З. Романовский, ставя дивизии боевую задачу, подчеркнул, как важно овладеть рощей «Круглая». Захват этого узла сопротивления открывал путь к Синявинским высотам, господствующим над окружающей лесисто-болотистой местностью, позволял вплотную приблизиться к дороге, связывающей шлиссельбургскую группировку противника с основными силами 18-й немецко-фашистской армии.

Роща «Круглая» была сильно укреплена. Противник опоясал ее минными полями, снежным валом. За ним находился дерево-земляной забор высотой до двух метров.

В декабре после тщательной рекогносцировки полки начали готовиться к штурму. Учеба носила конкретный и целеустремленный характер. В тыловом районе была подобрана местность, походившая на ту, по которой придется наступать. Саперы возвели снежный вал — забор, который облили водой, и он превратился в ледяную глыбу, натянули проволоку.

Дней за десять до наступления в дивизию приехали представитель Ставки маршал К. Е. Ворошилов и коман-

дующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков. Они побывали на занятиях в 1098-м стрелковом полку, остались довольны действиями командиров и бойцов, объявили благодарность.

В январе 1943 года командиры полков, строго соблюдая маскировку, провели рекогносцировку на местности с командирами батальонов, определили направления наступления подразделений, объекты атаки. Вся эта работа продолжалась в течение шести дней. Комбаты, бывая на переднем крае, следили за поведением противника, наносили на схемы новые, обнаруженные огневые точки; одновременно уточнялись вопросы взаимодействия стрелковых полков с приданными артиллерийскими и танковыми частями, ибо от этого в первую очередь зависел успех в предстоящем бою.

Для того чтобы сломить сопротивление противника и протаранить его оборону на всю глубину, дивизия кроме своих средств борьбы была усилена 2-й артиллерийской дивизией прорыва, которой командовал опытный артиллерист полковник К. А. Седаш. Кроме того, нам были приданы отдельный батальон средних танков, рота танков КВ и батальон огнеметных танков.

Приданные средства усиления позволили создать на нашем направлении наступления довольно высокую плотность артиллерии — 170—180 орудий и минометов на один километр фронта; танки использовались для непосредственной поддержки и сопровождения пехоты. Штурмовые группы — по одной на стрелковую роту первого эшелона — имели в своем составе взвод автоматчиков, один-два танка КВ, огнеметный танк, орудия сопровождения и отделение саперов.

Самое серьезное внимание в дивизии обращалось на морально-политическую подготовку воинов к наступательным боям, рост и сплочение партийно-комсомольских рядов. Коммунисты поднимали боевой дух у своих товарищей по оружию, воспитывали ненависть к фашистским захватчикам.

Приближалось время, когда дивизия должна была занять исходное положение для атаки. Было решено артиллерию вывести в позиционные районы в ночь на 9 января, пехота выдвигалась одной третью сил в ночь на 11 января и остальные войска — в канун наступления. Танки занимали исходный рубеж в период артиллерийской подготовки.

Перед началом боевых действий в полках были проведены митинги, открытые партийные и комсомольские собрания, на которых зачитывалось обращение ленинградцев к воинам Волховского фронта. На этих же собраниях командиры и бойцы давали клятву: «...мы будем идти вперед и только вперед. Среди нас не будет трусов и малодушных. Мы будем равняться по вашей доблести и мужеству, дорогие ленинградцы...»

11 января на наблюдательный пункт дивизии прибыл представитель Ставки генерал армии Г. К. Жуков. Он приказал доложить решение на прорыв, план предстоящего боя, а также как дивизия подготовлена к выполнению поставленной перед ней задачи. Его очень интересовало поведение противника. Генерал армии Г. К. Жуков спросил, не обнаружил ли враг сосредоточения войск. Тревожило его и другое: не отведут ли гитлеровцы во время артиллерийской подготовки свои войска на вторую позицию обороны, и наша артиллерия будет бить по пустому месту?

— Судя по всему, противник спокоен и не догадывается о завтрашнем ударе, — таким был наш ответ.

Генерал армии Г. К. Жуков приказал организовать самую тщательную разведку противника перед фронтом предстоящих действий дивизии, лично докладывать ему об обстановке на командный пункт фронта. Он точно указал время докладов: 24 часа, 6 часов утра, а в случае изменений в обстановке — немедленно.

Приказ представителя Ставки в дивизии выполнялся неукоснительно. Было усилено наблюдение за противником.

Медленно тянулась последняя ночь перед боем. Плотные облака закрывали небо, в воздухе кружились снежинки. Гитлеровцы, как обычно, освещали свой передний край и нейтральную полосу ракетами. Изредка раздавались резкие пулеметные и автоматные очереди.

Что происходит там, за линией фронта? Не допустили ли мы в последний момент какой-нибудь оплошности, позволившей противнику что-то узнать о нашем наступлении? Но ничто как будто не давало поводов бить тревогу, ранее обусловленного срока звонить генералу армии Г. К. Жукову.

Глубокой ночью на командный пункт вернулся из 1102-го стрелкового полка полковник Е. Ф. Дурнов, заместитель командира дивизии по политчасти.

— Настроение у бойцов замечательное, — рассказывал Евгений Федорович. — Один, уже немолодой красноармеец, говорил: «Не беспокойтесь, товарищ полковник, все, как один, дружно пойдем на врага. Потому что злость на гитлеровцев переполнила сердца. Много горя они принесли всем советским людям. Будем бить их, как сталинградцы... Прорвем блокаду, не сомневайтесь!»

И в других полках дивизии был большой подъем. Об этом докладывали командиры и политработники. Воины с полным пониманием своей личной ответственности за успех боя готовились к штурму рощи «Круглая».

Точно в 6.00, получив от разведчиков подробные данные о поведении противника, доложили генералу армии Г. К. Жукову об обстановке. Она, к нашему счастью, не вызывала беспокойства.

— Смотрите, не ошибитесь! — предупредил Георгий Константинович. — Начнется бой, уже трудно будет поправить дело.

Представитель Ставки, чувствовалось, не меньше, чем каждый из нас, беспокоился за исход предстоящего боя. Он требовал от всех командиров самого серьезного подхода к руководству подготовкой наступления, потоянной собранности и глубокого анализа складывающейся обстановки.

Последние часы перед наступлением прошли в томительном ожидании. Все как будто бы обговорено, проверено, готово к бою. Скорей бы уж началось...

12 января в 9.30 от раскатистого грома вздрогнула земля. Ударили тысячи орудий и минометов. Передний край укрыла густая пелена дыма. С открытых позиций прямой наводкой били 122-мм и 152-мм пушки и гаубицы. Только они и могли проделать в дерево-земляных обледенелых заборах проходы для пехоты, танков и орудий сопровождения. Последним заключительным аккордом были огневые удары реактивной артиллерии.

Все кругом гудело и грохотало. Когда дым несколько рассеялся, то мы увидели, что роща «Круглая» больше не существует. Ее буквально стер с лица земли артиллерийский удар. Вместо высоких сосен и елей торчали только разной высоты пни.

В небо взметнулись сигнальные ракеты. И тотчас же штурмовые группы, а вслед за ними и стрелковые роты двинулись на врага.

В первом эшелоне у нас наступали два полка. На правом фланге действовал 1100-й полк, которым командовал майор П. И. Сладких, на левом — 1098-й полк майора С. М. Корягина.

Наступательный порыв у всех воинов был очень велик. Об этом говорит такой эпизод. Когда наша артиллерия еще вела огонь по вражескому переднему краю, командир второго батальона 1098-го стрелкового полка коммунист старший лейтенант С. А. Юняев поднял роты и повел их в атаку. Бойцы, вплотную прижимаясь к огневому валу, ворвались на позиции врага, когда он еще не пришел в себя после мощного огневого удара.

Ничто не могло остановить наших воинов, идущих к Ленинграду: ни глубокий снег, ни минные поля, ни вражеский огонь. Одна за другой врывались в рощу «Круглая» стрелковые роты. В рукопашных схватках, завязавшихся в траншеях и ходах сообщения, в блиндажах и дзотах, на лесных полянках и проселках наши бойцы уничтожали гитлеровцев.

Многие воины показали в этот день образцы умелых и бесстрашных действий. Отличился, к примеру, взвод, которым командовал комсомолец лейтенант А. И. Соколов. Ворвавшись на вражеский передний край, бойцы этого взвода забросали гранатами уцелевшие огневые точки и, не задерживаясь в первой траншее, двинулись дальше, в глубь вражеской обороны. Самоотверженно сражалась рота командира комсомольца старшего лейтенанта Ф. А. Бадюлы. Она уничтожила 4 вражеских дзота, 3 пулеметные огневые точки и истребила до 60 вражеских солдат и офицеров.

Умело и отважно действовало в бою отделение старшего сержанта Матушкина из девятой роты 1100-го стрелкового полка. Командир отделения первым ворвался во вторую вражескую траншею и лично уничтожил пятерых гитлеровцев. Затем с возгласом: «За Родину, за Ленинград!» — повел бойцов на штурм фашистского дзота. Огневая точка противника, мешавшая продвигаться соседям справа, была уничтожена, и вся девятая рота успешно овладела второй траншеей.

Чем глубже вклинивались наши подразделения в оборону противника, тем яростней становилось сопротивление его 366-го пехотного полка. Часа через полтора гитлеровцы начали переходить в контратаки. Сперва небольшими силами — взводом, ротой, а позже и батальоном.

В течение дня было отбито около десяти вражеских контратак.

Особенно сильным оказался нажим противника на 1098-й стрелковый полк. Гитлеровцы, воспользовавшись тем, что наш сосед слева несколько отстал, и опираясь на свои отсечные позиции, предприняли сильную контратаку. Она была отбита, но движение на левом фланге несколько затормозилось.

Майор Корягин получил приказ — занять господствующую высоту, с которой противник обстреливал наши боевые порядки. Чтобы атака имела успех, артиллеристы снова нанесли сильный удар по вражеской обороне.

В бой вступил третий батальон полка, который до этого находился во втором эшелоне. Так, наращивая силу удара, и здесь удалось сломить вражеское сопротивление. Однако левый фланг по-прежнему вызывал у нас беспокойство. Наступавшие южнее полки 376-й стрелковой дивизии, ворвавшись на передний край обороны противника, вскоре были остановлены сильным огнем со стороны 1-й пехотной дивизии гитлеровцев. Разрыв между 1098-м полком и левым соседом увеличивался, что потребовало расходовать значительные силы и средства на прикрытие левого фланга, держать на этом направлении резерв дивизии для противодействия вражеским контратакам.

1100-й стрелковый полк имел 12 января наибольший успех. Чтобы его развить, было принято решение ввести в бой на правом фланге и наш третий полк, 1102-й, которым командовал майор Д. Козаков.

Вечером 12 января мы доложили командарму генералу В. З. Романовскому, что части дивизии овладели значительным районом рощи «Круглая» и вышли на ее западную окраину. Разгромлен вражеский 366-й пехотный полк, уничтожено более 70 долговременных сооружений. По неполным данным, захвачено 7 артиллерийских орудий, 4 радиостанции, большое количество пулеметов, автоматов, винтовок и другого оружия.

Командарм поздравил нас с первыми успехами. Вместе с тем он предупредил, что надо быть готовыми отразить сильные контратаки противника.

— Вражеское командование, — говорил командарм, — спешно перебрасывает, как установила наша разведка,

к роще «Круглая» подкрепления, подтягивает артиллерию и минометы. Надо быть начеку.

Мы обратили внимание командарма на отставание левого соседа, затруднявшее действия дивизии.

— Об этом нам известно, — сказал Владимир Захарович. — Принимаем меры, чтобы выравнивать фронт наступления. Завтра левее вас вводится в бой семьдесят первая стрелковая дивизия из второго эшелона.

Поздно вечером мы подвели итоги первого дня наступления. На коротком совещании присутствовали полковник Е. Ф. Дурнов, начальник штаба подполковник В. М. Яиров и авторы этих воспоминаний. Говорили, естественно, главным образом о том, что еще надо сделать для закрепления и развития успеха, как лучше организовать боевое, политическое и материальное обеспечение боя, взаимодействие частей и подразделений.

Несколько раз за ночь звонил генерал В. З. Романовский. Он интересовался главным образом тем, как ведет себя противник. Командарм требовал усилить разведку, тщательно подготовиться ко второму дню боя.

За «языками» было направлено несколько поисковых групп. Одну из них возглавлял помощник начальника штаба дивизии по разведке старший лейтенант Коротков. Это был храбрый и энергичный человек. Свои нелегкие обязанности он выполнял безупречно. Так было и этой ночью. Разведчики, с которыми Коротков ходил в поиск, привели с собой двух контрольных пленных. Один из них оказался из 1-й пехотной дивизии. Подразделение, в котором он служил, вечером перебросили к роще «Круглая».

Пленный на допросе показал, что к «первому бастиону» — так гитлеровцы называли этот узел сопротивления — подтягиваются артиллерия, пехота и танки.

Успешно действовали и другие поисковые группы. Они также вернулись не с пустыми руками. Уточнили характер вражеской обороны в глубине, захватили важные документы и привели «языков».

Нам, конечно, не удалось полностью выяснить намерения противника. Однако стало очевидным, что гитлеровцы производят перегруппировку своих сил и средств, перебрасывают подкрепления с неатакованных участков фронта. Вражеское командование не собирается мириться с потерей своего «первого бастиона», надо ждать контратак и быть готовыми их отразить.

Этот вывод подтвердился на исходе ночи. На правом фланге неожиданно загрохотали орудия противника, застрочили пулеметы и автоматы.

Через несколько минут командир полка Корягин доложил:

— Противник силою до роты с танками контратакует батальон капитана Юняева.

— Успех имеет?..

— Ни на один метр гитлеровцы не продвинулись.

— Это хорошо. Но будьте начеку...

Гитлеровцы, насколько можно было понять, проводили разведку боем. За ней могли последовать и действия более крупных сил. Об этом мы напомнили и Корягину, и командирам других полков.

Батальон С. А. Юняева отбил контратаку. Просочившихся по лесу в боевые порядки батальона вражеских автоматчиков наши бойцы уничтожили.

Минувшие сутки отняли у всех много сил, усталость буквально валила с ног. Но в частях дивизии бурным ключом била жизнь, шла деятельная подготовка ко второму дню боя. Главный удар по-прежнему наносился на правом фланге дивизии силами 1100-го и 1102-го стрелковых полков. Перед ними стояла задача окончательно очистить от противника его «первый бастион». И в полках продумывали, как это лучше сделать.

Пополнялись отважными воинами штурмовые группы, — они, прокладывая накануне путь стрелковым ротам, особенно поредели. Шло переформирование и других мелких подразделений. С полным напряжением сил трудились командиры и бойцы тыловых подразделений. Роты и батальоны пополнялись боеприпасами. Ремонтировалось, а где надо и заменялось, личное оружие бойцов, пулеметы, полковые орудия и минометы.

На переднем крае среди личного состава находились замполиты и парторги полков, инструкторы политического отдела. В отбитых у противника траншеях и блиндажах они беседовали с воинами, рассказывали им об отличившихся бойцах, призывали до конца выполнить свой долг. Там, где позволяла обстановка, накоротке проводились собрания коммунистов и комсомольцев.

В 1100-м полку, глубже других вклинившемся во вражескую оборону, побывал полковник Е. Ф. Дурнов. Возвратившись, он очень тепло отозвался о парторге полка капитане Демидове. Этот политработник отважно действо-

вал в бою, показывал личный пример бесстрашия. Но он не превращался в «сто первого бойца», как в дни войны называли тех, кто, увлекшись боем, забывал о необходимости руководить партийными организациями. Капитан Демидов поддерживал непрерывную связь с парторгами рот и штурмовых групп. Если кто-нибудь из них выходил из строя, он подбирал и назначал заместителя. Вечером, когда наступило некоторое затишье, капитан Демидов собрал партийное бюро полка, на котором обсудили заявления воинов о приеме в ряды партии. Герои боев изъявляли горячее желание стать коммунистами, заменить тех, кто пал смертью храбрых при штурме вражеской позиции — роща «Круглая».

— Прекрасный политработник, — говорил полковник Дурнов о Демидове, — хороший помощник командира.

Так же можно было с полным основанием сказать о майоре В. А. Финогенове, замполите 1102-го стрелкового полка, капитане В. Д. Ерофееве, заместителе командира по политчасти второго батальона 1098-го полка и о многих других политработниках. Они, как показал первый день боя, всегда оказывались там, где требовалось увлечь воинов личным примером, воодушевить их живым, призывным словом. Бодрствовали они и этой ночью, заботились о том, чтобы был высок моральный дух бойцов, чтобы на передний край бесперебойно доставлялись боеприпасы и все получили горячую пищу.

Мы и не заметили, как промелькнула долгая январская ночь. На рассвете возобновились ожесточенные бои. Проходили они в исключительно сложных условиях. Вражеский огонь и лесные завалы затрудняли маневр, к тому же еще повалил густой снег. С наблюдательного пункта даже в 100 метрах трудно было что-то разглядеть. Это, естественно, очень усложнило управление огнем всех видов.

Наступая, наши полки встретили яростное сопротивление врага. Продвижение вперед измерялось десятками метров. Гитлеровцы цеплялись за каждую траншею, за всякую складку местности. Вражеские снаряды буквально перемешали землю со снегом.

В первом эшелоне 1102-го полка пошло в атаку два батальона. Но только один из них ворвался в боевые порядки фашистов, а второй залег, встретившись с, казалось бы, непреодолимой стеной вражеского огня. Атака сорвалась!

Командир полка майор Козаков сразу же доложил об этом. Обычно спокойный и уравновешенный, он, чувствовалось, сильно нервничал.

— Что собираетесь предпринять? — спросили мы командира полка.

— Поставлю задачу артиллерийскому полку Кудрина уничтожить вражеские огневые точки. Затем повторю атаку... Танками не поможете?

— Нет! Все задействованы. Обходитесь своими силами...

— Слушаюсь!

Через час и третий батальон 1102-го полка продвинулся вперед. Об этом мы узнали с большим удовлетворением. Большую роль в успешных действиях батальона, как выяснилось позже, сыграли не только артиллеристы, которые прямой наводкой ударили по вражеским дзотам. Успеху способствовали инициативные и решительные действия замполита майора В. А. Финогенова. Он появился в батальоне в самый критический момент. Комбата Сорокина разыскал в глубокой воронке, неподалеку от передовой цепи. Командир был ранен в плечо, но поле боя не покидал.

— Не могу идти в тыл, товарищ майор, — твердо сказал он, — пока не выполню задачи...

— Тогда давай подумаем, как это лучше сделать.

Майор Финогенов к тому времени прошел большую школу боев на Волховском фронте и на собственном опыте убедился, как велико значение гибкого маневра в каждом столкновении с противником. Поэтому он и предложил молодому комбату одной ротой демонстрировать атаку с фронта, а двумя остальными, воспользовавшись продвижением соседа, обойти огневые точки противника, ударить по врагу с фланга.

Комбат так и сделал. Когда артиллеристы открыли огонь по вражеским дзотам, две стрелковые роты перегруппировались на фланг. Воспользовавшись тем, что вражеские позиции заволокло дымом, они незаметно для наблюдателей противника заняли исходное положение для атаки. Затем по сигналу комбата роты дружно двинулись на врага, не ожидавшего этого решительного флангового удара.

Замполит Финогенов заметил, как с каждой минутой слабеют силы комбата. Он настоял, чтобы Сорокин отправился в полковой медицинский пункт. Его заменил

один из командиров рот и повел батальон дальше, к северо-западной оконечности рощи «Круглая».

Еще более драматически складывалась обстановка на левом фланге. 1098-й полк атаковал врага, захватил 11 блиндажей, но к вечеру противник, подтянув значительные силы, перешел в контратаку. Главный удар он нанес по батальону капитана С. А. Юняева. Противнику удалось потеснить наши подразделения.

Осложнило положение и то, что тяжело был ранен отважный командир батальона Сергей Афанасьевич Юняев, вышли из строя почти все командиры рот. Нарушилось управление боем. Трудно сказать, как дальше развивались бы здесь события, если бы командование батальоном не принял на себя находившийся в подразделении помощник начальника политотдела по комсомолу капитан Василий Ворошилов. Этот смелый и решительный молодой политработник сумел быстро покончить с замешательством. Враг был остановлен.

После сильного огневого налета гитлеровцы вновь попытались расчленить боевые порядки 1098-го стрелкового полка. Вначале им удалось опять несколько потеснить наши подразделения.

Майор Корягин получил категорический приказ восстановить положение. С этой задачей командир полка справился. Успех обеспечило умело организованное взаимодействие пехотинцев и артиллеристов. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска наших воинов, поспешно отступили, оставив на поле боя даже своих раненых.

Как и в первый день, многие воины этого полка 13 января действовали геройски. Отличился, например, красноармеец Жигулин. Он добровольно вызвался подорвать вражеский дзот. Командир разрешил. Переползая из одной воронки в другую, мужественный боец незаметно подобрался к дзоту, забросал его гранатами. Два фашиста, распахнув дверь дзота, попытались удрать. Жигулин прикончил их очередью из автомата.

Командир полка, докладывая о ходе боя, сообщил и печальную весть. Поднимая батальон в атаку, погиб любимец дивизии Вася Ворошилов. Он мало прожил на свете, но многое сделал для победы над врагом, славный сын и воспитанник Ленинского комсомола.

Бой за рощу «Круглая» дивизия продолжала и на следующий день. Не считаясь с огромными потерями, противник стремился удержать в своих руках хотя бы

часть своего «первого бастиона». Одна контратака следовала за другой, часто завязывались ожесточенные рукопашные схватки.

Однако противнику не удалось добиться осуществления своих намерений. 13 января командарм генерал В. З. Романовский ввел в бой слева от нас 71-ю стрелковую дивизию. 14 января была двинута на врага 191-я стрелковая дивизия, она наступала справа. Во многих местах вражеской обороны образовались глубокие бреши. Войска 2-й ударной армии настойчиво двигались на запад, навстречу воинам-ленинградцам.

В боях по прорыву блокады наша дивизия достойно выполнила свой долг перед Ленинградом, стала гвардейской. Более 200 командиров и бойцов были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Когда вручалось нам гвардейское знамя, воины дали клятву достойно пронести его по фронтовым дорогам. Слово свое гвардейцы сдержали. Боевой путь 64-й гвардейской дивизии, вошедшей вскоре в состав Ленинградского фронта, отмечен многими победами. На ее знамени и на знаменах ее полков засияли ордена как свидетельство воинской доблести, геройства и славы гвардейцев.

Д. К. Жеребов

полковник, во время прорыва блокады заместитель начальника отдела заграждений штаба инженерных войск Волховского фронта

★

НИЧТО НЕ МОГЛО ОСТАНОВИТЬ

Более тридцати лет бережно храню я пожелтевший от времени альбом. В нем — схемы и чертежи укреплений, которые имел противник в полосе наступления Волховского фронта во время прорыва блокады. Собранные воедино офицерами штаба инженерных войск, они дают полное представление о том, какие трудности нашим воинам довелось преодолеть на пути к знаменательной победе.

История создания этого альбома такова. 19 января в Рабочий поселок № 5, где накануне встретились воины фронтов-побратимов, приехал начальник инженерных войск Красной Армии генерал-майор М. П. Воробьев. Он находился у нас на фронте уже около двух недель, помогая организовать инженерное обеспечение операции.

М. П. Воробьев был известен в армейских кругах как видный военный инженер и опытный организатор. Эти его качества ярко проявились в исторической битве за Москву. В те дни он командовал инженерными войсками Западного фронта, сыгравшими немалую роль как в организации обороны, так и при контрнаступлении на врага.

В районе Рабочего поселка № 5 генерал-майор М. П. Воробьев тщательно знакомился с организацией обороны наших войск, только что прорвавших блокаду.

— Мы должны быть в полной готовности отразить любой удар противника, если он вновь попытается пробиться к Ладожскому озеру, — говорил М. П. Воробьев сопровождавшему его генерал-майору А. Ф. Хренову, начальнику инженерных войск Волховского фронта. —

Нельзя себя убаюкивать радужными мыслями о том, что вражеские потери велики и можно ослабить внимание к обороне.

Генералы М. П. Воробьев и А. Ф. Хренов договорились о том, как лучше организовать на освобожденной от противника территории надежную и глубоко эшелонированную оборону. Затем начальник инженерных войск Красной Армии сказал, что представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Г. К. Жуков дал указание тщательно изучить систему вражеских укреплений на шлиссельбургско-синявинском выступе. Это позволит, считал маршал, успешнее проводить последующие операции на аналогичном театре военных действий.

— Кто может начать такую работу? — спросил М. П. Воробьев у нашего начальника инженерных войск.

Выбор пал на меня, работавшего тогда в отделе инженерных заграждений, и командира одного из фронтовых саперных батальонов майора А. Баринова.

Генерал М. П. Воробьев приказал нам особое внимание обратить на дерево-земляные заборы, которыми на болотистых участках прикрывался противник.

— Такие укрепления для нас не новинка, — заметил генерал. — Мы их и сами возводили и возводим. Однако надо проверить, есть ли какие-нибудь различия между нашими заборами и вражескими.

— Даю вам три дня сроку, — в заключение сказал генерал А. Ф. Хренов.

Выполнение этого задания мы решили начать с правого фланга бывшей вражеской обороны, с узла сопротивления, известного у нас под кодовым названием роща «Круглая». Противник придавал этому узлу исключительное значение, называл его, как показывали пленные, своим «первым бастионом». Осенью 1942 года наши войска, проводя Синявинскую операцию, не сумели овладеть рощей «Круглая». Это имело серьезные последствия для последующего развития боевых действий. Опасаясь флангового удара, наше командование вынуждено было держать здесь немалые силы...

Во время операции по прорыву блокады вражеский «первый бастион» оказался в наших руках. Представилась возможность во всех деталях изучить, что представлял собой этот узел сопротивления.

Ехали мы на полуторке. Всюду можно было видеть следы недавнего ожесточенного боя. В перелесках и на

полянах чернели чуть запорошенные снегом разбитые машины, орудия, минометы. Встречалось много разрушенных артиллерией или подорванных саперами дзотов, блиндажей. Сворачивать в сторону от дороги нельзя. Всюду мины. Их находили и обезвреживали наши боевые товарищи, неутомимые труженики — саперы: армейские, фронтовые, прибывшие из резерва Ставки. Насколько велик был объем работ, дает представление такая цифра: до 5 февраля саперы обезвредили более 11 тысяч мин.

На некоторых участках привлекали внимание желтые флажки треугольной формы с черепами и перекрещивающимися костями. Это были предупредительные знаки, которые гитлеровцы, отступая, не успели снять, что до некоторой степени облегчало работу нашим саперам. Однако полностью доверять противнику было нельзя. На участках, обозначенных флажками, порой никаких мин не находили. И наоборот, в каком-нибудь другом районе, внешне выглядевшем совсем неопасно, оказывалось минное поле. В рощу «Круглая» мы въехали со стороны нашего бывшего переднего края. Остановили машину, огляделись.

— Туда ли мы попали? — удивленно воскликнул Баринов.

Его недоумение можно было понять. Собственно говоря, никакой рощи больше не существовало. Вокруг нас лежала развороченная и истерзанная земля, торчали из снега поваленные деревья, неровные, порой напоминающие острые зубья, пни.

— Попали куда нужно, — ответил я. — И видим воочию, как поработали здесь наши артиллерия и авиация, штурмовые группы стрелковых батальонов.

Сильным был удар наших войск по «первому бастиону» противника, он ошеломил врага. Унтер-офицер 366-го полка 227-й пехотной дивизии, взятый в плен в роще «Круглая», на допросе показал: «Это был кошмар. Утром русские открыли огонь из пушек всех калибров. Снаряды ложились точно в расположении блиндажей. Еще до атаки в десятой роте было много убитых и раненых...»

Противник в первые же часы боя имел большие потери, но продолжал сопротивляться еще не один день. И этому способствовало множество прочных сооружений, построенных в роще «Круглая».

Что же представляла собой здесь вражеская оборона? Все подступы к роще были плотно заминированы и при-

крыты несколькими рядами колючей проволоки. Затем начиналась позиция боевого охранения, где находились надежно укрытые огневые точки и стрелковые окопы. Прикрывал их снежный вал внушительных размеров. Вражеские солдаты обильно поливали его водой, и вал обледенел. Преодолеть его было очень трудно. Поэтому в ночь перед наступлением саперы 195-го инженерного батальона проделали в этом вале несколько проходов для штурмовых групп.

В некотором отдалении — около 100 метров — от снежно-ледяного вала находился дерево-земляной забор высотой до 2 метров. Представлял он собой сооружение из бревен и грунта, толщиной до метра и более. Общая длина первой линии забора достигала километра. В глубине обороны находился второй дерево-земляной забор, меньший по длине, но не уступающий первому по своей прочности.

Оба забора, как и снежно-ледяной вал, являлись серьезными противотанковыми и противопехотными заграждениями. Вместе с тем заборы служили и другой важной цели: в них оборудовались стрелковые ячейки, пулеметные площадки, места для хранения боеприпасов.

За такими дерево-земляными заборами, заменявшими на лесисто-болотистой местности систему траншей и ходов сообщений, гитлеровцы чувствовали себя долгое время как за гранитной крепостной стеной. Ведь для того, чтобы пробить в этом сооружении даже сравнительно небольшую брешь — шириной до 100 метров, — нужно было затратить не одну тысячу снарядов и мин, разметать более 60—80 кубометров бревен и до 400 тонн грунта. Нередко такая задача оказывалась не под силу артиллерии, и тогда ей на помощь приходили саперы с взрывчаткой.

При штурме рощи «Круглая» успех обеспечило тесное взаимодействие пехоты, танков, артиллерии, авиации и саперов. При составлении схемы этого узла сопротивления мы обнаружили уцелевшими лишь незначительную часть вражеских укреплений — 3 дзота, 10 пулеметных площадок, 6 минометных окопов и один артиллерийский, 6 убежищ. Все остальное буквально смел наш огонь. Сильно были разрушены и вражеские дерево-земляные заборы.

Из рощи «Круглая» мы отправились к Рабочему поселку № 8 — мощному узлу сопротивления на первой позиции вражеской обороны. Характер укреплений здесь был несколько иным. Основу инженерного оборудования

составляли траншеи, идущие вдоль фронта. Они были расположены в две линии, на расстоянии 250—300 метров одна от другой. На зимний период времени систему траншей дополняли торфяные валы, облитые водой. Вторая линия траншей не была сплошной. Здесь мы обнаружили большое количество ходов сообщения, идущих от переднего края в тыл. Траншеи были оборудованы стрелковыми ячейками, дзотами, окопами для минометов.

Анатолий Баринов, делая эскизы и пометки, сказал:

— Ну и наворотили укреплений. Думали, что неуязвимы и непобедимы. Однако ошиблись!

Понастроили фашистские захватчики действительно много. На каждый километр фронта в поселке было 8 дзотов, 16 окопов для минометов, 13 площадок для пулеметов, более 70 жилых блиндажей-землянок. Подступы к узлу сопротивления прикрывали сплошные минные поля и проволочные заграждения. В центре узла противник расположил второе минное поле протяженностью 400 метров, за ним — окопы для четырех минометов. Кирпичные здания поселка противник также приспособил к обороне.

По пути к узлу сопротивления, расположенному в Липках, мы встретили начальника отдела заграждений С. П. Назарова.

— Где уже побывали? — спросил он нас.

— В роще «Круглая» и Рабочем поселке номер восемь, — доложил я ему.

— Куда держите путь?

— В Липки.

— Я только что оттуда, — сказал Назаров. — В роще «Круглая» еще не был. Но думаю, что Липки не уступят ей по силе своих укреплений. Передавайте по пути всем саперам, что противник в полосе прорыва широко использовал деревянные противотанковые мины с пластмассовым взрывателем. Миноискатель их не берет. Надо более внимательно работать со щупами.

Сергей Павлович Назаров был сапером старшего поколения, участвовал в гражданской войне. В сорок первом году вступил в народное ополчение. Воевал на Ленинградском фронте, потом стал командовать одним из саперных батальонов на Волховском. А позднее генерал А. Ф. Хренов, знавший Сергея Павловича еще по гражданской войне, назначил его начальником отдела заграждений штаба инженерных войск.

Много славных дел совершил С. П. Назаров, исключительно скромный человек, замечательный сапер. Под его руководством мы успешно решали задачи укрепления оборонительных позиций. Он был самым активным и непосредственным участником почти всех наступательных операций, руководил в 1944 году разминированием Мги, Новгорода, Петрозаводска.

Попав в Липки, мы убедились, что Сергей Павлович нисколько не преувеличивал мощь этого узла сопротивления. Противник здесь имел большое количество дзотов, артиллерийских, минометных и пулеметных площадок. Грунтовые условия позволяли отрывать траншеи и ходы сообщения на глубину до 150—165 сантиметров. Всего в Липках было оборудовано 18 дзотов, 9 орудийных и 36 пулеметных площадок. Особенно сильно противник укрепил берега ладожских каналов и высотки, расположенные в районе узла сопротивления.

Липки и роща «Круглая» были мощными узлами сопротивления противника, оборудованными по всем правилам инженерного искусства, разработанным уже в ходе второй мировой войны. Если еще учесть, что подступы к ним надежно прикрывались плотной системой заградительного огня, то станет ясным, как тяжело пришлось частям 128-й и 327-й дивизий при наступлении на Липки и рощу «Круглая». К тому же рыхлый снег и торфяной грунт затрудняли боевые действия наших танков.

После Липок мы изучили позиции противника, расположенные по южному берегу Ладожского озера. Вдоль всего берега противник построил хорошо замаскированные траншеи полного профиля. В них было большое количество пулеметных площадок, стрелковых ячеек. Все подступы к траншеям гитлеровцы заминировали и обнесли колючей проволокой.

Мы видели наши машины, все еще продолжавшие двигаться по льду озера. Рядом с нами находилась высокая наблюдательная вышка противника. К ней тянулись провода телефонной связи.

— Вот откуда гитлеровцы корректировали артогонь по «Дороге жизни», — сказал Баринов.

В двух километрах западнее Липок, в землянках, захваченных у противника, расположились бойцы и командиры 12-й отдельной лыжной бригады. Мужественные воины этого соединения в недавнем бою действовали исключительно самоотверженно. Бригада, наступая с озера,

вышла в тыл узла сопротивления врага. Лыжники тем самым оказали серьезную помощь частям 128-й стрелковой дивизии Волховского фронта, штурмовавшей Липки в лоб.

24 января я докладывал о результатах первого осмотра укреплений противника генералам М. П. Воробьеву и А. Ф. Хренову.

— Не нашли ли вы в системе укреплений противника железобетонных дотов? — спросил А. Ф. Хренов.

— Нет, дотов мы не обнаружили.

— На торфяных болотах, — сказал генерал М. П. Воробьев, — железобетонные доты возводить трудно, а порой и невозможно...

Противник, как мы убедились, пришел к такому же выводу. Но система траншей и ходов сообщения, деревоземляных заборов, торфо-ледяных валов, дзотов, в сочетании с минновзрывными и проволочными заграждениями делала оборону противника прочной и живучей. Гитлеровцы называли ее неодолимой, но ничто не остановило наши войска.

В. П. Самухин

полковник, в 1942—1943 годах командир партизанского отряда

★

ФРОНТ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

В июле 1942 года я выписался из госпиталя и явился в Ленинградский штаб партизанского движения. Здесь прежде всего справились, как я себя чувствую, не дает ли о себе знать недавнее ранение.

— Здоров, — ответил я. — Могу выполнять любое задание.

Меня назначили командиром партизанского отряда, который перебрасывался из Ленинграда во вражеский тыл. В тот же день я уже беседовал с комиссаром отряда В. И. Митиным и начальником штаба С. В. Цветковым, командирами боевых групп, а также с рядовыми партизанами.

Все, с кем говорил, с нетерпением ждали переброски за линию фронта. Трудности и опасности, с которыми неизбежно придется столкнуться, никого не страшили. Состоял отряд из добровольцев: бывалых, обстрелянных воинов и молодых бойцов, ленинградских комсомольцев.

Незадолго до отъезда партизаны приняли клятву на верность Родине, партии, народу. Были в нашей партизанской присяге и такие слова: «Клянусь всеми силами, всем своим умением и помыслами беззаветно и мужественно помогать Красной Армии освободить город Ленина от вражеской блокады!»

В Малой Вишере, куда мы приехали, находилось еще несколько небольших отрядов. По решению Ленинградского штаба партизанского движения все их объединили в один, сводный, а меня назначили командиром.

Перед нами стояла задача перейти линию фронта и действовать в ближайших к Ленинграду районах. Мы

сразу же стали искать «окна» — незаполненные промежутки во вражеской обороне. К нашему величайшему огорчению, убедились, что незаметно провести в тыл противника отряд, насчитывающий 220 человек, в полосе Волховского фронта невозможно. Здесь гитлеровцы, после Любанской операции, создали сплошную оборонительную линию.

Решено было под Ленинград пробираться кружным путем, через Партизанский край, — так назывались контролируемые народными мстителями районы на Псковщине. Прибыли мы туда в первых числах августа, преодолев более 250 километров пути.

Командир 2-й партизанской бригады Н. Г. Васильев встретил нас приветливо, ввел в курс боевых дел. По его указанию мы расположились в лесочке у деревни Шушелово и стали ждать самолетов, которые должны были сбросить дополнительно к тому, что мы принесли с собой, еще боеприпасы и продовольствие. Дорога нашему отряду предстояла неближняя. Надо было пройти около 300 километров.

На рассвете 8 августа нас разбудили взрывы бомб и пулеметная трескотня. Вражеские самолеты с бреющего полета обстреливали партизанский лагерь и сбросили на деревню бомбы.

Утром меня вызвал комбриг Н. Г. Васильев. Он был хмур и сильно озабочен. Коротко объяснил, что командование противника стянуло к Партизанскому краю значительные силы, готовит новую, уже четвертую по счету, карательную экспедицию.

Н. Г. Васильев передал приказание начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитина и нашему отряду принять участие в обороне Партизанского края.

— Здесь мы тоже боремся за Ленинград, — заметил комбриг. — Ведем разведку, пускаем под откос поезда, сковываем немалые вражеские силы.

...Целый месяц днем и ночью не прекращалась борьба за Партизанский край. Враг бросил против народных мстителей до 6 тысяч солдат и офицеров, им были приданы танки, артиллерия и авиация.

Особенно тяжелые бои разгорелись за Серболовскую переправу. Здесь оборонялся и наш отряд. Пришлось очень трудно. Мы имели только автоматы, пистолеты и тол. У нас не было ни одного ручного пулемета. И все же

мы долго держались, несколько раз в день ходили в контратаки.

Партизаны истребили только в боях за эту переправу до 1000 солдат и офицеров противника, подбили 5 танков.

Командование 2-й бригады гибко маневрировало своими силами, наносило внезапные удары по вражеским войскам. Однако Партизанский край все же пришлось оставить, — слишком неравными были силы.

Наш отряд в сентябре и октябре действовал в Дновском и Солецком районах. Мы вели разведку гарнизонов противника, его перевозок по шоссейным и железным дорогам и передавали добытые данные в Волховскую оперативную группу партизанского штаба. Диверсионные группы минировали шоссейные дороги, подорвали воинский эшелон противника на железной дороге Дно—Старая Русса.

В одной из стычек с карателями была повреждена наша радиостанция. Мы оказались без связи с Большой землей. Поредевший еще в боях за Партизанский край отряд вынужден был перейти линию фронта и выйти в расположение советских войск.

Волховская оперативная группа по руководству партизанским движением потребовала от меня подробный отчет о боевых действиях отряда. Когда я его представил, руководитель оперативной группы А. А. Гузеев сказал:

— Дополните отчет разведывательными данными. Это особенно интересует Ленинградский штаб.

Дня через три мне дали новое задание: найти, выражаясь на языке того времени, «дырку» для проникновения во вражеский тыл.

— И понадежнее, — предупредил заместитель руководителя группы П. Р. Шевардалкин. — Мы должны переправить за линию фронта несколько партизанских отрядов и один из межрайонных партийных центров.

Таких центров было к тому времени сформировано одиннадцать. Создавались они в целях усиления подпольной работы в оккупированных районах Ленинградской области. Каждый из них должен был обслуживать два-три смежных района. В состав центра входили руководитель и его заместитель, представители от комсомола, от НКВД, редактор газеты, два радиста и несколько разведчиков. Перед партийными центрами обком партии ставил задачи: возглавить и активизировать борьбу населе-

ния с гитлеровской армией и оккупационными властями, вести разведку, пополнять людьми действующие партизанские формирования, создавать новые отряды, по возможности обеспечивая их продовольствием.

За три месяца пребывания во вражеском тылу мы убедились, что такие центры очень нужны. Они, несомненно, сыграли важную роль в дальнейшем развертывании массового партизанского и подпольного движения.

Поначалу казалось, что новое задание не представляет для меня большой трудности, ведь до этого я сам двенадцать раз переходил линию фронта. Все «щели» в ней — от Ладоги до Ильменя — были в основном хорошо известны. Но я ошибался. За три месяца лета 1942 года, которые я провел с отрядом в тылу врага, ранее известные «дырки» и «щели» противник накрепко закупорил, через фронт во многих местах, как говорится, не мог проскочить незамеченным даже заяц.

Мы решили провести разведку возможностей перехода севернее станции Чудово. С собой я взял четырех самых опытных и смелых разведчиков нашего отряда — Сашу Михеева, Сережу Пурышева, Диму Тишина и Костю Лиховченко.

В районе Грузино наши войска занимали небольшой плацдарм на западном берегу реки Волхова. Ночью мы свободно перебрались в расположение одной из воинских частей, пересекли «нейтралку», углубились на 3—4 километра. Нам казалось, что мы благополучно преодолели линию вражеской обороны и что «дырка» найдена. Но радость наша была преждевременной. Гитлеровцы, оказалось, давно следили за нами. Только мы повернули назад, поднялась пальба, крики: «Руки вверх! Сдавайся!» Нас обложили со всех сторон. С трудом выбрались из этой западни. Помогло нам то, что с нами было несколько полковых разведчиков. Они подали условный сигнал, и наша артиллерия открыла огонь по гитлеровцам.

В оперативную группу Волховского фронта я доложил о результатах разведки и предложил переправить Псковский межрайонный подпольный партийный центр там, где мы недавно вышли из тыла противника, — на Северо-Западном фронте, на участке между городами Холм — Старая Русса. Выход был единственным. Мое предложение приняли.

К месту перехода вместе с подпольным центром отправился и сводный партизанский батальон под командо-

ванием А. И. Трубышева. Он насчитывал около 300 бойцов. Действовать батальону предстояло в районах, прилегавших к Ленинградскому и Волховскому фронтам.

В конце декабря 1942 года подпольщики и партизаны успешно перешли линию фронта. Партизаны батальона А. И. Трубышева во главе с руководителем партийного центра секретарем Псковского горкома партии В. Ф. Михайловым вскоре развернули работу на оккупированной территории. Они в период борьбы за прорыв блокады помогали советским воинам не только своими боевыми делами, но и сообщали ценные разведывательные данные о противнике.

В это же время с партизанской базы Волховского фронта самолетами было переправлено несколько партизанских отрядов и до десятка диверсионных и разведывательных групп в Чудовский, Тосненский, Новгородский и Батецкий районы. Вся эта переброска производилась по специальному плану боевых действий партизан, составленному Ленинградским штабом партизанского движения на зимний период 1942/43 года. В соответствии с этим планом партизанские отряды и бригады должны были взять под контроль все важнейшие для противника железные и шоссейные дороги. Так, 1-я особая партизанская бригада действовала в Осьминском, Лужском, Гдовском и Лядском районах, наносила удары на участках железных дорог Луга — Струги Красные, Гдов — Сланцы и на шоссейных дорогах Плюсса — Ляды — Сланцы. Отряды и полки самой многочисленной по своему составу в то время 2-й партизанской бригады контролировали железные и шоссейные дороги: Подсевы — Порхов — Дно, Дно — Дедовичи — Чихачево, Дно — Сольцы — Уторгош. Партизаны 3-й бригады громили гарнизоны в Новосельском, Карамышевском и Порховском районах, действовали на железных и шоссейных дорогах Псков — Торошино — Новоселье, Карамышево — Подсевы — Порхов — Дно.

В районах, непосредственно прилегавших к Ленинградскому и Волховскому фронтам, на помощь местным партизанам прибыли хорошо вооруженные ленинградские городские отряды.

Боевой деятельности одного из них — под командой А. И. Сотникова — был посвящен почти весь второй номер газеты партизан Ленинградской области «Советский партизан», вышедший 14 января 1943 года. В газете рассказывалось о славных боевых делах Феди Крюкова,

Павла Мамонтова, Бахорина. В заметке «Удар по коммуникациям врага» сообщалось, что отряд в течение месяца взорвал три моста, из них два железнодорожных, разрушил в трех местах железнодорожное полотно. Один из железнодорожных мостов рухнул от взрыва в тот момент, когда по нему проходил воинский эшелон. Были разбиты паровоз и 33 вагона, 11 платформ с фуражом и продовольствием, 4 цистерны и 3 платформы с орудиями. При крушении погибло около 500 гитлеровцев.

Всего отряд А. И. Сотникова пустил под откос на железной дороге Луга — Батецкая — Новгород 5 воинских эшелонов. Активные действия партизан на 16 дней прервали движение по этой железной дороге, служившей для переброски вражеских войск к линии фронта.

Плечом к плечу с ленинградскими партизанами в эти дни сражался с гитлеровцами батальон испанских добровольцев-интернационалистов под командованием двадцатидвухлетнего комсомольца Франсиско Гульона. Он был направлен на Волховский фронт Центральным штабом партизанского движения. Партизаны-испанцы храбро сражались с гитлеровскими захватчиками.

Испанские товарищи плохо переносили зимнюю стужу, а ведь они вынуждены были жить в лесах, под открытым небом. Да и с питанием дело не ладилось: самолеты летали нерегулярно, а достать продовольствие на месте, да еще людям, плохо знавшим русский язык, было трудновато. Несмотря на все это, испанские товарищи действовали героически. Осенью 1942 года они подорвали 11 воинских эшелонов противника, уничтожили из засад 3 автомашины с живой силой, систематически минировали железные и шоссейные дороги.

Вслед за Псковским партийным центром в тыл противника были переправлены и остальные — как раз в период подготовки и прорыва блокады Ленинграда. С первых же дней они организовали действенную помощь советским воинам, громившим врага южнее Ладожского озера.

Ближе других к району боевых действий находился Оредежский центр, он охватил всю прифронтовую зону от Пулковских высот до Лужского района. Им руководил председатель Слуцкого горсовета И. П. Тарасов — отважный и опытный партийный работник. Подпольщики любовно называли его Петровичем. Помощником по ком-

сомолу в этом центре была инструктор обкома ВЛКСМ Н. В. Дичева.

По заданию Оредежского центра разведчики и диверсанты действовали на дорогах Сиверская — Гатчина, Гатчина — Новолисино — Мга. Радисты центра днем и ночью передавали сведения о передвижении войск противника, о настроении населения оккупированных районов. Все это делалось в прифронтовом районе, где находился штаб 18-й немецкой армии (он дислоцировался в поселке Сиверская) и где во всех населенных пунктах стояли большие гарнизоны.

Для борьбы против горстки советских патриотов гитлеровцы выделили специальный карательный отряд. В течение трех недель двенадцать отважных подпольщиков вели почти ежедневные бои. Были и такие дни, когда им приходилось отражать до восьми нападений карателей. Из состава центра в советский тыл вышло только двое, остальные подпольщики вместе с руководителем погибли в боях.

По-иному сложилась деятельность Псковского подпольного центра на территории Псковского, Карамышевского и Середкинского районов. Здесь также находилось много вражеских войск. В Пскове дислоцировался штаб группы армий «Север». Несмотря на громадные трудности, партийный центр за короткое время восстановил все прежние подпольные группы и создал новые, сформировал несколько партизанских отрядов. Начала активно действовать диверсионная группа железнодорожников. Разведчики центра снабжали ценной информацией советское военное командование.

Вносили немалый вклад в общее дело Гдовский, Лужский, Кингисеппский и другие подпольные партийные центры. Фронт за линией фронта, несмотря на отчаянные усилия фашистских захватчиков, ширился и набирал силы. Борьба во вражеском тылу принимала все больший размах.

Ленинградские партизаны намного активизировали свои действия накануне прорыва блокады и во время зимних боев 1943 года, но и до этого они оказывали существенную помощь защитникам города Ленина. С июля 1941 года по январь 1943 года ленинградские партизаны пустили под откос 366 воинских эшелонов врага, уничтожили 21 железнодорожный и 457 шоссейных мостов,

вывели из строя 140 танков, 36 бронемашин, 2166 автомашин, уничтожили не одну тысячу гитлеровских солдат и офицеров.

Вражеские гарнизоны, даже находившиеся за десятки километров от фронта, нередко подвергались дерзким налетам партизанских отрядов. На оккупированной территории у них буквально земля горела под ногами, чуть ли не каждый день они несли потери. Командование группы армий «Север» вынуждено было кроме охранных дивизий бросать в карательные экспедиции против партизан свои пехотные и танковые части.

Вдохновителем и организатором всенародной борьбы в тылу врага явилась Коммунистическая партия. Это обеспечило высокую организованность советского партизанского движения, его управляемость и целенаправленность. Вся деятельность советских партизан и подпольщиков была нацелена на оказание всемерной помощи героической Красной Армии.

А. И. Шерстнев

гвардии полковник, во время прорыва блокады командир 269-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии

НА ОСТРИЕ ПРОРЫВА

В ночь на 12 января 1943 года 269-й стрелковый полк 136-й дивизии, которым я командовал, занял позицию на правом берегу Невы. Все было готово к форсированию и к штурму узла сопротивления противника Марьино. Я был уверен в успехе предстоящего боя, и все же где-то в глубине копошились беспокойные мысли. Только бы не застрять на льду, не задержаться в Марьине! Все зависит от быстроты действий батальонов и рот, от точности огня орудий прямой наводки.

Утром, точно в назначенный срок, началась артиллерийская подготовка. Смотрю на часы, даю сигнал: «Подготовиться к атаке!» Все бойцы поднимаются на бруствер. Через некоторое время следующая команда: «Атака!» Проходит только мгновение, и на лед устремляются штурмовые группы и группы разграждения. Вслед за ними начали стремительно форсировать реку первый и третий батальоны капитанов А. Салтана и Ф. Собакина. В головных цепях — заместители командиров батальонов по политчасти П. Ф. Шелепа и Христофоров, замполиты и парторги рот. Они личным примером воодушевляют солдат. Начальник радиостанции старший сержант Мамонтов передал мне первое донесение капитана Собакина: «Достигли берега, просим перенести огонь». Такое же донесение я получил по телефону и от капитана Салтана. Я немедленно связался с командиром дивизии генерал-майором Н. П. Симоняком и начальником штаба полковником И. И. Трусовым. Через несколько минут прогремел залп гвардейских минометов. Наши воины, не дав опомниться врагу, вслед за разрывами ворвались на передний край противника. Радиостанция «Кларнет» передала:

«Михайлов в первой траншее, просим перенести огонь». Это значило, что девятая стрелковая рота третьего батальона уже находится в южной части Марьина. Да и с моего НП было видно, как рота в рукопашном бою сокрушает врага. В гуще схватки и командир роты Владимир Михайлов — человек богатырского сложения. Гранатами и из автомата, как мы потом узнали, он уничтожил немало фашистов. Двух из них уложил ударами мощного кулака.

Девятую стрелковую роту поддерживал огнем третий взвод пулеметной роты, которым командовал младший лейтенант И. П. Павлов. Огнем станковых пулеметов взвод уничтожил немало живой силы противника. Боец этого взвода Петр Васильев в ближнем бою скосил большую группу гитлеровцев, отступавших к лесу. Метко вело огонь по фашистам отделение сержанта Бобарева. Особенно умело действовали солдаты Алексеев и Дмитриев.

Успешно наступал на левом фланге полка наш первый батальон капитана А. Салтана. Комбат был ранен. Перевязав рану, он оставался в строю и продолжал управлять боем.

Интересно отметить, что при форсировании Невы и во время атаки переднего края полк понес минимальные потери. На льду не было наших раненых или погибших воинов. Этим мы во многом обязаны артиллерии прямой наводки, стрельбой которой руководил начальник артиллерии полка капитан В. Ф. Давиденко. Он очень умело расположил орудия, провел разведку, распределил цели.

В дальнейшем орудия полковой артиллерии всегда неотступно находились в боевых порядках стрелковых подразделений. Уничтожая огневые точки, артиллеристы помогали пехоте наступать. Командир батареи старший лейтенант Д. Ф. Козлов все время лично управлял огнем орудий. Во время отражения одной из контратак противника Козлов был смертельно ранен, но до последнего своего вздоха продолжал командовать батареей.

Командиры орудий Скопин, Иваницкий, Алехнович, артиллерийские разведчики Кутузов, Жуков в тяжелых условиях боя, проявляя находчивость, смекалку и отвагу, неотступно следуя за пехотой, быстро подавляли вражеские огневые точки.

Батальоны капитанов Собакина и Салтана менее чем за час прорвали первую укрепленную позицию гитле-

ровцев и овладели опорным пунктом Марьино. Преодолев Беляевское болото, они вели бой с противником в лесу, в двух — двух с половиной километрах юго-восточнее Марьина. В тяжелых условиях боя политработники Шелепа, Христофоров, Губин, Макаров переползали от бойца к бойцу, разъясняли им боевую задачу, личной отвагой воодушевляли наступающих. Командир дивизии Н. П. Симоняк сообщил, что мой сосед слева, 342-й стрелковый полк, остановлен огнем противника перед Пильной Мельницей, и приказал помочь этому полку овладеть деревней. Для выполнения поставленной задачи мне пришлось использовать свой резерв: роту автоматчиков, которой командовал лейтенант С. С. Перевалов. Перед ней я поставил задачу атаковать гитлеровцев во фланг и тыл совместно с подразделениями 342-го полка и уничтожить противника в Пильной Мельнице. Лейтенант С. С. Перевалов разделил роту на три группы. В результате дружной атаки с трех сторон сопротивление вражеского гарнизона было сломлено. Десятки вражеских трупов остались на поле боя, многих фашистов взяли в плен. Во время этого боя был ранен командир взвода Грязнов. Взвод возглавил автоматчик Ф. Я. Бархатов и смело повел его в бой. Во время атаки сам Бархатов уничтожил до десятка солдат и одного офицера противника.

Капитан Собакин доложил, что его роты попали под огонь, который вели гитлеровцы из оврага. Справа туда же, как установила наша разведка, двигалась пехота противника. Нетрудно было понять, что готовилась контратака. Доклад капитана Салтана также не порадовал. Продвижению первого батальона мешала вражеская артиллерийская батарея, стрелявшая прямой наводкой.

По моей команде был немедленно открыт огонь по противнику, скапливавшемуся в овраге, и по его батарее. После короткого, но мощного артиллерийского налета наступление продолжалось.

Бойцы третьего батальона захватили командный пункт вражеского подразделения, склады с боеприпасами и продовольствием, а также большой запас «Железных крестов» и других наградных знаков. Вражеское командование так и не успело их раздать своему воинству. Теперь же, судя по потерям врага, те, кому предназначались эти награды, нуждались в других крестах — в могильных. Если не все, то во всяком случае большинство.

В первом батальоне отличилась рота лейтенанта Козлова. Она захватила вражескую батарею 85-миллиметровых орудий, взяла в плен несколько орудийных расчетов.

На другой день сопротивление гитлеровцев усилилось. Каждую отдельную рощу, небольшую возвышенность противник превратил в опорный пункт. Кроме того, стало известно, что справа соседняя дивизия подверглась сильным контратакам пехоты и танков врага и сейчас ведет тяжелый бой. Нависла угроза над нашим правым флангом, поэтому часть сил пришлось выделить для его прикрытия. Левый фланг полка также оказался открытым,— отстал, отражая контратаки с севера, наш сосед — 342-й полк.

Несмотря на сложность обстановки, я потребовал от командиров первого и третьего батальонов дальнейшего продвижения вперед. Для развития успеха ввел в бой второй батальон, которым командовал капитан Пономаренко. Он развернул свои роты между первым и третьим батальонами и перешел в наступление в направлении Рабочего поселка № 5. Вперед вырвалась четвертая стрелковая рота лейтенанта Кевбрина.

Здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о заместителе командира второго батальона по политической части капитане Силоняне. Он был артиллеристом и до этого боя в пехоте не воевал. Я опасался, что замполиту будет трудно справляться со своими обязанностями. Как же я был обрадован, узнав, что капитан Арам Силонян вместе с лейтенантом Кевбриным возглавил атаку четвертой роты. Она с ходу захватила в небольшой роще опорный пункт. Однако огнем и контратакой наступление роты было остановлено. Тяжелораненого командира роты лейтенанта Кевбрина заменил командир взвода Бородин. Он тоже был ранен, но вместе с замполитом Силоняном продолжал управлять подразделением, отражавшим контратаку противника. Вскоре подошли другие роты батальона. Критический момент был преодолен. Наше наступление продолжалось.

В последующие дни полку пришлось буквально «прогрызать» оборону фашистов, отражать многочисленные контратаки, каждый опорный пункт врага отвоевывался в рукопашных схватках. В этих сложных условиях четко и слаженно действовал штаб полка, который возглавлял майор Н. И. Меньшов.

Активно вели партполитработу на всех этапах наступления мой заместитель по политической части майор Н. И. Хламкин, секретарь партбюро полка А. Сумин. Во всех подразделениях выпускались боевые листки, «молнии», агитаторы рассказывали бойцам о подвигах героев.

К 17 января полк вышел на восточную опушку леса на подступах к Рабочему поселку № 5. Впереди было открытое пространство. До передовых подразделений Волховского фронта оставалось 2—3 километра. Гитлеровцы всеми средствами стремились удержать этот коридор для отвода своих частей из Шлиссельбурга. Наши атаки 17 января успеха не имели, поэтому на утро 18 января было назначено общее наступление дивизии.

Ночью группа разведчиков, возглавляемая командиром взвода А. И. Бровкиным, действовавшая севернее Рабочего поселка № 5, обнаружила слабое место в обороне противника. Бровкин доложил об этом командиру третьего батальона капитану Собакину. Последний решил, не дожидаясь общего наступления, атаковать противника севернее Рабочего поселка № 5.

Выслушав доклад капитана Собакина, я одобрил его решение. Батальон, перейдя железную дорогу, в 11 часов 30 минут 18 января встретился с подразделениями Волховского фронта. Вскоре второй батальон капитана Пономаренко встретил волховчан в северной части Рабочего поселка № 5. Между третьим и вторым батальонами вышел и первый батальон.

Глубоко волнующей была встреча воинов двух фронтов. Бойцы и командиры обнимались, целовались, плакали. Это трудно описать, это надо видеть своими глазами.

За неделю боев наш полк уничтожил более 1000 солдат и офицеров противника, 300 — взял в плен. Трофеями полка стали 2 тяжелых танка, несколько автомобилей, 12 орудий разного калибра, 60 мотоциклов, 20 лошадей, много стрелкового оружия, склады с продовольствием и боеприпасами.

За проявленный массовый героизм и успешное выполнение заданий командования наша 136-я стрелковая дивизия получила звание 63-й гвардейской, а наш 269-й полк был переименован в 188-й гвардейский стрелковый. Многие воины и командиры были удостоены орденов и медалей.

Ю. Б. Генин

гвардии подполковник, во время прорыва блокады инструктор политотдела 136-й стрелковой дивизии

ПОДВИГ ШТУРМОВЫХ ГРУПП

Накануне боя нас, работников политотдела 136-й стрелковой дивизии, направили в части. Каждому было дано задание: помочь командирам и политработникам лучше подготовить подразделения к бою.

В те дни было очень популярно выражение «осаперить» пехоту. И вот почему. Свою долговременную оборону противник насытил большим количеством дзотов, инженерных заграждений. Это требовало от всех бойцов умения собственными силами и средствами преодолевать многочисленные препятствия. Командиры учили подчиненных блокировать дзоты, обезвреживать мины, растаскивать проволочные заграждения и завалы. В батальонах создавались штурмовые группы и группы разграждения, проводились тренировки. Политотдел взял под особый контроль комплектование этих групп, призванных во время штурма вражеских позиций прокладывать путь стрелковым подразделениям.

Но при «осапериваиии» пехоты нельзя было, естественно, умалять роль штатных инженерных войск, накопивших к тому времени немалый опыт работы в боевых условиях. От них в первую очередь зависело решение многих сложных задач инженерного обеспечения предстоящего боя.

Это хорошо понимали в 42-м отдельном саперном батальоне, куда я был направлен. Саперы еще несколько дней назад приступили к выполнению боевой задачи. У самой кромки невского берега они оборудовали наблюдательный пункт комдива генерал-майора Н. П. Симоняка, проложили немало проходов в минных полях, вели

тщательную разведку. Но, конечно, самые трудные испытания были еще впереди. И к ним неустанно готовились.

Как-то я побывал на партийно-комсомольском собрании во второй роте. Командовал ею старший лейтенант А. Г. Тарабанов, опытный и энергичный, влюбленный в свое дело человек. Хорошо еще со времени боев на Ханко знал я и его заместителя по политчасти капитана В. К. Магидова. Василий Карпович служил для нас, молодых коммунистов, примером. Храбрый и честный, требовательный и справедливый, он всегда находил дорогу к сердцам бойцов, пользовался у всех большим авторитетом. В полевой сумке В. К. Магидов носил томик стихов Владимира Маяковского. Беседуя с бойцами, он часто читал им вдохновенные строки поэта революции.

Командир и замполит работали дружно и согласованно. Оба заботились о повышении роли ротной партийной организации. К началу боев в роте было 130 человек. Из них — 40 членов и кандидатов партии и 85 комсомольцев. Это большая ударная сила.

На партийно-комсомольском собрании с коротким докладом выступил старший лейтенант А. Г. Тарабанов. Он напомнил о том, как важно обеспечить стремительные и четкие действия штурмовых групп.

— Промедление при атаке вражеских позиций смерти подобно, — подчеркивал Александр Гаврилович. — Уверен, что среди нас не найдется ни одного человека, который отстанет или сдрейфит...

На собрании выступили командир взвода младший лейтенант П. И. Бас, комсомольцы Б. Яковлев, И. Пособчук, парторг роты лейтенант Г. Х. Симонян, В. К. Магидов. Все они говорили о том, как лучше решить боевую задачу, делились боевым опытом.

В резолюции так и записали: «Не щадить сил и самой жизни ради выполнения боевого приказа, ради прорыва вражеской блокады Ленинграда».

После собрания коммунисты и комсомольцы проводили беседы во взводах и отделениях. Сердечно и проникновенно звучали их призывные слова, обращенные к товарищам по оружию. Говорили они не только о важности прорыва блокады. Во время бесед давалось много полезных советов, как успешнее штурмовать укрепления врага, прорывать его оборону.

Замполит В. К. Магидов побывал во всех взводах роты, проверил, знают ли бойцы свою задачу, всем ли не-

обходимым они обеспечены для действий в штурмовых группах. Подготовка оказалась вполне удовлетворительной.

Поздно вечером я отправился в соседнее подразделение. Прощаясь со мной, Василий Карпович Магидов сказал:

— Я твердо уверен, что рота будет в бою действовать как положено.

На следующий день, 12 января, незадолго до окончания артиллерийской подготовки штурмовые группы спустились на невский лед. В каждой из них были стрелки и саперы. Они кроме личного оружия имели еще взрывчатку, противотанковые гранаты, миноискатели, щупы, «кошки», штурмовые лестницы.

Противник был подавлен и ошеломлен мощным огневым ударом. Это позволило штурмовым группам почти без потерь приблизиться к левому берегу. Гитлеровцы прикрыли его проволочными заграждениями и минным полем. Саперам пришлось сразу же приняться за дело. Они находили мины в глубоком снегу, осторожно извлекали их, складывали в одном месте. Проволочные заграждения подрывали взрывчаткой.

Первой выбралась на левый берег штурмовая группа Ивана Одежного. Из входивших в нее бойцов исключительно отважно действовал сапер Федор Новиков. Он обезвредил 12 противопехотных мин, сделал проход в проволочном заграждении. Дорогу штурмовой группе преградил дзот. Новиков подполз к нему со взрывчаткой. В этот момент из траншеи выглянул гитлеровец. Заметив нашего бойца, выстрелил из автомата. Новиков был ранен, но это не остановило храбреца. Он бросился на врага, заколол его штыком. Затем мужественный воин поджег бикфордов шнур и отполз в сторону, укрывшись в траншее. Все гитлеровцы, находившиеся в дзоте, были уничтожены.

Героически действовало отделение сержанта Иосифа Пособчука. Я хорошо запомнил этого плечистого парня, выступавшего на партийно-комсомольском собрании. Он тогда обещал воевать так, что «фашистам тошно будет». Слово у него не разошлось с делом. Сержант одним из первых пересек Неву, начал резать колючую проволоку, но взобраться на левый берег ему не довелось. Он был ранен вражеской пулей. Когда к сержанту подбежал красноармеец Борис Яковлев и хотел оказать ему первую помощь, Пособчук сказал:

— Не надо, я сам справлюсь. Иди, Боря, вперед.

Яковлев присоединился к штурмовавшим берег товарищам. Вот и первая вражеская траншея. Двигаясь по ней, бойцы штурмовой группы наткнулись на уцелевший дзот. Яковлев бросил две гранаты. Одна из них заставила замолчать неприятельский пулемет. Яковлев, Гирин и Чернышев приблизились к огневой точке, крикнули:

— Хенде хох!

Никто им не ответил. Наши бойцы дали несколько очередей по бревенчатой двери. Она открылась, и показался вражеский солдат, поднявший руки кверху. Затем из дзота вылез второй гитлеровец, за ним третий... Всего их было семнадцать. Восемнадцатым вышел офицер, на его мундире поблескивал «Железный крест». Матерый фашистский вояка, увидев направленный на него Яковлевым автомат, запросил пощады. Под конвоем наших раненых бойцов 18 пленных отправили через Неву на командный пункт дивизии. А штурмовая группа двинулась дальше. За проявленную в этих боях доблесть Борис Яковлев был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Отличилось при штурме левого берега и отделение коммуниста сержанта И. С. Винтовкина. Сам командир, ворвавшись в траншею, застрелил вражеского офицера, который пытался организовать на этом участке сопротивление нашим наступавшим бойцам. Затем подорвал блиндаж с засевшими в нем гитлеровцами.

В рукопашной схватке у штабной землянки, уже на некотором отдалении от берега, И. С. Винтовкин вместе с бойцами Мерликиным и Рубаном уничтожили десяток гитлеровцев, а трех, пожелавших сдаться, взяли в плен.

Командир роты и замполит двигались неотрывно за передовыми цепями. Старший лейтенант А. Г. Тарабанов — за взводом Геворка Хартымовича Симоняна, а капитан В. К. Магидов был во взводе Петра Ивановича Баса.

Я встретил А. Г. Тарабанова у развалин деревни Марьино. Он держал в правой руке миноискатель и, обращаясь к командиру взвода старшему сержанту Д. В. Правдивцу, говорил:

— Лучше обозначайте проходы, чтобы все видели их. А то один из наших танков свернул с маршрута и наскочил на мину.

Тарабанов был возбужден, доволен первыми результатами боя. Рота, которой он командовал, проделала 8 проходов в подрывных и проволочных заграждениях, обезвредила более 200 противотанковых и противопехотных мин, подорвала 5 дзотов и уничтожила не менее 100 фашистских солдат.

Что обеспечило этот успех? Хорошая подготовка к бою, стремительность действий, храбрость и сноровка командиров и бойцов, авангардная роль коммунистов и комсомольцев.

— Есть и у нас потери, — говорил Александр Гаврилович. — Но боеспособность роты по-прежнему высока. Наши бойцы и командиры еще многое могут сделать.

Снова мне пришлось быть во второй роте уже на исходе четвертого дня боя. А. Г. Тарабанова в подразделении не оказалось. Он был ранен, и его отправили в госпиталь. Обязанности командира исполнял старший лейтенант И. И. Павленко. Свою твердую волю и командирскую распорядительность он доказал несколько часов назад. Саперы вместе с пехотинцами успешно отразили несколько сильных вражеских контратак.

Замполит Магидов, еще не успев отдышаться и успокоиться после недавнего боя, с гордостью рассказывал об отличившихся командирах взводов Г. Х. Симоняне, П. И. Басе, Д. В. Правдивцеве. Называл капитан и новые фамилии: сержантов В. Ф. Яковенко, М. М. Иваньяна.

— Обоих ты хорошо знаешь, — говорил Магидов. — Сказать, что это замечательные, смелые ребята, — мало. Они настоящие герои.

С Василием Карповичем нельзя было не согласиться. Сержант М. М. Иваньян, командуя отделением, уже более трех суток вел бой.

Он искусно воевал и как сапер, и как пехотинец, в рукопашной схватке одолел двух гитлеровцев.

Был ранен, но остался в строю.

Не уступал ему в боевом мастерстве и младший сержант В. Ф. Яковенко. Во время форсирования Невы отделение, которым он командовал, прикрывало своим огнем саперов, обезвреживавших мины. На первой вражеской позиции Яковенко с тремя бойцами Прокопенко, Логиновым и Цыгайло блокировали вражеский дзот, уничтожили восемь гитлеровцев, а оглушенного ударом саперной лопатки офицера взяли в плен.

В глубине вражеской обороны отделение В. Ф. Яковенко придали танковой роте. В. К. Магидов показал мне рапорт командира роты:

«Доношу о том, что ваши бойцы под руководством младшего сержанта Яковенко хорошо выполнили срочное задание по сопровождению танков и эвакуации танка, выбывшего из строя во время боя.

Особенно отличились младший сержант Яковенко и красноармейцы Миненко и Савилов. От лица танкистов выношу им благодарность. Спасибо, дорогие товарищи!»

Капитан В. К. Магидов мог еще долго рассказывать о подвигах воинов-саперов. Но нашу беседу пришлось прервать. Василия Карповича вызывали на командный пункт, а мне надо было идти к парторгу роты Г. Х. Симоняну.

Спустя несколько дней, когда после прорыва блокады подводились итоги боев, генерал-майор Н. П. Симоняк сказал:

— Наши саперы действовали хорошо.

Это была очень высокая оценка скупого на похвалу генерала.

Н. С. Тутуров

полковник, во время прорыва блокады начальник штаба 86-й стрелковой дивизии

НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ АРМИИ

На левом берегу Невы, неподалеку от станции 8-й ГЭС, высится обелиск. Он воздвигнут в честь воинов, сражавшихся на легендарном «Невском пятачке». В братских могилах покоится немало наших однополчан, бойцов и командиров 86-й стрелковой дивизии. До 23 сентября 1941 года она была 4-й дивизией народного ополчения. Участвовала в боях на южных подступах к городу, на реке Тосне. Затем стала кадровой дивизией Красной Армии. Ее полки пополнились бойцами из других городов и областей. Но дивизию по-прежнему связывали самые кровные узы с Ленинградом. На правый берег Невы, где наши полки долгое время держали оборону, часто приезжали делегации ленинградцев, рассказывали, как работают и несут нелегкую боевую вахту жители города-фронта. Командиры и бойцы, в свою очередь, отчитывались перед шефами.

В сентябре сорок второго года 86-я дивизия, вместе с другими соединениями Невской оперативной группы, форсировала Неву в районе Московской Дубровки и около двух недель вела ожесточенные бои с противником.

В октябре дивизию вывели в резерв фронта, пополнили ее поредевшие подразделения. Началась боевая учеба. Упор на занятиях делался на наступательный бой. Надо сказать, что такого опыта у нас было недостаточно. Это очень беспокоило полковника В. А. Трубачева, вступившего в командование дивизией.

— Времени у нас мало, — говорил он, — а научить и командиров и бойцов надо многому. Прошу вас, начальник штаба, строго контролировать выполнение плана бое-

вой подготовки, не допускать никаких послаблений и условностей.

Сам комдив буквально дневал и ночевал в полках. Был он человеком неугомонным, безгранично преданным делу. Юношей участвовал в гражданской войне, прошел все ступени армейской лестницы, окончил академию имени М. В. Фрунзе. Одним из первых среди защитников Ленинграда Василий Алексеевич был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, но никогда не кичился прошлыми заслугами, держался просто и естественно с командирами и бойцами.

В декабре мы узнали о том, что предстояло сделать нашей дивизии в будущей наступательной операции. Мы — это полковник В. А. Трубачев, начальник артиллерии полковник А. Ф. Буданов и начальник штаба, автор этих воспоминаний. Узнали от командующего фронтом генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Д. Н. Гусева. Нам было предложено продумать, как лучше прорывать вражескую оборону на левом берегу Невы и освободить Шлиссельбург (ныне Петрокрепость). Нас предупредили, что о намечаемой наступательной операции никто не должен знать.

До назначения командиром нашей дивизии полковник В. А. Трубачев был начальником штаба Невской оперативной группы, оборону противника знал превосходно. Но перед тем как принять окончательное решение, он подробнейшим образом изучил все данные разведки. Не ограничиваясь этим, предложил еще отправиться на рекогносцировку местности на участке предстоящего наступления.

И вот мы стоим в траншее на берегу Невы. Справа от нас чернеет громада крепости Орешек, которую от Шлиссельбурга отделяет неширокая водная полоса. Сам город затянут, словно кисеей, мглистой дымкой. Невооруженным глазом трудно что-нибудь рассмотреть. Выручает перископ. Комдив долго не отходит от него, из стороны в сторону поворачивает прибор...

Спустя несколько дней комдив докладывал на Военном совете фронта о своем решении. Обсуждались два разработанных нами варианта.

Военный совет фронта отклонил первый из них — лобовой удар непосредственно на Шлиссельбург. Решено было во взаимодействии с правым соседом — 136-й стрел-

ковой дивизией — прорвать оборону противника южнее Шлиссельбурга, блокировать город и, уничтожив вражеский гарнизон, соединиться с частями Волховского фронта. Огневые точки противника в Шлиссельбурге и к югу от него предполагалось подавить артиллерией и авиацией. Боевой порядок в наступлении предусматривался в два эшелона: в первом — 169-й и 330-й полки, во втором — за правофланговым 169-м шел 284-й полк.

В начале января 1943 года штаб дивизии получил 50 экземпляров плана Шлиссельбурга. На него мы нанесли известные нам оборонительные сооружения. С помощью секретаря Шлиссельбургского горкома партии занумеровали каждый квартал города. Эти сведения впоследствии очень пригодились командирам подразделений, освобождавшим Шлиссельбург.

Перед наступлением полки первого эшелона, заняв исходные позиции, сразу приступили к сооружению огневых точек, траншей, укрытий для расчетов и боеприпасов. Дивизионный инженер майор С. Л. Хотянов, командир 120-го отдельного саперного батальона майор Вакорин и полковые инженеры хорошо справились с этой важной и нелегкой задачей. На переднем крае оборудовали также наблюдательные пункты, надежно связанные со штабами частей и огневыми позициями артиллерии.

Хорошей подготовке к наступательным боям способствовала целеустремленная партийно-политическая работа. Заместитель комдива по политчасти подполковник Ф. П. Степченко и начальник политотдела подполковник Побияхо, энергичные и опытные организаторы, настойчиво добивались того, чтобы во всех ротах и равных им подразделениях были созданы полнокровные партийные и комсомольские организации, способные оказать влияние на каждого бойца. План политического обеспечения боя предусматривал непрерывное ведение партийной работы на всех этапах наступления. Парторги и комсорги, агитаторы и редакторы «Боевых листков» посещали семинары, закрепляли практические навыки на тактических занятиях и учениях в поле, где обстановка близко напоминала боевую.

Партийные и комсомольские организации пополнялись за счет боевого актива — передовых командиров, лучших красноармейцев, сержантов и старшин. Только за месяц — до 9 января 1943 года — было подано 680 заявлений о приеме в партию и комсомол.

Когда до боев оставалось совсем немного времени, в дивизию приехали генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров и член Военного совета фронта генерал-майор Т. Ф. Штыков. В этот день проводились завершавшие подготовку учения. Подразделения действовали четко, наступали стремительно, хорошо применяясь к местности. Командующий фронтом, внимательно наблюдавший за атакой и боем в глубине обороны «противника», сделал только несколько критических замечаний. В целом он остался доволен выучкой бойцов. Л. А. Говоров приказал особое внимание обратить на организацию взаимодействия артиллерии и пехоты, потребовал на всех этапах боя сочетать огонь и движение.

После того как Л. А. Говоров и Т. Ф. Штыков уехали, полковник В. А. Трубачев собрал командный состав дивизии. Речь шла о том, как лучше выполнить требования командующего фронтом.

— Орудий и минометов у нас меньше, чем у соседних дивизий, — сказал комдив, — но сил и средств для решения поставленной задачи вполне достаточно.

Полковник В. А. Трубачев перечислил эти средства. Дивизии были приданы 548-й танковый батальон, седьмой и восьмой инженерные батальоны, 144-й и 145-й минометные полки, 871-й противотанковый полк и минометный дивизион 55-й отдельной стрелковой бригады. Кроме того, дивизию поддерживали четыре отдельных зенитных артиллерийских дивизиона и 1106-й полк артиллерии дальнего действия резерва Главного Командования.

Важно было умело использовать как приданную, так и собственную артиллерию, гибко управлять ею, наносить огневые удары там, где этого требуют интересы боя.

Все мы с волнением ждали начала операции, стремясь каждый день и каждый час потратить с пользой.

12 января в 11 часов 45 минут, когда еще бушевала артиллерийская гроза, на лед вышли штурмовые группы. За ними следом, с интервалом в 150—200 метров, двинулись первые эшелоны 169-го и 330-го полков.

Головные цепи энергичным броском достигли середины реки. В этот момент с бровки левого берега хлынул поток пулеметного огня, который начал косить бойцов. Девять легких танков, за которыми должна была следовать пехота, преодолели Неву, но подняться на крутой берег реки не смогли. Два из них подорвались на минах,

четыре машины были подбиты противотанковыми орудиями.

Наши пушки прямой наводкой вели огонь по обнаруженным вражеским пулеметам и орудиям. Командир взвода 128-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона младший лейтенант И. В. Песчанский сам стал к орудию. Первым же снарядом он попал в амбразуру дзота и разбил вражеский пулемет.

Люди вели себя геройски. Никто не отступил. Когда под огнем залегла одна из рот 169-го полка, в полный рост поднялись заместитель командира роты по политчасти Киршнов и парторг Гогоберидзе. За ними устремились бойцы.

Все же только небольшим группам наших воинов удалось форсировать Неву. Зацепившись за бровку левого берега, они завязали бой с гитлеровцами. Основные же силы двух полков первого эшелона все еще оставались на льду Невы. Обстановка сложилась критическая. Полковник В. А. Трубачев связался по телефону с командармом, доложил ему о создавшемся положении. После короткого раздумья генерал-майор М. П. Духанов приказал отвести полки на правый берег Невы.

— Сто тридцать шестая дивизия, — сказал он, — прорвала вражескую оборону и теснит гитлеровцев от Невы. Надо воспользоваться ее успехом, переправиться через реку на участке правого соседа.

Приказ командарма дивизия выполнила быстро и точно. Головные батальоны 330-го и 169-го полков отошли на исходное положение и, не теряя времени, направились на участок 136-й дивизии.

В 13 часов первый батальон 169-го полка под командой старшего лейтенанта А. Ю. Гофмана уже начал переправу. Бойцы третьей роты, которой командовал боевой офицер, кавалер ордена Красного Знамени лейтенант Дубровский, первыми, без единой потери, пересекли Неву. Вслед за ними переправились роты лейтенантов А. С. Замига и Коровина.

К вечеру весь первый батальон был уже на плацдарме и, развернув наступление вдоль Невы, разгромил две роты вражеских автоматчиков, прикрывавших с юга подступы к Шлиссельбургу.

К этому времени переправились на левый берег также второй и третий батальоны 169-го полка. Командовавший им подполковник В. М. Смородкин приказал и им дви-

гаться на север. Наши подразделения, сблизившись с противником, уничтожили шесть орудий, находившихся в дерево-земляных сооружениях, и несколько групп автоматчиков. Батальоны подошли к северной опушке рощи, которая носила кодированное название «Роза». Эта «Роза» оказалась с острыми шипами. По нашим бойцам открыли кинжальный огонь вражеские пулеметчики. Он был настолько сильным, что бойцы залегли. Тогда комсомолец Николай Смирнов быстро выдвинулся со своим «максимом» и меткими очередями уничтожил пулеметные расчеты гитлеровцев.

Решительно действовал Смирнов и в дальнейшем. Фашисты, стремясь задержать наступление наших подразделений, пошли в контратаку. Пулеметчик подпустил их метров на пятьдесят и стал расстреливать в упор.

Вслед за стрелковыми батальонами через Неву переправились артиллерийская батарея 169-го полка и приданная ему батарея 128-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона. 284-й полк форсировал Неву также в полосе 136-й дивизии. Таким образом, к исходу 12 января шесть батальонов 86-й дивизии были на левом берегу реки и вели там бои.

Левофланговый второй батальон 284-го полка, наступая правее 169-го полка, уничтожил 5 вражеских дзотов вместе с их гарнизонами.

Гитлеровцы продолжали упорно оборонять левый берег Невы. В ночь на 13 января автоматчики 330-го полка под командой помощника начальника штаба полка по разведке старшего лейтенанта И. Н. Неженца ворвались во вражескую траншею, уничтожили гарнизоны семи дзотов. К рассвету отважные бойцы вышли к юго-западному склону сильно укрепленной противником горы Преображенской. Вслед за ними ночью через Неву переправили первый сводный батальон 330-го полка под командованием старшего лейтенанта Г. Е. Проценко. Он занял рубеж у южной опушки рощи с кодовым названием «Башмак», левее второго батальона 284-го полка. Вскоре к нему присоединился и третий батальон, а также полковая артиллерия и две батареи, приданных полку противотанковых орудий.

С утра 13 января бои на левом берегу возобновились с новой силой. Наступлению первого батальона 169-го стрелкового полка препятствовал сильно укрепленный глубокий овраг северо-западнее Пильной Мельницы. Ком-

бат старший лейтенант А. Ю. Гофман связался с минометчиками, которыми командовал младший лейтенант А. Р. Голумян. С их поддержкой две стрелковые роты первого батальона стремительно атаковали противника и выбили его из оврага.

Гитлеровцы, стремясь вернуть утерянную важную позицию, дважды яростно контратаковали батальон. Стрелковые роты и пулеметчики лейтенанта Г. Ф. Биба отразили их натиск. После этого первый батальон с десятью приданными танками Т-60 возобновил наступление на Рабочий поселок № 3. Левее двигались второй и третий батальоны того же 169-го полка.

Усилили нажим на противника и батальоны 284-го полка. Начальник его артиллерии капитан В. С. Отинашвили быстро подтянул батарею противотанковых орудий и батарею полковых пушек. Заняв позиции в боевых порядках пехоты, они вели огонь прямой наводкой. С закрытой позиции стреляла полковая батарея 120-миллиметровых минометов.

С помощью артиллерии 169-й и 284-й полки нашей дивизии теснили врага на север, к Шлиссельбургу и Ладожскому озеру.

К исходу второго дня боев 86-я стрелковая дивизия на своем правом фланге продвинулась в глубину немецкой обороны более чем на 3 километра. Нашим полкам пришлось совершить поворот с востока на северо-восток и север. В сложных и тяжелых боях, сопровождавших этот маневр, важно было обеспечить бесперебойное управление. 95-й отдельный батальон связи, которым командовал И. С. Фурман, отлично справился со своими задачами. Приказы комдива своевременно передавались частям и подразделениям. Радио и проводная связь работали четко. Вместе с тем приказы, как правило, дублировались офицерами связи. Офицеры Н. И. Однолетков, Г. И. Чантурия и другие ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день, проверяли положение полков и батальонов.

13 января полковник В. А. Трубачев уточнил задачи полков. Особенно ответственная роль возлагалась на 330-й полк. Он должен был освободить Шлиссельбург, ему придавался отдельный пулеметный батальон, две батареи 128-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

В разгроме Шлиссельбургского гарнизона совместно с 86-й дивизией участвовала 55-я отдельная стрелковая

бригада. В ночь на 14 января ее второй батальон, наступая со стороны озера, достиг ладожских каналов. Однако здесь он сразу же был контратакован превосходящими силами противника. Весь день батальон вел тяжелый бой, но к ночи отошел на исходные позиции.

С 14 января нашим правым соседом стала 123-я отдельная стрелковая бригада, введенная из второго эшелона армии. Она наступала в стыке между 86-й и 136-й дивизиями в направлении Рабочий поселок № 1. Ей переподчинялся 144-й минометный полк, ранее приданный 86-й дивизии. В ночь на 14 января второй батальон бригады с боями достиг каналов на южном берегу Ладожского озера. Но здесь он с трех сторон был окружен превосходящими силами противника, весь день вел тяжелый бой и к ночи также был вынужден отойти в исходное положение.

Весь третий день наступления части дивизии оставались на прежних рубежах. 169-й и 284-й полки продолжали вести огневой бой. Продвижению 330-го полка препятствовал сильный огонь противника с горы Преображенской, господствующей над всем районом боевых действий.

В этой трудной обстановке командир полка подполковник Г. И. Середин в течение одной ночи добился решительного перелома. Кадровый политработник, военком гражданской войны, он сумел довести до каждого подразделения боевую задачу, правильно расставил силы полка и приданных ему частей.

Утром 15 января после короткого огневого налета первый сводный батальон полка, уничтожая противника, овладел прилегающей к Шлиссельбургу рощей «Башмак», пересек железную дорогу и на плечах отступающих фашистов ворвался на юго-восточную окраину города. Одновременно третий батальон, совершив обходный маневр, овладел горой Преображенской. К исходу 15 января 330-й полк занял южную часть Шлиссельбурга.

Когда стемнело, на командный пункт 86-й дивизии прибыли командующий 67-й армией генерал-майор М. П. Духанов и член Военного совета генерал-майор П. А. Тюркин. Они одобрили решения, предложенные комдивом: 330-му полку 16 января продолжать освобождение Шлиссельбурга, 169-му — овладеть опорным пунктом в Рабочем поселке № 3; 284-му полку во взаимодействии с 34-й отдельной лыжной бригадой — уничтожить

противника на железнодорожной насыпи и выйти на южный берег Ладоги.

На пятый день нашего наступления 169-й и 284-й полки вели огневые бои, уничтожая опорные пункты противника. Вражеские самолеты на бреющем полете проносились над боевыми порядками полков, сбрасывали бомбы. Из ручного пулемета замполит третьей роты 169-го полка лейтенант Поцелуев сбил бомбардировщик Ю-88. Комсомолец лейтенант Ильченко из того же полка сбил из винтовки «мессершмитт-109», который, спасаясь от советских истребителей, летел над самыми макушками деревьев.

330-й полк очищал в Шлиссельбурге от гитлеровцев квартал за кварталом. Штурмовые группы с боем брали каждый дом, используя приданные им орудия для стрельбы прямой наводкой.

К концу дня 17 января первый сводный батальон капитана Беззубика и третий батальон капитана В. Завадского выбили гитлеровцев из 17 кварталов юго-западной и центральной части города. Все наши воины в уличных боях проявляли смелую инициативу, храбрость и сноровку.

По приказу командарма генерала М. П. Духанова 86-я стрелковая дивизия 18 января должна была выбить противника из Рабочего поселка № 3 и овладеть городом Шлиссельбургом. Выполняя приказ, части 86-й дивизии после артиллерийской подготовки возобновили наступление. 330-й стрелковый полк, усиленный 9 бронемашинами из 61-й отдельной легкотанковой бригады, к 2 часам дня полностью очистил Шлиссельбург от противника.

В освобождении города участвовала группа автоматчиков героического гарнизона крепости Орешек, а также 34-я отдельная лыжная бригада, которой командовал подполковник Я. Ф. Потехин. Она была придана 86-й дивизии вечером 14 января, и в течение последующих трех дней ее второй батальон, находясь в стыке 169-го и 284-го полков, атаковал позиции немцев на железнодорожной насыпи. С утра 18 января лыжная бригада из района рощи «Башмак» и юго-восточной части Шлиссельбурга во взаимодействии с 284-м полком выбила противника с отсечной позиции у железнодорожного полотна. К 2 часам дня ее первый батальон вышел к северо-восточной окраине Шлиссельбурга, а третий батальон — на ладожские каналы севернее Рабочего поселка № 3.

Успешно действовали в тот день и другие наши части. 169-й полк штурмом овладел сильным опорным пунктом противника в Рабочем поселке № 3. Подготовку этого боя умело организовал начальник штаба полка капитан А. А. Андреев.

284-й стрелковый полк наступал в направлении к Ладожскому озеру. Левофланговый второй батальон капитана А. Ф. Епифанова захватил немецкие склады с боеприпасами и продовольствием, 30 грузовых и легковых автомашин. К 2 часам дня батальоны 284-го полка достигли каналов на южном берегу Ладожского озера и повернули на восток, в направлении к деревне Липки, — в район, куда с боем пробивались волховчане.

Впереди полка шел третий батальон капитана Жукова. Этот батальон первым в полку и в дивизии встретился с подразделениями 128-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта.

Об этой встрече доложил комдиву начальник штаба полка капитан Л. Н. Соловьев. Она произошла к вечеру 18 января в 18 часов 40 минут, в 2,5 километра западнее деревни Липки. Впереди третьего батальона двигался взвод полковой разведки. Командовал им старший сержант Кириченко. Услышав команду головного дозора «стой», он немедленно остановил разведчиков. Выяснилось, что дозорные в вечерней мгле заметили людей в белых маскхалатах и ушанках, вооруженных советскими автоматами.

— Беги докладывай, — приказал комвзвода находившемуся рядом старшему сержанту Шалагину.

С третьим батальоном шел командир 284-го полка подполковник Н. И. Фомичев. Выслушав донесение, он приказал остановить батальон, а сам вместе со своим замполитом майором Ломанковым, адъютантом лейтенантом Шевченко, комбатом капитаном Жуковым и семью лучшими автоматчиками вышел вперед.

— Кто идет? — крикнул подполковник, подойдя к дозорным.

— Свои! Липки наши... — раздался радостный отклик.

Фомичев при свете электрического фонарика проверил удостоверения встреченных командиров, показал свое.

Начались объятия, поцелуи. Воины соседних братских фронтов Красной Армии смешались в единую ликующую толпу.

Поздно вечером 18 января мы подвели итоги семи дней боев на левом фланге 67-й армии. Боевую задачу 86-я стрелковая дивизия выполнила с честью, она освободила от врага город Шлиссельбург. Были захвачены богатые трофеи: 36 орудий разных калибров, 60 минометов, 107 пулеметов, более 1300 автоматов и винтовок, множество снарядов и мин, средств связи, инженерного имущества.

За образцовое выполнение боевых заданий более 640 воинов дивизии были награждены орденами и медалями.

Командиру дивизии полковнику В. А. Трубачеву Советское правительство присвоило звание генерал-майора. Он был награжден орденом Кутузова II степени, а командир 330-го стрелкового полка подполковник Г. И. Середин — орденом Суворова III степени.

В боевых успехах дивизии велика роль политработников. Примером мужества и отваги служили коммунисты и комсомольцы. Держа на них равнение, воины дивизии, даже раненные, не уходили с поля боя.

В тяжелых наступательных боях при прорыве блокады Ленинграда замечательные ратные подвиги совершали и военнослужащие-женщины.

Комсомолка-связистка Нина Травина, когда свинцовый град преградил путь нашим атакующим бойцам, взяла винтовку у раненого и бросилась вперед. За ней поднялась вся цепь.

Много славных ратных дел совершили воины дивизии в боях за свободу и независимость нашей Родины, за город Ленина. И всегда для них воодушевляющим примером служили беспримерная стойкость ленинградцев, беззаветная отвага ополченцев, грудью вставших в грозные дни сорок первого года на защиту города трех революций, колыбели Октября.

Н. Ф. Минеев

гвардии полковник, во время прорыва блокады начальник штаба 29-го гвардейского истребительного авиационного полка

В ВОЗДУХЕ — ИСТРЕБИТЕЛИ...

И сейчас, спустя тридцать лет, хорошо помню, какой длинной нам показалась ночь на 12 января 1943 года. Долго не могли уснуть летчики, которым подполковник А. А. Матвеев строго-настрого приказал спать. И сам Александр Андреевич, всегда хладнокровный и невозмутимый, тоже был возбужден. Несколько раз он приказывал связаться с метеорологами, удостовериться, не ошиблись ли они в своих прогнозах. И когда я снова докладывал, что перемен к лучшему не предвидится, сердито хмурился.

Мне хотелось его как-то успокоить, сказать, что и вражеская авиация вряд ли в такую неблагоприятную погоду будет действовать активно. Но это наш командир полка и сам понимал очень хорошо. Он был старше всех нас по возрасту, и больше каждого из летчиков провел часов в воздухе. Первое боевое крещение принял еще в небе над Халхин-Голом. Во время финской кампании Матвеев командовал эскадрильей. В Великую Отечественную войну Александр Андреевич водил в бои уже истребительный полк. Высокая требовательность и преданность делу позволили ему заслужить уважение подчиненных. А вот искреннее восхищение, переросшее в общую любовь, принесло командиру полка его исключительное мужество...

Много воздушных боев провел Александр Андреевич, защищая Ленинград. Часто приходилось ему вступать в неравные поединки с вражескими истребителями. Был случай, когда Матвеев сражался один против шести «мессершмиттов». И доказал, что численное превосходство

не всегда приносит успех. Решает в первую очередь воля к победе. В том бою Александр Андреевич сбил два вражеских самолета, остальные, не желая испытывать судьбу, скрылись в облаках.

Решительности и высокому искусству воздушного боя учились все летчики нашего 29-го авиационного истребительного полка у своего командира. А он терпеливо наставлял их, делился богатым опытом. Каждый из летчиков был ему близок, дорог. И майор Петр Пилютов, испытанный товарищ, умный и расчетливый в бою, и капитан Петр Покрышев, не терявший хладнокровия в самых сложных ситуациях, и майор Андрей Чирков, открывший счет сбитых фашистских самолетов на второй день войны, месяц от месяца увеличивавший его. Суровые военные испытания сроднили А. А. Матвеева с этими и другими ветеранами полка. Вместе с ними он быстро вводил в дружную боевую семью прибывавших новичков. Они уже в скором времени становились умелыми бойцами, умножали традиции крылатой гвардии...

Незадолго до операции «Искра» полк перебрался из-под Волхова в район Ленинграда. Здесь, в соседстве еще с несколькими полками 275-й авиационной истребительной дивизии, мы завершили подготовку к боям.

Хмурым и пасмурным было утро 12 января. Над аэродромом низко-низко проплывали пепельно-серые тучи, роняя на землю снежные хлопья. Видимость ограничена до предела. Одним словом, погода была такая, при которой по наставлению запрещалось выпускать самолеты в воздух.

— Что будем делать, начальник штаба? — огорченно говорил мне подполковник А. А. Матвеев. — Может, рискнем?..

Я предложил сначала связаться со штабом 13-й воздушной армии. Командир полка со мной согласился. Полковник А. Н. Алексеев, возглавлявший штаб, оказался на месте. О метеорологических условиях он знал не хуже нас и передал приказание командующего армией держать летчиков в готовности номер один, а на разведку погоды в районе боев направить кого-нибудь из опытных летчиков.

По приказанию подполковника А. А. Матвеева в воздух поднялся командир авиационной эскадрильи гвардии капитан Н. А. Зеленов. Оторвался от земли и тотчас скрылся в густой пелене. Через несколько минут радио-

волна уже принесла его первое донесение о метеорологической обстановке. Оно не радовало. Видимость не превышала 500 метров. Таким же был и следующий доклад. Достигнув района боев, Николай Андрианович сообщил, что Нева плотно прикрыта туманом, в районе Шлиссельбурга заряды снегопада.

— Как высока облачность? — спросили мы у Зеленова.

— Сейчас проверю...

Вскоре Н. А. Зеленов доложил, что облачность он преодолел, на высоте 2 тысяч метров небо чистое, но местами видны свинцовые тучи.

— Возвращайтесь обратно, — приказал командир полка.

Минут через двадцать мы услышали гул мотора, но самолета не было видно. С большим трудом гвардии капитану Н. А. Зеленову удалось отыскать аэродром и посадить машину.

Казалось, в такую погоду нечего было и думать о боевых вылетах. Но и в нашем, и в других полках — истребительных, штурмовых и бомбардировочных — летчики не хотели сидеть сложа руки.

Из штаба воздушной армии нам передали, что генерал С. Д. Рыбальченко разрешил штурмовикам вылеты в одиночку и небольшими группами. Нельзя было оставлять их без прикрытия. Поэтому, когда на штурмовку вылетели четыре экипажа под командованием Александра Манохина, в воздух поднялось несколько наших самолетов во главе со знаменитым ленинградским асом Петром Андреевичем Пилютовым. Обойдя снеговой заряд, штурмовики нанесли удары по пунктам управления и средствам связи гитлеровцев в районах Келколово, Анненское. Все наши самолеты, несмотря на сильный зенитный огонь противника, благополучно вернулись обратно.

Этот вылет убедительно показал, что для опытных авиаторов неблагоприятная погода нестрашна. Оказывая помощь наземным войскам, бомбардировщики и штурмовики громили вражеские узлы сопротивления, уничтожали батареи противника.

Наш 29-й гвардейский и другие авиационные истребительные полки (11, 14, 27-й гвардейские и 158-й) надежно прикрывали район боевых действий. Стоило над боевыми порядками 67-й армии появиться фашистскому самолету, как он был сбит старшим лейтенантом И. Ф. Беляевым. Летчики-истребители провели также

несколько штурмовок вражеских опорных пунктов, расстреливая из пулеметов гитлеровцев.

На следующий день, к нашей величайшей радости, погода улучшилась. И уже рано утром над полем боя начались ожесточенные воздушные схватки. Как и всегда, мужественно действовали Николай Зеленов, Георгий Глотов, Петр Пилютов, Петр Покрышев, Александр Булаев, Александр Горбачевский. Они надежно охраняли воздушные просторы, смело и решительно атаковали вражеские бомбардировщики и истребители.

Еще раньше нам было известно, что у противника появился на вооружении новый самолет-истребитель, превосходивший по своим боевым характеристикам все прежние машины.

Первыми столкнулись с вражеским истребителем «фокке-вульф-190» летчики нашего соседа — 158-го авиационного истребительного полка. Капитан Сергей Литаврин, старший лейтенант Сергей Деменков и лейтенант Григорий Богомазов патрулировали над районом боев. От зорких глаз командира группы не ускользнула переброска к линии фронта подкреплений. И он, приказав товарищам прикрывать его, снизился и начал штурмовку вражеской автоколонны.

Внезапно из облаков вывалились два тупорылых фашистских самолета, устремились к Литаврину. Но Деменков и Богомазов не позволили им атаковать командира. Не приняв боя, фашистские летчики сделали резкий разворот и ушли вверх. Деменков и Богомазов начали их преследовать. На высоте 1500 метров завязался воздушный бой. Вскоре к товарищам присоединился и капитан Литаврин.

Один вражеский самолет задымил и упал. Второй же, дважды атакованный Литавриным и Деменковым, дымя, нырнул в облака и исчез.

У наших истребителей горючее подходило к концу: нужно было немедленно возвращаться на свой аэродром. Уходя, они снова увидели тупорылый фашистский самолет. Он вынырнул из облаков и, снижаясь, держал курс на северо-восток. Ничего не стоило догнать его и попытаться добить. Но в баках горючего оставалось совсем мало...

Вернувшись на аэродром, Литаврин и его боевые друзья узнали от начальника штаба полка, что вражеский самолет далеко не ушел. Он произвел вынужденную по-

садку на нейтральной полосе. Фашистский летчик, оставив машину, уполз к своим.

Подойти днем к самолету было невозможно. При каждой попытке сделать это противник открывал сильный минометный огонь. Выделенная команда для захвата самолета, под руководством старшего техника лейтенанта Крючкова, в составе сержантов Качкова и рядовых Соловьева, Ивлева и Маркова подобралась к самолету только ночью. Смельчаки техники прицепили трос и отбуксировали машину с нейтральной полосы, быстро разобрали по частям и перевезли в ремонтную базу. Здесь самолет до мелочей был изучен. Вскоре ленинградские летчики получили о самолете «фокке-вульф-190» самые подробные данные.

С командованием 158-го истребительного полка мы поддерживали самую тесную связь, поэтому уже 13 января узнали о новых вражеских самолетах. Подполковник А. А. Матвеев сообщил об этом всем летчикам. Рассказал и о другом. По данным разведки, полученным штабом армии, противник подтянул к району боев подкрепления со спокойных участков фронта. Поэтому нужно ожидать, что активность вражеской авиации возрастет. Отмечено и некоторое своеобразие в тактических действиях фашистских истребителей. Они стали нападать на наши самолеты снизу, а в некоторых случаях пытались «пристраиваться» штурмовикам в хвост и внезапно наносить удары.

— Помните об этом, товарищи, — говорил, обращаясь к летчикам, командир полка. — Мы можем и должны добиться полного господства в воздухе, ни одна уловка врага не должна застать нас врасплох.

14 января погода позволила действовать и штурмовикам и бомбардировщикам. В воздухе не было ни одного облачка, горизонт просматривался на большое расстояние. В этот день часть наших экипажей прикрывала штурмовики. Остальные охраняли воздушные подступы над полем боя.

В поединках с фашистской авиацией отличились гвардии майор Александр Чирков, капитан Александр Булаев и старший лейтенант Андрей Чубуков.

...Произошло это над боевыми порядками наших наступающих войск. Пары истребителей, патрулируя в небе, зорко следили за воздухом и землей. Вскоре в районе боевых действий появилась группа вражеских истребите-

лей. Вначале они ходили вдоль линии соприкосновения — над расположением своих войск. Затем развернулись, готовясь, видимо, к атаке. Наши истребители сделали то же и смело устремились в атаку.

Подполковник А. А. Матвеев, как и обычно, встречал участников этого боя на взлетной полосе. Одна за другой, поднимая снежную пыль, опускались машины. Летчики, покидая их, подходили к командиру полка. Они торопливо смахивали пот с раскрасневшихся лиц, разминали затекшие ноги.

— Сбито три вражеских самолета, — доложил гвардии майор Чирков. — У нас потерь нет.

— Идите на командный пункт, — приказал Матвеев.— Буду через десять минут.

На взлетную полосу выруливало из укрытий несколько самолетов. Пока они не поднимутся в воздух, Матвеев отсюда не уйдет. Такое у него выработалось правило: самому провожать и встречать экипажи. Каждый из истребителей, покидая аэродром, устремляясь навстречу неизвестности, неизменно видел на летном поле высокого и стройного командира, строгого и заботливого, болеющего, как любящий отец, за его судьбу.

Группа под командованием гвардии майора Покрышева точно в срок отправилась на выполнение боевого задания. А подполковник Матвеев на командном пункте начал разбор недавнего боя. Он внимательно слушал доклады каждого летчика, лаконичные и деловые. Александр Андреевич не терпел многословия и бахвальства. Для него было важно установить, что позволило добиться успеха или, наоборот, почему произошла неудача. Летчики знали эту черту командира и, готовясь к докладу, анализировали и свои действия и тактику противника...

Разбор был коротким и конкретным. Командир полка не имел никаких претензий к летчикам. В заключение он спросил: не появлялись ли над полем боя новые вражеские истребители? Оказалось, что нет.

— А очень бы хотелось с ними померяться силами,— сказал Андрей Чирков.

Зная его характер, нельзя было ему не поверить. Андрей Васильевич всегда первым рвался в бой, никогда не щадил себя. Как только после очередного воздушного боя он появлялся на аэродроме, к Чиркову спешили все свободные от дежурства летчики. Ему всегда было о чем рассказать товарищам: о новых методах ведения боя, при-

мененных противником, или же о новых приемах борьбы с врагом, найденных самим Чирковым и обеспечивших победу.

У Андрея имелось немало друзей-летчиков. Но самым задушевным был Петр Афанасьевич Покрышев. Их дружба началась еще до войны. Покрышев командовал эскадрильей, Чирков — звеном. Они часто вместе поднимались в воздух, и если в части заходил разговор о слетанности, то их обязательно приводили в пример.

Незадолго до операции наш полк перевооружился, летчики получили новые, более совершенные самолеты «Яковлев-7». Покрышев и Чирков одними из первых осваивали эти машины. И естественно, что оба жаждали первой встречи с «фокке-вульфом-190».

Однако первым открыл счет сбитым новым вражеским истребителям в нашем полку совсем еще молодой летчик, ученик Покрышева и Чиркова, гвардии старший сержант Васильев.

Днем 17 января 1943 года, патрулируя над боевыми порядками наземных частей, наши истребители обнаружили два «фокке-вульфа-190». Они летели к переднему краю. Гвардии старший сержант Васильев решительно бросился им навстречу. Его атака была для врага неотвратимой. Один фашистский самолет после первой же пулеметной очереди камнем полетел к земле. Второй «фокке-вульф-190» в панике ринулся в пике и быстро покинул поле боя.

Покрышев, Чирков, все летчики сердечно поздравляли молодого пилота, недавно вступившего в семью гвардейцев, с этой победой. Они радовались также и успеху другого новичка — гвардии старшины Антона Никитина, сбившего 17 января «мессершмитт». Новое пополнение летчиков быстро усваивало лучшие традиции крылатой гвардии, успешно овладевало мастерством воздушного боя.

Большинство наших авиаторов во время боев по прорыву блокады сражалось умело и отважно. Но, как и всегда, особо отличались ветераны полка Н. А. Зеленов, П. А. Пилютов, П. А. Покрышев. После завершения операции «Искра» им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не могу не сказать доброго слова и о летчиках других истребительных полков, с которыми нас связывала настоящая боевая дружба. Это командиры звеньев майор А. И. Никитин и капитан В. Н. Харитонов, удостоенные

звания Героя Советского Союза, отличные и храбрые летчики гвардии капитан А. В. Карпов, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза, майоры Н. Г. Молтянинов, И. И. Неуструев, капитан Г. Н. Жидов и многие другие.

За время операции летчики истребительной авиации совершили 549 боевых вылетов, провели 83 воздушных боя, сбили 13 вражеских самолетов. Это был серьезный и крупный успех, убедительно показавший, что наша авиация добилась на Ленинградском фронте полного господства в воздухе.

Умножая приобретенный опыт, наши летчики и в феврале надежно прикрывали боевые порядки войск Ленинградского фронта, наступавших на синявинском направлении и в районе Красного Бора. Они уничтожили еще не один десяток вражеских бомбардировщиков и истребителей.

С. З. Кадацкий

гвардии полковник, во время прорыва блокады командир 96-го гвардейского Краснознаменного артиллерийского полка

РАСЧЕТ И ТОЧНОСТЬ

В ударную группировку Ленинградского фронта среди других дивизий входила и 45-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия.

Наш 96-й гвардейский Краснознаменный артиллерийский полк этой дивизии занимал огневые позиции в районе Невская Дубровка — Плинтовка. Во время подготовки к операции «Искра» мы, поддерживая боевые действия подразделений, оборонявших «Невский пятачок», усилили разведку огневых средств противника и его инженерных сооружений.

11 января мы получили приказ Военного совета Ленинградского фронта, в котором, в частности, говорилось: «Соединениям и частям 67-й армии перейти в решительное наступление против фашистских захватчиков, прорвать блокаду Ленинграда и соединиться с частями Волховского фронта». Этот радостный и вдохновляющий приказ был встречен с исключительным воодушевлением и небывалым подъемом командирами и бойцами нашего полка, с первых дней войны участвовавшего в героической обороне Ленинграда. Каждый понимал, как важно успешно решить поставленную Военным советом фронта боевую задачу.

Наш полк и один дивизион 174-го минометного полка составляли полковую артиллерийскую группу 134-го гвардейского стрелкового полка (ПАГ-134). Артиллерия группы, которой я командовал, должна была подавить огневые точки противника до наступления полка, а затем участвовать в огневом вале.

12 января после окончания артподготовки, длившейся 140 минут, пехотинцы дружно поднялись в атаку и с криком «ура» ворвались в первую вражескую траншею. Вместе с ними шли артиллерийские разведчики-наблюдатели гвардии старший лейтенант Филиппов, гвардии лейтенант Ильин, гвардии младший лейтенант Тимохин, гвардии старшие сержанты Демин и Шустовой, гвардии сержант Медведев, гвардии ефрейтор Бугорков и многие другие.

Противник, огрызаясь уцелевшими, неподавленными огневыми точками, сосредоточил всю мощь огня по подразделениям, наступавшим с Невского плацдарма, и по огневым позициям нашей артиллерии. Несмотря на все усиливавшийся вражеский огонь, артиллеристы-гвардейцы действовали геройски. Гвардии младший сержант Сорбаш, вступивший перед боем в партию, хладнокровно и точно выполнял команды. На огневой позиции батареи рвались снаряды, но мужественный воин ни на минуту не отходил от своего орудия. Артиллерийские разведчики передавали, что его пушка-гаубица отлично поражает цели.

«Наводить орудия так, как наводит молодой коммунист гвардии младший сержант Сорбаш!» — призывали боевые листовки-«молнии». И все наводчики полка — Зайцев, Большаков, Воронин и многие другие — следовали примеру передового воина. Благодаря их быстрой и точной боевой работе у орудий, было уничтожено много живой силы и огневых средств противника.

Как ни стремились фашистские артиллеристы вывести из строя наши батареи, у них ничего не вышло. Этому во многом способствовали проведенные в подготовительный период работы по инженерному оборудованию огневых позиций и четкая связь между артиллерийскими разведчиками и командирами огневых взводов.

Под губительным огнем противника четко действовали связисты — гвардии ефрейторы Соколов, Орлова, Ильина, Рассадина, Дмитриева, Томилина и Нуянзина, радисты Адамсон, Чувашов и многие другие. Когда телефонная связь между огневой позицией и наблюдательным пунктом 8-й батареи была прервана, связист Карамелин бросился ее исправлять. Осколком разорвавшейся мины он был ранен в ногу. Превозмогая боль, он продолжал выполнять свой долг. Дважды засыпало землей телефониста 2-го дивизиона Волдаева. Несмотря на это, он 11 раз

устранял порывы связи. Связисты 1-го дивизиона Пожидаев и Сорокин 13 раз восстанавливали линию.

Разведчик гвардии ефрейтор Бугорков по нескольку раз в день под сильным минометным и артиллерийским огнем противника переправлялся по льду с левого берега Невы на правый, доставляя донесения в штаб дивизии. В одном из очередных рейсов на его глазах был тяжело ранен пехотинец, он бросился к нему, оказал первую помощь и переправил на медицинский пункт.

Снова, как и в предыдущих боях, проявил героизм коммунист гвардии старший сержант Константин Демин — командир отделения разведки 5-й батареи. В рукопашном бою, помогая нашей пехоте отбивать контратаки противника, он уничтожил 5 фашистских солдат, а затем, догнав удиравшего офицера, обезоружил его и доставил в штаб полка.

45-я гвардейская дивизия как в первый день боя, так и на второй большого успеха не имела. Объяснялось это, прежде всего, тем, что перед ней стояло мало уязвимое железобетонное укрепление — здание 8-й ГЭС, приспособленное противником для обороны. Чтобы овладеть этим мощным узлом сопротивления, командарм генерал-майор М. П. Духанов решил 14 января ввести в бой 152-ю танковую бригаду, которой командовал полковник Пинчук. Нам было приказано поддерживать ее огнем своих орудий.

Корректировать артиллерийский огонь с передовых танков я приказал командиру батареи гвардии старшему лейтенанту Предбайло и командиру взвода управления гвардии лейтенанту Комарову. Когда головные машины подошли к треугольнику железных дорог, что восточнее 8-й ГЭС, вражеская артиллерия преградила им путь. Гвардии старший лейтенант Предбайло сообщил на мой НП координаты огневых позиций противника. Гвардии младший лейтенант Сергей Сладков быстро подготовил исходные данные для стрельбы. Они оказались настолько точными, что первыми же залпами были накрыты артиллерийские батареи противника в районе Келколово. Сразу же их огонь прекратился, и танки смогли выполнять поставленные перед ними задачи.

Противник с каждым днем усиливал сопротивление, подтягивая новые резервы с других участков фронта. Неоднократно он переходил в контратаки, но все попытки врага отбросить к Неве наши наступавшие подразделения

успеха не имели. Срыву вражеских планов в большой степени способствовали отличные действия артиллеристов. Боевые командиры дивизионов гвардии капитаны Загладько и Власов, гвардии старший лейтенант Михеев бессменно находились все дни боев на наблюдательных пунктах, под ураганным огнем противника умело управляли своими подразделениями. Наши артиллеристы своевременно обнаруживали цели, быстро готовили исходные данные, и, как правило, огневые средства противника уничтожались или подавлялись.

Командиры батарей гвардии старшие лейтенанты Дмитриев, Романюк, Клочко, Петренко, Кузнецов, Гладких и Андреев вместе с расчетами орудий огнем батарей уничтожали живую силу противника и его огневые точки, разрушали вражеские инженерные сооружения.

Артиллеристы 96-го гвардейского полка внесли достойный вклад в славную победу наших войск южнее Ладожского озера.

А. К. Баранов

гвардии подполковник, во время прорыва блокады парторг минометной роты 270-го полка 136-й стрелковой дивизии

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Все минометчики нашей роты и бойцы стрелковой роты, с которой нам вместе предстояло наступать, с нетерпением ждали начала артиллерийской подготовки. Недалеко от нас находилась группа стрелков, и среди них замполит роты старший лейтенант Анатолий Злобин. Сразу вспомнилась мне наша полковая школа на Ханко. Анатолий тогда был у нас заместителем политрука. После этого он побывал в боях под Ораниенбаумом, на Ивановском плацдарме. Был дважды ранен. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

На митинге, состоявшемся в дивизии два дня назад, Анатолию выпала честь принять из рук старейшего производственника прославленного Кировского завода Василия Васильевича Васильева дар рабочих-кировцев — Красное знамя. В своей речи Злобин от имени воинов дивизии просил делегатов завода заверить ленинградцев в том, что с этим знаменем будет прорвана блокада Ленинграда.

Всего несколько дней, как он вернулся из госпиталя, и вот снова в бой...

Кому хоть раз довелось побывать во время артподготовки на исходном рубеже атаки, тому никогда не забыть, с каким воем и свистом летят над головой тысячи снарядов, как от выстрелов орудий, стоящих рядом с тобой, стреляющих прямой наводкой, воздушной волной срывает с головы каску.

Все находившиеся в траншеях ждали залпа «катюш». Он должен был стать сигналом начала атаки. За пять минут до него на лед выйдут штурмовые группы. Какой

долгой казалась артиллерийская подготовка! Левый берег давно уже был в огне и дыму, а наши орудия все били и били по нему.

Наконец наступили священные минуты штурма. Под звуки «Интернационала», усиленные радиодинамиками, дивизия пошла в атаку. Первыми устремились на лед Невы стрелки. Покидая траншею, они брали с собой лестницы и доски, опасаясь за прочность льда, но при выходе на ледяную ширь оставили эти подручные средства.

На нашем участке лед оказался прочным, ясно были видны воронки от разрывов.

Все ближе противоположный берег. Когда стрелки достигли примерно середины реки, их встретил заградительный артиллерийский огонь врага. На льду остались первые убитые и раненые. Среди них был командир стрелковой роты старший лейтенант Василий Анисимов. На помощь к нему устремилось несколько бойцов, но он махнул им рукой, — мол, не задерживайтесь, быстрее вперед. Потом слабеющим голосом произнес:

— Передайте Злобину... Он за меня...

И тут же над ледяным простором прозвенел голос Злобина:

— Вперед! Отомстим за командира!

Призыв этот придал новые силы бойцам роты. Они первыми взобрались на обрывистый левый берег, стремительно ворвались в траншею врага и, не задерживаясь в ней, бросились вперед. Редкий лес, проходивший в 400—500 метрах от первой траншеи, скрыл наступающую роту.

Движение по льду Невы делалось все интенсивнее. Артиллеристы катили к противоположному берегу противотанковые орудия, выходили на лед вторые эшелоны полка. Саперы вместе с танкистами тащили на лед заранее приготовленные бревна, прокладывали настилы для танков.

Пока мы бежали по льду, дважды попадали под вражеский артиллерийский огонь, который гитлеровцы вели через определенные промежутки времени. Вот и первая вражеская траншея. Она пуста, вся перепахана нашими снарядами, минами, авиабомбами. Здесь среди шагавших в тыл раненых бойцов нам повстречался солдат, у которого голова была вся забинтована, видны были лишь глаза. Бинты перетягивали и грудь бойца. Он был без шапки, шинель держалась на одном плече. Шагал он с трудом, опираясь на карабин.

И все же я его сразу узнал. Это был наш наводчик миномета Захар Фунтиков. Сколько надо силы, чтобы вот так, в таком состоянии самому шагать в тыл! Мы помогли ему спуститься с обрыва и здесь нашли санитарку нашего батальона Машу Дубровскую. Славная девушка-ленинградка уже успела вывезти на своей волокуше в полковой медпункт нескольких тяжелораненых.

Короткий зимний день клонился к вечеру. Наступило затишье. Но все знали — это ненадолго. Все время доносилось стрекотанье пулеметов, слышались раскаты взрывов снарядов и мин.

Утром мы получили приказ принять участие в танковом десанте. Оказывается, когда наша дивизия уже продвинулась вперед более чем на 3 километра, дивизия, наступавшая справа, отражала контратаки врага. Над нашей 136-й дивизией нависла угроза удара с правого фланга.

Гитлеровцы уже пошли в контратаку, когда навстречу им устремились наши танки. Мне и моему товарищу Петру Северину никогда еще не приходилось участвовать в танковых десантах, и мы в первые минуты думали только об одном — как бы не оторваться от башни. А танки мчались по воронкам, траншеям, рытвинам, ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов. Понемногу освоились и мы. Как и все стрелки на танках, стали вести огонь из автоматов.

Контратакующие цепи гитлеровцев не выдержали, стали отходить. Преследуя их, наши танки вышли на опушку леса. Сопровождавшие их десантники-пехотинцы заняли оборону. Меня и Северина командир танкового подразделения отпустил в свои роты.

Часа два шагали мы по пояс в снегу, разыскивая наш батальон. Наконец нашли. Здесь за сутки боя произошло немало перемен. Многие выбыли по ранению, на их место встали боевые друзья-соратники. Ранен был и Анатолий Злобин, но он не покинул своей роты. Его примеру последовали несколько бойцов и командиров, они тоже ранеными остались в строю.

Истекшей ночью противник пять раз пытался контратаковать боевые порядки роты, но безуспешно. Откатывался он с немалыми потерями. Плечом к плечу со стрелками отбивали натиск врага минометчики нашей роты, все время охраняя открытый фланг батальона.

Утром после короткого артиллерийского налета на позиции пытавшегося закрепиться противника батальон

снова перешел в наступление. Но продвинуться удалось немного. Пройдя около 500 метров, роты залегли под сильным вражеским огнем. Особенно губителен был огонь, который вели по нашим боевым порядкам гитлеровцы, засевшие в дзоте.

Создалось весьма трудное положение. И казалось, ничего нельзя сделать — огонь врага не дает поднять головы.

Первым к вражеской огневой точке двинулся боец роты Злобина Усов. Как крот, полз он в снегу с гранатами в руках. Но вражеский пулеметчик его заметил. Раненый Усов остался лежать на снегу. Двинулся вперед другой боец, но его сразила пулеметная очередь.

В это время в кустарнике, правее дзота, оказались два наших связиста, тянувшие линию связи к командному пункту батальона. Один из них, заметив, в каком трудном положении оказался батальон, по своей инициативе принял смелое решение. Взяв у одного из стрелков пару гранат, он пополз справа по чаще кустарника к огневой точке врага.

Затаив дыхание, следили стрелки за отважным связистом. А он ловко полз по-пластунски к вражеской огневой точке. Вот уже до нее совсем близко. Связист размахнулся, бросил гранату, но то ли от волнения, то ли из-за дальности бросок оказался неточным — граната разорвалась у стенки дзота. Тогда связист подполз еще ближе и бросил вторую «лимонку» с надеждой попасть в амбразуру.

Снова неудача — граната разорвалась у подножия дзота.

И тогда, на глазах всех залегших в снегу бойцов, связист совершил обессмертивший его подвиг. Он поднялся во весь рост, обернулся к залегшим бойцам, призывая продолжать наступление, а сам шагнул вперед и телом своим закрыл амбразуру.

Позднее все воины дивизии, а затем и фронта узнали имя героя. В прошлом рабочий-ленинградец, 29-летний солдат Дмитрий Семенович Молодцов пожертвовал своей жизнью ради победы. Ему было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Подвиг Дмитрия Молодцова решил исход боя на этом участке. Бойцы поднялись, стремительно рванулись вперед, и скоро всем нам стало понятно, почему в глубине вражеской обороны находился столь мощный дзот, кото-

рый едва не остановил наше продвижение вперед. Оказывается, метрах в трехстах за ним располагались огневые позиции 305-миллиметровых орудий. Теперь, когда дзот замолчал, наши бойцы в едином наступательном порыве овладели мощными фашистскими орудиями.

Так сражались бойцы и командиры нашей дивизии в январе 1943 года. За 144 часа битвы на левом берегу Невы ни одно подразделение дивизии не выводилось из боя. Отдыхали только в редкие часы относительного затишья. Тогда разгребали снег, настилали еловых или сосновых веток, ложились по двое, по трое и засыпали чутким, тревожным сном. Заснувших будили через 30—40 минут. Дальше спать было опасно — можно замерзнуть.

Особенно трудным был пятый день боя. Мы почти все время отражали контратаки гитлеровцев. Все новые и новые силы бросал против нас противник. Батальон весь день не имел связи с соседями справа и слева. Но и в этих труднейших условиях все подразделения дрались с врагом мужественно, умело. Наша минометная рота действовала, как стрелковая, потому что мины доставить нам не смогли. Повозочный нашей роты боец Александр Черепанов трижды пытался подвезти боеприпасы, но безуспешно. При первой попытке был убит конь. При второй трофейный конь был ранен. А при пятой попытке был ранен сам Черепанов.

В этой обстановке всю ночь на 18 января подразделения батальона провели в движении по тылам противника — рвали телефонную связь, ликвидировали тыловые подразделения, овладели огневыми позициями нескольких батарей, уничтожили личный состав расчетов. А утром вели бой с вражеской колонной, пытавшейся прорваться к Синявину. Встреченные ураганным огнем пулеметов, автоматов, винтовок, карабинов, даже пистолетов, гитлеровцы были частично уничтожены, а частично взяты в плен со всем оружием и сопровождавшим их большим обозом.

Родина достойно отметила тех, кто прорвал блокаду. Наш 270-й стрелковый полк наградили орденом Красного Знамени.

Михаил Дудин

ГЕРОЯМ

Я славлю вас, в дыму и громе стали
За родину встающих, как гора,
Стремительных и яростных баталий,
Атак и наступлений мастера!

Я вспоминаю: ночь была свинцова.
И день пришел, как ночь, тяжел и хмур.
Я вижу снова Митю Молодцова,
Заткнувшего глазницы амбразур.

На пулемет без трепета и крика
Он навалился. И задохся враг!
...Проходит с боем командир Заика
Сквозь семь остервенелых контратак.

И вижу я, как, надвигаясь, снова
Косит и мнет врагов наверняка
Огонь из автоматов Пирогова,
Неумолимый танк Осатюка.

Бей гада, бей! И не жалей патронов!
Пусть падает на землю и хрипит.
И славный ас Василий Харитонов
Двадцатый добивает «мессершмитт».

Туман и дым. Чертовская погодка.
Снег почернел, осыпался, обмяк...
И вот идет, я вижу по походке,
Мой командир — товарищ Симоняк.

Он с нами был — и мы, как сталь, стояли.
Он звал вперед — мы выбились туда.
Мы никогда, нигде не отступали,
И верю, не отступим никогда!

Метут снега... И ходят тучи рваны,
Земля гудит в пороховой пыли.
Я славлю вас, солдаты-ветераны,
Богатыри своей родной земли!

18 января 1943 г.

ГВАРДЕЙЦАМ

Умолкнет гром последнего раската,
Мы где-нибудь да встретимся опять.
Нам есть о чем поговорить, ребята.
Нам есть что вспомнить, что порассказать.

Мороз такой, что спирт не отогреет,
Но кверху поднимается ладонь,
И голос Давиденко: «Батарея!..»
И следом оглушительно: «Огонь!»

Снарядами разрытые, сухие,
В золе и пепле черные снега.
И мне припоминаются другие
Скалистые, седые берега...

Жарынь-жара... И в переблесках алых
Ночь, словно день, тревожна и светла.
Дурман-трава и лишаи на скалах,
Лес и болота сожжены дотла.

Мы не тряслись, как хвост у трясогузки.
Огонь и пыл вовек неистребим.
Напористо, размашисто, по-русски
Мы шли вперед сквозь полымя и дым.

И вот опять на брустверах и дзотах
Сдувает взрывом инея налет.
Обстрелянная матушка-пехота
Тремя волнами хлынула на лед.

И словом оборотистым, покруче,
От раны незавязанной багрян,
Уже ведет своих бойцов по круче
На левый берег капитан Салтан.

А позади (за них оплатим все мы),
Подкошенные пулей на бегу,
Лежат друзья, безропотны и немы,
На розовом подтаявшем снегу.

Здесь жизнь проста, а смерть подавно проще.
Врагов громя и вышибая вон,
За разнесенной в щепки «Редкой рощей»
Уже проходит третий батальон...

Уже в конюшне вспыхнула солома,
Уже, до крови закусив губу,
В немецкий дзот гранату бросил Шлома
Через печную ржавую трубу.

И вслед за взрывом отлетают двери,
Как будто ад наружу лезет сам.
На четвереньках выползают звери
И поднимают лапы к небесам.

Они дрожат. Налево и направо,
Через Неву и вдоль и поперек,
По грубым деревянным переправам,
По рытвинам разъезженных дорог

Уже проходят танки. А в сторонке,
Ободранные выставив горбы,
Тяжелые немецкие трехтонки,
Как лошади, подъяты на дыбы.

За Марьином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.

Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк.
Путилов — с нами. Говгаленко — с нами.
И берегом проходит Симоняк...

Вот он идет. Во тьме свистят осколки...
Суровое спокойное лицо.
Мы забираем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо.

Уже последним натиском атаки,
Разгоряченный боем, как снаряд,
С бойцами прорывается Собакин:
— Товарищи, свободен Ленинград!

Еще об этом песня не пропета,
Еще «ура» несется по рядам.
Всю страсть и вдохновение поэта
Я этой песней с кровью передам.

Мы соберемся снова, как бывало,
Друзья по гроб. И сразу — пробки вон.
Кутузов, Черноус и Чичеланов,
Никем не заменимый почтальон.

Мы выбьемся до праздника такого,
С врагами рассчитаемся сполна.
Мы Зотова помянем и Уткова,
И Виктора помянем Чухнина.

Война не ждет. Иди вперед и бейся.
Мы жизни не щадили на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так, значит, с нас и спросится вдвойне.

Январь 1943 г.

Л. М. Тудер

гвардии полковник, во время прорыва блокады командир дивизиона 101-й железнодорожной артиллерийской бригады

ЗАЛПЫ БАЛТИЙЦЕВ

Наши пушки 404-го дивизиона, калибром 130 мм, имели дальность стрельбы более 25 километров. Они способны были уничтожать или подавлять фашистские батареи, удаленные на значительное расстояние от переднего края.

Еще большая дальность стрельбы была у орудий, находившихся на вооружении других дивизионов нашей 101-й железнодорожной артиллерийской бригады. Так, 356-миллиметровое орудие, установленное на транспортере, поражало врага за тридцать с лишним километров, а 406-миллиметровое орудие стреляло на 45,5 километра.

Советские конструкторы и рабочие создали орудия, которые в то время не только не уступали лучшим заграничным артиллерийским системам, но и по многим тактико-техническим данным превосходили их.

Помнится, перед войной к нам приехал народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов. Закончив проверку, как артиллеристы овладевают новой боевой техникой, он сказал, что очень важно стать мастерами меткого огня на дальние дистанции. Мы заверили наркома, что быстро освоим новые орудия.

— Срок? — строго спросил нарком.

— Месяц, — ответил я.

— Проверю, как вы умеете держать свое слово.

Ровно через месяц к нам прибыл начальник главного штаба Военно-Морского Флота адмирал И. С. Исаков. Он сказал, что о результатах боевых стрельб наркому Военно-Морского Флота предстоит сделать доклад ЦК партии и правительству.

Стрельба по мишени прошла успешно. Адмирал И. С. Исаков остался доволен действиями наших батарейцев. Орудия получили высокую оценку, их выпуск увеличивался.

Пришло время испытать новые системы в боевых условиях. Стреляли мы на дальность 40 километров. Погода была пасмурной. Самолет-корректировщик не смог дать данных о результатах попаданий, а звукометрическая разведка фиксировала поражение цели только в радиусе 20 километров.

Батарейцев томила неизвестность. Каждому ведь хотелось знать, удалось ли попасть в цель. Какова же была наша радость, когда из радиоперехвата стало известно, что снаряды накрыли цель. И еще говорилось: «У русских под Ленинградом появились тяжелые пушки — немецкие «берты». Они наносят огромные разрушения».

Мы весело посмеялись над тем, что нашу «Татьяну Михайловну» (так уважительно мы прозвали пушки ТМ-2305) у противника окрестили «бертой».

К нам на батарею приехал писатель Всеволод Вишневский. Никогда не забудется его яркая речь. Он едко высмеял тех людей на Западе, которые наше грозное оружие выдают за заграничное времен первой мировой войны, и с большой теплотой говорил о советских конструкторах, рабочих и артиллеристах.

В обороне Ленинграда артиллерия Краснознаменного Балтийского флота сыграла немалую роль.

Важные задачи решала она и во время прорыва блокады. Артиллерия КБФ разделялась на контрбатарейную подгруппу, которая должна была нанести огневой удар по девяти батареям противника в полосе наступления 67-й армии, и на подгруппу общего назначения, призванную подавлять и разрушать узлы сопротивления, командные и наблюдательные пункты.

В операции в полном составе участвовала наша бригада. Кроме того, для оказания огневой поддержки привлекалась артиллерия кораблей отряда реки Невы, береговые батареи, 301-й и 302-й дивизионы Ладожской военной флотилии.

Еще до начала операции артиллеристы-балтийцы нанесли несколько сильных ударов по противнику. Целями служили как вражеские дальнобойные батареи, так и командные пункты, узлы связи. И не только в районе

южнее Ладожского озера, где предполагалось прорвать блокаду. Морские орудия стреляли по вражеским позициям к западу и югу от Ленинграда. Делалось это по приказу командующего Ленинградским фронтом генерала Л. А. Говорова. Ставя такую задачу командующему артиллерией КБФ контр-адмиралу И. И. Грену и командиру 101-й железнодорожной бригады генерал-майору И. Н. Дмитриеву, Л. А. Говоров говорил, что необходимо дезинформировать противника о направлении главного удара.

Осуществляя задуманное, артиллеристы бригады вели интенсивный огонь в полосах обороны 42-й и 55-й армий.

Накануне броска наших войск через Неву дивизионы бригады тщательно готовились к участию в артиллерийском наступлении, огневых ударах по глубине вражеской обороны. Батареи располагались на железнодорожных путях в районах Манушкино, Каменка, Кирпичный завод. Артсистемы были замаскированы елками, как и блиндажи, укрытия для боеприпасов.

Командиры и краснофлотцы то и дело проверяли готовность к стрельбе механизмов, узлов и боевых средств. Уточнялись уже в который раз исходные данные для стрельбы. Командир бригады поддерживал живую и непрерывную связь со штабом артиллерии 67-й армии. Получая координаты какой-нибудь вновь обнаруженной цели, ставил задачи дивизионам.

На рассвете 12 января телефонные провода донесли на дивизионы басовитый спокойный голос генерал-майора И. Н. Дмитриева:

— Внимание! Залп!

Дивизионы, которыми командовали майоры Б. М. Гранин, Н. З. Волновский, Д. И. Видяев и Н. Н. Крайнев, открыли огонь по противнику. Уверенно и слаженно действовали расчеты всех батарей. Метко стреляли, посылая один за другим снаряды в сторону противника командиры орудий бывший рабочий фабрики «Скороход» П. Перласов, Е. Архипов, И. Вовченко, М. Рудаков и другие.

Когда закончилась артподготовка, разведчики-наблюдатели батареи капитана Г. И. Барбакадзе обнаружили на восточной окраине Шлиссельбурга скопление живой силы и техники противника. Точным огнем цель была накрыта, гитлеровцы понесли большие потери.

Батарея старшего лейтенанта В. С. Мясникова, прокладывая путь пехоте, разрушала вражеские укрепления в южной части Шлиссельбурга, в Рабочих поселках № 5 и 6. 15 снарядов она выпустила по Синявино, куда подбрасывались вражеские резервы, а затем вступила в поединок с батареей противника и заставила ее замолчать.

Хорошо справились с боевыми задачами батареи старших лейтенантов П. И. Антощенко, Я. Г. Меншуткина, С. И. Жука и Е. В. Потехина.

Но и вражеские снаряды стали рваться недалеко от наших орудий, вздымая фонтаны земли и снега. Со свистом и зловещим шипением над головами моряков проносились осколки, комья замерзшего грунта и срезанные ветки деревьев. Местность вокруг орудийных установок стала бугристо-черной, словно перепаханной. Появились раненые и убитые на всех батареях. Но моряки, как в морском бою, четко работали у боевых механизмов, брали на себя и обязанности товарищей, выбывших из строя. От едкого дыма стрелявших орудий, разрывавшихся снарядов противника слезились глаза и першило в горле. Все раненые, которые могли стоять на ногах, продолжали работать. Особенно отличился командир орудия коммунист Николай Смирнов. Раненый, он несколько часов продолжал командовать расчетом орудия, пока не потерял сознания.

Геройски действовал командир зенитного расчета старший сержант коммунист Василий Мохов. Вражеские снаряды стали рваться недалеко от места, где находился наш боезапас. Невзирая на град свистящих осколков, Мохов первым бросился к платформе. Зенитчики последовали примеру командира. За несколько минут они успели перетащить снаряды и пороховые заряды в укрытия. Был спасен боезапас и предотвращен взрыв, от которого неминуемо могли бы пострадать люди и орудия.

Старший сержант Василий Мохов заменял убитых и раненых из расчетов тяжелых пушек.

Моряки-артиллеристы знали, что в первых рядах наших наступающих войск шла 136-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. П. Симоняка. Мы, боевые друзья еще с времен обороны военно-морской базы Ханко в 1941 году, старались помочь симоняковцам.

Когда стрелковые подразделения начали штурм левого берега Невы, наша артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны. Сокрушительными были удары по местам сосредоточения резервов живой силы и техники в поселках Отрадное, Келколово, Мустолово, Синявино, по штабам и узлам связи гитлеровцев, по железнодорожным станциям и дорогам. Одновременно мы били по вражеским батареям, вели огонь на разрушение узлов сопротивления в районе 8-й ГЭС, 1-м и 2-м Городках и Рабочих поселках.

За полтора года фашисты создали глубоко эшелонированную систему обороны с большим количеством долговременных инженерных сооружений. Овладение каждым укреплением стоило нашим наступающим войскам больших усилий. То с одного, то с другого участка фронта командиры наступающих соединений и частей, встретив упорное сопротивление противника, называли цели и просили: «Морячки, поддайте огонька!» И морячки старались изо всех сил.

— Жук, немедленно подавите батарею на окраине Келколова, пятнадцать снарядов, — пересиливая гул канонады, кричал в телефонную трубку заместитель командира бригады подполковник С. С. Кобец.

Вздрагивала земля, когда 740-килограммовые снаряды перепахивали вражеские огневые позиции.

С корректировочного пункта доложили: «Цель накрыта — на окраине Келколова взрыв большой силы и пожар».

— К станции Мга подходят эшелоны противника, — сообщили из штаба артиллерии армии. — Подготовить огневой налет.

И вскоре тяжелые дальнобойные батареи В. Н. Мяснянкина и А. К. Дробязко наносят сосредоточенный удар. В районе цели также наблюдаются сильные взрывы и пожары.

Под постоянным наблюдением держали наши артиллеристы и вражеские дальнобойные батареи, расположенные к югу и западу от Ленинграда. Нельзя было допустить, чтобы они обрушили свой огонь по городу. Эту задачу получили 406-й дивизион майора Я. Д. Тупикова и наш, 404-й.

Передвигаясь по железнодорожным путям, мы часто меняли месторасположение огневых позиций. Это нас и спасало. Но участки маневрирования были все же ма-

лыми. И 14 января, во второй половине дня, гитлеровцам удалось «нащупать» нас.

— Товарищ комдив, — услышал я в телефонной трубке взволнованный голос командира батареи А. М. Кубенина, — нас накрыли.

Стараясь не повышать голос, я отдал команду: «Личный состав в укрытия».

— Нельзя, товарищ комдив, — ответил мне Александр Михайлович. — В районе эшелона пожар...

Сразу после разговора с Кубениным я оставил на время свой командно-наблюдательный пункт, где остались мои помощники, и поспешил на огневые позиции. Вокруг орудий множество воронок. Снаряды еще продолжали рваться, но люди, не теряя выдержки, вели огонь по врагу.

Командир батареи доложил мне, как на огневой позиции развивались события. Когда начался огневой налет и возник пожар, командир орудия старшина 2-й статьи Волков и командир отделения железнодорожной службы сержант Федюнин первыми бросились к вагону с боеприпасами. Вслед за командирами спешили и их подчиненные. А враг продолжал стрелять. Под градом осколков люди тушили пожар. Федюнин пошатнулся. Кто-то из краснофлотцев бросился к раненому командиру.

— Быстрее расцепляйте вагоны! — собрав последние силы, крикнул Федюнин. — Расцепляйте же, — повторил он, — иначе...

Он умер, не закончив фразы. Но все поняли его. Недалеко от того вагона, где находился боезапас, разорвался еще один 210-миллиметровый снаряд. Если огонь подберется к вагону, произойдет взрыв страшной силы.

Батарейцы предупредили катастрофу, успели за несколько считанных минут расцепить и отогнать друг от друга вагоны.

В это время ранило старшину 2-й статьи Волкова, который руководил всеми работами. Неизвестно откуда, словно из-под земли, возле раненого появилась связистка комсомолка Валя Жунева. Она перевязала Волкова. Как выяснилось потом, Жунева пошла на линию исправлять связь и, выполнив свое дело, бросилась к эшелону помогать людям гасить очаг пожара. Волков поблагодарил девушку и продолжал командовать, а она вместе с сандружинницами стала оказывать первую помощь другим раненым.

Не менее самоотверженно действовали расчеты орудий. Тяжело ранило старшину 1-й статьи Попова и краснофлотца Тихомирова. Краснофлотец Гаврилов быстро вынес их из угрожаемой зоны, им была немедленно оказана медицинская помощь. Старшина группы комендоров главстаршина Сорокин стал на орудийную площадку и заменил Попова. Орудие ни на минуту не прекращало вести огонь.

Противник, видимо, решил стереть с лица земли батарею Кубенина. Гитлеровцы вели, как говорят артиллеристы, «огонь на уничтожение». За 30—40 минут они выпустили по огневой позиции 700 снарядов калибра от 105 до 210 мм. Однако батарея А. М. Кубенина осталась в строю.

Особенно тяжело было краснофлотцам из расчетов заряжания. Чтобы выдержать очень высокий темп огня, они сбрасывали с себя шинели, ватники. На многих тельняшках я заметил пятна крови, а на бронещитах орудий, снарядных и зарядных погребов — вмятины от осколков вражеских снарядов.

— Товарищ комдив, — обратился ко мне командир огневого взвода лейтенант Копейкин, — стволы накаляются, краска горит...

— Вижу, лейтенант. Но останавливаться нельзя ни на одну минуту. Мы должны принудить врага прекратить обстрел батареи.

Прошло еще минут десять. Противник не выдержал и замолчал. А батарея Кубенина после короткой передышки продолжала выполнять задачу.

Семь суток — днем и ночью — шли упорные бои. В жестоких схватках отвоевывалась каждая пядь родной ленинградской земли...

И наконец долгожданная весть — блокада прорвана! В этом подвиге была и частица ратного труда краснофлотцев, старшин, сержантов и командиров нашей бригады, проявивших массовый героизм при выполнении боевых задач.

За период боев по прорыву блокады артиллеристы бригады провели более 800 боевых стрельб, израсходовали около 11 тысяч снарядов, подавили более 600 огневых точек противника, уничтожили 8 вражеских батарей, взорвали несколько десятков складов с боеприпасами. Фашистам был нанесен значительный урон в живой силе и технике.

На имя командования бригады в те дни пришли телеграммы от народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова и Военного совета Краснознаменного Балтийского флота. В последней телеграмме говорилось:

«...Морские артиллеристы — участники прорыва блокады — вписали славную страницу в историю балтийской артиллерии. Объявляем благодарность личному составу, участвующему в прорыве блокады, и желаем дальнейших успехов».

Такая оценка наших боевых дел вдохновляла на новые подвиги во имя окончательной победы над врагом.

Т. Е. Пирогов

Герой Советского Союза, гвардии старший сержант, во время прорыва блокады связной командира роты 270-го полка 136-й стрелковой дивизии

СЛУЖИЛИ ТРИ ДРУГА...

На исходе ночи послышалась команда: «Привал!» Командир роты старший лейтенант Евгений Миссан предупредил:

— Костров не разводить! Не шуметь! Соблюдать меры маскировки!

Лес, кругом лес. Безмолвный, заснеженный. Приглушенно звучат солдатские голоса. Потом все стихло. Укрывшись от ветра в наспех построенных шалашах, тесно прижавшись друг к другу, мы крепко заснули. Но ненадолго. Когда начало светать, старший лейтенант Миссан вместе с командирами взводов проверил, в который уже раз, у всех оружие, подгонку снаряжения и обмундирования. Старшина роты Алексей Даниленко выдал каждому боеприпасы. Замполит роты лейтенант Михаил Пономарев снова напомнил о задаче, которую предстоит решать в завтрашнем бою.

Под вечер вернувшийся с рекогносцировки командир роты довел до личного состава приказ: пулеметные взводы нашей роты распределяются по стрелковым ротам батальона.

Когда стемнело, двинулись дальше. Проселочная дорога петляла по лесу, а лес был похож на муравейник. Артиллеристы устанавливали пушки, таскали ящики со снарядами. Минометчики копошились около своих «самоваров». Связисты тянули в разные стороны нитки проводов. Все эти знакомые предбоевые хлопоты волновали, усиливали нетерпение.

Мы миновали густой лес. Стало заметно светлее. Еще не доходя до опушки, Миссан свернул с дороги на тро-

пинку, которая привела к траншее. Прошли еще немного и остановились. Миссан приказал здесь располагаться, опять предупредил о строжайшей маскировке. Он ушел в штаб, а мы стали всматриваться в затянутую морозной мглой ледяную ширь Невы.

На противоположном берегу смутно чернела кромка леса. Там изредка мелькали вспышки артиллерийских выстрелов. Мы смотрели и переговаривались:

— Широка Нева!

— С километр будет.

— Командир говорил — восемьсот метров.

— Ничего, перемахнем!

Точно призраки, бесшумно появились из тумана саперы в белых маскхалатах. Бросили на ходу:

— Дорогу для вас расчищали. Мины снимали. Успеха вам!

Прежде чем расположиться на отдых, Миссан приказал мне сопровождать его. Мы побывали во всех наших пульвзводах. Командир роты напомнил расчетам, как действовать в атаке, поддерживая наступление стрелков.

Можно было отдохнуть перед боем. Но не сразу удалось задремать. Все думалось: как встретит невский лед? Что ждет на том берегу?..

* * *

На рассвете нас разбудил старшина Даниленко и стал угощать горячей кашей. Ели ее, однако, без особого аппетита. Думали о предстоящем бое. Нетерпение смешивалось с беспокойством — казалось, еще не все подготовлено, надо что-то еще поправить, доделать.

Началась артиллерийская подготовка. Долго стоял сплошной грохот, да такой оглушительный, что человеческого голоса не было слышно.

К низким зимним облакам взмыли красные ракеты — сигнал пехоте. В тот же момент над траншеями разнеслись звуки «Интернационала». Играл духовой оркестр нашей дивизии.

Командир роты Миссан привычно, как на занятиях, махнул нам рукой, крикнул:

— За Родину! За Ленинград!

Вместе с первой цепью стрелков 270-го Ленинградского полка мы выскочили на береговой спуск. Бежать по Неве было трудно. Часто встречались ледяные торосы,

и их приходилось огибать. Местами же лед был чистый, сверкающий зеркальным отливом. На таких участках ноги расползались в стороны...

За считанные минуты достигли края дымовой тучи, окутывавшей левый берег. Внезапно справа что-то сверкнуло. Меня бросило на лед, плечо словно обожгло.

Командир роты помог подняться, спросил:

— Ранен? Двигаться можешь? Хорошо. Тяни до берега!

Когда мы пересекли Неву, штурмовые группы, начавшие наступать первыми, уже взбирались на обледенелые кручи. Сверху летели комья мерзлой земли, куски дерева, опутанные колючей проволокой рогатки — все, что подняли в воздух последние залпы «катюш».

Мы тоже стали карабкаться вверх. Сзади слышались раскаты «ура». Это новая стрелковая цепь подошла к берегу.

О своей ране я начал забывать. Наверно, осколок только легко задел плечо, рана слегка лишь побаливала. Решил не обращать на нее внимания. Потом кто-нибудь перевяжет.

Не отставая от первой цепи наступающих стрелков, мы стали быстро удаляться от берега. И скоро состоялась первая встреча с неприятелем. Внимание наше привлек малоприметный бугор. Над ним вился еле заметный дымок. Это же дзот! Первым бросился к уцелевшей вражеской огневой точке Булатов, но вовремя заметил полуоткрытую дверь и высунувшийся из нее ствол автомата. Михаил успел укрыться за углом траншеи, и вражеская очередь не задела его.

Перебегая от укрытия к укрытию, мы окружили дзот. Слева от него увидели полузасыпанную траншею, которая вела к двери. Нам хотелось взять гитлеровцев в плен, поэтому Булатов крикнул:

— Хенде хох!

В ответ раздалась еще одна автоматная очередь. Я пополз к тому месту, где, по моим расчетам, находилась дымовая труба, но там ее не было. Оказалась она не на вершине бугра, а сбоку. Трубу я все-таки нашел, бросил в нее одну за другой две гранаты.

Взрывные волны распахнули двери дзота. Воспользовавшись этим, Булатов швырнул третью гранату, а Бурмистров дал очередь по амбразуре. После этого мы вошли в дзот. Сразу у дверей наткнулись на двух убитых гит-

леровцев, остальные лежали у ружейной пирамиды. Дым постепенно рассеивался, и мы увидели нары, застланные теплыми одеялами, разбросанную взрывами гранат разнообразную посуду, разбитое зеркало, прочую домашнюю утварь.

Никто из гитлеровцев не подавал признаков жизни, и мы поспешили на свежий воздух. Выходя последним, Булатов сказал:

— Я их пересчитал. Одиннадцать было!..

Двинулись дальше. Догоняя командира роты, блокировали еще один дзот, уничтожили в нем трех вражеских солдат. Старшего лейтенанта Миссана нашли на опушке рощи. С ним были два командира стрелковых рот. Комроты выслушал нас, а потом приказал мне возвратиться на берег Невы, найти командира батальона капитана Ивана Душко и доложить ему, что дальнейшее наступление стрелковых рот задерживается. Противник закрепился в роще и обстреливает наступающих. Нужна помощь артиллеристов...

Найти НП батальона мне удалось быстро. Комбат сразу принял меры.

Я посмотрел на Неву. Через нее сплошным потоком в несколько рядов двигались орудия, машины, подводы, люди.

— Смотри, и тылы двинулись вперед! Хорошо дело идет! — радостно говорил связной комбата Алексей Резников.

В ответ я только улыбнулся. У меня, как и у всех наших бойцов, в тот день было отличное настроение.

* * *

К вечеру батальон овладел рощей и занял в ней круговую оборону. Обстановка была тревожной, — наш сосед справа несколько отстал, правый фланг батальона остался открытым.

Командир роты решил отправить нас троих и трех стрелков в разведку. Сначала шли по занесенной снегом узкоколейке, потом свернули в лес. Осторожно пробирались по глубокому снегу от дерева к дереву. Пока двигался один — остальные наблюдали.

Запахло дымом. А где дым, там должен быть человек! Мы старались ничем себя не выдать и приблизиться незаметно. Впереди смутно обозначалась темная полоса. Под-

ползли к ней по-пластунски. От дерева к дереву были натянуты несколько рядов проволоки. Вставленные между ними жерди образовали высокий частокол. За ним слышался скрип снега и какой-то странный шорох.

В частоколе оказалась щель, я прильнул к ней глазом. На небольшой полянке аккуратно уложены поленницы дров. В глубине виден низкий бревенчатый домик. Дверь обращена к нам, но плотно прикрыта. В окне тусклый свет.

Вдоль ограды ходил часовой. Голова его чем-то обмотана. Автомат болтался на груди. Руки засунуты в карманы. Больше всего меня поразила его обувь — огромные, сплетенные из соломы эрзац-валенки. Наверно, они были тяжелыми, — часовой, шагая, не поднимал их, а передвигал, как лыжи.

Ко мне подползли Бурмистров и Булатов. Наметили план действий, познакомили с ним стрелков. После этого разгребли снег у основания частокола, раздвинули жерди.

Вдвоем с Бурмистровым мы первыми подползли к тому месту, где часовой делал поворот. Приготовились к прыжку в ожидании момента, когда часовой повернется к нам спиной.

Дальше все происходило очень быстро. Бурмистров оглушил часового прикладом, и тот свалился наземь. Булатов — наш самый меткий гранатометчик, швырнул «лимонку» в окно. Распахнулась дверь, появились несколько гитлеровцев и сразу же упали, скошенные очередями автоматов. Мы вошли в дом, взяли карту и документы. Решили не оставлять и полушубки, видимо отобранные фашистами у наших раненых или попавших в плен.

— Пошли быстрее к своим, — крикнул Бурмистров. — Ты, Миша, неси наши полушубки, а мы с Тимофеем будем прикрывать отход.

Обратный путь проделали быстро. Доложили командиру о своих наблюдениях, отдали карту и документы.

Старший лейтенант Миссан поблагодарил, сказав:

— Можете отдохнуть час-другой. Завтра день будет горячий.

* * *

На рассвете мы двинулись вперед. Вместе с нашей ротой двигался и комбат Душко.

Роща осталась позади. На заснеженной поляне пришлось остановиться. Противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь.

Комбат Душко сказал нашему командиру роты:

— Давай ребят, которые ночью в разведку ходили. Их задача: незаметно проникнуть в расположение противника, к огневой позиции вражеской батареи. Когда мы начнем атаку, внезапно ударить с тыла.

Минут через пятнадцать мы уже были в пути. Шагали мелколесьем по глубокому снегу. Ориентировались по компасу и звукам артиллерийских выстрелов.

Набрели на просеку, вдоль которой шла тропинка. Идти по ней было бы намного легче, чем по снежной целине. Но мы все равно пробирались стороной. Знали по прошлым боям, что в любой момент можем попасть под пулеметную очередь. Рисковать же нам было ни к чему...

Миновав линию фронта, свернули влево. Звуки выстрелов становились отчетливее и громче. Наконец увидели какое-то строение. Оно было огорожено частоколом из жердей. Подползли к нему: я с Бурмистровым — слева, Булатов с двумя автоматчиками — справа. Прямо перед нами открылось все расположение вражеской батареи: ближе — несколько землянок, за ними — огневые позиции. Возле орудий суетились гитлеровцы.

Долгими показались минуты ожидания сигнала на атаку. Но вот в расположении наших войск взмыла в небо красная ракета. Застучали пулеметы и автоматы.

В ту же секунду открыли огонь и мы. Фашисты выскакивали из землянок, одевая на ходу шинели, и попадали под наш огонь. Батарея не сделала ни одного выстрела по нашим наступающим бойцам.

* * *

Совсем уже немного оставалось до Рабочего поселка № 5, где должна была состояться наша встреча с бойцами Волховского фронта. Однако напряжение боя с каждым часом нарастало. В сумерках батальон занял круговую оборону.

Противник вел сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Мы не могли ответить ему тем же, — наша артиллерия еще не подтянулась.

Во время одного особенно яростного вражеского огневого налета был тяжело ранен в голову наш боевой това-

рищ Миша Булатов. Санитары перевязали его и отправили в тыл. Прощаясь, мы пожелали другу скорого выздоровления.

Только под утро подошли наши артиллеристы, открыли огонь по вражеским батареям. Орудия гитлеровцев одно за другим стали умолкать. В ночную тьму взвилась серия красных ракет. По цепи стрелков передали приказ командира:

— В атаку!

Я шел в первой цепи, стреляя из автомата. Вдали горели какие-то здания, и при свете пожара видны были фигуры отступающих гитлеровцев.

Батальон достиг опушки безымянной рощи и здесь остановился. У бойцов выдалось несколько часов отдыха в только что отбитых у врага полуразрушенных траншеях.

* * *

Комбат Душко стоял у входа в землянку, где располагался командный пункт батальона, и отдавал приказания командирам подразделений. Наступало утро 18 января 1943 года.

Минувшей ночью наш батальон глубоко вклинился в расположение гитлеровцев. Мы вплотную подошли к Рабочему поселку № 5, но взять его с ходу не могли, — слишком упорным было сопротивление противника.

Нас отделяло от врага широкое поле, по краям его возвышались занесенные снегом штабеля торфа. Укрывшись за ними, наши стрелковые роты вели перестрелку с гитлеровцами, оборонявшими поселок. Левее тянулся густой кустарник, за которым виднелись силуэты фанерных самолетов — у гитлеровцев был здесь оборудован ложный аэродром.

— Пирогов, тебя комбат вызывает, — услышал я голос Алексея Резникова.

В штабе кроме Душко находились Миссан и другие офицеры. Как положено, я доложил о прибытии.

— Вот что, сержант, — сказал комбат. — Надо сообщить командирам стрелковых рот о перегруппировке.

Затем он сказал, какие позиции должны занять подразделения.

— Все ясно?

— Так точно!

— Выполняйте!

Отправился я в роты не один, а с Бурмистровым. Перебежками от одного торфяного штабеля к другому под сильным вражеским огнем мы добрались до боевых порядков стрелков, передали командирам рот приказ комбата. Теперь надо было спешить обратно. Но как? Прежним путем, как мы убедились, проскочить трудно, — тут у гитлеровцев каждый метр пристрелян.

— Давай, Ваня, возьмем немного правее, — предложил я. — Пойдем краем кустарника, где фанерные самолеты стоят. Будет чуточку дальше, зато спокойнее.

— Хорошо, — согласился Бурмистров.

Пробираясь от штабеля к штабелю, мы дошли до окраины рощи и направились вдоль опушки к штабу батальона. До него уже оставалось метров четыреста — не больше, как вдруг совсем рядом застучали автоматы. По штабелю, за которым мы в эту секунду находились, ударило несколько пуль. Я шел первым и лишь успел крикнуть: «Ваня, ложись!» — как услышал, что Иван застонал негромко:

— Ранен я...

— Пробирайся на НП, доложи комбату про обстановку. Оставь мне запасные диски. Постараюсь задержать гитлеровцев.

Я залег у проселочной дороги, которая, петляя между штабелей, вела к 5-му поселку. Сейчас по ней шла группа гитлеровцев, а за ними ехал обоз. Гитлеровцы, видимо, заметили нас во время перебежки и теперь били из автоматов по штабелю, за которым мы укрылись.

Я нажал на спусковой крючок и скосил нескольких вражеских солдат. Очереди следовали одна за другой. Я укрылся за другим штабелем торфа и бил, бил...

Ко мне подбежал боец нашего батальона Козлов и открыл огонь из винтовки. Рядом с нами разорвалась граната. Взрывной волной меня бросило на снег, осколки кольнули плечо и спину. С трудом удалось подняться на ноги. В голове стоял шум. Шатаясь, я подошел к Козлову. Он лежал на спине, прижимая руки к животу. Между пальцев сочилась кровь. Встав на колени, я наклонился над ним:

— Крепись, дружище! Сейчас наши подойдут... Санитары помогут, доктора вылечат. Еще повоюем...

Он не ответил, только повернул голову, показал куда-то выше меня. Я оглянулся и увидел гитлеровца, поднимавшего автомат.

Дальше все произошло в какие-то доли секунды. Я ударил фашиста головой в живот. Он устоял, но удар, предназначавшийся мне, пришелся по штабелю мерзлого торфа. Автомат разлетелся на несколько частей. Я схватил вражеского солдата за ноги, выхватил его парабеллум, болтавшийся на поясном ремне. Каким-то чудом мне удалось в упор выстрелить. Гитлеровец сразу обмяк, свалился на снег. А у меня закружилась голова, я тоже упал. Наверное, несколько минут был без сознания, потому что, когда очнулся, увидел окружавших меня солдат. Мне помогли подняться. Я нашел на снегу свою шапку, рукавицы и медленно зашагал к штабу. Вид у меня был ужасный. Лицо и руки в крови и торфяной пыли. Маскировочный халат изорван в клочья.

В штабе меня встретил Душко. Здесь же были Миссан и Бурмистров с перевязанной рукой. Командир роты сразу подбежал ко мне:

— Что с тобой? Ранен?

— Нет, — ответил я, стараясь не подать виду, что хромаю.

— Обманываешь! А кровь откуда?

— Это просто царапины.

— Ну, ладно. Давай к санитарам.

Бурмистров пошел вместе со мной. Он рассказывал:

— Меня в медсанбат отправляют. Ну, ничего, попрошу, чтобы скорее вылечили, и обратно в нашу часть вернусь.

В землянке санитары измазали меня чуть ли не всего йодом, залепили ранки пластырем. Про ушибленную в схватке ногу я им ничего не сказал. Друзья-пулеметчики принесли котелок гречневой каши. Бурмистров отдал мне на прощанье свой маскхалат. Командир роты помог выбрать трофейный автомат, и я снова нагрузился обоймами.

Между тем батальон готовился совершить завершающий удар по гитлеровцам, удерживавшим Рабочий поселок № 5, теперь уже с правого фланга. Все надеялись, что это будет последней, завершающей атакой до встречи с волховчанами.

* * *

Комбат Душко менял командный пункт. Шагая впереди, он рассказывал что-то смешное, и все идущие

рядом с ним смеялись. Остался позади кустарник, впереди открытое поле. И тут поблизости громыхнуло несколько разрывов. А когда они смолкли, Резников крикнул:

— Комбат ранен!

Мы бросились к Душко. Он лежал, зажимая рану на бедре, и кричал нам:

— Быстро все вперед! Миссан, веди батальон!

Около комбата остались два санитара, а остальные устремились через поле.

Поднявшийся ветер гнал мелкую поземку, заметал воронки, становилось все сумрачнее, холоднее...

Перед решающей атакой меня вызвал Миссан. Приказал доставить в штаб полка боевое донесение.

Опять передо мной лежало открытое поле, взрытое воронками, чернели штабеля торфа. Знакомая картина. Только шел я теперь один, без моих хороших фронтовых друзей.

Было тихо. Я знал — нельзя доверять тишине. Совсем недавно откуда-то с этой стороны по нам вели пулеметно-автоматный огонь.

Неожиданно уголком глаза я заметил, что в нескольких десятках шагов впереди, среди штабелей торфа, что-то мелькнуло. Подкравшись поближе, увидел двух гитлеровцев с рацией. Они прижались к штабелю и, ежась при налетавших порывах студеного ветра, наблюдали за группой наших связистов, которые в полукилометре правее тянули в наш батальон линию связи. У другого конца этого штабеля я рассмотрел двух пулеметчиков за пулеметом.

Несколько секунд обдумывал: как их лучше уничтожить? Видимо, надо первой очередью скосить вражеских наблюдателей, а второй ударить по пулеметчикам.

Наблюдатели рухнули как подкошенные. Пулеметчики быстро повернули головы в мою сторону, но открыть огонь не успели.

В нескольких шагах от засады оказалась тропинка, которая, по моим расчетам, должна была привести меня в штаб полка. Но прежде чем свернуть на нее, я взял несколько кусков мерзлого торфа и сложил горкой, чтобы обозначить место, где находится замолчавший гитлеровский пулемет.

В штабе полка невысокого роста майор выслушал мой доклад, прочел донесение комбата и, посмотрев на карту, стал о чем-то вполголоса советоваться с другим офицером.

У меня от тепла закружилась голова, и я попросил разрешения выйти. Несколько минут сидел около землянки, прикладывая ко лбу снег. От часового узнал, что со мной разговаривал начальник штаба полка майор М. В. Поляков.

Когда вернулся обратно в землянку, то услышал, как майор ставил боевую задачу командиру одного из подразделений.

— Вы будете прикрывать правый фланг батальона Душко. Прочешите всю местность, чтобы в нашем тылу не осталось ни одного вражеского солдата.

Затем, несколько секунд подумав, приказал другому офицеру:

— Подберите одного бойца и отправьте его с Пироговым. Пусть хорошо изучит дорогу в батальон и будет там нашим связным.

Шагая вместе с бойцом-автоматчиком, я на ходу объяснял ему, по каким приметам лучше запомнить обратную дорогу.

Вышли из рощи. Вновь впереди поле с торфяными штабелями. В наступающих сумерках угадывался охваченный огнем поселок № 5. Прошли еще с километр. Вдруг грохнул разрыв. Что-то горячее обожгло спину. Я упал, потерял сознание...

Очнулся уже в госпитале. Не сразу понял, где я. Но вот надо мной наклонилось лицо в белой шапочке:

— Ну как, Тимофей Ефимович, мы чувствуем себя? Видите меня? Вот и хорошо!

В первых числах апреля 1943 года в госпиталь приехал за мной писарь штаба полка Евдокимов. Он первым из однополчан поздравил меня с присвоением звания Героя Советского Союза и повез в родной полк, квартировавший в это время на окраине Ленинграда.

Здесь меня встретил, как старого знакомого, начальник штаба полка гвардии майор Михаил Васильевич Поляков.

Снова вокруг меня были боевые друзья! Надо бы радоваться, но я был печален. Бурмистров сообщил мне о гибели в бою Булатова.

* * *

Все мы тогда, в январе 1943 года, прошли суровую школу, приобрели опыт наступления в трудных условиях лесисто-болотистой местности. Он очень пригодился нам

в дальнейших боях за полную ликвидацию вражеской блокады.

Много было потом еще боев: на Синявинских высотах, под Красным Селом, в Эстонии, в Латвии. И всюду я, как боевую солдатскую школу, вспоминал бои на Неве.

И когда недавно за честный, добросовестный труд мне вручили орден Октябрьской Революции, я вытянулся, как солдат в строю, и громко сказал всем присутствовавшим, с кем вместе строил Каховскую ГЭС, с кем тружусь сегодня:

— Этот орден с изображением крейсера «Аврора» вновь напоминает мне, что я — солдат Ленинграда. Обещаю вам никогда не уронить этого высокого звания!

Н. Е. Степанов

гвардии сержант, во время прорыва блокады помкомвзвода 270-го стрелкового полка

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Наша штурмовая группа быстро преодолела Неву, но у самого левого берега враг открыл пулеметный огонь из баржи, вмерзшей в лед. И случилось так, что только я один среди немногих успел проскочить вперед. Как тут быть? Остановишься — убьют. Надо действовать! Недаром ведь, когда мы готовились к боям, наши командиры говорили:

— И один в поле воин!

Пробегаю в полуметре от баржи, бросаю гранату, затем карабкаюсь на крутой берег. Уже вижу полуразрушенные окопы противника, вздыбленные бревна, доски, служившие, видимо, обшивкой для блиндажей. Радуюсь — хорошо поработала наша артиллерия. Но, может, кто-то из гитлеровцев все же уцелел в траншее? Одну за другой бросил три гранаты, а сам припал к земле. Еще и дым от разрывов не рассеялся как следует, я был уже в траншее. Слева и справа валялись трупы гитлеровцев.

Оглянулся, вижу: наши бойцы бегут по льду Невы. Неожиданно кто-то сильным ударом выбил из моих рук карабин. Повернул голову и чуть не онемел. В полутора-двух шагах стоит здоровенный верзила в шинели мышиного цвета с занесенным автоматом.

Хорошо, что до войны я много занимался спортом — увлекался гимнастикой, легкой атлетикой, боксом. Это меня и выручило. Уклонившись от удара, я бросился на гитлеровца, сбил его с ног. Ну а дальше уже было легче. Оккупант получил свое сполна...

Пока я разделывался с гитлеровцем, на берег взобралось несколько наших пехотинцев. В первой траншее

задерживаться не стали. Выскочили, побежали по снежной целине, изрытой воронками. Земля дрожала от разрывов.

Вместе со всеми бежал и я. Метрах в двухстах от берега что-то сильно стукнуло по локтю левой руки. Острой боли я не почувствовал.

— Слушай, ты ранен! — крикнул один из наших стрелков. — Надо перевязать...

Впереди чернела глубокая воронка, я прыгнул в нее. Распорол рукав. Кровь шла вовсю. Нужно, думаю, побыстрее наложить жгут. Вспомнил, что еще в начале войны, когда мы были на Ханко, у нас произошел печальный случай. Один сапер был ранен осколком в кисть руки. Он забился в расщелину и, пока мы его разыскивали, скончался от сильного кровотечения.

Взял я нож, разрезал брюки и, сделав два жгута, накрепко перевязал ими руку выше локтя.

В это время в воронку скатился наш сапер Недаев. Он помог перевязать рану и хотел меня отвести в санчасть.

— Нет, — говорю я ему, — сам дойду. Да, а почему вас так долго не было?

— Нас, Коля, на Неве немецкий пулемет положил. Хорошо, что полковая пушка заставила его замолчать. Спасибо артиллеристам!

Мы с Недаевым попрощались, я ему пожелал удачи. Он побежал ко второй траншее, а я поковылял обратно. Когда проходил мимо баржи, то увидел, что она сильно разворочена. Внутри, на днище, у разбитого пулемета лежали два убитых гитлеровца.

На Неве теперь изредка рвались снаряды. Прямо на льду санитары оказывали помощь раненым, перевязывали, накрывали шинелями, увозили на волокушах.

С правого берега саперы спускали на лед сбитые скобами бревна. Готовилась переправа для танков.

На правом берегу, в овраге, недалеко от командного пункта, мы перед атакой оставили свои вещевые мешки, чтоб легче было бежать через Неву... Решил было свернуть туда, но начался артиллерийский обстрел. Рисковать не стал, хотя мне очень хотелось забрать свой фотоальбом, в котором было много снимков, сделанных на Ханко...

Врач Медведев внимательно осмотрел мою рану, велел сестрам как следует перевязать ее. Меня накормили и напоили, посадили в машину и отправили в медсанбат.

Ехали мы по дороге из жердей, проложенной по болоту. Машину трясло, нас подбрасывало. Раненые, кому терпеть было невмоготу, начали кричать и требовать, чтобы шофер остановился. Водитель вышел из кабины, стал оправдываться:

— Братцы, ведь не от меня это зависит. Другой дороги нет. Так что — будем ехать и кричать или будем стоять и молчать?

— Конечно, надо ехать, — ответил ему кто-то из раненых. — Но будь поосторожнее, а то живыми нас не довезешь...

В медсанбате у меня вытащили из раны осколок.

— На, держи на память. Он хоть и небольшой, но свое вредное дело сделал, — сказал хирург.

19 января передали по радио, что блокада Ленинграда прорвана. Врачи, сестры, няни бросились нас обнимать, целовать... Многие плакали и говорили:

— Недаром ваша кровь пролилась...

В госпитале я пролежал больше месяца, потом меня отправили через Ладогу на Большую землю.

Позже я узнал, что наш Ленинградский 270-й стрелковый полк, отличившийся в боях по прорыву блокады, награжден орденом Красного Знамени, стал гвардейским.

П. И. Цветов

во время прорыва блокады пулеметчик 952-го полка 268-й стрелковой дивизии

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Осенью 1942 года наш 952-й стрелковый полк 268-й дивизии располагался в деревне Орово (район Колтушей) и занимался боевой учебой. Местность в этом районе была чрезвычайно пересеченной. Здесь встречались склоны любой крутизны и отвесные обрывы. Словом, были все условия для тренировки в стрельбе по закрытым целям, умении ориентироваться на местности, взбираться на обрывы с помощью различных подручных средств (веревок, лестниц и т. д.).

Кто-то из командиров узнал о моей гражданской профессии инженера-топографа. Меня временно отозвали в распоряжение командира нашего полка подполковника А. И. Клюканова. Он приказал разработать программу и проводить занятия по военной топографии для взвода разведки и для командиров взводов.

Немало пришлось провести бессонных ночей, готовясь к этим теоретическим и практическим занятиям. Учеба шла и днем и вечером, а походы по азимуту обычно совершались ночью.

Во второй половине декабря комдив полковник С. Н. Борщев приказал организовать специальную экзаменационную комиссию по приемке зачетов от моих слушателей. Экзамены прошли удачно, о чем свидетельствовал приказ комдива, в котором начальнику штаба полка капитану Георгиевскому и мне (как преподавателю) была объявлена благодарность за отличную организацию и проведение занятий по военной топографии.

В первых числах января 1943 года полк вышел в исходный район. Мы должны были форсировать реку Неву

левее 8-й ГЭС, в обход 2-го Городка, в полосе протяженностью по фронту в один километр.

Саперы — неутомимые труженики войны — в свое время заминировали Неву, а теперь, готовясь к наступательной операции наших войск, должны были снять все мины. Трудились они не жалея сил. Все работы проводились ночью. Днем же нельзя было пройти по береговой дороге или высунуть голову из окопа, чтобы не попасть под пулю вражеского снайпера.

В километровой полосе наступления 952-го стрелкового полка левый берег Невы был обрывистый, высотой 9—10, а местами до 12 метров. Покрыт он был сосновым лесом. Справа от нас виднелось железобетонное здание 8-й ГЭС.

В ночь на 12 января 1943 года нам выдали белоснежные маскировочные халаты, полное боевое снаряжение, «НЗ» продуктов.

Утром началась артиллерийская подготовка. Когда она заканчивалась, стрелковые цепи, буквально скатившись с берега на лед, стремительно ринулись вперед. По нам ударили орудия и пулеметы из района 8-й ГЭС, создавая огневой заслон вдоль Невы. На крутой левый берег забирались общими усилиями. Стоило только нескольким бойцам взобраться наверх и закрепиться, как они сразу опускали веревки и веревочные лестницы своим товарищам.

Береговую полосу глубиной примерно до 100 метров мы преодолели сравнительно легко, затем пришлось сражаться за каждую траншею, за каждый бугор. Система траншей полного профиля, огромное количество взаимодействующих дзотов, оснащенных орудиями и крупнокалиберными пулеметами, железобетонное здание ГЭС, специально приспособленное для более устойчивой обороны, делали этот район особо трудным для наступления.

Бой не утихал до темноты. Нами было взято несколько линий траншей. Продвинулись мы примерно на 2,5 километра.

Ночью наш батальон получил пополнение и с рассветом продолжал штурм оборонительных линий противника.

Одновременно перешел в наступление и наш сосед справа — 947-й стрелковый полк майора А. И.Важенина. Это был жестокий бой. Случалось, траншеи несколько раз переходили из рук в руки. Подкрепление живой силой и огнем фашисты получали со стороны 8-й ГЭС.

Хотя и медленно, но наш батальон двигался вперед. Остался позади прибрежный сосновый бор. Началось болото, еще не успевшее как следует промерзнуть. На болоте возвышались отдельные, господствующие над местностью песчаные высоты, большинство из которых было вытянуто с севера на юг и покрыто хвойным лесом. Все эти высоты противник укрепил: построил дзоты и траншеи полного профиля.

Перед одной из высот продвижение нашего взвода остановил пулеметный огонь. Залегли и осмотрелись. Определили, что пулемет находится в дзоте, из автоматов его не достанешь...

Лежим пять минут, десять. Сколько еще можно оставаться неподвижной мишенью для врага? Надо заставить замолчать этот дзот. Попросил командира взвода разрешить уничтожить вражескую точку.

— Помощь вам нужна? — спросил командир.

— Нет... В одиночку лучше скрытно подобраться к дзоту.

— Действуйте...

Я отполз в сторону и, разгребая глубокий снег, двинулся к высотке. Семь потов сошло, пока добрался до дзота. А когда оказался рядом, вскочил и бросил в амбразуру противотанковую гранату. Раздался сильный взрыв. Путь нашему взводу был открыт.

Вечером 13 января и утром 14 января бои приняли особенно упорный и ожесточенный характер. Отбивать вражеские контратаки нам помогла артиллерия. Комбат Н. И. Кукареко передавал координаты, называл по кодированной карте рубеж, и артиллеристы быстро поражали цель. Кроме того, артобстрел велся по поселку Синявино, откуда гитлеровцы подбрасывали свежие силы.

Несли большие потери и мы. Положение становилось угрожающим. Выбыл из строя еще один пулемет. Оставшиеся неиспользованными ленты передавали мне. Я не жалел патронов. Но фашисты, как ошалелые, лезли на нас. Комбат откуда-то сзади кричал мне:

— Цветов! Цветов! Смотри! Справа обходит группа фашистов... Бей по ней!.. Вот так!.. Молодец!

В эти минуты противник обрушил на нас шквал артиллерийско-минометного огня. Я увидел впереди новые цепи фашистов. Потом раздался грохот, и все кончилось.

Когда я пришел в сознание, то ощутил страшный холод, тяжесть во всем теле, мертвую тишину и головную

боль. Было трудно дышать. Потом в глазах потемнело, и опять все куда-то исчезло. Сколько времени я был без сознания, сказать невозможно. Потом я почувствовал, что кто-то тащит меня за ноги. Оказывается, это пришли наши бойцы. Как они меня отыскали, трудно понять. Я был наполовину засыпан землей, снегом и сверху завален сучьями и обломками разбитой снарядом сосны.

Бойцы откопали меня, положили в лодочку на полозьях и доставили на перевязочный пункт к берегу Невы. Медицинскую помощь оказывал военврач 3-го ранга И. Репьев. Меня раздели, осмотрели, нет ли ранений, укутали в ватное одеяло, по частям растирали все тело спиртом, напоили крепким чаем.

Через какое-то время надо мной склонилось знакомое лицо. Это был командир полка А. И. Клюканов. Обнял за плечи и крепко расцеловал.

Прошла неделя, и я снова вернулся в строй. Участвовал еще во многих боях, отражал огнем своего пулемета вражеские атаки, прокладывал путь нашим стрелкам. Многое забылось. Но в память крепко врезались пять январских дней, стремительные броски через Неву и по синявинским топям. Это были трудные, но славные бои, положившие начало полному освобождению нашего любимого города от вражеской блокады.

Всеволод Рождественский

В ДНИ ПРОРЫВА

В огненном героическом споре
Ополчаются Волхов с Невой
На врага — за Балтийское взморье,
За незыблемый город-герой.

Он зажат в исступленной блокаде.
Но старинная слава жива.
Наши пушки слышны в Ленинграде,
Сердцу Волхова вторит Нева.

Нелегка боевая работа,
Но под яростный гром канонад
Немцы в ладожских тонут болотах
И в синявинских топях дрожат.

И горячим рывком из засады
На туманной январской заре
Раздавили мы клешни блокады
В штыковой беспощадной жаре.

И уж чудится нам издалече
Над просторами гордой реки,
Как шумит всенародное вече,
Привечая родные полки.

Окруженный огня горизонтом,
Ленинград, опаленный в борьбе,
Дружной поступью, Волховским фронтом
С каждым часом мы ближе к тебе!

БАЛЛАДА О КОМБАТЕ

Не знали мы парня его веселей,
И как он, бывало, ни глянь —
Всем видно: в душе его — свежесть полей,
В глазах — голубая Рязань.

Колхозный учитель, умел он беречь
Народное слово, как клад.
Его переливная русская речь
Всегда зажигала ребят.

Бывало, покажет на карте Москву,
Родимую русскую ширь, —
И входят в землянку, как сон наяву,
И степи, и Крым, и Сибирь.

Но больше всего говорить он любил
О городе с гордой душой,
Где Ленин науке восстанья учил,
Где руку простер над Невой.

Он улицы, площади знал наизусть,
Бродил по музеям, дворцам
И всем говорил: «Как-нибудь соберусь
К балтийскому взморью и сам».

Но парню поехать туда не пришлось.
В жестокий для Родины час
Внезапно фашистская черная злость
Обрушилась тучей на нас.

Рязанский учитель, он с нами в строю
В Приладожье топком, лесном
За ленинский город срезает в бою
Фашистов горячим свинцом.

Средь кочек болотных, сквозь грохот и дым,
В лесу, занесенном пургой,
Всечасно наш город встает перед ним,
Изрытый огнем, но живой.

И он уже явь для него, а не сон.
На вздыбленном смертью лугу

Он первым в атаку повел батальон
И первым ворвался к врагу.

Мы заняли «Круглую рощу» броском,
Блокады прорвали кольцо,
Но пал наш товарищ во рву ледяном,
К заре обращая лицо.

Пускай же победно знамена шумят!
Он с нами всегда, как живой.
Из первых он первым войдет в Ленинград,
Рязанец, комбат молодой!

Январь, 1943 г.
Волховский фронт

Н. Г. Лященко

генерал армии, во время прорыва блокады заместитель командира 18-й стрелковой дивизии

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Осенью сорок второго года я был назначен заместителем командира 18-й стрелковой дивизии. В отделе кадров мне рассказали, что после тяжелых боев в районе Сталинграда она отведена в резерв и находится в одном из населенных пунктов на Тамбовщине.

На следующий день я приехал на новое место службы. Представился комдиву генерал-майору М. Н. Овчинникову, познакомился с его заместителем по политчасти подполковником И. Г. Перепелкиным и начальником штаба полковником П. Д. Стребковым. Начал входить с их помощью в курс дел.

После ожесточенных боев на сталинградском направлении дивизия пополнялась людьми и техникой. Подразделения усиленно занимались боевой учебой. Особенно большое внимание уделялось тактической и огневой подготовке. Судя по программе занятий и экипировке бойцов, дивизию собирались использовать для боевых действий на южном крыле фронта, где по-прежнему шла ожесточенная битва. Вражеские войска вышли к Волге, рвались на Кавказ.

Обстановка в это время накалилась до предела, и многие в дивизии подумывали, что скоро и нас направят на какой-нибудь из угрожаемых участков Сталинградского фронта.

...В начале ноября генерала М. Н. Овчинникова и подполковника И. Г. Перепелкина вызвали в Москву. Вернулись они в канун Октябрьского праздника с удивившей всех новостью. Дивизия в спешном порядке перебрасывалась на север.

Я ехал с первым эшелоном — 414-м стрелковым полком. Командовал им подполковник В. И. Шкель. Разместились в теплушках, удобно оборудованных, приспособленных для работы, учебы и отдыха. Мы не знали, куда едем и где будем выгружаться. Это делалось в интересах сохранения военной тайны.

Поезд шел быстро, без задержек. Миновали Москву, сделали короткую остановку в Вологде. Двинулись дальше. Прибыли на станцию Войбокало. Здесь нас встретили представители Волховского фронта, сообщили, где должна располагаться дивизия.

Оперативная группа, в которую входило несколько штабных командиров, отрекогносцировала отведенный нам район в лесу западнее Войбокало. Все прибывающие части и подразделения направлялись на свои «квартиры».

В дивизию сразу же приехал заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Он сообщил, что соединение впредь до особого распоряжения будет находиться в резерве и что прежде всего мы, воевавшие на южном крыле советско-германского фронта, должны «акклиматизироваться», тщательно познакомиться с особенностями боя на лесисто-болотистой местности. Чтобы управление дивизии и командиры частей имели более полное представление о вражеской обороне, генерал И. И. Федюнинский рекомендовал каждому из нас побывать на переднем крае, самим увидеть позиции противника, тщательно изучить систему его укреплений.

— Я уверен, — сказал генерал И. И. Федюнинский, — что это будет очень поучительно, принесет большую пользу при организации занятий и в бою.

Генерал И. И. Федюнинский не один месяц воевал на Северо-Западе, изобилующем дремучими лесами, многочисленными озерами и реками, топкими, а порой и совершенно непроходимыми болотами. И нам, «южанам», просто повезло, что он руководил подготовкой ударной группировки Волховского фронта к прорыву блокады. Богатый опыт генерала И. И. Федюнинского помогал всем соединениям, которые по решению Ставки прибыли на Волховский фронт, в сравнительно короткие сроки освоиться со спецификой ведения боя на лесисто-болотистой местности.

В начале декабря нашу дивизию включили в состав 2-й ударной армии. Командовал ею генерал-лейтенант В. З. Романовский, видный военачальник, простой и ду-

шевный человек. За плечами у него была большая школа жизни. С первых дней Октябрьской революции Владимир Захарович отдавал все силы защите великих завоеваний нашего народа. Он сражался на многих фронтах гражданской войны, был награжден за мужество и храбрость четырьмя орденами Красного Знамени. До начала Великой Отечественной войны редко кто имел столько боевых орденов. Владимир Захарович внимательно и заботливо относился к командирам и рядовым бойцам, предоставлял каждому возможность проявить инициативу. Если кто-нибудь ошибался, командарм в тактичной форме указывал на упущение, помогал принять правильное решение.

Такое впечатление о генерале В. З. Романовском у нас сложилось после первых же встреч с ним. Каждый его приезд в дивизию оставлял добрый след. Командарм интересовался всем: сколько мы провели тактических занятий и боевых стрельб, как командиры, сержанты и рядовые бойцы усвоили требования нового Боевого устава пехоты, научились ли наступать развернутой цепью, вслед за огневым валом. Присутствие командарма на занятиях в поле побуждало каждого действовать в полную силу.

Поучительными были и разборы. На них командарм, помнится, особое внимание обращал на отработку взаимодействия между пехотой, артиллерией и танками. Их дружные, согласованные усилия, подчеркивал он, только и могут обеспечить прорыв долговременной вражеской обороны и успешный маневр в ее глубине. Увидев на одном из занятий, что орудия сопровождения отстают от танков, командарм сказал, что это следовало предвидеть. Снег глубокий, поэтому артиллеристам трудно поспевать за танками. Генерал В. З. Романовский посоветовал изготовить для орудий сани.

Мы так и поступили. Потом, в боях, сани очень пригодились. На них к передовой перебрасывались орудия, боеприпасы и другие грузы. Обратными рейсами вывозились раненые и больные.

По указанию командарма проводилось много учений с боевыми стрельбами. Роты, батальоны и полки взаимодействовали на этих занятиях с приданными средствами усиления, атаковали оборону «противника», которая включала в себя все основные элементы подлинной обороны гитлеровцев на фронте 2-й ударной армии. Мы возвели снежные валы, дерево-земляные заборы, дзоты, что позволяло каждому получить представление о том,

с какими препятствиями придется встретиться в бою. Были созданы штурмовые группы. Им предстояло разрушать вражеские оборонительные валы и дзоты. Подготовкой штурмовых групп к боям много занимался наш дивизионный инженер капитан А. К. Сержанович. Он помогал им научиться блокировать и подрывать вражеские сооружения, брать приступом любые укрепления.

Большую помощь дивизии оказывали члены Военного совета армии генералы А. А. Кузнецов и В. Т. Писклюков. Какой бы вопрос мы перед ними ни поднимали, неизменно получали поддержку. А. А. Кузнецов, вероятно учитывая то, что дивизия прибыла с другого фронта, была мало знакома с героической обороной города Ленина, подробно рассказывал нам о положении в осажденном городе, трудностях, которые переживает население. Сильное впечатление произвели на наших бойцов выступления ленинградских рабочих, приехавших в дивизию незадолго до начала боев. В те годы родился боевой призыв: «Будем по-сталинградски бить врага под Ленинградом!»

Самые теплые воспоминания остались у меня и о начальнике штаба армии генерал-майоре П. И. Кокореве. Круг его обязанностей был широк и многообразен. Но во всякое дело, которым Петру Ивановичу приходилось заниматься, он вкладывал душу. Его большому авторитету в войсках способствовали высокая культура, глубокие знания природы боя, исключительная четкость и пунктуальность в работе. Слово у него никогда не расходилось с делом: если что-то пообещает, то обязательно выполнит.

В январе боевая задача нашей дивизии в предстоящей операции была уточнена и конкретизирована. Генерал-лейтенант В. З. Романовский включил дивизию в состав войск второго эшелона, призванного развить успех после прорыва первой оборонительной позиции противника.

На каком направлении придется вступить в бой дивизии, в то время еще не могли определенно сказать ни командарм, ни начальник штаба армии, поэтому мы вели подготовку штаба и полков к вводу дивизии в бой по нескольким вариантам. Первый из них предусматривал наступление на вражеский узел сопротивления Липки, и далее вдоль Ладожского канала на Шлиссельбург; второй — на Рабочий поселок № 8, с последующим поворотом к поселку № 5; третий — из района южнее Рабочего

поселка № 8, вдоль железной дороги на Синявино, с выходом также к поселку № 5, где предполагалось соединение с войсками Ленинградского фронта.

Изучались на местности и прокладывались маршруты движения полков из района их дислокации на рубежи ввода. Вдоль маршрутов на деревьях делали засечки или ставили указатели.

За несколько дней до начала операции наш 1020-й артиллерийский полк получил боевой приказ поддержать наступление 372-й стрелковой дивизии. Командовал полком майор Шебалин, человек уже в солидных летах. Военную службу он начал еще в царской армии. Артиллерийское дело Шебалин знал хорошо, но в боях с немецко-фашистскими войсками участвовал впервые, излишне волновался и нервничал. Командующий артиллерией дивизии полковник Алексеев отправился на позиции вместе с полком. Там он помогал Шебалину четко организовать боевую работу артиллеристов. Несколько раз и мне довелось побывать в 1020-м полку. Полковник Алексеев и я забирались на наблюдательные пункты, они были оборудованы на деревьях и тщательно замаскированы. Мы изучали снова и снова вражеские оборонительные позиции, обращая особое внимание на направления вероятного ввода в бой нашей дивизии.

12 января, задолго до начала артподготовки, Алексеев и я обосновались на одном из наблюдательных пунктов. Рассвет еще только угадывался. Над заснеженным лесом висела густая дымка. Изредка раздавались пулеметные очереди и хлопки винтовочных выстрелов.

Полковник Алексеев, посмотрев на часы, сказал:

— Через пять минут начнется.

Они тянулись очень медленно — эти последние пять минут. Наконец заговорил «бог войны». От грохота разрывов содрогалась земля...

В 11 часов 15 минут полки 372-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник П. И. Радыгин, двинулись в атаку. Противник, оглушенный могучим огневым ударом, в первые минуты не оказывал организованного сопротивления. Штурмовые группы, прокладывая путь стрелковым цепям, уничтожили несколько дзотов, сделали проходы в снежных валах для танков и орудий сопровождения. Наступавшие следом роты ворвались в первую траншею и, не задерживаясь, двинулись ко второй...

Мы спустились с наблюдательного пункта, заглянули к артиллеристам. Они уже вели огонь по целям в ближайшей глубине вражеской обороны. Заявок от пехотинцев поступало много, и каждую из них майор Шебалин, командиры дивизионов стремились выполнить.

Первый день боев пролетел быстро. На всем фронте наступления армии, как нам сообщили из штаба, был достигнут успех, правда, меньший, чем предполагали. С каждым часом сопротивление противника возрастало. Шли жаркие бои за каждую траншею, за каждую огневую точку.

Утром 13 января нам было приказано выдвинуть свои полки на рубеж бывшего переднего края. Дивизии предстояло наступать в стыке 256-й и 372-й стрелковых дивизий, южнее Рабочего поселка № 8, в направлении на Рабочий поселок № 5.

Оперативная группа штаба дивизии, которую я возглавлял, первой выехала в исходный район. В пути мы столкнулись с непредвиденными трудностями. Дороги, по которым должны были двигаться наши полки, были совершенно разбиты прошедшими ранее войсками первого эшелона, десятками танков и артиллерийских тягачей, сотнями автомашин. Мало уцелело на маршрутах указателей, большинство из них снесли вражеские снаряды и бомбы. На местности появилось много новых колонных путей, объездов опасных и труднопроходимых участков. Оперативной группе пришлось немало потрудиться, чтобы полки не сбились со своих маршрутов. Все это происходило уже в светлое время суток, и враг мог обнаружить наши колонны, нанести по ним артиллерийские или авиационные удары. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

Полки без потерь вышли к западной опушке леса, на рубеже реки Черной. Теперь для нас хорошим ориентиром стали узкоколейные железные дороги. Одна шла южнее Рабочего поселка № 8 к поселку № 5, вторая проходила в 1,5—2 километрах южнее.

К моменту ввода дивизии в бой нашим войскам на этом участке удалось вклиниться во вражескую оборону на 3—4 километра. Один из полков 372-й стрелковой дивизии окружил вражеский гарнизон в поселке № 8. Нам надлежало завершить разгром врага, пробиться к поселку № 5, куда, по данным штаба армии, подходили и войска Ленинградского фронта.

Оперативная группа, ознакомившись на месте с обстановкой, принялась за дело. Для поддержки наших полков дивизии придавался танковый полк, взаимодействовавший до этого с 256-й стрелковой дивизией. Мы связались с ним, поставили ему новую боевую задачу. Нелегко было перенацелить наш артиллерийский полк и приданные артиллерийские части усиления, которые прежде поддерживали другие дивизии. Но незаурядные организаторские способности полковника Алексеева и четкость работы его штаба позволили сделать это быстро, вовремя сосредоточить артиллерию на нужном направлении.

Перекатившись через боевые порядки 372-й и 256-й дивизий, наши полки двинулись вперед. Противник оказывал упорное сопротивление. Мы вынуждены были буквально прогрызать сильную оборону. Положение осложнялось еще тем, что мы не имели точных разведывательных данных о вражеской огневой системе. Их приходилось добывать уже в ходе боя.

Около 2 часов ночи на 17 января в землянку, где я находился, вошел один из наших штабных командиров. Он доложил, что вражескому гарнизону, находившемуся в поселке № 8, удалось вырваться из «котла». Я сначала этому не поверил. Ведь поселок был плотно, как мне доложили в соседней дивизии, окружен. Да и мы выделили в помощь соседям один батальон. Но сообщение оказалось верным. Гитлеровцы улизнули, обнаружив незаполненный промежуток между окружавшими поселок подразделениями.

Командарм В. З. Романовский строго наказал виновников этого чрезвычайного происшествия. Мы все сделали выводы на будущее.

Утром опять начался сильный бой. Наши подразделения еще продвинулись на запад. 17 января мы уже ясно слышали стрельбу шедших нам навстречу ленинградцев. Это всех очень взволновало. Близок, совсем близок час солдатской радости, незабываемой встречи с войсками Ленинградского фронта.

В бой включились все наши полки. Особенно активно действовал 414-й полк под командованием В. И. Шкеля. Он наступал в центре боевого порядка дивизии. 424-й полк под командованием Бурлака продвигался правее, а 419-й полк майора Антонова — левее, прикрывая боевой порядок дивизии со стороны Синявинских высот.

Мы вели бои на торфяных разработках юго-восточнее Рабочего поселка № 5. Оставалось каких-нибудь полтора-два километра до этого поселка. Войска подошли теперь к центральному вражескому оборонительному рубежу, который проходил по железной дороге от Рабочего поселка № 7 через станции Подгорное и Синявино на Рабочие поселки № 5 и 1. Это был сильный оборонительный рубеж с хорошо оборудованными опорными пунктами. Рабочие поселки № 1 и 5, станции Подгорное и Синявино являлись главным оборонительным районом на подступах к господствующим над местностью Синявинским высотам, с которых хорошо фланкировался весь боевой порядок основной группировки нашей армии.

Торфоразработки юго-восточнее Рабочего поселка № 5 изобиловали многими гребнями и глубокими выемками, залитыми водой. Танки на этой болотистой местности часто проваливались, застревали, погружались в торфяную жижу. Тонули машины с пушками, нередко гибли люди. Почти на каждом шагу зияли воронки от бомб и тяжелых снарядов. Развороченные торфяники усложняли и тормозили продвижение наших войск, особенно техники. Нередко, когда поверхность выступавшей воды схватывал ледок и воронки припорашивал снег, в них попадали и люди. Я тоже искупался накануне 18 января. Малоприятная ванна, когда на улице мороз до 30 градусов.

17 января весь день шли упорные бои. Наши попытки продолжать наступление вечером и завершить прорыв не увенчались успехом. Люди сильно устали, был исчерпан запас боеприпасов и продовольствия.

Я побывал на командном пункте первого батальона 414-го стрелкового полка. Батальоном командовал старший лейтенант Кузнецов — храбрый, энергичный, чувствующий себя в бою словно в родной стихии. Он четко доложил обстановку, состояние батальона. На мой вопрос: «Может ли батальон наступать ночью?» — откровенно ответил:

— Нет, товарищ полковник. Люди едва на ногах держатся от усталости. С утра ничего не ели. Разрешите дать им небольшой отдых, накормить, привести подразделения в порядок. Тогда сам поведу бойцов в атаку. И мы обязательно соединимся с ленинградцами ночью или рано утром.

Я проверил состояние еще нескольких подразделений, посоветовался с командирами полков Шкелем, Антоно-

вым, начальником штаба Стребковым и полковником Алексеевым. Решили планировать начало активных действий на утро 18 января. Доложил командиру дивизии полковнику М. Н. Овчинникову. Он согласился с нашим мнением.

Ночью активно действовали только дивизионные разведчики под командованием смелого и осмотрительного офицера В. Г. Черкеса. Они установили, что фашисты увозят технику на юг, в Рабочий поселок № 6 и Синявино. Это заставило нас ускорить подготовку к наступлению. Боевые действия начались 18 января в 6 часов утра.

Усилили нажим с запада и ленинградцы. Фашисты все еще пытались удержать в своих руках Рабочий поселок № 5 и завод Всесоюзного института механизации торфяной промышленности, в кирпичных зданиях которого были оборудованы огневые точки.

Но ничто не могло остановить наступательный порыв советских воинов. Вскоре мы отчетливо услышали автоматные очереди ленинградцев. Они были совсем рядом, и нам оставалось совершить последний рывок, чтоб пожать их мужественные руки.

К 8 часам утра, уточнив все опознавательные сигналы и вопросы взаимодействия с войсками Ленинградского фронта, при активной поддержке артиллеристов полковника Алексеева усилили темп наступления. И вот он наконец, долгожданный час, наступил! Мы встретились в Рабочем поселке № 5 с бойцами и командирами Ленинградского фронта. Сколько было радости и торжества! У всех счастливые, смеющиеся лица. Главная задача операции «Искра» выполнена! Блокада Ленинграда прорвана!

Я связался по радио с командующим армией, сообщил о соединении с войсками Ленинградского фронта. Генерал В. З. Романовский поблагодарил за добрую весть, приказал представить отличившихся командиров и бойцов к награждению орденами и медалями.

— Направляю к вам офицера связи с новым боевым приказом, — сказал он в заключение.

На продолжительную передышку, таким образом, мы не могли рассчитывать. Успеть бы только подтянуть тылы, дать людям хотя бы отдышаться, накормить их сытным, горячим обедом.

За минувшие сутки, если измерять расстояние по карте, мы продвинулись совсем немного. Всего на полтора-два километра. Но сколько это потребовало усилий

и напряжения! Путь к поселку № 5 прикрывала, казалось, сплошная огневая завеса, глубокий, по пояс, снег, нашпигованный до отказа минами, многочисленные препятствия и заграждения.

Мне вспомнился ночной разговор с комбатом старшим лейтенантом Кузнецовым. Он сдержал свое слово, лично возглавил утреннюю атаку. Отважно сражались лейтенант Горов, сержант Владимир Васильев, рядовые Петр Левашов и Василий Дзюба. Да и только ли они?! Можно с полным основанием сказать, что умело и самоотверженно действовали почти все командиры подразделений, рядовые бойцы 414-го стрелкового полка, задавшего тон в наступлении.

В этом бою в полной мере проявились командирские качества подполковника В. И. Шкеля, вдумчивого и находчивого офицера. Он твердо управлял подразделениями, гибко маневрировал ими и приданными средствами, организуя тесное взаимодействие на поле боя между стрелками, артиллеристами и танкистами.

Впрочем, и к другим командирам полков у нас не было претензий. Успешно решил свою боевую задачу 419-й стрелковый полк, которым командовал майор Антонов, молодой, энергичный. Если в чем-нибудь его и можно было упрекнуть, то лишь в некоторой горячности, пренебрежении к опасности. Иной раз он, без особой на то необходимости, слишком уж выдвигал вперед свой наблюдательный пункт, объясняя это тем, что так ему лучше управлять боем. Майора Антонова уважали в полку за смелость, внимательное и заботливое отношение к людям.

Подполковник Бурлака отличался от других командиров полка своим исключительным хладнокровием. Как бы тяжело ни складывалась обстановка, он действовал спокойно и уверенно, принимал грамотные, продуманные решения, твердо осуществлял каждое из них. В результате 424-й полк, которым подполковник Бурлака командовал, также хорошо справился с поставленной перед ним задачей.

Майор Шебалин, как я уже рассказывал, в операции «Искра» держал первое в Отечественную войну боевое испытание. Старый артиллерист на деле показал высокое мастерство. Батареи 1020-го артиллерийского полка метко и быстро поражали цели, надежно поддерживали пехотинцев.

Многие наши воины отличились в этом завершающем прорыв блокады бою. Дивизия, продвигаясь вперед, сокрушила на своем участке до основания вражескую оборону, уничтожила много гитлеровцев, захватила большое количество вражеской техники, вооружения и других трофеев...

...Коротким оказался наш отдых, да и противник еще попытался его омрачить. После полудня вражеская артиллерия открыла огонь по Рабочему поселку № 5. Подразделения рассредоточились на заснеженных торфяниках.

Во второй половине дня из штаба армии прибыл офицер связи. По приказу командарма наша дивизия поворачивалась фронтом на юг. Ей предстояло развить наступление на синявинском направлении, где противник к тому времени сосредоточил значительные силы. Как позднее нам рассказывал генерал В. З. Романовский, вражеское командование готовилось взять реванш за поражение, вернуть шлиссельбургско-синявинский выступ, восстановить блокаду. Войска 2-й ударной и 67-й армий должны были упредить вражеский контрудар, овладеть командными Синявинскими высотами, надежно закрепить за собой отвоеванную у врага территорию.

Синявинские и Келколовские высоты противник хорошо подготовил к обороне. Были здесь и траншеи полного профиля, и дзоты, и закопанные в землю танки. Вражеские артиллерийские позиции оказались хорошо укрытыми в лесах, простирающихся от Синявина до Мги.

Боевой порядок наших стрелковых частей, артиллерии и минометов оказался на открытой, равнинной, заболоченной местности, где невозможно окопаться. Артиллеристы и минометчики вынуждены были сооружать для артсистем мостки из дерева.

На высоту 43,3 и на северо-восточную окраину Синявина наступала 364-я стрелковая дивизия, левее ее действовала 80-я стрелковая дивизия. Мы двигались на юго-западную окраину Синявина и Рабочий поселок № 6.

После упорных боев наши войска овладели высотой 43,3 и частью прилегающих безымянных высот южнее железной дороги и Рабочего поселка № 6. За Рабочий поселок № 6 наш 424-й полк сражался почти трое суток. Враг не устоял, вынужден был оставить этот опорный пункт и отойти на Синявино.

В бою за Рабочий поселок № 6 особо отличилась рота казаха старшего лейтенанта Абиллаева, которая разрушила шесть дзотов, блокировала и уничтожила большое количество бункеров, захватила пленных, много оружия и боеприпасов.

Но, несмотря на потери, противник продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, цепляясь за каждую траншею, за каждую высоту.

Бои за Синявинские высоты продолжались в конце января и первой половине февраля. Немало наших сильных духом, мужественных людей погибло. Это о их мужестве после скажет поэт: «Он спит, положив под голову синявинские болота».

В первых числах февраля противник предпринял контратаку силами свежих 11-й и 215-й пехотных дивизий, подброшенных сюда из резерва.

На высоте 43,3 в это время был командующий 2-й ударной армией генерал В. З. Романовский. Его присутствие и руководство боем в немалой степени помогли войскам отразить вражеские атаки, заставить гитлеровцев отойти на исходное положение. Но и после противник еще не один раз пытался выбить нас с занимаемых позиций, чтобы овладеть высотой 43,3 и Рабочим поселком № 6, но успеха не достиг.

Был один критический момент, когда враг мог осуществить свои замыслы, если бы не своевременное вмешательство представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

В середине февраля мы готовились наступать на Синявино. К этому времени сил у нас осталось мало, было решено создать сводный ударный отряд. Перед ним ставилась задача попытаться ночью обойти Синявино, нанести удар с тыла.

Командиром отряда назначили меня, а заместителями — работника политотдела полковника Петрова и командира 419-го стрелкового полка майора Антонова. Начарт полковник Алексеев направил в отряд нескольких артиллеристов, которые должны были по рации корректировать огонь батарей 1020-го полка.

Вечером весь отряд собрался у высоты 43,3, неподалеку от наблюдательного пункта дивизии. Сформировали роты, проверили вооружение, пополнили боеприпасы. Начальник тыла позаботился о хорошем ужине. После этого мы разрешили командирам и бойцам отдохнуть.

Вечер выдался тихий, сыпал мелкий снежок. Иногда в разводьях туч показывался серебристый серп луны, но быстро исчезал.

На высотах, занятых противником, стояла мертвая тишина. Молчали и наши батареи. Изредка слышался только скрип саней да ржание лошадей.

Около 22 часов дежурный телефонист доложил, что меня вызывает какой-то большой начальник. Я подошел к аппарату, взял трубку.

— Жуков говорит, — услышал я басовитый голос. — Доложите обстановку.

— Готовим ночное наступление с задачей захватить Синявино, товарищ маршал.

— А что известно о противнике?

Я начал докладывать о траншеях, об огневых точках, о блиндажах, об артиллерии.

— Контрольные пленные когда были взяты вами? — спросил Г. К. Жуков.

— Их мы не брали уже несколько дней. Противник очень бдителен, особенно ночью, непрерывно освещает местность ракетами.

— Это не оправдание! — бросил в трубку маршал.

Я был обескуражен таким оборотом дела и, видимо, не особенно уверенно докладывал. Ведь я считал, что подробных и достаточно проверенных данных о противнике у нас нет.

Все же я доложил, что гитлеровцев в окопах сегодня стало больше, чем в обычные дни, чаще появляются их головы из-за брустверов окопов. Почти все ходят в касках. Кроме того, их, видимо, переодели в новые белые халаты. До этого у них были такие же грязные маскировочные халаты, как и у нас...

— Понятно... — сказал Жуков. — Это ценные данные...

После небольшой паузы маршал продолжал:

— Прекратите подготовку к наступлению. И немедленно закрепите еще лучше рубеж, который удерживаете. Будьте готовы к отражению сильной атаки противника. Он, насколько можно предположить, подтянул свежие силы, сменил свои потрепанные в прошлых боях части. С утра надо ждать сильного вражеского удара.

После такого разговора я несколько минут приводил свои мысли в порядок. Боевая задача была серьезной, ответственной.

В это время опять зазвонил телефон, и я услышал тот же голос. Г. К. Жуков спросил:

— Кто вас поддерживает из артиллеристов?

— Наш артиллерийский полк неполного состава с малым количеством боеприпасов и двести восьмидесятый минометный полк.

Маршал с кем-то коротко переговорил и буквально через минуту приказал:

— Свяжитесь с соседями справа и слева, организуйте с ними взаимодействие, ведите непрерывное наблюдение за противником и разведку.

Ночь была уже поздней, а дел уйма. Комдив генерал-майор М. Н. Овчинников болел. Поэтому я проинформировал начальника штаба дивизии полковника Стребкова и начарта полковника Алексеева о приказе Г. К. Жукова. Затем дал команду срочно распустить наш отряд по полкам и принять все меры к повышению бдительности, улучшению системы огня. К утру успел согласовать взаимодействие с артиллеристами и соседями.

Командиры полков и штабы всю ночь напряженно работали, руководили подвозкой на передний край боеприпасов, совершенствованием обороны. Поставили в окопы максимальное количество огневых средств. Помню, мы с моим ординарцем — крепышом из Сибири — Иваном Утехиным шли на НП. Какой-то расчет артиллерийского орудия выкатывал противотанковую пушку на высоту. Она не шла в гору, — круто и скользко, а ребята устали. Расчет остановился на полпути, подпирая орудие плечами.

Мы, видя такую картину, помогли расчету затащить орудие наверх.

Солдаты вначале меня и ординарца не узнали. Сержант сказал:

— Спасибо, товарищи бойцы... Может, останетесь в нашем расчете? Переводку мы оформим.

Потом, когда он узнал, кто мы, начал извиняться...

— Зачем же! — остановил я сержанта и поблагодарил его за добросовестную службу.

Часам к трем ночи на наблюдательный пункт пришли два артиллериста с радиостанциями и радистами. Их направил к нам по приказу представителя Ставки маршала Г. К. Жукова начальник артиллерии армии. Они должны были корректировать огонь двух полков: гвардейских минометов и гаубичного артиллерийского.

Ночью, как обычно, шла редкая артиллерийская и ружейно-пулеметная перестрелка. Корректировщики-артиллеристы сумели в этой обстановке незаметно пристреляться по переднему краю противника и по поселку Синявино.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Только на один час я задремал перед рассветом, пригревшись у печки в землянке под высотой.

Предвидение маршала Г. К. Жукова оправдалось. Часов в девять утра противник открыл интенсивный артиллерийский и минометный огонь по нашему переднему краю. Стреляли и тяжелые орудия. Снаряды, разрываясь высоко, выбрасывали глыбы замерзшей земли, комья которой порой оказывались не менее опасными, чем пули и осколки.

Через 20 минут наши позиции, запорошенные свежим снегом, опять покрылись черной гарью и копотью. Нарушилась проводная связь, и сколько мы ни пробовали ее восстановить — все оканчивалось безуспешно. А вот рации удалось сохранить, и радиосвязь с артиллерией не прерывалась.

Когда противник перенес артиллерийский огонь в глубину нашей обороны, пехота фашистов поднялась из окопов и в довольно густом строю двинулась в атаку.

Заговорили наши батареи, заработали «катюши». Я видел не раз их ошеломляюще эффектные залпы, но такого в прошлом никогда не наблюдал. Весь мощный залп гвардейского полка «катюш» лег кучно и метко, накрыл почти весь боевой порядок атакующих фашистов. После «катюш» по врагу дружно ударили наши ствольная артиллерия и минометы. Выстрелы были меткими. Десятки фашистов упали замертво, остальные залегли. Тогда заговорили немногочисленные, но метко пристрелянные пулеметы.

Один «максим» с большим запасом пулеметных лент стоял и на нашем НП. Он также участвовал в отражении вражеской атаки.

После некоторой паузы фашисты пытались возобновить наступление, и снова получили отпор. Сперва залегли, а затем начали отход в свои окопы.

Артиллерийский удар был настолько сильным и ошеломляющим, что несколько раненых и обалделых фашистов приползли в наши окопы вместо своих и были пленены.

Отражая атаки врага, стойко и мужественно сражались наши бойцы и командиры. Об этом докладывали подполковник Шкель и майор Антонов. Еще немало гитлеровцев нашло свои могилы на Синявинских высотах.

Мы ждали повторных атак врага. Приводили в порядок свои позиции, огневые точки, подвозили боеприпасы, увозили раненых.

Часам к одиннадцати наши связисты сумели наладить телефонную связь. Через несколько минут позвонил маршал Г. К. Жуков. Я взял трубку и представился.

— Что молчишь, почему не было связи? — раздалось в трубке.

Я объяснил, а потом добавил:

— Сильная атака на наши позиции отражена с большими потерями для врага. Мы захватили нескольких пленных.

Жуков выслушал меня и сказал:

— Так и надо воевать. Смотрите в оба!

Не раз потом фашисты контратаковали войска 2-й ударной и 67-й армий, но им все же не удалось восстановить блокаду. Воины Ленинградского и Волховского фронтов надежно прикрывали вновь проложенную железную дорогу, связывавшую Ленинград со страной.

М. П. Горемыкин

полковник, во время прорыва блокады начальник политотдела 12-й отдельной лыжной бригады

СМЕЛЫЙ МАНЕВР

Днем 11 января 1943 года из штаба 2-й ударной армии передали боевое распоряжение: 12-й отдельной лыжной бригаде к утру следующего дня сосредоточиться в лесу севернее деревни Петровщины. Одновременно командиру бригады подполковнику Н. А. Себову предлагалось срочно выехать к командарму.

— Вероятно, за получением боевой задачи, — предположил майор И. Г. Гриценко, заместитель комбрига по политчасти.

— Пожалуй, что так, — согласился Н. А. Себов, торопливо собираясь в дорогу. — Вас же попрошу вместе с начальником штаба заняться организацией марша...

Почти всю ночь на 12 января мы провели в пути. Двадцатикилометровый марш по разбитой, сугробистой дороге отнял много сил, но никто не отстал. За два последних месяца, до отказа заполненных напряженной учебой, наши командиры и бойцы втянулись в походную жизнь. Одно из завершавших боевую подготовку занятий проходило в дремучих северных лесах и продолжалось десять суток. Обстановка была, как говорится, максимально приближена к боевой. Вела огонь артиллерия, строчили пулеметы и автоматы. Подразделения совершали трудные рейды по глубокому снегу, наносили внезапные удары по «противнику». Руководитель учения на разборе дал высокую оценку действиям бригады, сказал, что подразделения умеют воевать и он не сомневается, что в предстоящих боях лыжники будут успешно и смело громить врага.

Утром 12 января началось наступление 2-й ударной армии. До нас доносились звуки мощной канонады, бушевавшей над южным побережьем Ладоги. В небе завязывались воздушные схватки между советскими и вражескими самолетами...

Весь день мы провели в заснеженном лесу. Командир бригады вернулся с командного пункта армии только к вечеру. Бригаде была поставлена следующая боевая задача: из района маяка Бугровский нанести удар по вражеской обороне на южном берегу Ладожского озера, прорвать ее и выйти к Рабочему поселку № 1.

Подполковник Н. А. Себов показал нам, работникам штаба и политотдела, карту с нанесенной на ней обстановкой. Южный берег Ладоги и ближайшая глубина обороны противника были усеяны множеством синих условных знаков, обозначавших вражеские опорные пункты и огневые точки. Бросалась в глаза жирная красная стрела.

— Командующий фронтом Мерецков собственноручно начертил направление наступления нашей бригады, — сказал подполковник Н. А. Себов и, немного помолчав, добавил: — Как видите, действовать придется в очень сложных условиях.

Да, боевая задача бригады была не из простых. Чтобы приблизиться к берегу, предстояло преодолеть около 6 километров открытого пространства, а затем прорывать сильную оборону, насыщенную большим количеством дзотов и других сооружений...

Командир бригады и начальник штаба начали готовить боевой приказ. Майор И. Г. Гриценко приказал мне направить всех работников политотдела в батальоны.

— Времени остается мало, а сделать нужно еще многое, — озабоченно говорил Иван Григорьевич. — Провести накоротке партийные и комсомольские собрания, помочь командирам и партийным организациям хорошо подготовиться к предстоящему бою.

К полудню 13 января бригада сосредоточилась в районе маяка Бугровский. Командиры подразделений занимались последними приготовлениями к наступлению. Политработники и парторги помогали им в этом. К началу боя в бригаде насчитывалось более 200 коммунистов. Созданные в 17 ротах партийные организации были надежной опорой командиров, цементировали ряды бойцов, помогали каждому из них стать искусным и храбрым воином.

Большим и заслуженным авторитетом пользовались среди бойцов коммунисты В. Д. Золотников, М. Ф. Кришталь, Н. Е. Недельский, И. В. Старцев и другие. Они показывали товарищам по оружию пример стойкости и трудолюбия, дисциплинированности и неиссякаемой инициативы.

549 наших молодых лыжников состояли в рядах комсомола, были верными помощниками коммунистов в подготовке к предстоящему наступлению.

Во второй половине дня во всех подразделениях зачитывали обращение трудящихся Ленинграда к воинам Волховского фронта. Оно было опубликовано в армейской газете и призывало каждого показать свою воинскую доблесть и мужество в боях по прорыву блокады. Обращение нашло горячий отклик у наших командиров и бойцов. Лыжники торжественно обещали сражаться доблестно, отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь, во имя победы над ненавистным врагом.

В это время к нам приехал член Военного совета армии генерал-майор А. А. Кузнецов. Он интересовался боевой готовностью батальонов, беседовал с бойцами и командирами.

Говорил генерал и о важности задачи, поставленной перед лыжниками.

Помнится, как один из бойцов заявил:

— Мы, товарищ генерал, умрем, а приказ выполним.

— Приказ надо обязательно выполнить, — заметил А. А. Кузнецов. — Но зачем же умирать? Пусть умирают враги, а нам жить надо, после победы у нас будет очень много дел.

К вечеру из штаба армии было получено боевое распоряжение, в котором уточнялась задача бригады. В нем указывалось: в течение ночи овладеть мысом на южном берегу озера, что западнее населенного пункта Липки, и в 10 часов 30 минут 14 января начать наступление в направлении Рабочего поселка № 1.

Командир бригады решил ночью нанести внезапный удар, захватить мыс малыми силами. Для осуществления этого выделялось по одной роте от каждого батальона и разведывательная рота бригады.

Под покровом темноты роты скрытно подошли к берегу и дружно атаковали противника. Их успешным действиям во многом способствовали саперы, незаметно проделавшие до этого проходы во вражеских заграждениях.

Наши подразделения блокировали несколько дзотов, ручными гранатами уничтожили засевших в них гитлеровцев и заняли эти огневые точки.

Незадолго до рассвета выступили батальоны. Они прошли больше половины пути, когда противник открыл сильный заградительный артиллерийский и минометный огонь. Лыжники вынуждены были залечь, укрываясь в торосах. Но каждый понимал, чем грозит малейшая задержка. Был дан приказ стремительными перебежками продвигаться вперед. А когда зацепились за поросший кустарником берег, разрывы вражеских снарядов и мин стали менее страшны.

Ожесточенный бой продолжался весь день. Противник оказывал яростное сопротивление. Вражеский огонь плотной завесой прикрывал все подходы к мысу со стороны озера. Наши телефонисты не успевали устранять повреждения на линиях, и связь с батальонами часто прерывалась.

Днем капитан Яншин, заместитель командира по политчасти первого лыжного батальона, прислал тревожное донесение. Из него мы узнали, что комбат ранен и в командование батальоном вступил замполит. Рота продвинулась на 200 метров от кромки озера.

«Нет мин, гранат, патроны на исходе, — доносил капитан Яншин. — Связи с артиллерией и вами нет... Прошу дать связь, организовать вывоз раненых».

Подполковник Н. А. Себов, посоветовавшись с майором Г. И. Гриценко, решил ночью направить на мыс еще один батальон, сформированный из резервных подразделений. Были приняты меры для того, чтобы ускорить эвакуацию раненых. При этом отличились лейтенант Н. Л. Засухин, замполит медико-санитарной роты, командир взвода Нина Хабарова, врачи Нина Добрынина и Белла Мильман, фельдшеры Лида Чаркина и Клава Пересечанская. Все они, молодые, недавно окончившие медицинские учебные заведения, успешно справились с трудной работой.

На следующий день, 15 января, когда наши подразделения возобновили наступление, в воздухе появились вражеские самолеты. На бреющем полете они обстреливали боевые порядки лыжников. Один самолет удалось сбить выстрелом из противотанкового ружья. После этого гитлеровские летчики хотя и продолжали действовать, но уже не так нахально, как в начале дня.

Медленным и трудным было продвижение лыжников вперед. И главным образом потому, что надо было обезвреживать многочисленные дзоты.

Хорошую помощь оказывали стрелкам артиллеристы истребительно-противотанкового дивизиона, которым командовал замполит капитан С. Г. Сергеев. Находясь в боевых порядках рот, орудийные расчеты действовали умело и самоотверженно. Командир одного из них комсомолец старший сержант В. Добрынин был ранен. Превозмогая боль, он продолжал вести огонь. Отважный воин заставил замолчать два вражеских дзота и обеспечил роте продвижение вперед. Храбро сражался наводчик другого орудия комсомолец младший сержант Е. Лиханин, разбивший три огневые точки противника.

Умело блокировали и захватывали вражеские огневые точки и стрелки. Старшина Ф. Рудаков во главе группы бойцов сумел незаметно подобраться к одному из дзотов, забросал амбразуру ручными гранатами, а потом ворвался внутрь сооружения и прикончил оставшихся в живых трех гитлеровцев. После этого смельчаки вынесли пулемет, установили его тут же в ходе сообщения и открыли огонь по врагу. Гитлеровцы несколько раз пытались подойти к этому дзоту, чтобы уничтожить дерзких русских солдат, но меткий огонь и гранаты отгоняли их.

Отличился и рядовой А. Яковлев. Он участвовал в захвате двух дзотов и уничтожил много гитлеровцев. А когда был тяжело ранен командир роты, отважный воин вынес его с поля боя в надежное укрытие.

Пять суток, не зная ни сна, ни отдыха, вели ожесточенный бой воины нашей бригады. К исходу 17 января лыжники захватили более десяти вражеских дзотов и около пятнадцати разрушили огнем «сорокапяток» и гранатами. Но каналы не были еще форсированы.

В этот день исключительное мужество проявил младший лейтенант А. Рядовкин. Еще затемно с горсткой бойцов он блокировал вражеский дзот и лично уничтожил шестерых гитлеровцев. Огонь соседнего дзота сразил наших бойцов, а лейтенант укрылся в отвоеванной огневой точке. Фашисты долго и безуспешно пытались захватить русского офицера живым, но их отгоняли назад автоматные очереди. Однако настало время, когда были израсходованы все патроны, оставалась лишь пара ручных гранат. Осмелевшие гитлеровцы ворвались в дзот и набросились на младшего лейтенанта. Раздался взрыв. Рядовкин

предпочел смерть вражескому плену и, уходя из жизни, уничтожил еще трех фашистов.

Геройски вели себя в бою работники политотдела бригады. Старший инструктор политотдела капитан С. Гусляров все время находился в третьем батальоне, помогал командирам и политработникам подразделений организовать бой, воодушевить солдат на решение трудных задач. Когда вышел из строя заместитель командира батальона по политчасти, его заменил капитан Гусляров. Он вместе с бойцами ходил в атаки на врага.

Помощник начальника политотдела по комсомолу лейтенант Б. Шулика шел с бойцами первого батальона. Его юношеский задор, личный пример увлекали солдат на подвиги. Не один раз участвовал он в штурме вражеских дзотов, показывая образцы мужества и умения.

Наша бригада, сражаясь в исключительно трудных условиях, оказала помощь частям 128-й стрелковой дивизии. После пятидневных атак они сломили сопротивление противника в сильно укрепленном пункте Липки. «Этому способствовал, — говорится в «Истории Великой Отечественной войны», — смелый маневр 12-й лыжной бригады, которая, пройдя по льду Ладожского озера, вышла в тыл полуокруженного гарнизона Липки».

К концу дня 17 января напряжение боя пошло на убыль, но не настолько, чтобы без больших потерь продолжать наступление. Батальонам было приказано закрепиться, дать короткий отдых бойцам, а в 3 часа 40 минут быть в готовности к атаке.

С офицером штаба старшим лейтенантом В. Сямтоновым я отправился в подразделения. В первом батальоне к нам присоединился лейтенант Шулика. Многие бойцы спали в воронках, сон их был чутким, солдатским. Кое-где небольшие группы лыжников, тесно прижавшись друг к другу, тихо переговаривались, добрым словом вспоминали тех, кто отличился при штурме вражеских береговых укреплений.

— Почему не спится, друзья? — спросил я, подсев к одной из групп. — Сон, хотя и короткий, самый лучший отдых.

— Не до сна, товарищ начальник политотдела, — ответил один из бойцов, — много полегло здесь наших...

— А сколько фашистов уничтожили, не считал? — перебил говорившего другой голос. — Вот то-то и оно. Правда, и я не считал — некогда было. Но подходяще.

— Конечно, тяжело терять боевых друзей, но война есть война, без раненых и убитых она не обходится, — рассудительно произнес третий боец.

Один из солдат поинтересовался, как идут дела в других батальонах. Я рассказал об отважных действиях некоторых бойцов и командиров, о коммунистах и комсомольцах, показывающих пример мужества и геройства в бою. Потом заговорили о завтрашнем дне.

Характерная деталь — ни в одном подразделении, в котором я побывал в ту ночь, я не видел никаких признаков уныния. Настроение у людей было бодрое и боевое. Это радовало и вселяло надежду на успех.

В одном из подразделений мне пришлось услышать такое заявление:

— Нас осталось мало, поэтому каждый из нас должен действовать за троих, а то и за пятерых, по-флотски.

— Вы моряк? — спросил я.

— Бывший, — ответил боец. — Но ничего, и на суше от нас невесело фашистам.

В нашей бригаде было около тысячи матросов-североморцев. Воевали они геройски, с какой-то особой злостью шли на врага, не считаясь ни с трудностями, ни с опасностью.

Командирам подразделений я рассказал все, что знал о сложившейся к тому дню обстановке. Из оперативной сводки штаба армии нам было известно, что войска Ленинградского фронта ведут бои в Шлиссельбурге, а некоторые их части перерезали узкоколейную дорогу между Рабочими поселками № 1 и 5. Передовые части 2-й ударной армии тоже на подходе к этим поселкам, а деревня Липки и станция Подгорная уже в наших руках. Конечно, даже эти скудные сведения вызывали радость.

В назначенный час поднялись наши роты и двинулись вперед. По заранее намеченным целям вели огонь минометчики и «сорокапятки».

Говорят, что ночные атаки, как правило, приносят успех тогда, когда они проводятся без огневой подготовки. Спорить не стану. Однако и наша атака была успешной. Ошеломленные гитлеровцы не сразу пришли в себя, а тем временем лыжники быстро двигались вперед, встречая слабое сопротивление врага. Лишь забрезжил рассвет, как они уже подошли к каналу. Вырвавшиеся вперед подразделения почти беспрепятственно перемахнули на противоположный берег.

Завязался огневой бой, но он длился недолго. Подоспевшие к каналу минометчики накрыли пулеметы врага. То же самое делали и наши орудия. Под прикрытием своего огня роты форсировали канал, а с рассветом лыжники преодолели и второй канал. Однако здесь мы были встречены таким огнем противника, что пришлось залечь.

Когда совсем рассвело, казалось, повсеместно загромыхала артиллерия. Доставалось и нам. Несколько позднее мы узнали, что гитлеровское командование, пытаясь вызволить свои войска, отрезанные в лесах южнее Ладоги, решило ударить по нашим войскам всей мощью своей артиллерии и бросить в атаку потрепанные части пехоты и танков. Их встретили огнем и заставили откатиться назад. Наша артиллерия в считанные минуты подавила вражеские батареи.

Часом позже произошла историческая встреча двух фронтов-побратимов. Блокада Ленинграда была прорвана. Вскоре мы получили приказ о выводе бригады в резерв армии.

Погибших друзей-однополчан мы с почестями похоронили на берегу Ладожского озера. После войны они были перезахоронены в братские могилы на кладбище, недалеко от Петрокрепости (Шлиссельбурга). По ходатайству ветеранов бригады решением исполкома Кировского горсовета там установлена мраморная доска с надписью, которая увековечила память воинов-лыжников, павших в боях в январе сорок третьего.

Б. П. Павлов

полковник, в 1943—1944 гг. редактор газеты «Фронтовая правда»

ПУТЬ СВОБОДЕН!

Дорога к Ленинграду шла вдоль Ладожского канала. Его берега еще не так давно были передним краем вражеской обороны. Часто попадались развороченные снарядами блиндажи и дзоты. Саперы, вооружившись миноискателями, не спеша двигались вдоль шоссе. Они часто останавливались и осторожно доставали из-под снега фашистские мины.

На перекрестке по-хозяйски распоряжался боец-регулировщик. Он был в полушубке, на груди висел автомат. Регулировщик флажком показывал направление на Шлиссельбург.

— Прямо, — объяснял он. — Теперь до Ленинграда дорога открыта. Путь свободен...

Радостно было слышать слова регулировщика каждому воину Волховского фронта. Наконец-то исполнилось то, о чем думали командиры и бойцы, сражаясь под Любанью и Мясным Бором, у станции Погостье и на подступах к Синявинским высотам. На подвиги их воодушевляла благородная тревога за судьбу дорогого всем советским людям города трех революций. Невольно приходили на память слова песни воинов Волховского фронта:

Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу...

Написал эту песню поэт Павел Шубин. Еще до того, как была прорвана блокада, песня нашла дорогу к

солдатским сердцам. И перед наступлением ее, простую, душевную, не раз запевали в ротах и взводах, готовясь к штурму вражеских позиций. Запевали те, кто должен был идти в атаку — «горло ломая врагу».

Хмурый январский рассвет застал поэта-фронтовика на огневой позиции батареи Доценко. Номера расчетов заняли свои места у орудий. Прозвучала команда: «Зарядить!» Лязгнули затворы. Вслед за этим заработали наводчики, направляя орудия на невидимые, но точно разведанные цели.

Павел Шубин, специальный корреспондент газеты «Фронтовая правда», подробно рассказал на ее страницах, как доблестно сражались, прокладывая путь пехоте, воины-артиллеристы. Стрелковые подразделения, миновав размолоченное снарядами и минами поле, остановились перед высоким дерево-земляным забором. Из узких бойниц вели огонь вражеские пулеметчики. И такой сильный, что двигаться дальше было невозможно. И тогда в дело включились артиллеристы. Орудийный расчет старшего сержанта Злобина вручную покатил тяжелую гаубицу вперед. За ним двинулся расчет младшего сержанта Шаньгина. С дистанции 500 метров храбрецы, стреляя прямой наводкой, сделали четыре прохода в дерево-земляном заборе. Замечательно действовали наводчики Политыко и Романенко. Старший лейтенант Доценко, находившийся здесь же, у орудий, объявил обоим расчетам благодарность.

Вскоре на открытую позицию выдвинулось еще и орудие сержанта Николаева. Но этому расчету не повезло. Враги открыли по нему огонь из минометов. Советские воины не прекратили стрельбы. Один за другим выбывали из строя орудийные номера. У гаубицы остался один сержант Николаев. Он сам заряжал ее, наводил на цель, стрелял...

Артиллеристы выполнили свою задачу. В проломы, которые образовались в дерево-земляном заборе, ринулись танки, а вслед за ними пошла и пехота.

В наступающих соединениях и частях находились многие работники редакции. И сейчас, когда листаешь пожелтевшую за три десятилетия подшивку «Фронтовой правды», с особой теплотой вспоминаешь корреспондентов, сохранивших для истории имена мужественных бойцов и командиров, прокладывавших путь от Волхова к Неве.

Капитан Л. Саксонов в те дни побывал в 73-м отдельном танковом полку. В своей корреспонденции, переданной в редакцию, он описал героические действия нескольких танковых экипажей. Первой ворвалась на вражеские позиции машина лейтенанта Бубенцова. Механик-водитель Болдырь, маневрируя среди глубоких воронок, повел танк на блиндажи, где после артподготовки сосредоточились уцелевшие гитлеровцы. Внезапно открыло огонь вражеское орудие. Наш танк вступил с ним в поединок, двумя меткими выстрелами утихомирил фашистов. А затем, приблизившись вместе с экипажем лейтенанта Немировского к блиндажам, открыл огонь по гитлеровцам из пулеметов.

Подоспевшие пехотинцы довершили разгром вражеского опорного пункта, а затем вместе с танкистами двинулись вперед.

Отличился в этих боях и танк старшего лейтенанта Бурова. Одним из первых он ворвался на окраину поселка.

Здесь у противника находилась противотанковая батарея. Медлить было нельзя.

— Вперед! — приказал командир механику-водителю Гаврилову.

Танк двинулся на вражеские орудия. Башенный стрелок Горохов, славившийся своей меткой стрельбой, не промахнулся и на этот раз. Одно орудие врага было им уничтожено. Второе — попало под гусеницы танка. А вот третье орудие успело сделать несколько выстрелов. Вражеский снаряд повредил машину. Был ранен Горохов. Командир машины занял его место и метким огнем заставил навсегда замолчать и последнее орудие батареи противника...

Сержант Айзин, выступая перед боем на митинге, обещал товарищам биться с врагом храбро и умело. И свое слово он держал крепко. Шел в первых рядах атакующих, застрелил нескольких фашистов. Но и сам был дважды ранен. Его отправили на медицинский пункт. Но вскоре Айзин опять появился в роте.

— Зачем ты вернулся? — спросил командир, увидев перевязанного бинтами бойца.

— За Ленинград бьемся, не могу в госпитале лежать.

Он остался в строю, мужественный советский воин. И еще не один фашист свалился замертво от метких снайперских пуль сержанта Айзина.

А бой продолжался. На торфяных полях, просеках и высотках, превращенных гитлеровцами в очаги сопротивления. Метр за метром, где короткими перебежками, где по-пластунски, плотно прижимаясь к горячему снегу, двигались на запад наши подразделения.

Старшина Петр Труфанов, когда был ранен командир взвода, принял на себя командование, повел красноармейцев вперед.

Дружно действовали отделения сержантов Ильина и Тихонцева. Восемь гитлеровцев, видя, что сопротивляться бесполезно, сдались в плен.

При допросе одного из них присутствовал корреспондент «Фронтовой правды» И. Исаев. Вражеский солдат с ужасом вспоминал о своих недавних переживаниях. То, что он остался в живых, — просто чудо. Батальон, в котором гитлеровец служил, был почти полностью разгромлен.

И другие пленные говорили о больших потерях. Чтобы возместить их, вражеское командование спешно перебрасывало из глубины в район боев подкрепления, бросало их в контратаки. Отражая их, воины дивизий 2-й ударной армии продолжали теснить противника, сокращая коридор, разделявший войска Волховского и Ленинградского фронтов.

Левее 2-й ударной армии наступали 80-я стрелковая дивизия и 73-я бригада морской пехоты, входившие в состав 8-й армии. Они наносили вспомогательный удар, но своими активными действиями помогали решать главную задачу.

Одной из рот морских пехотинцев командовал старшина 1-й статьи И. В. Чековинский. Командир бригады полковник И. Н. Бураковский приказал роте в ночь на 14 января овладеть опорным пунктом Тортолово. Морские пехотинцы, всегда отличавшиеся большой храбростью, прославились и в этом бою. Незаметно для гитлеровцев они подошли к их позициям, бесшумно сняли часовых и ворвались в селение, перебили ошеломленных гитлеровцев.

Противник открыл по Тортолову сильный огонь. Вслед за этим началась контратака.

Чековинский был ранен осколком снаряда, но продолжал руководить боем.

Тортолово ночью удалось отстоять. Не принесли врагу успеха и дневные контратаки.

Более двух суток продолжался бой за Тортолово. 16 января противнику ценой больших потерь после трехчасового боя удалось вернуть Тортолово. Но морские пехотинцы, сражавшиеся с исключительным мужеством, сковали на этом участке значительные силы врага, способствуя тем самым успеху наступавших справа войск 2-й ударной армии.

18 января войска двух фронтов соединились. Об их исторической встрече на страницах «Фронтовой правды» рассказал Л. Саксонов.

В газете были помещены стихи и очерки о героях боев, сердечные, взволнованные письма и рассказы участников прорыва блокады. И теперь, читая их, в каждой строке чувствуешь, что воины-волховчане жили в те дни мыслью: сокрушить врага, облегчить положение осажденного им города Ленина.

Воины Волховского фронта с честью выполнили свой долг. Путь с Большой земли в город Ленина был открыт.

А. В. Батлук

генерал-майор, во время прорыва блокады командовал 102-й отдельной стрелковой бригадой

У ВОСЬМОЙ ГЭС

В октябре 1942 года 102-я отдельная стрелковая бригада дислоцировалась в одном из небольших городков Тульской области. Входила она в состав войск Московской зоны обороны. Поэтому, получив в Главном управлении кадров Красной Армии предписание вступить в командование бригадой, я, перед тем как выехать к новому месту службы, попал на прием к командующему зоной генерал-полковнику П. С. Артемьеву. Сейчас, тридцать лет спустя, конечно, трудно точно воспроизвести, о чем шел тогда, 9 октября, разговор. Однако мне хорошо запомнилось, что генерал-полковник П. С. Артемьев самым подробнейшим образом охарактеризовал бригаду, подчеркнув, что необходимо за полтора-два месяца хорошо подготовить ее к успешным боевым действиям на фронте.

— Это ваша главная задача, — говорил командующий. — И надеюсь, что вы ее успешно решите.

Поблагодарив за доверие, я отправился в бригаду. Уже первое знакомство с ней произвело самое благоприятное впечатление. По количеству личного состава, вооружению бригада немногим уступала стрелковой дивизии того времени. Бойцы и младшие командиры были все как на подбор — крепкие, любознательные, старательные. Батальонами командовали хорошо подготовленные офицеры, выросшие и закалившиеся в боях Великой Отечественной войны.

Не буду подробно описывать, как у нас прошли октябрь и ноябрь. Скажу лишь, что эти два месяца были заполнены напряженнейшей учебой. Буквально каждый

день обогащал наших воинов чем-то новым, жизненно необходимым в бою.

В конце ноября представители штаба Московской зоны обороны проверили выполнение плана боевой и политической подготовки. Работа командиров и политработников получила высокую оценку.

Вскоре бригада была направлена на Ленинградский фронт. Когда наши бойцы и командиры узнали, где им придется воевать, их охватило чувство гордости и радости. Все взволнованно говорили: нам оказана большая честь сражаться за Ленинград — колыбель Октября. Я еще раз убедился, как дорог и близок советским людям город, носящий имя великого Ленина.

13 декабря 1942 года бригада расположилась в населенных пунктах вблизи Кобоны, готовясь к переправе через Ладогу.

В самые трудные дни войны партия и правительство проявляли много заботы о ленинградцах. Мы видели на восточном берегу озера продовольствие, горючее и другое имущество, ожидающее отправки в блокированный город. Район Кобоны надежно прикрывали части противовоздушной обороны. Мы восхищались царившим здесь образцовым порядком.

Весь личный состав бригады в ночь на 15 декабря был перевезен транспортными судами через Ладогу. Обозы, артиллерия на конной тяге, транспортные и специальные машины переправлялись позднее собственным ходом уже по ледовой дороге.

Утром 15 декабря вся бригада сосредоточилась на западном берегу Ладожского озера. Здесь нас тепло и радушно встретили член Военного совета фронта генерал-майор Н. В. Соловьев и приехавшая вместе с ним группа офицеров.

К вечеру штаб и батальоны прибыли на место новой дислокации, расположились в Токсове и прилегающих к нему населенных пунктах. Отсюда поздним вечером мы впервые увидели тревожное ленинградское небо. Свет прожекторов выхватывал из темноты вражеские самолеты, стремившиеся прорваться в осажденный город. Путь им преграждала зенитная артиллерия, создавая трудно преодолимую завесу огня. Но некоторым фашистским бомбардировщикам все же удавалось сбросить свой груз на Ленинград или его пригороды. Даже в Токсово доносились глухие разрывы.

В те дни я часто встречался с генералами и офицерами, работавшими в штабе фронта. В сложной и тяжелой, ставшей уже привычной, обстановке они работали спокойно и деловито, настроение всегда у них, как у всех ленинградцев, было бодрое. Защитники города твердо верили в свою победу.

В ночь на 25 декабря 1942 года командиров четырех прибывших с Большой земли стрелковых бригад вызвали в Смольный, где проходило заседание Военного совета. Оно продолжалось почти всю ночь, до 6 часов утра. С вечера неоднократно объявлялась в городе воздушная тревога. Отчетливо слышались стрельба зениток и оглушительные разрывы бомб, а мы продолжали работать в одной из комнат второго этажа. Здесь были представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров, члены Военного совета фронта А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, Н. В. Соловьев, начальники штаба и родов войск.

В двух шагах от стола, где мы сидели, висела оперативная карта с нанесенной на ней обстановкой.

Генерал Л. А. Говоров рассказал нам о положении на Ленинградском фронте, остановился на соотношении сил и степени инженерного оборудования обороны как у нас, так и у противника. Говорил он также о характерных особенностях действий фашистских войск. Его спокойная, убедительная речь, ясные формулировки задач, стоявших перед Ленинградским фронтом, свидетельствовали о большой эрудиции, глубоком понимании командующим существа боя.

Затем Военный совет заслушал доклады каждого из нас. Регламент определялся большой — 40 минут. Это говорило о том, что Военный совет хотел получить полное и ясное представление о прибывших бригадах. Мы должны были доложить о себе, своих заместителях, командирах батальонов, штабных офицерах, боевой готовности и сделать общий вывод. Всем нам задавался один и тот же вопрос: в каких боях участвовали во время Великой Отечественной войны?

В конце заседания выступил А. А. Жданов. Он рассказал о работе Ленинградской партийной организации, успешно решавшей все задачи, связанные с обороной Ленинграда, об энтузиазме трудящихся, которые, несмотря на трудности блокады, самоотверженно выполняют фрон-

товые заказы. Особо Андрей Александрович отметил заботу о Ленинграде Центрального Комитета партии, Советского правительства. Свидетельством тому является усиление войсками и боевой техникой Ленинградского фронта. В ближайшее время, говорил А. А. Жданов, мы обязательно улучшим положение трудящихся Ленинграда и всей обстановки на Ленинградском фронте.

В начале января командиры стрелковых бригад, начальники штабов и командующие артиллерией участвовали в военной игре в штабе фронта. Это помогло каждому еще лучше уяснить боевую задачу. Наша бригада в операции по прорыву блокады должна была действовать во втором эшелоне и вводилась в бой в полосе 268-й дивизии полковника С. Н. Борщева. Но совершенно неожиданно 10 января я получил приказание выдвинуть артиллерию бригады для стрельбы прямой наводкой в полосе 45-й гвардейской стрелковой дивизии. С какой целью это было сделано, стало понятно позднее. В 9 часов 30 минут 12 января началась артиллерийская подготовка. Чтобы быть в курсе обстановки, я собрался отправиться на НП полковника С. Н. Борщева. В это время позвонил начальник штаба армии полковник Е. Г. Савченко, он приказал ехать к гвардейцам, быть в готовности развить их успех в направлении Мустолова. Такая ориентировка расходилась с планом военной игры, о чем я доложил полковнику Е. Г. Савченко. Но он подтвердил свое приказание.

В полдень мы с командиром 13-й стрелковой дивизии полковником В. П. Якутовичем прибыли на командный пункт гвардейцев. Их наступление в первый же день натолкнулось на яростное сопротивление врага. Противник сосредоточил здесь мощный огонь всех видов оружия. Бой принял затяжной характер.

Утром 13 января 1943 года командир дивизии генерал-майор А. А. Краснов ввел в бой свой резерв. Активизировал свои действия и противник, после сильного огневого налета в 10 часов утра контратаковал двумя усиленными батальонами наступавший 131-й гвардейский полк. Через час гитлеровцы повторили контратаку уже силой до трех усиленных пехотных батальонов. Эту контратаку, как и первую, удалось отразить, но продвижение гвардейцев было задержано.

Я, естественно, поинтересовался действиями наших артиллеристов. Об этом подробно доложил начальник

штаба артиллерии бригады капитан Пиастро. Командир взвода лейтенант А. С. Баландин и командир батареи старший лейтенант И. А. Самойленко отлично управляли огнем при отражении контратаки врага. Наводчик орудия сержант И. В. Новиков уничтожил дзот, три пулеметных точки и рассеял до взвода пехоты противника. Командир орудия сержант И. Н. Серый вывел из строя вражеский танк. Мужественно действовал подносчик снарядов красноармеец И. С. Тазкин. Все они были награждены медалью «За отвагу». Об этом немедленно стало известно личному составу бригады.

13 января примерно около 20 часов меня вызвали на КП 67-й армии. Выехал я вместе с начальником оперативного отделения майором О. М. Дониным. Когда приехали на место, я приказал ему побывать в оперативном и разведывательном отделах, изучить обстановку, особенно на участке наступления 268-й стрелковой дивизии.

Командующий армией генерал-майор М. П. Духанов, обычно спокойный и уравновешенный, на сей раз был чем-то сильно взволнован. Поздоровавшись, он предложил подождать в приемной. Сам же ушел к командующему фронтом Л. А. Говорову. Возвратился от него еще более расстроенным, вызвал начальника штаба армии.

Появился майор Донин. После его доклада стало понятно, что так встревожило командарма. 13 января около 16 часов противник из глубины своей обороны и юго-восточнее 2-го Городка предпринял сильную контратаку против наступавших частей 268-й дивизии.

— В штабе армии, — докладывал Донин, — опасаются, как бы противник не вышел к Неве.

Не ожидая получения задачи от командарма, я приказал майору Донину немедленно связаться с нашим начальником штаба, сообщить ему о необходимости повысить готовность батальонов для действия в полосе хозяйства Борщева.

Вскоре меня принял генерал М. П. Духанов. На моей карте он лично нанес разграничительные линии полосы ввода в бой и наступления бригады.

— Двести шестьдесят восьмая стрелковая дивизия,— говорил он, — отражая сильные контратаки, ведет бой на левом берегу Невы. Ваша бригада во взаимодействии с ней должна отбросить врага, обойти с востока Городокский узел сопротивления, уничтожить в этом районе противника.

Я доложил командарму, что наша артиллерия действует в полосе 45-й гвардейской дивизии, спросил: кто же нас будет поддерживать? Генерал Духанов ответил, что полковнику С. Н. Борщеву дан приказ переключить на это часть приданной ему артиллерии. Ваши дивизионы, заверил командарм, вернутся в бригаду 14 января. Прощаясь со мной, генерал Духанов еще раз потребовал от меня как можно скорее, не позже 9 часов утра 14 января, хотя бы двумя батальонами бригады быть на левом берегу Невы.

— Вы, — добавил Михаил Павлович, — головой отвечаете за то, чтобы противник не прорвался к переправам через Неву.

Опасения генерала М. П. Духанова были обоснованными. Дивизия полковника С. Н. Борщева наступала в исключительно трудной обстановке, в непосредственной близости от сильного Городокского узла. Здесь вражеская огневая система полностью подавлена не была, и полки дивизии, начиная с форсирования Невы, подвергались сильному огневому воздействию. Когда же противнику удалось задержать продвижение 45-й гвардейской дивизии, он все свои резервы бросил в контратаку против наших войск, наступавших на Городокский узел сопротивления. Большой заслугой воинов дивизии С. Н. Борщева было то, что они не допустили прорыва противника к Марьину.

От командарма я вернулся в половине третьего. Начальник штаба бригады майор И. И. Иванов доложил, что уже организована разведка путей подходов к переправам через Неву. На левый берег направлены разведчики — они находятся севернее 2-го Городка. В штаб 268-й дивизии посланы наши офицеры для увязки взаимодействия во время ввода бригады в бой.

Я потребовал от начальника штаба, чтобы разведрота как можно скорее, не позднее 5 часов утра, перебралась на левый берег, связалась с частями 268-й дивизии, установила, на каком рубеже она находится и какой перед ней противник. Вместе с разведротой отправлялся и начальник разведки бригады старший лейтенант М. А. Слюсаренко. Он должен был доложить мне о результатах разведки через два часа.

Расстояние от района расположения бригады до Невы равнялось 5—6 километрам. Для преодоления этого расстоянии требовалось около двух часов. Я поставил

задачу командирам батальонов 14 января в 7 часов 30 минут переправиться через Неву, обойти с востока Городокский узел сопротивления и во взаимодействии с 296-м стрелковым полком 13-й стрелковой дивизии уничтожить в этом районе противника, овладеть 1-м и 2-м Городками, 8-й ГЭС.

Третий батальон капитана И. А. Юрьева должен был, развернувшись фронтом на юго-восток, наступать в направлении северо-восточной части 2-го Городка, чтобы блокировать его с севера.

Первый батальон, которым командовал майор К. П. Туз, получил задачу обойти 2-й Городок с востока и во взаимодействии с третьим батальоном и 296-м стрелковым полком уничтожить здесь противника.

Наш второй батальон под командованием майора С. Г. Марчука наступал вслед за первым батальоном в готовности развить его успех.

Четвертый батальон капитана С. Т. Антощенкова и батальон автоматчиков старшего лейтенанта Г. С. Антонова оставались в моем резерве.

Пулеметные роты 1-го отдельного пульбата придавались третьему и первому батальонам. Все батальоны усиливались и саперами.

Я приказал начальнику штаба развернуть КП бригады на левом берегу Невы в роще «Акация». Встал вопрос, где лучше оборудовать наблюдательный пункт. Узнав, что командир 952-го стрелкового полка 268-й дивизии майор А. И. Клюканов находится в районе наших действий, решил совместить свой НП с его командным пунктом.

Наша бригада вводилась в бой без своей артиллерии. А ведь переправу, развертывание и наступление батальонов надо было надежно прикрыть артиллерийским огнем. Об этом следовало договориться с командиром 268-й дивизии или начальником штаба. Сделать это оказалось непросто. Полковник С. Н. Борщев находился с оперативной группой на левом берегу Невы. Начальника штаба также на месте не оказалось. В моих же ушах все время слышалось предупреждение командарма: «Вы головой отвечаете за то, чтобы бригада своевременно была на левом берегу и не допустила выхода вражеских войск к Неве». И я решил отправиться на командный пункт майора А. И. Клюканова, где, как мне сообщили, был также командир 799-го артиллерийского полка полковник А. В. Скворцов.

Еще до рассвета 14 января на левый берег вышла наша разведрота. Вскоре за ней успешно переправился через реку и третий батальон, развернулся и начал продвигаться на юго-восток.

День был пасмурный, морозный, туманный. Не дожидаясь результатов разведки, я с группой офицеров, с радиостанцией и проводником перешел Неву и направился на КП майора Клюканова. Но проводник, видимо, неточно повел нас: пройдя метров триста, мы попали под огонь вражеских пулеметов. Нашли легкое укрытие и тут остановились. Когда разобрались, оказалось, что находимся метрах в ста от вражеских позиций. В батальоны послали связных, сообщили, где находимся. Часа через два комбаты донесли, что, сбивая мелкие вражеские группы, они продвигаются вперед. И тут произошло непоправимое. Разорвавшейся миной была повреждена рация, по которой я собирался доложить командарму о том, что к 8.00 два батальона нашей бригады развернулись и ведут бой, что нам нужна поддержка артиллерийским огнем. Офицеры, посланные мной для розыска КП 952-го полка, долго не возвращались. Противник, видимо обнаружив появление наших частей, усилил огонь со всех видов оружия. Бой разгорелся.

— Товарищ подполковник, кто-то к нам идет, — сказал наблюдатель.

Я повернул голову. Действительно, по ходу сообщения шагал какой-то человек в каске.

— Командир бригады здесь? — хрипловатым голосом спросил он.

Присмотревшись, я узнал командующего артиллерией фронта генерал-майора Г. Ф. Одинцова. Я обрадовался, а еще больше удивился. Ведь дело-то необычное — командующий артиллерией фронта в ста метрах от вражеских автоматчиков. Я быстро доложил все, что было известно о противнике, а, признаться, знал я пока очень мало. Генерал Одинцов, внимательно выслушав, уточнил боевую задачу бригады и потребовал от меня совместно с уцелевшими подразделениями 268-й стрелковой дивизии отбросить противника ко 2-му Городку и там прочно закрепиться.

Вскоре мне доложили о месте расположения КП 952-го стрелкового полка. По ходу сообщения мы быстро добрались до блиндажа майора А. И. Клюканова. Генерал Одинцов приказал командующему артиллерией 268-й

дивизии полковнику А. А. Ходаковскому переключить один артполк на поддержку наших батальонов. Командующему артиллерией 67-й армии генерал-майору И. М. Пядусову было приказано немедленно вернуть в бригаду ее артиллерию. Я связался с командиром 220-й отдельной танковой бригады полковником И. Б. Шпиллером, которая с 15 января придавалась нам.

Мой наблюдательный пункт находился теперь совсем недалеко от вражеских позиций. Хотя это было и небезопасно, но давало возможность хорошо видеть поле боя, влиять на развитие событий.

Своевременный выход бригады на восточный берег Невы упрочил здесь наше положение. Однако, опираясь на Городокский узел сопротивления и хорошо сохранившуюся систему огня, противник упорно сопротивлялся. К исходу 14 января наши первый и третий батальоны заметно поредели. В первые же часы боя был ранен майор К. П. Туз, умело управлявший своим подразделением, проявлявший смелость и разумную инициативу. Выбыл из строя также отважный командир стрелковой роты лейтенант Шелепин.

Многие наши офицеры, сержанты и солдаты показали в этом бою бесстрашие, высокое мастерство. Коммунист сержант П. С. Евдокимов — командир первого отделения первой стрелковой роты, заменив лейтенанта Шелепина, успешно повел бойцов в атаку, он уверенно управлял боем до прибытия нового командира роты. 16 января П. С. Евдокимов был награжден медалью «За отвагу».

Командир второй роты батальона автоматчиков лейтенант В. Н. Морозов дважды водил свою роту в атаку. В рукопашной схватке он уничтожил фашистского офицера и пять вражеских солдат. Заместитель командира роты по политической части младший лейтенант А. Ф. Дорофеев с пятью бойцами под сильным огнем выбил противника из окопов и удерживал их до подхода основных сил роты.

14 января к исходу дня на левом берегу Невы находилась вся бригада, кроме тылов и медсанроты.

В этот же день к 20 часам был оборудован командный пункт. Это был прочный и благоустроенный блиндаж. Начальник связи капитан С. Н. Венбков и командир роты связи старший лейтенант Н. П. Шевцов обеспечили надежную и отлично действующую связь со штабом армии и со всеми частями бригады.

На фронте вечером наступило некоторое затишье. Видимо, воспользовавшись этим, к нам на КП прибыли член Военного совета фронта генерал-майор Т. Ф. Штыков и писатель-фронтовик Н. С. Тихонов. Я доложил Штыкову обстановку, планы на следующий день. Терентий Фомич спросил, как помогают командирам политработники. Я ответил, что помогают хорошо. Примером тому могут служить мой заместитель по политической части подполковник Перепелюков и начальник политотдела бригады майор Ф. Г. Бахметьев, под руководством которых проведена большая работа перед боями. И сейчас политработники активно помогают командирам. Мой отзыв, вероятно, генерал Т. Ф. Штыков запомнил. Спустя некоторое время подполковник Перепелюков был повышен в должности, а вместо него прибыл майор А. В. Завалишин. Это был энергичный и инициативный политработник. Он быстро вошел в коллектив и успешно выполнял свои обязанности.

14 января, к полуночи, в штабе бригады накопилось уже достаточно данных о противнике. Собранные у убитых гитлеровцев документы свидетельствовали, что Городокский узел сопротивления обороняют подразделения 391-го пехотного полка 170-й дивизии противника, усиленного 161-м инженерным батальоном и 240-м велоотрядом.

Противник имел хорошие наблюдательные пункты. Каменные строения 2-го Городка, высокие железнодорожные насыпи с многочисленными тупиками, само здание 8-й ГЭС были приспособлены к круговой обороне, служили прочными укрытиями для всех родов войск. С Городокским узлом сопротивления тесно взаимодействовал и другой узел, опирающийся на высоты южнее Рабочего поселка № 6 и треугольник железных дорог у 8-й ГЭС. Вся оборона врага опиралась на лабиринт оборонительных сооружений с разветвленной сетью ходов сообщений и окопов. Подступы к переднему краю противника прикрывались сплошной завесой огня.

Всеми видами разведки было выявлено 8—10 вражеских артбатарей и до 9 минометных батарей, они выпускали по нашим боевым порядкам до 2 тысяч мин и снарядов в сутки. Даже короткие остановки на позициях требовали немедленного самоокапывания, если не было укрытий. Тот, кто пренебрегал этим, платился своей головой в буквальном смысле этого слова.

Оценив обстановку, я пришел к выводу, что необходимо основательно закрепиться на достигнутом рубеже и тщательно подготовиться к штурму вражеского узла сопротивления.

Командующий армией утвердил мое решение. Вести штурм мы должны были во взаимодействии с 296-м полком 13-й стрелковой дивизии, 220-й отдельной танковой бригадой, 37-м отдельным истребительным противотанковым дивизионом и 799-м артполком 268-й дивизии.

Готовность к штурму определялась к утру 16 января. В первом эшелоне наступали четвертый, третий и первый батальоны, во втором — второй батальон вслед за первым. Удар наносился левым флангом с целью обхода узла с востока.

В течение 15 января на местности, во всех звеньях, было хорошо организовано взаимодействие как внутри подразделений, так и с танками и артиллерией. Полковник И. Б. Шпиллер, как мне помнится, лично довел до танкистов задачи и порядок их выполнения. В каждой стрелковой роте было создано по одной штурмовой группе, куда были включены танки, орудия, саперы и огнеметчики. Свыше 40 орудий прямой наводки были нацелены на заранее разведанные вражеские огневые точки.

В течение 15 января и в ночь на 16 января противник продолжал вести сильный огонь по нашим частям, выпустил свыше 3 тысяч снарядов и мин. Наша артиллерия также действовала очень активно, обеспечивая выдвижение на исходное положение стрелковых и танковых подразделений.

Особенно отличились командир огневого взвода 2-й батареи отдельного артиллерийского дивизиона младший лейтенант С. М. Иготесамов, красноармеец артиллерийский разведчик Б. О. Раджабов, заместитель командира минометного расчета младший сержант В. Т. Доронин, командир орудия младший сержант С. П. Гончаров, командир 1-й минометной батареи младший лейтенант Ф. С. Гуров. Умело разведывая и метко поражая цели, они нанесли большой урон противнику.

16 января после артиллерийской подготовки части бригады с приданными танками перешли в атаку. Продвинувшись на 500 метров, они были остановлены сильным огнем. Стало очевидно, что соотношение сил, осо-

бенно в артиллерии, не обеспечивало овладения Городокским узлом сопротивления.

В боях 16 января многие наши воины проявили высокое мужество, презирая опасности, выполняли боевую задачу. Вновь отличился сержант П. С. Евдокимов. С группой бойцов он ворвался во вражеские окопы, отбил все контратаки. Комсорг второго батальона красноармеец Г. М. Равдо заменил выбывшего командира роты, захватил несколько землянок в районе 2-го Городка.

Парторг артдивизиона сержант С. З. Мокрецов, возглавив разведку третьего стрелкового батальона, смело повел бойцов вперед. Разведчики заняли на северной окраине 2-го Городка здание школы и водрузили над ней красный флаг. Командир орудия сержант К. П. Арзамасцев, действуя в боевых порядках пехоты, уничтожил дзот и группу вражеских автоматчиков, мешавших продвижению наших стрелков.

16 января погиб начальник инженерной службы бригады капитан М. В. Купцов. Под огнем противника он лично руководил закреплением отвоеванных позиций. Память об этом мужественном офицере навсегда сохранили в своих сердцах ветераны нашей бригады.

17 января бригада овладела северо-восточной частью 2-го Городка. Продолжался бой к востоку от него — за рощу «Пальма». Уничтожая врага и продвигаясь вперед, батальоны захватили два орудия, один миномет, продовольственный склад, склад боеприпасов, вещевой склад, три автомашины, два паровоза.

Во время этих боев самоотверженно действовали медицинские работники. Красноармеец шофер медсанроты Д. И. Дубоносов под огнем противника делал по нескольку рейсов в день. Санинструктор батальона автоматчиков Е. И. Храпунова 16 января под сильным огнем врага вынесла с поля боя 26 тяжелораненых воинов. Многим раненым оказали помощь командиры санитарных взводов П. М. Мельник и Н. П. Милюкова.

Не щадя сил трудились врачи и медсестры хирургического отделения медсанроты. Особенно хорошо работали начальник отделения военврач 2-го ранга П. А. Хинченко, военврач 3-го ранга Е. З. Якимовская, военфельдшер Злобина и другие. Медицинская служба бригады за период боев и в январе, а затем и в феврале хорошо справлялась со своими обязанностями.

18 января противник предпринял сильную контратаку пехотой и танками. Она была отражена. Враг потерял два танка, много своих солдат и офицеров, был отброшен на исходные позиции. Особенно умело и храбро действовал в этот день командир батареи старший лейтенант И. Ф. Иванов. Управляя огнем, он уничтожил 15 дзотов, 1 орудие, разбил 4 блиндажа, подавил минометную батарею, подбил танк. В поединок с вражеским танком вступил Д. С. Волошин и выиграл его, подбил из противотанкового ружья бронированную машину. Разведчик-наблюдатель П. Я. Захаров выявил 20 целей и лично уничтожил 5 гитлеровцев. Боец В. С. Витколов разведал 7 целей, вынес в укрытие двух раненых бойцов. Будучи сам ранен, до конца боя оставался в строю.

18 января мы, воины бригады, как и все ленинградцы, торжествовали по случаю прорыва блокады Ленинграда. Все сознавали, что в эту победу вложен и наш ратный труд.

19 и 20 января действия нашей бригады и 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии были поддержаны мощной артиллерийской группировкой, созданной командующим артиллерией фронта. Эта группировка включала 799-й артполк, 541-й гаубично-артполк, отдельный дивизион большой мощности — 203-мм, артиллерию 220-й отдельной танковой бригады, 37-й отдельный истребительный противотанковый дивизион, шесть дивизионов М-30 («катюш»), группу артиллерии дальнего действия 67-й армии и Краснознаменного Балтийского флота.

Наступление 19 и 20 января дало возможность завершить блокирование с востока 2-го Городка и 8-й ГЭС. Однако и на этот раз огневая система противника полностью подавлена не была. 20 января во второй половине дня третий батальон нашей бригады был контратакован противником из района 8-й ГЭС. Здесь при отражении атаки противника отличился командир роты противотанковых ружей Ф. П. Картышев. Он и бойцы его роты обнаружили и уничтожили несколько дзотов, устроенных врагом в насыпи железной дороги.

Смертью героя пал в бою за рощу «Пальма» начальник разведки бригады старший лейтенант М. А. Слюсаренко. Это был двадцатитрехлетний молодой офицер, родом из города Змиева, Харьковской области. Коммунист Слюсаренко с первых дней боев за прорыв блокады успешно организовывал и вел разведку.

21 января противник трижды контратаковал наши позиции. Контратаки сопровождались ожесточенным обстрелом боевых порядков. Соотношение сил на этом участке изменялось в пользу противника. Гитлеровцы усилили свою артиллерийскую группировку. Такая активность врага, естественно, нас настораживала. Высказывалось предположение, что фашистское командование готовится нанести контрудар, восстановить блокаду. Вероятно учитывая это, 21 января командующий 67-й армией приказал нам надежно закрепиться на достигнутом рубеже. 24 января в мое оперативное подчинение был передан 272-й стрелковый полк 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

До 8 февраля 102-я бригада вела огневой бой с противником, сжимая блокаду Городокского узла сопротивления. 8—10 февраля взамен 272-го стрелкового полка в ее состав был влит батальон 11-й бригады, и она готовилась к штурму 2-го Городка и 8-й ГЭС.

Но я в это время по приказанию генерал-полковника Л. А. Говорова вступил в командование 142-й отдельной стрелковой бригадой, заменив раненого полковника Н. А. Кощиенко.

В ночь на 13 февраля эта бригада была сосредоточена в районе леса «Мак», восточнее торфосклада 8-й ГЭС. Командующий армией поставил войскам боевую задачу с утра 15 февраля перейти в наступление с плацдарма у Московской Дубровки, овладеть Городокским узлом сопротивления и 8-й ГЭС.

15 февраля 1943 года после артподготовки войска правого фланга 67-й армии двинулись на врага. Вместе с другими соединениями перешла в наступление и 142-я бригада. Бои в этот день носили с обеих сторон упорный и ожесточенный характер, временами переходили в рукопашные схватки.

15 февраля в 10 часов 30 минут 102-я бригада, которой вместо меня командовал полковник Н. С. Угрюмов, штурмом овладела 2-м Городком, обтекая с востока 8-ю ГЭС. 142-я бригада, преодолевая упорное сопротивление врага, подходила к линии железной дороги северо-восточней торфяного кургана. Таким образом, создавалась угроза явного окружения врага.

Во второй половине дня 16 февраля командир разведроты 142-й бригады Ф. В. Толкушин доложил, что его разведчики видят отходящие из 1-го Городка на юг

мелкие вражеские группы. Я немедленно дал приказание Ф. В. Толкушину соединиться со 138-й бригадой, действовавшей южнее 1-го Городка, а командиру 1-го батальона капитану П. П. Лебедеву во взаимодействии с 138-й бригадой уничтожить противника в 1-м Городке. Командир второго батальона майор А. И. Антропов получил от меня приказание после выхода на южную окраину 1-го Городка развернуться фронтом на юг и наступать на Арбузово.

17 февраля в четвертом часу разведрота и первый батальон 142-й бригады соединились с 138-й бригадой и вели бои по уничтожению противника, пытавшегося отходить на юг. Скоро с воинами 138-й бригады соединились также и воины 102-й бригады.

Таким образом, разгром противника в Городокском узле к утру 17 февраля завершился. Этому способствовало то, что нанесенный 55-й армией удар в районе Красного Бора отвлек с нашего участка фронта часть сил и средств противника. Воины трех стрелковых бригад — 102, 138 и 142-й — своими решительными и смелыми действиями освободили от врага 1-й и 2-й Городки и 8-ю ГЭС. Легендарный «Невский пятачок» был соединен с освобожденной от врага территорией южнее Ладожского озера.

А. П. Иванов

генерал-майор, во время прорыва блокады командир 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии

РАЗВИВАЯ УСПЕХ...

В декабре 1942 года я вступил в командование 123-й ордена Ленина стрелковой дивизией. Перед назначением был принят командующим фронтом генерал-лейтенантом Л. А. Говоровым. Здесь же присутствовал член Военного совета фронта генерал-майор Т. Ф. Штыков. Судя по вопросам, которые интересовали командующего, по его указаниям, можно было сделать вывод, что дивизии предстоит участвовать в крупной наступательной операции. Эта перспектива радовала.

Знакомство с дивизией оставило приятное впечатление. Подразделения оказались хорошо сколоченными. Сказывалось то, что, несмотря на молодость (дивизия отметила лишь третью годовщину своего существования), она уже обладала солидным боевым опытом. За прорыв линии Маннергейма в зимнюю кампанию 1939/40 года она в числе первых соединений Красной Армии была награждена орденом Ленина. К концу 1942 года кадровый состав полков в основном сохранился. Дивизия под командованием полковника Я. А. Паничкина стойко удерживала свою полосу обороны. С октября 1942 года она находилась в резерве фронта. Во взводах, ротах, батальонах шла интенсивная боевая учеба. Отрабатывалась тактика наступательного боя в лесисто-болотистой местности с преодолением водной преграды. Бойцы и командиры отчетливо понимали, что такой характер учебы — предвестник наступления. В дивизии царил высокий моральный подъем. За короткий срок солдатами, сержантами и офицерами было подано 1100 заявлений о приеме в члены партии и 207 заявлений о приеме в комсомол.

К утру 12 января 1943 года дивизия заняла исходные рубежи на правом берегу Невы. Накануне во всех подразделениях был зачитан приказ о начале наступления с целью прорыва блокады Ленинграда. Наступил долгожданный день.

Командующий 67-й армией генерал-майор М. П. Духанов оставил дивизию во втором эшелоне с задачей развить первоначальный успех 136-й и 268-й дивизий, начинавших штурм вражеских позиций.

С КП на правом берегу реки я вместе с начальником штаба и командирами полков наблюдал за действиями 136-й дивизии Н. П. Симоняка и 268-й дивизии С. Н. Борщева. После мощной артиллерийской подготовки штурмовые группы стремительно бросились через Неву. Мы видели, как атакующие подразделения вгрызаются в оборону противника, и с нетерпением ждали своего часа.

Бой закипал и на памятной для меня земле, обильно политой кровью бойцов и командиров 20-й дивизии войск НКВД, которой я командовал во время сражения прошлой зимой на «Невском пятачке».

К исходу первого дня штурма части первого эшелона захватили значительный плацдарм. Наибольших успехов добилась 136-я дивизия, вбившая клин во вражескую оборону.

Противник яростно сопротивлялся. 13 января бой принял исключительно напряженный характер, особенно в полосе наступления 268-й дивизии. Немецко-фашистские подразделения беспрерывно контратаковали при поддержке танков, артиллерии, самоходных орудий. Дивизия сдерживала натиск, но оказалась в трудном положении. Продвижение ее приостановилось.

Утром 14 января позвонил командующий армией.

— Начинайте на фланге сто тридцать шестой, — приказал он. — Удар наносите по войскам, атакующим двести шестьдесят восьмую.

Полки броском преодолели Неву. 255-й полк полковника А. И. Козлова, пройдя через боевые порядки левофланговых подразделений 268-й дивизии, с ходу контратаковал противника. Козлову была поставлена задача в дальнейшем выйти на железнодорожную линию, овладеть Рабочим поселком № 6 и развивать наступление на северо-восточную окраину Синявина.

272-й полк подполковника С. Ф. Даниленко наступал через Марьино на высоту 22,4 с задачей выйти к узкоко-

лейной железной дороге и нанести удар по восточной окраине поселка Синявино.

245-й Краснознаменный полк подполковника Кушеля имел задачу во взаимодействии с 272-м полком наступать на юго-западную окраину Синявина.

К 14 часам дивизия вошла в соприкосновение с противником и начала боевые действия.

Как и следовало ожидать, гитлеровцы, опираясь на сильно укрепленные опорные пункты, пытались приостановить наступление советских войск и сбросить наши подразделения в Неву.

Через два часа позвонил командир 136-й дивизии генерал-майор Н. П. Симоняк. Его беспокоили открытые фланги вклинившихся в оборону противника подразделений, особенно справа, где враг мог попытаться срезать клин и восстановить положение.

Я заверил Симоняка, что прикрою его правый фланг. Эту задачу поставил перед 245-м полком и приданной нам 152-й танковой бригадой подполковника П. И. Пинчука.

Вскоре подполковник Кушель по рации сообщил, что батальон капитана И. Е. Эльтека отбросил противника и продвигается вперед.

— Как у соседа слева? — поинтересовался я.

— Второй батальон установил связь с правофланговым полком сто тридцать шестой, — ответил Кушель.

Я поблагодарил его за успешные действия и предупредил:

— Не давайте контратаковать Симоняка.

С каждым часом противодействие врага нарастало. Наши подразделения продвигались медленно. Гитлеровцев приходилось буквально выковыривать из каждого опорного пункта, каждой траншеи. Со всех участков поступали донесения о непрерывных вражеских контратаках, часто поддерживаемых танками.

Надо сказать, что связь действовала безотказно. Связисты проявляли бесстрашие и подлинный героизм. Во время одной из контратак противника нарушилась связь между минометной батареей 245-го полка и стрелковыми батальонами. На исправление линии вышла семнадцатилетняя ленинградская комсомолка Люба Козлова. Она попала под огонь фашистских автоматчиков. Смертельно раненная, истекающая кровью, отважная связистка

собрала последние силы и срастила кабель. Ее нашли мертвой с зажатым в руках проводом.

Рядовой Вагиз Бельдинов в течение суток более десяти раз под огнем противника восстанавливал связь между штабом и батальонами 272-го полка.

Отважные действия связистов и хорошую организацию связи отметил командующий фронтом Л. А. Говоров. Прибыв утром 16 января на командный пункт дивизии и убедившись, что связь обеспечивает оперативное управление боем, он объявил благодарность начальнику связи дивизии подполковнику В. И. Салину и тут же наградил его орденом Красного Знамени.

Сопротивление врага не ослабевало. На помощь потрепанной в первые дни боев 170-й дивизии гитлеровцев немецкое командование бросило в бой на нашем участке фронта свежую 96-ю пехотную дивизию. Контратаки противника следовали одна за другой.

Я вызвал по рации командира 272-го полка подполковника С. Ф. Даниленко. Он доложил, что под воздействием усилившегося огня противника бойцы залегли, на правом фланге полк отражает ожесточенную атаку и несет потери.

Чтобы ослабить натиск гитлеровцев, я ввел в бой школу сержантского состава, находившуюся в резерве. Курсанты под командованием начальника школы майора И. Г. Губанова стремительным ударом отбросили контратакующего врага.

Много мужества, отваги и героизма в сочетании с воинским мастерством проявляли артиллеристы. Подразделения 495-го артиллерийского полка полковника А. А. Розанова следовали в боевых порядках пехоты, прямой наводкой громили фашистские укрепления, преграждали путь контратакующим цепям противника.

Отличился парторг дивизиона младший лейтенант Антонов. Вражеским огнем был выведен из строя весь орудийный расчет. Антонов сам встал к орудию и подбил танк. Продолжая вести огонь, он уничтожил две огневые точки противника.

15 января в бой был введен отдельный пулеметный батальон старшего лейтенанта Д. Н. Безнощенко, имевший в своем составе три пулеметные роты и одну роту противотанковых ружей. Пулеметчики и бронебойщики были приданы стрелковым полкам и своим огнем поддерживали атакующие подразделения, преграждали путь

пехоте и танкам противника, пытавшимся вернуть утраченные позиции.

Отважно действовали бронебойщики взвода лейтенанта С. А. Ботина. Вместе с третьим батальоном 245-го полка взвод отразил две сильные контратаки противника, поддержанные танками. Лейтенант Ботин был ранен, но не покинул поля боя. Бронебойщики удерживали рубеж, пока не подошло подкрепление.

Поддерживая потом первый батальон 272-го полка, взвод Ботина принял на себя основную тяжесть борьбы с танками. Несколько танковых атак было отбито, но и взвод понес значительные потери. Оставшаяся небольшая группа бойцов во главе с командиром все же не позволила вражеским танкам прорваться на этом направлении.

Метко разили врага бронебойщики под командованием Героя Советского Союза К. Г. Матузова. Сам Матузов, раненный, продолжал руководить подразделением.

16 января напряжение боя не спадало. Сопротивление гитлеровцев стало еще более ожесточенным. Командир 255-го полка полковник А. И. Козлов донес, что противник встречает наши атакующие цепи ураганным огнем. Я приказал выдвинуть на участок полка одну из пулеметных рот. Пулеметчики подавили несколько вражеских огневых точек.

Командир пятой роты старший лейтенант Г. А. Заика с возгласом «За мной, вперед!» поднял роту и весь батальон. Стремительной атакой враг был отброшен, при этом уничтожено до роты фашистских солдат. В рукопашной схватке Заика сам истребил несколько фашистов.

Противник предпринял сильную контратаку на рубеже правофлангового батальона 245-го полка и первой пулеметной роты. Фашистские автоматчики под прикрытием минометного огня настойчиво пытались продвинуться вперед. Стрелки во взаимодействии с пулеметчиками отбросили гитлеровцев на исходные рубежи.

На третий день сопротивление противника было сломлено. 16 января к исходу дня первоначальная задача, поставленная полкам, была выполнена. Продвинувшись вперед, мы надежно прикрыли правый фланг 136-й стрелковой дивизии генерала Н. П. Симоняка.

17 января наступление продолжалось. В 11 часов утра ко мне явился начальник разведки дивизии и доложил:

— Юго-восточнее станции Подгорная противник концентрирует большие силы пехоты, танков и артиллерии.

Фашистское командование явно намеревалось ударить по правому флангу 136-й дивизии и лишить ее возможности соединиться с войсками Волховского фронта. Чтобы не допустить этого, я направил против вражеской группировки 245-й полк, артиллерийский дивизион, минометы крупного калибра и поддерживающий нас батальон 152-й танковой бригады. Эти подразделения успешно справились с поставленной задачей. Группировка противника была разгромлена, замысел его был сорван.

Сражение не затихало и на других участках дивизии. Вновь отличился старший лейтенант Г. А. Заика. Дерзкой атакой бойцы выбили гитлеровцев с сильно укрепленных позиций и овладели дорогой Синявино — 8-я ГЭС. В тот же день рота отразила семь контратак и уничтожила восемь фашистских танков.

Затем рота во главе со своим командиром внезапной атакой ворвалась в траншеи противника и овладела опорным пунктом. Сам Заика вновь участвовал в рукопашной схватке и уничтожил несколько фашистов.

За героические действия в этих боях Григорию Андреевичу Заике было присвоено звание Героя Советского Союза.

К концу дня наши части вышли на линию Рабочий поселок № 6 — треугольник железных дорог.

18 января блокада Ленинграда была прорвана, войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились.

В ночь на 19 января 123-я дивизия по приказу командующего армией передала свои боевые участки 13-й стрелковой дивизии полковника В. П. Якутовича и вышла из боя — за исключением 272-го полка: он был направлен в помощь 102-й бригаде полковника А. В. Батлука, перед которой была поставлена задача уничтожить фашистские войска, засевшие в 8-й ГЭС.

В. П. Шевцов

во время прорыва блокады телефонист 947-го полка 268-й стрелковой дивизии

СВЯЗЬ ДЕЙСТВОВАЛА БЕЗОТКАЗНО...

Дежурный офицер Красногвардейского райвоенкомата вручил нам, шестерым новобранцам, пакет с адресом запасного полка, а военком сурово, но по-доброму напутствовал:

— Помните, вы представители революционной Выборгской стороны. Это большая честь.

Итак, я, чудом выживший дистрофик, познавший вкус 250 граммов блокадного хлеба, переступил порог солдатской казармы.

Шел август 1942 года. Вручив предписание дежурному по части, получаю назначение в маршевую роту. По сей день помню первый солдатский обед. Он состоял из щей, заваренных зеленым капустным листом, порции селедки с гороховым гарниром и куска хлеба. Ничего вкуснее, казалось мне, я в своей жизни не ел...

И вот наступил день 4 сентября. Под звуки духового оркестра наша маршевая рота покинула стены Московских казарм, держа путь к Финляндскому вокзалу. Проходили мимо улицы Комсомола, там, дальше, мой родной завод, дом. Вспомнилась дочурка... Она умерла от голода в лютую блокадную зиму. От истощения скончался и мой друг Дмитрий Григорьевич Петров. Какой был человек, щедрый, добрый, настоящий коммунист. Себя для других никогда не жалел. И меня поддержал в самые трудные дни блокады...

А теперь я, боец Ленинградского фронта, буду мстить фашистам за смерть близких людей, за страдания моего родного города.

Все казалось, что поезд идет слишком медленно. «Быстрее, быстрее, быстрее!» — повторял про себя под стук колес.

Наконец высадились в Колтушах. Сразу же меня зачислили во взвод связи первого стрелкового батальона 497-го полка 268-й дивизии. В первый же день мы совершили учебный 30-километровый ночной бросок. Дальше потянулись дни напряженной подготовки к будущим боям, которых я ждал с таким нетерпением. Думал даже, что напрасно все это — учения, подготовка, была бы злость против фашистов, остальное приложится. Лишь позднее, уже на фронте, понял я, что, не научившись воевать, нельзя победить в бою. Метко бросать бутылки с противотанковой жидкостью, быстро окапываться, не бояться идти за огневым валом артиллерийских разрывов — все это потом очень пригодилось.

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября. 2 ноября, сверкая начищенным оружием, батальон выстроился для встречи делегации ленинградцев во главе с председателем Ленсовета П. С. Попковым. В торжественной тишине слушали мы выступления старых рабочих, участников обороны Красного Питера. Это были волнующие минуты. Тут же, перед историческим знаменем Всероссийского съезда Советов, которым был награжден рабочий класс Петрограда в 1919 году, мы дали клятву изгнать врага со священной нашей земли...

Прошли взводные, ротные, батальонные, полковые, а затем дивизионные учения. Приближался 1943 год. Настроение у солдат было приподнятое, предчувствие близости боевых действий еще крепче сплотило нас. Со дня на день ждали мы приказа.

И вот в один из январских вечеров, когда взвод после вечерней поверки готовился к отбою, неожиданно раздался голос старшины:

— Взвод связи, выходи строиться!

Коротки солдатские передышки. Даже сейчас, когда слышу слово «пехота», всегда вспоминаю солдата тех военных лет. В период маршей пулеметы, минометы, противотанковые ружья переносились на плечах и спинах солдат. Нам, связистам, тоже нелегко было: две катушки кабеля, телефонный аппарат, винтовка, гранаты, патроны, не считая, конечно, вещмешка с «НЗ».

Быстро собрана и упакована материальная часть: кабельные катушки, телефонные аппараты, радиостанция

РБС. Последовала команда «шагом марш», и мы двинулись. Приказ не курить и громко не разговаривать означал, что передовая линия уже где-то поблизости. Дорога вела нас в глубь леса, к невским берегам.

Как только мы прибыли на исходные позиции, с нами провели беседы о предстоящих боях, об их значении для всего Ленинградского фронта. Отсюда, с правого берега Невы, батальону предстояло форсировать реку по льду. Все было заранее продумано до мелочей. Даже с близкого расстояния в сумерках трудно было обнаружить орудия, пулеметы, минометы, выкрашенные для маскировки в белый цвет. Да и сами мы в своих маскировочных халатах сливались со снежным покровом берега.

Еще раз ощупал вещмешок с нехитрым солдатским грузом — санитарным пакетом, сухим пайком «НЗ», состоящим из 200 граммов шпика и нескольких сухарей. Вслушиваясь в тишину ночи, уловил приглушенный голос батальонного санинструктора, который давал последние наставления своим помощникам-санитарам:

— Солдат должен быть уверен, что в бою в случае ранения ему сразу же будет оказана санитарная помощь.

Теперь и мы, связисты, принялись за свою работу, стали наводить проволочную телефонную связь от КП комбата к ротам. Бурыкин и Гречко прокладывали провода к первой роте, Баймаков и Григорьев — ко второй, Григорьев и Симаков — к третьей, Котов и Гичкис — к пулеметной, а я вместе с Яковлевым налаживал связь с минометной батареей. Передо мной была поставлена задача во время артиллерийской подготовки и при форсировании Невы находиться на КП комбата и обеспечивать его связью с минометной батареей.

В ночь с 11 на 12 января 1943 года солдаты батальона в белых маскировочных халатах стали заполнять траншеи переднего края на правом берегу Невы. КП батальона находился на обрыве, откуда хорошо просматривался ледяной простор Невы и крутизна левого берега.

Наступил рассвет. Я ни на минуту не отрывал от уха телефонную трубку, проверяя, не прервалась ли связь с минометной батареей.

Молчал левый берег, окутанный мрачной, загадочной тишиной. Каким он казался неприступным. А задача батальона как раз и заключалась в том, чтобы выбить фашистов из траншей, подавить огневые точки, а потом двигаться вперед.

В воздух взвились три ракеты. Это был сигнал к началу артиллерийской подготовки. Комбат Сошников отдал приказ минометной батарее открыть огонь по переднему краю противника. Уже через несколько минут получаю сообщение по телефону, что в минометной батарее есть убитые и раненые, часть стволов выведена из строя. Передаю приказ комбата вести огонь.

Земля колышется под ногами, как при землетрясении. И вдруг телефон мой замолчал, — первый обрыв на линии. Необходимо немедленно восстановить связь.

Провод проложен по дну траншеи, только наметанным глазом связиста отличаю свою нитку среди множества других. Вокруг рвутся снаряды, вижу рядом убитых, раненых. Нахожу обрыв, скрепляю провода.

И снова в небо взвиваются ракеты. Атака! На лед летят дымовые шашки. Батальон устремляется вперед. Но с водонапорной башни 8-й ГЭС открыли огонь вражеские пулеметы. Атака остановлена. Шквальным огнем роты прижаты ко льду.

Но приказ есть приказ — батальон должен форсировать Неву. Левый наш сосед уже выбрался на левый берег.

Комбат Сошников громко крикнул:

— Коммунисты! Комсомольцы! Вперед!

Бежать по льду мне было тяжело, — одна катушка за спиной, другая в руке. Шинель, ватные брюки и валенки тоже затрудняют бег. Но все это ничего, беспокоит мысль — хватит ли кабеля и не отстать бы от комбата.

Над головой противно завывают вражеские мины. Одна из них разорвалась где-то рядом, обдав меня фонтаном ледяных брызг.

Запыхавшийся, достигаю левого берега и в изнеможении падаю. Ледяная ширь Невы преодолена! Комбат рядом. Он предупреждает, что надо быть осторожными, так как берег минирован.

На левый берег сразу же, как только батальон закрепился, стали присылать боепитание, патроны, гранаты. А вот уже и подоспели подносчики пищи с термосами. Набираю, конечно, полный котелок каши и подкрепляюсь вместе со своим напарником связистом Бурыкиным. Что-что, а аппетит после блокады у меня ни при каких обстоятельствах не пропадает...

Закрепившись во вражеских траншеях, наш батальон отбивал одну за другой фашистские контратаки, гитле-

ровцы пытались сбросить нас на лед реки. Но ничего у них не получилось.

Запомнился такой эпизод. Я был в расположении левофланговой роты. Связь работала нормально и хлопот мне особенных не доставляла. Вдруг получаю приказ прибыть с напарником на КП батальона. Берем две катушки кабеля, телефонный аппарат и направляемся к береговым траншеям, на пересечении которых располагался КП. Комбат подводит меня к маленькому окошку блиндажа и говорит:

— Видишь тот отдаленный деревянный домик? Там наша пульрота. Вот туда надо протянуть связь. И пусть сразу же командир роты по телефону доложит мне обстановку.

По-пластунски, а где перебежками, пробираемся к цели. За плечами катушка и телефонный аппарат. Самое трудное — проскочить широкую лесную просеку, которая простреливается вражеским огнем.

Мне с напарником повезло. Мы вроде как сквозь игольное ушко пролезли.

Установили в домике телефон. Командир пульроты доложил комбату обстановку, уточнил ориентиры для ведения огня и попросил срочно подбросить боеприпасы.

После семидневных боев, которые, как известно, завершились прорывом блокады Ленинграда, наш батальон был выведен на правый берег Невы для отдыха и пополнения. Потом были новые бои.

Александр Прокофьев

ЗА ЛЕНИНГРАД

Вперед, вперед! Священной мести право
Пусть утверждает наше торжество!
За Ленинград! За город русской славы,
За жизнь и честь народа моего!

Над нами стяг, горящий кровью красной,
Пред нами вечный город над Невой,
За Ленинград — великий и прекрасный —
Настал наш час расплаты боевой.

Врагам не жить! Им нет от нас прощенья,
Вся наша доблесть требует того —
Не дать спастись, не дать уйти от мщенья,
Не дать им, кроме смерти, ничего.

Настал наш час, и в мужестве суровом
Идем, сметая тысячи преград, —
Бойцами командира Полякова[1]
Уже гордится славный Ленинград.

Святая месть ведет нас в бой кровавый,
Так победим, товарищи, в бою.
За Ленинград, за город русской славы,
И за Россию — родину свою!

12 января 1943 г.

---

[1] Поляков Н. А. — командир 327-й дивизии, взявшей рощу «Круглая».

МЫ ИДЕМ!

Перед нами светлый город Ленина,
За него бои сейчас ведем,
И к нему мы твердо и уверенно,
Смело и решительно идем!

Разгромим фашистскую блокаду,
В землю вгоним немца и сметем!
Час придет. Герои Ленинграда
Встретят нас, как братьев.
Мы идем!

14 января 1943 г.

РЕЙТЕ, КРАСНЫЕ ФЛАГИ!

Вот и встретились братья,
Стало небо алей,
Если крепче объятья,
Если радость светлей!

Знает город прекрасный,
Что на грозном пути
Лучше нашего братства
Нам нигде не найти.

Здесь гроза бушевала,
Здесь лилась за любовь
Благородная алая
И священная кровь.

Рейте, красные флаги,
Над свободной Невой.
Здравствуй, полный отваги,
Ленинград боевой!

18 января 1943 г.

Илья Авраменко

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Над нами смерть, как сон, витала,
нас окружал четыре дня
поток ревущего металла,
циклон разящего огня.
И даже не было в сторонке
клочка нетронутой земли,
кругом воронка на воронке —
мы только в них дышать могли.
И все же, все же — прямо с ходу
на лед всклокоченной реки,
то там, то здесь взметая воду,
бросались молча смельчаки.
За нами город был...
Едва ли
ты в нем представишь наяву,
как левый берег штурмовали
бойцы, форсировав Неву;
как по траншеям, по оврагам,
сметая к черту блиндажи,
вперед стремились шаг за шагом —
и закрепляли рубежи;
как били насмерть супостата
без передышки до утра,
как в роще «Ландыш» до заката
гремело русское «ур-ра-а», —
как то, что грезилось ночами, —
вдруг увенчалось торжеством:
нас увидали волховчане —
друзья — в дыму пороховом.

Как мы рванулись им навстречу!
Как был нелегким тот прыжок!
И как покрыл нам дружно плечи
январской свежести снежок!
Как стало вкруг все белым, белым!..
Но тут уж сон сломил меня —
и в снег на поле поседелом
я рухнул всем уставшим телом, —
ведь я не спал четыре дня!

1943 г.

ТУТ ЛЕС БЫЛ...

Налево лощина, а рядом — направо,
где мимо траншеи бежит переправа, —
на темном бугре выступают из мглы
расщепленных сосен немые стволы.
Им ветер с Невы не погладит вершин,
он мимо, грустя, прошумит стороной —
весенним теплом не обдаст из лощины
и с Ладоги — стужей зимы ледяной.
Высокий-высокий, ветвями звенящий,
тут лес подымался у края волны,
был запах земли в нем грибной, настоящий,
в нем чащи укромные были темны.
Вдыхая просторы, он крон горделивых
не гнул под ударами северных пург,
что шли, подымая снега, от залива
в края олонецкие — за Шлиссельбург.
Но время, гремя, пронеслось грозовое,
и пеплом печальным осыпалась хвоя —
она сметена орудийным огнем...
Тут лес был, товарищи! Вспомним о нем!
Пройдет череда этих лет беспокойных —
и в песнях, и в жизни, и в зеркале вод,
в одеждах шумящих, весенних и хвойных,
он заново здесь, молодой, оживет.

1943 г.

А. И. Рискин

старший лейтенант, во время прорыва блокады военный корреспондент «Ленинградской правды»

ДАВЫДОВЫ С КИРОВСКОГО

Как и все защитники Ленинграда, бойцы 91-й полевой танкоремонтной базы с великим нетерпением ждали наступления наших войск и неустанным трудом своим торопили его приближение. Когда личному составу этого подразделения было приказано вместе со всей материальной частью передислоцироваться сначала в район Колтушей, а затем поближе к будущей Марьинской переправе через Неву, командир взвода Давыдов понял, что дела предстоят серьезные. Что ж, этого он и желал всем сердцем.

Начальник базы, выпускник военной академии Красавин, предложил Давыдову, своему энергичному помощнику, опытному производственнику, отправиться на родной Кировский завод. Требовалось основательно пополнить имущество базовых летучек.

Михаилу Давыдову не пришлось уговаривать старых своих друзей действовать по возможности быстро. Это были люди преклонных лет, ослабевшие и еще более постаревшие после страшной зимы сорок первого — сорок второго года. Однако, несмотря на холод, голод, бомбежки и обстрелы, они сутками не покидали своих рабочих мест. Узнав о нуждах базы, созданной на заводе в начале войны, охотно согласились помочь.

С набором инструментов и деталей, в сопровождении таких замечательных мастеров своего дела, как бригадир слесарей Федор Цаплин из опытного цеха завода, Давыдов отправился по танковым частям, которые готовились к решающему броску.

Работа была привычная. Запускали моторы, заставляя их действовать на разных оборотах, и молча прослуши-

вали, прикладывая к уху открытую ладонь, проверяли рычаги управления и тяги, прокручивали вперед и назад катки с гусеницами. Подлезали под брюхо машин и забирались через верхние люки внутрь. Прощупывали каждый шов.

— Готов к бою! — заключал Давыдов, вытирая ветошью руки, после того как вместе с помощниками и при участии самого экипажа заканчивал профилактику очередной машины.

И наступили дни, когда загремели бои, слава о которых не смолкнет, не померкнет никогда. Как только танки переправились на левый берег, вслед за ними двинулись вперед и летучки ремонтной базы.

Гитлеровцы продолжали обстреливать переправу. Фургоны Давыдова уже подошли к противоположному берегу, но вражеский снаряд ударил по машине, в которой находился Федор Цаплин, и пробил лед под ее колесами. Машина начала быстро погружаться в воду. Когда Цаплина вытащили из кабины, он был уже мертв.

Товарищи перенесли погибшего бригадира на берег, только что отбитый у фашистов, и тут же в одной из воронок похоронили, поставив на могиле вместо обелиска пробитую осколками кабину его машины.

Это была уже не первая потеря во взводе Давыдова. Еще в начале войны, когда база дислоцировалась на территории сада «Спартак» в Невском районе, осколком вражеского снаряда был сражен Володя Клопов, стахановец 2-го механического цеха завода, любимец всего коллектива базы, один из самых молодых ее бойцов.

С полным напряжением сил шла служба воинов — тружеников этого особого подразделения. И как в любом ленинградском производственном коллективе, здесь искали и находили возможности быстро, в самые сжатые сроки вводить поврежденную боевую технику в строй.

Даже списанные, отработавшие свое, боевые машины превращались в тягачи, чьи мощность и маневренность, необходимые при выполнении ими новых функций, увеличивались после снятия орудийных башен. Ремонтники решили также прорезывать в одной из боковых стенок тягача специальные окна.

Дело в том, что выбраться из подобного тягача через нижний люк, особенно на болоте, когда машина может увязнуть в грунте, удавалось не всегда. Как же под вражеским огнем взять на буксир подбитый танк? Вылезти

из тягача наверх и стать легкой мишенью для противника? Вот и придумали: тягач одним бортом поворачивается так, чтобы своей броней уберечь от вражеского огня рабочего, пролезающего через окно с другого борта.

А танк, выполнявший роль подъемного крана? Его тоже создали новаторы ремонтной базы. С помощью обычных талей, которыми были снабжены летучки, невозможно было при необходимости снять с танка орудийную башню — слишком тяжела. В подобных случаях приходилось отправлять машину для ремонта на завод. А с помощью мощного мотора машины, тоже отработавшей свое, но специально оборудованной, можно было без затруднений снимать башни и в полевых условиях. И это во много раз ускорило ремонт танков, возвращения в строй которых с нетерпением ждали наши танкисты.

А танк-мост? Это была уже в полном смысле боевая единица, непосредственно участвовавшая в наступательных операциях. Он своим ходом спускался в ров, который по идее призван был служить препятствием на пути продвижения танков, и, что называется, своим горбом обеспечивал быструю переправу нашей техники. Танк, замыкавший колонну, тросом вытаскивал «мост» наверх, и тот снова спешил вперед, чтобы успеть быстрее пропустить наши машины через следующий ров или овраг...

Много смекалки проявляли ремонтники. И очень часто тон в их поисках задавал Михаил Давыдов, второй раз в своей жизни вставший на защиту великих завоеваний Октября.

* * *

Михаил надел красноармейскую форму в конце гражданской войны, когда ему пошел шестнадцатый. Был он сыном полка, а точнее, школы, в которой готовили будущих специалистов танковых частей. Наставниками Михаила оказались старые искусные мастера, увидевшие в нем талант.

Рано потерявший отца, питерского рабочего, Михаил унаследовал от него страсть к изучению разных хитроумных машин и механизмов, однако сумел глубже разобраться и во многом другом, куда более важном. Старший Давыдов, хотя и участвовал до революции во всех забастовках, остался беспартийным, а младший в памятный год Ленинского призыва стал большевиком...

Герой Советского Союза связист 270-го стрелкового полка ефрейтор Д. С. Молодцов.

Герой Советского Союза командир взвода 342-го полка старшина И. А. Лапшов.

Герой Советского Союза летчик 123-го истребительного авиационного полка старший лейтенант В. Н. Харитонов.

Сборка орудий на одном из ленинградских заводов.

Герой Советского Союза штурман эскадрильи 34-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка майор Ф. С. Юрченко.

Боевой приказ получен, и танк с десантом автоматчиков двинулся к переднему краю.

Ремонт танка в полевых условиях.

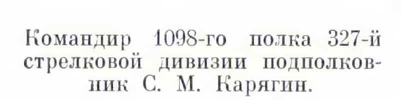

Артиллеристы на огневой позиции.

Герой Советского Союза командир 15-го гвардейского штурмового авиационного полка майор Н. И. Свитенко.

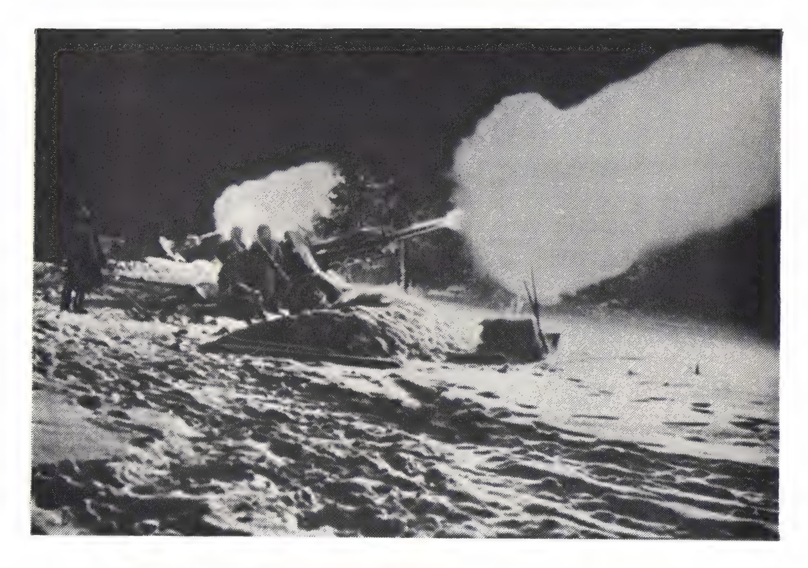
Командир 1098-го полка 327-й стрелковой дивизии подполковник С. М. Карягин.

Командир 330-го полка 86-й стрелковой дивизии полковник Г. И. Середин.

Герой Советского Союза командир эскадрильи 29-го гвардейского истребительного авиационного полка капитан Н. А. Зеленов.

Артиллерия подавляет огневые точки противника.

Трофейные орудия.

Герой Советского Союза заместитель командира 29-го гвардейского истребительного авиационного полка П. А. Пилютов.

Герой Советского Союза командир роты 123-й стрелковой дивизии старший лейтенант Г. И. Заика.

Герой Советского Союза командир танка 61-й легкотанковой бригады лейтенант Д. И. Осатюк.

Герой Советского Союза механик-водитель 61-й легкотанковой бригады старшина И. М. Макаренков.

Блокада прорвана! Встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов.

Служба регулирования действует безотказно.

Герой Советского Союза автоматчик 270-го полка 136-й стрелковой дивизии младший сержант Т. Е. Пирогов.

Огневой бой продолжается.

Бойцы 86-й стрелковой дивизии выбивают гитлеровцев из корпусов Шлиссельбургской ситценабивной фабрики.

Связисты прокладывают телефонную линию.

По мосту через Неву к Ленинграду

идет железнодорожный состав.

На улице освобожденного Шлиссельбурга.

Из Ленинграда на Большую землю уходит первый поезд.

В тех военных мастерских Михаил застал еще огромные и неуклюжие трофейные танки «остины», «тейлоры», «рикардо» и изучил их досконально. Производство советских танков только начиналось, главное внимание было направлено на всемерное увеличение выпуска тракторов, и потому Давыдов, поступивший после увольнения из армии в запас на «Красный Путиловец», попал именно в тракторный цех.

Однако та самая подробность в послужном списке Михаила Яковлевича — знание особенностей конструкций танков иностранных марок — и послужила, возможно, поводом для вызова его к высокому военному начальству в дни боев за прорыв блокады и отражения вражеских контратак.

В болотах у Синявинских высот застрял подбитый фашистский танк «тигр». Он считался тогда еще новинкой, и потому понятен был особый интерес к нему со стороны нашего командования. Между тем все попытки обнаружить в машине ее технический паспорт, предпринятые после того, как появилась наконец возможность подобраться к ней, не дали никаких результатов. Видимо, он был основательно запрятан, но не исключалось, что его просто не существовало.

— Попробуйте отыскать, товарищ Давыдов, авось именно вам повезет, — предложил вызвавший его генерал.

Надо ли объяснять, что с такой задачей командир ремонтного взвода встретился впервые. Никакого опыта на сей счет он, разумеется, не имел. И все же, раз нужно найти паспорт, Давыдов готов был разобрать машину до последнего болта.

Вооружившись инструментом, он залез в танк, начав простукивать, ощупывать каждую деталь. И вскоре логическим путем пришел к выводу, что надо начисто разобрать каркас и все элементы сиденья, вытащить одну за другой находившиеся под ним подобия панелей с пустотами. Так он и сделал. В одной из панелей Михаил Яковлевич обнаружил бутылку французского вина, а где-то в глубине, на самом дне сиденья, увидел целехонький паспорт.

* * *

В районе Синявина продолжались ожесточенные бои, когда Михаил Яковлевич узнал, что за участие в прорыве блокады и, как с полным основанием писалось тогда

в указах, за проявленные при этом доблесть и мужество его в числе других наградили орденом Отечественной войны — третьим в его жизни орденом.

Вторым была Красная Звезда, полученная еще зимой 1942 года. А первым — орден Ленина, врученный ровно за десять лет до памятного ныне всем дня 18 января 1943-го.

Его порядковый номер — 138...

Тогда Кировский завод, называвшийся еще «Красным Путиловцем», досрочно выполнил первую пятилетку и сумел отправить на поля молодых, только что родившихся колхозов десятки тысяч «фордзонов». Была решена задача необыкновенной трудности и поистине исторического значения. Она потребовала максимального напряжения сил. Штурмовые дни сменялись штурмовыми ночами, рабочие и инженеры сутками не покидали цехов.

Для молодого слесаря-сборщика Давыдова первые годы первой пятилетки стали экзаменом на звание мастера. Он должен был требовать и, главное, показывать личный пример, работая наравне со всеми. Так он понимал свою задачу.

Михаил Яковлевич как-то показал мне чудом сохранившийся номер заводской многотиражки, в котором молодому мастеру Давыдову посвящена целая поэма. Рассказывается в поэме о том, как он предотвратил, казалось, неминуемую остановку конвейера. Обнаружив ночью нехватку чашек диффера на участке сборки тракторных корпусов, которым руководил, Давыдов побежал в другую мастерскую, стал за бездействовавший сверловочный станок и, хотя прежде не управлял им, сумел выдать к утру столько деталей, что пожилой, опытный рабочий, сменивший его, оказался задетым за живое и решил дать еще больше. Давыдову этого только и требовалось. В этой поэме несколько раз упоминается прозвище «вихрастый», которым его тогда любовно нарекли товарищи, имея в виду не столько внешние признаки, сколько по-хорошему упрямый, напористый характер своего мастера.

Сколько в его биографии было таких дней и ночей! Забытых и памятных, из которых, собственно, складывается человеческая жизнь.

В домашней библиотеке Давыдова «Поднятая целина» принадлежит, разумеется, к числу самых читаемых книг. Наверное, еще и потому, что жизнь Михаила Яковлевича до какого-то периода казалась слепком с жизни его зна-

менитого однофамильца и, возможно, одногодка — шолоховского Давыдова, пусть в прошлом не солдата, а матроса, но тоже путиловского рабочего. Тем более что и Михаил Яковлевич в тридцатых годах вызвался ехать по партийной мобилизации на работу в деревню, в МТС, благо знал сельскохозяйственную технику до тонкостей.

Тогда Михаила Яковлевича направили на торфоразработки, в Назию, налаживать ее хозяйство.

Ленинградские электростанции снабжались в то время в основном торфом — он был для них поистине хлебом насущным. И Михаил Давыдов старался работать так, чтобы этого «хлеба» поступало достаточно.

Незадолго до войны Давыдов вернулся на завод, работал мастером.

Когда началась война, Давыдова в армию не взяли, хотя он вместе со всеми уже в первый день отправился в районный военкомат. Ему ответили «ждите» и приказали вернуться в цех.

Чем тревожнее становилось положение на фронте, тем больше угнетало Давыдова его кажущееся бездействие, хотя на заводе он трудился теперь за двоих или троих.

Вспоминаются июльские дни, когда в Ленинграде формировались дивизии народного ополчения. Задание редакции привело меня на Кировский завод, и я увидел там тысячи человек в очередях за оружием. Молча и быстро уже обмундированные добровольцы по спискам, лежавшим на штабелях только что распакованных ящиков, получали винтовки, пулеметы, обоймы и ленты патронов, сразу же выстраивались во взводы и роты. Давыдова включили в состав одной ремонтной базы, которая была сформирована из рабочих-кировцев.

* * *

Ремонтная база располагалась сначала близ железнодорожной станции Павловск, где ее засекла вражеская артиллерия. Ремонтники переместились к Орловским воротам Екатерининского парка в Пушкине, а оттуда вместе с нашими боевыми частями отошли назад, выбрав для стоянки помещения совхоза «Шушары» у Пулкова. Но и там обосновались ненадолго. Сад «Спартак» в Невском районе стал очередным местом их дислокации...

И всякий раз приходилось за считанные часы сворачивать налаженное, притом весьма сложное и многооб-

разное, хозяйство. Правда, люди многому научились в первые же месяцы обороны города. Взвод Давыдова продолжал трудиться денно и нощно, возвращая к жизни израненные боевые машины. Когда надо было, их ремонтировали и при свете замаскированных автомобильных фар. Детали и узлы сваривали прямо в поле, под брезентовой палаткой.

Шла первая блокадная зима. Всех донимала цинга — невыносимо ломило в суставах. Люди опухали, слабели на полуголодном пайке. Самая простая операция, вроде завинчивания гайки, требовала нечеловеческих усилий, но выполнялась, что называется, до отказа. Так, чтобы никакой, даже самый строгий ОТК, сидевший в каждом бойце ремонтной базы, не смог ни к чему придраться.

Но стоило после долгой вахты прилечь отдохнуть, как подняться потом с койки казалось уже невмоготу. «Ребята, заведите меня!» — просил Давыдов своих более молодых помощников, словно речь шла о моторе, у которого сели аккумуляторы. И, тогда живой еще, Володя Клопов и кто-нибудь из товарищей подхватывали Михаила Яковлевича под локти и минуту-другую прогуливали, пока непослушные ноги Давыдова не приходили в норму и не начинали переступать по земле сами.

Во время одной из боевых операций в районе Колпино Михаила Яковлевича ранило, и он попал в госпиталь. Там его навещала мать. Давыдов к ее приходу старался сэкономить что-нибудь из своего скудного пайка. Но она никогда не ела при нем, несмотря на все его уговоры, а завязывала угощение в платок, чтобы дома — Михаил Яковлевич понимал ее — разделить по кусочку с родственницами, проживавшими в той же квартире.

В очередной впускной день она не пришла. Выйдя из госпиталя, Давыдов узнал, что мать умерла. Он получил увольнительную — единственную за всю войну, пришел домой, обернул покойницу в простыню и на детских саночках отвез на кладбище, где ее опустили в братскую могилу — одну из тех, к которым приезжают теперь поклониться люди со всех концов земного шара.

* * *

Однажды на базу своим ходом прибыл КВ с пробитым топливным баком. Машина была выведена из боя, напряжение которого продолжало нарастать, о чем сви-

детельствовали сполохи огня над горизонтом. Танкисты, усталые, потные, выбрались наружу, молча показывали ремонтникам, куда именно угодил вражеский снаряд. И становилось все более ясным, что надо снимать башню. Дело, значит, предстояло долгое, капитальное.

Давыдов залез в машину и тщательно прощупал повреждения. Решение созрело сразу и сразу же претворилось в действие. Раздумывать было попросту некогда — Давыдов прекрасно понимал, что машину ждали там, в бою.

Михаил Яковлевич подозвал своего старого товарища Александра Косарева, одного из лучших, искуснейших заводских автогенщиков-сварщиков. И они сразу без лишних слов поняли друг друга. «Только строго добровольно», — предупредил Давыдов. «А как же иначе? Добровольно», — подтвердил Косарев.

Башню решили не снимать. В поврежденный бак, выбрав из него горючее, закачали до самой пробки воду, другие баки оставили полными, чтобы предотвратить возможный взрыв паров при повышении температуры, если бы в этих баках сохранились пустоты, и всем, в том числе экипажу танка, предложили отойти на почтительное расстояние. Завернувшись в асбестовую ткань, Косарев и Давыдов (в данном случае как помощник сварщика) забрались в машину и вскоре наложили на поврежденные места надежные заплаты.

— Танк к бою готов! — доложил Давыдов подоспевшему начальнику базы Красавину, который вряд ли бы разрешил своим подчиненным так рисковать.

Экипаж машины снова занял свои места. Командир танка, откинув люк башни, встал навытяжку и поднял ладонь к шлему, отдавая честь воинам особого подразделения. Мотор взревел, и КВ помчался туда, где его ждали.

Это случилось незадолго до боев за прорыв блокады. А вскоре после них, когда колонна летучек ремонтной базы по понтонному мосту, наведенному на месте переправы через Неву близ Марьина, снова обстреливаемая вражеской артиллерией, вернулась согласно приказу в район своего прежнего расположения, начался новый этап истории обороны Ленинграда: подготовка к полному освобождению его от блокады, разгром гитлеровских войск у стен города.

В 1943 году в Невском районе под теми крышами, где сейчас строятся экскаваторы, был создан танкоре-

монтный завод. Его начальником назначили инженер-полковника Красавина, а руководить одним из ведущих цехов поручили капитану Давыдову.

Выходили за ворота завода не только обновленные танки, самоходки и бронеавтомобили. Здесь на шасси, полученных с Московского автозавода, монтировались грозные боевые машины, именовавшиеся «катюшами».

* * *

Теперь автогенщик-сварщик Косарев на пенсии. Давыдов часто встречается с ним, тем более что они соседи по Дачному: недавно и Косарев получил здесь квартиру для своей семьи — на улице Стойкости.

А Красавина Михаил Яковлевич видит почти ежедневно. Оба они работают на Кировском. Красавин руководит лабораторными испытаниями тракторов марки К-700 и всех последующих модификаций — превосходящих по своей мощности, не говоря уже о других качествах, чуть ли не в пятнадцать раз «фордзоны-путиловцы», оставшиеся достоянием истории. Что же касается Давыдова, то и он, хотя и перешагнул пенсионный возраст, не ушел в отставку от дела всей своей жизни и участвует в производстве этих машин.

Михаил Яковлевич и Мария Петровна, его жена, работающая на Октябрьской магистрали, вырастили и воспитали трех сыновей — Владимира, Сергея и Александра, которые, один за другим, прошли действительную службу в зенитно-ракетной части, ведущей свою родословную от одной из батарей, созданных на этом заводе в годы гражданской войны.

Сейчас все они — молодые Давыдовы — трудятся тоже на Кировском — двое водителями-испытателями, а один слесарем-испытателем тракторов. Двое женаты, и теперь старшие Давыдовы — дедушка и бабушка.

Встретившись недавно с Красавиным, я спросил:

— Ну как там Михаил Яковлевич?

— Обыкновенно, — ответил Красавин и лукаво улыбнулся. — Что ему делается? Ни себе, ни другим покоя не дает! Воюет.

Я. Ф. Потехин

полковник, во время прорыва блокады командир **34-й лыжной** бригады

БОЕВОЙ ЭКЗАМЕН

Наша 34-я отдельная лыжная бригада была сформирована во второй половине 1942 года. Я назвал бы ее комсомольско-молодежной. Состояла бригада в основном из восемнадцатилетних ленинградских парней, имевших поначалу далеко не солдатский вид.

После первой блокадной зимы они выглядели подростками. Но было у них огромное стремление овладеть военным делом и как можно скорее пойти в бой.

Район, где мы располагались, как нельзя лучше подходил для тактических занятий. Были здесь леса, овраги, холмы. Короче, местность оказалась характерной для нашего театра военных действий.

Первые дни показали, что учебная нагрузка под силу не всем молодым солдатам. Об этом мне доложил начальник медицинской службы бригады военврач 2-го ранга С. А. Чунц.

— Что же будем делать, доктор? — задал я ему вопрос.

— Надо освободить физически слабых бойцов от занятий.

— А не окажем ли мы этим им медвежью услугу? Не усвоив курса боевой подготовки, они не сумеют грамотно воевать. Давайте искать другие пути.

— Нужно усиленное питание, — продолжал начальник медицинской службы.

Мы договорились попросить командование армии выделить бригаде дополнительные фонды продовольствия. Однако этого делать не пришлось. В бригаду приехали член Военного совета фронта генерал Т. Ф. Штыков и заместитель командующего по тылу генерал Ф. Н. Лагунов.

Они провели у нас целый день, беседовали с бойцами и командирами. Решив воспользоваться удобным случаем, я доложил им о создавшемся у нас тяжелом положении. Внимательно выслушав, Штыков сказал Лагунову:

— Я думаю, для лыжников мы можем кое-что подбросить...

— Конечно. Но пусть на многое не рассчитывают, — ответил тот. — Дадим, что сможем.

Через несколько дней после этого к нам прибыли вагоны с продовольствием. Рацион лыжников увеличился и по объему и по калорийности.

Учеба продолжалась нормально, молодые воины старательно познавали солдатскую науку. Однако лыжная подготовка отставала. Снег долго не выпадал. Надо было как-то решать очень важную для нас проблему. Попробовали ходить на лыжах по мху высохших болот. Скольжение оказалось вполне удовлетворительным.

Первое время странно было смотреть на такие занятия. Потом привыкли, стали думать, что делать дальше. Оборудовали на лесных полянах учебные площадки. В шутку их называли «лыжедромами». Устройство их было незатейливым: отрыли по кругу канавки, заполнили их хвоей, получилась своеобразная лыжня. Так, без снега, бойцы ежедневно учились ходить на лыжах.

Многие наши офицеры проявляли изобретательность в организации занятий и проводили их интересно, поучительно. Командиры рот лейтенант А. Михайлов, младший лейтенант А. Сахаров, старший лейтенант Ф. Бобров были немногим старше своих подчиненных, но уже приобрели боевой опыт и старательно обучали солдат и сержантов всему тому, что нужно на войне.

Наибольший интерес у молодых лыжников вызывали стрельбы. Чтобы научиться поражать цели без промаха, юноши упорно тренировались. Настоящим праздником для них были выходы на стрельбище.

Хорошо шла учеба у разведчиков. По инициативе начальника разведки бригады старшего лейтенанта Т. Клинанского мы договорились с командиром одного из полков, стоявшего в обороне в районе Лемболовского озера, и посылали небольшие группы разведчиков на передний край. Там они круглосуточно вели наблюдение за противником, приобрели нужные навыки, разгадывая хитрейшую маскировку целей. Иногда наших разведчиков включали и в поисковые группы. Все это принесло большую

пользу. Когда бригада вступила в бой, разведчики действовали умело и не раз добывали «языков» и ценные сведения.

Словом, с учебой все шло хорошо, а снега все не было. И прогнозы погоды не радовали.

Во второй половине декабря наконец поля покрылись снегом. Личный состав бригады почти не сходил с лыж. На тактических занятиях отрабатывались разведка, рейды по вражеским тылам, нападения на штабы и другие важные объекты. Такие занятия, приближенные к боевой обстановке, вызывали особый интерес не только у молодых, но и у бывалых воинов.

Проведение занятий в ночное время для большинства командиров не являлось чем-то новым. Но вот с организацией ночевки вне населенного пункта в зимних условиях мало кто был знаком. Это приводило к тому, что бойцы некоторых подразделений, затратив много физических сил днем, проводили бессонную ночь в неумело построенных шалашах, на холоде и, естественно, на другой день чувствовали себя усталыми.

Так было только на первых порах. При повторных выходах в поле наши бойцы, под руководством командиров, научились строить из еловых веток добротные шалаши на отделение и взвод. Отдыхать в них было тепло и удобно.

С каждым днем молодые воины приобретали знания и навыки ведения боя в различных условиях обстановки, привыкали к трудностям, находили способы их преодоления, становились настоящими солдатами. В период ротных и батальонных тактических учений, проходивших в условиях, максимально приближенных к боевым, ленинградские юноши показали себя хорошими воинами, готовыми успешно выполнять боевые задачи. Да и внешне выглядели они не так, как два месяца назад.

В декабре меня и начальника штаба подполковника М. А. Рогозина вызвали в штаб фронта. Здесь нам рассказали о готовящейся операции по прорыву блокады. Лыжникам надо было преодолеть не шестисотметровую Неву, а впятеро-вшестеро большее открытое ледяное поле Ладоги, наступать на Шлиссельбург и совместно с 86-й стрелковой дивизией освободить город.

В соответствии с поставленной задачей мы провели бригадное тактическое учение. Местом для него избрали самую широкую часть Кавголовского озера. Выводы

проверяющих сводились к одному: бригада к бою готова. Лыжная же подготовка превзошла все наши ожидания: на фронтовых соревнованиях команда нашей бригады заняла первое место.

В самом конце декабря, получив приказание штаба фронта, бригада, став на лыжи, побатальонно двинулась в назначенный район сосредоточения — в лес на юго-западном побережье Ладожского озера. Здесь тоже пришлось заняться учебой. Для более быстрого преодоления открытого пространства бригаде были приданы два батальона аэросаней. Надо было научить, а вернее, натренировать лыжников, держась за веревки, стремительно мчаться за аэросанями.

Накануне начальник штаба армии сообщил, что наше соединение входит в общевойсковой резерв 67-й армии. А это значит, что в начале операции нам наступать не придется, но все равно нужно быть в постоянной готовности.

В штабе, как всегда, деловая обстановка. Подполковник М. А. Рогозин, в неизменной кожаной тужурке, дает указания начальнику оперативного отделения капитану В. Игнатьеву, начальнику разведки старшему лейтенанту Т. Кливанскому и начальникам служб. В заключение он говорит:

— Предупреждаю, никакие распоряжения не должны застать вас врасплох. Вот так.

Последние два слова Михаил Антонович всегда произносил как-то по-особому, словно припечатывая. Этим он подчеркивал важность отданных распоряжений и давал понять подчиненным, что выполнены они должны быть при любых обстоятельствах.

Утром 12 января вздрогнула приневская земля. После первых же артиллерийских залпов в подразделениях все замерло, прекратились занятия, движение. С великой радостью слушали воины гул канонады. До этого они знали, что готовится решительный удар по врагу, но когда и где он будет нанесен, известно было только командованию бригады. Теперь же все окончательно прояснилось.

* * *

Уже третий день шли бои, а о нашей бригаде словно забыли. Но вот наконец получено боевое распоряжение штаба армии — бригаде сосредоточиться в лесу в районе

Марьино (левый берег Невы) и быть в готовности к наступлению с задачей: выйти к Старо-Ладожскому каналу и отрезать пути отхода противнику из Шлиссельбурга в восточном направлении. Бригада была придана 86-й стрелковой дивизии, которая еще в первый день операции, при форсировании Невы, понесла значительные потери. Ее поредевшие части вели упорные бои к югу от Шлиссельбурга.

Меня, да и многих командиров, тревожил вопрос: как молодые солдаты поведут себя в первом бою? Им придется держать экзамен в очень трудных условиях. В полосе наступления бригады оборона противника была долговременной, на всю глубину предельно насыщенной огневыми средствами, укрытыми в дзотах.

На следующее утро, 16 января, роты поднялись и дружно пошли вперед. Наблюдая за движением стрелковых цепей, я понял, что волнения мои были напрасны: бойцы шли уверенно, не шарахались в стороны, когда неподалеку рвались мины и, как говорят, не «кланялись» каждой пуле.

Огонь противника усиливался. В ротах появились первые раненые, убитые... Теперь бойцы продвигались перебежками, кое-где переползали, но не останавливались. Со стрелковыми цепями двигались наши орудия сопровождения, бронебойщики, а вскоре подоспели броневики из танковой бригады полковника В. В. Хрустицкого. Орудия и броневики оказали большую помощь ротам — заставили замолчать многие огневые точки врага. Минометчики батальона старшего лейтенанта В. Сысыкина удачно накрыли вражеские минометы, которые сильно мешали нашему продвижению. Противник оборонялся с отчаянным упорством. Гитлеровское командование понимало, что прорыв блокады — это конец надежды на захват Ленинграда. Вот почему оно требовало от своих солдат драться до последнего.

Несмотря на сильный огонь, наши подразделения буквально вгрызались в оборону противника, метр за метром пробивались вперед.

Когда начали сгущаться сумерки, бой постепенно затих. В штаб и политотдел начали поступать из батальонов донесения. В них коротко сообщалось о боевых действиях, об отличившихся бойцах и командирах. Штабные офицеры и работники политотдела, возвращаясь из подразделений, дополняли своими рассказами скупые

сообщения. Отрадно было слышать, что в первом же бою молодые солдаты проявили храбрость, выдержку и умение.

Так вели себя, например, бойцы взвода лейтенанта Алексея Бондарева из минометной роты третьего батальона. Во время смены огневой позиции по ним открыли огонь два вражеских пулемета. По приказанию Бондарева солдаты залегли, зарываясь в снег. Номера расчетов, переносившие опорные плиты, использовали их как укрытия. Пули, ударяясь о плиты, рикошетили, разлетались в стороны, не принося вреда.

Бондарев видел, что и стрелков, находящихся впереди, прижал к земле вражеский пулеметный огонь. Надо было, не теряя ни минуты, помочь им минометным огнем. Как это сделать? Бондарев осмотрелся. Совсем недалеко, в каких-нибудь 30 метрах, находился небольшой овраг. Если там установить минометы, они будут незаметны для врага. Командир взвода тотчас же подал команду: «По одному за мной!» Он вскочил и стремительно побежал. Упал, отполз в сторону. Еще один стремительный рывок, и Бондарев оказался в овраге. Оглянулся. Солдаты по примеру командира так же быстро преодолевали опасное место. Первые же мины накрыли вскоре вражеские огневые точки. Стрелки двинулись вперед.

И в дальнейшем лейтенант Бондарев действовал храбро и инициативно. Он заменил вышедшего из строя командира минометной роты, успешно управлял огнем.

В начале боя был убит командир роты младший лейтенант Александр Сахаров. Роту возглавил парторг батальона лейтенант Василий Гольцев. В конце дня нам стали известны подробности этого боевого эпизода. Когда началось наступление, парторг находился в роте Сахарова, шел рядом с ним. Бойцы хорошо знали Гольцева, уважали его за простоту, за веселый и отзывчивый характер. До траншеи противника оставалось совсем недалеко, как вдруг командир роты, словно споткнувшись, упал на снег. Гольцев наклонился над ним. Сахаров был мертв...

— Прощай, боевой друг, — произнес Василий, поцеловав товарища в холодеющие губы. И крикнул: — Ротой командую я, лейтенант Гольцев.

Бойцы двинулись вперед. Затем перешли на бег, почти вплотную приблизились к вражеской траншее, забросали ее ручными гранатами.

— Бей фашистского гада! — гремел голос лейтенанта. — Вгоняй его в землю!

Молодые бойцы ворвались в траншею, отомстили фашистам за павших боевых друзей, за своего погибшего командира.

Гольцев оказался не только хорошим партийным руководителем, но и толковым командиром. В бою он был предельно сосредоточен, внутренне собран, быстро оценивал обстановку и, не медля ни секунды, принимал решения.

Не успели солдаты овладеть первой траншеей, как лейтенант Гольцев уже поставил новые задачи взводам. Распоряжения его были четкими и продуманными. В роте убедились в умении лейтенанта управлять боем. Солдаты поверили в него и смело шли за своим командиром.

На подступах к Шлиссельбургу рота была прижата к земле сильным огнем противника. Пулеметные очереди не позволяли поднять головы. В таких условиях продолжать лобовую атаку было бессмысленно. Лейтенант Гольцев решил: часть бойцов оставить на месте, а двумя взводами обойти дзоты, атаковать их с тыла. Этот маневр принес роте успех. Несколько десятков гитлеровцев было уничтожено. Восемнадцать сдались в плен.

Успешно действовала и рота лейтенанта Александра Михайлова. К концу дня она овладела небольшой высоткой, опередив примерно на полкилометра другие подразделения. Заняв круговую оборону, бойцы мужественно отражали вражеские контратаки. В этом была большая заслуга лейтенанта Михайлова. Он хорошо организовал оборону, все огневые средства, свои и приданные, расставил так, что, откуда бы противник ни пытался приблизиться к высоте, везде он получал отпор и откатывался обратно.

На другой день, 17 января, разгорелся ожесточенный бой у противотанкового рва и узкоколейной железной дороги. Батальоны майора Алексея Бабина и капитана Николая Лунина продолжали наступление.

Неоценимую помощь стрелкам оказывали орудия сопровождения — «сорокапятки», а также бронебойщики.

Одна из наших рот попала под шквальный пулеметный огонь двух дзотов, которые до сих пор молчали. Такой внезапный огонь с коротких дистанций ошеломляет,

прижимает к земле. Так было и на этот раз. Наши бойцы, словно по команде, упали в снег.

Вместе с ротой действовал приданный ей взвод младшего лейтенанта Зверева из истребительно-противотанкового дивизиона. Гулко стучали пули по орудийным щитам, за которыми укрылись артиллеристы. Номера орудийных расчетов работали с предельной быстротой, четко, уверенно. Вскоре грохнули один за другим два выстрела. Пулеметы противника умолкли, но для верности артиллеристы выпустили еще по одному снаряду в чернеющие амбразуры. Стрелковая цепь поднялась и пошла дальше. Вслед за нею двинулся один орудийный расчет.

Второе орудие пока оставалось на месте. Но вот начало сниматься с огневой и оно. В это время прострочила пулеметная очередь. Два бойца упали. Старший сержант Фефелов, помощник командира взвода, бросился к орудию, с двумя бойцами развернул его в сторону вражеской огневой точки и припал к прицелу. Выстрел. Снаряд разорвался чуть левее амбразуры... Небольшая поправка в наводке — и снова выстрел. Теперь точно! Вражеский пулемет замолчал.

К концу дня артиллеристы младшего лейтенанта Зверева разбили еще три дзота. Стрелки благодарили за помощь и охотно помогали им, когда приходилось перемещать орудия по глубокому снегу. Своевременно и хорошо действовали бронебойщики сержант А. Ермолаев, Н. Бакалинов и другие.

На правом фланге, где наступал второй батальон капитана С. Журавлева, также шел жаркий бой, переходивший нередко в рукопашные схватки. Гитлеровцы сопротивлялись яростно и ожесточенно, потеснили одну из наших рот. С ней прервалась телефонная связь. Не отвечала и ротная рация.

Капитан С. Журавлев направил в роту подкрепление — взвод лейтенанта Г. Нигамейзанова. Туда же побежал и заместитель комбата по политической части майор С. И. Букреев.

Появился он в подразделении в самый критический момент. Все офицеры здесь вышли из строя, некому было управлять боем. Обязанности командира принял на себя замполит. Он умело организовал отражение вражеской контратаки.

Как враг ни сопротивлялся, наши подразделения, продолжая продвигаться вперед, заняли на восточной

окраине Шлиссельбурга несколько полуразрушенных домов. Вечером нам стало известно, что сосед справа, 123-я стрелковая бригада, ведет упорные бои уже почти у самого Рабочего поселка № 1. А слева ни на минуту не ослабевал огневой бой. Это 330-й полк 86-й дивизии продолжал выбивать фашистов, засевших в каменных домах и развалинах города.

Поздно вечером к нам пришел офицер из штаба армии и вручил мне пакет от командарма. Содержание его сводилось к тому, чтобы завтра, 18 января, выйти к Старо-Ладожскому каналу. Вместе с начальником штаба и начальником оперативного отделения уточнили обстановку, определили задачи батальонам, отправились в подразделения.

Наступал седьмой день ожесточенных боев в Приладожье. С рассветом начались частые контратаки противника в восточной части Шлиссельбурга. Оказывается, прошедшей ночью гитлеровское командование, потеряв надежду удержать город, решило отвести свои войска. Шлиссельбургский гарнизон противника пытался любой ценой пробиться к своим главным силам.

Лыжники встречали врага губительным огнем, отбрасывали его и с прежней решимостью продвигались вперед. Внешне это были уже не те юноши, которые только позавчера получили боевое крещение. Все их действия говорили о том, что они стали настоящими солдатами, способны мужественно и умело сражаться с сильным и коварным врагом.

Во время одной из контратак немцам удалось потеснить нашу роту. Около взвода бойцов оказались отрезанными от своих. Командир был тяжело ранен. Группу возглавил бывший моряк сержант Горюнов.

— Ну, обстановку объяснять не надо, сами видите, — сказал он. — Будем биться до последнего. Только не дрейфить! Наши не оставят нас в беде...

Бойцы заняли круговую оборону, используя имевшиеся там воронки и полуразрушенный дзот.

Гитлеровцы, видимо, считали, что им не составит никакого труда смять горстку советских солдат. И жестоко поплатились за свою самоуверенность.

Наши бойцы, когда фашисты приблизились метров на сто, встретили их ливнем автоматного огня. Около двадцати вражеских солдат было уничтожено, остальные откатились обратно. По ним, однако, не стреляли, надо

было беречь патроны. Первый успех радовал бойцов. Но они понимали, что это только начало. Так оно и оказалось. Еще дважды пришлось лыжникам отражать вражеские атаки. И особенно сильной была третья. Гитлеровцы почти вплотную приблизились к группе наших бойцов, охватывая ее с трех сторон.

— Ну, братва, держись! — крикнул Горюнов. — Последний парад наступает.

— Для фрицев! — ответил ему звонкий голос. — Смотрите — наши идут...

В это время подразделения бригады возобновили наступление. Вскоре и отрезанная противником группа бойцов присоединилась к своей роте.

На завершающем этапе боев продвижение было очень медленным, основным препятствием являлись дзоты. Сколько их уже разбито, а вот появляются все новые и новые! Ни истребительно-противотанковый дивизион, ни рота противотанковых ружей из-за потерь были уже не в состоянии оказывать такой помощи стрелковым подразделениям, как в первые дни.

Среди бойцов и командиров появились смельчаки, которые вступали в единоборство с вражескими дзотами. И небезуспешно. Особенно отличался начальник штаба третьего батальона лейтенант Михаил Бик. Не один раз он выручал подразделения, в которых появлялся в самые напряженные часы боя. Отважного офицера стали называть «гроза вражеских дзотов». Каждая вражеская дерево-земляная точка, у которой побывал Бик, прекращала свое существование. С ним, как правило, действовали рядовые Иван Бирюков и Николай Васипов.

На подступах к Ладожскому каналу рота, в которой находился лейтенант Бик, вынуждена была залечь. Опытным взглядом окинув поле боя, лейтенант точно определил, откуда стреляет пулемет, и пополз к этой точке. Вслед за ним отправился Николай Васипов.

Вокруг смельчаков то и дело рвались мины, над головами роем проносились пули... Бойцы с тревогой наблюдали за храбрецами. Вот они уже совсем близко подползли к дзоту, скрылись в воронке. Потом вновь появились, но теперь уже у самого дзота, где огонь его был неопасен. Бросили по одной гранате в амбразуру и быстро поползли к двери. Из нее выскочило несколько уцелевших гитлеровцев. Они тут же были скошены автомат-

ным огнем. Хлестнули пулеметные очереди из соседнего дзота, но Бик и Васипов успели уйти из зоны огня.

Когда подошла рота, они по ходу сообщения двинулись к другой огневой точке. Добрались до нее с тыла, ворвались вовнутрь и уничтожили весь пулеметный расчет.

— Бери машину, — приказал лейтенант Васипову, указав на пулемет. — Пригодится.

Вытащив пулемет и коробки с патронами наружу, Бик и Васипов увидели, что слева рота противника перешла в контратаку. Наскоро установленный пулемет начал строчить длинными очередями во фланг контратакующим гитлеровцам. Ему вторил автомат Васипова. Фашисты залегли. А Бик не позволял им поднять головы, стрелял до тех пор, пока не подошла наша рота, которая смяла остатки контратакующих.

В феврале, когда наша бригада вела тяжелые бои под Красным Бором, лейтенант Михаил Алексеевич Бик пал смертью храбрых. Узнав об этом, многим из нас почему-то не верилось, что мог погибнуть такой человек. Мы уже как-то привыкли к тому, что Бику действительно сопутствовало боевое счастье, как говорил о нем Виссарион Саянов, побывавший в нашей бригаде.

Утром 18 января комбаты сообщили, что сопротивление противника уже слабее, чем накануне. Однако все, словно сговорившись, просили добавить «огонька», чтобы довершить разгром врага. Но откуда я мог его взять? В бригаде имелся только минометный батальон да дивизион 45-миллиметровых пушек, часть из которых вышла из строя.

Связался с командующим артиллерией генерал-майором И. М. Пядусовым. Он ответил, что все его «хозяйства задействованы», но все же постарается кое-чем помочь. Этим «кое-чем» оказался полк 120-миллиметровых минометов. Через несколько минут он произвел короткий, но массированный огневой налет. Клубы дыма и огня взметнулись именно там, где противник оказывал наибольшее сопротивление.

Еще не стихли раскаты разрывов тяжелых мин, как в пулеметную и автоматную трескотню ворвалось мощное русское «ура». Покатилось оно по Приладожью от перелеска к перелеску. Наши подразделения вышли к Ладожскому каналу. Задача выполнена!

Трудно, да пожалуй, и невозможно передать на словах великую радость, волнение, охватившие всех бойцов и командиров. С наблюдательного пункта было видно, как там, впереди, в воздух летели шапки, доносились возгласы «ура». Я посмотрел на часы: на них было 10.05...

Доложил командующему армией, без всякого кода, открытым текстом:

— Лыжная бригада задачу выполнила. Оседлав дорогу, двумя батальонами развернулась фронтом на запад. Подразделения закрепляются.

— Это точно? — спросил генерал.

— Точно! Нахожусь у шоссейной дороги.

— Молодцы лыжники! Передайте личному составу бригады благодарность Военного совета армии. Отличившихся представьте к награде. Не выпускайте ни одного фашиста из города.

Похвала командарма вскоре стала известна всем в бригаде. Об этом позаботились неутомимые политработники.

Во второй половине дня, по приказу командующего армией, бригада сосредоточилась в восточной и северо-восточной части Шлиссельбурга. Через некоторое время на улицах среди наших бойцов стали появляться люди в гражданской одежде, пожилые женщины и подростки, истощенные до крайности.

Наши солдаты со всей теплотой и душевностью, на какие только были способны, относились к освобожденным от фашистской неволи шлиссельбуржцам. Они развязывали вещевые мешки, доставали свои запасы: галеты, сливочное масло и хлеб, отдавали измученным людям. Старушки со слезами радости на глазах крестили солдат, обнимали их.

— Родненькие вы наши, спасибо вам за вызволенье,— взволнованно говорила одна из них. — Похоже, что мы второй раз родились.

К вечеру в штаб бригады явился заместитель командира разведывательной роты младший лейтенант Александр Михневич. Он не скупился на подробности, рассказывая о встрече с бойцами Волховского фронта. Она была исключительно радостной и волнующей, хотя и состоялась позднее, чем в Рабочих поселках № 1 и 5.

* * *

С тех пор прошло три десятилетия. Однако дружба, родившаяся среди воинов в дни трудных испытаний, на поле боя, остается нерушимой и сейчас. Многие бывшие лыжники живут и трудятся в Ленинграде и области, некоторые — в других городах и республиках. Но это не мешает друзьям-фронтовикам ежегодно, в день Победы или 18 января, встречаться в городе-герое. На встречах они узнают, кто, где и чем занимается сейчас, вспоминают давно минувшие дни, погибших товарищей. Солдатам, вместе ходившим в атаки, прошедшим сквозь все испытания минувшей войны и не раз смотревшим смерти в глаза, есть о чем поговорить, есть что вспомнить.

Г. И. Середин

полковник, во время прорыва блокады командир 330-го полка 86-й стрелковой дивизии

ОСВОБОЖДЕНИЕ ШЛИССЕЛЬБУРГА

На рассвете 14 января меня вызвал командир дивизии полковник В. А. Трубачев. Когда я вошел к нему в блиндаж, Василий Алексеевич о чем-то беседовал со своим заместителем по политчасти подполковником Ф. П. Степченко. Перед ними лежала карта, густо испещренная разными пометками.

— Эта гора нам всю обедню портит, — говорил комдив. — Ее надо взять как можно быстрее. Тогда мы станем хозяевами положения в районе Шлиссельбурга.

Подполковник Ф. П. Степченко согласно кивнул головой. Федор Петрович, как все успели убедиться, был незаменимым помощником комдиву. И не только в организации партийно-политической работы. Ф. П. Степченко глубоко разбирался в военных вопросах. Этого же он требовал и от всех нас, политработников дивизии.

Полковник В. А. Трубачев, высказав свои мысли о горе Преображенской, уже обращаясь ко мне, продолжал:

— Вам подполковник, нужно отправиться в триста тридцатый полк, проверить, как там идет бой за эту ключевую высоту. В случае необходимости оказать помощь командирам и политработникам. Нас очень тревожит, что полк топчется на месте. Задача ясна?

— Так точно. Разрешите выполнять?

— Идите. Через два часа ждем от вас доклада.

...Ночью выпал снег, широкая Нева сверкала белизной, как и перед началом наступления. Но тогда на реке не было ни одного человека. Теперь же по льду в нескольких местах тянулись хорошо приметные даже после сне-

гопада тропы. По ним торопливо шагали бойцы в теплых полушубках и шапках-ушанках, на волокушах перебрасывались на левый берег боеприпасы, продовольствие. Саперы, в белых маскировочных халатах, налаживали переправу для тяжелых грузов, танков и орудий.

Не прошло и получаса, как я был уже на месте, начал выяснять, что мешает 330-му полку овладеть горой Преображенской. Командир объяснял, что для этого недостаточно сил. Противник упорно сопротивлялся. Ночью ему удалось потеснить один из наших батальонов. Отошли на полкилометра.

Нельзя было не согласиться, что полку для наступления попался трудный участок. Вместе с тем удивляло, почему командир прибегал только к лобовым атакам, а не применил обходный маневр. Лесистая местность позволяла это сделать.

О своих выводах я доложил по телефону полковнику В. А. Трубачеву.

— Принимайте полк, — приказал комдив. — Организуйте наступление на Шлиссельбург в обход горы Преображенской.

Мне ничего не оставалось делать, как ответить: «Слушаюсь!»

Так я, замполит штадива, совершенно неожиданно для себя стал командовать 330-м полком, решавшим исключительно сложную задачу.

Шлиссельбург являлся одним из наиболее мощных узлов сопротивления на левом берегу Невы. В течение долгого времени гитлеровцы приспосабливали к обороне корпуса ситценабивной фабрики, школу, клуб, церковь и другие каменные здания, а также подвалы деревянных домов. Особенно сильно были укреплены перекрестки городских улиц.

Между тем за два дня боев полк сильно поредел. По приказу комдива из трех батальонов были сформированы два сводных — первый и третий. Командиром первого стал старший лейтенант Г. Е. Проценко. Третьим батальоном командовал капитан Владимир Завадский. Пехотинцев поддерживали полковая батарея, отдельный пулеметный батальон дивизии и две батареи 128-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

Этими силами нам предстояло выполнять боевую задачу — освободить Шлиссельбург.

Командный состав и политработники полка были мне хорошо знакомы. Замполит майор Герасимов, начштаба майор И. П. Осокин, парторг капитан А. С. Куликов, комбаты и начальники служб слыли в дивизии бывалыми, отважными, умелыми командирами. Обсудив с ними боевую задачу, наметили пути ее решения. Еще ночью следовало подтянуть пушки к переднему краю в боевые порядки пехоты для стрельбы прямой наводкой.

Начало наступления намечалось нами на 8 часов, когда мгла январской ночи переходит в утренние сумерки. На правом фланге должен наступать первый батальон. Его задача — овладеть рощей «Башмак», выйти на южную окраину Шлиссельбурга. Третий батальон капитана Завадского должен наступать слева. Его фланг прикроют огнем пулеметчики и стрелковый взвод. Оставив слева сильно укрепленную высоту Преображенскую, батальону предстояло прорваться к юго-западной части Шлиссельбурга.

Боевую задачу надо было довести до каждого бойца. Переходя по глубокому снегу от одной роты к другой, майор Герасимов и капитан Куликов инструктировали парторгов, агитаторов, беседовали с бойцами о важности предстоящего боя.

Полк готовился к наступлению. Под покровом темноты происходила перегруппировка подразделений, подвозились снаряды и патроны. Прокладывались новые линии связи между наблюдательными пунктами и огневыми позициями. Артиллеристы выдвигали орудия на прямую наводку. Во второй половине ночи все бойцы получили горячую пищу.

На переднем крае было неспокойно: почти беспрерывно строчили пулеметы, над заснеженной местностью повисали осветительные ракеты.

В 8 утра грянул наш артиллерийский залп, возвестивший начало пятиминутного огневого налета по переднему краю противника. Еще рвались снаряды, когда бойцы поднялись в атаку.

Минуты казались вечностью. И вот первое боевое донесение. Слышу в телефонной трубке возбужденный голос комбата-1 старшего лейтенанта Г. Е. Проценко.

— Я — «Щука», я — «Щука»... Действуем дружно. Наступаем на рощу «Башмак». Сосед слева поддерживает огнем.

Минут через двадцать новое донесение:

— Взял рощу «Башмак», захватил пленных и трофеи.

Передаю комбату приказ:

— Используйте замешательство противника и на его плечах ворвитесь на железнодорожную станцию Шлиссельбург, закрепитесь на юго-восточной окраине города. Ясно?

— Понял!

Дают связь с «Окунем». У телефона комбат-3, наступающий левее железнодорожной станции. Приказываю ему:

— Если противник с горы Преображенской будет мешать вашему продвижению, в бой не вступать, а стремительно со «Щукой» выходить на южную окраину города. Действуйте!

9 часов 30 минут... Оба батальона настойчиво продвигаются в направлении к Шлиссельбургу.

Со своей оперативной группой перехожу на новый командный пункт в большом немецком блиндаже. Саперы проверяют, не заминирован ли он. Сюда же приводят из первого батальона пленного гитлеровца. Он рыжий, среднего роста, стоит навытяжку. Держит почему-то в дрожащих руках фотокарточку семьи, бормочет что-то несвязное, видимо, просит пощадить его...

Как на грех, нет переводчика. Выручает зашедший на командный пункт полка майор — корреспондент «Красной звезды». Пленный капитан — командир батальона 401-го пехотного полка 170-й гренадерской пехотной дивизии — охотно отвечает на вопросы. Он рассказывает о расположении немецких частей, о том, как они вооружены, где расположены укрепления и огневые точки. Сведения очень интересные, и мы сразу отправляем пленного офицера в штаб дивизии.

Тем временем первый батальон приблизился к станции Шлиссельбург. Гитлеровцы отступали, накапливались за железнодорожной насыпью. Прячась в кустарнике, они вели оттуда пулеметный огонь по правому флангу батальона. Парторг полка капитан Куликов, находясь там в боевых порядках, обнаружил два тщательно замаскированых дзота и показал их артиллеристам. Расчет 76-миллиметрового орудия открыл по дзотам огонь. Вражеские пулеметы замолчали. Замполит батальона старший лейтенант М. О. Брейман с группой бойцов бросился к огневым точкам, уничтожил два пулеметных расчета, захватил одно орудие.

Храбро сражались и умело командовали ротами лейтенанты В. Г. Бакшеев, П. Ф. Глазунов, В. Ф. Кондрашов и В. Черкасов.

Сопротивление противника было сломлено. Гитлеровцы откатывались к городу, чтобы укрыться за стенами каменных домов. Первый батальон пересек железную дорогу и, преследуя отходивших фашистов, ворвался на юго-восточную окраину Шлиссельбурга.

Наступлению нашего третьего батальона по-прежнему мешал артиллерийский и минометный огонь с горы Преображенской. Сколько по ней ни била с правого берега наша артиллерия, огневые средства противника подавить полностью не удавалось. Позднее мы поняли, чем это объяснялось. Гора была изрыта траншеями полного профиля, пулеметы и орудия находились в прочных укрытиях.

Противник, чувствовалось, любой ценой стремился удержать в своих руках командную высоту. Из Шлиссельбурга к горе Преображенской все время подбрасывались подкрепления, боеприпасы.

Мы, в свою очередь, были кровно заинтересованы в том, чтобы овладеть этим вражеским опорным пунктом. Но как это лучше и быстрее сделать?

— Ваше решение, капитан? — спрашиваю у командира батальона Владимира Завадского.

— Вести отвлекающие действия с фронта, а главными силами обойти высоту, нарушить связь гарнизона опорного пункта со Шлиссельбургом, а затем атаковать с тыла, откуда противник не ожидает нашего удара.

Я одобрил план действий капитана Завадского, приказал строго согласовать действия отвлекающей и атакующей групп, обратить серьезное внимание на скрытность обходного маневра.

Вскоре рота старшего лейтенанта А. М. Горкуна углубилась в заснеженный лес. Снег был глубоким, каждый десяток метров продвижения стоил бойцам большого труда. А шли они с полной выкладкой, несли пулеметы, коробки с боеприпасами.

К южному склону горы Преображенской выдвинулась рота лейтенанта В. В. Семенихина. В главной цепи находились артиллерийские разведчики, корректировавшие огонь с закрытых позиций. Подтягивались к высоте орудия для стрельбы прямой наводкой.

Наши артиллеристы подготовили для противника сюрприз. Они установили пулеметы на трех тягачах, решив

эти «самодельные танки» также в момент атаки двинуть на врага.

По сигналу красной ракеты открыли огонь шесть орудий прямой наводки и семь минометов, приданных батальону. Еще не кончился артиллерийский налет, как со стороны Шлиссельбурга неожиданно для врага двинулась на высоту рота лейтенанта А. М. Горкуна. А когда поднялись в атаку с других направлений остальные подразделения батальона да еще, грохоча моторами и лязгая гусеницами, показались тягачи, гитлеровцы совсем растерялись.

Наши бойцы действовали дерзко и умело. Бронебойщики старший сержант Ф. Ф. Черепанов и сержант Н. М. Комиссаров несколькими выстрелами вывели из строя два вражеских пулемета. Метко стреляли и другие бронебойщики, уничтожившие в общей сложности до 40 огневых вражеских точек. Пулеметная рота старшего лейтенанта И. О. Осипова своим массированным огнем не позволяла гитлеровцам передвигаться по высоте.

Не прошло и часа, как третий батальон полностью овладел горой Преображенской.

Преследуя отходивших фашистов, бойцы роты старшего лейтенанта А. М. Горкуна ворвались на окраину Шлиссельбурга.

На часах — начало первого. 330-й стрелковый полк задачу дня выполнил.

Со своего командного пункта докладываю об этом по телефону комдиву. Полковник В. А. Трубачев выслушал, обрадовался, но, видимо, не совсем поверил.

— Проверь лично, подполковник. Я с этой Преображенской уже был введен в заблуждение. Проверь и доложи, — приказал командир дивизии.

С двумя автоматчиками отправляюсь на гору. На подступах к ней еще лежат трупы фашистов. Взбираемся. Всюду брошенные вражескими солдатами оружие, снаряды, телефонные аппараты и провода. Часть блиндажей разрушена, ходы сообщения завалены землей. Расспрашиваем бойцов третьего батальона. Они веселы, словоохотливо рассказывают о недавнем бое, наперебой угощают трофейными сигаретами.

Навстречу нам вышел комбат капитан Завадский. Он доложил о ходе боя, захваченных трофеях. Наши потери пока незначительны. Проверив, как батальон закрепляется на захваченном рубеже, какова связь с соседом,

направились с комбатом на его командный пункт. Телефонная связь с полком и дивизией уже налажена. Вновь вызываю комдива, докладываю:

— Нахожусь в КП, расположенном на Преображенской. Подтверждаю, что оба батальона задачу выполнили. На случай контратаки противника организована надежная оборона. Какие будут указания?

Слышу довольный голос Василия Алексеевича:

— Передайте благодарность бойцам и командирам. Отличившихся представьте к наградам. Готовьте полк к завтрашнему бою. Помните, что гора Преображенская — это ворота к Шлиссельбургу. Иду докладывать командарму.

Вечером пришла телеграмма от члена Военного совета фронта А. А. Жданова. Он поздравил личный состав полка с большим успехом, выразил уверенность, что Шлиссельбург будет взят в самое ближайшее время.

Вскоре был получен приказ: 330-му стрелковому полку 16 января занять восемь южных кварталов Шлиссельбурга. Они четко очерчены на плане города, присланном из штаба дивизии. На огромной, во всю стену карте занумерованы все дома. Это помогло нам уточнить задачи каждого подразделения, каждой штурмовой и блокировочной группы.

В ту пору опыта наступательных боев в условиях крупного населенного пункта у нас еще не было. Между тем эти бои заметно отличались от привычных нашим бойцам и офицерам действий на открытой местности. Штаб полка приступил к разработке плана атаки. Создавались штурмовые и блокировочные группы, для связи с ними и артиллерией определялась система сигнализации. Вся вторая половина дня и ночь на 16 января были заняты закреплением захваченных рубежей, подготовкой к штурму.

Тем, кто отличился в дневном бою, было объявлено, что они представлены к правительственным наградам. Некоторым бойцам командиры вручали от своего имени личные памятные письма.

На дорогах, ведущих к Шлиссельбургу, солдаты читали на больших щитах призывы: «Дрогнула вражья свора тупая. Гони ее дальше, вперед наступая!» Много в ту январскую ночь поработали командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы, чтобы благородный наступательный порыв охватил всех бойцов.

Противник, в свою очередь, готовился к бою. Гитлеровское командование еще надеялось удержать в своих руках Шлиссельбург.

Настало утро. Бойцы снова пошли в атаку. Окраинные деревянные дома города были захвачены без особого труда. Ожесточенные схватки начались в районах каменной застройки. Вражеский гарнизон сопротивлялся отчаянно и упорно. Нашим штурмовым группам приходилось с боем брать каждый дом.

Находчивость, инициатива, самоотверженность требовались от каждого бойца и офицера. Их выдержка, храбрость и военное мастерство решали успех наступления. Красноармеец Контразбай Аргинов тремя ручными гранатами, брошенными в амбразуру дзота, уничтожил на горе Преображенской пулеметный расчет противника. В числе первых он ворвался в Шлиссельбург. Проникнув в укрепленный корпус ситценабивной фабрики, Аргинов заколол автоматчика и застрелил двух фашистов, а затем ручными гранатами уничтожил еще два пулеметных расчета. За участие в освобождении Шлиссельбурга Контразбай Аргинов был награжден орденом Красной Звезды.

Отважно действовал и пулеметчик С. Алиев. Меткими очередями он уничтожил немало фашистов. Рядовому М. Н. Носову пришлось сражаться с семью гитлеровцами. Пятерых он прикончил из автомата и гранатами. Но и сам был ранен. В это время на него напали еще два фашиста, повалили на землю. Носов выхватил нож, заколол им вражеского солдата. Затем, собрав последние силы, бросился на последнего гитлеровца, впился зубами в его горло...

Массовый героизм проявили бойцы штурмовых групп. Одна из них, которую возглавлял лейтенант В. М. Михайлов, взорвала 6 дзотов. Другая группа — лейтенанта А. Д. Васильева 16 января отбила у врага два каменных дома, сильно укрепленных. Как ни сопротивлялись засевшие в них гитлеровцы, зданий им не удалось удержать. В бою за эти дома отличились бойцы Матвеев и Жуков.

К вечеру батальон старшего лейтенанта Проценко после напряженной борьбы овладел четырехэтажным каменным зданием, господствовавшим над всей северной и северо-восточной частью города. «Красный дом» — под таким названием вошел он в историю боев за Шлиссельбург.

В этом здании разместились командный пункт батальона, а также наблюдательные пункты полка и командиров батарей.

Утром 17 января на наш НП прибыл капитан Леонтий Легеза, командир бронебатальона из 61-й отдельной легкотанковой бригады.

— Чем порадуешь? — спросил я капитана, с которым хорошо познакомился за время боев.

— Нам приказано выделить для вашего полка девять бронемашин.

— Только-то? — вырвалось у меня.

— Да, это все, что мы можем дать. Но, товарищ подполковник, дело ведь не только в количестве. Экипажи у нас отличные, будут воевать превосходно.

Признаюсь, что не очень-то я разделял оптимизм командира бронебатальона. Если бы мне предложили вместо этих девяти машин два-три танка, то, пожалуй, я испытывал бы больше удовлетворения. Однако уже несколько часов спустя убедился, что и броневички, выглядевшие просто малютками рядом с КВ или «тридцатьчетверками», способны на большие дела. Экипажи этих машин, действуя совместно со штурмовыми группами, отбивали дом за домом, подвал за подвалом, вели за собой стрелковые подразделения. Использовали мы броневики и для высадки десантов в глубине вражеской обороны, и для разведки. Их экипажи действовали умело и мужественно, образцово выполняли свой солдатский долг. Запомнились командиры машин старшие сержанты Д. К. Герух и В. И. Молвин. Даже будучи раненными, они продолжали бой. Метко вела огонь башенный стрелок Клава Плахотина, мужественная ленинградская девушка. В танковую бригаду она пришла добровольцем, по велению сердца. И в этом первом бою с честью выдержала суровое испытание, уничтожила 12 гитлеровцев.

К исходу 17 января полк овладел 12 кварталами Шлиссельбурга. Успех был достигнут благодаря отваге и воинскому мастерству многих бойцов и командиров. В этот день был ранен в голову мой заместитель по политчасти майор Герасимов. Распрощался со своим батальоном старший лейтенант Г. Е. Проценко. Отправленного в госпиталь комбата заменил капитан Н. Д. Беззубик.

В ночь на 18 января фашисты предприняли сильную контратаку. Огнем орудий и пулеметов мы принудили их

отступить. Тяжело было и нашим бойцам, сказывались напряженнейшие, многодневные бои. Люди буквально валились с ног, засыпали на ходу. Бойцы терли лица снегом, отгоняя сон и усталость.

После провала вражеской контратаки наша разведка сообщила: гитлеровцы пытаются вырваться из города, эвакуируют боевую технику, военное имущество.

— Далеко не уйдут, — уверенно сказал начальник штаба майор И. П. Осокин. — Дорога к Синявину, по существу, отрезана.

Уже перевалило за полночь, когда мы подготовили боевой приказ. Батальону ставилась задача завершить разгром вражеского гарнизона.

18 января 330-й полк, взаимодействуя с 34-й лыжной бригадой, полностью овладел Шлиссельбургом. К 14 часам были ликвидированы последние очаги сопротивления. В этом нам помогли героические защитники крепости Орешек.

Над старинным русским городом вновь взвился красный флаг.

Н. Ф. Лаптева

Герой Социалистического Труда, ткачиха комбината имени Тельмана, во время боев по прорыву блокады медицинская сестра санроты 947-го полка 268-й стрелковой дивизии

МЫ ВЫПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ

1

Поздний январский рассвет застал нас в лесу где-то в районе Невской Дубровки. Накануне был марш. Долгий и трудный. На каждом привале думали, что наконец-то пришли. Но снова раздавалась команда: «Подымайсь!.. Шагом марш!» И мы, промерзшие и усталые, проклиная войну и все на свете, еле отрывались от земли. Снова под ногами скрипел тугой снег.

Куда мы идем? Толком пока ничего не знали. Говорили — будем наступать. Наш начальник, старший врач 947-го полка капитан Лев Кувардин, предупредил:

— Девушки, работы будет много. Готовьтесь!

Наконец пришли на место, получили приказ развернуть полковой пункт медицинской помощи. Кононова, Эклева и я устанавливаем большие «медсанбатовские» палатки. Помогают санитары и наш старшина. Без их помощи нам и не справиться. Затем готовим инструментарий, перевязочные материалы. Наводим чистоту и порядок. Не заметили, как кончился зимний день. Из-за леса слышны бесконечные пулеметные и автоматные трели. Там передовая — покрытая льдом Нева. Каждые 5—10 минут взлетают ракеты. Повиснув в небе, они освещают местность мертвенно-бледным светом и стремительно падают на землю. И сразу же слышен противный вой снаряда, где-то недалеко раздается глухой разрыв. И снова наступает сплошная чернота.

После ужина прибежали ребята из первого батальона. Они сказали, что идут на «передок». Будут сменять обороняющихся там бойцов, а утром начнется наступление. Мы пожелали им возвращаться с победой. Долго грустно смотрели им вслед. Свидимся ли еще?

Лес, в котором, казалось, кроме нас, никого нет, ожил. Откуда-то доносились приглушенные голоса, храп лошадей, бряцание снаряжением, топот, скрип повозок. Батальоны тронулись на передовую, где продолжали взлетать в небо ракеты, постреливать пулеметы.

Старшина санроты приказал спать. Но разве уснешь в ночь перед боем? Даже усталость не берет.

Улеглась я рядом со своей доброй подружкой Тосей Кононовой. С ней до войны работала на комбинате тонких и технических сукон имени Тельмана. В одной комсомольской ячейке состояли. А началась война, вместе добровольно ушли в народное ополчение. И вот уже два года одной солдатской шинелью укрываемся, из одного котелка едим.

— Наташка! — толкает меня Тося в бок. — А вдруг действительно прорвут блокаду? Вот здорово! Может, и фабрику пустят? Как думаешь?.. Осенью я была у наших, бурьяном фабричный двор зарос...

Я слушала свою подругу, и мысли вернули в прошлое. Одна за другой перед глазами вставали картины моей рабочей жизни.

...Родилась и выросла я в небольшой деревушке Лебедки, недалеко от Гжатска. Отец и мать всю жизнь на земле проработали. И я иной судьбы не представляла для себя, если бы не тетка, Евдокия Борисовна, сестра матери. Она уговорила родителей отпустить меня в Ленинград.

Приехала я к ней шестнадцатилетней девчонкой. И сразу пошли на фабрику. От шума ткацких станков закружилась голова. А тетка только смеется: «Привыкнешь! Вот пощупай-ка, какое мы сукно ткем». И дала мне в руки знаменитый драп-велюр. Я отродясь такой мягкой материи в руках не держала. И захотелось самой ткать такую. В фабрично-заводское училище я не поступила, кажется, уже опоздала к набору, осталась на фабрике ученицей.

Моими наставниками были тетя Дуня, так все звали известную ткачиху, старую коммунистку Белодедову, и Полина Антоновна Петрова. Учили они не только мастерству.

Тетя Дуня была для нас живой историей. Она водила по району и показывала... Здесь были первые баррикады обуховцев... Здесь домик Шелгунова, Ильич не раз бывал... Листовку о нашей стачке написал. Так озаглавил:

«К рабочим и работницам фабрики Торнтона»... В этой школе Надежда Константиновна учительствовала...

Мы, молодые девчонки, завидовали своим наставникам — участникам революции, ударникам первых пятилеток, старались походить на них. Весь свой пыл, весь жар молодых сердец отдавали труду.

И вдруг война!

Боевое крещение мы с Тосей принимали под Кингисеппом. Потом были бои на других рубежах. Три первых военных месяца сделали из меня, бывшей ткачихи, солдата. Да и не только из меня. У миллионов наших людей — и строителей, и металлистов и хлеборобов — теперь одна профессия — профессия защитника Советской Родины.

В конце осени нас откомандировали в санитарный отряд на фабрику. Мы пробовали спорить, доказывать: как же так — идет война, а нас в тыл?

Пожилой военный комиссар, с серыми усталыми глазами, выслушал нас и сказал:

— Теперь и город стал фронтом.

Снова я пришла к знакомой проходной. На фабрике тишина. Не слышно привычного шума станков. Вдруг знакомый голос окликнул меня:

— Наташка! Откуда ты взялась?

Оглянулась — наш комсомольский секретарь, Дора. Она рассказала, как живут и работают наши текстильщицы. Часть оборудования успели эвакуировать. А некоторые эшелоны не проскочили — фашисты пересекли дорогу. Теперь лежат станки на фабричном дворе.

— Чем теперь занимаетесь? — спрашиваю секретаря.

— Идем, посмотришь, — вместо ответа предложила Дора.

Зашли в цех. Там, где стояли станки, — торчали пустые, деревянные «подушки» — основания. Возле печки-времянки столы. Несколько работниц вязали рукавицы.

— На фронте пригодятся, — сказала одна из них.

На фабрике встретила родную тетку. На ней ватник, сбоку противогаз и на рукаве красная повязка.

— Тетя Дуся! Да вы прямо как солдат...

— А мы, Наташенька, теперь все на солдат похожи. Охраняем фабрику да город от фашиста, — обнимая меня, ответила Евдокия Борисовна.

В то время гитлеровцы буквально засыпали город зажигательными бомбами. Бойцы фабричной команды

МПВО самоотверженно боролись с фашистскими «зажигалками». День и ночь они дежурили на своих постах.

Большинство рабочих жили на фабрике. Экономили силы. Да и на людях было как-то веселее. Друг друга поддерживали. В цехах, в бывших торнтоновских каморках стояли самодельные печки. По вечерам возле них собирались ткачихи. Больше говорили о прошлом или о будущем, как жить после войны будем...

После суровой блокадной зимы Тося и я вновь попали на фронт. Просились, чтоб взяли в стрелки или в пулеметчики. Отказали. Направили ухаживать за больными и ранеными...

2

Под утро пришел начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Ф. К. Золотухин. Вместе с замполитом полка он проверял, как подготовился к приему раненых наш полковой пункт медицинской помощи. Старший батальонный комиссар расспрашивал начальника санслужбы полка капитана Кувардина буквально обо всем. Даже поинтересовался, получили ли мы спирт для обогрева раненых и будет ли горячий чай.

Затем начальник политотдела сказал, что 67-я армия должна прорвать блокаду и соединиться с Волховским фронтом. Откроется прямой путь на Большую землю, и Ленинград будет получать все необходимое.

Мы слушали, боясь пропустить хоть слово. Еще бы, все ленинградки! В городе у многих остались родные, близкие. За их жизни каждая из нас немало переживала. Беспокоила судьба и города, который мы очень любили.

Начальник политотдела и замполит полка попрощались и ушли. А мы продолжали обсуждать услышанную новость. Говорили о самом житейском: будут ли ходить пассажирские поезда на Большую землю? Как станут обеспечивать продуктами город? Словом, темы возникали самые разные.

— А я, девочки, вот о чем мечтаю, — придвинулась ближе к огоньку черноглазая Лиза. — Прорвут блокаду и сразу навезут продуктов. Я попрошу у старшины муки и повидла, напеку блинчиков... Ужасно люблю блинчики! — под общий смех она сладко причмокнула губами.

— Тебе только бы блинчики, — проворчал старшина. — Надо еще бой выиграть. Неву форсировать нелегко. Испытал я в сорок первом. Широка!

Конечно, и мы понимали, что переправиться через Неву будет непросто...

Я хорошо помню то январское утро. Лес, притихший и настороженный. На седых сосенках и елях колючий иней.

И вдруг совершенно неожиданно и, как показалось, над самой головой с визгом полетели на тот берег снаряды. Начался невообразимый грохот. Я не раз слышала артиллерийский гром. Помню, как стреляли «катюши», когда брали «Ивановский пятачок». Они били так, что звенело в ушах. Помню бои под Красным Бором. И все же то, что творилось теперь, ни с чем нельзя было сравнить.

Лес стонал и дрожал. Мы пытались разговаривать, но какое там... Даже когда кричали над самым твоим ухом, ничего не было слышно. Огненные всполохи были видны всюду. И над нами продолжали выть, свистеть, реветь тысячи снарядов.

С переднего края вернулся капитан Кувардин. По румянцу на лице и блестевшим глазам Льва Александровича без слов можно было понять, что наши начали успешно.

Капитан сел. Расстегнул полушубок. Мы окружили его и ждем, что скажет главный доктор.

— Здорово наши пошли. Чаю, девушки, не найдется?

Тося бросилась к чайнику, налила доктору его любимого, прямо с огня, горячего крепкого чая. Капитан сделал несколько глотков.

Вскоре стали поступать раненые. Кто стонет, кто глухо охает. Стараемся для каждого найти ласковое слово, ободрить, успокоить.

— Крепись, крепись, дружок. Боль не вечна, пройдет... Рана заживет, и до Берлина дойдешь, — с улыбкой говорит Тося.

— Сестричка, попить не найдется? — просит пожилой боец.

— Сейчас, милый...

Внимание было для раненых так же необходимо, как целебная повязка. Почувствовав доброе отношение, они успокаивались, терпеливо переносили боль.

Некоторые раненые сильно ослабели. Сказывалась не только потеря крови, но и огромное физическое и

нервное напряжение, которое они испытали в бою. Необходимо было восстановить хотя бы немного их силы. Мы давали им крепкий чай, хлеб, колбасу.

После перевязки, обогревшись, подкрепив силы, раненые дремали или тихо переговаривались. Кто-то стонал, охал. По коротким, отрывочным фразам мы пытались понять, как идет бой...

— Наташа! — кто-то еле слышно позвал меня из новой партии раненых.

Я оглянулась. На носилках лежал сержант с бледным, бескровным лицом.

— Костя! Что с тобой?

— Сама видишь. Отвоевался. — Он показал глазами на правый рукав полушубка. — Попить...

Я поднесла к его губам кружку с теплым сладким чаем. Он сделал несколько глотков. Поморщился.

— Дай свежей водицы... Все горит... Любе напиши...

Пока я ходила за водой, он задремал или впал в забытье. Беспокоить его не стала.

Костю Пряничникова я знала еще до войны. Он работал на заводе «Большевик» слесарем. Жил тоже в нашем районе. Познакомила нас подруга, работница фабрики «Рабочий» Люба Чернова. Они часто ходили в клуб на танцы. И многие любовались стройной девушкой и черноглазым парнем.

Потом я ушла на фронт и долго о них ничего не знала. В декабре сорок первого года случайно встретилась с Любой. Ее было трудно узнать. Щеки и глаза ввалились, лицо землистого цвета. Одета в поношенную телогрейку и серый старый платок. Никак не скажешь, что ей немногим больше двадцати.

Люба рассказала мне, что во время бомбежки погибли ее отец, мать и младшая сестренка. Единственным близким и родным человеком остался Костя. От него Люба ожидала ребенка. И надо ли говорить, сколько ей пришлось переживать, волноваться. И за будущего ребенка, и за мужа-солдата, и за себя.

Позже, когда я оказалась с Костей Пряничниковым в одном, 947-м стрелковом полку, узнала, что Любу эвакуировали на Большую землю и там она благополучно родила мальчика.

Костя снова открыл глаза. Но меня не узнал. Я побежала к врачу. Надо что-то делать. Надо бороться за жизнь молодого солдата...

3

...Кончался первый день боя. Мы получили команду переместиться на левый берег. Там уже находился командный пункт полка. Стали собирать все необходимое на первый случай. Укладывали перевязочные материалы, инструменты, носилки, продукты. На себе все не унести. Тогда Тося Кононова предложила соорудить санки.

Я и Вера Эклева взялись ей помочь. Не скажу, что у нас все получилось хорошо, но двигаться сани могли. А главное, оказались достаточно прочными.

В объемистый возок впряглись все трое. Тося и я — впереди, а Вера подталкивала сзади и шутливо покрикивала:

— Но, милые! Трогай, поживей, поживей!

По накатанной и утоптанной дорожке переправы мы спустились на невский лед. На том берегу полыхали огневые вспышки. Свинцово-черное небо секли разноцветные пунктиры трассирующих пуль. Длинными очередями заливались пулеметы, потрескивали автоматы. Бой не знал перерывов.

На снегу я заметила алые пятна. Сначала не догадалась, что это такое. И вдруг поняла — кровь! Кровь наших солдат! Внезапно меня охватило щемящее чувство незащищенности. Огромное ледовое поле. И я будто одна на нем. Изо всех сил стала тянуть санки. Быстрее, быстрее с этого льда!

Тот алый снег на всю жизнь остался у меня в памяти. Дорогой ценой солдаты Ленинграда оплачивали прорыв блокады...

Вот и левый берег. Крутой. Недоступный. Опаленный огнем наших батарей. С трудом тянем санки наверх. Хорошо, что подошли двое каких-то бойцов.

— Что, сестренки, сил не хватает? Сейчас поможем медицине.

Дружными усилиями мы втащили санки наверх. Поблагодарили ребят. Стоим и раздумываем: куда тронуться дальше? Нас здесь должен встречать капитан Кувардин. Но его нет.

— Ты — сержант, — сказала мне Вера, — иди узнай, куда нам направляться...

Я пошла по направлению к 8-й ГЭС, спрашивая встречных, где хозяйство Важенина. Кто говорил, что не знает, кто направлял левее, кто указывал дорогу прямо. Не-

вольно подумала, что на войне не то что человек — целое подразделение может потеряться.

Прошла я немного и натолкнулась прямо на нашего капитана Кувардина. Лев Александрович, оказывается, послал нам навстречу санитара, но мы как-то разминулись. К подругам я вернулась вместе с доктором.

— Замерзли, девушки? — спросил капитан.

— Нет, не замерзли, — ответила Тося. — Всю дорогу так торопилась, будто на войну опаздываем.

Мы снова тронулись в путь.

Землянка, которая предназначалась под полковой пункт медицинской помощи, находилась на опушке небольшого лесочка. Ночью в ней еще коротали время гитлеровцы. Нам пришлось вытащить несколько их трупов.

— Девушки, быстренько наводите порядок! Скоро начнем принимать раненых! — распорядился начальник санслужбы.

К счастью, в землянке оказалась исправной добротная печка. Девчата моментально разбили какой-то ящик, развели огонь. Вскоре в тазах шипел и таял снег. Мы принялись скрести, скоблить и отмывать фашистскую грязь.

Выбрасывая с нар солому и всякое тряпье, Тося случайно обнаружила отрез темно-синего сукна.

— Узнаёшь? — спросила, передавая мне отрез.

Я пощупала руками материю. Батюшки! Да это же наш знаменитый тельмановский драп-велюр! Я легонько трогала рукой мягкий, шелковистый ворс и словно гладила не сукно, а теплые, ласковые руки ткачих...

Утром сражение разгорелось с новой силой. Противник бросил против наших подразделений танки и пехоту. Раненые рассказывали, что гитлеровцы прилагают все усилия, не считаются ни с какими потерями, лишь бы вернуть утраченные позиции.

Мы были в числе первых, кто развернул полковой пункт медицинской помощи на левом берегу Невы. И вполне понятно, оказывали помощь не только бойцам своего полка. Раненых было немало. Среди них оказались бойцы соседнего, 952-го стрелкового полка, артиллеристы, саперы, разведчики.

Вначале нас удивляло: почему так мало легкораненых? Позже выяснилось, что многие из них, кто еще мог держаться на ногах, получив первую помощь, продолжали оставаться в строю.

Под вечер пришел к нам фельдшер Николай Пунегов. Он «жаловался» на своего комбата капитана Сошникова:

— Получил слепое осколочное ранение, а об эвакуации и слушать не хочет... Ведь всякое может быть.

— Ты сделал ему противостолбнячную инъекцию? — строго спросил доктор Мирошниченко.

— Сделал! Но надо бы в медсанбат. А он говорит: пока бой продолжается, не пойду... Во какой человек! — В голосе Пунегова звучало неподдельное восхищение своим командиром.

Да и мы все любили этого мужественного и смелого человека. Переживали за него, но в то же время и понимали: любой другой на его месте поступал бы так же. Каждый понимал, какое решающее значение имеют эти бои для ленинградцев.

Помню, привели раненого. Усы побурели от махорки. На лице глубокие морщины. Обрабатывать пришлось две пулевые раны. Одна на правом плече, другая — на левом.

— Как это у вас случилось? — спросила у солдата.

Он ответил:

— Первый раз меня ранило еще поутру, когда «сорокапятку» выкатывали на прямую наводку. Ребята говорят: «Иди, Никифорович, до санчасти, в госпиталь отправят!» Ну а какой же госпиталь, если в расчете всего трое? Ответил: «Погожу. Пока лишь мясо задело. Кость-то цела». Так и управлялся одной правой рукой. Помогал товарищам, пока другая пуля не попала... Думаю, что поправлюсь. Лишь бы доктора руку не отрезали...

Самоотверженно работали наши врачи Кувардин, Чекмарева, Мирошниченко, сандружинницы, санитары. Мы не видели, когда отдыхал Лев Александрович Кувардин. Днем и ночью был он на ногах. Осматривал тяжелораненых, и прежде всего тех, которые имели ранение полости живота, сам оказывал им помощь.

Я обычно работала в паре с доктором Мирошниченко. Мне нравился его спокойный, твердый характер. Он никогда не терялся, даже в самой сложной обстановке. Привезут раненого, он быстро осмотрит и ясно, четко скажет, что надо делать. А ведь попадали к нам порой раненые, у которых живого места на теле не найдешь. Одного из них я хорошо запомнила — сержанта, доставленного с передовой на волокуше. Парень получил несколько осколоч-

ных ранений. Потерял много крови. С каждой секундой в нем угасала жизнь. Он только изредка открывал глаза и просил пить.

Я не могла выполнить его просьбы. Осколок поразил брюшную полость. При таком ранении вода противопоказана.

Мирошниченко прощупал пульс. По тому, как он морщил лоб и огорченно покачивал головой, я догадалась: дела у сержанта плохи.

— Наташа! Вводи морфий...

Я взяла из стерилизатора шприц, выбрала хорошую иглу. Они для таких случаев у нас давно припасены: короткие и острые. Привычно набрала из ампулы раствор.

— Один кубик вводить? — спросила доктора.

— Да, думаю, пока достаточно...

Спустила поршнем шприца пузырьки воздуха и излишки раствора. Потерла смоченной спиртом ваткой левую руку раненого, коротким и резким уколом ввела иглу. Сержант даже не охнул.

— Готово, товарищ военврач!

— Молодец! Снимай повязки!

Ножницами разрезала окровавленные бинты.

Через несколько минут морфий начал действовать. На лице сержанта выступил легкий румянец. И стоны стали утихать. «Будет парень жить», — подумала я, чувствуя, как возвращается к нему жизнь.

Мы быстро обработали раны. Я наложила новые повязки и отправилась к следующему раненому. У него были повреждены мягкие ткани бедра. Ничего страшного! Сам боец это понимал и терпеливо ждал своей очереди.

Перевязывала его рану, а сама продолжала думать о сержанте. Не нравилось мне его прерывистое, хриплое дыхание. Вернулась, пощупала пульс...

— Товарищ военврач, плох наш сержант!

Доктор Мирошниченко со мной согласился:

— Попробуем ввести новокаин...

— Девушки! Начинайте эвакуацию.

Голос капитана Кувардина отрывает от всех дел. Вместе с санитарами переправляем раненых к автомашине, которая остановилась недалеко, в небольшом овраге. И я провожаю «своего» сержанта. Кубик новокаина вернул ему румянец, и пульс стал лучше. Он будет жить!

4

Работать в те дни было трудно. Да и обстановка временами складывалась очень напряженная. Мы иной раз так явственно слышали гул вражеских танков, трескотню фашистских автоматчиков, что подумывали, как бы и нам не пришлось отбивать контратаки врага.

Ни одной минуты отдыха не позволяли себе мои подруги — Эклева, Кононова, Лиза Чикислова. Они постоянно хлопотали возле раненых. Помогали врачам, делали уколы, накладывали повязки, шины. Наблюдая, как работала хрупкая, тоненькая, как тростиночка, Тося Кононова, мы только удивлялись откуда у нее берутся силы. Скажешь ей: «Иди, отдохни!» — а она с обидой отвечает:

— Думаешь, если я слабее Лизы, так уже и выдохлась? Мы еще посмотрим!

И снова шла к раненым. Снова слышался ее ласковый голос: «Потерпи, родной! Скоро тебе полегчает»...

Личный состав нашего полкового пункта медицинской помощи делал все необходимое, чтобы облегчить страдания раненых, спасти им жизнь. Мы не считались ни с силами, ни с обстановкой.

Самоотверженно, смело работали военфельдшеры Николай Пунегов, Павел Заярный, Евгений Микишев. Не обращая внимания на разрывы снарядов и свист пуль, они оказывали на переднем крае помощь раненым, эвакуировали их на полковой пункт.

Как-то Лизу Чикислову направили на помощь Павлу Заярному. Но оказалось, военфельдшера найти непросто.

— Где Заярный? — спросила она санинструктора.

— Известно где — в ротах! Подожди здесь. Придет.

Через некоторое время Лиза увидела Заярного. Он тащил на плащ-палатке раненого. На боку санитарная сумка. В руке автомат. Вместе со своей нелегкой ношей спустился в глубокую воронку, где уже лежали еще двое раненых.

Глоток воды на дорогу, и вот он опять вместе с санитарами, где перебежками, где ползком, опять пробирался к раненым. В траншее, в дымящейся еще воронке, перевязывал раны, накладывал шины.

Павел Заярный вынес с поля боя десятки раненых с оружием. Сколько он потом получал писем от бойцов со словами благодарности! Но сам наш Павлуша не сумел уберечься. Позже, в одной из боевых операций, он погиб.

Нелегкий и опасный труд наших полковых медиков высоко оценило командование. Все они были награждены орденами и медалями. Многие и по сей день продолжают отдавать свои силы и знания благородному и гуманному делу — охране здоровья людей.

18 января — не помню уже, кто нам первый сообщил, — мы услышали радостную весть: «Блокада прорвана! Наши соединились с волховчанами». Трудно передать чувства, которые охватили нас. Мы плакали и смеялись, пели и кружились в вальсе, обнимались и целовались. Бойцы выражали свои чувства ликующими криками «ура!», громовым салютом из винтовок и автоматов.

Да, многое пережили в осажденном Ленинграде и бойцы и население. Но мы никогда не были одиноки, постоянно чувствовали поддержку всего советского народа, заботу Коммунистической партии и Советского правительства. Мы честно выполняли свой долг. И мы победили.

В. А. Вержбицкий

генерал-майор, во время прорыва блокады командир 11-й стрелковой дивизии

ОТВАГА И СТОЙКОСТЬ...

Когда началась операция «Искра», я командовал 294-й стрелковой дивизией, которая к участию в боях не привлекалась. Но в первый же день наступления 2-й ударной армии оперативный дежурный штаба вручил мне телеграмму, подписанную командующим Волховским фронтом генералом армии К. А. Мерецковым. Мне срочно предлагалось прибыть на его командный пункт.

Отдав необходимые распоряжения своему заместителю, я помчался на полевой аэродром. И вскоре самолет У-2 поднялся в воздух, взял курс к району боев.

Глубокой ночью добрался до командного пункта К. А. Мерецкова, доложил о своем прибытии дежурному офицеру. Через несколько минут был уже в вагоне командующего.

— Решено направить вас во Вторую ударную армию, — сказал Кирилл Афанасьевич.

Весь следующий день ушел на знакомство с оперативной обстановкой в армии, а поздно ночью мне вручили командировочное предписание. Согласно приказу командующего фронтом генерала армии товарища Мерецкова, говорилось в нем, что мне надлежит убыть в 11-ю стрелковую дивизию, вручить боевой приказ командиру дивизии и остаться в ней в качестве представителя Военного совета.

Подписано было предписание начальником штаба генерал-майором П. И. Кокоревым и начальником оперативного отдела полковником М. Бурмистровым.

11-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне. Но один из ее полков, 163-й, уже вел бой. Его по

приказу командарма 13 января направили в район рощи «Круглая».

— Связь с этим полком есть? — осведомился я у командира дивизии.

Он ответил отрицательно. Комдив не знал, где полк находится, какие понес потери, кто его обеспечивает. Свою неосведомленность объяснял просто: раз армия забрала полк из дивизии, то должна и заботиться о нем.

Я не мог согласиться с такой точкой зрения. Решил побывать в полку, узнать, как он действует и в какой поддержке нуждается. Отправился вместе с начальником оперативного отделения дивизии и небольшой группой автоматчиков.

Полк мы нашли на южной опушке рощи «Круглая». Его батальоны действовали вместе с частями 327-й стрелковой дивизии.

— Потери у нас значительные, — доложил командир полка Виноградов. — Но наступать можем. Вот надо только артиллерии добавить, а то огонь пока слабоват.

В дальнейшем выяснилось, что полк, действуя в отрыве от главных сил дивизии, плохо обеспечивается боеприпасами. Да и доставка продовольствия не налажена, бойцы сутки не получали горячей пищи. По рации соединяюсь с командующим армией, докладываю ему.

— Значит, полк топчется на одном месте?

Отвечаю ему, что полк ослаблен, с задачей может не справиться. Нужно ввести в бой и остальные полки дивизии.

— Правильно, — согласился Романовский. — Действуйте решительнее.

С указаниями командарма я познакомил командира дивизии. В 219-й и 320-й полки было направлено боевое распоряжение.

Уже начинало смеркаться, когда командир 219-го стрелкового полка подполковник Лесков сообщил по телефону:

— Ноль пятнадцать. Борис на месте.

Это означало: его полк занял боевые порядки на указанном направлении.

Через некоторое время о том же доложили командир 320-го полка подполковник Колзун, командиры 539-го гаубичного и 72-го легкого артиллерийского полков.

Наш командно-наблюдательный пункт находился в траншее. Связь с полками поддерживалась по радио и те-

лефону. С командирами частей сверили часы, договорились о сигналах общей атаки.

Как только стало светать, после короткого огневого налета нашей артиллерии по вражеским позициям ударили «катюши». И тотчас же стрелковые цепи пошли в атаку.

На НП один за другим поступали донесения. С упорством обреченных гитлеровцы отстаивали каждый метр земли.

В разгар боя подошел начальник штаба дивизии полковник Тюрин, протянул мне телеграфный бланк. Приказом командующего фронтом я назначался командиром дивизии. Одновременно в телеграмме сообщалось, что мне присвоено звание полковника.

В это время телефонист, передавая мне трубку, сказал:

— У аппарата первый.

— Почему опять застряли? — спросил командарм. — Вы теперь за все в ответе.

— Дзоты мешают. Не добрались еще до них.

— А пора бы, жду к вечеру иного доклада.

Бой развертывался в каком-нибудь полукилометре от НП дивизии. В стереотрубу хорошо были видны вражеские укрепления, угадывались замаскированные пулеметные гнезда, стрелковые ячейки.

Хорошо просматривалась ровная, без единого кустика, местность. При малейшем оживлении на нашей стороне открывали огонь вражеская артиллерия и пулеметы. Создавали такую завесу, что не только человек, мышь и та не проскользнет. Единственный способ преодолеть этот открытый участок—уничтожить и подавить силой нашего огня вражеские огневые точки, заставить замолчать батареи противника.

Такую задачу я и собирался поставить артиллерийским полкам. Но в это время произошло событие, изменившее коренным образом течение боя. Во вражеском расположении неожиданно взметнулся к небу столб разрыва. Вместе с бурой землей кверху полетели бревна. Затем до нас докатились глухой гул и громкое «ура». На снегу, перемешанном с землей, замелькали фигуры бегущих вперед наших бойцов.

Соединяюсь с командиром полка Я. И. Лесковым, спрашиваю: что произошло?

— В самом центре вражеского узла сопротивления комсомолец старший сержант Романов подорвал блиндаж

с боеприпасами. Воспользовавшись замешательством противника, взвод младшего лейтенанта Кухоткина ворвался на вражеские позиции. А сейчас уже весь батальон атакует врага. Занято девять блиндажей...

— Продолжайте развивать успех, — приказал я.

Вечером уже можно было доложить командарму, что на нашем участке наступления лед тронулся. Правда, оговорился я, бурный паводок еще не наступил, но дело идет к тому.

— Продвигаясь вперед, не забывайте о закреплении отвоеванных рубежей, — предупредил генерал-лейтенант В. З. Романовский. — По данным разведки, противник перебрасывает в ваш район свежие силы. Возможны контратаки.

Опасения командарма подтвердились. Гитлеровцы, установив стык между двумя из наших подразделений, начали просачиваться на фланги полков.

Первыми обнаружили врага бойцы роты старшего лейтенанта Петрова. Отделение старшего сержанта Будниченко, подпустив гитлеровцев метров на пятьдесят, внезапно открыло залповый огонь. Командир отделения застрелил трех фашистов. Отличился также оружейный мастер Гвоздиков. Он случайно оказался в этом отделении, объяснял бойцам, как пользоваться трофейным оружием. Увидев наседавших гитлеровцев, Гвоздиков схватил трофейный пулемет, установил его на бруствере, открыл огонь по врагам.

На помощь отделению старшего сержанта Будниченко командир взвода младший лейтенант Ершов вскоре привел подкрепление. Гитлеровцы вынуждены были отойти, оставив перед нашей траншеей немало трупов.

Внезапно столкнулись с подразделением вражеских автоматчиков пять наших саперов. Силы были неравными, но сержант Головушкин решил принять бой. Саперы открыли по врагу огонь из винтовок и тем самым предупредили своих товарищей из батальона об опасности. Врагу не удалось скрытно подготовить контратаку.

Так обстояло дело в 163-м полку. Оживились гитлеровцы и на участке его соседа. Командир 320-го полка майор Колзун, доложив о том, что у врага занят еще один опорный пункт, вместе с тем сообщил, что на обратных скатах командной высоты сосредоточены вражеские солдаты. Там у противника построены прочные блиндажи,

отрыты глубокие траншеи. Из орудий и пулеметов, к сожалению, гитлеровцев не достать.

— А минометов разве у вас нет?

— Есть.

— Почему же их не используете? Один расчет Шумовых многое может сделать...

Слава об этом расчете шла по всему фронту. Командовал им сержант Александр Шумов. Вместе с ним в расчет входили его родные и двоюродные братья Лука, Василий, Иван и Авксентий.

В дивизионной газете «Красное знамя» о них писали: «Счастливое подразделение — минометный расчет братьев Шумовых! Оно ни разу не отступало, ни разу не уходило с русской земли. Воевать оно начало на земле, освобожденной от врага, если передвигалось, то только вперед...»

В памяти сохранился такой эпизод. В 320-й полк приехал командарм В. З. Романовский. Захотелось ему посмотреть, как действует расчет Шумовых. Поздоровался с каждым за руку. Командир батареи, старший лейтенант Цивликов, указал братьям цель — вражеский блиндаж. Рядом с наблюдателем Фроловым занял место адъютант генерала.

— Сколько мин надо, чтобы пристреляться и перейти на поражение? — спросил В. З. Романовский.

— Три, товарищ генерал-лейтенант! Четвертой будем поражать, — ответил старший сержант Александр Шумов.

Выпустили первую мину.

— На линии блиндажа, но метров пятьдесят левее, — сообщают с НП.

Выпустили вторую.

— На той же линии, но на десять метров правее! — корректирует наблюдатель.

Третья мина дала перелет, но тоже неподалеку от блиндажа.

— Разрешите перейти на поражение цели? — спросил командир расчета.

— Давайте.

Выпустили беглым четыре мины.

— Цель поражена, — сообщил корректировщик Фролов.

Генерал поздравил братьев, похвалил за уменье.

А теперь расчету братьев Шумовых предстояло ударить по скоплениям противника на обратном скате командной высоты.

Через полчаса майор Колзун доложил:

— Шумовы боевую задачу выполнили. Разрушено пять блиндажей и один дзот.

— Передайте им мою благодарность. Что еще?

— В ходе наступления между моим полком и полком Лескова образовался разрыв. Чтобы его прикрыть, сил не имею...

— И мне направить туда некого! Используйте мины и колючую проволоку.

В ночь на 18 января 1943 года взвод саперов младшего лейтенанта Кондрашова вышел на выполнение боевой задачи. Возглавлял саперов начальник штаба батальона старший лейтенант Голубицкий.

Вражеская артиллерия беспрерывно вела огонь. Не смолкали пулеметы и автоматы противника. Но саперы, закаленные в жестоких схватках, привыкшие к трудностям и опасностям войны, с задачей справились. За одну ночь они поставили 238 мин, полностью закрыв стык. Младшего лейтенанта Кондрашова обратно привезли на волокуше, — он был тяжело ранен.

Утром гитлеровцы пытались проникнуть в наши боевые порядки, но нарвались на минное поле и отошли. Минут через десять—пятнадцать уже правее, из-за земляного вала, высыпало более сотни вражеских солдат с пулеметами и автоматами.

На этом участке держал оборону поредевший в бою взвод младшего лейтенанта Ершова. Момент трудный, люди должны отразить контратаку превосходящего противника. Семнадцать бойцов встретили врага гранатами и автоматно-винтовочным огнем.

В стереотрубу с НП было видно, как фашисты залегли и начали отстреливаться.

Я связался с командиром полка и хотел было обратить его внимание на этот опасный участок. Но выяснилось, что на помощь взводу Ершова направлено отделение бойцов во главе с лейтенантом Варюшиным. Младший лейтенант Ершов поднял солдат в атаку, а лейтенант Варюшин со своими бойцами стал обходить гитлеровцев справа.

В бой включались все новые и новые подразделения 320-го и 163-го полков. Они выбили врага из треугольника, образованного железнодорожными путями, и заняли этот опорный пункт.

Противник отчаянно защищался, сосредоточив на участках нашего наступления огонь большой плотности. Все

это не могло не отразиться на управлении боем. Телефонные линии постоянно рвались, и вся тяжесть ложилась на радиосвязь. Особенно самоотверженно работали радисты в первом батальоне, которым командовал капитан Федоров.

К концу дня 16 января батальон оказался под угрозой окружения, и только вызванный по радио артиллерийский огонь разрядил обстановку. В ночь на 18 января фашисты снова двинулись на батальон капитана Федорова. Во время огневого налета начальник радиостанции сержант Иванов погиб. Связь обеспечивал радист-красноармеец Жердев. Он был ранен, но продолжал работать. Заменить его было некем, и он оставался в батальоне, пока не наступило затишье.

На рассвете 18 января противник начал сильные контратаки на всем фронте и крупными силами. Наши части были вынуждены перейти к обороне. Опыт командного состава, беспредельная храбрость солдат, своевременный вывод на позиции орудий, пулеметов, установка саперами бронеколпаков на переднем крае позволили отбить яростный натиск врага.

В отражении гитлеровских атак отличились 219-й и 320-й стрелковые полки, легкий артиллерийский полк подполковника Куделько и 26-й саперный батальон майора Н. С. Лобовикова.

В разгар боя наблюдатель доложил мне, что с правого фланга движется к НП группа офицеров. Беру бинокль и рассматриваю идущих по склону бугра: э, да это командарм — генерал-лейтенант В. З. Романовский. Идет как на параде в сопровождении нескольких своих офицеров.

Выбегаю навстречу. Докладываю, что дивизия выполняет поставленные задачи, сегодня уже третья контратака отбита.

Как начальник боевого участка прошу всех офицеров уйти в укрытие, а с командармом идем на мой НП.

— Как с личным составом? — спрашивает Романовский, наклоняясь над оперативной картой.

— Потери большие, товарищ командующий.

— Что намерены делать?

— Решил переформировать полки в двухбатальонные.

— Что ж? Это резонное решение...

Командующий знакомится с обстановкой и утверждает план боя.

Провожать себя не разрешает.

— Ты руководи боем, — говорит он мне на прощанье, — а мы пойдем к соседям, посмотрим, что они поделывают, — не спят ли? — Уходит той же молодцеватой походкой бывалого фронтовика.

В тот же день из штаба армии сообщили, что севернее нас части 2-й ударной армии соединились с войсками Ленинградского фронта.

Пробитый нашими войсками коридор южнее Ладожского озера был хотя и невелик, но это уже была сухопутная связь Ленинграда со всей страной.

Блокада Ленинграда прорвана! Но противник с этим не собирался мириться, вел непрерывно артиллерийский и минометный огонь по нашим боевым порядкам, предпринимал даже психические атаки.

По боевым порядкам 219-го полка 19 января противник выпустил более тысячи мин и снарядов разных калибров. Впервые применили гитлеровцы на нашем участке горючие смеси, напоминающие современный напалм. О том, как это произошло, мне подробно доложил командир полка Я. И. Лесков.

В ту ночь он, как и обычно, находился на своем КП в 150 метрах от переднего края. Из батальона капитана Удалова ему позвонил сын Герман, служивший радистом, и сказал: «Папа, выйди и взгляни, что происходит!» Я. И. Лесков выбежал вместе с адъютантом из блиндажа и от яркого света даже глаза закрыл. Вражеские ночные бомбардировщики на больших парашютах понавесили огромные «люстры», примерно такие, какие можно увидеть в Москве в Большом театре.

Пока люстры опускались, освещая местность, снова появились самолеты и начали сбрасывать контейнеры с горючей смесью. От удара о землю контейнеры взрывались, вспыхивало огромное пламя, языки которого были высотой около 20 метров. К тому же противник открыл еще и артиллерийский огонь.

Казалось, в лаве огня погибло все живое. Но вот прибыли связные с донесениями. Командиры подразделений сообщали, что потери в личном составе незначительны, часть контейнеров попала на ничейную полосу, а на правом фланге гитлеровцы сбросили горючую смесь на свои войска.

К утру нашим бойцам удалось погасить очаги огня. И люстры догорели. Но командира полка не покидало

чувство тревоги. Он приказал офицерам занять боевые места, сам надел каску и, взяв автомат, отправился в траншею. На НП полка оставался его адъютант, старший лейтенант Французов, заменявший раненого накануне начальника штаба майора Курасова.

Предположения командира полка оправдались: в 5 часов утра гитлеровцы начали психическую атаку. Справа потеснили подразделения соседа, вклинились в глубину наших боевых порядков.

Обо всем этом командир полка доложил мне.

— На каком расстоянии противник от ваших траншей?

— Двести — двести пятьдесят метров, — ответил майор Я. И. Лесков.

— Даю десятиминутный артналет, контратакуйте. Для поддержки полка высылаю роту из своего резерва.

Командир полка точно выполнил приказ, четко организовал взаимодействие между стрелковыми подразделениями и артиллерией поддержки.

Между тем вражеская пехота приближалась к нашим траншеям. Когда расстояние сократилось до ста метров, майор Я. И. Лесков дал сигнал на контратаку. Из траншеи выскочили наши бойцы и командиры. Открыв огонь из автоматов, с криком «ура» бросились на врага. В этот же момент заработали батареи артиллерии поддержки и минометы.

Гитлеровцы не ожидали столкнуться с таким сопротивлением и начали отходить. Наши воины, преследуя их, под прикрытием артиллерийского огня вплотную подошли к вражеской траншее и на правом фланге ворвались в нее.

По моему приказу перешел в контратаку и 163-й полк. Часам к двенадцати положение было полностью восстановлено на всем участке.

Тяжелые бои на синявинском направлении продолжались еще не одну неделю. Командование 18-й немецко-фашистской армии перебросило в полосу прорыва новые дивизии, артиллерийские и танковые части. Наши войска перемалывали их, стремясь не допустить выхода гитлеровцев к Ладожскому озеру.

20 января неподалеку от моего наблюдательного пункта был ранен заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.

Об этом генерал рассказывает в своих воспоминаниях, мне остается дополнить некоторые детали.

Утром начальник штаба полковник Тюрин сообщил, что к нам выехал заместитель командующего фронтом. Я тотчас отправился с НП к нему навстречу.

На командном пункте доложил обстановку И. И. Федюнинскому. Генерал решил побывать на переднем крае. Я предложил ехать на НП в моем броневике. Но Федюнинский наотрез отказался.

Договорились так: я с адъютантом и одним офицером из группы генерала еду впереди, за мной на расстоянии метров триста едет в «эмке» Иван Иванович, а потом еще одна машина с офицерами.

Вражеские наблюдатели, видимо, следили за дорогой. Как только мы выехали, начался обстрел. Укрывшись за пригорком, мы долго ждали остальных машин. Никто не появлялся. Зная, что генерал И. И. Федюнинский бывал в этом районе, я подумал, что он проехал на НП другой дорогой. Однако и там его не было. Позвонив на командный пункт, я узнал, что около его машины разорвался снаряд: генерал-лейтенант Федюнинский ранен. Генералу оказывает первую помощь ротный фельдшер — участник первой мировой войны, кавалер трех «георгиев», санинструктор Гордеев из штабной батареи 72-го легкого артиллерийского полка. Гордеев сопровождал раненого до армейского госпиталя.

В феврале 1943 года к нам приехала делегация ленинградских рабочих. Возглавляла ее, насколько помнится, Мария Игнатьевна Ковалева — старая большевичка и мать двух воинов-фронтовиков.

Ленинградцы очень хотели попасть на передний край, но мы отсоветовали. Ведь почти каждый участок нашей обороны просматривался врагом.

Митинг провели в артиллерийском полку. Бойцы и командиры рассказывали делегатам о своих боевых делах, заверяли, что свой долг выполнят с честью.

После митинга рабочие попросили дать им возможность нанести удар по гитлеровцам. Артиллеристы зарядили пушки снарядами ленинградского производства с надписью: «По Гитлеру!» Делегаты дали залп.

11-я стрелковая дивизия, история которой тесно связана с городом Ленина, внесла достойный вклад в разгром вражеских войск южнее Ладожского озера.

А. М. Михайлов

подполковник, во время прорыва блокады корреспондент фронтовой газеты «На страже Родины»

В. С. Василевский

капитан, во время прорыва блокады корреспондент фронтовой газеты «На страже Родины»

ЗДРАВСТВУЙ, БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ!

В канаве, на северной опушке рощи «Лилия», лежали командир первого батальона 123-й отдельной стрелковой бригады капитан Н. М. Банников и его заместитель по политической части капитан Гайк Мелконян.

— Ну, обстановка прояснилась, — задумчиво сказал Банников. — В лесу артиллерия не развернется. А у немцев вокруг поселка — дзоты и капониры. Смекаешь?

Было решено — в лесном бою, там, где не могут стрелять прямой наводкой пушки, послать вперед сквозь бурелом и завалы бронебойщиков роты Воротняка. А минометчикам Доронина надлежало нанести огневой удар по засевшим в поселке гитлеровцам.

Хрипло пищали телефоны. Проворно шныряли среди деревьев связные. Рота Калугова выдвинулась на правый фланг и залегла во рву. Батальон был готов к атаке.

В небо взлетела ракета. Тревожная тишина сменилась лязгающим и воющим грохотом.

По приказу капитана Банникова минометчики вышли на опушку. Дальше — мелколесье, поляна и поселок, а в нем гитлеровцы.

Еще бушевал в лесу шквал неприятельского огня. Падали подкошенные взрывами сосны. Но уже был занесен над поселком огненный меч.

Грянул залп приданной батальону минометной батареи Доронина. Багровое пламя поднялось над домами; заметались, забегали вражеские солдаты и замертво валились на снег.

А в это время бронебойщики приданной батальону роты противотанковых ружей ползли по сугробам. Крас-

ноармеец Ащенков незаметно пробрался по кустам к вражескому дзоту и уничтожил его. Лейтенант Воротняк затем поджег еще два дзота.

— Ну, время к атаке идет, — сказал капитан Банников. — Слава бронебойщикам! Слава минометчикам!

И тут разорвалось рядом, да так оглушительно, что почудилось — сама земля завыла от нестерпимой боли. Комбат прислонился к стенке канавы и плотно зажал рукою кровоточащую рану.

— Эх, неужто отвоевался? — горестно вздохнул он. — Командуй батальоном, Мелконян.

Пронзительно запищал полевой телефон, и Доронин доложил, что вражеские автоматчики обошли с трех сторон минометную батарею.

* * *

Ранен сержант Соловьев. Ранен красноармеец Новиков. Ранен старший сержант Жуков. Но ни слова жалобы не вырвалось из их побелевших уст. Лежали в снежных окопах и били в упор по наседавшим гитлеровцам.

— Мы отсюда никуда не уйдем! — сказал минометчик Полудин.

Доронин и не помышлял о том, что минометчики отдадут врагам этот рубеж. Беспокоился командир о другом: близок срок атаки, и важно не ослабить темп огня.

— Держишься? — спросил по телефону Мелконян.

— До последнего вздоха, — сказал Доронин.

Остановили, отогнали фашистов минометчики. Снова дружными залпами принялась батарея дробить твердыню неприятельской обороны.

Мелконян подал сигнал, и штурмовые группы пошли на вражеские дзоты. Рядом с ними двигались бронебойщики.

За корневищами огромного дерева укрыл расчет своего ружья Чернышев. Фашистские минометы били из-за лесной сторожки. Три выстрела — и пламя охватило сторожку. Противник бросился к поселку, но ему перерезали путь бойцы лейтенанта Павлова. Многих фашистов уложили штыками и пулями, 38 взяли в плен.

Уже взвод Кондрашева блокировал и уничтожил два дзота. Уже ползли по поляне стрелки рот, которыми командовали лейтенанты Калугов и Раков. Упал на снег раненый красноармеец Филатов.

— Вперед, ребята! Бейте врага! — крикнул он, а затем встал и, превозмогая боль, побежал, стреляя на ходу из винтовки.

Штурмовая группа старшего лейтенанта Иванова окружила двухамбразурный дзот и подорвала его противотанковыми гранатами.

В тот час сообщили Мелконяну, что соседи справа — стрелки Мандрыкина захватили вражеский опорный пункт. Пора и ему было покинуть узкую канаву у леса и вести свой батальон в атаку.

— Товарищ командир, гляньте-ка! — изумленно сказал связной Анисимов.

Капитан Банников и старший сержант Петрусов, обнявшись, тяжело, неуклюже ступая по дороге, шли к канаве.

— Что ж, Гайк, — твердо вымолвил капитан, — ноги еще ходят, глаза врагов видят! Негоже мне лежать в лазарете.

Голова Петрусова была обмотана окровавленным бинтом.

Мелконян только обнял друзей. Не было времени для лирических объяснений.

— Атака! — приказал он.

Вскоре «ура» заглушило пулеметную трескотню, рванулись вперед бойцы, и не было в мире силы, чтобы их остановить.

* * *

— Что на правом фланге? — спросил Банников.

— Выставил заслон, — ответил Мелконян. — Автоматчики, станковые пулеметы. Я за правый фланг не боюсь. У меня теперь одна дума: разведать огневые точки врага в Первом поселке.

Они сидели в блиндаже и пили чай. Комбат, бледный, утомленный, держал на коленях карту.

— Ай-яй, ты совсем ослаб, — горестно сказал Мелконян и сердито попросил командира уйти в госпиталь.

— Ты не ругайся, — миролюбиво отвечал майор. — Я уж и позабыл о ранении. Сейчас придет офицер связи от Мандрыкина. Побеседуем.

Батальон стремительным штурмом захватил в лесу важный рубеж вражеской обороны и вышел к окраине поселка. Бойцы отрывали снежные окопы, чистили винтовки и пулеметы. Позвонил Доронин и сообщил, что минометчики заняли скрытую и выгодную позицию. Ночь

проходила над приневскими берегами, военная ночь с золотыми звездами в небе и одинокими выстрелами на земле...

Мелконяну наконец удалось уговорить Банникова пойти в госпиталь. Он обнял, поцеловал друга и проводил его до дороги. Вернувшись в блиндаж, вновь взял карту. Мелконян знал, что поселок — центральный утес узла сопротивления — надежно укреплен. Пленные рассказали, что в нем 20 дзотов и капониров, не менее 30 орудий. Но где расположены вражеские огневые точки, капитан не знал. И должен был точно узнать об этом еще ночью, до начала боя. Он не имел права действовать завтра на авось, вслепую.

...А старший лейтенант Иванов еще лежал, истекая кровью, в 25 метрах от вражеских траншей. И рядом с ним — раненый лейтенант Моисеенко. Три раза пытались проползти к ним санитары, но плотный пулеметный огонь не пускал их.

Мелконян вызвал старшего сержанта Терентьева.

— Помнишь слова Суворова? — спросил он.

— Сам погибай, а товарища выручай! — ответил старший сержант.

— Иди, — приказал Мелконян.

И Григорий Терентьев ушел в ночную темь...

Непрерывно звонили телефоны, приходили связные из рот. Мелконян проверял, накормлены ли бойцы, выставлены ли дозоры на флангах, читают ли агитаторы свежие газеты красноармейцам, смазаны ли пулеметы, сушат ли у костров портянки и валенки, ведут ли командиры рекогносцировку? Он отдавал короткие, но точные приказы.

А Терентьев и связной Оленин ползли, глубоко зарывшись в снег, к вражеским траншеям. Они пробились сквозь огонь, отыскали командиров и благополучно доставили в санчасть...

Мелконян решил провести разведку боем. По его приказу бронебойщики Воротняка выдвинулись за линию нашего боевого охранения и открыли неприцельный огонь. Гитлеровцы увидели яркие вспышки выстрелов и ответили стрельбой трассирующими пулями из дзотов. Ротные наблюдатели и Воротняк в это время засекли вражеские огневые точки.

На рассвете Мелконян в последний раз подробно поговорил с соседом Мандрыкиным, которому надлежало

утром нанести по поселку фланговый удар. Радостной вестью для Мелконяна был рапорт Терентьева, что командиры Иванов и Моисеенко спасены. Затем он позвонил командиру бригады подполковнику Шишову и доложил об обстановке.

Светлело небо на востоке. Спали в наспех сделанных землянках, шалашах и палатках бойцы. Не спали только часовые, наблюдатели, повара, телефонисты. Не спал Мелконян. Он сидел у воткнутой в горлышко бутылки свечи, разглядывал карту. О многом надо было ему подумать, чтобы встретить первый луч солнца спокойно, уверенно.

* * *

Утренний бой начали минометчики Доронина. Они выпустили не одну сотню мин. Вновь храбро шли рядом со стрелками бронебойщики Воротняка, выживая фашистов из дзотов. Внезапно вражеские минометы остановили плотной стеной огня роту Ракова.

— Маневрируй! — крикнул Мелконян в телефонную трубку Доронину.

Лейтенант Ивченко с расчетом миномета подобрался по балке к вражеской батарее. Двадцать мин выпустил его миномет, четыре фашистских миномета были разбиты.

...Нет, не улежал в госпитале капитан Банников. Опираясь на палочку, брел он по тропинке. Шел к своему батальону капитан. У самого командного пункта осколок вражеской мины ранил его вторично.

— Не судьба, — вздохнул он и попросил у санитара махорки.

Увезли на волокуше капитана. Так и не довелось ему повидать Мелконяна и бойцов в то утро...

Бой разгорался. Рота Голубева укрепилась на окраине поселка и начала выбивать гитлеровцев из домов. Бойцы Ракова храбро бились во вражеских траншеях.

Подполковник Шишов сообщил Мелконяну, что подразделение Махиненко на левом фланге перерезало железную дорогу и вышло в тыл поселку.

— Встречай нового комбата, — добавил он. — Косарь. Знаешь его?

— Поработаем! — коротко сказал Мелконян.

А на правом фланге шли в наступление бойцы Мандрыкина. Противник вынужден был рассредоточить

свой огонь. Когда пришел старший лейтенант Косарь, Мелконян передал ему управление батальоном и пошел к минометчикам.

Рота Калугова наткнулась на вражеские пулеметы. Наблюдатели передали целеуказания.

— По пятнадцать мин, беглым, — приказал Доронин.

Группа вражеских автоматчиков собиралась за развалинами домов для контратаки. Не вышло! И сюда достала батарея Доронина. Мелконян умело переносил залпы минометов на наиболее опасные участки боя.

Счастьем наполнилась душа его, когда услышал бурное, восторженное «ура». Батальон ворвался в поселок. Фашисты выбегали из траншей и подвалов. Их разили в упор.

Наступила тишина. Тишина победы опустилась на дымящиеся развалины поселка. Конец! Старший лейтенант Косарь ввел в поселок батальон. По твердому насту Мелконян и его связной Анисимов медленно шли к лесу. Лыжники в белых халатах, легко скользя по сугробам, показались на опушке.

Свои!

И через минуту, счастливо смеясь, Мелконян обнял волховчанина майора Мельникова. Анисимов крепко пожал руку незнакомому бойцу Волховского фронта.

Мелконян и Косарь стояли на холме. Пот покрывал их темные лица. Гайк Мелконян посмотрел на часы. Было тридцать пять десятого. Пять минут назад воины двух фронтов — Ленинградского и Волховского — соединились в Рабочем поселке № 1. Комбат Косарь, обращаясь к радисту, сказал:

— Передайте в штаб бригады, что первый батальон боевой приказ выполнил.

А. Г. Глухинький

сержант, во время прорыва блокады помощник командира взвода разведроты 34-й лыжной бригады

ДРУЗЬЯ МОИ — РАЗВЕДЧИКИ

Кто сам не пережил этого, тот не может представить, каково моряку расстаться с бескозыркой. Но на войне выбирать не приходится: сказано, в пехоту — значит, в пехоту. А позади остались почти пять лет службы на Балтике, лихие рейды на торпедных катерах, оборона полуострова Ханко — легендарного Красного Гангута. Приказ краток:

— Зверев, Евдокимов, Бондаренко, Пашкин, Глухинький, вы направляетесь в лыжную бригаду!

— Есть! — отвечает каждый из нас, обещая и на суше не посрамить славных флотских традиций.

Сентябрь 1942 года. Казалось, какие тут могут быть лыжи, когда льют дожди, а до первого снега еще ой как далеко. Но начинать подготовку приказано немедленно. Меня же, учитывая, что я когда-то имел разряд по лыжам, назначают инструктором.

Начинаем выкладывать лыжню из еловых веток. Одна только эта работа достаточно тяжела для истощенных блокадников, а впереди еще лыжные тренировочные пробеги. Боюсь думать, что будет после, когда вижу, с каким трудом лыжники проходят первую дистанцию по елочному насту. Но вот вторая, третья, четвертая тренировки — смотрю, ребята набираются сил и ловкости. До зимы будет еще не одна тренировка.

Отличные подобрались парни, волевые, настойчивые. С такими, как принято говорить, смело можно идти в разведку. Так оно и вышло, только не в переносном смысле, а в прямом.

Перед нашей ротой была поставлена задача овладеть мастерством разведчиков. Учения проводились не только в тылу, но и в боевой обстановке. Нас группами направ-

ляли на передний край. К окончанию этой своеобразной «стажировки» у многих из нас на счету было по нескольку «языков».

В январе 1943 года 34-я отдельная лыжная бригада передислоцировалась в район поселка Морозовка, вблизи Ладожского озера. Для нас, разведчиков, этот переход был особенно памятным. Командир бригады подполковник Я. Ф. Потехин поставил задачу прокладывать лыжню по снежной целине. Не один километр предстояло пробиваться, и каждый шаг стоил огромного напряжения.

Какой паек имел при себе солдат Ленинградского фронта в то время, рассказывать излишне. В общем, досыта редко доводилось поесть. Помню, в походе боец Иван Плотников совсем выбился из сил. Мы ему помогали всем, чем могли. Отдали у кого что было из еды. Несли по очереди его автомат и вещевой мешок. Идти пришлось по глубокому снегу, прокладывать лыжню в глухом лесу, одолевая крутые холмы. Но никто не отстал. Все лыжники выдержали первое испытание.

В том переходе я узнал цену бодрящей солдатской песни. Наш боец Нарышкин, как только мы останавливались на привал, пел шуточные песни, аккомпанируя себе на аккордеоне. Это очень подбадривало бойцов.

Совершив большой марш-бросок, мы вышли на правый берег Невы. 13 января бригада заняла исходные позиции. Велик был у молодых лыжников наступательный порыв.

И когда наконец пришел приказ о наступлении, мы испытали непередаваемую радость, будто от этого боя за Шлиссельбург зависела судьба всей войны.

На участке, где действовала разведрота, фашисты сильно укрепились на командной высоте. Всю ночь мы дрались, оттесняя и оттесняя врага. К утру вышли к Шлиссельбургу. В бою за освобождение города погибло много наших товарищей. Скончался на моих руках смертельно раненный заместитель политрука роты Михаил Бондаренко — балтийский моряк. Много лет прошло, но до сих пор в ушах звучат его последние слова:

— Андрей, только не отступайте... Надеюсь на вас...

Ему тогда шел двадцать второй год. Погиб и другой мой товарищ — Николай Антонов. Воевал он храбро, презирая смерть. Немало гитлеровцев уничтожил огнем своего автомата и гранатами, а затем сражался с фашистами врукопашную.

Когда бригада начала овладевать восточной частью города, фашисты стали отступать в направлении Синявино. В ночь на 18 января наш второй взвод (я в то время был помощником командира взвода) получил приказ проникнуть к дороге, ведущей из Шлиссельбурга на юг. Этот приказ мы выполнили точно и быстро.

Лежим в кюветах, ждем. Минут через двадцать—тридцать на дороге показалась головная автомашина, за ней еще несколько. Целая колонна! По команде лейтенанта Вагина мы забросали ее гранатами. Загорелись первые три автомашины. Загородили путь остальным. Дальше было проще. Мы открыли огонь из автоматов и пулеметов. В панике гитлеровцы повернули обратно, ища спасения в горящем городе.

Памятным днем в моей фронтовой жизни было 18 января 1943 года. К вечеру группа разведчиков, и я в том числе, получила задание пробраться к деревне Липки. Какова же была наша радость, когда, выйдя к этому селению на берег Ладоги, мы встретились с бойцами Волховского фронта. Не стыдно признаться — мы плакали. Но это были слезы ликования.

После освобождения Шлиссельбурга лыжников перебросили на синявинское направление. Надо было здесь укрепить оборону, не допустить, чтобы гитлеровцы опять прорвались к Ладожскому озеру.

Двоим, сержанту Рожкову и мне, было приказано выдвинуться на наблюдательный пункт, который находился в 100 метрах от нашего переднего края и метрах в 50—70 от противника.

Ночью нам удалось проползти на небольшую высотку незамеченными. Окопались. Когда рассвело, стали вести наблюдение за позициями противника, докладывая обо всем по телефону командиру. Хоть мы и тщательно маскировались, фашисты все же обнаружили нас и стали обстреливать из минометов и орудий. Нарушилась телефонная связь. Мы несколько раз чинили линию, но она опять выходила из строя. Нам поочередно пришлось ползать с донесениями о выявленных огневых точках.

С гордостью вспоминаю лихие вылазки наших ребят. Не пришлось мне жалеть, что поменял бескозырку на пехотную шапку-ушанку. В дружной семье разведчиков, как и в команде торпедного катера, свято соблюдался главный закон войскового братства: «Все за одного, и один за всех».

А. А. Зотов

гвардии подполковник медицинской службы, во время прорыва блокады старший врач 270-го полка 136-й стрелковой дивизии

МЕДИКИ ОДНОГО ПОЛКА

Мне казалось, что я до боев по прорыву блокады хорошо знал старшую медсестру Л. С. Новикову. Любовь Сергеевна — ветеран полка. К раненым она относилась заботливо, ласково, по-матерински: не только окажет медицинскую помощь, но и накормит, напоит, душевно побеседует, одобрит, напишет под диктовку письмо к родным.

И вот в один из дней боев за прорыв блокады мне раскрылась такая грань в характере Л. С. Новиковой, что я был потрясен силой ее духа. Это случилось тогда, когда горе вторглось в ее личную жизнь — погиб смертью героя ее муж, капитан Новиков. Мне сказали, что она еще не знает об этом. С тяжелым чувством отправился я на ППМ, где уже несколько суток несла свою нелегкую вахту медсестра Л. С. Новикова. Как я сообщу ей тяжкую весть, как буду утешать, какие слова найду для этого? И еще я подумал: надо просто предоставить Любови Сергеевне кратковременный отпуск. Ведь она так устала за эти несколько дней боев, что прямо с ног валится.

...Я наблюдал за тем, как быстро, ловко, прямо-таки искусно она перевязывает раненых, делает им уколы, успокаивает их, дает советы, находит для каждого, быть может, именно то самое слово, в котором этот человек и нуждается. Стоял и все еще никак не мог решиться, чтобы сообщить ей о случившемся... А когда наконец отозвал ее на минуту в сторону, стал что-то взволнованно и, видимо, невнятно говорить, Любовь Сергеевна сдержанно сказала:

— Анатолий Алексеевич, я все знаю... Вас опередили... Никаких отпусков мне не надо... Видите, сколько раненых...

— Отдохните хоть немного...

— Я не устала. — Любовь Сергеевна на минуту смолкла, покусала губы, потом перевела дыхание и уже решительно добавила: — Живые должны делать свое дело. Это муж так говорил... Разрешите идти?

И опять я увидел ее склонившейся над раненым. Она перевязывает ему голову и говорит:

— Сейчас сделаю еще один укол, и тебе станет легче. Ну, ну, сыночек, потерпи... Ты ведь герой. Герои не стонут и не плачут... Вот, сыночек, прими пока таблеточку...

И раненый перестает стонать. Могла ли сразу одна таблетка облегчить ему боль? Конечно, нет. Он доверчиво смотрит в глаза Любови Сергеевне, слышит ее добрый говорок, участливые слова, и они, видно, находят отзвук в его сердце.

Война была суровым и требовательным испытанием воли и характера. В ней люди проверяли себя, свои способности. Были дни, когда поток раненых шел непрерывно. В такое время врачи, фельдшера, сестры и санитары изнемогали от усталости, но не прекращали своей работы, не отходили от перевязочных столов и, несмотря на частый огонь противника, спокойно делали свое дело в санитарных палатках или блиндажах.

Еще перед боями полковой медицинский пункт был развернут в 300 метрах от исходных позиций, в двух палатках. Любовь Сергеевна подготовила два перевязочных стола, необходимые медикаменты, шины и хирургический инструментарий. Все внешне были спокойны, однако внутренне волновался каждый.

Бой наш 270-й стрелковый полк начал успешно. Санитарные взводы форсировали Неву вместе с батальонами, сразу же приступили к выносу раненых из ротных районов. Медики санитарной роты полка вместе с имуществом и транспортом вовремя переправились на левый берег Невы и под руководством военврача 3-го ранга А. В. Медведева немедленно приступили к приему раненых. На исходном рубеже в медпункте оставались военврач 3-го ранга С. М. Грозовский, военфельдшер П. П. Левандовская, медсестра Л. С. Новикова и три санитара.

Первые часы на этом пункте медицинской помощи все шло нормально. Раненых было немного, доставлялись они сюда и эвакуировались в медсанбат своевременно.

Наш сосед слева, 86-я стрелковая дивизия, встретив упорное сопротивление противника, вынуждена была свои главные силы вводить на участке нашей дивизии. В связи с этим наш медицинский пункт какое-то время оказался на основном маршруте выдвигаемых соседних подразделений. Раненые, которые могли передвигаться, сами приходили на этот медицинский пункт, тяжелораненых доставляли санитары-носильщики, санитарные инструкторы рот, фельдшера батальонов — Корнев, Илларионов, Дуда и другие. Все они имели большой опыт работы в боевых условиях, быстро ориентировались в любой обстановке.

Во время боев за прорыв блокады исключительно самоотверженно работал военврач 3-го ранга А. В. Медведев. Спокойный, смелый, хорошо подготовленный, Александр Власьевич заслуженно пользовался любовью и уважением. В ноябре 1941 года он был назначен начальником санитарной роты полка. На этой должности А. В. Медведев особенно проявил себя и как командир — воспитатель подчиненных, и как организатор службы, и как высоко эрудированный врач.

Спасение жизни раненых для Александра Власьевича было буквально святым делом. Он по нескольку суток без сна и отдыха не отходил от перевязочного стола, при этом всегда знал, что делалось в батальонах: какому санитарному взводу и чем необходимо помочь, кому выделить санитаров, кому и сколько нужно транспорта или перевязочного материала.

Согласно наставлению по санитарной службе Красной Армии раненые должны доставляться на полковой медицинский пункт не позднее, чем через 3—4 часа после ранения. Чтобы уложиться в эти сроки, сократить их до минимума, А. В. Медведев разворачивал ППМ буквально в 300 метрах от переднего края. Это давало возможность быстро доставлять раненых на медицинский пункт, оказывать им первую врачебную помощь и незамедлительно отправлять в медико-санитарный батальон.

В ночь на 14 января, когда врач, фельдшера и сестры оказывали помощь раненым в отбитых у противника трех блиндажах, вдруг кто-то закричал:

— Фашисты!

Санитары и находившиеся на медпункте легкораненые по команде врача А. В. Медведева быстро заняли круговую оборону и открыли огонь. Вскоре на помощь пришло подкрепление. Проскочившая каким-то образом в тыл полка небольшая вражеская группа была быстро обезврежена.

Подвиг каждого из медработников достоин глубокого уважения. Инструктор санитарного взвода первого стрелкового батальона старший сержант Ф. Ф. Слободяник не знал страха в бою. Он был неутомимым тружеником войны, отличным помощником врачей.

Начиная с исходного положения санитарный взвод неотступно следовал в боевых порядках рот. Ф. Ф. Слободяник в любых условиях дня и ночи, под огнем противника, на снегу, в траншеях и воронках, быстро оказывал раненым необходимую медицинскую помощь, укрывал их в блиндажах. Федор Слободяник умело руководил отделением санитаров. Следуя примеру своего командира, санитары умело, быстро разыскивали раненых и выносили их с поля боя к постам санитарного транспорта.

Мы горды, что в боях за прорыв блокады медицинские работники 270-го стрелкового полка, несмотря на все тяжелые испытания, с честью несли свою службу.

Николай Тихонов

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ...

1

Многое стирается в людской памяти, но глубоко запечатлены в ней воспоминания о народных подвигах, незабываемы дни славных дат, побед, имевших первостепенное значение для судьбы советского народа. Одним из таких дней является 18 января 1943 года. Тридцать лет назад Советская Армия прорвала блокаду Ленинграда.

И сегодня, оглядываясь на совсем не такое уж далекое прошлое, переживаешь заново то, что переживали все, кто был в годы блокады в Ленинграде, кто знал тяжелые времена мучений, бедствий, потерь, неустанных трудов, суровых дней и ночей...

...18 января 1943 года, в морозный снежный январский день, я стоял на левом берегу Невы и, не веря глазам, осматривал места, на которых с 8 сентября сорок первого года господствовали захватчики-фашисты...

До начала прорыва блокады левый берег можно было наблюдать с правого лишь с большой осторожностью: в тебя могла угодить пуля снайпера или осколок вражеского снаряда и мины. Левый берег был до поры до времени недоступен советскому человеку, как недоступны были пока самые ближайшие, самые любимые окрестности Ленинграда, временно оккупированные врагом. Мы не могли ходить по улицам Шлиссельбурга, гулять в парках Пушкина, Павловска, Петергофа. Это была земля за смертельной полосой укреплений, где хозяйничал чужой закон, где все живое сметалось с лица земли, где дома лежали в развалинах, а советские люди были уничтожены или угнаны в неволю.

И вот первый и значительный кусок этой родной, ленинградской, невской земли был возвращен из царства тьмы и ужаса. Я стоял на левом берегу и смотрел, как живет переправа. И рядом были в маскхалатах красноармейцы — победители, разгромившие врага. Стояли регулировщики, такие спокойные и деловые, как будто они всегда стояли тут и ничего особенного не было в их ловких движениях. Урча, ползли вверх по искусно проложенной, накатанной дороге танки и грузовики.

А в Ленинграде, в таком близком и таком недоступном для врага, люди работали не покладая рук. Улицы были занесены снегом, мрак зимних вечеров прорывался огненными вспышками снарядов, люди еще переносили неслыханные страдания, но сила их духа была неодолима.

Все эти тяжелые месяцы блокады ленинградцы давали фронту все, что могли. Воины жили одной мечтой — скорее ринуться на врага и прорвать блокаду. Но это можно было сделать только изучив все укрепления врага, его глубоко эшелонированную оборону, его уловки, всю его силу. И все это было изучено.

С яростным нетерпением, продиктованным ненавистью к фашисту-палачу, вору, насильнику, воины готовились к штурму, учились взаимодействовать с танками, маскироваться.

Чтобы преодолеть двенадцатиметровую крутизну левого берега, этого «ледяного Измаила», были приготовлены всевозможные лестницы, ледорубы, шипы для сапог, даже «шпоры» для танков.

Разведчики бурили лед и брали пробу каждую ночь. Выходило, что толщина льда опасна для танков. Но один из саперов решительно сказал: «Через пять дней будет нужная толщина льда...» Его спросили, откуда он это знает. Он ответил: «Лед на реке нарастает по сантиметру и больше в сутки, а для танков нужно, чтобы было не менее 48—50 сантиметров. Морозы будут только усиливаться. И самый тяжелый танк пройдет, если уложить деревянные колеи».

Каждый воин думал, как приблизить победу, как мобилизовать всю свою изобретательность, смелость, хитрость, как в совершенстве овладеть оружием и изучить свой маневр.

Перед началом штурма в частях показали документальный фильм «Ленинград в борьбе». Все пережитое ленинградцами прошло перед глазами бойцов. Все запе-

чатленное в фильме дошло до сердец и глубоко взволновало солдат и командиров.

Потом в 268-ю дивизию приезжала делегация, которая привезла с собой знамя, врученное городу VII Всероссийским съездом Советов за героическую защиту Петрограда от Юденича в 1919 году. Орден Красного Знамени, прикрепленный к полотнищу, производил неизгладимое впечатление.

...И вот теперь с высоты двенадцатиметрового берега я смотрел на реку, которую за считанные минуты перебежали славные воины Ленинградского фронта. Они перебежали Неву после уничтожающего удара орудий и минометов. Битва на левом берегу нарастала с каждым часом.

Я видел трупы вражеских расчетов, не успевших добежать до орудий. С пушек не успели даже снять чехлы. Неподалеку стояли брошенные исправные машины. Их не успели завести...

Во взятом вражеском лагере возвышались холмы мешков с мукой и овсом, на которых чернел паук свастики. Тут же были груды оружия, мотоциклы, снаряды, ящики с патронами, консервы, эрзац-мед, папиросы.

Я видел пленных, кутавшихся в одеяла, в женские теплые платки, в обрывки маскировочных халатов. Лица их черны от копоти, в глазах усталость и страх. Гитлеровцы, как крысы, вылезали из своих нор. Весь зимний перелесок кишел отдельными группами. Они были обречены. Упорный бой длится еще около Шлиссельбурга. Гарнизон его хотел прорваться к Синявину, но дорога была перерезана и битва становилась все ожесточеннее.

...Над Шлиссельбургом подымаются завесы дыма и огня. Молодые командиры, получившие боевой опыт в боях под Ленинградом, командуют точно и мужественно, ведут свои подразделения все вперед и вперед. А в рядах бойцов — люди всех национальностей. И все они одержимы яростью атаки, все хотят истребить врага. Навстречу им пробиваются с боями товарищи по оружию, воины Волховского фронта. Поскорей, поскорей! Еще один километр, другой — и блокада прорвана — фронты соединятся!

2

Только на картинах прошлого художник-баталист находил упоение в изображении многоцветных форм, в белых клубах дыма от стрельбы немногих пушек, на фоне

зеленого пейзажа под голубым небом. Генералы на конях самой роскошной масти скакали впереди сверкавших латами эскадронов тяжелой кавалерии. Барабанщики смело шагали впереди батальонов с распущенными знаменами и высокими киверами... На картинах наших художников нет ничего такого, что бы хоть отдаленно напоминало эти баталии... Сражения в январе 1943 года на берегу Невы происходили среди снежных сугробов, в которых утопали небольшие голые рощи, перерытые окопами. Зимний сумрак и туманы покрывали дзоты и доты. И только огненная буря, носившаяся в этих краях, освещала нелюдимое пространство, где шла непрерывная схватка с врагом. Неприметными были и воины, и орудия, и маленькие боевые машины бригады Хрустицкого — танки-малютки Т-60 и Т-70.

И хоть танки были маленькими, но люди, составлявшие их экипажи, были большими. Иные прямо великанами-героями. Кто слыхал, чтобы такой малютка, вызвав на поединок два тяжелых вражеских танка, осилил их?! Но, однако, это случилось.

Лейтенант Дмитрий Осатюк и механик-водитель старшина Иван Макаренков натолкнулись на два тяжелых фашистских танка. Они устремились за Осатюком, считая, что он для них легкая добыча. И тогда Осатюк скомандовал: «Ваня, танцуй!» Это был смертельный номер. Танк Т-60 так вертелся, прыгал и петлял, что фашисты следовали за ним, думая, что любуются его последней безнадежной пляской. Но Осатюк знал, что делал. Он выводил их под огонь нашей батареи и бил по смотровым щелям, стремясь ослепить вражеских танкистов. И вот уже один повернулся и подставил бок. Двумя выстрелами расчета противотанковой пушки он был подбит. А вскоре и второй танк кончил свое существование.

Я видел начисто сорванную снарядами башню одного из этих фашистских танков и мертвый остов второго. Это дело рук советских артиллеристов и танкистов, воспитанников легендарного Владислава Владиславовича Хрустицкого, который многое сделал для того, чтобы бригада стала гвардейской.

Дорогие танкисты 61-й, позже — 30-й гвардейской легкотанковой бригады! Как хорошо я помню вас и ваших искусных командиров. В славные дни прорыва блокады ваша неутомимая энергия, ваша воинская доблесть сыграли в операции «Искра» выдающуюся роль. Ваши

танки разведки стали танками прорыва. Они взметнулись по высокому откосу Невы и стали непременными участниками сражения за свободу Ленинграда. Ваши броневики ворвались на улицы Шлиссельбурга. Вы схватились с сильным противником — с солдатами вражеской гренадерской дивизии, прошедшей Европу. И одолели их.

Полковник Хрустицкий был искусный, мужественный командир. Можно сказать, он знал каждый свой танк и каждого своего танкиста.

Заместитель комбрига по политчасти майор Федор Кузьмич Румянцев, прошедший долгий боевой путь от Невы до Одера, рассказал о тех незабываемых днях, когда он был участником битвы и свидетелем подвигов танкистов, видел их атаки и схватки. Лейтенант Владимир Лаптев своей машиной закрыл амбразуру дзота и тем самым дал возможность пехоте продолжать наступление. Сам Лаптев погиб от прямого попадания снаряда. Командир роты танков — Сергей Папуца, всеобщий любимец, веселый и отважный. Когда вражеский снаряд вывел из строя его танк, убив механика-водителя, Сергей выскочил из машины. Увидев рядом остановившийся танк, в котором был ранен водитель, он занял его место и повел машину в атаку. За ним следовали танки всей роты. Он шел на минометную батарею. Снаряд противотанковой пушки попал в машину. Сергей Папуца погиб. Сменивший его лейтенант Григорий Дука раздавил шесть вражеских минометов и заставил замолчать орудийный дзот...

Запомнился Федору Кузьмичу невысокого роста командир, который в роще «Лилия» подошел к Хрустицкому и спросил как будто сурово:

— Ну, как воюете, танкисты?

Хрустицкий ответил:

— Стараемся, товарищ маршал. Нам бы только вперед!

Ворошилов — это был он — улыбнулся. Он-то уже знал хорошо, как воюют танкисты Хрустицкого.

...Каждого 9 мая на Марсовом поле в Ленинграде собираются танкисты 30-й гвардейской танковой бригады. Иные из них воевали в бригаде Хрустицкого с 1942 года, другие прибыли туда позже, но воспоминания обширны — всем есть что вспомнить...

Тихи сегодня берега Невы, и новые дома, выросшие вместо сметенных войной Рабочих поселков, стоят между

торфяных разработок, и давно отстроили уже 8-ю ГЭС, вырос в тех местах город. Но в туманах зимнего вечера возникают видения прошлых битв и незабываемые лица боевых друзей, героев прорыва. Они так ясно встают в памяти, что, кажется, слышится грохот боя и видны маленькие танки, пробивающие сквозь огонь дорогу к победе.

3

...Шлиссельбург горел. Древний русский город за время войны переживал второй пожар. Первый раз в сентябре, когда немцы ворвались в него и вышли к Ладоге и Неве. Тогда с правого берега Невы можно было видеть вражеские танки, окруженные бушующими облаками огня и дыма. Горел и город. Теперь он опять горел. В развалинах зданий прятались обреченные смертники-фашисты, прикрывавшие отход гарнизона. На колокольне уже развевалось алое полотнище, и под треск одиночных выстрелов и разрывов мин стрелки, лыжники, экипажи броневиков окончательно очищали город от врага.

Трагическая судьба постигла жителей Шлиссельбурга. Тысячи были угнаны в Германию, на невольничьи рынки. Множество убито в застенках местного гестапо. В живых осталось около двухсот шестидесяти человек. Их каждый день выгоняли на работу. До двух часов они могли передвигаться недалеко от своих хибарок, после этого срока им грозила смерть на месте при появлении на улице.

Иные пробовали, закутавшись в белые простыни, ночью переходить через линию фронта, минуя минные поля и проволоку, но немногие из них достигали наших берегов...

А сейчас в снегу лежали мертвые померанские гренадеры, которые пьяными бросались в последние атаки, подгоняемые безвыходностью положения. ...Издалека враг бросал снаряды, стараясь попасть в переправу. На правом берегу Невы слышен был стук топоров и звон пил. Здесь уже готовились строить мост для транспорта и, удивительно сказать, для поездов, которые были уже наготове, чтобы открыть прямое сообщение — Ленинград — Большая Земля.

В маленьком домике, из окна которого был виден занесенный снегом город, мы расположились на отдых. Перед этим командир 86-й стрелковой дивизии полковник

В. А. Трубачев отдал последние распоряжения и сел ужинать. Был он высокого роста, широкоплеч. Еще летом 1941 года он одним из первых получил высокое звание Героя Советского Союза.

В. А. Трубачев был участником гражданской войны. В тяжелых оборонительных боях в лесах Карелии летом 1941 года он проявил и отличное мужество, и уменье воевать. Он уничтожил со своим полком половину сил противника, наступавших на него. И вот он сидел, бывший волжский грузчик, а сейчас полковник, и ел с отменным аппетитом хорошо поработавшего человека, кончающего свой ратный трудовой день.

Успех был большой. Город — ключ к Неве и Ладоге — и все южное побережье Ладожского озера были очищены от фашистских войск, сильно потрепанных и разгромленных. Можно было начинать новое продвижение, теперь уже бок о бок с войсками Волховского фронта.

В маленьком домике, где пришлось ночевать, не было ни одного стекла. Заткнули окна подушками, благо их было много. Видимо, их натаскали из других домов.

Сначала после ужина только одиночные выстрелы и разрывы снарядов, прилетавших издалека, беспокоили случайных жильцов, но с наступлением ночи снаряды начали рваться в непосредственной близости, и осколки одного из них ударили в стену домика. Трубачев, прислушиваясь, усмехнулся:

— Хотят нас выкурить на мороз! Не выйдет. — Добавил, смотря на пламя свечки: — А возможно, кто-то сигналит, наводит на нас огонь.

Он приказал осмотреть ближайшие развалины, но автоматчики, с особой тщательностью проверив окрестности, сообщили, что никого там нет, ни в подвалах, ни в руинах, — дескать, можно спать спокойно. Но всю ночь снаряды ложились в непосредственной близости, и были минуты, когда домик шатало, как лодку у причала, но на эти разрывы уже не обращали внимания.

Я долго не мог уснуть. Меня переполняли воспоминания. Первый раз в Шлиссельбурге я был школьником. Тихий, пыльный городок дремал в мирной тиши. Расплавленное серебро Ладоги горело под летним солнцем... Как картинка из старой книги виделся Петр Первый, штурм Орешка.

...Перед второй мировой войной, совершая туристские тренировочные походы, наша компания выходила из

Токсова и шла к берегу Ладоги. В районе Морья или Кокорева мы проходили старые леса, где хвощи подымались, как в тропиках, а двухсотлетние березы возносили свои вершины к голубому небу. Затем мы переправлялись через Неву и входили в обновленный город, перед которым на острове возвышалась уже не темная тюрьма, а музей, где жили тени героев-революционеров.

...И вот теперь я нахожусь в городе, отбитом в упорном, кровавом сражении. Кругом еще не убранные вражеские трупы, и снаряды рвутся посреди развалин. Я уснул под утро, и мне снились самые нелепые сны...

От одного, особенно звонкого разрыва снаряда я проснулся. Было светло. Трубачев и начальник инженерной службы дивизии сидели за столом и завтракали с видом отдохнувших людей, готовых к новым боям.

4

В двухстах метрах от города Шлиссельбурга, вернее, от того, что от него осталось, поднимается из льда, как циклопическая постройка, Шлиссельбургская крепость. Когда-то воспоминания о ней связывались со старинной военной романтикой. Сейчас она походила на боевой корабль, у которого сбиты все надпалубные сооружения, но не сломлены воля и упорство ее защитников. Вся ярость врага, обрушившего тысячи снарядов и бомб на защитников Орешка, не могла это сделать.

Когда фашисты вышли к Шлиссельбургу, им и в голову не приходило, что кто-то будет защищать крепость. В ней был музей, из которого сбежал хранитель. Его лодка благополучно пробралась под огнем, и он растворился во мраке осенней ночи.

Но крепость была не совсем пуста. Здесь был оставлен небольшой гарнизон, состоявший из военных моряков, стрелков и артиллеристов. Моряки охраняли склады Ладожской флотилии, в которых было несколько малокалиберных пушек и некоторое количество снарядов к ним. С этого началось героическое противостояние Орешка захватчикам, укрепившимся на левом берегу Невы.

На острове была батарея из семи пушек, шесть пулеметов и противотанковые ружья. Герои маленького гарнизона не позволяли фашистам спокойно чувствовать

себя в городе, не позволяли атаковать по льду крепость.

Сейчас мы идем только по узким проходам посреди минных полей. Крепость снаружи и внутри избита тысячами снарядов, бомбами и минами. Церковь, построенная еще в царские времена, вся изрешечена осколками: если положить на ее стену руку и растопырить пальцы, то обязательно нащупаешь рубец от осколка.

Можно бродить по всей крепости, так как для вражеской артиллерии она потеряла интерес. Теперь тяжелые орудия стараются накрыть переправу и город, по которому проходят войска. А были времена, когда эта же артиллерия вступала в неравный поединок с пушками Орешка и не могла заставить их замолчать.

В музее-крепости до войны было большое количество революционных материалов, демонстрировался макет камеры, в которой содержались осужденные революционеры. Теперь же здесь, как размолоченные гигантским молотом, лежали остатки зданий, лестниц, переходов. И только пушки, каким-то чудом втиснутые в бойницы, были свидетелями последнего сражения у стен Орешка, живыми мстителями за раны, нанесенные древнему памятнику.

В то время комендантом этого необыкновенного Орешка был прославленный герой Ленинградского фронта майор Александр Васильевич Строилов. Он был широко известен тем, кто в сентябре 1942 года высадился на левом берегу и вторично отбил у фашистов участок берега, который назывался «Невским пятачком».

По нагромождениям каменных плит и обломков я вышел на стену и остановился. Вид с этого места поражал обширностью кругозора. Через Неву на левый берег шел нескончаемый поток машин, подвозивших к фронту вооружение, технику, людские пополнения. Глухо доносился отдаленный гул канонады. Битва уходила в глубину приладожских лесов. Как вулкан дымилась на юго-востоке Синявинская высота, где шли непрерывные тяжелые бои.

Я смотрел на освещенную морозным закатом страшную, иссеченную, разбитую громаду Орешка, на чистый берег Невы, под которым еще лежали тысячи мин, на высокий берег, опаленный огнем сражения, на колонну танков, переправлявшихся через Неву, радовался тому, как все здесь дышало только что отгремевшим штурмом, и думал о том, что мы обрели силу, уменье и волю к победе,

что это поражение фашистов под Ленинградом первое, но не последнее.

Где-то, совсем недалеко отсюда, был берег Ладоги, откуда от Кокорева, от Осиновецкого маяка лежала «Дорога жизни» — знаменитая Ладожская трасса. Но сегодня открылся прямой путь на Большую землю, и он шел по земле.

5

Не так велико расстояние между городом Шлиссельбургом и деревней Липки, и маяком на маленьком мысу, но 55-й стрелковой бригаде полковника Ф. А. Бурмистрова и 34-й отдельной лыжной бригаде полковника Я. Ф. Потехина нелегко было выполнить боевую задачу.

Они должны были выйти к Старо-Ладожскому каналу так, чтобы перерезать путь отступления на восток гарнизону Шлиссельбурга. И они вышли к каналу, преодолев все сопротивление фашистских частей. А в это время войска Волховского фронта оттеснили противника от Ладожского озера.

Мы ехали по узкой пустынной дороге из Шлиссельбурга в Липки, стараясь никуда не сворачивать. Все вокруг было минировано, и мы не должны были покидать узкого коридора на дороге, отмеченного ветками. Справа тянулись голые пространства, которые какими-то снежными уступами подымались от плоских берегов Ладоги. Это были болота. Иногда они сменялись сосновыми и березовыми перелесками, иногда среди снегов качался голый ивняк. Слева мы видели блестящее зеркало Ладоги, а по самому берегу тянулся старый, заброшенный Ново-Ладожский канал, который начинался от самых истоков Невы. В снегу утонули обломки каких-то небольших суденышек, торчали носы старых шхун и барж. Все это напоминало кладбище кораблей. Этот канал явился большим препятствием для лыжников Потехина при их движении к Шлиссельбургу.

С юга доносился шум сражения, и видны были в небе самолеты, кружившиеся где-то в стороне Синявина. К югу лежали и те ставшие известными Рабочие поселки, от первого до девятого, и роща «Лилия», и роща «Круглая», отныне вошедшие в историю Великой Отечественной войны.

Лежащая перед нами дорога свободна. Встречных машин нет. До нас здесь прошли разведчики и саперы, ко-

торые всю ночь и день разминировали дорогу. Только вчера ночью были сняты последние пятьдесят мин, а всего вокруг Шлиссельбурга их уже вынуто четыре с лишним тысячи. Я смотрю в провал, глубокий, заваленный снегом, за ним высокий берег, за берегом снова провал. Это продолжаются старые ладожские каналы. Вот в канале буксир, поднявший трубу, как будто он сейчас попросит его вытащить. Вот маленькие мостики, по которым давно никто не ходил. Об этом говорит лежащий толстенным слоем снег, на котором нет ни одного человеческого следа. И нет признаков человека во всем пространстве, которое мы пересекаем.

Только толстые черно-синие, отожравшиеся трупами вороны, без карканья, бесшумно, стаями проносятся над синеватой пустыней. Древнее безмолвие лежит по сторонам дороги. Это был край рыбаков, кустарей, горшечников, лоцманов, грузчиков. Летом здесь была кипучая жизнь, зимой шли грузовики, скрипел снег под колесами колхозных обозов, шли в город торфяники. Гитлеровцы уничтожили здесь людей, все живое.

Мы едем по нейтральной полосе. Войска обоих фронтов — Ленинградского и Волховского — ведут бои южнее.

И вдруг на перекрестке дорог возникает фигура в хорошо пригнанном полушубке, с повязкой регулировщика на руке. Она приближается. Разгоревшееся от мороза лицо, веселые глаза, четкие движения. Девушка-регулировщик. Для нас в этот день — она первый представитель Волховского фронта. Мы безмерно рады встрече с ней.

Налево, на берегах канала, домики деревни Липки, взятой воинами 128-й стрелковой дивизии и другими частями 2-й ударной армии. Регулировщица стоит как символ победного завершения прорыва блокады. Мы можем ехать хоть прямо в Москву. Путь свободен.

Напряжение последних дней заменяется чувством усталости, на смену ему идет большое раздумье. Может быть, никогда больше не проеду я по этой необычной дороге, но я знаю, что этот зимний январский день с бледной синевой и белизной великого озера, все эти маленькие ивняки и дюны с корявыми березками и соснами, и буксир, подымающийся из старого канала, и домики селения Липки — все это останется в памяти и будет жить со мной, и когда я захочу — я выну из памяти этот день и все меня окружающее и снова погружусь в уди-

вительные времена, в которые я вошел так неслучайно, так глубоко.

Мы повернули на юг. Нас окружает другой мир. Суровы и печальны леса и болота южнее Ладоги. Летом здесь можно утонуть человеку, незнакомому с болотными тропами, завязнуть в непроходимой гуще торфяных и моховых болот. Густое мелколесье, как джунгли, окружает углубившегося в них. Ориентиров нет. Все болота похожи одно на другое. Зимой не все они промерзают до дна. На каменных холмах немцы построили сплошную линию дзотов и дотов. Штурмуя эти укрепленные линии, ломая их огнем и атаками, волховцы прошли по колено в снегу, сражаясь и день и ночь, ночуя в сугробах.

При сильном морозе и ледяном ладожском ветре шли здесь жестокие бои, и еще раз была доказана сила русского солдата, качество нашей артиллерии. Застигнутые ее огнем, в панике метались гитлеровцы на полянах. Они остались здесь, разметанные мощными взрывами, между поломанными машинами, разбитыми орудиями.

Гитлеровцы понастроили себе блиндажей, зарылись в землю, перетащили туда из поселков мебель, утварь, одеяла, подушки, двери, окна, печи — все, что им понадобилось. Они устраивались с комфортом, но все эти подземные жилища грязны, завшивлены до последней степени. Недалеко удрали они от своих блиндажей, их неплохо устроили там, на снегу, в болотах. Но и удирая, они хитрили. Пойманный староста одного Рабочего поселка признался, что у гитлеровцев в лесу спрятана тяжелая батарея — на всякий случай, если вернутся. Не будет этого! Батарея кончила свое существование, как и вражеские части, стоявшие на этом рубеже.

6

...Жутко было смотреть в освобожденном Шлиссельбурге на те человеческие призраки, в которые превратили захватчики советских людей, считая их за недочеловеков, осужденных на истребление.

...Вот в глухом лесу огромная яма, на дне которой лежит снег и громоздятся сугробы. По краям она обнесена колючей проволокой, выше человеческого роста, концы которой заплетены и идут вверх. В углах ямы щиты из фанеры, задние стенки из фанеры, навес из фа-

неры, боковых стенок нет. Похоже все это на клетку для какого-нибудь зверя в зоологическом саду, зверя неприхотливого и дикого. Но фашистские варвары бросали сюда военнопленных — на верную и медленную смерть. Глаза отказываются верить тому, что видят. Но полузанесенное снегом тряпье, остатки обуви, какой-то хлам говорят о том, что недавно здесь, на этой фанере, сидели люди, их, этих живых мертвецов, спасли наши воины накануне гибели.

Такие зрелища удваивают ярость бойцов. Кровь приливает к сердцу, и хочется бить врага еще ожесточеннее.

Как-то бойцы рассказывали, что после одного из боев бросились в паническое бегство не только немцы, но и следовавшие за ними солдаты так называемой испанской «Голубой дивизии». Эта дивизия должна была маршировать вместе с отборными немецкими войсками на Дворцовой площади в Ленинграде, когда Гитлер въедет туда на белом коне. Он сказал, что испанцам не надо будет воевать, они будут только представлять союзников в день победы. Их место — только на параде и на банкете в «Астории», где их соседями будут еще и финские шюцкоровцы. А вышло так, что под Ленинградом дали по зубам и отборным немецко-фашистским полкам, и их союзникам.

...Мы ехали по следам наступавших волховцев. Вот длинная колонна брошенных машин, вот батарея, груды гильз в плетеных соломенных чехлах, вот склады, брошенные в панике отступления.

В полушубках, в теплых шапках, в добрых валенках идут наши бойцы мимо застывших фашистских мертвецов и с отвращением смотрят на них. Немцы одеты во что попало: солдаты в ботинках, офицеры в сапогах. На голову наворочены шарфы, тряпки, под белыми халатами на шинель намотаны одеяла...

7

...Жизнь продолжается не только в огне сражений. Ленинградцы уже приехали вслед за войсками на берег Ладоги налаживать порядок, восстанавливать хозяйство и транспорт. На пристани Шлиссельбурга уже снуют моряки, железнодорожники осматривают пути, специалисты проверяют, что осталось от ситценабивной фабрики.

Ленинградцы уже прикидывают, сколько торфу они отвоевали от врага, как это поможет промышленности великого города. Шлиссельбург в развалинах, но строители готовы начать восстановительные работы.

На белом снегу стоят рядами черные кровати. Откуда они здесь взялись? Они производят впечатление кошмара, точно они сами построились для какой-то особой церемонии. Нет, это не фантастика. Они стояли в рабочих бараках, и когда те сгорели быстро и сразу, кровати опустились на снег и, почернев от огня, сохранили свой порядок. Они стояли так, как и в бараке.

...Если вы станете на огромном валу, за которым простирается широкая торфяная равнина, пересеченная сотнями канав и путями узкоколеек, то перед вами откроется зрелище мрачной битвы. В холодном воздухе, в свинцовом небе стоит гул моторов и треск разрывов.

Там, вверху, идут непрерывные воздушные бои. Черные облака зенитных разрывов висят, как замороженные, на слоистых тяжелых облаках, нижний край которых, словно отполированный кусок металла, отражает радужные спектры яростного земного огня.

Когда заняли в этом районе немецкие блиндажи, район неожиданно подвергся сильному обстрелу. Было ясно, что кто-то рядом корректирует стрельбу. Стали прочесывать все закоулки подземных нор и обнаружили радиста с искаженным и злобным лицом, который думал, что спасется тем, что, вызвав огонь на блиндажи, заставит наших уйти и сам выберется. Но ему не повезло. Удрать не удалось. Огонь прекратился так же неожиданно, как и начался.

Сражение у высот Синявина продолжалось с прежним ожесточением.

8

Иногда два слова обладают огромной магической силой, способной облететь весь мир в одно мгновение. Когда в историческую ночь 18 января ленинградцы услышали весть с фронта, которую трижды повторило радио, весь город охватило небывалое ликование:

— Блокада прорвана!

Великая волна радости захлестнула великий город. Последние дни он жил ожиданием, надеждой, гордостью за своих героев. Город знал, что там, за Невой, бьются

его доблестные сыны. Молчал, ожидая новостей с фронта, чувствуя, что подходит день освобождения.

Стоило только оглянуться на недавнее прошлое, на все принесенные ленинградцами жертвы, когда не было ни одной семьи, которая бы не потеряла своих близких, когда переживались небывалые страдания, когда росли большие братские могилы, когда город горел и дымились развалины после страшных налетов, когда от холода и голода погибали несчетно, и сердце замирало от печали. Но вместе с тем рождалось чувство мести и чувство уверенности в том, что придет день и восторжествует человеческая справедливость, и все озарится светом нашей победы. Она будет, она будет добыта героями, богатырями Красной Армии. Этот день пришел!

— Блокада прорвана!

Город не спал. Всю ночь звонили телефоны, всю ночь собирались люди и плакали от радости, и говорили и не могли наговориться, потому что пришла радость и нельзя было молчать. Радио работало всю ночь, и его живой голос словно говорил со всеми жителями города, как с самыми близкими и дорогими.

Незнакомые люди обнимались и поздравляли друг друга с чудесной вестью. Ленинград славил своих победителей. Мысли всех неслись к фронту, и сам город, сверкая морозными узорами своих великолепных зданий, вставал в новой красоте. Плечи выпрямились, глаза заблестели. Все хотели знать подробности победы, все говорили разом.

— Блокада прорвана!

Шли собрания в цехах. Новые рекорды ставились на предприятиях. Рабочие ночных смен посылали свои приветы воинам Ленинградского и Волховского фронтов. Они клялись удесятерить свои усилия помощи армии и флоту, и тут же совершали новые трудовые подвиги.

Коллективы многих заводов в ту ночь перевыполнили свои сменные задания, и среди них были коллективы таких заводов, как «Большевик», имени В. И. Ленина, «Вулкан», фабрики «Красное Знамя» и многие другие.

На Кировском заводе, славном передовом пролетарском форту — от фронта его отделяло четыре километра, — было составлено на ночном митинге послание-приветствие воинам и давалось обещание «выпускать еще больше продукции, чтобы приблизить час окончательного разгрома врага».

Может быть, за всю двухсотпятидесятилетнюю историю города у него не было такой ночи, такого чувства коллективного восторга, такого ощущения своей духовной силы, сознания своей непобедимости.

Благодарили великую ленинскую партию, которая возглавляла эту победу, ее мудрость, сплотившую сынов всех народов на подвиг, ее героических сынов, шедших в первых рядах и воодушевлявших воинов.

Ленинградцы знали и верили и любили многих боевых командиров — защитников славного города Ленина. Имена Ворошилова, Жукова, Говорова, Мерецкова — любимые имена советских полководцев, вызывали самую глубокую благодарность. Уже доходили с фронта и имена героев — от командиров до рядовых воинов, чьему геройству обязаны этой победой.

Город был уже не тот, что пережил страшную первую зиму блокады. Он жил в трудах и заботах, свойственных городу-фронту, но у каждого его жителя — солдата на своем посту — где-то в глубине души жило предчувствие, надежда на то, что еще немного — и придут рано или поздно, вырвутся из всех репродукторов два давно ожидаемых слова:

— Блокада прорвана!

И тогда на фронт хлынули делегации, которые несли благодарность ленинградцев, подарки и приветы тем, кто отбросил врага неотразимым ударом!

Зазвенели песни и стихи. Артисты стали готовиться выехать в отдыхающие части, выведенные из боя.

В общежитии художников прозвучал голос диктора. Как пишет очевидец:

«Кто-то поднял крик, кто-то не поверил, кто-то бегал и стучал в двери всех мастерских: ребята, вставайте, блокада прорвана!

Не сговариваясь собрались в мастерской Владимира Александровича Серова. Возбужденные, взволнованные, счастливые. Дождались! Тут же решили писать картину «Прорыв блокады». Серов, Серебряный, Казанцев написали ее в пять дней. Все помогали им. Каждый считал своим долгом принять участие в этой работе. Тогда же, 18 января, решили, что все художники, выжившие, пережившие блокаду, будут собираться каждый год, чтобы отмечать эту дату. Чтобы никогда не забывать ее.

И каждый год 18 января они собираются вместе. Кто не может приехать, присылает телеграммы.

Угрюмо пустуют стулья, оставленные для тех, кого уже нет».

Такая запись есть в книге, посвященной художникам, скульпторам, архитекторам, искусствоведам Ленинграда. Книга называется «Подвиг века».

Даже дети — питомцы сражающегося города — не остались в стороне. Они, видевшие и мрачные, и величественные картины, спасенные от смерти и голода заботой советских людей, в эту ночь, завернувшись в одеяла, плясали на своих маленьких кроватях. Они все понимали и, став взрослыми, будут помнить 18 января, как праздник небывалой радости!

...Со всех концов нашей Родины шли самые горячие поздравления, приветы, ехали в город на Неве делегации. Они уже могли поехать, когда прошли первые поезда по коридору, добытому Красной Армией. И рядом с поездами могли ехать и грузовики, подвозящие необходимейшие для Ленинграда грузы.

Не могли не отозваться все республики, потому что сыны всех республик, всего многонационального советского народа участвовали в великой битве освобождения.

Казах Дюсенбай Шинибеков бил гитлеровцев рядом с жителем далеких просторов Якутии — якутом Ахатом Ахметьяновым, рядом с грузином сержантом Георгием Элердашвили шли в бой украинец Федор Ризниченко и белорус-разведчик Михаил Козеко.

Флаги победы висели на ленинградских трамваях. На домах и фонарях. Но победная весть пронеслась красной ракетой по всему свету. И даже президент США прислал специальную грамоту, в которой Рузвельт писал: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и, несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии».

Да, прорыв блокады Ленинграда был несомненно великий подвиг! И в этом подвиге слили свои трудовые

усилия и те, кто вырабатывал и осуществлял военные планы на полях сражений, и те, кто в условиях города-фронта, в труднейших условиях, работал для победы, преодолевая все препятствия своим упорством, целеустремленностью, большевистской силой мужества и бесстрашием.

Все эти люди были моими современниками, и многие из них были настоящими героями. В самые тяжелые дни я не слышал ни ропота, ни уныния. Крепость воли ленинградцев была удивительна. Для писателя было особой наградой жить среди людей, которые представляли такие характеры, о которых я читал раньше только в книгах. А теперь я увидел то, что называется массовым героизмом, который непобедим!

Ольга Берггольц

...СЕГОДНЯ МНЕ НЕ СКАЗАТЬ ЛУЧШЕ

Все, что происходило этой ночью в здании радиокомитета, происходило стихийно, без плана, без подготовки — музыка, стихи, написанные тут же, речи — все это шло сплошным ликующим потоком, и нас слышали соединившийся с нами Волховский фронт, вся страна, весь мир. И для нас, работников радио, самой лучшей наградой было то, что в эту праздничную, счастливую ночь со всех сторон ночного города шли в радиокомитет, к любимой своей, к истинно народной трибуне!

Пожилую женщину из Новой Деревни задержал милиционер и спросил у нее ночной пропуск, а она ответила:

— Я на радио, милый, поздравить ленинградцев.

И милиционеры пропускали ее.

Другая женщина рассказывала мне:

— Услыхала в «Последний час», что блокада прорвана, заплакала, бегаю по комнате, ищу, кого бы обнять, за кого бы схватиться, да никого, кроме меня, в квартире-то нет. Думаю, надо к вам на радио бежать... Да боюсь квартиру оставить; я около «тарелки» встала и до утра слушала — все не одна.

И хотя после прорыва блокада длилась еще целый год, с изнурительными обстрелами, с бомбежками, с новыми испытаниями, хотя через год настал праздник полной и блистательной ликвидации блокады, ленинградцы вспоминают ночь с 18 на 19 января как ночь наивысшей радости, как ночь, когда все сердца предельно были открыты друг другу. И в воспоминания об этой светлой ночи обязательно вплетается радио, которое «пело и говорило первый раз до самой зари, и весь мир слышал, как говорит Ленинград...».

...О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
в сияющих слезах твое лицо.
Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
и не стыдимся слез своих: теплей
в сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
не плакавших в прошедшем феврале.
Пусть эти слезы сердце успокоят...
А на врагов расплавленным свинцом
пускай падут они в минуты боя
за всё, за всех, задушенных кольцом.
За девочек, по-старчески печальных,
у булочных стоявших у дверей,
за трупы их в пикейных одеяльцах,
за страшное молчанье матерей...
О, наша месть — она еще в начале, —
мы длинный счет врагам приберегли:
мы отомстим за все, о чем молчали,
за все, что скрыли от Большой земли!
Нет, мама, не сейчас, но в близкий вечер
я расскажу подробно обо всем,
когда вернешься в ленинградский дом,
когда я выбегу к тебе навстречу.
О, как мы встретим наших ленинградцев,
не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться, —
он пострадал, он потемнел в бою.
Но мы залечим все его увечья,
следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам навстречу.
К «Стреле», пришедшей прямо из Москвы.
Я не мечтаю, — это так и будет.
Минута долгожданная близка.
Но тяжкий рев разгневанных орудий
еще мы слышим: мы в бою пока.
Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания! Иду
к обычному и грозному труду
во имя новой жизни Ленинграда.

Так я писала в ночь с 18 на 19 января 1943 года, и сегодня мне не сказать лучше.

Л. С. Ганичев

майор, во время прорыва блокады корреспондент газеты «Правда»

ЕДИНЕНИЕ

Осенью 1942 года, после жарких боев в районе Синявино, меня вызвали в Москву.

В редакцию «Правды» приехал поздно вечером. В коридоре едва не столкнулся с шедшими навстречу редактором П. Н. Поспеловым и членом редколлегии Е. М. Ярославским. Редактор остановил меня, поздоровался и, обращаясь к Емельяну Ярославскому, сказал:

— Вот кто может дополнить нам этот документальный фильм...

В небольшом просмотровом зале, где собрались правдисты, царила напряженная тишина. Затаив дыхание, следили они за кинокадрами фильма «Ленинград в борьбе». Передо мной вновь возникали знакомые картины блокадной жизни родного города.

В сентябре сорок первого Ленинград был отрезан от страны... Эта чудовищная весть не укладывалась в сознании. Однако невероятное стало фактом. До переднего края теперь было рукой подать, и, выезжая туда с утра, я и мои товарищи уже к вечеру передавали из корреспондентского пункта оперативные фронтовые материалы в «Правду». Связь с редакцией поддерживалась только по радио.

Фашистская авиация блокировала Ленинград с воздуха. Но советские летчики ежедневно прорывались сквозь вражеский кордон. Они доставляли самое нужное, и в том числе матрицы очередного номера Центрального органа партии.

В маленьком коллективе типографии на Херсонской улице, где печаталась «Правда», было 60 человек. Десять

из них погибли. Но ни бомбежки, ни голод, ни холод не могли помешать оставшимся выполнять возложенное на них дело.

Так работали тогда все труженики города-героя — мужчины и женщины, старики и подростки. В самые мрачные часы их не покидала уверенность, что в городе Ленина фашистам не бывать.

Суровые, грозные дни... Незабываемые встречи...

Стремительно, как всегда, врывается в корреспондентский пункт «Правды» на Херсонской наш боевой товарищ Всеволод Витальевич Вишневский, восторженно рассказывает о доблести моряков-балтийцев...

Ольга Федоровна Берггольц приносит в «Правду» обращение ленинградских женщин к советскому народу.

Надвигается первая блокадная зима. Близится годовщина смерти Сергея Мироновича Кирова. «Правда» не может пройти мимо этой памятной даты.

Снимаю трубку, звоню Николаю Семеновичу Тихонову, прошу написать очерк.

Спустя несколько дней Тихонов приносит в корреспондентский пункт небольшую рукопись. Она названа — «Киров с нами». Но это — не очерк.

Волнуясь, передаю в Москву по телефону поэму о «железных ночах Ленинграда», а вскоре ее уже читают миллионы советских людей. Как клятва звучат слова:

И красное знамя над ними
Как знамя победы встает,
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет...

Обо всем этом я вспоминал, вглядываясь в экран.

...Когда в зале зажегся свет, Емельян Михайлович, обращаясь ко мне, сказал:

— Нам надо поговорить. Жду в своем редакционном кабинете. Но сначала, как я понимаю, вам не помешает принять с дороги душ и подкрепиться в столовой...

Меня не удивили эти слова. Чуткость и внимание старого большевика, одного из виднейших деятелей партии, к окружающим его людям были хорошо известны правдистам.

Емельян Ярославский сам часто выезжал на фронт, выступал перед бойцами на переднем крае. И его первый вопрос, когда я к нему пришел, был об особенностях боев на Волховском фронте. Я показал Емельяну Михайло-

вичу любопытный документ вражеской пропаганды. Это был переведенный на русский язык отрывок из статьи «Коричнево-зеленый фронт на Волхове», написанной обер-лейтенантом Гюнтером Хойбингом.

«Зимой и весной 1942 года отчеканилось понятие «боец за Волхов». Оно стало почетным званием... Гренадеры, вынужденные жить в волховских джунглях, зовут друг друга «бобрами»... Здесь обороняются многие дивизии из Восточной Пруссии... Среди солдатских вещей вы можете увидеть волховскую трость — темную обожженную палку, на которой вырезаны звери волховских лесов, инициалы Волхова и Ленинграда и знак свастики. Увидев в Германии солдата-отпускника с такой тростью, посадите его на самое почетное место...»

Емельян Михайлович, прочитав этот отрывок, улыбнулся и сказал:

— Значит, бобры... Да еще с тросточкой. Диковинный зверь!.. А ведь они совсем недавно трубили на весь мир о своем предстоящем параде на Дворцовой площади Ленинграда...

Я рассказал о героизме наших воинов, о чудовищных зверствах врага на оккупированной территории.

Ярославский внимательно слушал, делал в блокноте пометки, то одобрительно кивал головой, то задумывался и снова спрашивал, спрашивал, спрашивал...

Прощаясь со мной, Емельян Михайлович сказал:

— Вас, я слышал, редакция намерена направить в командировку к вашим землякам-кировцам, эвакуированным в Челябинск. Там, в Танкограде, вместе с ними работают бывшие тракторостроители Челябинска и Сталинграда, моторостроители Харькова. Большие дела творят они. Поезжайте посмотрите, как героически трудится рабочий класс в тылу. Будет что потом рассказать на фронте...

* * *

С путиловцами-кировцами у «Правды» давняя дружба, и Челябинский Танкоград, где я пробыл около недели, казался мне временами родной Нарвской заставой. Жадно слушали рабочие рассказы о героической обороне Ленинграда.

Другом и автором «Правды» с довоенных лет был талантливый конструктор Кировского завода Жозеф Яковлевич Котин. Он просил передать фронтовикам, что они

скоро получат грозное оружие — новые танки Т-34 и ИС. В то время завод уже начал выпуск этих машин. Конструктором мощных ИСов был сам Ж. Я. Котин, в конструкцию Т-34 вносили много усовершенствований он, его коллеги и рабочие Танкограда.

Трудились танкостроители с величайшей самоотверженностью. В литейных, механических и сборочных цехах тысячи передовиков производства выполняли по 4—5 норм.

Парторг ЦК партии на Кировском заводе в Челябинске Михаил Дмитриевич Козин рассказывал мне, что многотысячный коллектив Танкограда готов к тому, чтобы ежедневное задание по выпуску новых танков перекрыть в два раза.

— Правда, — добавил он, улыбаясь своим мыслям, — есть у нас одна трудность, которую тяжело преодолевать: молодежь, да и пожилые, рвутся на фронт. Приходится доказывать им, что и здесь — фронт, что без танков мы не победим.

Как известно, танкостроители страны сдержали свое слово. В январе 1943 года они дали фронту в 4 с половиной раза больше боевых машин, чем в январе 1942 года. В этом немалая заслуга Кировского завода в Челябинске.

Но Урал не только ковал оружие, он формировал десятки соединений, которые отличились в боях с фашистскими захватчиками. Неувядаемой славой в боях за город Ленина покрыла себя 3-я гвардейская дивизия, воевавшая на Волховском фронте. Ее сформировали труженики Свердловска. Об их подвигах мне не раз довелось писать в «Правде».

Приведу здесь характерное письмо, напечатанное в ту пору в многотиражной газете Кировского завода в Челябинске «За трудовую доблесть». Автор его — гвардии старший сержант Е. Верхотурцев — писал:

«Седой Урал протянул Ленинграду руку братской помощи. Уральцы послали меня на защиту великого города. Отец мне пишет в письмах: «Помни, сын, из какого ты рода, бейся честно... Не щади врагов...»

Наказ отца, старого уральского партизана, громившего банды Колчака, я выполняю. Уже более двадцати гитлеровцев отправил я на тот свет. Четыре раза участвовал в сражениях. В последнем бою я забрался на броню нашего уральского танка и указывал танкистам дорогу к цели. Танк ворвался в расположение неприя-

теля, передавил много вражеской техники и солдат. Я обнаружил склад с боеприпасами. После нескольких наших выстрелов склад загорелся, а потом взорвался».

* * *

На исходе 1942 года уже немало танков Т-34 было на вооружении танковых бригад Волховского фронта. Танкисты нахваливали эти боевые машины, любовно называли их «тридцатьчетверочками».

— Новая техника, — говорили они, — прибывает к нам неспроста...

К тому времени в предвидении грядущих событий военные корреспонденты спешно перебрались на правый фланг Волховского фронта, где располагались 2-я ударная и 8-я армии.

Не укрылся от корреспондентского глаза и приезд к нам высокого начальства из Ставки, в том числе генерала армии Г. К. Жукова. Мы думали, гадали, где и когда начнется наступление. Но вот однажды поздним вечером нас пригласил к себе начальник Политуправления Волховского фронта генерал-майор К. Ф. Калашников, в прошлом один из секретарей МК ВКП(б). Наша корреспондентская любознательность причиняла ему, видимо, немало хлопот. Широкий размах предстоящей наступательной операции требовал особой скрытности ее подготовки. Несколько смущаясь, он посоветовал временно воздержаться от поездок во 2-ю ударную армию.

Ночью 12 января 1943 года, когда я находился в расположении 54-й армии, меня и командира полка Овчинникова, в землянке которого я ночевал, поднял звонок. У аппарата был командир 281-й стрелковой дивизии.

— «Сабантуй» начался, — сказал он. — Слушай музыку...

Выскочив из землянки, мы услышали отдаленные раскаты мощной артиллерийской канонады.

Через несколько часов я уже был в наступающих частях 2-й ударной армии. Под снежной пеленой на изрытых воронками полях и дорогах еще сохранились следы недавних осенних боев. Теперь эти места вновь стали ареной сражения большого масштаба и значения.

«К родному Ленинграду» — так называлась в «Правде» моя первая корреспонденция об операции «Искра». В ней приводились показания пленных гитлеровцев о начале боев южнее Ладожского озера.

«Артиллерийский огонь русских обрушился на нас сокрушительным ударом, — заявил унтер-офицер 11-й роты 336-го полка 227-й пехотной дивизии. — Наши ряды дрогнули. Разрушены были многие огневые точки. Особенно страшен огонь русских минометов... Командир роты старший лейтенант Штраубе бросил своих солдат на произвол судьбы и сам убежал первым».

Но так было только в первые часы боя. Оправившись от внезапного удара, гитлеровцы оказывали сильное сопротивление.

В своей корреспонденции я рассказал о героях ожесточенных боев за вражеский узел сопротивления — рощу «Круглая», которую во время осенних боев 1942 года нам никак не удавалось взять. Бойцы подразделений 327-й стрелковой дивизии, наступая за огневым валом, дружно атаковали вражеские позиции. Гитлеровцы отступили, оставив 7 орудий, 4 радиостанции, много пулеметов, автоматов и другие трофеи.

В те дни напряженных боев мне как военному корреспонденту довелось быть в частях 327, 314, 128-й и других стрелковых дивизий, участвовавших в прорыве блокады Ленинграда. В каждой части, в каждом подразделении называли имена отважных воинов, рассказывали об их беззаветной отваге и находчивости в бою. В четком боевом содружестве со стрелками сражались артиллеристы, саперы, танкисты.

Еще свежи были впечатления о встречах с рабочими Танкограда, и мне особо радостно было узнать, что Т-34 хорошо зарекомендовали себя в бою.

В трудных условиях лесисто-болотистой местности танкисты 98-й бригады, которой командовал подполковник Е. Г. Пайкин, только за два дня боев уничтожили 14 дзотов, 11 блиндажей, 3 артиллерийские батареи и до батальона гитлеровцев. Танк Т-34, которым командовал старший лейтенант Буров, подавил в бою 3 вражеских орудия, разгромил 2 дзота и уничтожил около 20 гитлеровцев.

В те дни вся страна узнала о легендарном подвиге старшего лейтенанта Якова Ивановича Богдана. Рассказали мне о нем в 623-м полку 128-й стрелковой дивизии. Наши подразделения штурмовали укрепленную высоту у деревни Липки. Губительный огонь вражеского пулемета задерживал продвижение бойцов. Тогда Я. И. Богдан подполз вплотную к дзоту и своим телом закрыл

амбразуру. Вражеский пулемет дал последнюю очередь и смолк. Девять пуль пробили комсомольский билет на груди молодого героя.

Ярость охватила бойцов. Стремительным броском они ворвались в укрепленный пункт, отомстили гитлеровцам за смерть своего товарища. На поле боя осталось около сотни фашистских трупов.

Каждый метр родной земли, отвоеванной у фашистских захватчиков, приближал воинов Волховского фронта к заветной цели. Радостно вслушивались они в грозную музыку боя, в которой все явственней звучали раскаты орудий ленинградцев, идущих им навстречу.

* * *

Когда 19 января 1943 года Совинформбюро оповестило весь мир о прорыве блокады Ленинграда, мои корреспонденции были уже в редакции. Хотелось по освобожденной Советской земле проехать в Шлиссельбург и Ленинград.

Подвернулась оказия. Журналисты из фронтовой газеты «На страже Родины» возвращались в Ленинград. В редакционной «эмке» нашлось место и для меня. Из окон машины были видны бесконечные ряды проволочных заграждений, противотанковые рвы, надолбы, обледеневший земляной вал. Все кругом изрыто траншеями и блиндажами.

Уже смеркалось, когда наша «эмка» подъехала к Неве. Еще вчера тут был передний край обороны противника. Сейчас здесь царила тишина, прерываемая далекими раскатами орудий. Распрощавшись с товарищами, выхожу из машины, которая продолжает свой путь в Ленинград. Взвалив на плечи вещевой мешок, шагаю по тропке вдоль левого берега Невы к Шлиссельбургу. Слабое зарево над городом указывает мне путь. Мороз крепчает. Вокруг ни души. Становится тоскливо, хочется отдохнуть, обогреться.

И вдруг — за поворотом тропинки над уцелевшим немецким блиндажом вьется дымок. На дверях землянки надпись «Добро пожаловать!».

Спускаюсь и не верю глазам своим: чистенько прибранная комнатушка; на столике, покрытом простыней, обломок зеркала. Накаленная добела печурка пышет жаром, на ней бурлит видавший виды фронтовой чайник.

Кто же хозяин этого земного рая?

Из-за плащ-палатки, разгораживающей землянку, одна за другой выходят три девушки. Они без погон, в полувоенной одежде. Что-то в их облике напоминает мне блокадный Ленинград, его славных женщин-героинь, скромно и мужественно выполнявших свой долг на заводах и фабриках, в командах МПВО и бытовых отрядах, на стройке оборонительных рубежей.

Я — первый человек с Большой земли, к тому же — ленинградец. Девушки буквально стаскивают с меня полушубок, усаживают, наперебой угощают крепко заваренным чаем. Мы жадно расспрашиваем друг друга.

Они — работницы ленинградских предприятий: Анна Завьялова — печатница типографии имени Володарского, Полина Шурина — швейница, а самая младшая Елена Колесникова — светлановка. Ее мать — знаменитую стахановку-орденоноску завода «Светлана» Надежду Колесникову — я отлично знаю. На этом заводе почти двадцать лет работал мастером мой старший брат, погибший в рядах народного ополчения в первые дни войны.

Едва узнав о прорыве блокады, девушки вызвались поехать на фронт, чтобы оказать посильную помощь бойцам — защитникам Ленинграда. Им поручили организовать обогревательный пункт в этом пустынном, безлюдном месте — на будущей трассе, которая свяжет Ленинград со страной.

Родные, милые ленинградские девушки! Сколько человек, шагавших в те незабываемые дни — в стужу, вьюгу и метель — мимо этой землянки, помянут вас добрым словом!

* * *

После прорыва блокады в одном из отделов Политуправления Волховского фронта мне показали выдержку из статьи, помещенной в немецкой газете «Дас рейх». Фашистский военный корреспондент писал: «...русские бросают целые тучи танков Т-34 и КВ против линии германской обороны... Танки пробиваются в наше расположение. Они разъезжают по полю, стреляя в каждого солдата, в каждую машину...»

«И откуда только у русских такая сила?» — вопрошал далее корреспондент.

Ответ на свой недоуменный вопрос фашистский писака мог бы найти в показаниях одного из гитлеровских

вояк, захваченного в плен на Волховском фронте. Он заявил:

«Человеческие ресурсы Красной Армии неисчерпаемы... Очень хороши Т-34. Последние события на Восточном фронте показали, что мощь Красной Армии возросла и что она имеет такие резервы, на которые мы не рассчитывали».

Приятно было читать эти вынужденные признания врагов. Им, конечно, не понять было, что и мощь нашей грозной, боевой техники, и героизм воинов Красной Армии символизируют великое единение фронта и тыла, народа и его авангарда — Коммунистической партии, что для всех советских людей защита любимой социалистической Родины — священное, кровное дело.

Сергей Наровчатов

ТРЕХМИНУТНЫЙ ПРАЗДНИК
(Прорыв блокады)

Еще три залпа по сволочам!
И вот в одиннадцать сорок
Врываемся первыми из волховчан
В горящий Первый поселок.

С другого конца, мимо шатких стен,
Огнем на ветру распятых,
Люди ль, фашисты ль сквозь чадную темь
В дымных сквозят маскхалатах.

К бою! Но искрой негаданных встреч
Вспыхнуло слово далече.
Все ярче и шире русская речь
Разгорается нам навстречу!

И там, где разгромленный замер дот —
Хоть памятник ставь над ними, —
Питерец волховцу руки жмет,
Целуются. Не разнимешь!

Стоило жизнью не дорожить,
Снова рискуя и снова,
Чтоб не мы, так другие смогли дожить
До этого дня большого.

И прямо на улице фляжки с ремней
Срываем, и светлым утром

За нашу победу, за память о ней
На празднике пьем трехминутном.

Еще раз целуемся. Время не ждет.
Боевые порядки выстроив,
Навек неразлучные, вместе в поход
До последнего вздоха и выстрела.

19 января 1943 г.
Шлиссельбург

ЛИКУЕТ НЕПОКОРЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД...

В ночь, бессонную от счастья...

Невская застава. Запорошенные снегом баррикады. Здесь воздух пропитан вековыми революционными традициями питерцев.

В окраинном доме на улице Ткачей живет семья Петровых, потомственных ленинградских рабочих. Старик Петров — литейщик с завода имени Ленина — умер в начале войны. Два его сына — в Действующей армии. Тетя Ксюта (так зовут старшую Петрову) перенесла за время блокады много мук: голод и смерть близких, бомбежки и пожары. Сгорел вместе со скарбом деревянный домик, в котором Петровы прожили десятки лет. Все мысли этой пожилой женщины обращены к сыновьям: как они там воюют, целы ли, хорошо ли исполняют службу.

Сегодня морщинистое лицо Ксюты озарено радостью. Она стоит у печи и тихо, неторопливо рассказывает, «как все было», как услышала она о «разрыве блокады».

— Вот ночью встаю время узнать, ведь самой на работу надо поспеть ко времени и Райку разбудить, беру наушники, да как крикну не своим голосом: «Райка, блокаду пробили!» А Райка отвечает: «Мамочка, ты что-то недопоняла». Взяла трубку и давай меня обнимать. Правильно, говорит, мамочка, блокаду пробили! Вышла я из дому, на улицах люди целуются, а на работе кто скачет, кто плачет от радости. Великое дело совершилось. Камнем на душе блокада эта лежала, сердца наши за Ленинград выболели. А теперь упал камень. Спасибо красноармейцам и командирам нашим!

Старая женщина выразила чувства народа. С Васильевского острова и Петроградской стороны, от Нарвских

ворот и Московской заставы хлынул в редакцию нашей фронтовой газеты поток писем. На конвертах надписи:

«Артиллерийская часть. Бойцу, совершившему героический подвиг», «Ленинградский фронт. Лучшему танкисту», «Ленинградский фронт. Первому попавшемуся бойцу, командиру, политработнику», «Ленинградский фронт. Рядовому, бесстрашному бойцу-пехотинцу», «Ленинградский фронт. Нашим защитникам в любую часть».

В этих письмах — душевное спасибо воинам Красной Армии. В них — трогательная любовь и ласка. В них — боевой наказ ленинградцев: гнать паршивых фашистов все дальше, бить их все крепче, вогнать их в могилу, всех до единого.

«Земно кланяюсь тебе, любимый мой сынок или внучек, — так начинает свое письмо Александра Петровна Белокурова. — Сердечно благодарю тебя, мой родной боец, за все, что ты сделал для нас, ленинградцев. Крепко тебя обнимаю... Я, старушка, не могу передать тебе словами свою радость. Многие лета победоносной Красной Армии! Крепко целую. Пиши, мой родной, буду ждать твоего ответа по адресу: Ленинград, Григоровская улица, дом № 27».

Вот еще аккуратное письмецо. В углу надпись: «В ночь, бессонную от счастья!»

«Товарищ, дорогой товарищ! Пусть любовь и признательность ленинградцев хранит вас в бою...

Радио принесло нам счастливую весть о прорыве блокады вокруг Ленинграда. Затаив дыхание, выслушали мы это сообщение и только через некоторое время, придя в себя от счастья, обрели способность говорить. Блокада прорвана! На столе заплясала посуда, что-то упало в шкафу, смеется и плачет соседка. На минуту замолкаем, чтобы вновь и вновь услышать коротенькую фразу из радиорупора: «Блокада прорвана!»...

До войны семья наша жила хорошо и тихо. Я и брат собирались учиться. Все надежды разрушил злой враг. Сколько горя принес он в нашу маленькую семью, этого в письме не опишешь. Но за все это надо честно отплатить, да, честно, по-русски! Мой брат на фронте, он молод, но он сумеет рассчитаться с фашистами. До свидания, товарищи, до письма. Везде и всюду буду мысленно с вами. Ленинград, 159, Боровая ул., д. № 57, кв. 9. Раине Васильевне Критской».

«Ваши незаметные, но крепкие помощники» — подписывают свое письмо работницы хирургического госпиталя МПВО.

«Дорогие наши товарищи-бойцы, защитники и спасители города Ленинграда, — пишут они. — Со слезами радости встретили мы весть о ваших достижениях. Не описать наших переживаний, волнений и несказанной радости. Все старое, тяжелое ушло куда-то далеко-далеко, как будто его и не было. Желаем вам от всех нас еще большего успеха в боевых делах. Желаем вам до конца добить фашистского гада. Мы с вами, мы еще больше будем помогать вам, не щадя своей жизни, если она понадобится на защиту нашей дорогой Родины.

Искренне желаем вам всем сохранения вашей дорогой жизни и здоровья. Будем надеяться и ждать терпеливо окончания ваших боевых трудов».

Как много правды и простоты в этих письмах! Как много сердца и доверия! Ты слышишь, боец, эту благодарность ленинградцев, их клятву, их зов! Многое сделано: блокада прорвана. И многое, очень многое еще нужно сделать. Миллионы незаметных, но крепких помощников Красной Армии ждут часа победы, и приближают этот час вдохновенным, геройским трудом.

В. Карп

Газета «На страже Родины», 23 января 1943 г.

Строки из дневников

18 января, ночь...

Был обычный день и обычный вечер, большая усталость... Часов в девять я легла отдохнуть. Уснула и проснулась перед самым выпуском «Последних известий». И около одиннадцати внезапно эти слова: «Волхов», «Шлиссельбург» и самое долгожданное — «Прорыв блокады»...

Потом забарабанили в дверь — в красный уголок на митинг. Собрались почти все свободные от вахты обитатели станции. Поздравления, поцелуи, прямо светлый праздник. Девушки пустились в пляс, как были — в валенках и шубах...

Сейчас уже 3 часа ночи. Сижу в своей комнате в общежитии. Радио не умолкает — песни, передачи с митингов, выступления писателей, производственников, военных...

Боже мой, какие полтора года за плечами! И ведь это еще не конец, только первый шаг — может быть, самый трудный...

Последние десять дней были непрерывные ночные тревоги. Мы отсиживали на постах иногда по 4—5 часов, вскакивали по нескольку раз в ночь. Напряжение зрело ощутимо. И вот наконец разрешилось сегодняшним сообщением. Дышать легче...

(Из дневника И. Д. Зеленской, 7-я ГЭС)

19 января 1943 г., утро

Блокада прорвана! Невозможно писать, столько чувства! Такая радость, такая гордость! Музыка, горячие слова, от самого сердца, от самой души. У микрофона рабочие, писатели, бойцы, летчики.

В этот час тянет в коллектив, к людям. Если бы не радио, я, наверное, умерла бы от разрыва сердца. Но радио, милое радио, оно пело, играло, поздравляло и ликовало вместе со мной.

Когда передавали в «Последний час», мама была рядом... Раечка — на заводе дежурила. Я знала, что она думает и чувствует. А Славика хотелось ближе притянуть к себе, крепче сжать, нежнее, еще нежнее обнять и шепнуть ему: «Твоя жизнь пойдет на лучшее...»

Слушала маму и думала: какая у мамы молодая душа... Все трудное время мы делились друг с другом, и этим поддерживали себя. Любовь, дружба, вера — вот с чем мы прошли это невероятно трудное время...

Я знала, что каждый ленинградец на Большой земле, услышав «В последний час», дрогнул от радости за город, за близких. Мы вспоминали с мамой о наших. Не говорю, они от радости расплакались, наверное. Мы вспомнили Олечку, Раису Фед., наши театры. Мы вспомнили всех, кто уехал и кто сейчас радостно слушает сообщение Совинформбюро.

Сколько ночей было полно мечтами о разрыве блокады! Сколько раз, возвращаясь домой с работы, усталая, я мечтала об этом дне! «Жди меня» — есть такое хорошее стихотворение. И мы ждали, как возлюбленная своего любимого, ждали, верные своему слову. И вот дождались.

(Из дневника Т. Л. Янович, завод резинотехнических изделий)

19 января 1943 г., днем

На заводе ликованье. У многих заплаканы глаза от радости, от великой, солнечной радости. В обед был общезаводской митинг в цехе. Ораторы стояли на танке КВ, только что отремонтированном на заводе. Два красных флага развевались над башнями танка. Ствол орудия смотрел в сторону фронта.

(Из дневника Б. А. Белова, Металлический завод)

19 января, днем

Митинги прошли на всех предприятиях. Слова привета, любви. Новые обязательства принимали рабочие в честь прорыва блокады...

Карбюраторщики писали А. А. Жданову: «Рабочие воодушевлены победным сообщением о прорыве блокады г. Ленинграда войсками Ленинградского и Волховского фронтов. В этот радостный для нас день от всей души вносим свои сбережения в количестве 100 тысяч рублей на постройку боевого самолета и просим присвоить ему имя величайшей даты в истории Ленинграда — „18 января 1943 г.“».

Егоровцы заверили А. А. Жданова, Маршалов Советского Союза К. Е. Ворошилова и Г. К. Жукова в том, что и впредь будут выполнять любые задания родной Красной Армии, чтобы очистить Советскую землю от гитлеровской нечисти.

В письме бойцам пишут:

«Спасибо вам, дорогие товарищи, за героическую борьбу и прорыв блокады... Не жалея сил и жизни, не зная страха и устали в борьбе, мы вместе с вами будем ковать победу над ненавистным врагом».

Всего на митингах в районе присутствовало 14 918 человек, выступало 610 человек.

(Из дневника В. М. Капитоновой, заведующей отделом пропаганды и агитации Московского РК ВКП(б) г. Ленинграда)

19 января, 10 часов вечера

Скоро сутки, как услышали мы то, чего ждали так долго... «Блокада прорвана». Чем-то несбыточно заманчивым казались эти слова еще вчера! А сегодня?! Сегодня

уже отжило понятие «Большая земля», «За кольцом блокады»...

Хочется вспомнить все, что пережила за эти сутки. Радость, буйная радость... Мне казалось, что, когда я услышу о прорыве блокады, у меня сердце разорвется!.. Но ничего этого не произошло. Я не закричала и не заплакала. Но мне так захотелось выйти на улицу, к людям, сказать всем, кто еще не слышал... Но было 11 час. вечера, а ночного пропуска у меня нет. Я слушала и, когда стали повторять, я стала слушать еще. Я хотела бы, чтобы еще и еще раз диктор повторял эти слова. И не я одна. Многие говорили сегодня то же. И я вспомнила тех, кто не дожил до этого дня, тех, кто погиб здесь от голода, убитых на фронте, умерших в эвакуации...

Утром, поспав 3—4 часа, я вышла на работу. И когда я увидела красные флаги на улицах Ленинграда, радостные лица людей, слезы, слезы потекли из глаз...

Домой пришла в 9 час. вечера. Не носила воды, не стирала, не пилила дров и даже не готовила своего лакомства — не жарила хлеб. Взяла в буфете две котлеты. Так как у нас с 1 января электричество, то читала роман! Потом дневник. Сейчас кончились «Известия», и звуки «Интернационала» кажутся сегодня особенно бодрыми и радостными!

(Из дневника Л. К. Заболотской, школьного инспектора Свердловского районного отдела народного образования)

★

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

В январе 1943 года Геббельс и подведомственная ему фашистская печать, пресловутые сводки ОКВ (Верховное главнокомандование гитлеровской Германии) не то чтобы скрывали факт прорыва блокады Ленинграда, а вообще его игнорировали, как говорится, целиком и полностью.

Просматривая подшивки «Фелькишер беобахтер» (главный орган нацистской партии) и других фашистских газет за январь 1943 года, я был уверен, что рано или поздно наткнусь на соответствующее сообщение, пусть сдобренное какими угодно рассуждениями насчет «высших стратегических интересов» рейха или необходимости «выпрямить линию обороны немецких войск». Но ничего подобного я не обнаружил ни в тех газетах, которые вышли в дни, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов осуществили прорыв блокады, ни в позднейших январских выпусках.

Мне кажется, что этому можно дать только одно объяснение: в ту пору фашистское руководство еще не теряло надежды на то, что прорыв блокады — явление временное и что в недалеком будущем удастся снова окружить город, а со временем и уничтожить его, как неоднократно грозился Гитлер.

Посмотрим все же, что печаталось в гитлеровских газетах по поводу положения в районе Ленинграда в январе 1943 года. В те дни, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов прорывали блокаду, — решительно ничего. В эти дни у них были, так сказать, более важные темы: 12 января, например, с большой помпой отмечались

юбилеи Германа Геринга и Альфреда Розенберга, будущих висельников, казненных в числе главных нацистских преступников по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

18 января 1943 года о прорыве блокады стало известно во всем мире, 19-го соответствующее сообщение Совинформбюро было воспроизведено печатью всех союзных и нейтральных государств. Лишь фашистские газеты хранили молчание.

Наконец 21 января заговорили и они. Но как? Соответствующая «информация», опубликованная в этот день газетой «Фелькишер беобахтер», настолько любопытна, что я позволю себе дать здесь ее полный перевод.

«Берлин, 20 января.

На северном участке Восточного фронта центром тяжести боев также и 18 января оставался район к югу от Ладожского озера. Здесь советская пехота и танки продолжали ожесточенные атаки, предварительно подвергнув немецкую оборону сильному артиллерийскому обстрелу. Однако восточнопрусские гренадеры и стрелки, а также вестфальские гренадеры с железным спокойствием подпустили большевиков к своим позициям, а затем нанесли такой сильный контрудар, что под их огнем противник лишился перевеса в силах...

Чтобы возобновить захлебнувшееся наступление в районе к югу от Ладожского озера, большевики усилили свою боевую деятельность также и на Ленинградском фронте. Число атак, производимых ударными силами противника, а также огневых налетов непрерывно растет, ибо враг пытается нащупать слабые места в нашей обороне. До сих пор, однако, все его атаки отбиваются.

Так, 18 января, когда, вопреки своему обыкновению атаковать ночью или на рассвете, противник пытался среди бела дня захватить двумя эшелонами позиции швабских гренадеров, попытка наступления захлебнулась под огнем обороняющихся, хотя ширина нейтральной полосы на этом участке всего 40 метров...»

Аналогичные победные реляции публиковались и в последующие дни. Так, 25 января «Фелькишер беобахтер» и другие нацистские газеты опубликовали сводку ОКВ за 24-е. О положении в районе Ленинграда там можно было прочесть следующее:

«Южнее Ладожского озера продолжались бои. Немецкая оборона повсюду выдержала натиск противника.

Свежие полки выбили противника со всех позиций, которые ему удалось занять накануне».

Типичный образец принятия желаемого за действительное!

В номере от 28 января продолжал раздаваться «гром победы»: «Чтобы возобновить захлебнувшееся наступление к югу от Ладожского озера противник на нескольких участках атаковал немецкие позиции силами пехоты и танков. Гренадеры, егеря и эсэсовцы в ожесточенной борьбе отбили все эти атаки. Особенно тяжело пришлось эсэсовцам, которым довелось выдержать натиск двадцати танков, и их соседям — егерям, на участке которых вслед за артиллерийским валом наступали столь значительные силы пехоты и танков, что противник продвинулся вперед».

В последних строках этого сообщения признается все же, что гитлеровцам пришлось отступить, но где и на сколько — это тоже скрыто.

Наконец, из сообщения, опубликованного 30 января, немецкий читатель впервые мог узнать, что наступление советских войск к югу от Ладожского озера развернулось еще 12 января. Однако о прорыве блокады Ленинграда и соединении войск Ленинградского и Волховского фронтов в этом сообщении также ни слова. Авторы сообщения ставили перед собой совсем иную задачу: ошеломить читателя совершенно фантастическими цифрами потерь, якобы понесенных нашими танковыми войсками в ходе этих боев.

Само собой разумеется, что за пределами государств фашистского блока печать повсюду уделила прорыву блокады Ленинграда то большое внимание, которого вполне заслуживало это событие. Тут сказалось не только военно-политическое значение победы защитников Ленинграда, но и глубочайшее уважение и искреннее восхищение, которое вызвало у всех честных людей великолепное мужество ленинградцев.

Показательны в этом отношении комментарии американской газеты «Нью-Йорк таймс», которая никогда не грешила (да и сейчас не грешит) какими-либо симпатиями к нашему государству и общественному строю.

Однако 19 января 1943 года эта газета поместила на первой полосе сообщение московского корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс под заголовком «Русские прорвали блокаду Ленинграда». «Русские, — передавал

американский корреспондент, — пробились через полосу грандиозных оборонительных сооружений немцев глубиной в 9 миль (14,4 километра. — *Авт.*) и форсировали реку Неву, чтобы положить конец блокаде».

На американского журналиста произвело большое впечатление повсеместное ликование советских людей, вызванное победой наших войск под Ленинградом.

Еще больший интерес представляет редакционная статья «Голодающий Ленинград устоял перед огромной армией», которая была опубликована в том же номере «Нью-Йорк таймс».

«Гражданскому населению не хватало продовольствия, и недоедание привело к огромным жертвам, но оборона держалась, — писала газета. — Бомбы падали с неба днем и ночью, снаряды дальнобойной артиллерии рвались в центре города, но Красная Армия и жители города устояли... Город, с его многочисленным трудовым населением, сделался центром пролетарской борьбы, и многие приписывали его героическую стойкость, проявленную начиная с августа 1941 года, вере его жителей в учение Ленина, отца Советского Союза, чье имя город носит».

Правда об обороне Ленинграда, об истоках героизма его защитников, об их преданности учению Ленина и созданной им партии настолько очевидна и убедительна, что в годы Отечественной войны она, как видим, проложила себе путь даже на страницы буржуазной печати. И тщетны попытки гитлеровских реваншистов, антикоммунистов и антисоветчиков скрыть эту правду от народа.

В. Я. Голант, кандидат исторических наук

Невольные признания...

После войны некоторые мемуаристы и историки Западной Германии стали все чаще искажать события прошлого, скрывать свои поражения. В истории 170-й немецкой пехотной дивизии, выпущенной в 1953 году в ФРГ, было боям в январе 1943 года посвящено только несколько сухих и бесцветных строк. В книге Х. Польмана о 96-й пехотной дивизии (автор во время войны был командиром одного из полков) бои южнее Ладожского озера описаны так, что непосвященный читатель может

подумать, что победу одержали не советские войска, а немецко-фашистские.

Западногерманский историк В. Хаупт, рассказывая о боях за рощу «Круглая», писал: «366-й пехотный полк (подполковник Венглер) в течение целого дня удерживал у Круглой рощи... 327-ю стрелковую дивизию (полковник Поляков) и 39-ю инженерную бригаду... Лишь после того как 2-я ударная армия подтянула еще и 64-ю гвардейскую дивизию, подполковник Венглер вынужден был отвести своих храбрых гренадеров!» Подтасовка фактов здесь совершенно очевидна. Ведь именно 327-я стрелковая дивизия стала позднее 64-й гвардейской, причем прежде всего за то, что отличилась при штурме рощи «Круглая».

А вот выдержки из двух фронтовых дневников, найденных на поле боя.

Первый из них вел лейтенант Вальтер Геллер из полицейской дивизии СС. Фамилия автора другого дневника, написанного на испанском языке и озаглавленного «Продолжение моих воспоминаний», неизвестна. Он служил капралом-хозяйственником в 250-й «Голубой дивизии».

Когда развернулись бои по прорыву блокады Ленинграда, эсэсовец Геллер в своем дневнике записал: «Два дня назад советские дивизии начали свое наступление после ужасной артиллерийской и воздушной подготовки». Геллер не сомневался, что оно неминуемо обречено на провал. Но вместе с тем в дневник проскользнуло вдруг родившееся недоумение, озадаченность. «Каково же, однако, положение на самом деле?» — записал Геллер и тут же пояснил причину появления такого вопроса: «Болтают о том, что русские осуществили прорыв на глубину 3 километра».

Да, осуществили. Продвижение советских войск южнее Ладожского озера насторожило гитлеровское командование на соседних боевых участках. «Тревога в секторе нашей дивизии, — гласит запись 15 января в испанском дневнике. — Была замечена концентрация танков противника в окрестностях Колпина. Может быть, русские пытаются прощупать наши линии?..»

Для полицейской дивизии СС последствия советского наступления были куда более серьезными. В ночь на 16 января полк, в котором служил лейтенант Геллер, получил неожиданный приказ сдать свои позиции «Голу-

бой дивизии» и немедленно отправиться к месту боев. Выступление было назначено на 3.00. «Все это произошло так быстро! — растерянно отметил перед маршем Геллер. — В чем дело? Неужели русским действительно удалось осуществить такой широкий и глубокий прорыв на Ладожском озере?»

Но у Геллера в ушах еще гремела песнь «СС — рука фюрера», которую они горланили в училище. Не выветрились из памяти уроки, где им вдалбливали, что черная гвардия Гиммлера — непобедима. «Действительно, нам опять придется спасать положение. Вперед, отборное войско... — хорохорился на страницах дневника лейтенант-эсэсовец. — Я полон надежды и уверенности».

«Война приобретает характер страшной реальности». Такую афористическую фразу 17 января занес в дневник испанский капрал. Он пока еще оставался на позициях пассивного наблюдателя и мог рассуждать вообще о войне. Другое дело лейтенант Геллер. Ему вот-вот предстояло ввязаться в ожесточенную борьбу у Невы и тут, конечно, не до «философии». Он свою запись в этот день начал коротко и категорично: «Все идет кувырком».

18 января произошла желанная и радостная встреча наступавших Ленинградского и Волховского фронтов. Совершенно иным, естественно, это событие было для вражеских войск, блокировавших Ленинград, и в частности для авторов цитируемых дневников.

За несколько часов до соединения фронтов, в 1.00 ночи, в район Синявино прибыли подразделения полицейской дивизии СС. «Переход был ужасным, — писал Геллер. — Все не ладилось. Улицы поселка № 6 были загромождены, а соседний лес был забит отступившей артиллерией. Царила невероятная путаница. Били пушки. И, главное, первый полк пошел в контратаку и сразу же откатился с тяжелыми потерями».

«Под Шлиссельбургом и здесь, — писал Геллер о задаче своей дивизии, — нужно вызволить три группы наших окруженных войск. Там было, должно быть, нечто ужасное. Целые колонны санок с ранеными вышли из одного окружения. Едва ли можно говорить о войсках — лишь о раздробленных остатках войск».

Капрал из «Голубой дивизии» в этот день раздумывал о судьбах войны. «От Ленинграда до Терека, — записал он, — Восточный фронт кипит. Ходят неподтвержденные слухи, что Смоленск обойден. Утверждают, что

русские достигли Донца, и, если это верно, положение немецких дивизий, осаждающих Сталинград, будет трудным».

Во вторник 19 января лейтенант Геллер почему-то оказался в поселке Ульяновка, в тылах своей дивизии. В дневнике появилась резкая, как крик отчаяния, запись: «Самое потрясающее — это переживание собственного поражения, вид потерявших бодрость, оборванных и окровавленных товарищей. Когда же будет поставлен последнему павшему последний крест?!»

«Я сижу как на угольях, — писал 21 января Геллер. — Что происходит?» Он трагически перечислял навалившиеся беды. Дивизия несет громадные потери. Погибли почти все офицеры. Командир полка и штабной врач лишились адъютантов. Батальоном приходится командовать обер-лейтенанту. В роте Геллера осталось 15 солдат. Все пушки выведены из строя. «Это ужасно», — заключил автор дневника.

Лейтенант-эсэсовец полностью обескуражен. Он искал оправданий поражениям и нашел их в утешительной лжи. «Этот разгром, — занес он в дневник, — произошел в результате чьей-то измены, верховного ли командования или командования 227-й пехотной дивизии, или того и другого вместе. Как теперь спасут положение?»

В тот же вечер Геллер сделал последнюю запись в своем дневнике. «Скверные дела, — подвел он итог дня. — Жалкие остатки разбитых подразделений приданы другим частям, остальные, по-видимому, окружены. Среди них и люди из нашей роты... Поражение большее, чем это, я представляю себе уже в виде капитуляции».

Испанский капрал продолжал вести дневник. По мере того как над «Голубой дивизией» все гуще и гуще собирались тучи готовившегося советского наступления, дневниковые записи испанца приобретали большую конкретность, стали отражать складывавшуюся обстановку у Красного Бора. «Необычайная активность — вот характерная черта последних дней, — так было записано 5 февраля. — На этот раз, кажется, мы решительно вступим в бой, и приготовления таковы, что дело не ограничится нажимом с фронта. Говорят, что ожидается большое русское наступление...»

В последующие три дня испанский дневник регистрирует факты подготовки 250-й пехотной дивизии к оборонительным боям. На ее усиление подтягивают немецкие

подразделения, тяжелые орудия. Раздаются противотанковые гранаты. Отводятся в тыл хозяйственные службы полков.

Запись 7 февраля посвящена выселению жителей поселка Красный Бор, который затем был сожжен факельщиками «Голубой дивизии». «Теперь ведение войны приобретает максимальный вид разорения, — писал по этому поводу капрал. — Без транспортных средств для перевозки своего скромного имущества русские семьи — старики, девушки, дети — должны срочно покинуть свои очаги. Общий стон носится над поселком...»

10 февраля владелец испанского дневника уже не сделал записи. В этот день Ленинградский фронт начал Красноборскую операцию, в ходе которой была разгромлена «Голубая дивизия». По словам ее командира, генерала Эстебана-Инфантеса, она потеряла в те дни только убитыми 2800 солдат и офицеров. Одним из них был капрал-хозяйственник.

Три первых месяца 1943 года для 18-й немецкой армии, осаждавшей Ленинград, были временем небывалых до тех пор боевых потерь. Если верить западногерманскому историку Хаупту, армия истратила в январе—марте 1943 года 134,5 тысячи тонн боеприпасов, или более, чем когда-либо раньше. За эти же месяцы потери армии составили 72,6 тысячи человек. Таких темпов убыли еще не знали. И львиная доля израсходованных боеприпасов, убитых солдат и офицеров падала на участок, где шли бои по прорыву блокады.

Ю. Н. Яблочкин, кандидат исторических наук

Е. Р. Романов

майор, во время прорыва блокады ответственный секретарь редакции армейской газеты

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД

День 7 февраля 1943 года для жителей осажденного Ленинграда навсегда остался светлым и радостным. В этот зимний день к перрону Финляндского вокзала прибыл первый после прорыва блокады поезд с продовольствием, вновь открылось регулярное железнодорожное сообщение Большая земля — город на Неве.

Тридцать лет прошло с тех пор, в наш город теперь со всех концов страны приходят ежедневно сотни составов, но тот эшелон, одолевший всего лишь сотню километров, до сих пор не забыт, как не забыты первая баржа с продовольствием, первая колонна автомашин, пересекшая по хрупкому льду Ладогу, первый трамвай, вышедший после долгого перерыва на израненные бомбами и снарядами улицы...

Рассказ о первом поезде мне хочется начать со встречи с Вольдемаром Матвеевичем Виролайненом — уполномоченным Народного комиссариата путей сообщения по Волховстроевскому железнодорожному узлу. Это было незадолго до того знаменитого рейса. Мы стояли на станции Волховстрой. Рядом зияла глубокая воронка, неподалеку лежала опрокинутая, изрешеченная осколками цистерна. Резкий запах бензина смешался с запахом вывороченной разрывом бомбы еще дымящейся земли. Прорвавшиеся сквозь плотную завесу огня наших зениток «юнкерсы» только что отбомбились, но на стрелочных «улицах» станции уже трудились железнодорожники. Освобождали пути от поврежденных вагонов, заменяли покореженные шпалы и рельсы. Деловито сновали по путям проворные «маневрушки», доставляя на подходы

к станции вагоны с продовольствием и боеприпасами. Без задержек их увозили в Кобону, Косу, Лаврово. На берегу Ладоги груз с нетерпением ожидали водители автомашин, чтобы везти его дальше, по ледовой «Дороге жизни»...

К импровизированному командному пункту, где обосновался Вольдемар Матвеевич, то и дело подходили люди в железнодорожных и военных шинелях, полушубках, стеганках. Четкость и лаконичность их докладов, внимательность, с которой они выслушивали короткие деловые приказания Виролайнена, говорили о том, что присутствие его сейчас на станции — обязательно и привычно. Для многих из этих людей Вольдемар Матвеевич был не только старшим, опытным и распорядительным начальником. Они знали, что Виролайнен — старый питерский машинист. В гражданскую войну он водил из Поволжья и Сибири эшелоны с хлебом в голодавшие Москву и Петроград. Позднее, уже в тридцатые годы, вместе с товарищами обнаружил и отремонтировал паровоз № 293, на котором его учитель и друг Гуго Ялава в 1917 году дважды тайно перевозил через границу Владимира Ильича Ленина.

Вольдемар Матвеевич был верным солдатом ленинской партии. И в эту грозную и суровую войну, Великую Отечественную, его постоянно видели на самых опасных и трудных участках.

Железная выдержка и неиссякаемая энергия Виролайнена срабатывали лучше всяких приказов и строгих слов. Уполномоченный наркомата был достойным представителем славной ленинградской партийной организации, которая его вырастила и воспитала.

Быстро, по-фронтовому действовали после налета вражеских бомбардировщиков железнодорожники. Не прошло и получаса, как на станции Волховстрой удалось возобновить нормальную в тех трудных условиях работу. Но, как я успел заметить, Виролайнен был озабочен еще чем-то другим. Он несколько раз связывался с управлением военно-восстановительных работ, интересовался, как идут дела.

— Это для нас теперь самое главное, — признался Вольдемар Матвеевич. — Я просто мечтаю о том дне, когда в Ленинград отправлю отсюда первый поезд...

В те морозные январские дни Виролайнен с беспокойством следил, как прокладываются стальные нити по

болотам и лесам Приладожья — от Поляны к Шлиссельбургу, как сооружается мост через Неву. Эта железная дорога, говорил Вольдемар Матвеевич, лишит гитлеровцев последней надежды овладеть Ленинградом, позволит обороняющим город-герой армиям накопить силы для полного разгрома врага.

Уполномоченный НКПС Виролайнен делал все возможное, чтобы ускорить темпы строительства новой железнодорожной магистрали.

Коренастую, чуть сутулую фигуру «главного железнодорожника», так называли Вольдемара Матвеевича военные, видели на трассе глубокой ночью и едва занимавшимся утром. Его знали все, и он знал всех. Среди строителей были тысячи его земляков, которых направил сюда Ленинград. Десять суток он самоотверженно нес свою вахту, как несли ее все, кто прокладывал дорогу первому поезду, в будущем сотням других поездов.

Виролайнен уже давно решил про себя, что первый состав поведет он. Конечно, не один. Этого почетного права в депо Волховстрой добивались все паровозные бригады. Кто возьмет верх в соревновании, не знали до последнего часа: среди его участников не было отстающих. Решить могли «лишний» килограмм сбереженного в поездках угля, «лишняя» тонна доставленного груза. Однако учитывались не только эти показатели. Большое значение еще имели и другие. Это, я бы сказал, солдатские качества паровозных бригад, их способность преодолеть любые трудности, не страшиться никаких опасностей. Мне довелось говорить со многими из тех, кто боролся за право встать у реверса паровоза, который поведет в Ленинград первый поезд. Бригады хорошо знали, что́ их ждет на 33 километрах этого огненного маршрута, что этот рейс со сквозным поездом может стать для бригады последним, и все равно мечтали о праве вести паровоз как о высшей награде.

Помню день, когда стало известно, что победила в соревновании бригада молодого машиниста Ивана Пироженко. У «Боевого листка», выпущенного по этому поводу в депо, непрестанно толпились люди и, не скрывая, огорчались, что не им доведется вести первый поезд.

И вот в ночь на 6 февраля 1943 года Иван Пироженко, его помощник Виктор Дятлов и кочегар Иван Антонов заняли свои места на паровозе Э708-64. Машину, не раз

побывавшую в тяжелых передрягах на дорогах войны, украсили хвойными ветками, прикрепили плакат: «Привет героическим защитникам Ленинграда!» Сорок вагонов, взятых на «крюк» паровозом, были до отказа загружены ящиками со сливочным маслом. 800 тонн этого драгоценнейшего в то время продукта страна посылала детям, женщинам и старикам Ленинграда, раненым и больным.

Призывно вспыхнул сигнальный огонек светофора, трелью залился свисток главного кондуктора. Пироженко медленно повел от себя рукоятку регулятора. Дятлов произнес традиционное:

— Вижу зеленый.

— Зеленый, — повторил Пироженко.

У поезда собрались железнодорожники. Слышались возгласы: «В добрый путь!», «Привет ленинградцам!» Несколько секунд, точно не в силах оторваться от заиндевелых рельсов, локомотив стоял без движения. Затем, медленно набирая скорость, двинулся навстречу зеленому глазку сигнала, потянув за собой мерно постукивающий на стыках рельсов состав. Через несколько минут уже замелькали багровые огни хвостового вагона. Они становились все меньше и меньше, пока не растворились в тумане.

Так, торжественно провожаемый железнодорожниками, отправился в первый рейс поезд, открывший прямое сообщение между Ленинградом и страной, оборвавшееся 26 августа 1941 года.

На разъезде Междуречье, в 50 километрах от станции Волховстрой, поезд ожидал Виролайнен.

Старый питерский машинист до боли в глазах всматривался в черноту зимнего вечера, зябко поеживался от стужи в своем стареньком демисезонном пальто. Вот вдали показался поезд. Виролайнен, легко одолев крутую лесенку, поднялся в паровозную будку.

— Поехали, — сказал он, глубоко вдохнув теплый, настоенный на угле и железе, с детства привычный ему воздух. — Поехали, — повторил Вольдемар Матвеевич и встал рядом с Пироженко.

Ожидание опасности нередко бывает страшнее самой опасности. Как ни старался Виролайнен не думать о ней, а беспокойные мысли лезли в голову. Нет, не о себе думал Вольдемар Матвеевич. Тревожила судьба поезда,

Неужели может такое случиться, спрашивал себя Виролайнен, чтобы фашистская бомба или снаряд оборвали бег этого эшелона?

На перегоне Междуречье — Липки, словно в ответ на беспокойные мысли Виролайнена, гитлеровцы обстреляли поезд. Снаряды рвались по обеим сторонам трассы. Но счастье сопутствовало бригаде: ни один снаряд не попал в состав и не повредил путь.

В Левобережной за реверс паровоза встал Виролайнен. На станцию Шлиссельбург он привел поезд в 12 часов 10 минут. Дальше эшелон следовал без остановок, по «зеленой улице». При сумеречном свете быстро угасавшего дня Виролайнен видел, как встречавшие на пути люди приветливо машут руками, шапками, кто-то кричит вслед. Он отвечал им гулко звучавшими в морозном воздухе паровозными гудками.

Утром 7 февраля, едва перебирая колесами, точно отмеривая каждый свой шаг, первый прямой поезд с Большой земли подходил к перрону празднично украшенного Финляндского вокзала. Навстречу неслись восторженное «ура», звенящие аккорды военного оркестра. Замер почетный караул. Огромная толпа заполнила перрон и подступы к нему. Встречать эшелон пришли делегации с заводов и фабрик, представители партийных организаций города и командования Ленинградского фронта. Часы показывали 10 часов 9 минут, когда паровоз разорвал красную ленту. Еще через минуту железнодорожники оказались в объятиях встречавших.

...Шел митинг, а Виролайнен, не отрываясь, смотрел на перрон, к которому только что подошел первый поезд. Да, это тот самый перрон, где в апреле 1917 года встречали прибывшего в Петроград Ильича... Тогда вместе с деповскими мастеровыми сюда пришел и пятнадцатилетний ученик слесаря Вольдемар Виролайнен — рыжеволосый паренек с зелеными глазами, удивленно глядевшими на мир. Виролайнен будто вновь увидел перрон в тот далекий весенний день, поднявшегося на броневик В. И. Ленина, слышал его призывный голос и долго гремевшее над привокзальной площадью раскатистое «ура». Нет, этого никогда не забыть... Виролайнен теперь уже вслушивался в слова выступавших на митинге.

— Сегодня открывается постоянное и регулярное сообщение Ленинграда со страной! — прозвучал голос с трибуны.

— «Регулярное сообщение», — негромко повторил Вольдемар Матвеевич и улыбнулся — широко, светло, точно только сейчас понял, что произойдет после того, как эшелон первым прошел по трассе. Он подумал о мужестве тысяч ленинградцев, участвовавших в прокладке новой линии, о паровозных бригадах, соревновавшихся за право провести сквозь огонь первый поезд в героический город...

* * *

...Если у человека, даже перевалившего за семьдесят, живым блеском светятся глаза, не спрашивайте, сколько ему лет, он бесспорно еще молод, этот человек. Таким я знаю и моего друга Вольдемара Матвеевича Виролайнена. Недавно я встретился с ним на Финляндском вокзале, у ленинского паровоза, обревшего здесь вечную стоянку. Виролайнен пришел сюда, чтобы торжественно вручить маршрутный лист молодому машинисту, отправляющемуся в первый свой самостоятельный рейс с электропоездом.

— Высоко неси почетное звание машиниста, — донеслись до меня слова, обращенные Виролайненом к стоявшему перед ним парню в форме железнодорожника, — и пусть тебе всегда светит зеленый!

Положив на плечо молодого водителя свою большую руку, Вольдемар Матвеевич уже тихо, будто желая, чтобы только они вдвоем услышали сказанное, произнес:

— Запомни, дружище, главное — машинист всегда в голове поезда, впереди...

...Незримая нить связывает старого питерского рабочего-коммуниста Виролайнена с машинистом Гуго Ялава, с героями фронтовой трассы, с этим вот славным парнем, который через несколько минут самостоятельно поведет свой первый поезд...

В. П. Ковалев

подполковник, начальник политотдела строительства № 5 НКПС

ОГНЕННЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Девятнадцатого января 1943 года Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железной дороги в полосе прорыва блокады. Мост через Неву был главным объектом новой трассы. В район, где должен был строиться мост, приехали начальник второго управления военно-восстановительных работ И. Г. Зубков, главный инженер управления В. Н. Иванов и представители подразделений, которым предстояло вести строительство.

Среди них находился и я.

Но раньше нас сюда, на берег застывшей Невы, пришли изыскатели. Было пасмурно и холодно, с реки дул порывистый, обжигающий лицо ветер, неподалеку с гулким уханьем рвались снаряды. Изыскатели во главе с инженером М. Я. Кулаго делали свое дело спокойно и споровисто, словно все происходило не рядом с передовыми позициями, а за сотни километров от них.

Так началось сооружение 33-километровой линии, призванной соединить осажденный Ленинград прямым железнодорожным сообщением с Большой землей. Но прежде чем рассказать о том, как прокладывалась эта исключительной важности стальная трасса, следует поведать о двух других транспортных коммуникациях, в том числе линии Войбокало — Кобона — Коса, построенных зимой 1942 года. Они как бы явились испытанием для тысяч ленинградцев — вчерашних слесарей, плотников, ткачих, ставших через год главной силой на стройке фронтовой магистрали Поляны — Шлиссельбург и ее уникальных мостов.

По замыслу Военного совета фронта и партийных организаций Ленинграда линия Войбокало—Кобона—Коса сооружалась для того, чтобы поезда получили возможность подходить к самому берегу Ладожского озера и, значительно сократив, таким образом, пробег курсирующих по нему автомашин, тут же принимали в вагоны грузы, доставляемые по ледовой «Дороге жизни». Этот замысел предстояло осуществить в лютые морозы, под обстрелом вражеской артиллерии. Причем 33-километровая железная дорога должна была быть сооружена за 25 дней! Такое казалось тогда невероятным. Но как только 20 января 1942 года был подписан приказ Военного совета, сразу же начался подвоз материалов и оборудования к участкам строительства.

Начальнику строительства, опытному инженеру А. С. Черному, его заместителю И. Г. Зубкову, главному инженеру Г. И. Ермохину, работникам политотдела Ленметростроя, который я возглавлял, в первые же часы пришлось решать задачи, с которыми никто из строителей железных дорог до этого не встречался.

Как, например, обеспечить строительство нужным количеством балласта, если для его доставки на один лишь участок Войбокало — Лаврово требовался целый месяц? Но если даже согласиться с этим сроком, то как в непосредственной близости от фронта организовать движение такого большого количества составов с песком?

Выход нашел Г. И. Ермохин. Я был у начальника строительства, когда обсуждалось предложение главного инженера.

— Если нельзя завезти сюда песок, — сказал он, — то его можно заменить... снегом.

Увидев на наших лицах крайнее удивление, Ермохин твердо повторил:

— Да, снегом. Им смело можно подбивать шпалы, я уже пробовал.

И действительно, снег оказался неплохим строительным материалом. По рельсам, уложенным на такой «подушке», поезда развивали скорость 50 километров в час. В тех условиях это была высокая скорость.

Однако близилась весна. Пришлось организовать срочную доставку балласта с ближайших карьеров, хотя это чувствительно сокращало пропускную способность железнодорожной ветки. Но еще до наступления теплых дней шпалы и рельсы покоились на постоянном балласте.

Ладожская навигация 1942 года была весьма успешной. Улучшилось снабжение ленинградцев, фронт получил возможность накапливать средства для готовящегося решительного наступления. И в этом не последнюю роль сыграла железная дорога, протянувшаяся к самому берегу озера. Но по-прежнему неспокойно было на душе у командования фронта, военных строителей и железнодорожников: ведь единственной транспортной коммуникацией, связывающей страну с осажденным городом, зимой вновь будет ледовая дорога на Ладоге. И тогда И. Г. Зубков, начальник Управления военно-восстановительных работ № 2, высказал поразившее всех предложение.

— Что, если проложить железную дорогу, — сказал он, — по льду Ладожского озера, причем дорогу нормальной колеи — 1524 миллиметра, с двумя разъездами?

Все, кто слушал его, в том числе и я, восприняли это как фантастику. Но Зубков тут же подкрепил свое до дерзости смелое предложение инженерными выкладками. Его убежденность охватила и нас, и мы стали горячими сторонниками этого замысла.

Война не терпит промедления. Уже через два дня я узнал, что нарком путей сообщения А. В. Хрулев, Военный совет Ленинградского фронта поддержали предложение.

В конце ноября 1942 года началось сооружение железнодорожной линии на льду озера. На его западном берегу она должна была примкнуть к станции Ладожское Озеро, на восточном — к станции Кобона. Намечено было параллельно протянуть узкоколейную железную дорогу для оперативных и внутристроительных перевозок. И все это предстояло осуществить меньше чем за два месяца, причем требовалось не просто уложить шпалы и рельсы на льду, а поднять их на свайно-ледовую эстакаду, чтобы колея была достаточно надежной для движения груженых составов. Суточная провозная способность этой стальной переправы устанавливалась в 6 тысяч тонн. Подобного рода сооружения до этого возводились лишь через Ботнический залив и озеро Байкал, однако по технической смелости и обстановке, в которой строилась дорога, она не имела равных в мировой практике.

Словом, перед управлением военно-восстановительных работ (УВВР-2), объединившим все силы и средства железнодорожных войск, спецподразделений Наркомата

путей сообщения и подразделений, метростроевцев, была поставлена исключительной сложности задача: в прифронтовых условиях, за короткий срок воздвигнуть на ледовом панцире озера гигантский железнодорожный переход.

Автором проекта уникальной эстакады стал инженер УВВР-2 Д. И. Васильев, трассу проектировали главный инженер «Ленгипротранса» А. А. Померанцев, инженеры управления Д. М. Реховский и В. А. Чежин. Но не сразу удалось приступить к реализации проектов: бурная Ладога долго не покорялась морозу. Лишь к 18 декабря озеро покрылось льдом, однако он был тонок и с трудом выдерживал даже человека. Это стало барьером не только для строителей; на месяц позже, чем в 1941 году, начала действовать ледовая трасса.

Несколько попыток выйти на лед закончились неудачей. Однажды на дно озера ушел копер, в другой раз — автомашина, и только чудом спаслись шофер Слабуха и находившийся с ним в кабине мастер Ильменский.

И все же, не дождавшись, пока ледяная броня станет достаточно крепкой, строители, рискуя жизнью, вышли на зыбкий, непрочный лед Ладоги, вышли не одни, а со всей своей техникой.

Нередко проваливались в пучину машины, гибли люди... Помню и такой случай. Ночью ветер оторвал льдину, на которой находились шесть бойцов, копер и палатка. Их понесло в открытое озеро. Мужественные бойцы Соломоничин, Смолкин и другие не дрогнули перед опасностью, не растерялись, до конца боролись со стихией и не только сами спаслись, но и сберегли находившееся на льдине оборудование.

Как только окреп лед, работы развернулись на широкой полосе. Рельсы потянулись с обоих берегов озера навстречу друг другу. По приказу Военного совета Ленинградского фронта на помощь строителям пришло около 5 тысяч ленинградцев, в основном женщин. Трудности не останавливали строителей ни на один день. Небогатым был технический арсенал: мы располагали лишь 60 копрами, тогда как для своевременного завершения строительства необходимо было иметь по меньшей мере в несколько раз больше. Сотни людей отвлекались на заготовку и доставку строительного леса. Добавьте ко всему частые артиллерийские обстрелы и налеты враже-

ской авиации, подвижку ладожского льда, неоднократно разрушавшего эстакаду.

Но, несмотря ни на что, сооружение железнодорожной переправы через озеро велось быстрыми темпами. Работали круглые сутки. В темное время трасса освещалась передвижными электростанциями, которые выключались только при воздушной тревоге. Главной энергетической базой нам служил мощный энергопоезд. Его действиями руководили известные ученые — профессора Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта Я. М. Гаккель и А. Г. Алексеев, поныне работающий в этом институте.

И вот наступило 18 января 1943 года. К этому дню трассу полностью расчистили и подготовили для прокладки дороги. Уже было забито 25 тысяч свай, построено до 20 километров эстакады и уложено около 15 километров рельсового пути. Целиком были установлены линии связи. Все это позволяло верить, что в третьей декаде января — в срок, установленный Военным советом фронта, — дорога начнет действовать. Однако свайно-ледовому железнодорожному мосту через озеро вступить в строй не довелось: наши доблестные войска прорвали блокаду Ленинграда.

19 января я приехал в женскую бригаду Путьрема № 3 строительства № 5 НКПС (так тогда называли Ленметрострой). Бригадир Нина Семеновна Бобылева встретила меня радостным криком: «Блокаду прорвали!» Она стала рассказывать:

— Мы с девчатами пробивали лунки для свай далеко от западного берега озера. Это было в ночь на сегодня. Сами знаете, какой мороз ударил. Вдруг подъезжает автомобиль, и из него выходит командир, зовет старшего в бригаде. Я подбежала к машине, и он сообщил ни с чем не сравнимую новость: войска Ленинградского фронта соединились с войсками Волховского. Нашего ликования не описать.

Мы обнимались, смеялись, целовались и плакали. Работу прекратили и побежали на берег...

В то же утро около землянок и вагонов, в которых жили строители, состоялся краткий митинг. Замполит Путьрема № 3 Александр Михайлович Коптин зачитал сводку Совинформбюро и приказ о новых задачах коллектива. Такие же митинги мы провели и в других подразделениях.

Государственный Комитет Обороны вынес решение о прекращении строительства ледовой эстакады. Все силы и средства направлялись на сооружение линии Шлиссельбург — Поляны с мостовым железнодорожным переходом через Неву. Возведение моста, работы по развитию станции Шлиссельбург и укладке первых 10 километров этой трассы поручили 9-й отдельной железнодорожной бригаде полковника В. Е. Матишева и формированиям Д. М. Реховского. Строительство участка до станции Междуречье и платформы Поляны с примыканием его к существовавшей линии Волховстрой — Жихарево возложили на 11-ю отдельную железнодорожную бригаду подполковника Г. П. Дебольского и спецформирования П. С. Трубицина.

Впереди изыскателей, по зубчатым рваным следам, проложенным нашими наступавшими танками, шли бойцы двух команд минеров 9-й и 11-й отдельных железнодорожных бригад. Им предстояло в короткий срок очистить от мин всю трассу. Минеры ощупывали каждый сантиметр пути, обнаружили и изъяли 1338 мин, 7 авиабомб и 52 неразорвавшихся снаряда.

Нашпигованная взрывчаткой земля на каждом шагу угрожала смертью. В первый день выхода на трассу погиб минер Малышев. Его похоронили рядом с местом взрыва. Горестное молчание боевых товарищей прервал брат Малышева, тоже минер. Он поклялся, что отныне будет действовать за двоих. И выполнил свое слово: за годы войны младший Малышев обезвредил несколько тысяч мин.

Один километр прокладываемой дороги подчас казался длиною в сотни километров. Трасса непрерывно обстреливалась, над ней то и дело проносились «юнкерсы» и «мессершмитты», обрушивая на строителей бомбы и пулеметные очереди. Первые удары враг нанес по команде геодезистов техника-лейтенанта П. И. Лебедева. Отважные воины-труженики проявили исключительную выдержку и самоотверженность, и в дальнейшем не было ни одного случая, чтобы пионеры трассы не выполнили боевого задания.

Гитлеровцам, просматривавшим с Синявинских высот почти все строительство железной дороги, удавалось разносить в щепы только что уложенные шпалы, поднимать в воздух рельсы, ранить и убивать бойцов, тянувших стальную нить. Но враг оказался не в силах хотя бы на

час приостановить работы: строители, как и солдаты переднего края, стояли насмерть.

Помню, с каким подъемом прошли в подразделениях партийные и комсомольские собрания, посвященные приказу Военного совета фронта о строительстве железной дороги. Выступления были короткими, но каждое пронизано чувством готовности отдать все силы, а если понадобится — и жизнь, чтобы с честью выполнить приказ.

На одном из таких собраний, на котором я был, слово взяла ткачиха-коммунистка. Просто, душевно говорила, тихо, ни разу не повысила голоса, но каждое ее слово западало в сердца слушателей, звало на самоотверженный труд.

— У меня в Ленинграде малолетняя дочка осталась,— сказала она, — Надюшей звать. Сколько их там, Надюш, Алешек, Ванек, Нинок! На нас с вами они теперь надеются. Построим быстро эту дорогу, пойдут по ней поезда — будут они жить, а не построим...

Замолкла, окинула взглядом сидящих перед ней бойцов и решительно произнесла:

— Построим!

Сооружение железнодорожной линии началось одновременно со стороны Невы и станции Поляны. Не теряя ни часу на разведку и примерку, все подразделения сразу двинулись в атаку на трассу, действовали каждый на своем «профиле», слаженно и производительно.

Первыми приступили к работе мостовики М. А. Погодина и П. И. Богомолова. На разъезде Междуречье укладку рельсов начали военные железнодорожники майора Н. В. Куракина. Взводы путейцев Н. Н. Шувалова и А. И. Иванова любой стрелочный перевод укладывали за 5—6 часов: в мирные дни на это уходило в два раза больше времени. Их действиями руководил начальник путевой колонны К. М. Сингаевский, до этого уже не раз выполнявший сложные работы в боевых условиях. Укладку пути и стрелок на станции Поляны и главного пути от нее в сторону Междуречья вели формирования М. Кадильникова и батальон подполковника В. Н. Ефимова. Не ожидая окончания постройки Невского моста (о нем пойдет речь ниже), начали сооружать главный путь батальоны А. А. Чижова и С. П. Федоренко. Разработкой глубокой выемки левого берега озера занялись женские бригады Ленметростроя (Путьрема № 1)

Д. И. Большакова, а в Шлиссельбургском балластировочном карьере с неменьшим напряжением трудились женщины-бойцы С. Е. Алтунина и мáстера путевых работ К. П. Жукова.

По зимнему бездорожью, по болотам, днем и ночью вели машины шоферы, доставлявшие к местам работ рельсы, стрелочные переводы, шпалы, мостовые конструкции. Это были безотказные труженики, по многу часов не оставлявшие баранку и нередко довольствовавшиеся считанными минутами сна перед далеким и трудным рейсом. Чтобы ускорить загрузку машин на базе, шоферы на стоянках работали вместе с грузчиками. Первым так поступил водитель Харитонов, его примеру последовали Белов, Краселев, Колесников, Богачев и другие.

Особенно доступным для вражеских наблюдателей был совершенно открытый перегон Междуречье — Левобережная. Вот что случилось здесь 30 января. На участке работала укладочная команда Н. В. Куракина, которого я хорошо знал. День был пасмурный, падал густой липкий снег. И вдруг тишину утра нарушил свист снарядов, грохот близких разрывов. Артиллерийский налет был массированным, прицельным, он прижал людей к земле, не давая поднять головы.

Прошло несколько долгих гнетущих минут, и внезапно сквозь звуки канонады прорвался голос командира:

— Продолжать работу!

Первым с земли поднялся сам Куракин. Потом все его бойцы. Будто не замечая опасности, путейцы принялись за прерванное дело. И только внимательный глаз мог бы заметить, как чуть вздрагивали от невероятного напряжения пальцы, сжимающие лом или лопату...

В тот раз команда Н. В. Куракина уложила еще только один километр пути, но, право, он стоил сотни километров...

Через несколько дней после этого укладчиков пути обстрелял на бреющем полете вынырнувший из-за леса вражеский самолет. Пятеро строителей были убиты, восемь ранены. Но остальные до конца смены продолжали работать...

Нелегкими были фронтовые будни и у тех, кто в лютые морозы, под бомбежками и обстрелами возводил объекты водоснабжения. Начальником колонны был инженер В. Н. Ильенко, а мастером А. Н. Сабельников. Муже-

ственные и умелые, эти командиры служили примером для бойцов.

Самоотверженно трудились и связисты, возглавляемые А. Б. Шаталовым — отцом будущего космонавта. В труднейших условиях они вместе с бойцами подразделения Еременко построили линию связи длиной 38 километров, закончив ее к 27 января — в срок, изумивший даже нас, привыкших к выполнению невозможного. Не только связисты, все строители хорошо знали и глубоко уважали Александра Борисовича Шаталова. За внешним спокойствием и поразительной выдержкой в нем всегда чувствовалось горячее, безудержное стремление как можно больше сделать, «втиснуть в сутки 25 часов». И пожалуй, ему это удавалось. Золотая Звезда Героя Социалистического Труда увенчала фронтовой путь ветерана-связиста.

Как ни тяжело было прокладывать стальную трассу, неимоверно труднее оказалось воздвигнуть железнодорожный мост через Неву. Прежде всего решено было построить свайно-ледовую эстакаду. Ее опоры, отстоявшие друг от друга на расстоянии полутора метров, скреплялись только льдом и верхним строением пути. Сваи забивали в дно реки одновременно 16 копров на глубину 2—4 метра. Толстенные бревна опускали в отверстия, продырявленные во льду пешнями.

С особой тщательностью выбирался район стройки: учитывались состояние береговых подходов, глубина воды, толщина льда. Этим условиям удовлетворяло место, где брал начало Старо-Ладожский канал. Ширина реки здесь равнялась 1050 метрам, наибольшая глубина была 6,5 метра, скорость течения — 1,5—1,8 метра в секунду.

Подготовка к строительству началась 19 января 1943 года, а назавтра на местах работ уже были сосредоточены части 9-й отдельной железнодорожной бригады, крановая рота, спецформирования Наркомата путей сообщения, мостовая колонна и мостовой поезд. С 24 января работы развернулись на всех участках мостового перехода и не прекращались ни днем ни ночью.

Артиллерийским обстрелам и бомбежкам часто подвергалась вся стройка, а укрыться от вражеского огня негде было: кругом — ледовое поле реки. Гибли бойцы, выбывших из строя заменяли товарищи, и каждый работал за двоих-троих. В эти дни наша многотиражная газета «Строитель» писала о красноармейцах-копровщиках, систематически выполнявших норму забивки свай

на 200—300 процентов, — Смолкине, Козлове, Цибуле, Антонюке и других. 25 января, когда обстрелы были особенно свирепыми, Смолкин вместо 18 свай, полагавшихся по норме, забил 80! Бойцы взвода старшего лейтенанта Болла сутки не оставляли участок и за это время выполнили пять норм.

1300-метровый мост через Неву, который и в наши дни называют жемчужиной мостостроения, был воздвигнут за 11 дней! Его сооружали невиданными темпами: каждые сутки — 130 погонных метров. 2 февраля было в основном завершено и строительство железнодорожной линии Поляны — Шлиссельбург, началась ее, как принято говорить, обкатка.

33-километровая стальная трасса, открывшая путь потоку грузов с Большой земли в осажденный врагом город на Неве, была сооружена не за 20, как первоначально намечалось, а за 15 дней. 7 февраля утром на Финляндский вокзал прибыл первый сквозной поезд с Большой земли. На дверях вагонов висели пломбы, поставленные на станции Челябинск. Страна прислала 800 тонн продовольствия жителям города-героя. С этим эшелоном в Ленинград приехали и представители военных железнодорожников. Началась полная драматизма и героики работа фронтовой магистрали, названной ленинградцами «Дорогой победы».

Спустя немного времени после открытия движения на новой линии в 900 метрах от свайно-ледового железнодорожного перехода начали строить второй, более капитальный мост через Неву. В отличие от первого он был высоководен, покоился на прочных деревянных опорах, с большей, чем у своего предшественника — низководного моста, — длиной пролетов, обеспечивал минимальные требования судоходства, что имело немалое значение. Его сооружение началось 13 февраля.

Как и при строительстве предыдущего моста, первопроходцами стали изыскатели. Я не раз видел, как, утопая по пояс в снегу, обдираясь в кровь о колючую проволоку, которой были опутаны берега, рискуя подорваться на минах, они пробирались к местам будущих работ. Нагруженные стальными лентами, вешками, треногами и рейками, изыскатели делали промеры, нивелирование. К концу дня, мокрые, еле передвигая ноги, они в темноте добирались до своего жилого вагона. Наспех поужинав (это был и обед), сразу же садились за чертежные столы

и еще долго вели камеральную обработку полевых материалов.

Уже на третий день проектировщики получили план и профиль мостового перехода. Затем эстафету приняли строители. На невском льду вытянулись в шеренгу десятки копров. В эти дни стройка обогатилась новым, нигде до этого не применявшимся на сооружении мостов консольным краном «Ленинградец». Его автором был талантливый инженер Д. И. Васильев. Применение этого крана на несколько дней ускорило строительство, облегчило труд сотен людей.

Однако не все можно было возложить на «плечи» машин. Для ограждения опор, например, потребовалось огромное количество камня. Вначале его подвозили на грузовиках, но потом лед ослабел, и от прежнего способа транспортировки пришлось отказаться. Поставщиками камня стали сотни ленинградских женщин, присланных в помощь военным железнодорожникам. Днем и ночью, приспособив в качестве салазок листы старого кровельного железа, они подвозили к местам работ кирпич для засыпки ряжей.

18 марта 1943 года вечером по дублирующему мосту длиной более 850 метров и высотой почти 8,5 метра прошел первый обкаточный поезд. Начальник 9-й отдельной железнодорожной бригады генерал-майор В. Е. Матишев доложил Военному совету Ленинградского фронта о досрочном окончании строительства второго железнодорожного перехода через Неву...

В нескольких километрах от вражеских позиций и в кратчайший срок проложить 33-километровую железную дорогу, под бомбежками и обстрелами перекинуть через ширь Невы два моста — подвиг, совершенный военными железнодорожниками, ленинградскими рабочими и работницами. И все же это было только началом. Требовалось еще, чтобы за первым поездом пошли по новой линии десятки, сотни составов, чтобы трасса, находившаяся на прицеле у врага, постоянно пропускала эшелоны.

Между тем с первых же часов действия линии Поляны — Шлиссельбург гитлеровцы сделали ее своей «мишенью номер один». Только за один 1943 год снаряды и бомбы врага вызвали 1200 серьезных разрушений железнодорожного пути, вывели из строя почти 3 тысячи шпал, повредили около 4 тысяч рельсов. В журнале

«Адлер», найденном в одной из землянок при наступлении наших войск под Ленинградом, писалось: «Разрушения, нанесенные прифронтовой дороге русских у Шлиссельбурга, были так велики, что ландшафт здесь больше походил на лунный, чем на земной».

Да, это было так. Вот что писал в своем дневнике начальник работавшей на трассе 48-й паровозной колонны НКПС Н. И. Кошелев:

«Поезд № 927 подвергся бомбардировке. Часть состава разбита. Ранен помощник машиниста Павлов.

Паровоз 718-30 подвергся обстрелу, позже поезд попал под бомбежку. Сгорел вагон, где отдыхают бригады. Ранены оба машиниста — Баранов и Амосов, кочегар Клементьев. После перевязки Амосов вернулся к регулятору и довел поезд.

От зажигательного снаряда сгорел турный вагон состава, который вел паровоз 54-58. Погиб поездной мастер Рыжков. Тяжело ранен помощник машиниста Алексеев, легко — проводница Кушелина.

При воздушной бомбардировке ранен главный кондуктор Г. А. Кардаш.

Бригада паровоза 713-66 принимала участие в тушении горящего состава.

У паровоза 728-13 при обстреле пробит тендерный бак, ранены поездной вагонный мастер Веселов, кочегар Лисяк, главный кондуктор Трофимова.

Снарядом пробита паровозная труба (паровоз 717-85). Состав загорелся. Тушили пожар и выводили горящий состав паровозники Голубев, Комаров, Альберт, Дорогунин, Буянов, Смирнов, поездной вагонный мастер Воронов».

Все это события одного лишь дня—18 июня 1943 года...

Расскажу еще о двух случаях, которые навсегда останутся в моей памяти как примеры необыкновенного мужества железнодорожников.

В состав, загруженный взрывчаткой и минами, при обстреле попал вражеский снаряд. Огромной силы взрыв потряс всю окрестность. На месте, где находился поезд, образовалась воронка длиной 350 метров, шириной 35 и глубиной 14 метров! В это время со стороны Волхова двигались на Ленинград составы с хлебом, топливом, боеприпасами. Как в кратчайший срок перекрыть такую гигантскую яму и восстановить железнодорожное полотно?

Решили построить обходной путь, а делать это надо было на виду у немцев. Геодезические работы — их можно производить только в дневное время — поручили старшему техник-лейтенанту П. И. Лебедеву. Выслушав приказ, он молча приложил руку к видавшей виды форменной фуражке и вместе с группой солдат отправился к месту работы. На них сразу же посыпались снаряды и мины. Погиб помощник Лебедева, осколки повредили нивелир, перебили ножки теодолита. Но Петр Иванович и другие геодезисты продолжали выполнять приказ...

Затем на трассу вышли восстановители.

Снаряды и мины рвались вокруг, раненых и убитых заменяли товарищи. Обходной путь был построен, и в Ленинград снова пошли поезда с продовольствием и боеприпасами.

Однажды снарядом разрушило рельсы впереди двигавшегося поезда. Машинист вовремя заметил повреждение и стал осаживать состав, пытаясь укрыться в лесу. Но и позади путь оказался разбитым. Поезд остановился. Фашисты сразу же взяли его под прицельный огонь. Поблизости оказался старший сержант Курачев. Увидев, в какую беду попал состав, он вместе с несколькими бойцами своего взвода, захватив с собой рельс и инструмент, ползком добрался до аварийного участка пути. Под огнем заменили разбитый рельс и открыли путь поезду.

Но это отнюдь не означало, что составу больше не угрожала опасность. Каждый километр в любую минуту мог оказаться под огнем врага. Но чем больше гитлеровцы свирепствовали, тем выше были мужество и изобретательность железнодорожников и восстановителей.

Участок дороги Междуречье — Левобережная железнодорожники называли «коридором смерти»: каждый рейс был здесь равен подвигу, и его ежедневно совершали сотни людей.

Вот один из обычных рейсов.

Осколки в нескольких местах перебили магистраль воздушного тормоза поезда, который вел машинист Василий Елисеев. (Он — Герой Социалистического Труда, возглавляет сейчас крупнейшее на Октябрьской магистрали пассажирское депо.) Эшелон остановился. Снаряды рвались у самых вагонов, а в них находились боеприпасы...

И Елисеев принял невероятное по смелости решение: от отцепил локомотив от состава, распахнул дверцы паро-

возной топки, чтобы далеко был виден полыхающий в ней огонь, и ринулся вперед. В полумраке белой ночи гитлеровцы не рассмотрели, что паровоз уже идет без вагонов, и продолжали его обстреливать.

Так, вызвав огонь на себя, Елисееву удалось отвлечь внимание врага от загруженных взрывчаткой вагонов. Скрывшись в раскинувшемся неподалеку лесу, он остановил локомотив, наглухо прикрыл топку. А немцы, потеряв его из виду, прекратили огонь. В это время Василий Михайлович добежал до состава, исправил воздушный тормоз, вернулся к паровозу, бесшумно подвел его к вагонам и, захватив их, продолжал рейс...

Бесстрашие постоянно сочеталось с военной хитростью, умением быстро приспосабливаться к тяжелым условиям работы на трассе и находить из любого положения единственно возможный выход, позволявший брать верх над врагом.

На линии никогда не было тишины: снаряды и бомбы рвались то в одном, то в другом месте беспрерывно. Это были воистину огненные километры, по которым часто следовали поезда, груженные взрывчаткой, боеприпасами и горючим... Требовались мобильные команды, готовые по первому зову, в любой час дня и ночи, быстро устранять разрушения. Такие команды, объединенные специальной службой восстановления, были созданы и расставлены по всей линии. Они имели в своем распоряжении тракторы и подъемные краны, на каждом пикете (стометровом участке) их ожидал запас рельсов, шпал, балласта и шлака.

В аварийные отряды назначались не только самые умелые и опытные, но и самые отважные военные железнодорожники: ведь исправлять повреждения приходилось под огнем. Только в единичных случаях, когда обстрел становился особенно губительным, они на какое-то время прерывали свою работу.

Особенно удобной мишенью для вражеских артиллеристов были поезда во время остановок на промежуточных станциях для пропуска встречных составов. И здесь нашли выход: отказались от двустороннего движения и стали назначать все поезда только на темное время суток. Одну ночь они следовали в Ленинград, другую — из Ленинграда. Это избавило от необходимости делать остановки в пути — эшелоны получили «зеленую улицу» по всей трассе.

На линии Поляны — Шлиссельбург не было автоблокировки. Составы шли один за другим, караваном, их пропускали, как уже говорилось, в темное время суток, а семафоры ставить нельзя было: сигнальные огоньки сразу же засекались врагом. И тогда на трассу вышли люди с фонарями в руках. Это были живые «семафоры», расставленные в 3—4 километрах друг от друга. Они пропускали составы, а сами оставались на своих местах. Нередко рвались снаряды, над головой свистели осколки, но никто из этих отважных людей не покидал боевого поста. Машинисты все время видели впереди зеленые огоньки: путь свободен...

С неистовой яростью противник обстреливал мосты. Это было понятно: достаточно вывести из строя железнодорожный переход, и вся линия, даже если она целиком исправна, перестала бы действовать.

Тот майский день 1943 года запомнился мне на всю жизнь. Погода выдалась пасмурная, накрапывал мелкий дождик. Вражеских самолетов мы поэтому не ожидали. Вдруг — далекий выстрел, а за ним — разрывы тяжелых снарядов на высоководном мосту: немцы открыли по нему огонь из дальнобойных орудий. Сразу же было серьезно повреждено несколько опор и пролетных строений. Чтобы восстановить здесь движение поездов, требовалось не менее недели.

В Смольный вызвали начальника УВВР-2 И. Г. Зубкова. Он получил приказ Военного совета фронта: поезда должны следовать по всей трассе, как прежде.

Вернувшись в управление, Иван Георгиевич пригласил к себе главного инженера В. Н. Иванова и начальника отдела мостов Д. М. Реховского.

— Попробуем пропускать поезда по низководному мосту, — сказал Зубков. — Ведь мы его не разобрали.

Зубков увидел на лицах своих помощников крайнее недоумение: все трое отлично знали, что с наступлением весны этот мост потерял свою былую прочность, которую придавал ему лед.

— Но у нас нет другого выхода, — решительно произнес Зубков, и, повернувшись к Реховскому, в упор спросил:

— Пойдут составы по эстакаде?

— Как можно! Эстакада из свайно-ледовой уже превратилась в свайно-водяную!

— А что думает главный инженер? — словно не расслышав ответа Реховского, спросил начальник управления.

— Я согласен с Дмитрием Михайловичем, — сказал Иванов. — Пожалуй, девяносто процентов за то, что поезда окажутся в Неве...

— Значит, десять процентов за то, что поезда пройдут? — подхватил Зубков. Но ответа на этот вопрос не последовало, и он понял, что мнение его собеседников по-прежнему остается тем же: «Нет!»

— А если снизим скорость, скажем, до пяти километров в час?

Иванов и Реховский ответили не сразу.

— Конечно, в таком случае безопасность движения повысится, — произнес наконец главный инженер. — Попробуем пропустить один поезд, после этого и решим. Только надо бы на всякий случай держать наготове подъемный кран с командой...

Через час Зубков и Иванов уже стояли у эстакады. Мост выглядел заброшенным: ржавые рельсы, мокрые шпалы и прогоны, сиротливо торчавшие сваи. Но раздумывать было некогда. С шаблоном и уровнем проверили путь. Зубков забрался в будку машиниста вызванного сюда паровоза и приказал следовать по мосту. С первых же «шагов» локомотива эстакада угрожающе затрещала.

После прохода паровоза еще раз проверили путь. Зубков и Иванов вернулись на станцию Шлиссельбург и через несколько минут за подписью начальника управления ушла телеграмма, разрешающая временную эксплуатацию «свайно-ледовой эстакады с пропуском по ней поездов со скоростью 5 километров в час».

Эстакада, которая по всем инженерным расчетам была обречена на развал после прохода первого же состава, ежесуточно пропускала свыше десяти поездов...

С тревогой ждали мы ледохода. Ладожский лед, гонимый штормовым ветром, был очень серьезным противником, мог разрушить и эстакаду и основной мост.

Единственным выходом из положения был быстрый пропуск ладожского льда через эстакаду. К этому делу были привлечены команды железнодорожных частей и подразделений, спецформирований, отряды Ленметростроя. Около тысячи человек, в том числе 200 подрывников, встали на защиту эстакады. Вместе с ними здесь находились офицеры штаба железнодорожных войск

фронта во главе с начальником штаба полковником М. И. Голубевым. Против ледовых таранов выступила также гаубичная артиллерия. В протоках у крепости льдины взрывали подводными фугасами, а в районе Орешка ледяные поля встречали на лодках специально натренированные команды подрывников.

Прошло столько лет, а я, словно это происходило вчера, помню все до мельчайших подробностей. Проезжая часть эстакады под напором ветра и льда растягивалась, как резина, изгибалась дугой. Казалось, еще немного, и она, не выдержав, лопнет и потащит за собой в бурлящую воду сотни людей. С грохотом льдин сливался треск разрывов: немцы с остервенением обстреливали мост из орудий. Но бойцы оставляли свои смертельно опасные посты лишь после прохода очередного поезда и снова возвращались.

...Шесть дней длилась битва со льдом. Все, кто участвовал в этой ожесточенной схватке, не знали ни минуты передышки. Они героически отстояли мосты, и ни стихии, ни врагу не удалось прервать железнодорожную связь страны с городом на Неве.

Замечу, что невские мостовые железнодорожные переходы у Шлиссельбурга действовали до полного снятия блокады. Они остались в людской памяти как символ мужества их создателей.

Стихия обрушивала свои удары и на железнодорожное полотно. Болотистая почва, по которой тянулась дорога, при таянии давала сплошные просадки пути. Паровозы с вагонами часто сходили с рельсов, саморасцеплялись вагоны. В таких случаях поездные бригады по крышам вагонов пробирались к местам обрывов и, стоя в ледяной воде, снова соединяли вагоны.

Вода наступала на путь со всех сторон. Путейские бригады самоотверженно боролись с ней. Однако некоторые участки несмотря ни на что, долго оставались под водой, и путевые обходчики лишены были возможности осматривать рельсы и стыки между ними. Но они шли по воде вдоль пути и на ощупь меняли болты, ставили подкладки, проверяли зазоры. Часто это все делалось под огнем врага.

Около 200 военных строителей, паровозных машинистов, их помощников и кочегаров, кондукторов, путевых рабочих и связистов было убито и ранено за один только год эксплуатации линии Поляны — Шлиссельбург. Все,

кто работал на этих огненных километрах, перенесли неимоверные трудности. Наградой им была непрерывно действующая стальная трасса, обеспечившая надежную связь Ленинграда со всей страной. С начала февраля и до конца 1943 года по этой линии проследовало более 150 тысяч вагонов с продовольствием, оружием, боеприпасами. Это в несколько раз превышало объем перевозок грузов первых полутора лет блокады.

Через две недели после ввода в строй железнодорожной линии Поляны — Шлиссельбург рабочие, инженеры и техники горячих цехов и оборонных заводов города стали получать по 700 граммов хлеба, а остальных предприятий — по 600 граммов в день. С этого же времени норма выдачи хлеба служащим возросла до 500 граммов, а иждивенцам — до 400 граммов. Повысились нормы и других продуктов. На заводы стало поступать больше сырья и топлива, заработали еще 85 промышленных предприятий. Войска Ленинградского фронта получили возможность во всевозрастающем объеме накапливать боевые ресурсы, чтобы спустя немного времени нанести врагу новый сокрушительный удар и полностью освободить город Ленина от фашистской блокады.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ЛЕНИНГРАДСКОГО И ВОЛХОВСКОГО ФРОНТОВ, АРМИЙ, ДИВИЗИЙ, БРИГАД, КОРПУСОВ И КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ПРОРЫВЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА

Ленинградский фронт

Командующий — генерал-полковник Л. А. Говоров.

Члены Военного совета — генерал-лейтенант А. А. Жданов, генерал-майор Т. Ф. Штыков, генерал-майор Н. В. Соловьев.

Начальник штаба — генерал-лейтенант Д. Н. Гусев.

Командующий артиллерией — генерал-лейтенант Г. Ф. Одинцов.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-майор В. И. Баранов.

Начальник инженерных войск — генерал-майор Б. В. Бычевский.

Начальник оперативного отдела — генерал-майор А. В. Гвоздков.

Начальник разведки — генерал-майор П. П. Евстигнеев.

Начальник войск связи — генерал-майор И. Н. Ковалев.

Волховский фронт

Командующий — генерал армии К. А. Мерецков.

Член Военного совета — генерал-лейтенант Л. З. Мехлис.

Начальник штаба — генерал-лейтенант М. Н. Шарохин.

Командующий артиллерией — генерал-лейтенант Г. Е. Дегтярев.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-майор Н. А. Болотников.

Начальник инженерных войск — генерал-лейтенант А. Ф. Хренов.

Начальник разведки — полковник В. И. Василенко.

Начальник оперативного отдела — полковник В. Я. Семенов.

Краснознаменный Балтийский флот

Командующий флотом — вице-адмирал В. Ф. Трибуц.

Член Военного совета — контр-адмирал Н. К. Смирнов.

Начальник штаба — вице-адмирал Ю. Ф. Рааль.
Флагманский артиллерист — вице-адмирал И. И. Грен.
Командующий ВВС флота — генерал-майор М. И. Самохин.
Командующий эскадрой кораблей — вице-адмирал В. П. Дрозд.
Командующий Ладожской военной флотилией — капитан 1-го ранга В. С. Чероков.
Командир 101-й морской железнодорожной бригады — генерал-майор И. И. Дмитриев.

В состав Ленинградского и Волховского фронтов входили следующие армии, дивизии, бригады и авиационные корпуса:

67-я армия

Командующий — генерал-майор М. П. Духанов.
Члены Военного совета — генерал-майор П. А. Тюркин, полковник А. Е. Хмель.
Начальник штаба — полковник Е. Г. Савченко.
Командующий артиллерией — генерал-майор И. М. Пядусов.
Командующий бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-майор М. Ф. Салминов.
Начальник инженерных войск — полковник С. И. Лисовский.

2-я ударная армия

Командующий — генерал-лейтенант В. З. Романовский.
Члены Военного совета — генерал-майор А. А. Кузнецов, генерал-майор В. Т. Писклюков.
Начальник штаба — генерал-майор П. И. Кокорев.
Командующий артиллерией — генерал-майор Б. Б. Чернявский.
Командующий бронетанковыми и механизированными войсками — полковник Г. А. Миронович.
Начальник инженерных войск — полковник Мельников.

8-я армия

Командующий — генерал-майор Ф. Н. Стариков.
Член Военного совета — генерал-майор В. А. Зубов.
Начальник штаба — полковник Б. М. Головчинер.
Командующий артиллерией — генерал-майор С. Ф. Безрук.
Начальник инженерных войск — полковник А. В. Германович.

13-я воздушная армия

Командующий — генерал-майор С. Д. Рыбальченко.
Заместитель командующего по политической части — генерал-майор А. А. Иванов.
Начальник штаба — полковник А. Н. Алексеев.

14-я воздушная армия

Командующий — генерал-майор И. П. Журавлев.

Заместитель командующего по политической части — полковник М. И. Шаповалов.

Начальник штаба — полковник И. С. Моргунов.

Ленинградская армия ПВО

Командующий — генерал-майор Г. С. Зашихин.

Член Военного совета — генерал-майор Ф. Ф. Веров.

Начальник штаба — полковник П. Ф. Рожков.

Командиры стрелковых дивизий

11-й — полковник Е. И. Марченко, с 16 января 1943 г. — полковник В. А. Вержбицкий.
13-й — полковник В. П. Якутович.
18-й — генерал-майор М. Н. Овчинников.
45-й гвардейской — генерал-майор А. А. Краснов.
46-й — генерал-майор Е. В. Козик.
71-й — генерал-майор Н. М. Замировский.
80-й — полковник Н. В. Симонов.
86-й — полковник В. А. Трубачев.
123-й — полковник А. П. Иванов.
128-й — генерал-майор Ф. И. Пархоменко.
136-й — генерал-майор Н. П. Симоняк.
147-й — генерал-майор Н. А. Москвин.
191-й — полковник П. А. Потапов.
239-й — генерал-майор П. Н. Чернышев.
256-й — полковник Ф. К. Фетисов.
268-й — полковник С. Н. Борщев.
314-й — полковник И. М. Алиев.
327-й — полковник Н. А. Поляков.
372-й — полковник П. И. Радыгин.
376-й — генерал-майор Н. Е. Аргунов.

Командиры стрелковых бригад

11-й — полковник С. И. Харитонов.
55-й — полковник Ф. А. Бурмистров.
102-й — полковник А. В. Батлук.
123-й — подполковник Ф. Ф. Шишов.
138-й — полковник М. Д. Есперстов.
142-й — полковник Н. А. Кощиенко.
73-й бригады морской пехоты — полковник И. Н. Бураковский.

Командиры лыжных бригад

12-й — подполковник Н. А. Себов.
34-й — подполковник Я. Ф. Потехин.
35-й — подполковник В. И. Волков.

Командиры танковых бригад

16-й — полковник К. И. Иванов.
61-й — подполковник В. В. Хрустицкий.
98-й — подполковник Е. Г. Пайкин.
122-й — полковник Я. А. Давыдов.
152-й — полковник П. И. Пинчук.
220-й — полковник И. Б. Шпиллер.

Командиры инженерных бригад

2-й инженерной — полковник А. К. Акатов.
39-й инженерно-саперной — подполковник Р. М. Солдатенков.
52-й инженерно-саперной — полковник А. П. Шубин.

Командиры авиационных корпусов

2-го истребительного — генерал-майор А. С. Благовещенский.
7-го истребительного ПВО — генерал-майор Е. Е. Ерлыкин.

Командиры авиационных дивизий

275-й истребительной — подполковник Ф. М. Мищенко.
279-й истребительной — полковник Ф. Н. Дементьев.
276-й бомбардировочной — генерал-майор А. П. Андреев.
280-й бомбардировочной — полковник Н. Н. Буянский.
232-й штурмовой — полковник А. Г. Вальков.
277-й штурмовой — полковник Ф. С. Хатминский.
281-й штурмовой — подполковник С. Г. Греськов.

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

1942 ГОД

10 октября

Образована 67-я армия (командующий генерал-майор М. П. Духанов, член Военного совета бригадный комиссар А. Е. Хмель, начальник штаба полковник Е. Г. Савченко).

17 ноября

Военный совет Ленинградского фронта обратился в Ставку Верховного Главнокомандования с просьбой разрешить провести Шлиссельбургскую наступательную операцию с целью прорыва блокады Ленинграда.

19 ноября

Переход советских войск в контрнаступление под Сталинградом, в результате которого наступил коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

24 ноября

Образована 13-я воздушная армия Ленинградского фронта. Ее командующим назначен генерал-майор авиации С. Д. Рыбальченко, начальником штаба — полковник А. Н. Алексеев.

2 декабря

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план совместной операции Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда. Операция получила кодовое название «Искра». Координация действий фронтов поручена Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову и генералу армии Г. К. Жукову (18 января 1943 года Г. К. Жукову присвоено звание Маршала Советского Союза).

8 декабря

Ставка Верховного Главнокомандования направила командующим фронтами Волховским генералу армии К. А. Мерецкову и Ленинградским генерал-лейтенанту артиллерии Л. А. Говорову директиву о проведении операции по прорыву блокады.

В директиве изложены конкретные задачи фронтов. Со стороны Ленинграда удар по обороне противника на шлиссельбургско-синявинском выступе должна наносить 67-я армия (командующий генерал-майор М. П. Духанов), со стороны Волховского фронта — 2-я ударная (командующий генерал-лейтенант В. З. Романовский) и часть сил 8-й армии (командующий генерал-майор Ф. Н. Стариков).

Для усиления Ленинградского и Волховского фронтов Ставка выделила 6 стрелковых дивизий, 7 лыжных и стрелковых бригад, артиллерийские, минометные, танковые и инженерные соединения и части.

12 декабря

Войска Ленинградского фронта, включенные в ударную группировку, приступили к боевой учебе по 128-часовой программе.

15 декабря

С 15 по 18 декабря командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров проводил командно-штабную игру на тему: «Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях».

20 декабря

По новой ледовой дороге через Ладожское озеро прошли первые подводы с грузом. Движение автомашин началось 27 декабря.

22 декабря

Президиум Верховного Совета СССР учредил медали за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда.

Специальной директивой Военный совет Ленинградского фронта определил конкретные задачи партийно-политической работы в соединениях и частях, потребовал подчинить ее подготовке к наступательным боям по прорыву блокады, в результате которого только и может быть достигнуто решительное улучшение положения Ленинграда, фронта и флота.

25 декабря

Состоялось совещание командиров частей и соединений ударной группировки Ленинградского фронта. На нем выступили представитель Ставки Маршал Советского

Союза К. Е. Ворошилов, командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров и член Военного совета А. А. Жданов. Командиры частей и соединений доложили о готовности войск к операции.

27 декабря

Представителем Ставки Верховного Главнокомандования маршалом К. Е. Ворошиловым утвержден план взаимодействия Ленинградского и Волховского фронтов. Встреча ударных группировок намечена на условной линии Рабочих поселков № 2 и 6.

Учитывая крайне неблагоприятные метеорологические условия (ледяной покров на Неве был недостаточно устойчивым, а болота труднопроходимыми), командование обоих фронтов обратилось в Ставку с просьбой отложить начало операции на 10—12 января 1943 года.

28 декабря

Ставка Верховного Главнокомандования удовлетворила просьбу Военных советов Ленинградского и Волховского фронтов о переносе начала операции «Искра» на 12 января.

1943 ГОД

4 января

Состоялось совещание политработников 2-й ударной армии, на котором заместители командиров по политчасти соединений и частей, начальники и инструкторы политотделов ознакомились с указаниями Военного совета и Политуправления Волховского фронта по организации партийно-политической работы в предстоящих боях.

11 января

Военный совет Ленинградского фронта приказал войскам 67-й армии «перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу».

В ночь на 12 января приказ был доведен до всего личного состава армии.

12 января

Утром за два часа до начала артиллерийской подготовки в частях 2-й ударной и 8-й армий был зачитан приказ командующего войсками Волховского фронта. В приказе ставилась задача: «решительным, смелым, дружным ударом совместно с войсками Ленинградского фронта окружить и уничтожить немецкие войска, разбить

блокаду вокруг Ленинграда, города-героя, колыбели нашей свободы и независимости».

9.30. Началась артиллерийская подготовка наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов. Огонь по противнику вели более 4,5 тысячи орудий и минометов. На Волховском фронте артподготовка длилась 1 час 45 минут, на Ленинградском — 2 часа 20 минут. Почти одновременно удар по вражеским укреплениям нанесла авиация 13-й и 14-й воздушных армий, Краснознаменного Балтийского флота.

11.15. Перешли в наступление на участке от Липки до Гайтолово: 128-я (генерал-майор Ф. Н. Пархоменко), 372-я (полковник П. И. Радыгин), 256-я (полковник Ф. К. Фетисов), 327-я (полковник Н. А. Поляков) и 376-я (генерал-майор Н. Е. Аргунов) стрелковые дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта.

11.35. Начало атаки вражеских позиций правофланговыми соединениями 8-й армии Волховского фронта: 80-й стрелковой дивизией (полковник Н. И. Симонов) и 73-й стрелковой бригадой (полковник И. Н. Бураковский).

11.50. После залпа гвардейских минометов начали форсирование дивизии первого эшелона 67-й армии Ленинградского фронта: 45-я гвардейская (Герой Советского Союза А. А. Краснов), 268-я (полковник С. Н. Борщев), 136-я (генерал-майор Н. П. Симоняк) и 86-я (Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев).

15.00. Командиры полков 136-й стрелковой дивизии перевели свои наблюдательные пункты на левый берег Невы.

В бою за деревню Липки бессмертный подвиг совершил командир роты 523-го полка 128-й стрелковой дивизии старший лейтенант Я. И. Богдан, закрывший грудью амбразуру вражеского дзота.

18.00. Подразделения 342-го полка (подполковник Я. И. Кожевников) 136-й стрелковой дивизии после упорных боев овладели населенным пунктом Пильная Мельница.

Инженерные части Ленинградского фронта приступили в районе Марьино к постройке переправ через Неву для пропуска на левый берег средних и тяжелых танков.

К исходу дня 327-я стрелковая дивизия совместно с 39-й инженерной бригадой штурмом овладела рощей «Круглая» — мощным узлом вражеского сопротивления на синявинском направлении. Успешно действовал в этом бою 1100-й стрелковый полк майора П. И. Сладких и 1098-й подполковника С. М. Карягина.

Разгромлен оборонявший рощу 366-й пехотный полк 227-й немецкой дивизии, захвачено 7 орудий, около 100 исправных пулеметов и другие трофеи.

Авиация Ленинградского фронта (13-я воздушная армия генерал-майора авиации С. Д. Рыбальченко) и Краснознаменного Балтийского флота (генерал-майор авиации М. И. Самохин) произвела около 300 самолето-вылетов, подавив огонь 14 артиллерийских и минометных батарей.

14-я воздушная армия (генерал-майор авиации И. П. Журавлев), поддерживавшая наступление Волховского фронта, совершила до 550 самолето-вылетов на бомбежку и штурмовку позиций противника.

Расстояние между 67-й и 2-й ударной армиями к концу дня сократилось до 8 километров.

13 января

Командующий 67-й армией провел ночью частичную перегруппировку войск второго эшелона, приблизив их к исходному рубежу для ввода в бой.

В ночь на 13 января вражеское командование спешно подтянуло в район Мустолово, Рабочий поселок № 6, Синявино две пехотные дивизии.

Командующий 2-й ударной армией ввел в бой 18-ю (генерал-майор М. Н. Овчинников) и 71-ю (генерал-майор Н. М. Замировский) стрелковые дивизии, а также 98-ю танковую бригаду (подполковник Е. Г. Пайкин).

Утром после получасовой артиллерийской подготовки возобновили наступление войска 67-й армии. Наиболее успешно продолжали продвигаться части 136-й стрелковой дивизии, усиленные 61-й танковой бригадой. За день боев они продвинулись на 4—5 километров, вышли в район 1—1,5 километра западнее Рабочего поселка № 5.

Около 11.30 из района восточнее 2-го Городка начала упорные контратаки против ударной группировки 67-й армии вражеская 96-я пехотная дивизия. Ее поддерживали артиллерия и тяжелые танки.

Геройский подвиг совершил связист 270-го стрелкового полка коммунист Д. С. Молодцов. Он закрыл своим телом амбразуру вражеской огневой точки, преградившей путь третьему батальону полка.

В 16.14 из района 2-го Городка противник предпринял сильную контратаку против наступавших частей 268-й стрелковой дивизии. К НП полковника С. Н. Борщева прорвались вражеские танки и автоматчики. Отражая контратаку, отличился дивизион капитана Н. И. Родионова и другие подразделения дивизии, не позволившие врагу прорваться к переправам через Неву.

14 января

В ночь на 14 января из района Киришей в Рабочий поселок № 6 и южнее прибыла немецкая 61-я пехотная дивизия.

Ночью подразделения 73-й стрелковой бригады (полковник И. Н. Бураковский) 8-й армии заняли Тортолово.

Введена в бой 191-я стрелковая дивизия (полковник П. А. Потапов) 2-й ударной армии.

В сражение вступил второй эшелон 67-й армии. Днем на правом фланге 136-й дивизии были введены 123-я стрелковая дивизия (полковник А. П. Иванов) со 152-й танковой бригадой (полковник П. И. Пинчук) и на левом 123-я стрелковая бригада (подполковник Ф. Ф. Шишов). На усиление войск, атаковавших 1-й и 2-й Городки, были выдвинуты 13-я стрелковая дивизия (полковник В. П. Яку-

тович), 102-я (подполковник А. В. Батлук) и 142-я (полковник Н. А. Кощиенко) стрелковые бригады. В помощь частям, штурмовавшим Шлиссельбург, введена в бой 34-я лыжнострелковая бригада (подполковник Я. Ф. Потехин).

256-я стрелковая дивизия Волховского фронта овладела станцией Подгорная и завязала бои на подступах к Синявино.

К исходу дня расстояние между передовыми частями 67-й и 2-й ударной армий составляло 4 километра.

15 января

Командующему Ленинградским фронтом Л. А. Говорову присвоено звание генерал-полковника.

372-я стрелковая дивизия Волховского фронта завершила разгром гарнизона противника в Рабочем поселке № 8.

На левом фланге 2-й ударной армии вступила в борьбу 11-я стрелковая дивизия (полковник Е. И. Марченко).

Летчик лейтенант И. С. Пантелеев и воздушный стрелок старший сержант П. С. Сологубов повторили легендарный подвиг Гастелло. Во время штурмовки вражеской колонны автомашин, двигавшихся в район боев, их самолет был подбит и загорелся. Выпустив все бомбы и снаряды, летчики направили свой охваченный пламенем самолет в центр автоколонны.

Осуществив обходный маневр, 330-й полк 86-й стрелковой дивизии к 15 часам штурмом овладел горой Преображенской и железнодорожной станцией Шлиссельбург.

16 января

2-я ударная армия была усилена 239-й стрелковой дивизией (генерал-майор П. Н. Чернышев), переданной из резерва Волховского фронта.

В 12.00 части 86-й стрелковой дивизии ворвались на южную окраину Шлиссельбурга и завязали уличные бои.

Расстояние между передовыми частями 67-й и 2-й ударной армий к вечеру не превышало 1 километра.

Командование 18-й немецкой армии приказало дивизиям, стоявшим южнее Ленинграда, снять с неатакованных участков по батальону и немедленно направить их в район боев южнее Ладожского озера.

17 января

18-я стрелковая дивизия вплотную придвинулась к Рабочему поселку № 5.

Части 372-й стрелковой дивизии подошли к Рабочему поселку № 1 и узкоколейной железной дороге южнее поселка.

18 января

9.30. На восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретились первый батальон 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и первый батальон 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта.

10.00. Подразделения 34-й лыжной бригады, отбив несколько контратак противника, вышли к Старо-Ладожскому каналу, отрезав пути отхода из Шлиссельбурга вражескому гарнизону.

11.45. Северо-западнее Рабочего поселка № 5 соединились 269-й стрелковый полк 136-й стрелковой дивизии и 424-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии.

14.00. Солдат 330-го полка 86-й стрелковой дивизии М. Г. Губанов поднял над полуразрушенной колокольней в центре Шлиссельбурга красный флаг — флаг победы. Город был освобожден.

18.40. Государственный Комитет Обороны постановил прекратить сооружение свайно-ледовой железнодорожной линии через Ладожское озеро и направить все силы и средства на строительство новой железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляны и моста через Неву.

19 января

В соответствии с постановлением ГКО Военный совет Ленинградского фронта установил срок окончания строительства железнодорожной магистрали Шлиссельбург — Поляны — 8 февраля 1943 г.

Исполком Ленинградского Совета принял решение о подготовке плана первоочередных восстановительных работ по городскому хозяйству Ленинграда.

20 января

Народный комиссариат обороны преобразовал отличившиеся при прорыве блокады Ленинграда 136-ю стрелковую дивизию в 63-ю, а 327-ю в 64-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Началась прокладка временных железнодорожных путей на освобожденной от врага территории южнее Ладожского озера.

21 января

Военный совет Ленинградского фронта сократил срок прокладки железнодорожного пути Шлиссельбург—Поляны и предложил «добиться досрочного окончания строительства — желательно, не позднее 2—3 февраля».

22 января

Газета «Советская Сибирь» опубликовала письмо коллектива шахты «Зиминка» ко всем рабочим и служащим Кузбасса с призывом к шахтерам усилить помощь городу-герою, осуществившему прорыв блокады. «Вместе со словами сердечного привета, — говорилось в письме, — мы шлем славным защитникам Ленинграда первый эшелон угля, добытого нами в эти дни сверх государственного плана. Но это только начало. 24 января коллектив нашей шахты становится на фронтовую вахту сроком на одну неделю. Всю сверхплановую добычу угля за это время мы отправим ленинградцам».

23 января

Проложены ледовые пути от острова Зеленец к Шлиссельбургу, Рабочим поселкам № 1 и 2.

24 января

С 24 января по 1 февраля в Новосибирской области проводилась Неделя помощи Ленинграду. По инициативе членов сельхозартели «Новая жизнь» колхозники области собирали в эти дни продовольствие, труженики предприятий выпускали сверхплановую продукцию для Ленинградского фронта.

25 января

Опубликован приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, посвященный победам советских войск над фашистскими армиями. В приказе объявлялась благодарность командованию и войскам восьми фронтов, разгромивших вражеские армии под Сталинградом и Воронежем, на Дону и Северном Кавказе, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера. Приказ отметил боевые успехи войск Волховского и Ленинградского фронтов, прорвавших блокаду Ленинграда.

Вступила в строй железнодорожная станция Шлиссельбург на правом берегу Невы.

27 января

Совет народных комиссаров СССР принял решение об отгрузке Ленинграду сверх фондов более 77 тысяч тонн продовольствия.

Ленинградский горком партии обязал руководителей Финляндского отделения Октябрьской железной дороги подготовиться к открытию сквозного движения, уделив особое внимание участку Мельничный Ручей — Шлиссельбург. Среди паровозных команд развернулось соревнование за почетное право вести первый поезд из Ленинграда на Большую землю.

28 января

Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденами группа высшего командного состава Красной Армии, в том числе полководцы и военачальники, руководившие операцией по прорыву блокады: орденом Суворова I степени — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генерал армии К. А. Мерецков, генерал-полковник Л. А. Говоров; орденом Кутузова I степени — генерал-лейтенанты И. И. Федюнинский и В. З. Романовский, генерал-майор М. П. Духанов.

1 февраля

С 1 по 10 февраля в Красноярском крае проходила декада помощи Ленинграду. Инициаторы этого почина колхозники артели имени Калинина Минусинского района в своем обращении к трудящимся края писали: «По

открытой дороге в Ленинград нужно направить сплошной поток продовольствия, одежды, всего необходимого для самоотверженных защитников города Ленина».

2 февраля

Победоносно закончилась великая битва на Волге. Советская Армия нанесла немецко-фашистским войскам крупнейшее поражение.

2—3 февраля

Завершено строительство железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляны протяжением 33 километра и временного моста через Неву.

Первый пробный поезд в 18.00 прошел по мосту через Неву.

5 февраля

Утром со станции Волховстрой отправился первый прямой поезд в Ленинград. Он был украшен приветственными лозунгами и транспарантами. Вел паровоз машинист Иван Пироженко.

6 февраля

На станцию Шлиссельбург прибыли первые сквозные поезда: в 4.15 — из Жихарева с лесом, в 16.00 — из Волховстроя в Ленинград с продовольствием.

7 февраля

В 10.09 к перрону Финляндского вокзала подошел первый поезд с Большой земли.

На празднично украшенном вокзале состоялся митинг, который открыл председатель Ленгорисполкома П. С. Попков. После выступлений собравшиеся приняли обращение к воинам Ленинградского и Волховского фронтов: «И мы обещаем вам, дорогие товарищи, что по этим стальным путям, пробитым вашей отвагой, железнодорожники повезут грузы не только в Ленинград, но состав за составом двинутся из города на все участки фронта. Одним стремлением полны сердца ленинградцев — не щадя сил помогать вам в вашей борьбе, облегчить вам победу над врагом».

Ровно в полдень от перрона отошел первый поезд из Ленинграда на Большую землю. Его повела бригада коммуниста П. А. Федорова — победителя соревнования паровозников.

Открылось регулярное железнодорожное сообщение Ленинграда с Большой землей.

9 февраля

За боевые заслуги в боях по прорыву блокады Ленинграда 61-я отдельная танковая бригада приказом народного комиссара обороны преобразована в 30-ю гвардейскую отдельную танковую бригаду.

10 февраля

Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание «Герой Советского Союза» бойцам и командирам Ленинградского фронта, отличившимся в боях по прорыву блокады: старшему лейтенанту Г. А. Заике, сержанту И. А. Лапшову, старшине И. М. Макаренкову, красноармейцу Д. С. Молодцову, лейтенанту Д. И. Осатюку, подполковнику П. А. Пилютову, младшему сержанту Т. Е. Пирогову, майору Н. А. Свитенко, генерал-майору Симоняку и другим.

Орденом Красного Знамени награждены 122-я танковая бригада, участвовавшая в наступлении в составе Волховского фронта, и 270-й Ленинградский полк 136-й стрелковой дивизии.

Хронику составил кандидат исторических наук Ю. Н. Яблочкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОПЕРАЦИЯ „ИСКРА"

Составители:

СЕМЕН МОИСЕЕВИЧ БОЙЦОВ

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ БОРЩЕВ

Редакторы: И. М. ФРАНТИШЕВ, М. А. ШАГАЛИНА
Художник Ю. А. ПЕТРОВ Художник-редактор
О. И. МАСЛАКОВ. Технический редактор В. И. ДЕМЬЯНЕНКО. Корректор В. Д. ЧАЛЕНКО

Сдано в набор 30/III 1973 г. Подписано к печати 1/X 1973 г. М-16161.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 33,18+вкл. 1,68.
Уч.-изд. л. 33,86+вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 131. Цена 1 р. 39 к.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57.

Б—77 **Операция «Искра».** (Прорыв блокады Ленинграда. 1943 год). Сборник воспоминаний. Лениздат, 1973.

632 с. с илл.

На обороте тит. л. сост.: Бойцов С. М., Борщев С. Н.

В январе 1943 года в результате решительных и согласованных действий войск Ленинградского и Волховского фронтов, при содействии Краснознаменного Балтийского флота была прорвана блокада Ленинграда (кодовое название операции «Искра»). Сборник содержит воспоминания участников боев, а также очерки, документы, фотографии, письма, отражающие героизм воинов и трудящихся города, огромную поддержку всего советского народа осажденному Ленинграду.

$\frac{1122-136}{М\ 171(03)-73}$ 57—73 9 (с) 272

1р. 39к.

ОПЕРАЦИЯ „ИСКРА"